

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

2022. Том 67

Общественная ассоциация «Русь»
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русьны

2022. № 67

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинёв, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2022. Nr. 67

Association "Rus" (Chişinău, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Сергей Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Ответственный секретарь

Никита Глущенко

Томский государственный университет (Россия)

Богдан Боднарюк

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Анна Плишкова

Пряшевский университет (Словакия)

Зоя Резанова

Томский государственный университет (Россия)

Николай Руссев

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака (Молдова)

Игорь Силантьев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов

Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований
(США)

Михайло Чучко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Роман Шапка

(Канада)

Пётр Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михайло Фейса

Нови-Садский университет (Сербия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak

St. Petersburg State University (Russia)

Executive Editor

Nikita Glushchenko

Tomsk State University (Russia)

Bogdan Bodnaryuk

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Anna Plišková

University of Preshov (Slovakia)

Zoya Rezanova

Tomsk State University (Russia)

Nikolay Russev

Grigoriy Tsamblak Taraclia State University (Moldova)

Igor Silantev

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Veacheslav Sodal'

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Nicolai Telnov

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov

International Network Center for Fundamental and Applied Research (USA)

Mykhaylo Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Roman Shapka

(Canada)

Petr Shornikov

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhajlo Fejsa

University of Novy Sad (Serbia)

Editor's Address: str. Miorita, 1C, ap. 83, Chisinau, MD 2028, Moldova,

Tel.: (+373 22) 28-75-59. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Association "Rus", 2005-2022

СОДЕРЖАНИЕ

Страница редактора	9
--------------------------	---

ИСТОРИЯ

<i>Чореф М.М.</i> Монеты, приписываемые к чекану Савмака и Савлака, как пример диалога культур в Северном Причерноморье в понтийский период	13
<i>Юрасов М.К.</i> Русы и венгры на Нижнем Дунае в 943 г.	30
<i>Паскаль А.Д.</i> Книжные памятники «эпохи Стефана Великого»: фальсификации записей писцов и историографические заблуждения	47
<i>Пашин С.С.</i> Кутицкие и Васичинские в Галицкой земле XV в.: опыт изучения шляхетских родов русинского происхождения	66
<i>Владленова I.B., Годзь Н.Б.</i> Соціально-політичні погляди Станіслава Оріховського в контексті його самоідентифікації	84
<i>Эйльбарт Н.В.</i> Антисемитизм на землях Речи Посполитой в XVI–XVIII вв. и его отражение в старопольской литературе	103
<i>Смирнова И.Ю.</i> Реформа в управлении имениями восточных монастырей в Бессарабии (1873–1874 гг.): причины, задачи, следствия	113
<i>Суляк С.Г.</i> К.Я. Грот и Карпато-Дунайские земли	131
<i>Стогов Д.И.</i> Русинская проблематика в трудах русских консерваторов конца XIX – начала XX в.	174
<i>Медоваров М.В.</i> Русины Холмщины и Бессарабии в системе взглядов А.Ф. Филиппова на окраины Российской империи	188
<i>Ковалева Е.О.</i> Виталий (Максименко) и его деятельность по созданию Почаевского банка ...	206
<i>Чемакин А.А.</i> Выборы в Украинское Учредительное собрание (декабрь 1917 – январь 1918 г.): ход кампании, кандидатские списки и результаты голосования по округам ..	226
<i>Содоль В.А.</i> Церковное подполье в Молдавии в 1944–1964 гг.: возникновение, формы, участники	253

ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Микитин І.Я., Луцак С.М., Федорова О.А.*
Гуцульська «Весна народів» Каєтана Абгаровича: дискурс пограниччя як стану свідомості культури 269
- Гороф'янюк І.В., Прокопчук Л.В.*
Діалектна основа перекладу Михайла Атаманюка німецькомовного роману К.Е. Францоza «Боротьба за право» 289
- Янковська Ж.О., Набок М.М.*
Національна своєрідність потрактування образу землі в українських народних думках та творчості Василя Стефаника: психологічний аспект 304

АНТРОПОЛОГИЯ

- Одрехівський Р.В.*
Візантійські традиції дизайну пластичних мистецтв у збереженні національної ідентифікації лемків-русинів в Галичині (друга половина ХІХ – перша третина ХХ століття) 325
- Лановик З.Б., Лановик М.Б.*
Осмилення мультикультуралізму східноєвропейського простору у фольклорно-етнографічних працях Володимира Гнатюка про угорських русинів 342
- Новожилов А.Г.*
Сохранение языков коренных малочисленных народов в условиях глобализации (опыт Северо-Запада России) 361
- Симян Т.С.*
Мир гуцулов глазами Сергея Параджанова: семиотический перевод, киноязык, бытийные инварианты 375

БИБЛИОГРАФИЯ

- Лозовюк П., Шевченко К.В.*
История и культура древней Руси в современной чешской историографии. Těra M. Kyjevská Rus: dějiny, kultura, společnost. Červený Kostelec: Pavel Mervart, 2019. 721 s. 390
- Ганин А.В.*
The Russian Civil War, 1918–1921. An Operational-Strategic Sketch of the Red Army's Combat Operations. General editors: A.S. Bubnov, S.S. Kamenev, M.N. Tukhachevskii and R.P. Eideman. Further edited and translated by Richard W. Harrison. Philadelphia, Oxford: Casemate academic publishers. 2020. 564 p. 403

НЕКРОЛОГ

- Памяти Владислава Якимовича Гросула** 409

CONTENTS

Editorial	9
------------------------	----------

HISTORY

<i>Choref M.M.</i> Coins attributed to the Saumakos and Saulakos coinage as an example of the dialog of cultures in the Northern Black Sea region during the Pontic period ..	13
<i>Yurasov M.K.</i> The Rus and Hungarians on the Lower Danube in 943	30
<i>Pascal A.D.</i> Book monuments of “The Stephen the Great epoch”: falsification of scribes’ records and historiographic delusions	47
<i>Pashin S.S.</i> The Kutitskies and Vasichinskies in Galicia in the 15th century: on studying noble families of Rusinian origin	66
<i>Vladlenova, I.V., Hodz N.B.</i> Socio-political views of Stanislav Orekhovsky in the context of his self-identification	84
<i>Eilbart N.V.</i> Antisemitism in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 16th – 18th centuries and its reflection in old Polish literature	103
<i>Smirnova I.Yu.</i> The reforms in the management of eastern monastic estates in Bessarabia (1873–1874): causes, objectives, and impact	113
<i>Sulyak S.G. K.Y.</i> K.Ya. Grot and Carpatho-Danubian Lands	131
<i>Stogov D.I.</i> The Rusin agenda in the works of Russian Conservatives of the late 19th – early 20th century	175
<i>Medovarov M.V.</i> The Rusins of Chelm Land and Bessarabia in Aleksey Filippov’s views about the outskirts of the Russian Empire	188
<i>Kovaleva E.O.</i> Vitaliy (Maksimenko) and his efforts to create the Pochaiv Bank	206
<i>Chemakin A.A.</i> Elections to the Ukrainian Constituent Assembly (December 1917 – January 1918): campaign progress, lists of candidates, and voting results by districts	226
<i>Sodol V.A.</i> The church underground in Moldova in 1944–1964: emergence, shapes, participants	253

LITERATURE AND LITERARY THEORY

- Mykytyn I.Y., Lutsak S.M., Fedorova O.A.*
The Hutsul Springtime of Nations by Kajetan Abgarowicz: the discourse of the borderland as a state of culture awareness 269
- Gorofyanyuk I.V., Prokopchiuk L.V.*
The dialect basis of Mykhailo Atamanyuk's translation of the German-language *Ein Kampf um's Recht* by K.E. Franzos 289
- Yankovska Z.O., Nabok M.M.*
National originality of the land image in Ukrainian folk dumas and the works by Vasyl Stefanyk: a psychological aspect 304

ANTHROPOLOGY

- Odrekhivskyi R.W.*
Byzantine traditions of plastic arts design to preserve the national identity of the Lemko-Rusins in Galicia (the second half of the 19th – the first third of the 20th century) 325
- Lanovyk Z.B., Lanovyk M.B.*
Understanding the multiculturalism of Eastern Europe in the folklore and ethnographic works of Volodymyr Hnatiuk about the Ugrian Rusins 342
- Novozhilov A.G.*
Preserving the languages of indigenous minorities under globalization (a case study of the Russian North-West) 361
- Simyan T.S.*
The world of Hutsuls through the eyes of Sergei Parajanov: semiotic translation, film language, existential invariants..... 375

BIBLIOGRAPHY

- Lozoviuk P., Shevchenko K.V.*
The History and Culture of Ancient Rus in contemporary Czech historiography. Těra M. Kievan Rus: History, Culture, Society. Červený Kostelec: Pavel Mervart, 2019. 721 p. 390
- Ganin A.V.*
The Russian Civil War, 1918–1921. An Operational-Strategic Sketch of the Red Army's Combat Operations. Edited by A.S. Bubnov, S.S. Kamenev, M.N. Tukhachevsky and R.P. Eideman. Further edited and translated by Richard W. Harrison. Philadelphia, Oxford: Casemate academic publishers. 2020. 564 p. 403

OBITUARY

- In memory of V.Ya. Grosul** 409

DOI: 10.17223/18572685/67/1

Уважаемые члены редколлегии, авторы и читатели журнала!

11 ноября 2021 г. редакция международного исторического журнала «Русин» и Тараклийский государственный университет им. Гр. Цамблака провели в Тараклии (Республика Молдова) международную научно-практическую конференцию **«Межэтнические взаимодействия в этноконтактной зоне (Десятые чтения памяти И.А. Анцупова)»**. Соорганизатором мероприятия также выступил Томский государственный университет (Россия).

Эти «Чтения» стали юбилейными. К сожалению, не всё намеченное удалось осуществить из-за сложной эпидемиологической обстановки.

Несмотря на это, в работе «Десятых чтений памяти И.А. Анцупова» приняли участие исследователи из Молдавии, России, Украины, Сербии, Польши. Прозвучало 25 докладов.

Многие темы выступлений были связаны с историей Карпато-Днестровских земель. Они вызвали большой интерес у аудитории и активную дискуссию. В частности, А.Д. Паскаль (Российская государственная библиотека) рассказал о книжных памятниках эпохи Стефана Великого; Д.И. Стогов (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)) – о видении русинской проблематики русскими консерваторами конца XIX – начала XX в.; З.Б. Лановик и М.Б. Лановик (Тернопольский национальный педагогический университет им. В. Гнатюка) посвятили свой доклад фольклорно-этнографическим трудам В. Гнатюка об угорских русинах; Р.В. Одрехивский (Национальный лесотехнический университет Украины) – роли византийских традиций дизайна пластических искусств в сохранении национальной идентификации лемков-русин в Галичине; И.Я. Микитин, С.Н. Луцак и А.А. Фёдорова (Ивано-Франковский национальный медицинский университет) – литературоведческому исследованию «Весны народов» (1848–1849 гг.) на основе рассказа «У охотничьего костра» из сборника «Русины» польского писателя Каэтана Абгаровича (Абгара-Солтана); С.Г. Суляк (Санкт-Петербургский государственный университет) – работам К.Я. Грота о Карпатской Руси; А.А. Чемакин (Санкт-Петербургский государственный университет) привёл интересные сведения по выборам в украинское Учредительное собрание (декабрь 1917 – январь 1918 г.).

Ряд статей, написанных на основе прозвучавших докладов, размещены в этом номере журнала.

Напоминаем, что нами в 2022 г. совместно с Национальным исследовательским Томским государственным университетом (Россия) и Тараклийским государственным университетом (Молдова) запланировано проведение трёх конференций:

1. VIII Всероссийской научной конференции с международным участием **«Славянские языки в условиях современных вызовов»**. 16–17 мая 2022 г., Томск (сайт конференции: <http://conference.tsu.ru/slavlang>).

2. VI Всероссийской научной конференции с международным участием **«Славянский мир в условиях современных вызовов»**. 7 октября 2022 г., Томск (сайт конференции: <http://conference.tsu.ru/slavworld>).

3. Международной научно-практической конференции **«Межэтнические взаимодействия в этноконтактной зоне (Одиннадцатые чтения памяти И. А. Анцупова)»**. 27–28 октября 2022 г., Тараклия (сайт конференции: <http://conference.tsu.ru/antsupov>).

Подробная информация о сроках регистрации, предоставлении тезисов докладов и т. д. размещена в информационных письмах, выложенных на сайтах конференций.

Регистрация участников уже началась.

Формат проведения конференций (очный или онлайн) будет зависеть от ситуации с коронавирусной инфекцией и принятыми ограничительными мерами.

Для оперативного информирования членов редколлегии, авторов и читателей журнала и более действенной обратной связи мы открыли группы (сообщества) в Facebook, «ВКонтакте» и Telegram-канале:

www.facebook.com/groups/journalrusin

<https://vk.com/journalrusin>

<https://t.me/journalRusin>

Также мы создали группы (сообщества), посвящённые ежегодной международной научно-практической конференции «Межэтнические взаимодействия в этноконтактной зоне (Чтения памяти И. А. Анцупова)»:

www.facebook.com/groups/conference.antsupov

https://vk.com/conference_antsupov

https://t.me/conference_antsupov

С.Г. Суляк,
главный редактор

Dear members of the editorial board, authors and readers!

On November 11, 2021, in Taraclia (Republic of Moldova), G. Tsamblak Taraclia State University and The Rusin International Journal of History Editorial Board held the Jubilee International Conference **Inter-Ethnic Cooperation in the Area of Ethnic Contacts (The Tenth I.A. Antsupov Readings)**. The event was co-organized by the National Research Tomsk State University (Russia).

Although some objectives remained unrealised due to the challenging epidemiological situation, the Conference attracted researchers from Moldova, Russia, Ukraine, Serbia, and Poland (25 presentations in total).

Many presentations focused on the history of the Carpathian-Dniester lands, arousing great interest and active discussion among the audience. In particular, Alexander Pascal (Russian State Library) spoke about the book monuments of the Stephen the Great epoch; Dmitrii Stogov (St. Petersburg State Electrotechnical University) focused on the Russian Conservatives of the late 19th – early 20th centuries and their interpretation of the Rusin problems; Zoriana and Mariana Lanovyk (V. Hnatiuk Ternopil National Pedagogical University) discussed V. Hnatiuk's folklore and ethnographic works about the Ugrian Rusins; Roman Odrekhivskiy (Ukrainian National Forestry University) dwelt on the role of the Byzantine traditions of plastic arts design in the preservation of the national identity of Lemko-Rusins in Galicia; Iryna Mykytyn, Svitlana Lutsak and Oleksandra Fedorova (Ivano-Frankivsk National Medical University) presented a literary research of "Springtime of Nations" (1848–1849) based on the story "At the Hunting Campfire" from the collection *Rusins* by the Polish writer Kajetan Abgarowicz (Abgar-Soltan); Sergey Sulyak (St. Petersburg State University) analysed Konstantin Grotto's works about Carpathian Rus; Anton Chemakin (St. Petersburg State University) provided interesting information on the elections to the Ukrainian Constituent Assembly (December 1917 – January 1918).

Some of the articles based on the conference reports are published in this issue of Rusin.

In 2022, the Rusin Editorial Board is planning to hold three conferences together with the National Research Tomsk State University (Russia) and Taraclia State University (Moldova):

1. The Eighth All-Russian Conference with International Participation **"Slavic Languages: Responding to New Challenges"** (May 16–17, 2022, Tomsk). Conference website: <http://conference.tsu.ru/slavlant>

2. The Sixth All-Russian Conference with international participation **“Slavic World: Responding to New Challenges”** (October 7, 2022, Tomsk). Conference website: <http://conference.tsu.ru/slavworld>

3. International Conference **“Inter-Ethnic Cooperation in the Area of Ethnic Contacts (The 11th I.A. Antsupov Readings)”** (October 27–28, 2022, Taraclia). Conference website: <http://conference.tsu.ru/antsupov>

Detailed information about the deadlines for registration, submission of abstracts, etc. is available in the information letters posted on the conference websites.

Registration of participants has already begun.

The format of the conferences (face-to-face or online) will depend on the epidemic situation and the restrictive measures taken.

To promptly inform the members of the editorial board, authors, and readers of the journal and get a more effective feedback, we have launched public pages on Facebook, VKontakte and Telegram:

www.facebook.com/groups/journalrusin

<https://vk.com/journalrusin>

<https://t.me/journalRusin>

We also created public pages of Inter-Ethnic Cooperation in the Area of Ethnic Contacts (I.A. Antsupov Readings) conference:

www.facebook.com/groups/conference.antsupov

https://vk.com/conference_antsupov

https://t.me/conference_antsupov

Sergey G. Sulyak,
Chief Editor

УДК 94(395)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/67/2

Монеты, приписываемые к чекану Савмака и Савлака, как пример диалога культур в Северном Причерноморье в понтийский период

М.М. Чореф

Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
Россия, 603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23
E-mail: choref@yandex.ru

Авторское резюме

Наше внимание привлекли монеты, на аверсе которых оттиснута голова Гелиоса в профиль или анфас, а на реверсе размещены голова быка, цветок граната или крылатая молния, а также отчеканена легенда, в верхней строке которой читается «ΒΑΣΙ», «ΒΑΣΙΛ» или «ΒΑΣΙΛΕ», а в нижней – «ΣΑΥ». Несмотря на многовековое исследование, до сих пор нет единой точки зрения по вопросу их атрибуции. Дело в том, что они малого размера и веса и изготовлены из сплава, подверженного коррозии. Эти монеты относят к чекану скифа Савмака, упомянутому в херсонесском декрете в честь Диофанта, а также к эмиссии гипотетического царя Колхиды Савлака, о котором ничего более не известно.

Полагаем, что изучаемые монеты были отчеканены от имени Савмака. Мы попытались обосновать нашу точку зрения на иконографическом материале. Дело в том, что изображения, размещённые на лицевых и оборотных сторонах изучаемых монет, были знаковыми как для ираноязычных кочевников, так и для жителей эллинских полисов Северопричерноморского региона. Так, на их аверсе поместили изображения Гелиоса, в котором видели Митру–Гойтосира, чтимого не только в качестве общеиранского бога солнца и солнечного света, гаранта стабильности в кочевом мире, но и как одного из покровителей Митридатидов. Голова быка и цветок граната появились на монетах в знак уважения к элите Пантикапея и аристократии скифов-земледельцев, организовавших товарное производство продуктов сельского хозяйства, а также к жителям Фанагории. Полагаем, что крылатая молния являлась символом грозного бога грома и победы Веретрагны.

Как видим, монеты Савмака являются ярким примером диалога культур, наблю-

даемого в Северном Причерноморье и Таврике на рубеже II–I вв. до н.э., нашедшего своё отражение в религиозном и культурном сикретизме местных жителей, как эллинов, так и варваров.

Ключевые слова: история, археология, нумизматика, Боспор, Савмак, диалог культур.

Coins attributed to the Saumakos and Saulakos coinage as an example of the dialogue of cultures in the Northern Black Sea region during the Pontic period

M.M. Choref

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
23 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, 603950, Russia
E-mail: choref@yandex.ru

Abstract

Our attention was drawn to the coins, whose obverse had an impression of Helios's head in profile or en face, while the reverse depicted the head of a bull, a pomegranate flower or a winged lightning, with a minted legend, the top line of which reads "BAΣI", "BAΣIA", or "BAΣIAE", and the bottomline – "ΣAY". Despite centuries of research, the scholars still do not agree on their attribution. The fact is that the coins are small, light and made of an alloy prone to corrosion. The scholars attribute them to the coinage of the Scythian Saumakos, mentioned in the Chersonesus decree in honor of Diophantus, or to the emission of Saulakos, a hypothetical king of Colchis, of whom nothing else is known. We argue that the coins under study were minted on behalf of Saumakos and use the iconographic material to substantiate our point of view. The images on the obverse and reverse of the coins were significant both for the Iranian-speaking nomads and for the population of the Hellenic policies of the Northern Black Sea region. The images of Helios on the obverse were seen as Mithra–Goitósuros, revered not only as the pan-Iranian god of the sun and sunlight, the guarantor of stability in the nomadic world, but also as a patron of the Mithridatids. The head of a bull and a pomegranate flower appeared on the coins as a sign of respect for the elite of Panticapaeum and the aristocracy of Scythian farmers, who organized commercial agricultural production, as well as for the population of Phanagoria. We believe that the winged lightning was a symbol of Verethragna, the formidable god of thunder and victory. As is can be seen, the Saumakos coins are a vivid example of the dialogue

of cultures in the Northern Black Sea region and Taurica at the turn of 1st century BCE, which is reflected in the religious and cultural syncretism of local residents, both Hellenes and barbarians.

Keywords: history, archeology, numismatics, Bosphorus, Saumakos, dialogue of cultures.

Нас интересует проблема диалога культур в эпоху Античности, нашедшая своё отражение в памятниках нумизматики. Интерес к монетам в этом аспекте отнюдь не случаен. Ведь они служили не только средствами платежа, но и действенными орудиями пропаганды, предназначенными для информирования современников об идеологических новациях, а также о чаяниях правящих элит. И, в силу своей многочисленности, донести до нас исчерпывающую информацию о положении дел в выпустивших их государствах [1].

Не являются исключениями и нумизматические артефакты из Северного Причерноморья, что сделало их ценнейшим источником исторической информации. Причём есть все основания полагать, что новации в оформлении монет отражали все события не только в политической, но и культурной жизни региона.

Попытаемся проиллюстрировать этот тезис на примере немногочисленной, но весьма интересной и все ещё до конца не изученной в полной мере группы нумизматических артефактов, выпущенных в Северном Причерноморье в начале понтийского периода его истории.

Речь пойдёт о монетах с изображением Гелиоса в профиль и анфас на аверсе и с головой быка, цветком граната или с крылатой молнией на реверсе¹ (рис. 1). В настоящее время их принято классифицировать следующим образом:

Тип I

Л.с.: Голова Гелиоса в лучевой короне вправо.

О.с.: Голова быка вправо. Перед ней неясное изображение². Над головой животного различимо «ΒΑΣΙ», под ней читается «ΣΑΥΜ» (рис. 1, 1–6).

Есть основания для выделения двух подтипов этих монет. Для первого характерны частые лучи, расходящиеся от головы божества (рис. 1, 1, 2). На лицевой стороне выпусков второго выбивали голову Гелиоса с редкими лучами (рис. 1, 3–6). Для наглядности приводим реконструкции монет этих подтипов, предложенные А. фон Заллетом [44: 58] (рис. 1, 1) и П.О. Бурачковым [11: табл. XXV, 37] (рис. 1, 3).

Судя по публикациям³, монеты этого типа чеканили в биллоне или бронзе. Их вес от 1,04 до 1,65 г. Монеты хранятся в собраниях Берлинского музея (рис. 1, 1, 2) и ГИМ (рис. 1, 3–6) [8: 131, № 1; 36: 88].

Тип II

Л.с.: Голова Гелиоса в лучевой короне вправо.

О.с.: Цветок граната. Над ним читается «ΒΑΣΙΛΕ» (рис. 1, 7, 8). Под изображением различимо «ΣΑΥ» (рис. 1, 7–9).

Монеты этого типа (2 экз.) известны в серебре⁴. Их вес 0,98 и 1,7 г. Они хранятся в собраниях Берлинского музея (рис. 1, 7, 8) и Музея Вани (рис. 1, 9) [8: 131, № 2; 37: 92]. Для наглядности приводим реконструкцию монеты этого типа, предложенную Т. и Г. Дундуа (рис. 1, 8).

Тип III

Л.с.: Голова Гелиоса в лучевой короне анфас.

О.с.: Крылатая молния. Выше ее – «ΒΑΣΙ», ниже – «ΣΑΥ» (рис. 1, 10, 11).

Монеты этого типа чеканились из меди и, возможно, серебра⁵. Известные экземпляры весят 1,75 и 1,83 г. Они хранятся в собраниях Берлинского (рис. 1, 10) и Британского музеев (рис. 1, 11) [8: 131, № 3; 37: 95].

Все эти монеты малого размера и веса. Кроме того, их изготовили из материалов, подверженных коррозии. Так что сохранность большинства артефактов этой группы оставляет желать лучшего. Что крайне важно, т. к. легенда их реверса сохранилась фрагментарно. Точнее,

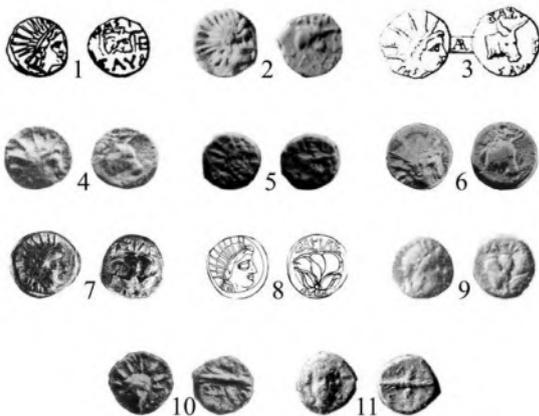

Рис. 1. Монеты, приписываемые к чекану Савмака и Савлака [11: табл. XXV, 37; 18: табл. I, 1, 2, 5; 26: табл. I, 1–3; 36: 89, 92, 95; 41: 58].

уверенно читаются только указание на титул правителя в формах: «ΒΑΣΙ» (см. рис. 1, 1–3, 5, 11), «ΒΑΣΙΛ» (рис. 1, 9) или «ΒΑΣΙΛΕ» (рис. 1, 7, 8). Ясно, что он был царём. Что же касается его имени, то на хо-

рошо сохранившихся экземплярах различимы только три первые его буквы – «ΣΑΥ». За ним следует символ, от которого сохранился только верхний уголок. Не ясно, «Λ» это или «Μ» (рис. 1).

Так что не стоит удивляться тому, что исследователи до сих пор не пришли к единому мнению относительно вопроса об атрибуции этих монет. Ряд ученых приписывают их к чекану скифа Савмака [3: 84, № 1286а-б-в; 4: 101–102; 8: 130–140; 11⁶: 220, № 13, табл. XXV, 37; 15: 585, табл. II, 43; 16: 2–23, рис. 2, 3; 19: 103; 20: 185, табл. XLII, 27–29; 45: 329–333], захватившему власть на Боспоре в 114/113 г. до н. э. [29: 135]. Он известен по херсонесскому декрету в честь Диофанта [25: № 8; 38: No. 352], которому удалось вернуть Боспор под эгиду понтийского государя. Действительно, Савмак мог организовать денежную эмиссию в период своего непродолжительного правления и задействовать монетные дворы Боспорского государства, способные выпустить художественно оформленные монеты [33: 78]. Однако столь же широко в научном мире распространена точка зрения, согласно которой их отчеканили с санкции неизвестного по письменным источникам колхидского государя Савлака [17: 69–81; 18: 199–203; 22: 203–204; 43: 150–153], царствовавшего в Колхиде во второй половине II в. или в третьей четверти I в. до н. э., одноименном государю, о котором писал Г. Плиний Секунд⁷ (Plin. NH., XXXIII, 52). И, действительно, паспортизированные находки этих артефактов происходят из района Сухуми [27: 6–8, табл. I, 1–3; 28: 13, № 1117].

Сразу же заметим, что не находим проблему атрибуции изучаемых монет умозрительной. Ведь ее разрешение позволит уточнить наши представления о ситуации в Северо-Восточном Причерноморье в конце II в. до н. э. А, точнее, основываясь на атрибуции монет на рис. 1, можно рассуждать о масштабе восстания Савмака или о царствовании колхидского государя Савлака, историчность которого обосновывается только на спорных трактовках памятников нумизматики.

Мы попытались внести вклад в разрешение этой проблемы [35]. Допустили, что дальнейшие дискуссии по вопросу о прочтении легенды реверса вряд ли являются перспективными. Полагаем, что необходимо расширить круг привлекаемых источников. Принимая точку зрения В.А. Анохина, уместно обратить внимание на нумизматические памятники того времени, происходящие из Колхиды [5: 194–215; 9: 216–237; 19: 55–102]. Добавим, что весьма важны и сведения, приведенные в античных исторических трудах. Тем более, что события, произошедшие во II–I вв. до н. э., не могли не оставить свой след в древних хрониках (App. Mithr., 103, 114, 117; Flor., III, XL, 27).

Действительно, в тот период времени правители Колхиды чеканили только реплики статерам Александра и Лисимаха из золотого сплава

различной пробы, причем оформленные в нарочито варварском стиле [5: 194–215; 9: 216–237; 19: 55–102]. Соглашаемся с мнением В.А.Анохина, что монеты с «ΣΑΥ» на реверсе не могут быть отнесены с учетом этого обстоятельства к колхидскому чекану. Что же касается возможности их выпуска от имени Савлака, якобы правившего в Колхиде, то сведения о нем в античных письменных источниках отсутствуют. Правда, как допустил В.А.Анохин, он мог наладить свою эмиссию в краткий момент безвластия: после оставления Колхиды Митридатом VI Евпатором (121–63 гг. до н. э.) и до утверждения в ней режима римского господства [8: 140]. Однако мы знаем достаточно много о кавказских династах, оказавших сопротивление Помпею во время его похода на Боспор. О них писали Аппиан Александрийский (App. Mithr., 103, 114, 117) и Л. Анней Флор (Flor., III, XL, 27). Но в их числе Савлак не упомянут. Зато известно, что в Колхиде тогда правили Олак и Ороз. Приходим к выводу, что привлёкшие наше внимание монеты были отчеканены на боспорских денежных дворах в период восстания Савмака.

Полагаем, что следует обратить внимание на следующее обстоятельство. На аверсе драхм Аристарха, правителя Колхиды, возвеличенного Гн. Помпеем Магном, выбита голова мужчины в лучевой короне [41: 83–95]. Но это портрет не новоявленного государя, ведь царём он не являлся, а его римского покровителя [37: 108–109]. И лучевая корона украшает его голову не как знак царской власти, а как дань религиозным традициям.

Но, ad rem. Обратим внимание на оформление монет. Попытаемся выявить причины, побудившие Савмака выпустить столь оригинально и разнообразно оформленные монеты.

Начнём с изображения Гелиоса на аверсе. В настоящее время принято считать, что на монетах изобразили божество, традиционно почитаемое в Колхиде [8: 138]. Этот довод подтверждает выводы тех ученых, которые вслед за К.В. Голенко [17: 69–81; 18: 199–203] готовы прочесть на изучаемых монетах имя Савлака. Но вряд ли его можно признать справедливым. Ведь солнечного бога в лучевой короне почитали в Северном Причерноморье и в Таврике.

Обратим внимание на фразу из «Географии» Страбона: «τιμῶσι δὲ καὶ Ἡλίον, ὃν καλοῦσι Μίθρην» (Strabo, XV, 3, 13) – «поклоняются Гелиосу, кого они называют Митрой». Речь шла о персах. Однако есть все основания считать Митру общеиранским богом солнца и солнечного света [23: 24–27, 30; 24: 94, 95, 98, 99]. Известно, что в Ахеменидском Иране его отождествляли с Аполлоном и Гелиосом [23: 62]. Причем скифы почитали его как Гойтосира. Имя этого божества – один из эпитетов Митры – «могучий пастбищами» [24: 88]. И что

самое интересное, его чтили как гаранта стабильности в кочевом мире [23: 27]. Так что активизация почитания Митры в периоды кризисов вполне объяснима.

Находим последнее обстоятельство крайне важным. Дело в том, что в Ольвии в конце III в. до н. э. были выпущены триоболы с головой Гелиоса анфас [2: № 446–448] и перечеканены тетрагалки 320–230 гг. до н. э. – на них наложены сочленённые контрамарки: изображение Гелиоса анфас и протомы коней с сокращением этникона⁸ «ОΛ» (рис. 2) [2: № 449; 7: 45; 31: 90, 128–131, № 820, 1427, 1453, 1457, 1475, табл. 50, 6, 75, 16, 77, 5, 78, 5]. В конце III – в начале II в. до н.э. в Ольвии контрамаркировали дидрахмы, драхмы и гемидрахмы. На них появились надчеканки: «голова Афины» и «голова Гелиоса» в профиль [2: № 452, 454, 455, 467; 7: 45; 31: 153–156, № 1871, 1873, 1874, 1881, 1885, 1891, 1892, 1901, табл. 87, 16, 88, 2, 3, 8]. В.А. Анохин объяснял появление этих обозначений активизацией контактов между торговыми элитами о. Родоса и Ольвии [7: 46]. Но вряд ли это побудило бы контрамаркировать разменные бронзы, обращавшиеся только в Ольвии и в её ближайшей округе. Мы же, в свою очередь, допустим, что надчеканивание монет изображением Гелиоса, которое, по справедливому мнению В.А. Анохина, не имело финансового смысла [7: 45], было проведено для умиротворения северопричерноморских варваров [12: 177–227], видевших в Гелиосе чтимого ими Митру–Гойтосира, который, как уже было сказано выше, был гарантом стабильности в кочевом мире [23: 27]. Этим же обстоятельством следует объяснять появление на ольвийских монетах контромарки – протомы коней (рис. 2). Так что у жителей региона не должно было возникнуть сомнений в том, что они используют монеты с изображением почитаемого варварами божества.

Считаем необходимым обратить внимание читателя и на следующий аспект. Изображения Гелиоса в профиль известны на дихалках Херсонеса, выпущенных в понтийский период [2: № 804; 32: 77, рис. 1, 2]. Ранее мы предположили, что имеем дело с фактом

Рис. 2. Тетрагалки Ольвии с надчеканками. На аверсе – голова Гелиоса анфас, на реверсе – две протомы коня и «ОΛ» [39].

распространения в регионе культа нового божества, ни ранее, ни позже не чтимого на столь высоком уровне [33: 77]. То же можно сказать и об уникальной драхме Горгииппии, на аверсе которой также выбита голова Гелиоса в профиль [2: № 1202; 33: 77, рис. 1, 1]. Эти монеты также могли отчеканить на заре понтийской эпохи [33: 77].

Полагаем, то изображение Гелиоса в профиль, в котором скифы видели Митру–Гойтосира, могло появиться также и как дань уважения Митридатам, чтившими его как одного из своих покровителей [30: 87–89]. Так что не стоит удивляться тому, что и на аверсе монет Савмака I и II типов отчеканена голова Гелиоса в профиль. Как мы уже заметили ранее, его появление на монетах Горгииппии, Херсонеса и вышеупомянутого государя может быть объяснено их стремлением оказаться в фарватере понтийской политики. При этом Савмак рассчитывал на то, что он станет царем Боспора, зависимым от Митридата VI Евпатора Диониса [33: 78].

Но, как помним, известны монеты этого государя, на аверсе которых выбита голова Гелиоса анфас. Полагаем, что их также оформили с учетом запросов варварского населения региона. Ведь не случайно это изображение присутствует на серебре и бронзе Ольвии III–II вв. до н. э. (см. рис. 2) [2: № 446–449; 7: 45; 31: 90, 128–131, № 820, 1427, 1453, 1457, 1475, табл. 50, 6, 75, 16, 77, 5, 78, 5]. Как видим, Савмак наилучшим образом учел потребности жителей Северопричерноморского региона, как эллинов, так и варваров.

Перейдём к изображениям на реверсе. Начнем с монет типа I. На их реверсе отчеканена голова быка вправо (см. рис. 1, 1–6). Причина её появления вполне ясна. Дело в том, что это изображение свойственно выпускам ранним Феодосии, Фанагории и Пантикапея. Но куда важнее то, что голова быка известна на аверсе тетрахапков 165–155 гг. до н. э., выпущенных в столице Боспорского государства [2: № 1070]. На реверсе этих монет оттиснуты колос и плуг, а также сокращение этника «ΓΑΝ». Как видим, голова быка считалась одной из аллегорий земледелия. Так что её появление на монетах Савмака может быть истолковано как дань уважения не только элите Пантикапея, но и аристократии скифов-земледельцев, организовавших товарное производство продуктов сельского хозяйства. Заключаем, что монеты Савмака с головой быка на реверсе были отчеканены в столице Боспорского государства.

Добавим также, что бык был одним из символов Митры. Не случайно изображение тавроктонии размещали в каждом митреуме. Полагаем, что это обстоятельство также было учтено при оформлении монет типа I.

Мы находим этот тезис весьма перспективным и плодотворным. Дело в том, что на реверсе монет Савмака типа II отчеканен цветок граната. А его в Боспорском государстве размещали только на монетах Фанагории. Причем последняя их серия, судя по низкопробности серебряного сплава, была отчеканена без поддержки понтийских властей [31: 533–534, рис. 2, 3, 4]. Полагаем, что магистраты Фанагории, поддержав Савмака, санкционировали размещение на реверсе монет знакового символа – цветка граната.

Но перейдём к монетам типа III. Как уже было сказано выше, на их реверсе отчеканена крылатая молния. Да, в ней есть основания видеть символ Зевса. Однако заметим, что молния впервые появилась на царских бронзах Левкона II (240–220 гг. до н. э.). Речь идет о его тетрахаалках, на аверсе которых выбита голова Афины [2: № 1268]. Но молния не являлась ее символом. Следовательно, она могла появиться на монетах Савмака как дань уважения к иной, неэллинской традиции.

Действительно, древние иранцы считали молнию символом грозного бога грома и победы Веретрагны. Они верили, что тот мечет стрелы молний, уничтожая врагов и даруя царю победу. А правителей, в свою очередь, они считали земными, победоносными воплощениями этого бога [23: 53]. Полагаем, что по той же причине молния могла появиться и на монетах Савмака. Ведь ему нужно было пропагандировать не только божественную поддержку, но и свои полководческие дарования. Вполне возможно, что монеты типа III чеканили на царском монетном дворе, обслуживавшем потребности находящейся в походе армии.

Итак, полагаем, что Савмак, захватив власть на Боспоре, организовал эмиссию своих денег со знаковой символикой, хорошо известной, ясной и чтимой жителями как боспорских полисов, так и варварскими народами Северного Причерноморья и Таврики. Причем было сделано все, чтобы сплотить население Боспора вокруг Савмака, который позиционировал себя как ставленник богов, готовых оказать ему действенную поддержку в борьбе с врагами, и, кроме того, как гарант стабильности в регионе. По этой причине на монетах появились не только изображения почитаемых варварами богов и их символы, но также и знаковые обозначения, характерные для полисных эмиссий⁹. Есть все основания полагать, что мы имеем дело с тщательной продуманной и безупречно проведенной в жизнь пропагандистской компанией. И, определенно, Савмак воспитывался при боспорском дворе.

Мы находим эти обстоятельства крайне важными. Дело в том, что в процессе обоснования этого тезиса мы изучили и т. н. монету Савла-

ка, найденную в 2006 г. близ Феодосии, на территории селища Куру Баш¹⁰ (рис. 3) и опубликованную А.В. Гавриловым и И.В. Шоновым [14: 31–33; 36: 253, рис. 255]. На её аверсе оттиснута голова Афины в коринфском шлеме вправо, а на реверсе выбита развёрнутая влево лежащая птица, голова которой обращена назад. Сверху и снизу она обрамлена надписью (ΒΑΣΙΛ(Ε) ΣΑΥΛΑΚΟΥ (рис. 3).

Как видим, монета оформлена не в стиле выпусков Савмака. Однако А.В. Гаврилов и И.В. Шонов настаивают на том, что все они были отчеканены одним государем. По их мнению, Савлаком.

У нас есть веские основания усомниться в подлинности этой монеты Савлака. Ведь надпись, размещённая на её реверсе, судя по стилистике, не могла быть оформлена в Колхиде в тот период. Обратим внимание на написание букв, особенно «К», «Л» и «У» (см. рис. 3). На драмах Аристарха они переданы куда аккуратнее [37: 108–109; 41: 83–95].

Рис. 3. Гипотетическая монета Савлака [8: рис. 1; 14: 31; 35: рис. 255].

Столь же неординарны и изображения на артефакте из Куру Баш. Трудно объяснить появление на его аверсе Афины. А развёрнутая влево лежащая птица, голова которой обращена

назад, как основной элемент оформления реверса, не характерна для выпусков Северного Причерноморья эллинистического периода [2]. Рассуждения В.А. Анохина о том, что она появилась на монете как дань характерному для Сванетии культу животных и птиц [8: 140], нельзя признать убедительными. Ведь, как помним, происходящие из Колхиды подражания статерам стилизованы до гротескности [5: 194–215; 9: 216–237; 19: 55–102]. Да и птиц почитали тогда не только в Сванетии. Полагаем, что речь должна идти об искусно состаренном фантазийном новоделе, изготовленном для обмана незадачливых коллекционеров¹¹.

Итак, в ходе исследования были выявлены и объяснены новации в оформлении монет Савмака, что позволило не только проследить на нумизматическом материале диалог культур в Северном Причерноморье на рубеже II–I вв., но и уточнить современные представления о политической истории региона в тот период. Как видим, что монеты Савмака являются ценнейшим источником исторической информации.

Список сокращений

АВ – Археологические вести (Санкт-Петербург); ВДИ – Вестник древней истории (Москва); МАИАСП – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья (Нижневартовск); МИА – Материалы и исследования по археологии СССР (Москва, Ленинград); НСб. – Нумизматический сборник (Москва); ZfN – Zeitschrift für Numismatik (Berlin).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Изображения монет на рис. 1 опубликованы А. фон Заллетом [44: 58], П.О. Бурачковым [11: табл. XXV, 37], А.В. Орешниковым [27: табл. I, 1–3], К.В. Голенко [18: табл. I, 1, 2, 5], а также Т. и Г. Дундуа [37: 89, 92, 95].

2. Вполне возможно, что это монограмма или тамга. К сожалению, разобрать это обозначение на известных нам экземплярах не представляется возможным.

3. По данным В.А. Анохина, «точный анализ» сплава, из которого были изготовлены монеты этой группы, не проводился [8: 133]. Так что сведения о материале, пошедшем на их производство, неточны, и, вполне возможно, будут уточнены в обозримом будущем.

4. Проба также не установлена [8: 133].

5. Эти данные приведены в публикациях [37: 95]. Хотя изучение состава сплава не проводилось [8: 133].

6. А.Л. Бертье-Далагард заметил, что на реверсе этой монеты «надписи не приметны» [10: 27].

7. Ограничимся приведением фрагмента текста Г. Плиния Секунда, в котором упомянут царь Колхиды Савлак: «...iam regnaverat in Colchis Saulaces Aetae suboles, qui terram virginem nactus plurimum auri argentique eruisse dicitur in Suanorum gente, et alioqui velleribus aureis incluto regno. et illius aureae camarae, argenteae trabes et columnae atque parastaticae narrantur vicate Sesostri, Aegypti regi tam superbo, ut prodatur annis quibusque sorte reges singulos e subiectis iungere ad currum solitus atque ita triumphare!» (Plin. NH., XXXIII, XV, 52) – «У колхов уже царствовал потомок Ээта Савлак, который, как говорят, получив нетронутую землю, добыл много золота и серебра у племени суанов и вообще в царстве, славном золотым руном. И рассказывают, что у него после поражения египетского царя Сесотриса были золотые потолки, серебряные стропила, колонны и пилястры». То есть этот государь являлся современником и противником некоего фараона Сесотриса. Очевидно, что речь идёт о собирательном образе правителя Египта, ведшего завоевательные войны. Подробнее о Сесотрисе

см.: [21]. Подчеркнём, что сведения о позднейшем Савлаке отсутствуют в античных источниках исторической информации.

8. Изображение этой монеты опубликовано в каталоге аукциона № 15 фирмы «Münzen & Medaillen GmbH» [42].

9. Подобная ситуация сложится на Боспоре после гибели Скрибония (21/20–17/16 гг. до н. э.) [34: 710–733].

10. По [8: рис. 1; 14: 31; 36: рис. 255].

11. Полагаем, что с учётом этого обстоятельства А.В. Гаврилов, публикуя в 2010 г. нумизматические материалы из селища Куру Баш, не счёл необходимым упомянуть привлёкшую наше внимание монету [13].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамзон М.Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М.: ИА РАН, 1995. 656 с.

2. *Анохин В.А.* Античные монеты Северного Причерноморья. Киев: Стилос, 2011. 326 с.

3. *Анохин В.А.* Дополнения к Каталогу «Античные монеты Северного Причерноморья» // Монеты Северного Причерноморья и царей Колхиды: сборник статей. Киев: Стилос, 2016. С. 58–92.

4. *Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского. Киев: Одигитрия, 1999. 249 с.

5. *Анохин В.А.* Кавказские подражания статерам Александра Великого // Монеты Северного Причерноморья и царей Колхиды: сборник статей. Киев: Стилос, 2016. С. 194–215.

6. *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 223 с.

7. *Анохин В.А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1989. 128 с.

8. *Анохин В.А.* Монеты Савмака и Савлака // Монеты Северного Причерноморья и царей Колхиды: Сборник статей. Киев: Стилос, 2016. С. 130–140.

9. *Анохин В.А.* Монеты царей Колхиды (подражания статерам лисимаховского типа) // Монеты Северного Причерноморья и царей Колхиды: сборник статей. Киев: Стилос, 2016. С. 216–237.

10. *Бертье-Делагард А.Л.* Поправки общего каталога монет П.О. Бурачкова. М.: О.О. Гербек, 1907. 46 с.

11. *Бурачков П.О.* Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней Южной России. Ч. I. Одесса: А. Шульце, 1884. 261 с.

12. *Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса VI–I вв. до н.э.: Историко-эпиграфическое исследование. М.: Наука, 1989. 288 с.

13. *Гаврилов А.В.* Нумизматический материал селища Куру Баш (лагерь) и некоторые вопросы истории Феодосии конца II–I вв. до н. э. // *Stratum plus*. 2010. № 6. С. 141–157.

14. *Гаврилов А.В., Шонов И.В.* Монета Савлака с укрепления Куру Баш близ Феодосии // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция, Санкт-Петербург, Гатчина 16–21 апреля 2007 г.: тезисы докладов и сообщений. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2007. С. 31–33.
15. *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л.: АН СССР, 1949. 624 с.
16. *Гайдукевич В.Ф.* Еще раз о восстании Савмака // ВДИ. 1962. № 1. С. 3–23.
17. *Голенко К.В.* Еще раз о монетах, приписываемых Савмаку // ВДИ. 1963. № 3. С. 69–81.
18. *Голенко К.В.* О монетах, приписываемых Савмаку // ВДИ. 1951. № 4. С. 199–203.
19. *Дундуа Г.Ф.* Нумизматика античной Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1987. 214 с.
20. *Зограф А.Н.* Античные монеты. М.; Л.: АН СССР, 1951. 313 с. (МИА. Вып. 16).
21. *Иванчик А.И.* Античная традиция о фараоне Сесострисе и его войне со скифами // ВДИ. 1999. № 4. С. 4–3.
22. *Капанадзе Д.Г.* Несколько добавочных замечаний по поводу статьи К.В. Голенко «О монетах, приписываемых Савмаку» // ВДИ. 1951. № 4. 203–204.
23. *Кузьмина Е.Е.* В стране Кавата и Афрасиаба. М.: Наука, 1977. 159 с.
24. *Кузьмина Е.Е.* Опыт интерпретации некоторых памятников скифского искусства // ВДИ. 1984. № 1. С. 93–108.
25. *Макаров И.* IOSPE3 III. Надписи Херсонеса и его окрестностей. URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/corpora/cheronesos/index-ru.html> (дата обращения: 25.08.2021).
26. *Немировский А.И., Дашкова М.Ф. (ред.)*. Луций Анней Флор – историк древнего Рима. Воронеж: Воронежский университет, 1977. 168 с.
27. *Орешников А.* Экскурсы в область древней нумизматики черноморского побережья. М.: Синадальная Типография, 1914 (НСБ. Т. III). 38 с.
28. *Пахомов Е.А.* Монетныеклады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку: АН АзССР, 1949. Вып. IV. 116 с.
29. *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М.: Наука, 1996. 348 с.
30. *Сапрыкин С.Ю.* Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. Москва; Тула: Гриф и К, 2009. 426 с.
31. *Фролова Н.А., Абрамзон М.Г.* Монеты Ольвии в собрании Государственного исторического музея. Каталог. М.: РОССПЭН, 2005. 360 с.
32. *Чореф М.М.* К вопросу о дешифровке монограмм на боспорских монетах эпохи Митридата VI Евпатора Диониса // МАИАСП. 2016. № 8. С. 523–562.
33. *Чореф М.М.* Монеты боспорского и херсонесского чекана с изображением Гелиоса на аверсе как источники исторической информации // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 5. С. 75–82.
34. *Чореф М.М.* Монеты Пантикапея и Фанагории третьей четверти I в. до н. э. как источник исторической информации // МАИАСП. 2020. № 12. С. 710–733. DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00023.
35. *Чореф М.М.* Савмак или Саулак: к вопросу об атрибуции монет с «ΣΑΥ» на реверсе // АВ. 2021 (в печати).

36. Шонов И.В. Монетная чеканка правителей Боспора VI–I вв. до н. э. Симферополь: ИП «АРИАЛ», 2019. 478 с.
37. Dundua T., Dundua G. Catalogue of Georgian Numismatics. Tbilisi: Meridian Publishers, 2018. 395 p.
38. Latyshev B. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Vol. I. Petropoli: Societatis Archaeologicae Imperii Russici, 1916. 594 p.
39. McGing B. (ed.). Appian Roman History. Vol. II. Cambridge: Harvard University Press, 1912. 500 p. (The Loeb Classical Library).
40. Page T.E. (ed.). The Geography of Strabo. Vol. VII. London: William Heinemann; New York: G.P. Putnam's Son, 1930. 410 p. (The Loeb Classical Library).
41. Pataridze M. Aristarchus, the Ruler of Colchis (Numismatic Research) // Pro Georgia. 2019. T. 29. P. 83–95.
42. SLG. J.-P. RIGHETTI, TEIL IV. SARMATIEN. OLBIA. URL: <https://www.acsearch.info/search.html?id=194212> (дата обращения: 01.07.2021).
43. Von Gutschmid A. Saulakes, König von Kolchis // ZfN. 1876. Bd. III. S. 150–153.
44. Von Sallet A. Zur griechischen Numismatik // ZfN. 1876. Bd. III. S. 47–60, 132–140, 240–252. Tf. II.
45. Weil R. König Saumakos // ZfN. 1881. Bd. VIII. S. 329–333.

REFERENCES

1. Abramzon, M.G. (1995) *Monety kak sredstvo propagandy ofitsial'noy politiki Rimskoy imperii* [Coins as a means of promoting the official policy of the Roman Empire]. Moscow: IA RAS.
2. Anokhin, V.A. (2011) *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ya* [Antique coins of the Northern Black Sea region]. Kiev: Stilos.
3. Anokhin, V.A. (2016a) *Monety Severnogo Prichernomor'ya i tsarey Kolkhidy* [Coins of the Northern Black Sea region and the kings of Colchis]. Kiev: Stilos. pp. 58–92.
4. Anokhin, V.A. (1999) *Istoriya Bospora Kimmeriyskogo* [History of the Cimmerian Bosphorus]. Kiev: Odigitriya.
5. Anokhin, V.A. (2016b) *Monety Severnogo Prichernomor'ya i tsarey Kolkhidy* [Coins of the Northern Black Sea region and the kings of Colchis]. Kiev: Stilos. pp. 194–215.
6. Anokhin, V.A. (1986) *Monetnoe delo Bospora* [Coinage of Bosphorus]. Kiev: Naukova dumka.
7. Anokhin, V.A. (1989) *Monety antichnykh gorodov Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya* [Coins of the ancient cities of the North-Western Black Sea region]. Kiev: Naukova dumka.
8. Anokhin, V.A. (2016c) *Monety Severnogo Prichernomor'ya i tsarey Kolkhidy* [Coins of the Northern Black Sea region and the kings of Colchis]. Kiev: Stilos. pp. 130–140.

9. Anokhin, V.A. (2016d) *Monety Severnogo Prichernomor'ya i tsarey Kolkhidy* [Coins of the Northern Black Sea region and the kings of Colchis]. Kiev: Stilos. pp. 216–237.

10. Berthier de la Garde, A.L. (1907) *Popravki obshchego kataloga monet P.O. Burachkova* [Amendments to P.O. Burachkov's General Catalog of Coins]. Moscow: O.O. Gerbek.

11. Burachkov, P.O. (1884) *Obshchiy katalog monet, prinaldlezhashchikh ellinskim koloniyam, sushchestvovavshim v drevnosti na severnom beregu Chernogo morya, v predelakh nyneshney Yuzhnoy Rossii* [General catalog of coins belonging to the Hellenic colonies that existed in antiquity on the northern coast of the Black Sea, within the limits of present-day Southern Russia]. Vol. I. Odessa: A. Shultse.

12. Vinogradov, Yu.G. (1989) *Politicheskaya istoriya Ol'viyskogo polisa VI–I vv. do n.e.: Istoriko-epigraficheskoe issledovanie* [Political history of the Olbia polis of the 6th – 1st centuries BCE: A historical and epigraphic research]. Moscow: Nauka.

13. Gavrilov, A.V. (2010) Numizmaticheskiy material selishcha Kuru Bash (lager') i nekotorye voprosy istorii Feodosii kontsa II–I vv. do n.e. [Numismatic material of the Kuru Bash settlement (camp) and some questions of the history of Feodosia in the late 2nd – 1st centuries BCE]. *Stratum plus*. 6. pp. 141–157.

14. Gavrilov, A.V. & Shonov, I.V. (2007) Moneta Savlaka s ukrepleniya Kuru Bash bliz Feodosii [A Saulakos coin from the Kuru Bash fortification near Feodosia]. *Pyatnadtsataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya* [Fifteenth All-Russian Numismatic Conference]. Proc. of the Conference. St. Peterburg, April 16–21, 2007. St. Peterburg: State Hermitage. pp. 31–33.

15. Gaydukevich, V.F. (1949) *Bosporskoe tsarstvo* [Bosporan Kingdom]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

16. Gaydukevich, V.F. (1962) Eshche raz o vosstanii Savmaka [The Saumakos uprising revised]. *Vestnik drevney istorii – Journal of Ancient History*. 1. pp. 3–23.

17. Golenko, K.V. (1963) Eshche raz o monetakh, pripisyvayemykh Savmaku [Once again about the coins attributed to Saumakos]. *Vestnik drevney istorii – Journal of Ancient History*. 3. pp. 69–81.

18. Golenko, K.V. (1951) O monetakh, pripisyvayemykh Savmaku [About coins attributed to Saumakos]. *Vestnik drevney istorii – Journal of Ancient History*. 4. pp. 199–203.

19. Dundua, G.F. (1987) *Numizmatika antichnoy Gruzii* [Numismatics of Ancient Georgia]. Tbilisi: Metsniyereba.

20. Zograf, A.N. (1951) *Antichnye monety* [Antique coins]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

21. Ivanchik, A.I. (1999) Antichnaya traditsiya o faraone Sesostrise i ego voyne so skifami [Ancient tradition about Pharaoh Sesostris and his war with the Scythians]. *Vestnik drevney istorii – Journal of Ancient History*. 4. pp. 4–3.

22. Kapanadze, D.G. (1951) Neskol'ko dobavochnykh zamechaniy po povodu stat'i K.V. Golenko "O monetakh, pripisyvayemykh Savmaku" [Some additional

remarks about K.V. Golenko's "On the coins attributed to Saumako"]. *Vestnik drevney istorii – Journal of Ancient History*. 4. pp. 203–204.

23. Kuzmina, E.E. (1977) *V strane Kavata i Afrasiaba* [In the land of Kavata and Afrasiab]. Moscow: Nauka.

24. Kuzmina, E.E. (1984) Opyt interpretatsii nekotorykh pamyatnikov skifskogo iskusstva [On the interpretation of some monuments of Scythian art]. *Vestnik drevney istorii – Journal of Ancient History*. 1. pp. 93–108.

25. Makarov, I. (n.d.) *IOSPE3 III. Inscriptions of Chersonesos and its environs*. [Online] Available from: <https://iospe.kcl.ac.uk/corpora/chersonesos/index-ru.html> (Accessed: 25th August 2021).

26. Nemirovskiy, A.I. & Dashkova, M.F. (eds) (1977) *Lutsiy Anney Flor – istorik drevnego Rima* [Lucius Anneus Florus – a historian of ancient Rome]. Voronezh: Voronezh State University.

27. Oreshnikov, A. (1914) *Ekskursy v oblast' drevney numizmatiki chernomorskogo poberezh'ya* [Insights into ancient numismatics of the Black Sea coast]. Moscow: Sinodal'naya Tipografiya.

28. Pakhomov, E.A. (1949) *Monetnye klady Azerbaydzhana i drugikh respublik, kraev i oblastey Kavkaza* [Coin treasures of Azerbaijan and other republics, territories, and regions of the Caucasus]. Vol. IV. Baku: AS AzSSR.

29. Saprykin, S.Yu. (1996) *Pontiyskoe tsarstvo. Gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [Kingdom of Pontus. The state of the Greeks and barbarians in the Black Sea region]. Moscow: Nauka.

30. Saprykin, S.Yu. (2009) *Religiya i kul'ty Ponta ellinisticheskogo i rimskogo vremeni* [Religion and Cults of Pontus of Hellenistic and Roman Times]. Moscow; Tula: Grif i K.

31. Frolova, N.A. & Abramzon, M.G. (2005) *Monety Ol'vii v sobranii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Katalog* [Olbia coins in the collection of the State Historical Museum. Catalogue]. Moscow: ROSSPEN.

32. Choref, M.M. (2016) On the question of deciphering the monograms on Bosphorus coins era of Mithridates VI Eupator Dionysus. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya – Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 8. pp. 523–562 (In Russian). DOI: 10.5281/zenodo.556180

33. Choref, M.M. (2018) Coins of the Bosphorus and Chersonesus coinage depicting Helios on the obverse as sources of historical information. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 5. pp. 75–82 (In Russian).

34. Choref, M.M. (2020) Monety Pantikapeya i Fanagorii tret'ey chetverti I v. do n.e. kak istochnik istoricheskoy informatsii [Coins of Panticapaeum and Phanagoria of the 3rd quarter of the 1st century BCE as a source of historical information]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya – Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 12. pp. 710–733 (In Russian). DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00023

35. Choref, M.M. (2021) Savmak ili Saulak: k voprosu ob atributsii monet s

“ΣΑΥ” na reverse [Saumakos or Saulakos: on attribution of coins with “ΣΑΥ” on the reverse]. *Arkheologicheskie vesti – Archaeological News*. (In print).

36. Shonov, I.V. (2019) *Monetnaya chekanka praviteley Bospora VI–I vv. do n.e.* [Coinage of the rulers of the Bosporus of the 6th – 1st centuries BCE]. Simferopol: ARIAL.

37. Dundua, T. & Dundua, G. (2018) *Catalogue of Georgian Numismatics*. Tbilisi: Meridian Publishers.

38. Latyshev, B. (1916) *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. Vol. I. Petropoli: Societatis Archaeologicae Imperii Russici.

39. McGing, B. (ed.) (1912) *Appian Roman History*. Vol. II. Cambridge: Harvard University Press.

40. Page, T.E. (ed.) (1930) *The Geography of Strabo*. Vol. VII. London: William Heinemann, New York: G.P. Putnam's Son.

41. Pataridze, M. (2019) Aristarchus, the Ruler of Colchis (Numismatic Research). *Pro Georgia*. 29. pp. 83–95.

42. SLG. J.-P. RIGHETTI, TEIL IV. SARMATIEN. OLBIA. [Online] Available from: <https://www.acsearch.info/search.html?id=194212> (Accessed: 1st July 2021).

43. von Gutschmid, A. (1876) Saulakes, König von Kolchis. *ZfN*. 3. pp. 150–153.

44. von Sallet, A. (1876) Zur griechischen Numismatik. *ZfN*. III. pp. 47–60, 132–140, 240–252. Tf. II.

45. Weil, R. (1881) König Saumakos. *ZfN*. VIII. pp. 329–333.

Чорев Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Россия).

Mikhail M. Choref – Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia).

E-mail: choref@yandex.ru

УДК 94(4)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/67/3

Русы и венгры на Нижнем Дунае в 943 г.

М.К. Юрасов

Институт российской истории РАН
Россия, 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

E-mail: mihail_yurasov@mail.ru

Авторское резюме

Русские летописи приводят разные даты второго похода Игоря на Византию. Исследователи придерживаются датировки Повести временных лет – 944 г., однако наиболее вероятной представляется 943 г., поскольку договору Игоря с греками предшествовали трудные, а значит долгие переговоры, результатом которых стало подписание соглашения Игоря с греками в 944 г. Ранее в том же 943 г. через Болгарию прошли венгры, добившиеся подтверждения договора об уплате им дани «империей ромеев». Сторонники датировки второго похода Игоря на греков 943 г. пытаются увязать его с военной акцией венгров, однако для этого нет серьёзных оснований. До 970 г. венгерские вожди не вступали в военные союзы с киевскими князьями, поскольку основным направлением их разбойных набегов было западное, а на Балканы их нашествия участились после сокрушительного поражения, понесённого ими в Германии в 955 г. Тем не менее венгры, отправляясь весной 943 г. в набег на Византию, знали о военных приготовлениях Игоря от проживавших в Закарпатье восточных славян, имевших тесные контакты с тиверцами, ставшими союзниками Игоря в его летнем походе 943 г. Для достижения своих целей венгры умело воспользовались известиями о том, что на Руси собрано более значительное войско для похода на Балканы, а Игорь – тем, что венгры до его прихода на Нижний Дунай уже посеяли страх в византийском обществе. Страх этот был связан с тем, что Болгария никак не препятствует прохождению по её территории «северных варваров».

Ключевые слова: набеги венгров на Византию, русско-византийские отношения при Игоре Старом; раннее русское летописание, хроника Георгия Амартола, восточные славяне Карпато-Дунайского бассейна.

The Rus and Hungarians on the Lower Danube in 943

M.K. Yurasov

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences

19 D. Ulianov Street, Moscow, 117292, Russia

E-mail: mihail_yurasov@mail.ru

Abstract

Russian chronicles give different dates of Igor's second campaign against Byzantium. Researchers adhere to the dating of *The Tale of Bygone Years* (Povest' vremennykh let) – 944; however, 943 seems to be the most possible, since Igor's contract with the Greeks was preceded by difficult, and therefore long negotiations, which resulted in Igor's agreement with the Greeks in 944. Earlier in 943, the Hungarians passed through Bulgaria, having confirmed the agreement on the tribute by the "empire of the Romans." Those who support that Igor's second campaign against the Greeks should be dated 943 try to link it with the military action of the Hungarians, having no serious grounds for this. Until 970, the Hungarian leaders did not enter into military alliances with the Kievan princes, since their robber raids were directed mainly to the west, while their invasions of the Balkans became more frequent after their defeat in Germany in 955. Nevertheless, setting off in a raid on Byzantium in the spring of 943, the Hungarians learnt about Igor's military preparations from the Eastern Slavs from Transcarpathia, who had close contacts with the Tivertsy, Igor's allies in his summer campaign of 943. To achieve their goals, the Hungarians skillfully took advantage of the news that a more significant army had been assembled in Russia to march to the Balkans. In his turn, Igor benefited from the fact that the Hungarians had already sown fear in Byzantine society before his arrival on the Lower Danube, saying that Bulgaria did not prevent "northern barbarians" from passing through its territory.

Keywords: Russian raids on Byzantium, Russian-Byzantine relations under Igor the Old, early Russian chronicle, chronicle of George Hamartolos, Eastern Slavs of the Carpathian-Danube basin.

Второй поход киевского князя Игоря (912/922–945) на греков, рассказ о котором помещён в «Повести временных лет» (ПВЛ) под 6452 (944) г., продолжает вызывать дискуссии исследователей по целому ряду связанных с ним вопросов. В своё время А.А. Шахматов даже заявлял о том, что его придумали древнерусские книжники, поскольку византийские и другие зарубежные источники хранят о нём молчание. В самом же описании этого похода видны явные заимствования из

рассказа о первом походе Игоря (941 г.) или из Жития Василия Нового, использованного летописцем при написании этого рассказа. Целью сочинения статьи о втором походе Игоря, по мнению А.А. Шахматова, было объяснить появление в ПВЛ под следующим (945) годом текста договора Игоря с греками [19: 72].

Это мнение А.А. Шахматова не было поддержано исследователями, но признание реальности рассматриваемого похода требует решения ряда проблем хронологического характера, связанных с нечёткими датировками годовых статей в различных списках ПВЛ. Поскольку в достоверности договора Игоря с Византией никто не сомневается, исследователи признают в качестве *terminus ante quem* его подписания 16 декабря 944 г., когда был свергнут с престола один из упомянутых в нём византийских императоров – Роман I Лакапин. Между тем в большинстве списков ПВЛ текст этого соглашения помещён под 6453 (945) г., причём в признаваемом летописеводами наиболее достоверном варианте Лаврентьевской летописи содержатся две статьи, датированные этим годом: во второй из них повествуется о восстании древлян против Игоря и троекратной мести Ольги за его убийство. В историографии закрепились традиции датировать договор Игоря с греками 944 г., а события, связанные с убийством Игоря, – 945 г.

Если при датировке первого из двух приведённых в ПВЛ 6453 г. летописец фактически следует ультрамартовскому стилю, а второго – мартовскому, то как быть с приведённой здесь же датой второго похода Игоря на греков? Он помещён под 6452 г., который соответствует по мартовскому стилю 944 г., а по ультрамартовскому – 943 г. При этом возможно также и использование господствовавшего в Византии сентябрьского стиля. Решить эту проблему только в рамках летописной хронологии (как научной дисциплины) не представляется возможным, поскольку в ПВЛ не просто нет единого хронологического стиля, но в древнейших, не дошедших до нас летописных памятниках, использованных создателями ПВЛ, хронология отсутствовала, а годовые даты были добавлены уже в саму «Несторову летопись»¹.

Далеко не во всех известных нам ранних исторических сочинениях с погодным изложением событий даты статей совпадают с теми, что содержатся в Лаврентьевской летописи. Если исключить «экзотическую» датировку рассматриваемого похода Игоря, содержащуюся в Новгородской Первой летописи (НПЛ), где сведения о нём помещены под 6430 (922) г. [9: 108], то самая ранняя дата этого события обнаруживается в Еллинском летописце второй редакции – 6450 (942) г. [3: 233], а Троицкая летопись помещает рассказ о нём под 6451 (943) г. [13: 73]. На это обратил внимание ещё Н.Я. Половой [12: 139], как и на то, что выявляемая в Еллинском летописце второй редакции и НПЛ

относительная хронология указывает на совершение Игорем второго похода на греков через два года после первого [3: 219; 9: 108]. Поскольку закончившееся сожжением русского флота нападение Игоря на Византию, на основании византийских источников, неоспоримо датируется 941 г., Н.Я. Половой считает, что попытка отмщения русов за эту военную неудачу имела место в 943, а не в 944 г. [12: 139–140].

Другим веским аргументом Н.Я. Полового является расчёт им времени, которое должно было понадобиться византийским и русским послам для того, чтобы не только согласовать содержание каждой статьи договора Игоря с греками, но и добиться точного соответствия текстов, написанных на греческом и русском языках. Согласно расчётам Н.Я. Полового, только на дорогу из Киева в Константинополь и обратно, которую послы прошли дважды (для полного согласования и одобрения текстов-противней договора), должно было уйти примерно восемь месяцев. Если же к этому прибавить, что Игорь не мог появиться на Нижнем Дунае раньше июня, и учесть опасности зимнего плавания и сухопутного путешествия из Киева в «Царьград», то, по мнению Н.Я. Полового, следует признать наиболее вероятным, что второй поход Игоря состоялся в 943 г., а мир русов с греками был подписан в 944 г. [12: 140–141], что соответствует датировкам Троицкой летописи [13: 73–74].

Этот сгоревший во время московского пожара 1812 г. летописный памятник был одним из главных источников при написании Н.М. Карамзиным первых томов его «Истории Государства Российского», поэтому под влиянием Троицкой летописи придворный историограф Александра I датировал второй поход Игоря на греков 943–944 г. [6: 113–114]. С.В. Цыб в своём труде, посвящённом хронологии ПВЛ, отметил, что до 6453 (945) г. датировки годовых статей целого ряда летописей, в том числе Троицкой, отстают на один год от датировок Лаврентьевской, а начиная с описания событий, приведших к убийству Игоря древлянами, – совпадают [18: 121]. Предположение Н.М. Карамзина не нашло поддержки у историков, писавших свои труды в XIX – первой половине XX в., чему в немалой степени способствовало признание Лаврентьевской летописи источником, где наиболее точно передан текст ПВЛ, а значит, верной её дату второго похода Игоря на греков – 944 г.

Сторонники более ранней датировки прихода Игоря на Нижний Дунай для отмщения грекам пытались найти новую аргументацию в тексте обнаруженной в 1950 г. Евгением Комшей в Добрудже (Румыния) у станции Мирча Вода надписи на камне, где полностью сохранились лишь датировка – 6451 г., упоминание жупана Дмитрия и слово «Гь·РьЦѣХъ», перед которым, по мнению Д.П. Богдана, стояло «СИ» [2:

93]. Трактовка первой из сохранившихся строк Добруджанской надписи разделила занимавшихся ей исследователей на две неравные части. Подавляющее их большинство, которое представляют, прежде всего, румынские и болгарские специалисты, сочли рассматриваемую надпись свидетельством о нашествии венгров на Византию, о котором пишет Продолжатель Георгия Амартола [4: 568]. Правда, среди них есть сторонники двух разных версий прочтения и перевода первой строки Добруджанской надписи: «СИ ГЬ РЬЦЪХЪ» («против греков») или «УНГЬРЬЦЪХЪ» («венгров»)².

Ряд советских историков относили рассматриваемую надпись к свидетельствам о втором походе Игоря на греков. Об этом писали Н.Я. Половой, обосновывая свою датировку данного похода 943 г. [12: 141–142], М.Н. Тихомиров [17: 170], Б.А. Рыбаков [15: 354–355]. Последний предложил такой вариант восстановления недостающей части Добруджанской надписи, от которой сохранились только нижние кончики каждой из букв: «ДАНЬ ВЪЗАЛЪ КНЗЪ НГОРЬ» («дань взял князь Игорь»), после чего, по мнению историка, следовало: «(НА) ГЬРЬЦЪХЪ» («с греков») [15: 356]. Ситуацию, в которой была выбита на камне памятная надпись, Б.А. Рыбаков пытается воссоздать следующим образом: «Оставляя такой монументальный эпиграфический след о благоприятном исходе незавершённого похода можно было только в том случае, если население той местности, где ставили камень, было подчинено или, по крайней мере, симпатизировало киевскому князю. Возможно, что в первой половине X в. так и было. Наличие болгарской администрации (жупан Димитрий) не исключает хороших взаимоотношений с Русью» [15: 356].

Поскольку камень с Добруджанской надписью позднее был использован при возведении крепостной стены, Б.А. Рыбаков привлекает и этот факт для обоснования своей гипотезы: «Во второй половине X в. отношения испортились. Переяславцы (жителя Переяславца-на-Дунае. – М.Ю.) враждовали со Святославом Киевским, а камень с надписью 943 г. был использован для фундамента крепостной стены. Но до 943 г. отношения «островитян» с Русью были благоприятны» [15: 356]. В данном случае Б.А. Рыбаков привязывает объяснение восстанавливаемого им текста Добруджанской надписи к своей концепции о нахождении на части Добруджи т. н. «Острова русов», о котором писали арабские географы раннего Средневековья и их последователи [15: 342–358].

Предлагаемая Б.А. Рыбаковым локализация «острова русов» не нашла своих сторонников, о ней даже не упоминают при перечислении точек зрения, высказывавшихся исследователями о месте нахождения загадочного острова [5]. Точно так же поступил и автор

новейшей обзорной статьи о Добруджанской надписи И. Албу, который не внёс рассматриваемую работу Б.А. Рыбакова в приведённую им библиографию важнейших исследований этого эпитафического памятника [21: 15–16]. К сожалению, цитированные рассуждения Б.А. Рыбакова представляются чисто умозрительными. Второй поход Игоря «на греков», разумеется, нельзя признать бесславленным, но и героическим его назвать тоже не получается: слишком легко досталось киевскому князю получение дани от византийцев, вместо отмщения за поражение и погибших в 941 г. Игорь сразу получил дань, но при этом не вступил даже на территорию Болгарии. Трудно представить себе, чтобы в связи с участием в такой военной кампании жупан Димитрий воздвиг камень с памятной надписью.

Остаётся признать, что обнаруженный в Мирча Воде эпитафический источник возник в связи с участием названного жупана в походе венгров на «империю ромеев» в 943 г. – военной операции, без сомнения, более славной, чем намечавшееся отмщение Игоря за неудачу двухлетней давности, поскольку венгры, судя по всему, вступили на территорию Византии. Безусловно, интерпретация Б.А. Рыбакова представляется слишком смелой и ничем не аргументированной. Она никак не повлияла на дальнейшее изучение текста Добруджанской надписи. Характерно, что автор новейшей обобщающей работы об этом эпитафическом памятнике в приложенной к ней библиографии не упомянул ни одной работы как советских, так и постсоветских исследователей (хотя русскоязычные работы в ней присутствуют), как бы подчеркнув то, что их интерпретации текста Добруджанской надписи не заслуживают серьёзного внимания [21: 15–16].

Заметный вклад в дискуссию о датировке времени второго похода Игоря на греков внёс Г.Г. Литаврин. Признавая весомость некоторых приведённых Н.Я. Половым аргументов, он категорически не согласился с расчётами, на основании которых признаётся невозможность заключения русско-византийского договора в том же году, когда Игоревое войско остановилось на Нижнем Дунае. По мнению Г.Г. Литаврина, русские послы могли отправиться в Константинополь не из Киева, как считает Н.Я. Половой, а прямо с того места, где было заключено перемирие между киевским князем и византийцами. Г.Г. Литаврин также утверждает, что путь между Киевом и Константинополем занимал «налегке» месяц, а то и меньше [7: 76]. О Добруджанской надписи Г.Г. Литаврин высказывается мимоходом, не оценивая её содержания [7: 77].

Скепсис Г.Г. Литаврина относительно обоснованности датировки второго похода Игоря на греков 943 г. способствовал окончательной

потере интереса к этой проблеме у исследователей на постсоветском пространстве в начале XXI в. В результате этого возобладала традиционная («проверенная») точка зрения, ориентирующаяся на даты годовых статей, приведённые в ПВЛ по Лаврентьевской летописи, что зафиксировано в новейшей энциклопедии «Древняя Русь в средневековом мире», вышедшей в 2014 г., где возможность датировки рассматриваемого события 943 г. даже не рассматривается [14]. Между тем полное игнорирование этой точки зрения вряд ли обосновано. Г.Г. Литаврин не опроверг все аргументы Н.Я. Полового, признав серьёзность многих из них, он лишь совершенно справедливо указал на преувеличенные подсчёты времени пути между Киевом и Константинополем у своего оппонента. При этом сам Г.Г. Литаврин, по моему мнению, привёл такие же крайностные расчёты, но в сторону уменьшения этого времени.

Речь ведь в данном случае идёт не о гонцах, которые действительно могли «налегке» преодолеть расстояние между двумя названными столицами менее чем за месяц, а об официальных посольствах, неспешность передвижения которых призвана была подчеркнуть их значимость. Но самое главное заключается в том, что русско-византийские переговоры перед заключением мирного соглашения 944 г. не могли быть лёгкими, а значит, короткими. Вряд ли русские и византийские послы и советники Игоря и Романа Лакапина стремились во что бы то ни стало успеть снять все накопившие между Русью и Византией противоречия и согласовать текст каждой статьи нового договора русов с греками до наступления поздней осени, когда неблагоприятная погода заметно осложняет сообщение между двумя враждовавшими государствами. Здесь речь шла, прежде всего, о сохранении престижа каждой из договаривавших сторон.

Игорь, получивший на Нижнем Дунае компенсацию за поражение от греков в 941 г., не мог не рассматривать это как проявление слабости «империи ромеев», и им (и его окружением) должно было руководить стремление закрепить достигнутый успех, добившись новых привилегий для русских в Византии помимо подтверждения обязательства об уплате греками дани. Правительство же Романа Лакапина исходило из того, что разорение Игорем византийского побережья Чёрного и Мраморного морей в 941 г. закончилось для русских сожжением их флота и бесславным бегством остатков Игорева войска. Что же касается второго похода киевского князя, то поражение византийцы от русов не потерпели, а откупаться от наседавших с разных сторон света «варваров» уже давно стало традицией для наследницы великой Римской державы. То, что рассматриваемые переговоры явно были непростыми, подтверждает, в том числе, и

дискуссия историков по поводу того, кому был более выгоден договор 944 г. – Руси или Византии³.

При этом Игорь и его войско, скорее всего, были уверены в том, что «империя ромеев» обессилена и унижена, а значит, можно добиться от неё новых прав и привилегий для русских послов и купцов, прибывающих в Византию. Василевс же и его окружение исходили из того, что «росы» в 941 г. потерпели сокрушительное поражение, а их второе нашествие было остановлено далеко за пределами Византийской империи. В Константинополе прекрасно понимали, что получение выкупа, как правило, способствует заметному ослаблению воинского духа противника. Последнее подтверждается летописным рассказом о том, как окружение посоветовало Игорю прекратить поход и удовольствоваться предложенной греками данью.

Можно согласиться с Г.Г. Литавриным в том, что русские послы могли отправиться в Константинополь сразу же после заключения перемирия между воюющими сторонами, с Нижнего Дуная. Однако трудно поверить в то, что в течение лета – начала осени одного и того же года они провели сложные переговоры в Константинополе, вернулись в Киев с византийскими послами, где продолжилась полемика по поводу содержания некоторых статей, потом одобренные обеими сторонами поправки к варианту соглашения, выработанного в Константинополе, должен был утвердить Роман Лакапин, после чего были составлены два текста-противня договора, за чем последовали его ратификации в столицах обоих мирящихся государств. В связи с этим датировка второго похода Игоря на греков, содержащаяся в ПВЛ по Лаврентьевской летописи – 944 г., представляется крайне маловероятной, а более реальной видится датировка Троицкой и ряда других летописей – 943 г., с которой согласуется информация НПЛ о том, что Игорь отправился мстить грекам через два года после сожжения ими русского флота.

В анализируемой работе Н.Я. Полового затрагивается и вопрос о скоординированности походов Игоря и венгров на Византию. «То обстоятельство, что эти события произошли в одном и том же 943 г., может говорить о многом. Известно, что для второго похода на греков Игорь искал союзников всюду, где их можно было найти. Ему удалось нанять печенегов и варягов. Вполне также вероятно, что Игорь отправил посольства с предложением идти на греков и к венграм, всегда готовым к этому, и к болгарам. Возможно, по мысли Игоря, русское войско должно было напасть на Константинополь со стороны моря, а венгры и болгары – с севера. <...> Не потому ли Игорь велел печенегам воевать именно против болгар, а не против какого-либо другого народа, что болгары отказались от участия в

этом походе? Нам известно, что Феофан очень удачно остановил поход венгров на Константинополь. Поэтому не кроется ли здесь стремление греков расколоть «северных варваров», склонить на свою сторону венгров и в случае, если бы русский князь продолжил поход на Константинополь, двинуть их против него? Русская летопись сообщает, что греки послали дары не только Игорю, но и печенегам. По-видимому, возможность перехода не только венгров, но и печенегов на сторону греков в 943 г. была вполне реальной» [12: 145]. В примечании к приведённой цитате Н.Я. Половой прибавляет: «В пользу мысли о связи между набегом венгров на Константинополь в 943 г. и вторым походом Игоря можно привести и тот установленный В.М. Истриным факт, что в Еллинском летописце второй редакции сказание о походах Игоря совпадает с повествованием Амартола о набеге угров» [12: 145, примеч. 47].

Приведённые в цитатах рассуждения Н.Я. Полового во многих своих аспектах остаются предположениями, не опирающимися на данные источников. С одной стороны, трудно поверить в то, что венгры, если они были союзниками Игоря, появились бы на Балканах как минимум на два месяца раньше русов и, взяв дань и оставив заложников, быстро ушли, не дожидаясь прихода собранного киевским князем войска, с которым они могли подвергнуть европейские владения Византии и союзной ей Болгарии страшному разорению. С другой стороны, территориально-политическое объединение, куда входили венгерские племена и примкнувшие к ним этнические группы, не было настолько консолидированным, чтобы вести войны с такими серьёзными противниками, как Игорь. Власть верховного вождя там была в середине X в. в значительной степени номинальной, а вожди отдельных племён, даже объединяясь в коалиции, были способны лишь на дерзкие набеги, пользуясь политической слабостью и раздробленностью соседних государств. Ни ПВЛ, ни хроника Продолжателя Георгия Амартола, ни Еллинский летописец второй редакции не свидетельствуют о наличии союза между русами и венграми в 943 г. О его возможности заявляют историки лишь на основании того, что в некоторых источниках походы венгров и Игоря помещены в одной годовой статье. Не помогают в решении рассматриваемой проблемы и средневековые венгерские исторические сочинения, поскольку в них отсутствуют какие-либо сведения о балканском походе мадьяр 943 г. Предельная краткость сообщения Продолжателя Георгия Амартола об этой военной операции в сочетании с конкретностью приведённой в ней информации не дали венгерским исследователям повода для дискуссий о его содержании. К сожалению, исчерпывающего ответа на вопрос о наличии союзнических отношений между русами и

венграми в 943 г. на основе данных дошедших до нас источников дать не получится.

Возвращаясь к Добруджанской надписи, следует отметить, что после её обнаружения естественным образом возникли две гипотезы, связанные с упомянутым в ней жупаном Димитрием: 1) он присоединился к проходившим через Добруджу венграм и вернулся на родину со своей долей взятого ими выкупа (дани) [2: 94]; 2) он намеревался дойти с Игорем до Царьграда и получил за это вознаграждение из дани, выплаченной «ромеями» киевскому князю [17: 170]. Поскольку сведения о венгерском нашествии выглядят более достоверными и не нуждаются в дополнительной аргументации для датировки их 943 г., первая из приведённых гипотез представляется более соответствующей реальности. К тому же венгры, судя по всему, были остановлены на территории Византии, войско Игоря – на дунайской границе Болгарии, следовательно, венгерский поход в большей степени заслуживал увековечения памяти о нём на камне.

Что же касается состояния русско-венгерских отношений в 943 г., то никаких свидетельств о существовании союза между двумя этими «варварскими» (с точки зрения Византии) народностями до времени правления Святослава Игоревича (начало 960-х – 972) до нас не дошло. Предпосылки для этого также не обнаруживаются. Освоение венграми и примкнувшими к ним этническими группами Среднего Подунавья сопровождалось их набегами на земли Южной и Центральной Европы, юго-восточное же направление для их разбойных нападений на три десятилетия было закрыто, поскольку почти вся территория Балканского полуострова постепенно попала под власть болгарского царя Симеона (893–927). С ним «вещий» Олег должен был согласовывать свой поход на Царьград, датируемый в ПВЛ 907 г. Лишь после смерти Симеона, во время заметного ослабления Болгарии при его сыне и преемнике Петре (927–969) венгры в 934 г. совершили первый набег на «империю ромеев», да и то их побудило к этому поражение, понесённое ими в 933 г. от немецкого короля Генриха I Птицелова (919–936) близ Мерзебурга. В 934 г. венгры в союзе с печенегами вторглись в Византию и заключили с василевсом девятилетний мир с условием уплаты греками дани, и уже в 935 г. они разоряют Бургундию, откуда удаляются с такими же целями в Северную Италию. Вплоть до апреля 943 г. венгерские отряды не появлялись на Балканах, а появившись, заставили патрикия Феофана по поручению Романа Лакапина продлить соглашение с мадьярами ещё на пять лет при условии продолжения уплаты им дани. Исходя из этого можно утверждать, что никакой необходимости в заключении союза с Игорем у венгерских вождей в то время не было.

Между землями, освоенными «людьми Арпада» в Карпатской котловине, и подчинявшейся Олегу и Игорю Русской землёй «в узком значении» (будущие Киевское, Черниговское и Переяславское княжества) [8: 28–46] находились области, населённые восточными славянами – предками современных русинов, которые проживали по обе стороны от линии Карпатских хребтов [20]. Это способствовало развитию торговых и экономических связей между днепровскими русами и венграми, но никак не союзнических, поскольку у них не было общих политических интересов. Как указывалось выше, межплеменное объединение, возглавлявшееся Арпадом и его преемниками, не было консолидированным. Верховные вожди племён, занимавших окраинные территории, признавали власть потомков Арпада чисто формально, что для раннего государства выглядит вполне закономерным.

С точки зрения темы настоящей работы представляет интерес приведённый в ПВЛ перечень этнических групп, отряды которых принимали участие во втором походе Игоря на греков. В нём названы варяги, русь, поляне, словене, кривичи, тиверцы и нанятые печенеги, и этот список представляется заслуживающим доверия. Для нас важно то, что здесь упомянуты тиверцы, ареал проживания которых охватывал междуречье Днестра и Прута, т. е. юго-западную окраину Русских земель. Вряд ли подлежит сомнению, что тиверцы имели тесные связи с родственными им закарпатскими группами восточного славянства, признававшими над собой власть наследников Арпада. Подготовка Игоря ко второму походу на греков и привлечение им тиверцев в качестве союзников не могли не стать известными венгерским вождям от проживавших на землях Карпатской котловины восточных славян.

Продолжатель Георгия Амартола датирует вторжение венгров на территорию Византии апрелем 943 г. [4: 568]. Как известно, весна в Среднем Подунавье наступает на один – два месяца раньше, чем в Среднем Поднепровье и в более северных областях Руси. В ПВЛ время, когда Игорь появился на Нижнем Дунае, не указано, но, как заметил ещё А.А. Куник, привлечение Игорем варягов заставляло киевского князя ждать вскрытия северных рек, по которым они прибыли в Киев, а значит, русское войско не могло появиться на Нижнем Дунае раньше июня [12: 140]. На основании информации Продолжателя Георгия Амартола можно сделать вывод о том, что посланный императором Романом Лакапином для замирения с венграми патрикий Феофан без промедления подтвердил соблюдение греками условий прежнего соглашения, заключённого после венгерского набега на Византию 934 г., и взял у венгров заложников [4: 568]. Такая уступчивость императора и его окружения могла быть вызвана, в том числе,

дошедшими до Константинополя известиями о собирании Игорем более значительного войска.

В связи с этим не исключено, что не имевшие конкретной договорённости между собой предводители русского и венгерского воинства умело использовали свои походы на Византию в 943 г. для нагнетания дополнительных страхов на жителей и правительство «империи ромеев»: венгры появились в середине весны и заставили патрикия Феофана действовать оперативно, чтобы отправить их на родину до прихода русов. Игорь же воспользовался тем, что жители европейских владений Византии были уже напуганы военной акцией венгров и слухами о том, что русское войско более многочисленное, чем венгерское. Обращает на себя внимание отсутствие каких-либо сведений о втором походе Игоря в византийских исторических сочинениях. Современник этих событий – Продолжатель Георгия Амартола счёл достойным упоминания в своей хронике сведений о нашествии венгров, но умолчал о походе Игоря. Это наталкивает на мысли о том, что венгры появились внезапно и уже на территории «империи ромеев», представляя непосредственную угрозу для Константинополя, в то время как русы были остановлены на северной границе Болгарии, и исходившая от них на дальнем расстоянии от византийских пределов опасность была устранена также достаточно оперативно.

Венгерский и русский походы на Византию сходны в том, что в обоих случаях «империя ромеев» избежала втягивания в боевые действия. Это дало основания А.Н. Сахарову считать, что оба рассматриваемых нашествия «северных варваров» ставили своей целью напомнить константинопольскому правительству о необходимости регулярной выплаты дани, служившей главным условием сохранения мирных отношений между ними и Византийской империей, которая должна была считаться с ними как с субъектами международного права. «Политическое признание вырвали у Византии по договорам 934 и 943 гг. угры. <...> В 943 г., в период нового нашествия угров на Византию, тот же Феофан вновь вёл с ними переговоры и заключил мирное соглашение: «...клятвы мирския створи с ними». Эти два договора, по-видимому, не равнозначны. <...> В 943 г. Феофан лишь восстановил с уграми «клятвы мирския», т. е. восстановил мирные отношения, прерванные войной. Основные же принципы этих отношений были определены в первоначальном договоре 934 г.» [16: 68]. Таким же «первоначальным» соглашением для русов был договор Олега с греками 911 г. Получилось так, что в один и тот же год два беспокойных северных соседа Византии (причём не имевшие с ней непосредственной границы) один за другим предъявили «империи ромеев» претензии ввиду её отказа соблюдать сложившуюся между

ними и Константинополем систему взаимоотношений, прежде всего, регулярно выплачивать им дань.

Н.Я. Половой в обосновании своей датировки второго похода Игоря на греков опирается также на свидетельства мусульманских авторов о набеге русов на Закавказье, совершённом в 332 г. х., т. е. между 4 сентября 943 г. и 23 августа 944 г. [12: 142–145]. По мнению Н.Я. Полового, после замирения с греками на Нижнем Дунае русское войско отправилось на восток, чтобы настроенные на совершение подвигов и получение богатой добычи воины могли обогатиться за счёт исповедовавших ислам жителей Закавказья [12: 146]. Как свидетельствует летописец, печенегов киевский князь направил после замирения с Византией разорять Болгарию [11: 23]. Казалось бы, начало 322 г. х. в сентябре 943 г. идеально вписывается в намеченную Н.Я. Половым хронологическую канву: Игорь появился на Дунае не раньше июня, для замирения с греками и принятия от них выкупа также потребовалось некоторое время, поэтому собранное Игорем войско отправилось в новый поход уже в конце лета, а в начале осени появилось в Закавказье, временно став хозяевами г. Бердаа на р. Куре.

В соответствии со своей концепцией Н.Я. Половой настаивает на том, что начало рассматриваемого похода совпадает с началом 322 г. х., т. е. датируется осенью 943 г. [12: 142]. Однако с этим категорически не согласны современные востоковеды, указывающие на то, что в повествовании Ибн Мискавайха, являющегося главным источником, описавшим события рассматриваемого похода, упоминается о смерти в Багдаде эмира Тузуна, случившейся в 945 г. [10: 101]. Это заставляет датировать начало похода русов на Бердаа концом 322 г. х., т. е. 944 г., а возвращение их остатков на родину – 945 г., т. е. уже 323 г. х. Скорее всего, эта военная акция была вызвана не замирением Игоря с Византией на Нижнем Дунае, а подписанием мирного договора Руси с греками и знаменовала собой не удовлетворение жажды подвигов оказавшегося не у дел войска, а подтверждение на деле военного союза, вновь заключенного между Русью и Византией в 944 г. На то, что походы руси на земли, населённые мусульманами, как правило, совершались в том же году или в следующем после заключения договоров киевских князей с греками, указывал ещё В.В. Бартольд [1: 831].

Внешнеполитические акции русов и венгров против Византии совершались независимо друг от друга вплоть до времени правления киевского князя Святослава Игоревича, сумевшего привлечь венгерскую военную помощь во время войны с василевсом Иоанном I Цимисхием (969–976), шедшей с 969 по 971 г. на территории Болгарии. После сокрушительного поражения, понесённого венграми в 955 г.

на Лехском поле от войска германского короля Оттона I (936–973), их разбойные нападения на западных соседей прекращаются, и они «переключаются» на разорение Балканского полуострова, пользуясь ослаблением Первого Болгарского царства. Как известно, в 967 г. византийский император Никифор II Фока (963–969) привлёк Святослава Игоревича в качестве союзника в войне с болгарами, но в 969 г. Святослав объявил войну Византии. Разгром Болгарии произошёл на фоне заметного укрепления «империи ромеев» при названных василевсах, поэтому Святославу пришлось создать антивизантийскую коалицию, куда вошли венгры, печенег и покорённые им болгары. Поэтому уверенно говорить об установлении политических отношений между Русью и Венгрией можно лишь с 969 г., а в 943 г. о них речь ещё не шла, чем и объясняется разновременность второго похода венгров и второго похода Игоря на греков в одном и том же году.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О проблемах, связанных с датировками походов Игоря на греков и его договора с Византией, см.: [18: 117–120].
2. Обзор мнений см.: [21: 13–15].
3. Обзор мнений см.: [16: 212–222].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бартольд В.В.* Арабские известия о руссах // Сочинения. Т. II, ч. 1. М.: Наука, 1963. С. 810–859.
2. *Дамьян П. Богдан.* Добруджанская надпись 943 года. Палеографический и лингвистический очерк // *Romanoslavica*. I. Bukureşti, 1958. С. 88–104.
3. *Истрин В.М.* Летописные повествования о походах русских князей на Царьград // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1917. Т. XXI, кн. 2. С. 215–236.
4. *Истрин В.М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. I: Текст, исследование и словарь. Петроград: Российская государственная академическая типография, 1920.
5. *Калинина Т.М.* Остров русов // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия / Под ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. С. 581.
6. *Карамзин Н.М.* История Государства Российского / Отв. ред. А.Н. Сахаров. Т. I. М.: Наука, 1989.
7. *Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария и Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб.: Алетейя, 2000.
8. *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерус-

ского государства. Историко-географическое исследование. М.: Изд-во АН СССР, 1951.

9. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Полное собрание русских летописей. Т. III / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова; отв. ред. М.Н. Тихомиров. М., 1950 [Репр.: М., 2000].

10. Новосельцев А.П. Русь и государства Кавказа и Азии // Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. С. 99–106.

11. Повесть временных лет / Подг. текста, пер., статьи и комм. Д.С. Лихачёва; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд. СПб.: Наука, 1996.

12. Половой Н.Я. О дате второго похода Игоря на греков и похода русских на Бердаа // Византийский временник. 1958. Т. XIV. С. 138–147.

13. Прищёлков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. 2-е изд. СПб.: Наука, 2002.

14. Родионов О.А. Поход Руси на Византию 944 г. // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия / Под ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. С. 647–648.

15. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. 2-е изд. М.: Наука, 1993.

16. Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. М.: Мысль, 1980.

17. Тихомиров М.Н. Исторические связи Руси со славянскими странами и Византией. М.: Наука, 1969.

18. Цыб С.В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». 2-е изд. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011.

19. Шахматов А.А. Повесть временных лет и её источники // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1940. С. 9–150.

20. Юрасов М.К. Складывание русско-венгерской границы в X–XI вв. // *Rossica Antiqua*. 2006. Исследования и материалы / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, А.В. Майоров. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006. С. 297–313.

21. *Albu I.* Hungarian or Greeks in the Inscription of Zupan Demetrius (943)? // Восточная Европа в Древности и Средневековье. Письменность как элемент государственной инфраструктуры. XXVIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2016. С. 12–16.

REFERENCES

1. Bartold, V.V. (1963) *Sochineniya* [Works]. Vol. 2(1). Moscow: Nauka. pp. 810–859.

2. Bogdan, D.P. (1958) *Dobruzhanskaya nadpis' 943 goda*. Paleograficheskiy i lingvisticheskiy ocherk [The Inscription from Dobrugea of the Year 943]. *Romanoslavica*. I. pp. 88–10.

3. Istrin, V.M. (1917) *Letopisnye povestvovaniya o pokhodakh russkikh knyazey na Tsar'grad* [Chronicle stories about the campaigns of Russian princes against Tsar'grad]. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk*. XXI(2). pp. 215–236.

4. Istrin, V.M. (1920) *Knigy vremennyya i obraznyya Georgiya Mnikha*. *Khronika*

Georgiya Amartola v drevnem slavyanorusskom perevode ["Knigy vremennyya i obraznyya"] by Georgy Mnikh. The Chronicle of George Hamartolos in ancient Slavic Russian translation]. Petrograd: Russian State Academic Printing House.

5. Kalinina, T.M. (2014) Ostrov rusov [Rus Island]. In: Melnikova, E.A. & Petrukhin, V.Ya. (eds) *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire. Entsiklopediya* [Old Rus in the Medieval World. Encyclopedia]. Moscow: Ladomir. p. 581.

6. Karamzin, N.M. (1989) *Istoriya Gosudarstva Rossiyskogo* [History of Russian State]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

7. Litavrin, G.G. (2000) *Vizantia, Bolgaria i Drevnyaya Rus' (IX – nachalo XII v.)* [Byzantium, Bulgaria and Old Rus (9th – early 12th century)]. St. Petersburg: Aleteya.

8. Nasonov, A.N. (1951) "Russkaya zemlya" i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva. *Istoriko-geograficheskoe issledovanie* [The "Russian land" and the formation of the territory of the Old Russian state. A historical and geographical research]. Moscow: USSR AS.

9. Nasonov, A.N. & Tikhomirov, M.N. (eds) (1950) Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [Novgorod First Chronicle of the Older and Younger Editions]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 3. Moscow: [s.n.].

10. Novoseltsev, A.P. (1968) Rus' i gosudarstva Kavkaza i Asii [Russia and the States of the Caucasus and Asia]. In: Pashuto, V.T. *Vneshnyaya politika Drevney Rusi* [Foreign policy of Old Rus]. Moscow: Nauka. pp. 99–106.

11. Adrianova-Peretts, V.P. (ed.) (1996) *Povest' vremennykh let* [The Tale of Bygone Years]. St. Petersburg: Nauka.

12. Polovoy, N.Ya. (1958) O date vtorogo pokhoda Igorya na grekov i pokhoda russkikh na Berdaa [About the date of Igor's second campaign against the Greeks and the Russian campaign against Berdaa]. *Vizaniyskiy vremennik*. 14. pp. 138–147.

13. Priselkov, M.D. (2002) *Troitskaya letopis', Rekonstruktsiya teksta* [The Trinity Chronicle. Text reconstruction]. St. Petersburg: Nauka.

14. Rodionov, O.A. (2014) Pokhod Rusi na Vizantiyu 944 g. [The campaign of Russia against Byzantium in 944]. In: Melnikova, E.A. & Petrukhin, V.Ya. (eds) *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire. Entsiklopediya* [Old Rus in the Medieval World. Encyclopedia]. Moscow: Ladomir. pp. 647–648.

15. Rybakov, B.A. (1993) *Kievskaya Rus' i russkie kn'azhestva XII–XIII vv.* [Kievan Rus and the Russian principalities of the 12th – 13th centuries]. Moscow: Nauka.

16. Sakharov, A.N. (1980) *Diplomatiya Drevney Rusi* [Diplomacy of Ancient Russia]. Moscow: Mysl'.

17. Tikhomirov, M.N. (1969) *Istoricheskie svyazy Rusi so slavyanskimi stranami i Vizantiyey* [Historical ties of Russia with Slavic countries and Byzantium]. Moscow: Nauka.

18. Tsyb, S.V. (2011) *Drevnerusskoe vremyaischislenie v "Povesti vremennykh let"* [The Old Russian time reckoning in "The Tale of Bygone Years"]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.

19. Shakhmatov, A.A. (1940) *Povest' vremennykh let i ee istochniki* [The Tale of Bygone Years and its sources]. In: Orlov, A.S. (ed.) *Trudy Otdela drevnerusskoy*

literature [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow; Leningrad. pp. 9–150.

20. Yurasov, M.K. (2006) Skladyvanie russko-vengerskoy granitsy v X–XI vv. [The formation of the Russian-Hungarian border in the 10th – 11th centuries]. In: Dvornichenko, A.Yu. & Mayorov, A.V. (eds) *Rossica Antiqua*. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 297–313.

21. Albu, I. (2016) Hungarian or Greeks in the Inscription of Zupan Demetrius (943)? In: Melnikova, E.A. (ed.) *Vostochnaya Europa v Drevnosti i Srednevekovye. Pismennost' kak element gosudarstvennoy infrastruktury* [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages. Writing as an element of state infrastructure]. Moscow: RAS. pp. 12–16.

Юрасов Михаил Константинович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Россия).

Mikhail K. Yurasov – Institute of Russian History, Academy of Sciences (Russia).

E-mail: mihail_yurasov@mail.ru

УДК 930.272 27

UDC

DOI: 10.17223/18572685/67/4

Книжные памятники «эпохи Стефана Великого»: фальсификации записей писцов и историографические заблуждения

А.Д. Паскаль

Российская государственная библиотека

Россия, 119019, Москва, ул. Воздвиженка, д. 3/5

E-mail: finvest3@gmail.com

Авторское резюме

Время правления воеводы Стефана Великого (1429–1504) справедливо считается временем не только усиления и укрепления Молдавского княжества, но и расцвета книжной культуры. Жертвуя на создание новых монастырей и церквей, Стефан Великий при этом осуществил в них и ряд вкладов – рукописных книг, великолепно оформленных и написанных каллиграфическими почерками. В историографии, преимущественно румынской, давно сложилось устойчивое представление о некоторых рукописных книгах, несомненно, созданных молдавскими писцами, но ошибочно датированных лишь на основании приводимых в них записей писцов и считающимися книжными памятниками эпохи Стефана Великого. Создатели подобных «выходных» записей руководствовались прежде всего чисто утилитарными целями – поднять продажную стоимость рукописей на антикварном рынке России. В докладе приведены четыре примера подобных фальсификаций: это пергаменный список Евангелия-тетр (Москва, ГИМ, собрание А.С. Уварова, № 91), список Поучений аввы Дорофея с дополнительными статьями (Москва, ГИМ, собрание П.И. Щукина, № 360), пергаменный список Апостола-апракос (Москва, ГИМ, Музейское собрание, № 3451), пергаменный список Евангелия-тетр 1491 г. (Москва, ГИМ, Музейское собрание, № 3442). Изучение *de visu* записей в указанных рукописях показывает даже своеобразную эволюцию мастерства фальсификации в них «выходных данных» – записей о создании книжных кодексов, якобы по повелению Стефана Великого во времена его воеводства. При этом обнаружилось, что поддельные записи писцов в двух рукописях – список Поучений аввы Дорофея с дополнительными статьями (Москва, ГИМ, собрание П.И. Щукина, № 360) и пергаменный список Апостола-апракос (Москва, ГИМ, Музейское собрание, № 3451) выполнены одним и тем же безымянным фальсификатором. Полученные результаты исследования позволяют скоррек-

тировать общепринятый в румынской историографии реестр рукописных книжных памятников эпохи Стефана Великого.

Ключевые слова: фальсификация, рукописные книги, Стефан Великий, историография.

Book monuments of “The Stephen the Great epoch”: falsification of scribes’ records and historiographic delusions

A.D. Pascal

Russian State Library

3/5 ul. Vozdvizhenka, Moscow, 119019, Russia

E-mail: finvest3@gmail.com

Abstract

The reign of Voivode Stephen the Great (1429–1504) is rightly considered the time of reinforcement of the Moldavian Principality as well as the time of book culture flourishing. Donating to new monasteries and churches, Stephen the Great also provided them with handwritten books, beautifully decorated and written in calligraphic handwriting. In historiography, mainly Romanian, there has long been a stable concept of some handwritten books, undoubtedly created by Moldavian scribes, but mistakenly dated only basing on their scribes’ records and considered book monuments of the Stephen the Great epoch. However, such records could be the result of later falsifications aimed at raising the cost of Moldavian-origin manuscripts without indicating the time and place of their creation. It had a completely utilitarian purpose – to increase their sales value on the Russian antique market. The report provides four examples of such falsifications: a parchment copy of the Gospel-tetras (Moscow, State Historical Museum, A.S. Uvarov’s collection, No. 91), a copy of the Teachings of Abba Dorotheus with additional articles (Moscow, State Historical Museum, P.I. Shchukin’s collection, No. 360), a parchment copy of the Aprakos Apostle (Moscow, State Historical Museum, Museum Collection, No. 3451), a parchment copy of the Gospel-tetras of 1491 (Moscow, State Historical Museum, Museum Collection, No. 3442). A de visu study of the records in these manuscripts shows a peculiar evolution in the skill of falsifying “imprint data” – the records of the book codes creation allegedly at the behest of Stephen the Great during his government. At the same time, it was discovered that the fake scribal records in two manuscripts – the copy of the Teachings of Abba Dorotheus with additional articles (Moscow, State Historical Museum, P.I. Shchukin’s collection, No. 360) and the parchment

copy of the Aprakos Apostle (Moscow, State Historical Museum, Museum Collection, No. 3451) – were made by the same unnamed forger. The obtained research results allow correcting the register of handwritten book monuments of the Stephen the Great epoch, generally accepted in Romanian historiography.

Keywords: falsification, handwritten books, Stephen the Great, historiography.

Время правления воеводы Стефана Великого (1429–1504) справедливо считается временем не только усиления и укрепления Молдавского княжества, но и расцвета книжной культуры [14: 52–79]. Жертвуя на создание новых монастырей и церквей, Стефан Великий осуществлял при этом и ряд вкладов в них – рукописных книг, великолепно оформленных и написанных каллиграфическими почерками. В историографии, преимущественно румынской, давно сложилось устойчивое представление о некоторых рукописных книгах, несомненно, созданных молдавским писцами, но ошибочно датированных лишь на основании приводимых в них записей писцов и считающимися книжными памятниками эпохи Стефана Великого.

Первый пример такого заблуждения, на который хотелось бы обратить внимание в данной статье, – это датировка пергаменного списка **Евангелия-тетр** (Москва, ГИМ, собрание А.С. Уварова, № 91). Рукопись давно известна в литературе, так как впервые её описал ещё в 1848 г. Павел Строев в составе собрания И.Н. Царского, датировав её XVI в., при этом археограф справедливо заметил о записях на л. 80 об. (рис. 1) и на л. 288 об. о написании книги по повелению Стефана Великого как его вклад на поминавание себя и его родителям в храм св. Георгия в молдавский монастырь Воронеж «...въ лето 6998...», что «Почерк обеих приписок небрежный XVIII века, как и с чего списано

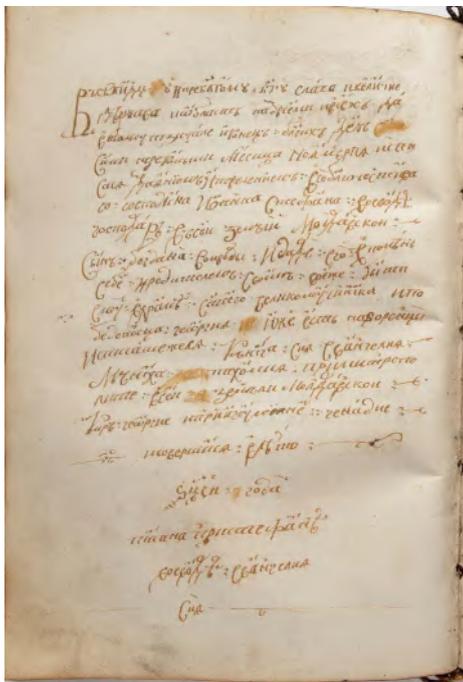

Рис. 1. Евангелие-тетр (Москва, ГИМ, собрание А.С. Уварова, № 91, л. 80 об.).

неизвестно; рукопись гораздо моложе означенного года» [20: 29].

Текст записи на л. 80 об. рукописи тоже воспроизвел в 1883 г. архимандрит Леонид, подготовивший описание собрания графа А.С. Уварова, в состав которого вошла приобретенная им коллекция рукописей И.Н. Царского. Архимандрит Леонид также отметил, что «та же надпись повторена на об. 288 листа. Обе надписи писаны небрежным почерком XVIII в. Кем и с чего они списаны, – неизвестно. Начало надписи (не кончена) тою же рукою на об. 3 стр. позволяет догадываться, что Евангелие это было принесено в Москву сборщиками» [17: 46–47].

Приведём здесь эти записи полностью, выполненные одним почерком, включая также не публиковавшуюся незавершённую запись летописно-погодного характера на л. 3 об.:

л. 3 об. Все благаго и преблагаго Б҃га нашего Хрїстоменїтого да воудеть б҃гоненавидимаго и славимаго и прѣдастнаго б҃годвижнаго того бысть: в славномъ граде в Москвѣ

л. 80 об. Вѣсѣвидцѹ и пребл҃гомѹ Б҃гѹ слава и величїе, дѣржава и власть над всеми и всехъ давшамоу по зачале и конецъ бл҃гихъ делъ є... (нрзв) нереконьши месеца ноамвриа исписаса даанїемъ и повелениемъ всебл҃гочестиваго господина Иоанна Стефана воеводѣ господарѣ вѣсеи земљи Молдавской сынѣ Богдана воеводы и даде его в помѣнѣ себе и родителемъ своимъ во еже быти емоу въ храмѣ ст҃го великомуучїника и победоносца Гевургия и... (затерто) иже есть на Воронцы исписаше же са кнїга сия евангелїа мнїха т... (затерто) Пахомїа при митрополите всеи (за – затерто) земли Молдавской кирѣ Гевургие и при игоумѣ (и – затерто) не Генадїе и совершїса в лѣто сїц҃н (6998)... (затерто) года писана при Стефанѣ воеводѣ евангелїа сия

л. 288 об. Вѣсѣвидцоу и преблагомоу Б҃гоу слава и величїа держава и область над всеми и всехъ давшомоу по зачалѣ (затерто) и конецъ бл҃гихъ делъ сими нереконьши месеца ноамвриа исписаса даанїемъ и повелѣнїемъ всебл҃гочестиваго господина Иоаннѣ Стефана воеводы господарѣ вѣ вѣби земљи Молдавской сынѣ Богдана воеводы и даде его в помень себе и родителемъ своимъ во еже быти емоу въ храмѣ ст҃аго великомуучїника и победоносца Гевургия иже есть на Воронцы и (его испса... – затерто) списа же са кнїга сия евангелїа мнїха Пахомїа при митрополите вѣби земљи Молдавской кирѣ Гевургие при игоумѣ Генадїе и совершїса въ лѣто сїц҃н

На наш взгляд, палеографические характеристики почерка записей безусловно говорят о том, что они были сделаны одной рукой в конце XVIII – начале XIX в.

Тем не менее датировку рукописи «1490 г.» приводит в 1942 г. известный румынский исследователь Эмиль Турдеану в своей работе [12: 438], повторив эту датировку в этом же году и в другой

рактерно для донаторских рукописей Стефана Великого, к написанию которых привлекались все же более профессиональные писцы.

Наконец, в рукописи присутствуют примеры исполнения заставок (л. 81, 220) золотом и киноварью (л. 289) двойным контуром – приём оформления украшений славяно-молдавских рукописей, более характерный для славяно-молдавских кодексов конца XVI – начала XVII в., и палеография почерка писца рукописи не противоречит

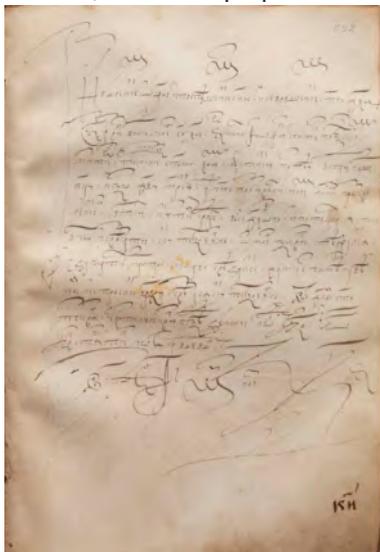

Рис. 2. Евангелие-тетр (Москва, ГИМ, собрание А.С. Уварова, № 91, л. 222).

этому времени.

Судя по составу последней, 35-й тетради кодекса, в которой изначально присутствовали, как и во всей рукописи в других тетрадах, восемь листов, последние два листа срезаны у корешка (это не подтверждает мнение Валентины Пелин о том, что рукопись полная [8: 275] и, видимо, на этих двух последних листах и была подлинная «выходная запись» писца.

Второй пример – это пергаменный список **Апостола-апракос** (Москва, ГИМ, Музейское собрание, № 3451).

Краткое описание этой рукописи появилось в каталоге, приуроченном к выставке, посвящённой 300-летию дома Романовых, на которой демонстрировались в качестве экспонатов также славянские рукописи из частных коллекций и собраний и в

котором эта рукописная книга была описана так: «№ 12. Апостоль, молдавского письма, писанный на пергамене въ 1463 гг., при воеводе Стефане Великом. Съ двумя большими цветными заставками, несколькими меньшего размера и большим количеством орнаментированных начальн. букв. Из собранія***» [15: 47]. Кроме того, в этом же каталоге фототипическим образом было воспроизведено черно-белое изображение л. 301 об. рукописи с записью писца в рамке, которое и стало основным источником информации о дате и месте написания этой книги для последующих, прежде всего, румынских исследователей.

Приведём эту запись (рис. 3): Бл҃гоизволеніе^м вѣща и постыженіе^м снѣ и съврзшеніе^м ст҃го д҃ха бл҃гоч^тивыи и хвѣлюбивыи г҃а нз Тѡ Стефа^н воевв^а бж҃іею мл^тію г҃п^арь земли Мл^вда^скои даде исписаса съ^н пражіюу монастырю своемуз Звнграфскомз до ст҃ен гвра Адвнскіи в лѣтѡ рсцѣдѡ.

Далее мы видим, что в историографии, посвящённой этой рукописи, снова повторяется знакомая нам уже история – датировка «1463 г.» начинает кочевать в библиографии из работы в работу [10: 372; 11: 49; 13: 107–108], хотя в коллективном труде российских палеографов эта рукопись датируется XVI в., при этом отмечено, что «на л. 301 об. в узорной рамке летопись, написанная в более позднее время (подложная)» [25: 305].

Тем не менее датировка «1463 г.» продолжает указываться в румынской историографии [3: 156; 6: 128; 8: 249–250], хотя в посмертно опубликованном каталоге рукописей России, Украины и Белоруссии Валентины Пелин отмечено, что запись написана намного позже, чем рукопись, но все же оставлена дата «1490 г.» [9: 52].

Заметим, что и в этой рукописи, так же, как и в предыдущей, присутствуют многочисленные примеры исполнения заставок (л. 88, 97, 112, 113 об., 114 об., 119 об., 302, 311) и инициалов (л. 88, 96, 97, 112, 113 об., 114 об., 119 об.) золотом двойным контуром – приём оформления украшений славяно-молдавских рукописей, характерный для славяно-молдавских кодексов конца XVI – начала XVII в., и палеография почерка писца рукописи не противоречит этому времени.

Кроме того, об истинном месте вклада этой рукописи говорит выделенный золотом текст на л. 305–306, содержащий антифоны на праздник Вознесения. Особое выделение писцом богослужебных текстов, посвящённых именно этому празднику, на наш взгляд, говорит о важности для него этого текста. Как известно, этому празднику посвящён главный храм Вознесения Господня в монастыре Нямц. Косвенно об этом же свидетельствует и поздняя владельческая запись XVIII в., выполненная чернилами скорописью на л. 321 об. («...вз се^м мона^стыре Нѣмцѣхъ...»).

В самой рукописи утрачен последний лист (8-й лист последней тетради, содержащий, как и предыдущие, по 8 листов), который, видимо, и содержал «выходные данные» этой книги, предназначенной,

Рис. 3. Апостол-апракос (Москва, ГИМ, Музейское собрание, № 3451, л. 301 об.).

заставка в рукописи Поучений аввы Дорофея первой половины XVI в. (ГИМ, Шук. 360), снабжённой на л. 152 об. подложной вкладной записью 1475 г.» [24: 144], а также «начальная часть кодекса (л. 1–152), содержащая Поучения аввы Дорофея, к которой и относится запись на л. 152 об., написана на бумаге с водяным знаком «топор в гербовом щите под короной», близким к № 1560–1563 в альбоме А. Мареша [7: 329] 1551–1556 г. Выходная запись на л. 152 об. выполнена «дрожащим» подражательным курсивом (кистью?), не имеющим ничего общего с почерками подлинных молдавских средневековых рукописей... В рамке, окружающей надпись, использовано «золото» очень бледного оттенка, не встречающегося в подлинных рукописях. Истинную дату заставки на л. 1 надёжно определяет её «киноварный» контур, сделанный теми же красными чернилами, что и владельческая запись 1879 г. на защитном листе» [24: 166–167]. Заметим также, что этим же почерком красными чернилами выполнены поддельные записи с именами якобы писцов обеих частей этой рукописи – «писал сіе Петръ» (л. 151 об.), «писалъ сіе Івань» (л. 294 об.).

К этому бесспорному мнению А.А. Турилова остаётся лишь добавить, что и другие филигранные листы рукописи, на которых находятся **Поучения аввы Дорофея** (л. 1–152), якобы переписанные в 1457 г. согласно поддельной записи писца, однозначно указывают совсем иное время создания этой части рукописного Сборника – конец

1550-х – начало 1560-х гг. («кабан» – (7: № 351–1557 г.; «трилистник в гербовом щите» – 7: № 1585–1557 г.; «медведь» – 7: № 477–1559 г.).

Очевидно, что последние две поддельные записи в рамках – в **Апостоле-апракос** (Москва, ГИМ, Музейское собрание, № 3451) и в **Поучениях аввы Дорофея с дополнительными статьями** (Москва, ГИМ, собрание П.И. Шукина, № 360) выполнены одним почерком, имеют одного автора по времени (около 1879 г.), и при этом мы видим своеобразную «эволюцию» этих двух подделок – в сторону большей «достоверности» для потенциального покупателя.

Имея совершенно одинаковый рисунок рамки с держащей её рукой, используя те же краски и чернила в оформлении и в почерке записи, во второй рукописи – **Поучениях аввы Дорофея с дополнительными статьями** (Москва, ГИМ, собрание П.И. Шукина, № 360) видим не только увеличение количества декоративных элементов оформления, но и включение в навершие рамки почти точной копией растительного отростка, действительно характерного для славяно-молдавских рукописей.

Кроме того, в текст второй записи внесены изменения – включены целые фрагменты фраз и оборотов записей писцов, характерные

Кто же мог быть автором этих поддельных записей? Определенно можно сказать, что это был человек, знакомый со славянскими рукописными книгами, в том числе и происходящими из средневековой Молдавии, несомненно, какой-то период времени владевший этими рукописями и не особенно волновавшийся как о точном соответствии своих поддельных записей палеографическому облику подобных подлинных записей реальных писцов, так и их содержанию.

Наиболее подходящими кандидатурами, как кажется, могли бы быть такие известные личности, как Антон Иванович Бардин и Александр Иванович Сулакадзев, прославившиеся своими подделками средневековых рукописей.

Однако А.М. Бардин вряд ли был автором наших поддельных записей, так как они по своей палеографии совсем не свойственны его манере и способам поделок рукописей и записей, о чем достаточно кратко и ёмко писал ещё П.И. Сперанский: «Ознакомившись по ряду изделий Бардина с его работой именно под этим углом зрения, мы убеждаемся, что «палеографические» навыки, характерные для его воспроизведений, в общем следует признать соответствующими действительным особенностям старой письменности, притом преимущественно раннего ее периода» [22: 52]. Убедиться в этом можно также, сравнив палеографические особенности поддельных записей и рукописей, выполненных А.И. Бардиным: «Таблица I. Сравнительное начертание букв в рукопи-

Рис. 6. Евангелие-тетр 1492 г. (Москва, ГИМ, Музейское собрание, № 3641, л. 278 об.).

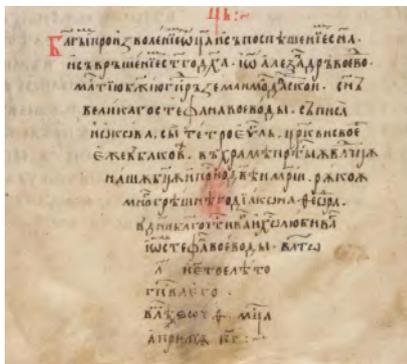

Рис. 7. Евангелие-тетр 1491 г. (Москва, ГИМ, Музейское собрание, № 3442, л. 305 об.).

Приведем для наглядности тексты всех четырех записей:

<p>Евангелия-тетр 1491 г. (Москва, ГИМ, Музейское собрание, № 3442, л. 305 об.)</p>	<p>Евангелие-тетр 1492 г. (ГИМ, Музейское собрание, № 3641, л. 278 об.)</p>	<p>Апостол-апракос (Москва, ГИМ, Музейское собрание, № 3451, л. 301 об.)</p>	<p>Поучениях аввы Дорофея с дополнительными статьями (Москва, ГИМ, собрание П.И. Шукина, № 360, л. 152 об.)</p>
<p>Бл҃гы^м произволеніе^м вѣца и сѣпоспѣшеніе^м сн҃д и сѣврзшеніе^м ст҃го д҃ха Тѡв Алеѣд^а дръ воево^а мл^тію вжїю г^пръ земли Мо^ада^ескои сн҃з великаго Стефана Богдана воеводы сѣписа и викова сн҃и^и тетроев^ль цркви своеи еже в^ь Бакоевѣ вѣ храмѣ прѣтыж вл^ачѣж нашж вѣцѣ и прѣнодѣвѣ Мрїи ржкож мног^рѣшнѣго дѣаквна Дев^ара в^ь днѣи благоу^чтивд^а и Х^влюбивд^а Іу^а Стефа^а воеводы (в^лтѡ)^а ѿ и ѣ^тое лѣто г^пва его в лѣт (ѣсѡѣ)д мсца апри(ліа) кр</p>	<p>Бл҃гы^м произволеніе^м вѣца и сѣпоспѣшеніе^м сн҃д и сѣврзшеніе^м ст҃го д҃ха на ч^а и написаса и п^везаса и сѣвр^зшиса сзи тетроев^ль повелѣнїе^м бл҃гоу^чтивд^а и Х^влюбивд^а Іуанна Стефана воеводы г^пръ земли Мо^ада^еско^у сн҃б Богдана ввеводы и даде оу стѡи горѣ д҃ Изд҃графд^а иде^ж е^т храм^у ст҃го великом^ника и повѣдонвца Геѡргїа за свое^м д҃ши и за стѡпоу^чши^х родителїи его в^ь тридесате и ѣ^те лѣто г^пва его и потрѣж^нїеми мнѡг^рѣшнѣм^ь лїаквна Дев^ара и написаса в^ь мнѡнастири Нѣме^чкѡ^м в^ь лѣт^ѣ ѣз^ѣ мѣца юнїа кѣс днѣ</p>	<p>Бл҃гоизволеніе^м вѣца и поспѣшеніе^м сн҃д и сѣврзшеніе^м ст҃го д҃ха бл҃гоу^чтивыи и Х^влюбивыи г^чнз Тѡв Стефа^а воевд^а бжїю мл^тію г^пръ земли Мо^ада^ескои даде исписаса сѣм^ь пражїюу монастирю своем^ѣ Зѡграфскоем^ѣ до стѣи гѡра Адѡнскїи в^ь лѣтѡ ѣсѣѡа</p>	<p>Бл҃гоизволеніе^м вѣца и поспѣшеніе^м сн҃д и сѣврзшеніе^м ст҃го д҃ха бл҃гоу^чтивыи Х^влюбивыи г^чнз Тѡв Стефа^а воевд^а бжїю мл^тію г^пръ земли Мо^адавскои еже в^ь бж^твным желанїе^м раждеса и Х^вв^с с^ловѣ^с р^ачителнї^с сн҃и потѣцате^лно на ч^а сн҃и^и книга рекомїи авѡа Дорѡдеи манастїрю своем^ѣ Зѡграфскоем^ѣ оу стѣи гѡра Адѡна идеже е^т храм^у стѣи Геѡргїи и даде е^т за свое здравїе и спѣнїе в^ь лѣтѡ ѣсѣп^т е</p>

сях А.И. Бардина. Составлена М.Н. Сперанским» [22] с поддельными записями в указанных выше рукописях.

На наш взгляд, это мог быть, скорее всего, А.И. Сулакадзев, который, по словам того же П.И. Сперанского, «составлял свои собрания в то время, когда коллекционерство, особенно в области древней и старой русской письменности, было в полном разгаре, когда составлялись

собрания Румянцева, Ф. Толстого, Мусина-Пушкина, Баузе, Царского, Строева и мн. др., снаряжались «археографические экспедиции» и в продаже, в связи с этим, появлялось много неизвестного подлинного старинного материала, то и в собрание Сулакадзева попадали иногда ценные и подлинные рукописи. Об этом свидетельствуют не только каталоги его собрания, но и доступные нам теперь отдельные экземпляры, идущие из его собрания. Но, вместе с тем, он пошёл по пути фальсификации подлинных рукописей. Постепенно от вымышленных «приписей» он дошёл до сплошных подлогов...» [22: 66].

Его «подделки, обращают на себя внимание ещё одной своей стороной. В них видно явное, настойчивое стремление Сулакадзева снабжать свои рукописи и «открытые» им факты, по возможности, точной датировкой – годами (конечно, отдалёнными), доказывающее его одностороннее представление о хронологии. Он, конечно, знал, что датированный документ ценнее недатированного или датируемого приблизительно. Поэтому, чтобы поднять цену своих сокровищ, он дает почти всем своим рукописям точные годы, гораздо реже ограничиваясь указанием на век, причем не всегда различает время создания самого памятника и время составления рукописи, в которой он обнаружил этот памятник, предпочитая соединить то и другое, считая рукопись оригиналом или современным списком памятника» [22: 64].

Мнение Сперанского о знании и «мастерстве» письма А.И. Сулакадзева вполне однозначно: «Что же касается внешнего облика этих «приписей», то они прямо бросаются в глаза элементарностью подделки, даже, пожалуй, наивностью: видимо, этой стороне своих изделий сам Сулакадзев значения почти не придавал. Если Бардин был мастером (по мнению современников) подражать почеркам старых рукописей, будучи с ними знаком практически, как торговец-антиквар, то Сулакадзев, несмотря на то что, как увидим ниже, он очень интересовался письмом и особенно начертаниями букв, никоим образом не может быть назван мастером, даже в «бардинском» смысле... Самого поверхностного взгляда человека, мало-мальски знакомого с рукописями, было достаточно, чтобы убедиться в неискусстве подделок

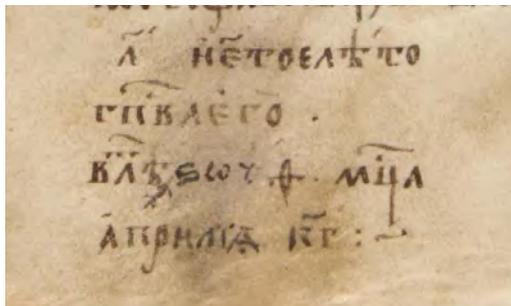

Рис. 8. Евангелие-тетр 1491 г. (Москва, ГИМ, Музейское собрание, № 3442, л. 305 об.).

Сулакадзева. Ясно, они рассчитаны (если только они производились с этим расчётом) на весьма малосведущего любителя начала XIX века, когда и палеография только начинала развиваться» [22: 70–71].

Отметим, кстати, в связи с приписками якобы писцов Петра и Иоанна в рукописи **Поучений аввы Дорофея с дополнительными статьями** (Москва, ГИМ, собрание П.И. Щукина, № 360), мнение современного биографа А.И. Сулакадзева: «Действительно, «красными чернилами» Сулакадзев активно пользовался...» [21: 206].

Другой исследователь, В.Ф. Козлов, историк книжных подделок, так характеризует А.И. Сулакадзева: «...наиболее масштабный фабрикант подделок. По меньшей мере три обстоятельства дают нам основания для такого заключения: непостижимая дерзость в изготовлении и пропаганде фальшивок, размах и «жанровое» или видовое разнообразие изделий, вышедших из-под его пера» [16: 155]; «он все шире начинает прибегать к фальсифицированным припискам на недатированных рукописях, надеясь, что с помощью научных приёмов анализа его «художества» не скоро обнаружатся. Он настолько уверовал в это, что без стеснения относит рукопись, например, XVIII в., написанную скорописью, к XII в., когда скорописи просто не существовало. Сами приписки Сулакадзев старается стилизовать под почерк подлинной рукописи, хотя делает это, как правило, в высшей степени неискусно» [16: 180].

Конечно, все это косвенные признаки, опирающиеся прежде всего на характер личности и манеру фальсификации, поэтому пока наше предположение о фигуре А.И. Сулакадзева, как наиболее возможного автора приписок, остаётся в большей степени гипотетическим. Возможно, ему так же принадлежит и «исправление» записи в последнем примере – в пергаменном списке **Евангелия-тетр** (Москва, ГИМ, Музейское собрание, № 3442, л. 305 об.).

Напрашивающееся сравнение почерка поддельных записей с почерком самого А.И. Сулакадзева, который можно увидеть в целом ряде рукописей, как написанных им, так и его приписок в других рукописях, в том числе из его собственной библиотеки², не может быть использовано как метод атрибуции, так как почерк имитации (подделки) и собственный почерк фальсификатора достаточно сложно анализировать обычными палеографическими методами, в чем мы убедились, изучив его собственноручные приписки и записи³.

Во всяком случае, как писал П.И. Сперанский, «Сулакадзев развивал свою «деятельность» в то время, когда существовали весьма доверчивые собиратели. Таков был упомянутый П. Свиньин, доверчиво и без критики относившийся к объектам своего собирания. Вероятно, были и другие, нам мало известные, собиратели того же типа в начале XIX столетия. Фальсификаторская деятельность Сулакадзева харак-

терна для эпохи общеевропейского романтизма, вызвавшего и на Западе несколько ранее, нежели у нас, полосу подделок старины в области истории и литературы» [22: 73].

Одно можно во всяком случае достаточно уверенно утверждать – фальсификатор записей в списке **Поучений аввы Дорофея с дополнительными статьями** (Москва, ГИМ, собрание П.И. Шукина, № 360) и в списке **Апостола-апракос** (Москва, ГИМ, Музейское собрание, № 3451), несомненно, держал в руках и был знаком со славяно-молдавскими рукописями времён Стефана Великого. В своих подделках записей писцов демонстрирует своеобразную эволюцию мастерства фальсификации в них «выходных данных» – записей о создании книжных кодексов якобы по повелению Стефана Великого во времена его воеводства. Разумеется, создатели подобных «выходных» записей руководствовались прежде всего чисто утилитарными целями – поднять продажную стоимость рукописей с собственными поддельными записями на антикварном рынке России.

Таким образом, полученные результаты исследования позволяют скорректировать общепринятый в румынской историографии реестр подлинных рукописных книжных памятников эпохи Стефана Великого, исключив из него пергаменный список Евангелия-тетр (Москва, ГИМ, собрание А.С. Уварова, № 91), список Поучений аввы Дорофея с дополнительными статьями (Москва, ГИМ, собрание П.И. Шукина, № 360), пергаменный список Апостола-апракос (Москва, ГИМ, Музейское собрание, № 3451) и изученный нами ранее список Минеи служебной, ноябрь – декабрь, последней четверти XIV в. (Москва, РГБ, ф. 205, № 337) [19].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Здесь и далее в скобках – поздние исправления другим почерком и другими чернилами.

2. В настоящее время остатки его библиотеки оказались разнесены по более чем 25 коллекциям [16: 161–162]. Так, например, её часть сохранилась в составе собрания рукописных книг Н.П. Дурова (РГБ, ф. 96). Подробней о составе его библиотеки см.: [21: 372–451].

3. Нами просмотрены для этой цели следующие рукописи в РГБ, ф. 96: № 2 (М.2631) Сборник постановлений и указов по земельно-вотчинным делам. Первая половина XVIII в.; № 6 (М.2641). Историческое и географическое описание России И. Страленберга. XVIII в.; № 7 (М.2642). Отрывки из сочинения Х.-Ф. Вебера «Переменившаяся Россия». Последняя четверть XVIII в.; № 8 (М.2633). «Ядро истории российской», соч. Алексея Ильича Манниева. 1755 г.; № 10 (М.2664).

Реестры рукописей исторического содержания, присланные в Синод в 1778–1799 годах для издания летописей. 1778–1799 гг.; № 11 (М.2628). Сборник исторический. Конец XVIII в.; № 14 (М.2638). (Летописец рязанский), составленный А.И. Сулакадзевым из выписей по истории Рязани и Рязанского княжества. Автограф 1818 г.; № 26 (М.2675). Записи А.И. Сулакадзева о телеграфе и «черной магии». Автограф конца XVIII – начала XIX в.; № 27 (М.2665). Записки А.И. Сулакадзева. 1826–1827 гг. Автограф; № 54 (М.2666). «Буквозор самых редких древних средних и последних времён вышних духовных и четырёх частей света народов азбуки и писмена, собранные и ясно изображённые Александр Сулакадзевым в Санкт-Петербурге 1810 мая 3 числа». Автограф 1810 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Berechet Ş.* Importanța însemnărilor slavo-romane de pe manuscrisele vechi // *Arhiva*. 1931. XXXVIII, nr. 2–3. P. 449–458.

2. *Berza M.* Trei tetraevanghele ale lui Teodor Mărișescul în Muzeul istoric de la Moscova // *Cultura moldovenească în timpul lui Ștefan cel Mare*. București, 1964. P. 594–595.

3. *Cândea V.* Mărturii românești peste hotare: creații românești și izvoare despre români în colecții din străinătate. București: Bibl. Bucureștilor, 2012. 465 p. (Serie nouă; vol. 4. Polonia – Rusia).

4. *Demény L., Demény L.A.* Carte, tipar și societate la români în secolul al XVI-lea: Studii, articole, comunicări. București: Criterion, 1986. 349 p.

5. Însemnări de pe manuscrise și cărți vechi din Țara Moldovei. Un corpus editat de Ioan Caproșu și Elena Chiaburu. Vol. I: 1429–1750. Iași: Casa Editorială Demiurg, 2008. 665 p.

6. Manuscrise de origine romanesca din colectii straine : repertoriu / întocm. R. Constantinescu. București, 1986. 297 p.

7. *Mareș A.* Filigranele hârtiei întrebuințate în Țările Române în secolul al XVI-lea. București: Academiei R.S.R., 1987. LV, 423 p.

8. *Pelin V.* Manuscrise din domnia lui Ștefan cel Mare. II // *Analele Putnei*. 2008. IV. 2. P. 276–277.

9. *Pelin V.* Manuscrise românești din secolele XIII–XIX în colecții străine (Rusia, Ucraina, Bielorusia): catalog. Chișinău: Știința, 2017. 407 p.

10. Repertoriul monumentelor și obiectelor de arta din timpul lui Ștefan cel Mare. București, 1953. 512 p.

11. *Turdeanu É.* L'activité littéraire en Moldavie à l'époque d'Etienne le Grand (1457–1504) // *Revue des études roumaines*. 1960. № 5–6. P. 21–66.

12. *Turdeanu E.* Miniatura bulgară și începuturile miniaturii românești // *Buletinul Institutului Român din Sofia*. I. 1942. № 2. P. 395–452.

13. *Turdeanu E.* Manuscrise slave din timpul lui Ștefan cel Mare // *Convorbiri literare*. Iași.: București. 1942. № 5. P. 101–240.

14. Ștefan cel Mare și Sfânt 1504–2004: Bibliografie. Sfânta Mănăstire Putna: Editura Mușatinii, 2004. 193 p.
15. Выставка древнерусского искусства, устроенная в 1913 году в ознаменование чествования 300-летия царствования дома Романовых. М., 1913. 139 с.
16. Козлов В.П. Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. М.: Аспект Пресс, 1996. 272 с.
17. Леонид. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А.С. Уварова. Ч. 1. М.: Товарищество тип. А.И. Мамонтова, 1893. 695 с.
18. Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П.И. Щукина, составленная А.И. Яцимирским. Вып. 2. М., 1897. 277 с.
19. Паскаль А.Д. Об ошибочной атрибуции Минеи служебной, ноябрь – декабрь, ОИДР 337 как памятника эпохи Стефана Великого // Комплексный подход в изучении Древней Руси: сборник материалов X Международной конференции (9–13 сентября 2019 г., Москва, Россия). М., 2019. С. 153–154.
20. Рукописи славянские и российские, принадлежащие почетному гражданину и Археографической комиссии корреспонденту Ивану Никитичу Царскому. Разобраны и описаны Павлом Строевым. М.: Тип. В. Готье, 1848. 918 с.
21. Рыбалка А. XIII класса Сулакадзев: источниковедческое историческое исследование. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2018. 451 с.
22. Сперанский М.Н. Русские подделки рукописей в начале XIX в. (Бардин и Сулакадзев) // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. V. С. 44–101.
23. Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М.: Наука, 1969. 374 с.
24. Турилов А.А. Критерии определения славяно-молдавских рукописей XV–XVI вв. // Хризограф. М., 2005. Вып. 2. С. 139–168.
25. Щепкина М.В., Протасьева Т.Н., Костюхина Л.М., Гольшенко И.С. Описание пергаменных рукописей Государственного исторического музея, часть 2: Рукописи болгарские, сербские, молдавские // Археографический ежегодник за 1965 год. М.: Наука, 1966. С. 273–309.
26. Яцимирский А.И. Славянские и русские рукописи румынских библиотек // Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии Наук. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1905. Т. LXXIX. 1015 с.

REFERENCES

1. Berechet, Ș. (1931) Importanța însemnărilor slavo-romane de pe manuscrisele vechi. *Arhiva*. 38(2-3). pp. 449–458.
2. Berza, M. (1964) Trei tetraevanghele ale lui Teodor Mărișescu în Muzeul istoric de la Moscova. In: Berza, M. (ed.) *Cultura moldovenească în timpul lui Ștefan cel Mare*. Bucharest: Editura Academiei Republicii Populare Române. pp. 594–595.
3. Cândea, V. (2012) *Mărturii românești peste hotare: creații românești și izvoare despre români în colecții din străinătate*. Vol. 4. București: Bibl. Bucureștilor.

4. Demény, L. (1986) *Carte, tipar și societate la români în secolul al XVI - lea: Studii, articole, comunicări*. București: Kriterion.
5. Caproșu, I. & Chiaburu, E. (2008) *Insemnări de pe manuscrise și cărți vechi din Țara Moldovei*. Vol. 1. Iași: Casa Editorială Demiurg.
6. Constantinescu, R. (1986) *Manuscrise de onigine romanesca din colectii straine: repertoriu*. București: [s.n.].
7. Mareș, A. (1987) *Filigranele hârtiei întrebuițate în Țările Române în secolul al XVI-lea*. București: Academiei R. S. R.
8. Pelin, V. (2008) Manuscrise din domnia lui Ștefan cel Mare. II. *Analele Putnei*. IV(2). pp. 276–277.
9. Pelin, V. (2017) *Manuscrise românești din secolele XIII-XIX în colecții străine (Rusia, Ucraina, Bielorusia): catalog*. Chișinău: Știința.
10. Romania. (1953) *Repertoriul monumentelor și obiectelor de arta din timpul lui Ștefan cel Mare*. București: Editura Academiei Romane.
11. Turdeanu, É. (1960) L'activité littéraire en Moldavie à l'époque d'Etienne le Grand (1457–1504). *Revue des études roumaines*. 5–6. pp. 21–66.
12. Turdeanu, E. (1942a) Miniatura bulgară și începuturile miniaturii românești. *Buletinul Institutului Român din Sofia*. I(2). pp. 395–452.
13. Turdeanu, E. (1942b) Manuscrise slave din timpul lui Ștefan cel Mare. *Convorbiri literare*. 5. pp. 101–240.
14. Anon. (2004) *Ștefan cel Mare și Sfânt 1504-2004: Bibliografie*. Sfânta Mănăstire Putna: Editura Mușatinii.
15. Ryabushinsky, S.P. et al. (1913) *Vystavka drevnerusskogo iskusstva, us-troennaya v 1913 godu v oznamenovanie chestvovaniya 300-letiya tsarstvovaniya doma Romanovykh* (1913) [Exhibition of Old Russian art, organized in 1913 to commemorate the celebration of the 300th anniversary of the reign of the Romanov dynasty] Moscow: [s.n.].
16. Kozlov, V. (1996) *Tayny fal'sifikatsii. Analiz poddelok istoricheskikh istochnikov XVIII-XIX vekov* [Secrets of falsification. An analysis of forged historical sources of the 18th – 19th centuries]. Moscow: Aspekt Press.
17. Leonid (Kavelin, L.A.). (1893) *Sistematicheskoe opisanie slavyano-rossiyskikh rukopisey sobraniya grafa A.S. Uvarova*. [A systematic description of the Slavic-Russian manuscripts from the collection of Count A.S. Uvarova]. Vol. 1. Moscow: A.I. Mamontov.
18. Yatsimirsky, A.I. (1897) *Opis' starinnykh slavyanskikh i russkikh rukopisey sobraniya P.I. Shchukina* [An inventory of ancient Slavic and Russian manuscripts from P.I. Shchukin's collection]. Vol. 2. Moscow: P.I. Shchukin.
19. Pascal, A. (2019) Ob oshibochnoy atributsii Minei sluzhebnoy, noyabr' – dekabr', OADR 337 kak pamyatnika epokhi Stefana Velikogo [On the erroneous attribution of the service Menaion, November - December, OADR 337 as a monument to the era of Stephen the Great]. *Kompleksnyy podkhod v izuchenii Drevney Rusi* [An Integrated Approach to the Study of Old Rus]. Proc. of the Conference. Moscow, September 9–13, 2019. pp. 153–154.
20. Stroev, P. (1848) *Rukopisi slavyanskie i rossiyskie, prinadlezhashchie pochetnomu grazhdaninu i Arkheograficheskoy komissii korrespondentu Ivanu Nikitichu Tsarskomu. Razobransy i opisany Pavlom Stroeym* [The Slavic and Rus-

sian manuscripts, belonging to the honorary citizen and the Archaeographic Commission, correspondent Ivan Nikitich Tsarsky. Arranged and described by Pavel Stroev]. Moscow: V. Gotie.

21. Rybalka, A. (2018) *XIII klassa Sulakadzev: istochnikovedcheskoe istoricheskoe issledovanie* [XIII class Sulakadzev: a source study historical research]. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy.

22. Speranskiy, M.N. (1956) *Russkie poddelki rukopisey v nachale XIX v.* (Bardin i Sulakadzev) [Russian forge manuscripts in the early 19th century. (Bardin and Sulakadzev)]. *Problemy istochnikovedeniya*. 5. pp. 44–101.

23. Tikhomirov, M.N. (1969) *Istoricheskie svyazi Rossii so slavyanskimi stranami i Vizantiei* [Historical ties of Russia with the Slavic countries and Byzantium]. Moscow: Nauka.

24. Turilov, A. (2005) *Kriterii opredeleniya slavyano-moldavskikh rukopisey XV–XVI vv.* [Criteria for determining the Slavic-Moldavian manuscripts of the 15th – 16th centuries]. *Khrizograf*. 2. pp. 139–168.

25. Shchepkina, M.V., Protasieva, T.N., Kostyukhina, L.M. & Golyshenko, I.S. (1966) *Opisanie pergamnennykh rukopisey Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Description of parchment manuscripts of the State Historical Museum]. In: Tikhomirov, M.N. (ed.) *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1965 god* [Archaeographic Yearbook for 1965]. Moscow: Nauka. pp. 273–309.

26. Yatsimirskiy, A.I. (1905) *Slavyanskie i russkie rukopisi rumynskikh bibliotek* [Slavic and Russian manuscripts of Romanian libraries]. In: Yatsimirskiy, A.I. (ed.) *Sbornik otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti imperatorskoy Akademii Nauk* [Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. LXXIX. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

Паскаль Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора изучения особо ценных фондов Центра по исследованию проблем развития библиотек в информационном обществе Российской государственной библиотеки (Россия).

Alexander D. Pascal – Russian State Library (Russia).

E-mail: finvest3@gmail.com

УДК 94(438)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/67/5

Кутицкие и Васичинские в Галицкой земле XV в.: опыт изучения шляхетских родов русинского происхождения

С.С. Пашин

Тюменский государственный университет

Россия, 625003, Тюмень, ул. Ленина, 23

E-mail: pashin-s@yandex.ru

Авторское резюме

Рассматривается генеалогия шляхтичей русинского происхождения в Галицкой земле Русского воеводства Польского королевства в XV в. Анализируются специфика и изъяны источников по этой теме. Отмечается высокий удельный вес мелких землевладельцев русинского происхождения как важная особенность галицкой шляхты. Это объясняет, почему после введения в Червонной Руси польского права (и шляхетского самоуправления) галицкими судьей и подсудком долгие годы были шляхтичи русинского происхождения Игнат Кутицкий (1438–1471) и Сцибор Васичинский (1435–1459). Изучена история этих двух родов в XV в.: родственные связи, земельные владения, отношения с соседями. Их члены до 1435 г. перешли из православия в католичество, однако не успели полонизироваться во второй половине XV в. На примере истории подтверждения королем в 1550–1558 гг. фальсификата грамоты галицко-волинского князя Льва предку Васичинских показано, что ополяченные потомки галицких бояр даже в середине XVI в. помнили о своих русинских корнях.

Ключевые слова: шляхтичи русинского происхождения, генеалогия, XV в., Галицкая земля.

The Kutitskies and Vasichinskies in Galicia in the 15th century: on studying noble families of Rusinian origin

S.S. Pashin

Tyumen State University

23 Lenina Street, Tyumen, 625003, Russia

E-mail: pashin-s@yandex.ru

Abstract

The article deals with the genealogy of noblemen of Rusinian origin in Galicia, Russian Voivodeship of the Polish Kingdom in the 15th century (the east of Chervonaya (Red) Rus, now Ivano-Frankivsk Region of Ukraine mainly). The author analyses the specificity and flaws of sources on this topic. The high proportion of small landowners of Rusinian origin is emphasized as an important feature of the Galician gentry, which explains why, after the introduction of Polish law (and gentry self-government) in Chervona Rus, the Galician judge and arbitrator were for many years the gentry of Rusinian origin Ignat Kutitsky (1438–1471) and Stibor Vasichinsky (1435–1459). The author studies the history of these two families in the 15th century: their blood ties, landowning, relations with neighbors. Before 1435, their members converted from Orthodoxy to Catholicism, but failed to polonize in the second half of the 15th century. The confirmation of the forged act of the Galician-Volhynian Prince Lev to the ancestor of the Vasichinskies by the King in 1550–1558 shows that the polonized descendants of the Galician boyars remembered about their Rusinian roots even in the middle of the 16th century.

Keywords: noblemen of Rusinian origin, genealogy, 15th century, Galicia.

В 2001 г. увидела свет наша книга о генеалогии перемышльской шляхты второй половины XIV – начала XVI в. [5]. За 20 лет, прошедших после выхода книги, украинские и польские историки достигли определённых успехов в изучении перемышльской и саноцкой шляхты XIV–XVI вв., т. е. шляхетства западных регионов Червонной Руси, но ничего не сделали в рамках историко-генеалогического исследования шляхты Восточной Галичины – территории, которая после распространения в 1435 г. на Червонную Русь норм польского права составила Галицкую землю Русского воеводства¹. Нашим первым шагом в деле изучения галицких шляхетских родов русинского происхождения XIV–XV вв. стала статья «Крупнейшие галицкие бояре XIV века и их потомки», которая должна быть опубликована в «Вестнике» одного из поволжских университетов.

Уже в процессе подготовки упомянутой статьи стали понятны специфика источников по генеалогии галицкой шляхты и причины, по которым историки избегали заниматься изучением шляхетства данного региона: на сегодняшний день последней книгой по генеалогии галицкой шляхты XV в. является опубликованное во Львове ещё в 1928 г. «Зеркало шляхетское» П. Домбковского объёмом 216 небольших страниц (включая 27 страниц генеалогических таблиц) [15].

Во-первых, бросается в глаза крайняя скудость источников «врёмён русского права» (до 1435 г.). Особенно это касается второй половины XIV в. Во-вторых, оставляет желать лучшего качество галицких судебных книг XV в. До нас дошли только фрагменты протоколов заседаний гродского суда за 1435, 1438–1440, 1456–1459, 1462–1464 и 1476–1489 гг. Правда, практически полностью сохранились протоколы земских судов за 1435–1497 гг. [9; 12: 164–323]. Затем начинаются трагические для всей Червонной Руси 1498–1501 гг. – период опустошительных турецких и татарских набегов, который во множестве червонорусских судебных записок получил название «*tempus devastacionis Turcorum*». Отразивший состояние лишь в части сел Галицкой земли налоговый реестр 1515 г. пестрит сообщениями о ланах «*deserti*» и сёлах, которые «*funditus per Tartaros vastita*» [18: 169–173].

На рубеже XV–XVI вв. демографическая ситуация в Галицкой земле претерпела кардинальные изменения, а практика ведения земских судебных книг прервалась на долгие годы. Однако главная проблема в случае с галицкой шляхтой заключается в другом. Саноцкие и перемышльские книги рисуют шляхетское общество, которое вольно или невольно стремится к тому, что принято называть жизнью в соответствии с нормами правового государства. Хорошо знакомые автору этих строк протоколы перемышльских земских судов фиксируют практически все изменения семейного и имущественного положения местных шляхтичей: семейные разделы, купли-продажи и залого недвижимости, брачные контракты, договоры займа денег, завещания и т. д.

Иная картина наблюдается в галицких земских книгах. Простые подсчёты показывают, что за 40 лет (1435–1475) в Галиче было проведено только 263 заседания земского суда – по одному заседанию в 2 месяца. На практике судебные заседания обычно проводились раз в месяц, однако в судебных книгах нередко отсутствует информация о двух-трёх заседаниях подряд. Предполагаем, что виной тому была не утрата судебных протоколов в позднейшее время, а изначальная небрежность писарей при их оформлении. В этих условиях понятно,

почему многие важные стороны жизни галицких шляхтичей не попали на страницы земских книг.

Ещё один досадный недостаток источников по истории галицкой шляхты – это отсутствие или плохое качество налоговой документации начала XVI в. В случае с Перемышльской и Саноцкой землями историки располагают удачно дополняющими друг друга налоговыми реестрами 1508 и 1515 г. Первый сообщает имена налогоплательщиков, перечисляет принадлежавшие им села, солтыства или войтовства и указывает сумму собранных с них налогов. Реестр 1515 г. можно назвать своеобразным ключом к расшифровке данных 1508 г. Он содержит список практически всех сел с перечнем имеющихся в каждом селе единиц налогообложения: земельных ланов (12 грошей с лана), мельницы (6–12 грошей), корчмы (6–12 грошей), православного священника (15 грошей). Информация реестров позволяет оценить реальную стоимость и размеры шляхетских земельных владений и подвести итоги полуторавековой истории становления и развития двуязычной перемышльской и саноцкой шляхты. С Галицкой землей связан только охвативший 143 села (далеко не все) налоговый реестр 1515 г.

Все упомянутые изъяны источников не мешают сделать несколько предварительных выводов относительно галицкой шляхты XV в. Прежде всего, заметно безраздельное экономическое и политическое доминирование Бучацких, Колов и Влодковичей. Только представители этих трех родов на протяжении практически всего XV в. (с 1435 г.) занимают важнейшие галицкие земские уряды каштеляна и подкомория [17: 42–42, 55]. Исключения в виде двух выходцев из Перемышльской земли – подкомория Андрея Чурило (1435–1453) и каштеляна Андрея Фредро (1464–1471) – только подтверждают это правило: оба шляхтича породнились с указанными родами, что, собственно, и позволило им занять высокие должности.

Ещё одна особенность Галицкой земли – высокий удельный вес шляхтичей русинского происхождения, причём среди них преобладают мелкие землевладельцы, распоряжающиеся одним-двумя небольшими сёлами. Нет ничего удивительного в том, что буквально вторая запись в галицкой гродской книге, сделанная, по-видимому, в ноябре 1435 г. – адресованное местным шляхтичам-«землянам» постановление старосты Михаила Бучацкого и судьи Яна Колы о поимке беглых «злодеев» и суде над ними – составлена на староукраинском языке и без латинского перевода [9: 425–426].

Специфика национального состава галицкой шляхты не могла не повлиять на выбор руководителей местного земского суда.

Первым галицким подсудком на долгие 24 года стал шляхтич русинского происхождения Сцибор Васичинский, или с Васичина (1435–1459) [17: 58]. Не сразу определилась только кандидатура многолетнего земского судьи. После распространения на Червонную Русь польско-го права первыми земскими судьями стали поляки – уроженцы Галицкой земли: Ян Кола (1435–1437) и Яков Гиза (1437–1438). Однако после того, как первый предпочел уряду судьи более престижную и менее хлопотную должность каштеляна, а второй просто умер, земским судьей на целых 33 года, до самой смерти в 1471 г., становится шляхтич русинского происхождения Игнат Кутицкий, или с Кутищ [17: 62]. Как сложились судьбы пана судьи и его потомков?

Игнат с Кутищ достиг совершеннолетия ранее 1419 г. Его упоминает составленная 1 января 1419 г. разъезжая грамота на староукраинском языке о границах «межи Кутищи и межи Полагичи» некоего Кунцера (Милованского?) [6: 90–91]. Около 1429 г. он женился на дочери видного шляхтича русинского происхождения, будущего первого перемышльского земского подсудка Волчка Боратынского Анне, получив в качестве приданого доставшиеся невесте от матери перемышльские села Хожов и Туличов. Анна, по-видимому, была единоутробной сестрой Петра, Александра и Яна (Яцка) Прохницких-Розбожских – представителей ещё одного крупного перемышльского рода русинского происхождения. Владельческие права на упомянутые сёла стали предметом длительного судебного разбирательства, закончившегося в октябре 1437 г. тем, что трое братьев Прохницких выкупили фактически удерживаемые ими Хожов и Туличов у Игната и Анны за 250 гривен. Реальная стоимость названных сел была гораздо выше, поскольку в мае 1438 г. Ян продал Хожов старшему брату Петру за 300 гривен [5: 21, 25; 10: 49, 64, 72].

В октябре 1438 г. Игнат с Кутищ и Прокоп из Стрелищ оказались единственными галицкими шляхтичами среди десятков участников львовского съезда червонорусской шляхты, назначившего опекунов Русского воеводства при малолетнем короле Владиславе III Варненчике [14: 369–370]. 24 ноября того же года Игнат примерно в 40-летнем возрасте впервые в качестве судьи руководит работой галицкого земского суда [9: 46].

На страницах земских книг Игнат выступает не только как судья, но и как обеспеченный человек, нередко ссужающий деньгами земляков. Только в 1430–1450-е гг. его должниками были Прокоп из Стрелищ, Франциск Милованский, Урбан Буковенский, вдова каштеляна Яна Колы, Михаил Мужило Бучацкий. Размеры займов колебались от 40 до 250 гривен [9: 49, 55, 69, 72, 117, 221, 232, 252, 263].

Игнату время от времени приходилось и конфликтовать с соседями. Петр Буковенский в 1449 г. обвинял его в убийстве своего кузена Яна Вилчицкого, в 1452 г. уже Игнат обвинял Яна Колу (сына каштеляна Яна Колы) в нанесении ран членам его семьи при набеге целого отряда из 40 слуг и клиентов Колы [9: 192, 216, 219, 344]. Кола, кажется, претендовал на село Загорье, заложенное Игнату сначала младшим братом, а потом – мачехой Колы. Пан судья, в свою очередь, был обвинен в декабре 1470 г. Петром Мокрошоцким в убийстве отца и брата последнего [9: 342].

Владения Игната раскинулись на 12–15 км вдоль правого берега Днестра, на территории бывшего Тлумачского района, который после административной реформы 2020 г. вошел в состав укрупненного Ивано-Франковского района. В первую очередь, это дедичные села Кутищи (ныне – Кутище), Братышев, Нижнев, Окняны, Доброгост. На левом берегу Днестра, напротив Кутищ, находилось купленное Игнатом в 1437 г. село Остра (ныне – Вистря Монастырисского района Тернопольской области) [9: 17–18, 24].

Согласно люстрации заложенных королевских имений 1469 г., «судья галицкий» представил «грамоту вечного пожалования сел Олешов и Перешов, служба одним копьем и двумя лучниками» [18: 41(B)]. Привилей, скорее всего, был выдан от имени короля Варненчика. Перешов больше нигде не упоминается, а село Олешов находилось и до сих пор находится по соседству с Братышевом.

Список земельных владений пана Игната на этом не ограничивается. В 10 км от Кутищ, ниже по течению Днестра, находилось село Секирчин (ныне – Сокирчин), которое Кутицкий по неизвестной причине обменял на село Каменки Коломыйского повета, с доплатой прежнему владельцу Каменок 60 гривен [9: 229, 269]. В том же Коломыйском повете Игнату принадлежало село Угерники, на котором он в марте 1462 г. записал 100 гривен своему слуге (familiari) шляхтичу Альберту, которому надлежало вплоть до уплаты ему 100 гривен служить Игнату «своими издержками... на коне» [9: 279].

Последний раз как живой Игнат упоминается в судебной записке от 6 мая 1471 г. После этого заседания, на котором было рассмотрено 17 дел разной сложности, в течение всего 1471 г. состоялось только одно заседание, 1 июля, под председательством даже не подсудка, а галицкого мечника Яна Спичника. Запись об этом заседании начинается на той же странице земской книги, где записаны последние дела от 6 мая. Участники этого странного заседания рассмотрели лишь одно дело, точнее, констатировали уступку каменецким (подольским) подстолием Грицко Кирдеевичем нескольких сел в Скальском повете Подолии галицкому подкоморию Яну Коле. Сразу после этого начи-

нается протокол заседания от 7 января 1472 г., на котором недавний подсудок Миколай Сенявский выступает в качестве судьи, а Ян Спичник оказался новым подсудком [9: 344–345].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что Игнат с Кутищ умер в период с 7 мая 1471 г. по 6 января 1472 г. 70-летним стариком – редкий случай в истории червонорусской шляхты XV в. Состояние судебных записок не позволяет сузить временные рамки.

Игнат имел двух дочерей и сына Феликса. Дочери, соответственно, со 100 и 150 гривнами приданого вышли за галицких шляхтичей, можно сказать, соседей: Настасья – за Завишу с Гнильче (1453 г.) и Милохна – за Федька Подвербецкого (1461 г.) [9: 227, 275].

Сын и наследник пана судьи, «Федько, иначе Феликс», или просто – Феликс, в ноябре 1466 г. женился на Анне – дочери галицкого каштеляна, а в 1472–1477 гг. – подольского воеводы Андрея Фредро, правнука крупнейшего перемышльского и червонорусского боярина второй половины XIV в. Ходька Быбельского [5: 10, 113]. Приданое за завидной невестой составило внушительные 500 гривен. Феликс, в свою очередь, с согласия отца записал 1000 гривен вена на четырёх сёлах и половине принадлежащего семье скота [9: 315]. Не ставший должжителем Феликс фигурирует только в трёх записках 1472 и 1474 гг. [9: 405, 411, 412].

В мае 1478 г. овдовевшая Анна упоминается как держательница села Нижнев и жена подольского шляхтича Павла Мареца Чемежовского. Супруги судились с соседом Павлом с Петрилова [12: 291]. В январе 1479 г. тот же шляхтич – в записке он назван Марецем с Нижнева – явно ввиду несовершеннолетия пасынка Яна, выступает ответчиком в начатой в 1470 г. при Игнате и продолженной в 1474 г. при Феликсе тяжбе с Петром Мокрошоцким об уплате 60 гривен головничества за убийство судьей отца и брата Петра [12: 234].

Единственный сын Феликса и Анны, Ян с Кутищ, или Ян с Нижнева (Нижневский), упоминается только в пяти земских записках 1486–1488 гг., которые освещают многолетнюю тяжбу между Кутицкими и Милованскими по поводу принадлежности уже известного нам села Олешов. Суть претензий к Яну с Кутищ со стороны истца, галицкого хорунжего Яна Милованского, можно свести к следующему.

Ещё в правление Владислава III Варненчика, т. е. на рубеже 1430–1440-х гг., дед ответчика Игнат получил от короля запись «определенной суммы» на Олешове. Между тем это село было основано «из сырого корня» (*de cruda radice*), т. е. на пустом месте, умершим к 1485 г. Урбаном – родным братом Франциска, отца истца, на что у последнего есть убедительные локационные документы, поскольку в результате семейных обменов село Олешов досталось сначала Фран-

циску, а после его смерти – Яну Милованскому, истцу в тяжбе 1486–1488 гг. Этой тяжбе предшествовало составленное во Львове 3 августа 1485 г. постановление королевского суда, которое предписывало решить затянувшийся спор и изложило его историю в благоприятном для Милованских свете [12: 243–244].

Занимавший должность земского судьи Игнат с Кутищ, по-видимому, немало поспособствовал тому, чтобы этот спор в течение четырёх десятилетий ни разу не обсуждался в стенах галицкого суда. Дело далеко не сразу сдвинулось с мёртвой точки и при внуке пана судьи. Едва начавшись в январе 1486 г., тяжба по неизвестной причине была отложена ровно на год. Из протокола судебного заседания от 8 января 1487 г. можно узнать, что в своё время Ян Милованский (хорунжий, не последний человек в Галицкой земле!) пытался вызвать в суд отца ответчика, Феликса с Кутищ, однако все его попытки оказались тщетными. В январе 1487 г. участники суда не пришли к какому-либо решению и передали дело на рассмотрение русского воеводы. 23 апреля 1487 г. судебные заседатели констатировали, что воевода продолжает свои раздумья [12: 250–251, 257].

Только 7 января 1488 г. стало ясно, что «Ян с Нижнева» должен до Рождества (впереди 11 месяцев!) заплатить Яну Милованскому 100 гривен компенсации на Олешов, иначе ему грозит двойной штраф [12: 212]. Заплатил ли внук судьи требуемую сумму – мы не знаем: 7 января 1488 г. датируется последнее упоминание его и вообще кого-либо из Кутицких в источниках. Зато среди участников заседания галицкого земского суда от 7 октября 1493 г. встречаем «Павла Мареца с Нижнева» [12: 228].

В налоговом реестре Галицкой земли 1515 г. можно найти (без указания владельцев) только село Остра, а в реестре 1578 г. совладельцами всех принадлежавших в XV в. Кутицким сел обычно в равных долях указаны шляхтичи Блудницкий, Скотницкий и Шапоровский. В случае с Нижневым, Острой и Окнянами к ним добавляются Остафий и «вдова» Копычинские [18: 86, 171]. Скорее всего, Ян с Кутищ не пережил или даже не дожил до бурных событий 1498–1501 гг., и с его смертью род извёлся. В реестре 1578 г. речь идёт о наследниках (а не покупателях) внушительных владений Кутицких².

Как уже указывалось выше, верным соратником и помощником судьи Кутицкого на протяжении 21 года был земский подсудок Сцибор Васичинский (1435–1459) [17: 58]. Своё фамильное прозвание пан Сцибор получил по дедичному селу Васичин³, расположенному в густонаселённой местности на обоих берегах реки Свириж (левого притока Днестра), на границе Галицкого повета и Жидачовского повета Львовской земли, примерно в 40 км от Галича.

На севере васичинские угодья граничили с большим селом Кнегиничи (ныне – Княгиничи) – одним из многочисленных владений могущественного Яна Влодковича – сначала львовского подстолего (1435–1439), а затем – галицкого каштеляна (1439–1461) [17: 42, 139]. Мы не исключаем, что пан Влодкович оказал содействие Сцибору в занятии влиятельной должности: на протяжении четверти века соседи ни разу не ссорились, а напротив, довольно активно сотрудничали на взаимовыгодной основе. По договору 1447 г. получивший Кнегиничи по недавнему семейному разделу младший брат каштеляна, Миколай (Влодкович) с Кнегиничей, разрешил Сцибору устроить пруд между Кнегиничами и Васичином. Взамен ему был обещан платёж 30 коп грошей в течение трёх лет и ещё 30 коп – в последующие три года [9: 160].

На юге Васичин граничил с обширными владениями жидачовского рода Даниловичей – потомков щедро пожалованного в 1394 г. королём Владиславом-Ягайло шляхтича русинского происхождения Данила Дажбоговича Задеревецкого [5: 53–54]. С ними у Васичинских также не было никаких конфликтов.

Судя по имеющимся в нашем распоряжении документам, граничный спор у Васичинских был всего один раз – с западным соседом, жидачовским шляхтичем русинского происхождения Васько Мошенничем, причём в далеком 1401 г. Этот Васько «позвал» Кондрата (Кундрата) Борснича – вероятно, отца или деда нашего Сцибора⁴ – «о границу о Васичиньскоую». Вскоре галицкий и снятынский староста Петраш (Петр Влодкович) «выехаль на тоу границу, тогда Коундрать оуказаль свою границу и листомь и знамены, што на лесте стоять, а Васко Мошенничь на тои рокь не сталь». Затем староста со свидетелями «оправили есмы Кундрата оу тои граници, поколя ему кнезь Левь оуехалъ, и мы емоу толя оуехали по та знамена» [6: 65–66].

Не касаясь требующего специального рассмотрения вопроса об аутентичности грамоты князя Льва, которую, возможно, предъявил Кондрат Борснич, заметим, что в 1401 г. предметом спора была только западная граница Васичина.

В качестве земского подсудка Сцибор Васичинский упоминается буквально в первых строчках галицкой земской книги среди участников первого заседания земского суда, состоявшегося 12 сентября 1435 г. [9: 1], и в дальнейшем на протяжении 24 лет регулярно участвует в судебных заседаниях.

В отличие от Кутицкого, Сцибор редко выступал кредитором. Он не отличался буйным нравом и склонностью к сутяжничеству. За свою долгую жизнь он участвовал только в двух затяжных судебных тяжбах, причём в обоих случаях ответчиками оказывались его жены, а

Сцибор лишь представлял их интересы. Первая тяжба продолжалась в галицком земском суде 14 месяцев, в 1439–1440 гг., истцом выступал львовский шляхтич Ян Шадурка с Урбановичей, а ответчицей – первая жена подсудка Гахна. Тяжба обсуждалась как минимум на семи заседаниях и касалась оплаты за использование рыбного пруда [9: 62, 65, 70, 73, 79, 80, 82].

Вторая тяжба велась в стенах львовского гродского суда в 1442–1446 гг.; ответчиком в ней оказалась вторая жена подсудка Варвара, сестра львовского шляхтича русинского происхождения Петра Романовского. Для Варвары это был третий брак. Её первый муж Андрей Черткович сделал ей дарственную запись на своё село Колюхи. После смерти мужа она несколько лет распорядилась этим селом, однако в 1442 г. на него появились два новых претендента: выступающий в качестве львовского землевладельца подольский воевода Грицко Кирдеевич и племянник покойного Андрея Яков с Гневшины, который утверждал, что «названное село есть моё дедичство после отца моего издавна, от дедов и прадедов, и пан король никогда не был владельцем этого села». Интересы Варвары обычно представлял её брат Пётр Романовский, однако за четыре года несколько раз приезжал во Львов и её муж Сцибор, а однажды – даже пасынок Прокоп (Проц) [11: 66, 68, 71, 87, 90, 93, 95, 162]. В декабре 1446 г. спор выносился на рассмотрение червонорусского шляхетского веча, которое так и не решилось вынести окончательный приговор [12: 486].

Единственным земельным приобретением Сцибора стала покупка в марте 1441 г. за 300 коп (375 гривен) у русского воеводы Петра Одровонжа граничившего с Васичином на западе, на правом берегу Свиржа, села Воскресенцы (Woszkrzezyncze) – кажется, это бывшее владение Васька Мошенчика. Купля выглядит подозрительной, если знать, что 9 июля 1440 г., т. е. 8 месяцев назад, село было куплено воеводой у львовского шляхтича русинского происхождения Дмитра Лагодовского всего за 200 гривен [9: 88, 98].

Последний раз как живой Сцибор упоминается 8 октября 1459 г. Судя по активности его сына Проца, он умер в конце 1459 или в 1460 г. [9: 263–265, 442]. Сцибор был женат дважды. На второй, Варваре, он женился не позднее мая 1442 г. [9: 102], однако его единственный сын Проц родился в браке с первой женой Гахной и был совершеннолетним уже в марте 1443 г. [11: 87].

В июне 1461 г. Проц договорился с мачехой, что в течение четырех лет он заплатит ей 200 коп вена, записанных на Васичине [9: 274]. Ради этого ему пришлось залезть в долги, которые выплачивались ещё в 1465 г. [9: 282, 287, 292, 300, 302].

Не позднее апреля 1466 г. Проц женился на Маргарите – дочери

галицкого шляхтича Мацея с Ненчина, записав ей 300 коп вена на Васичине, мельнице, нижнем пруде и Воскресенцах [9: 310, 332]. Он был жив ещё в сентябре 1468 г., а 8 апреля 1469 г. львовские судья и подсудок по жалобе королевского уполномоченного Миколая Гжималы лишили не названных по имени малолетних сыновей покойного Проца права собирать мыто с проезжавших через город⁵ Васичин купцов [7: 117–118]. Тем же днём датируется ещё восемь грамот об отмене уплаты мыта в различных львовских и галицких частновладельческих городах и сёлах, так что речь идет о массовой кампании [7: 118–130]. Сироты, как и другие лишившиеся дополнительных доходов шляхтичи, не смогли представить документы, подтверждающие их право на сбор мыта. Кстати, опекуном Васичинских в 1469 г. выступил их южный сосед Ивашко Чагровский – внук Данила Дажбоговича Задеревецкого.

Судебная записка от 29 июля 1473 г. впервые называет Маргариту опекуном своих (и покойного Проца) несовершеннолетних сыновей Андрея и Якова [9: 353]. Не позднее июня 1475 г. – в связи с замужеством Маргариты за сыном Ивашка Чагровского Бартоломеем – опекуном Андрея и Якова Васичинских становится правнук Задеревецкого Миколай Данилович [9: 367, 371, 417]. В декабре 1476 г. в качестве опекуна выступает некий Дмитр – возможно, младший брат Миколая Даниловича. Он требовал от Маргариты – супруги своего дальнего родственника Чагровского – представить в суд грамоту с венной записью [12: 231].

Следующее – последнее в XV в. – упоминание о Васичинских датируется 10 октября 1496 г. Из него следует, что галицкий земский подсудок Андрей с Черниева второй раз безуспешно вызывает в суд Якова Васичинского из-за украденного «сивого» коня стоимостью 30 злотых, а также его сбежавшей в Васичин служанки [12: 271].

Васичинские, в отличие от Кутицких, были довольно известны в Червонной Руси и в XVI, и в XVII вв. [8: 154, 157, 163, 167, 200, 205]. Автор знаменитой книги «Гербы рыцарства польского» (1584 г.) Б. Папроцкий в главе о специальном гербе червонорусской шляхты русинского происхождения Корчак называет «дом» Васичинских «старинным и значительным» и особо выделяет своего современника – львовского войскового Каспера Васичинского [16: 690]. В рамках нашей статьи могут представлять интерес связанные с получением королевских привилеев четыре эпизода из жизни отца пана Каспера – Христофора Васичинского.

В 1550 г. пан Христофор обратился к королю Сигизмунду II Августу с просьбой подтвердить «написанную по-русски грамоту» о пожаловании села Васичин Осташко Гласкову, «предшественнику» Хрис-

тофора, «с подписью и печатью светлейшего принцепса, господаря Льва, некогда князя Руси». В изданном в Кракове 26 декабря 1550 г. королевском привилее видим текст львовой грамоты на староукраинском языке в латинской транскрипции, а затем – итоговую резолюцию: «апробируем, ратифицируем и подтверждаем» [2: 869–870].

Христофор Васичинский через несколько лет обратился к тому же королю по поводу мыта, некогда установленного в его дедичном городе Васичин «славным Львом, князем Руси». Сигизмунд II выдал 11 ноября 1557 г. грамоту, в которой подробно рассказывается о затруднениях Христофора и королевских мерах по их преодолению. Согласно привилею, через Васичин с давних пор проходил торговый путь из Валахии во Львов и обратно. Проезжавшие через город купцы платили пошлины, однако собранных с них денег катастрофически не хватало на ремонт мостов и насыпей в районе реки Свирж. Прислушавшись к мнению уважаемых людей, король разрешил заметно увеличить пошлины с каждого проезжавшего воза и каждой головы скота в пользу Христофора Васичинского и его наследников «на вечные времена», выразив уверенность, что собранные деньги пойдут на благое дело [2: 884–887].

Христофор Васичинский на этом не успокоился, и 22 декабря 1558 г., т. е. 13 месяцев спустя, Сигизмунд II по его просьбе издаёт уже третий привилей. В нем говорится, что Христофор представил пожалование «славного господаря Льва, некогда князя Руси», его предшественнику на село Васичин и просит короля, «наперекор каким-либо просьбам», подтвердить княжескую грамоту своим королевским авторитетом на проходящем в ту пору Петрковском сейме. Далее в документе повторяется текст подтверждения от 26 декабря 1550 г., включающего в себя текст грамоты князя Льва. Все завершается стандартными словами: «апробируем и подтверждаем» [2: 889].

Все три привилея Сигизмунда II со ссылками на князя Льва дошли до нас в списках, в составе двух книг Коронной метрики. Они были обнаружены львовским историком и археографом О.А. Купчинским в Главном архиве древних актов в Варшаве и опубликованы только в 2004 г.

Нас, в первую очередь, интересует сохранившаяся в списках 1550-х гг. грамота князя Льва Осташко Гласкову на село Васичин. О.А. Купчинский называет пять причин, по которым грамоту нельзя считать аутентичным документом рубежа XIII–XIV вв., и связывает её создание с XV–XVI вв. [2: 488–489]. В своём фундаментальном труде о галицко-волинских актах XIII – первой половины XIV в. учёный сделал немало важных наблюдений. К примеру, он установил, что большинство из 26 копий грамот князя Льва связано с Перемышльской землёй. Два документа связаны с Львовом и два – с Галицкой

землёй [2: 412]: это грамота на Васичин и грамота Успенскому собору в Крылосе – селе на месте обезлюдившего после Батыева нашествия стольного Галича. Грамота собору в Крылосе дошла до нас в 39 списках, самый ранний из них датируется 1581 г. [2: 627–667]. Она имеет генетическую связь с частью аналогичных княжеских «пожалований» в пользу перемышльских духовных землевладельцев и восходит к одной из редакций церковного устава князя Владимира.

В 1996 г. мы написали работу о дипломатике червонорусских актов XIV–XV вв. и грамот князя Льва [4]. Опираясь на основные итоги этого исследования, попытаемся оценить содержание грамоты на село Васичин, не прибегая к детальному дипломатическому анализу.

Прежде всего, следует с уверенностью характеризовать грамоту как уникальную среди привилеев князя Льва. На это указывает, во-первых, единственная в своём роде интитуляция «во имя отца и сына и святого духа»; во-вторых, отсутствующая в других львовых грамотах промульгация (с ошибками: «свичим кождому доброму нашим листом, кто на нь узрит и услышит»). В-третьих, уникальная инскрипция («нашому верному слуге Осташкови Гласкови»): прочие львовы пожалования могут быть адресованы «нашему» или «моему» слуге, но без определения «верный». В-четвертых, только в диспозиции грамоты на Васичин имеется клаузула «имает нам служити копием и трими стрильцы». Наконец, это единственная львова грамота без санкции-заклятья [2: 490].

Зато все указанные особенности имеются (или, в случае санкции, отсутствуют) в жалованных грамотах на староукраинском языке короля Владислава-Ягайло. Пожалуй, единственное существенное отличие в формулярах привилея на Васичин и жалованных грамот Владислава-Ягайло – это отсутствие в львовай грамоте корроборации в виде списка свидетелей.

На наш взгляд, было бы ошибкой утверждать, что изготовитель привилея на Васичин просто взял какую-то жалованную грамоту на староукраинском языке «времен русского права» и по её образцу создал фальсификат. Привилей имеет уникальную для всех львовых грамот диспозицию: «...дали есмо ему село Васичин на Свержи, на веки вечные и детем его и блискому племени зо всеми ужитки, яко есмо сами уживали, з мытом и с корчмою и з млины». Далее идет подробное описание границ села на левом и правом берегах Свиржа, после чего следует дополнение: «...и еще придали есмо к тому Васечину два дворища во Лвовской волости... дали есмо Осташкови Гласкови...». Затем почти полностью повторяется приведённая выше цитата с «племенем», только вместо мыта, корчмы и мельниц упоминаются земля и борти [2: 490].

Нам представляется, что подобная, по сути, двойная диспозиция есть плод довольно грубого соединения позднейшим фальсификатором созданных во второй половине XIV – первой трети XV в. актов двух, а то и трех разновидностей. Кроме жалованной грамоты, в качестве образца могла использоваться какая-то разъезжая грамота (только в них подробно описывались границы владений) и, возможно, купчая: только в червонорусских купчих на староукраинском языке упоминается «племя», под которым – в отличие от грамоты на Васичин – всегда подразумеваются близкие и особенно дальние родственники продавца, теряющие право претендовать на объект купли-продажи [6: 10, 18, 25 – 26]. Кстати, «корчма, млин, земля» – это практически стандартный порядок перечисления угодий именно в червонорусских купчих. В жалованных грамотах речь всегда идёт о детях и потомках пожалованного. В них нет места «племени» как более широком круге родственников.

Думается, ключевым в тексте диспозиции грамоты Осташко Гласкову можно считать слово «мыто». Мы помним, что в 1469 г. у малолетних Васичинских не было никаких документов, подтверждающих их право собирать торговые пошлины в своих владениях. В первой половине XVI в. потомки братьев явочным порядком вернули себе это право, а Христофор Васичинский с помощью фальсификата грамоты князя Льва в 1550–1558 гг. добился королевского разрешения на сбор торговых пошлин в свою пользу. Однако, судя по тексту подтверждения 1558 г., находились люди, ставившие под сомнение предоставленную привилегию.

Возможно, отвечая недоброжелателям, неутомимый пан Васичинский в четвёртый раз за 10 лет обратился к королю, и 2 октября 1559 г. в Варшаве Сигизмунд II даровал ему очередной привилей. На это раз это было подтверждение выданной в Галиче 18 августа 1351 г. грамоты старосты Русской земли Оты Пилецкого. Формуляр документа на староукраинском языке в латинской транскрипции не вызывает особых вопросов, чего не скажешь о его содержании.

Согласно тексту грамоты, пришедшая к старосте «пани ласкавая» Овдотья «воздала» (передала) своей внучке Марусе свою «деднину в Галицкой волости... на веки вечные, зе всем правом, зе всеми ужитки» (угодьями), «з мытом, и з рекою, и з водою, и ставем» и т. д. Из следующего предложения ясно, что передаваемой «дедниной» было село Васичин, впрочем, так и не названное в грамоте селом [1: 340–341]. Очень подозрительно, что обе женщины упоминаются только по имени, без ссылки на мужа или отца и без фамильного прозвания. Станным кажется и отсутствие свидетелей. Все эти отступления от формуляра можно объяснить рассеянностью копииста XVI в.

Зато появление в диспозиции грамоты «мыта» явно не было ошибкой – Христофор Васичинский сознательно приложил руку к созданию ещё одного фальсификата, призванного обосновать право на сбор торговых пошлин. Так галицкий шляхтич XVI в. решал проблемы, возникшие у его предков в предыдущем столетии.

Подведём итоги. Даже те состоятельные галицкие шляхтичи русинского происхождения, которые перешли из православия в католичество, во второй половине XV в. не успели полонизироваться. Именно по этой причине среди них высок процент браков с такими же окатоличенными, но не полонизированными потомками бояр из других червонорусских земель. В течение XVI в. многие потомки галицких бояр вполне полонизировались, однако помнили о своём происхождении и не отказывались от него.

Бросаются в глаза и сравнительно скромные размеры земельных владений шляхтичей русинского происхождения, которых можно назвать крупными землевладельцами в XV в. Эти владения явно не вызывают ассоциации с огромными вотчинами галицких бояр XI–XIII вв., про которые так любили писать советские историки, и с латифундиями польских панов XVI–XVII вв.

Список сокращений

AGZ – Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ныне это территория Ивано-Франковской области (без населенных пунктов на западе Калушского района) и нескольких районов на западе Тернопольской области Украины.

2. Ср.: [13: 286].

3. Ныне село Васючин Ивано-Франковского (до укрупнения районов в 2020 г. – Рогатинского) района.

4. Киевский историк В.Н. Михайловский ошибочно идентифицирует Кондрата с соседом Игната Кутицкого Кунцерем [3: 540]. Кроме разъезжей грамоты 1419 г., Кунцерь упоминается как свидетель в грамоте 1424 г. галицкого старосты Михаила Буцацкого [6: 90–91, 106].

5. Именно в этом документе Васичин впервые характеризуется как город (*oppidum*), а не село.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Купчинський О.* Забуті та невідомі староукраїнські грамоти XIV – першої половини XV ст. // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1997. Т. ССXXXIII. С. 333–359.
2. *Купчинський О.* Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII – першої половини XIV століть. Дослідження. Тексти. Львів: Наукове товариство імені Шевченка, 2004. 1283 с.
3. *Михайловський В.* Історія одного розмежування біля Крилоса в 1412 році // Вісник Львівського університету. Серія історична. 2010. Вип. 45. С. 521–544.
4. *Пашин С.С.* Червонорусские акты XIV-XV вв. и грамоты князя Льва Даниловича: учеб. пособие. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1996. 118 с.
5. *Пашин С.С.* Перемышльская шляхта второй половины XIV – начала XVI века: Историко-генеалогическое исследование. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2001. 172 с.
6. Южнорусские грамоты / собр. В. Розовым. Киев: Типография Киево-Печерской Успенской Лавры, 1917. Т. 1. 176, 75, IX с.
7. AGZ. We Lwowie: Z drukarni narodowej W. Manieckiego, 1876. Т. 6 / Wyd. O. Pietruski, X. Liske. VI, 302 s.
8. AGZ. We Lwowie: Z I. Związkowej drukarni, 1884. Т. 10 / Wyd. O. Pietruski, X. Liske. VI, 542 s.
9. AGZ. We Lwowie: Z I. Związkowej drukarni, 1887. Т. 12 / Wyd. O. Pietruski, X. Liske. XIV, 551 s.
10. AGZ. We Lwowie: Z I. Związkowej drukarni, 1888. Т. 13 / Wyd. O. Pietruski, X. Liske. XIV, 730 s.
11. AGZ. We Lwowie: Z I. Związkowej drukarni, 1889. Т. 14 / Wyd. O. Pietruski, X. Liske. XVII, 635 s.
12. AGZ. We Lwowie: Z drukarni E. Winiarza we Lwowie, 1906. Т. 19 / Wyd. A. Prochaska. XXXIV, 855 s.
13. [*Boniecki A.*] Herbarz polski. Wiadomości historyczno-genealogiczne o rodach szlacheckich. S. l., s. a. Т. 13. 400, IV s.
14. Codex epistolaris saeculi XV / Collectus opera A. Lewicki. Cracoviae: Typis Universitatis Iagellonicae, 1891. Т. 2. LXXVII, 531 p.
15. *Dąbkowski P.* Zwierciadło szlacheckie. Lwów: Wschod. Wydawnictwo do dziejów i kultury ziem wschodnich Rzeczypospolitej Polskiej, 1928. IV, 216 s.
16. *Paprocki B.* Herby rycerstwa polskiego, zebrane i wydane r. p. 1584 / Wyd. K.J. Turowskiego. Kraków: Nakładem wydawnictwa biblioteki Polskiej, 1858. 964, CLXII, 11 s.
17. *Przyboś K.* Urzędnicy województwa ruskiego XIV–XVIII wieku (ziemie halicka, lwowska, przemyska, sanocka). Spicy. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1987. 415 s.
18. *Źródła dziejowe.* Warszawa: Warszawska Drukarnia Estetyczna, 1902. Т. 18. Cz. 1/ Ziemie ruskie. Ruś Czerwona / Opis. przez A. Jabłonowskiego. 252, XVIII, 72, 66 (B).

REFERENCES

1. Kupchinskiy, O. (1997) Zabuti ta nevidomi staroukrainski gramoti XIV – pershoj polovini XV st. [Forgotten and unknown old Ukrainian diplomas of the 14th – first half of the 15th century]. *Zapiski Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka*. CCXXXIII. pp. 333–359.
2. Kupchinskiy, O. (2004) *Akti ta dokumenti Galitsko-Volinskogo knyazivstva XIII – pershoj polovini XIV stolit'. Doslidzhennya. Teksti* [Acts and documents of the Galician-Volhynian Principality of the 13th – first half of the 14th centuries. Research. Texts]. Lviv: The Shevchenko Scientific Society.
3. Mikhaylovskiy, V. (2010) Istoriya odnogo rozmezhuvannya bilya Krilosa v 1412 rotsi [The history of one demarcation near Krylos in 1412]. *Visnik Lvivskogo universitetu. Seriya istorichna*. 45. pp. 521–544.
4. Pashin, S.S. (1996) *Chervonorusskie akty XIV–XV vv. i gramoty knyazya Lva Danilovicha* [The Chervonnaya Rus Acts of the 14–15th centuries and diplomas of Prince Lev Danilovich]. Tyumen: Tyumen State University.
5. Pashin, S.S. (2001) *Peremysl'skaya shlyakhta vtoroy poloviny XIV – nachala XVI veka: Istoriko-genealogicheskoe issledovanie*. [The Peremysl nobility of the second half of the 14th – early 16th century: A historical and genealogical research]. Tyumen: Tyumen State University.
6. Rozov, V. (ed.) (1917) *Yuzhnorusskie gramoty* [South Russian Diplomas]. Vow. 1. Kiev: The Kiev-Pechersk Assumption Lavra.
7. Pietruski, O. & Liske, X. (eds) (1876) AGZ. Vol. 6. Lwowie: Z drukarni narodowej W. Manieckiego.
8. Pietruski, O. & Liske, X. (eds) (1884) AGZ. Vol. 10. Lwow: Z I. Związkowej drukarni.
9. Pietruski, O. & Liske, X. (eds) (1887) AGZ. Vol. 12. Lwow: Z I. Związkowej drukarni.
10. Pietruski, O. & Liske, X. (eds) (1888) AGZ. Vol. 13. Lwow: Z I. Związkowej drukarni.
11. Pietruski, O. & Liske, X. (eds) (1889) AGZ. Vol. 14. Lwow: Z I. Związkowej drukarni.
12. Prochaska, A. (ed.) (1906) AGZ. Vol. 19. Lwow: Z drukarni E. Winiarza we Lwowie.
13. [Boniecki, A.] (n.d.) *Herbarz polski. Wiadomości historyczno-genealogiczne o rodach szlacheckich*. Vol. 13. p. l. Warszawa; Kraków: Gebethner i Wolff.
14. Lewicki, A. (ed.) (1891) *Codex epistolaris saeculi XV*. Vol. 2. Cracoviae: Typis Universitatis Jagellonicae.
15. Dąbkowski, P. (1928) *Zwierciadło szlacheckie*. Lwów: Wszchod. Wydawnictwo do dziejow i kultury ziem wschodnich Rzeczypospolitej Polskiej.
16. Paprocki, B. (1858) *Herby rycerstwa polskiego*. Kraków: Nakładem wydawnictwa biblioteki Polskiej.
17. Przyboś, K. (1987) *Urządnicy województwa ruskiego XIV–XVIII wieku (ziemie halicka, lwowska, przemyska, sanocka)*. Spicy. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.

18. Jabłonowski, A. (ed.) (1902) *Źródła dziejowe*. Vol. 18(1). Warszawa: Warszawska Drukarnia Estetyczna.

Пашин Сергей Станиславович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и мировой политики Тюменского государственного университета (Россия).

Sergey S. Pashin – Tyumen State University (Russia).

E-mail: pashin-s@yandex.ru

УДК 321:316

UDC

DOI: 10.17223/18572685/67/6

Соціально-політичні погляди Станіслава Оріховського в контексті його самоідентифікації

І.В. Владленова¹, Н.Б. Годзь²

Національний технічний університет
«Харківський політехнічний інститут»,
Україна, 61002, Харків, вул. Кирпичева, 21

¹ E-mail: vladlenova.ntuhpi@gmail.com

² E-mail: nataliia.hodz@khp.edu.ua

Авторське резюме

Аналізується спадщина Станіслава Оріховського, який ідентифікував себе з русинами. Він жив в культурі прикордонного краю, поєднуючи різні культурні елементи і стереотипи, що дозволяло йому формувати оригінальні філософські, релігійні, соціально-політичні ідеї. Вивчення його творчості допомагає визначити складні процеси формування соціокультурного простору і свідомості русинів епохи Відродження. Окрім того, розуміння цих процесів відкриває значно широкій погляд на події того часу в Європі. Своєрідність соціально-політичних поглядів Оріховського корениться в міжкультурній домініанті його світогляду. Соціально-політичні проблеми мислителя визначаються дослідженням ідеї справедливості, як базової соціальної цінності. Ментальність і національний характер впливають на формування ідей так само, як і освіта, також важливі етнокультурна самосвідомість, релігія, які мають потужний вплив на світогляд. Соціально-політичні погляди Оріховського випередили думки видатних представників Просвітництва, зокрема, його концепція про рівність всіх перед законом. Вивчення його творчості дозволяє найбільш глибоко і всебічно визначити загальні тенденції розвитку культурної, філософської, соціально-політичної думки того часу у взаємодії різних аспектів людської діяльності й асиміляції культур..

Ключові слова: русини, самоідентифікація, політика, соціально-політичні погляди, історія, національність.

Социально-политические взгляды Станислава Ореховского в контексте его самоидентификации

И.В. Владленова, Н.Б. Годзь

Национальный технический университет
«Харьковский политехнический институт»
Украина, 61002, Харьков, ул. Кирпичева, 21

¹ E-mail: vladlenova.ntuhipi@gmail.com

² E-mail: nataliia.hodz@khp.edu.ua

Авторское резюме

Анализируется наследие Станислава Ореховского, который идентифицировал себя с русинами. Он жил в культуре пограничного края, сочетая различные культурные элементы и стереотипы, что позволяло ему формировать оригинальные философские, религиозные, социально-политические идеи. Изучение его творчества помогает определить сложные процессы формирования социокультурного пространства и сознания русинов эпохи Возрождения. Более того, понимание этих процессов дает более широкий взгляд на события того времени в Европе. Своеобразие социально-политических взглядов Ореховского коренится в межкультурной доминанте его мировоззрения. Социально-политические проблемы мыслителя определяются исследованием феномена справедливости как базовой социальной ценности. Ментальность и национальный характер влияют на формирование идей так же, как и образование, также важны этнокультурное самосознание, религиозные предпочтения. Социально-политические взгляды Ореховского опередили мысли выдающихся представителей Просвещения, в частности значима его концепция о равенстве всех перед законом. Изучение его творчества позволяет наиболее глубоко и всесторонне определить общие тенденции развития культурной, философской, социально-политической мысли того времени во взаимодействии различных аспектов человеческой деятельности и ассимиляции культур.

Ключевые слова: русины, самоидентификация, социально-политические взгляды, политика, история, национальность.

Socio-political views of Stanislav Orekhovsky in the context of his self-identification

I.V. Vladlenova¹, N.B. Hodz²

National Technical University “Kharkiv Polytechnic Institute”

21 st. Kirpicheva, Kharkiv, 61002, Ukraine

¹ E-mail: vladlenova.ntuhpi@gmail.com

² E-mail: nataliia.hodz@khp.edu.ua

Abstract

The paper analyses the legacy of Stanislav Orekhovsky, who identified himself with the Rusins. He lived in the culture of the borderland, combining various cultural elements and stereotypes, which formed his original philosophical, religious, and socio-political ideas. The study of his work helps to determine the complex processes of the formation of the socio-cultural space and consciousness of the Rusins during the Renaissance. Moreover, understanding these processes provides a broader view of the events of that time in Europe. The originality of Orekhovsky's socio-political views is rooted in the intercultural dominant of his worldview. His socio-political views are determined by the idea of justice as a basic social value. Mentality and national character influence the formation of ideas in the same way as education, ethnocultural self-awareness, and religion. Orekhovsky's socio-political views advanced those of other prominent representatives of the Enlightenment, in particular, his concept of equality of all under the law. His works provide a most deep and comprehensive picture of general trends in the development of cultural, philosophical, and socio-political thought of that time in the interaction of various aspects of human activity and the assimilation of cultures.

Keywords: Rusins, self-identification, socio-political views, politics, history, nationality.

Видатний мислитель, якого називали «рутенським Демосфеном», Станіслав Ореховський народився 11 листопада 1513 року в невеликому селищі, що належало до Перемишльської єпархії, в Руському воєводстві, яке було адміністративно-територіальною одиницею Королівства Польського та Речі Посполитої на українських землях у 15–18 столітті [1]. Руське воєводство утворилося на території Галицько-Волинського князівства, яке ще називають Галицька Русь [61]. Станіслав Ореховський називався Роксоланом, або Русіном, визначаючи себе за національністю поляком, за родиною – русином. Із гуманістів-русинів того часу також відомий Павло Русин із Коросно, який підписувався Паулюс Рутенус [17]. М. Попович у книзі «Нарис історії

культури України» вказує, що імена Ruthenus, Roxolanus, Rossicus, Le Russia зустрічаються в Віттенберзі, Грайфсвальді, Ростоці, Базелі, Парижі, Болоньї, Падуї, Кракові [63]. Він також зазначає, що більшість студентів-русинів становили вихідці з Русинського воєводства. Також досить відомим у XIV столітті є «ліценціат мов і бакалавр рутенської нації з Києва» Герман Вілевич.

Як зазначає Г. Нудьга, студенти з нотаткою «русин» в метриках Гейдельберзького університету зустрічаються від середини 16 століття, із відомих русинів можна назвати Петра Корсана та Юрія Келяновського, Миколу Тарановського та Павла Боїма [44: 205]. Також молодь з України охоче обирала для навчання Вюртемберзький університет, який заснований у 1502–1518 роках, а потім об'єднаний з університетом у місті Галле, де п'ятнадцятирічного Станіслава Оріховського прихистив Лютер, поселивши у власному домі. За 16 літ до університету прибуло 22 студенти-«русини» [44: 207]. У Кенігсберзькому університеті навчалися представники з усіх кінців України, і називалися не тільки русинами, а й українцями (Яків Хорошкевич, Яків Денисів та рутенуси з Поділля: Клебек Беський, Іван Сорока та Станіслав Зерницький [44: 207]).

Нудьга зазначає, що Оріховський одержав ґрунтовну освіту, став популярним у Європі письменником, публіцистом, оратором [44: 206], тому не дивно, що сучасники називали його рутенським філософом. «Сам Оріховський протягом усього життя підкреслював: Я-русин, гордий цим і охоче говорю про це всюди, він один з перших українців, які вступили до Верттенберзької вищої школи» [44: 207].

Станіслав Оріховський у листі до Яна Франциска Коммедоні 10 грудня 1564 року пише про своїх предків, які, як він вважає, були польськими лицарями, які прибули на Русь, осіли там, взяли шлюб з русинками, придбали село Оріховці в Перемишлянській єпархії і заснували там свій маєток. З того часу багато русинських воїнів, які були вихідцями з того села, почали носити прізвище Оріховських [14]. Станіслав Оріховський був людиною, яка жила у культурі прикордонного краю, поєднуючи різні культурні елементи та стереотипи, що дозволяло йому формувати оригінальні філософські думки.

Вивчення спадщини Оріховського допомагає визначити складні процеси формування соціокультурного простору та свідомості русичів доби Відродження. Більше того, розуміння цих процесів дає більш широкий погляд на події того часу в Європі. Незважаючи на польське громадянство, він не забуває своє русинське коріння.

Оріховський був суперечливою особистістю, який завжди «порушував правила гри». Вивчення його творчості таке ж суперечливе, як і він сам. Юзеф Оссолінський, польський дослідник доби Прос-

вітництва, присвятив Оріховському свою монографію, де зібрав усю інформацію про його творчість та життєвий шлях [16]. Треба також відзначити праці Альфреда Роха [2] та Станислава Тарновського [22], Жозефа Корзенівського [6], Тадеуша Смоленські [16] та Дмитра Вирського [24], в яких відбувається спроба дослідження багатогранної автобіографічної спадщини Оріховського. Філософсько-правові погляди Оріховського досліджували: Юзеф Ліхтенштул [10], Перемислав Кшивошинський [8], Ян Мусял [11].

Своєрідність соціально-політичних поглядів Оріховського корениться в міжкультурній домінівності його світогляду. Соціально-політичні проблеми мислителя окреслюються дослідженням ідеї справедливості, як базової соціальної цінності, яка розкривається у зв'язці «закон-справедливість». Ці погляди цього часу не отримали повного висвітлення в гуманітарному знанні. Хоча його біографія достеменно вивчається, загальна картина його поглядів, становлення та боротьби ідей поки не зовсім зрозуміла. Також є прогалини в розумінні його релігійних поглядів. В дослідженні релігійних феноменів важко виробити критерії об'єктивної оцінки, бо існує проблема світоглядної незаангажованості, об'єктивності та толерантності. Дослідники його релігійних пошуків, як правило обмежуються описом подій із його життя, які так чи інакше пов'язані з його пошуками оновлення релігії: Владзимеж Ольшанець [12]; Кшиштоф Келер [5]; Анджей Каїм [3]. Спроба докопатися до істини, як в пізнанні, так і в вірі, прагнення змінити соціально-релігійні устої, спонукали його до небезпечних викликів і постійної загрози арешту. Деякі аспекти цього конфлікту було висвітлено в монографії Д. Вигорського [30], в якій він називає Оріховського «знаковою постаттю української історичної науки», хоча іноді називає його «українсько-польським інтелігентом» останнього «передлюблінського» покоління. Д. Вигорський звертає увагу на специфіку української ранньонаціональної, як він її називає – «протонаціональної» свідомості. Пошук своєї національної ідентичності може відбуватися через символи культури, які формують національний образ. Національна ідентичність проявляється, перш за все, в символах, які є знаком, що набувають інтерпретацію під впливом культури та історичного розвитку. Так, символи ідентичності включаються в якості елементів до складу політичної сфери, можуть сприяти консолідації суспільства, формувати національну ідею, чи навпаки, включатися в інші культурні традиції під впливом зовнішнього тиску чи асиміляції. Сучасна гуманітарна думка має невелику кількість спеціальних досліджень теорії людини як символічної істоти, найбільш впливовий дослідник символів культури Е. Кассіпер, який вважав, що міф, мистецтво, релігія, наука є частинами символічного універ-

суму, і що вони створюють свої особливі символічні форми, якщо і не схожі на інтелектуальні символи, хоча рівні їм за своїм духовним походженням [33].

Проблема національної ідентичності особливо гостро постала для людей, які виховуються на перетині різних культур, приміром, Оріховський сам називав себе русином, польський літературознавець Шимон Старовольський, згадуючи про нього у праці «Життя славних поляків», називає його польським письменником, а українські дослідники свідомо відносять його до української спадщини: М. Попович [63]; Д. Наливайко [41]; В. Нічик, В. Литвинов, Я. Стратій [43]. Проблема також в тому, що кожен із цих дослідників вивчає творчість Оріховського під одним кутом, та, в цілому, західна культурна система відліку формує спосіб, яким ми класифікуємо реальність, будуємо наші теорії, перевіряємо наші гіпотези, і як вважає А. Вежбіцька, робимо універсальні припущення на основі «канонічних» англійських дескрипторів [23]. Культура дослідника звісно впливає на когнітивний зміст дослідження, на те, як люди розрізняються у своїх переживаннях, поглядах та очікуваннях. Тому не дивно, що українські дослідники вважали Оріховського українським мислителем, а польські – польським, хоча сам він називав себе русином. Більшість праць Оріховського дійсно написано польською мовою, українські переклади побачили світ завдяки старанням В. Литвинова [45–61].

Проблема самоідентифікації завжди пов'язана з історією суспільства: вигаданою чи дійсною. Оріховський пояснював свої сміливі вчинки тим, що він, начебто, ще й сармат. Існує такий термін, як сарматизм [61]. Д. Вирський також виділяє роксоланство і хозаризм, які стали оригінальними варіантами сарматизму в Україні. Таким чином, питання історії виникнення народу стає основою для «національної» міфотворчості. Сарматизм спирається на ідею про походження нації Східної Європи від стародавнього войовничого народу сарматів, мешканців Сарматії [25]. У відомому трактаті Матвія Міховського написано про дві Сарматії: одна знаходиться в Європі, інша – в Азії. Саме в європейській області живуть руси або рутени [39].

Етнічна самосвідомість – це досить складний культурний феномен, який слід розглядати в єдності основних її складових, які можуть змінюватися з часом під впливом різних факторів. Оріховський виріс на місці зустрічі різних культур та релігійних орденів, маючи можливість подорожувати та здобувати освіту, він знайомився з німецькою культурою, італійською, спілкуватися з багатьма діячами, які вплинули на подальший розвиток культури: Мартіном Лютером, християнським богословом, венеціанським дипломатом Гаспаро Контаріні, лідером Контрреформації Мартіном Кромером [16]. Освіта в різних містах,

спілкування з видатними діячами, етнокультурна ідентифікація складають коло світоглядних установ Оріховського, що виглядає, як дивна мозаїка різних елементів, але з іншого боку ми бачимо бажання виявити свій особистий шлях, знайти якусь універсальність. Спроби змінити релігійні правила привели до проблем, які Оріховський мав з церковною організацією – його відлучили від церкви. Він розглядав релігію як ціннісну модель поведінки, яка дає орієнтир для людини в соціумі, при цьому вважав, що релігія має вищий, сакральний зміст, наполягаючи на тому, що соціальні зміни, які відбуваються в суспільстві повинні корелюватися зі змінами в релігії [50].

Таким чином, складені разом різні елементи культури, особливості розвитку суспільства, міфології, сприйняття своєї ідентичності, як елементи складної мозаїки, відображають одну спільну рису видатного мислителя: більш цілісне зображення єдиного задуму, який притаманний Оріховському – спробу всі ці елементи об'єднати в одну філософську систему. Але такі намагання завжди приводять до конфліктів різних інтересів. Глибинні механізми формування соціальної ідентичності кореняться в неспокої і страху втрати своє Я, обмежують творчий пошук. У Оріховського виникає конфлікт в розумінні церковних настанов та бажання продукувати абсолютно нові ідеї, які б були неможливі в замкнутому культурному середовищі. Він народився у сім'ї, де батько був католиком, а мати – православною християнкою [1]. Оріховський усіма силами намагався об'єднати роз'єднане християнство [4]. Він був на рідкість багатогранним мислителем та передбачив ряд ідей, які були озвучені тільки в добу Просвітництва. Його відношення до релігії, культури, політики, суспільства складні й амбівалентні. Релігія для нього виступає специфічною культуротворчою силою, яка відкриває моральні, життєві та смислові горизонти, які неминуче ведуть до зміни соціально-філософських уявлень. З іншого боку, релігія включає людину в світ абсолютних цінностей, вона обмежує її, стримує пошук нових ідей та тлумачень. Ми бачимо спроби вийти за межі релігії, яка сприймається Оріховським як соціальна система, що потребує трансформації, бо сильно обмежує волю людини [20]. Він розвивав цю думку задовго до Ф. Ніцше [42]. Релігійні закони, догми та принципи визначають поведінку людини та її тип мислення, впливають на розуміння ідентичності. Оріховський намагався кинути релігії виклик. Задовго до формування законів про права людини він наголошував на тому, що людина має право на свободу думки, совісті і релігії, що також означає свободу змінювати свою релігію або переконання, і свободу сповідувати свою релігію. Ф. Ніцше в роботі «Ессе Номо» писав, що його філософія – це похід проти моралі, що формується в лоні релігії [42]. Його задача, як і

спроби Оріховського: переоцінка всіх цінностей. Існують дві області, в яких протікає життя релігійної людини: релігійна та світська, які знаходяться в складному взаємовідношенні, взаємно виключають і взаємно доповнюють один одного, а на перетинах цих областей може виникати джерело конфлікту. Оріховський проповідував погляди, які не відповідали вченню церкви щодо безшлюбності священників.

У своїй праці «Проти безшлюбності католицького духовенства» сміливість цієї ідеї він пояснював тим, що він «сармат, та ще й русин» [14]. 17 червня 1547 року Оріховський був звинувачений в зневажливому ставленні до начальства, і він в присутності вищого духовенства виступив з промовою про моральні переваги одруження православних священників, проти целібату католицьких священників, а потім, згодом, і сам одружився [54]. Оріховського дуже цікавило це питання оскільки у нього самого була неформальна дружина – Анна Запарчанка, з якою у нього були діти, також він мав провідні ідеї стосовно поважливого ставлення до жінок, які на той час мали небагато прав. Він вважав, що хто знайшов добру жінку, той знайшов добро, і милість отримав від Господа [54]. Пояснюючи, навіщо йому дружина, в листі до тата він пише, що дружина йому потрібна, для того, щоб уникнути розпусти і народити нащадків, і це природне право не суперечить людським звичаям [46]. Він наводив логічні доводи своєї думки про одруження священників, зазначаючи, що безшлюбність може призвести до краху культурних та соціальних зв'язків, як це сталося в Содомі, Гоморі, в Римі. Він вважав, що священник, який має дружину, благородний і, крім того, більше розуміє світ, а отже, здатний більшою мірою допомогти своїм вірянам. Допоміжним аргументом було те, що скасування безшлюбності може суттєво послабити вплив Мартіна Лютера [14]. Такі ідеї, звісно були бунтом. Задовго до екзистенціалізму А. Камю він почав бунтувати. Для Камю абсурд – це життєвий перехід, відправна точка, екзистенціальний еквівалент філософського сумніву Декарта [31]. Абсурд є пошуком протиріччя в самому собі. Без сумнівів, Оріховський – це людина, яка мала глибокий дар оригінального мислення. Він здобув гарну на той час освіту. Наукові дослідження – це завжди пошук нового, це стимул до реформації, але оволодіння знаннями завжди поєднане з труднощами, що вимагає від людини завзятості та наполегливості. Для Оріховського духовним заколотом став екзистенційний бунт.

Ментальність та національний характер впливає на світогляд так само, як і освіта, також важливі етнокультурна самосвідомість, релігія, що мають потужний вплив на світобачення. Міжкультурні дослідження передбачають систематичне порівняння різних культур, спрямованих на розуміння змін людської поведінки, оскільки на неї впливає куль-

турний контекст. Цей дослідницький підхід в першу чергу стосується вивчення того, як наші знання про людей та їх поведінку з однієї культури можуть чи не можуть стосуватися людей з іншої культури. Для Оріховського, який виріс в сім'ї з різними релігійними вподобаннями, тема об'єднання християн, необхідність церковних реформ – є однією з важливіших проблем суспільства [1]. Погляди Оріховського змінювались протягом життя. Спочатку він активно просував демократичні цінності, стверджував, що закон не повинен кодифікуватися, він суперечить старим звичаям і, крім того, може обмежити свободу дворянства [14]. На його думку, суттю польської системи була влада, притаманна її громадянам, яка могла бути виражена лише тоді, коли вони були вільними. Потім з'явився негативних наслідків свободи та вільних виборів, бо зрештою, шляхта могла обрати невірною чи навіть язичника. У своїх пізніших роботах він навіть представляв себе прихильником теократії, тобто абсолютного підпорядкування Ватикану в моральному та політичному сенсі [47]. Священик повинен стояти над королем, тобто польський правитель не повинен бути незалежним, але завжди повинен узгоджувати свою позицію з представником Церкви. В.С. Соловійов, який жив пізніше, називав теократію найкращим суспільним ладом, бо там реалізується божественний задум. Але проблема набагато глибша, бо піднімає питання справедливості та моральних устоїв в державі [68]. Серед сучасних західних теорій справедливості, найбільш відомою є робота Дж. Ролза «Теорія справедливості», в якій справедливість розглядається, як політична цінність. Для Ролза справедливість – це критерій моральної оцінки соціальних систем. Для Оріховського справедливим може бути намісник бога на землі в ролі церковного духовенства [65].

Соціально-політичні погляди Оріховського досить відрізнялися від поглядів його сучасника – Миколи Макіавеллі [37]. Ми знаємо макіавеллізм як термін, який описує стратегію безрассудливої безпринципної політики, яка спрямована на корисливу вигоду [38]. Макіавеллі вважав, що підданих треба тримати в покорі, а на питання, що краще: щоб государя любили, чи щоб його боялися? – відповідав однозначно: боялися. Макіавеллі визнавав, що любов погано уживається зі страхом, тому якщо вже доводиться вибирати, то надійніше вибрати страх, тим більше, що люди по своїй природі невдячні, непостійні, схильні до лицемірства і обману, їх відлякує небезпека і тягне нажива [37]. Термін «макіавеллізм» часто використовується у психології, де він описує людину, яка зосереджена на власних інтересах, націлена маніпулювати, обманувати та використовувати інших для досягнення своїх цілей [38]. Макіавеллі вважав, що не існує моральної основи, на якій можна було б судити про різницю між за-

конним та незаконним використанням влади. Макіавеллізм – це риса особистості, що характеризується міжособистісними маніпуляціями та пов'язана зі специфічними моделями емоційних та соціальних навичок пізнання [37]. Терміни «макіавелліст» або «макіавеллізм» широко використовуються в соціально-політичному дискурсі. З точки зору Оріховського використання політичної влади було законним лише в тому випадку, якщо воно здійснювалося правителем, особистий моральний характер якого був суворо добродесним відповідно до загальноприйнятих стандартів етичної доброти. Він визнавав, що не всяка людина здатна бути при владі, а лише та, що за природою своєю прагне до правди і справедливості. Але й цього недостатньо, треба любити свою працю, керувати державою з любов'ю. Гідний король, за Оріховським, повинен бути справедливим, чесним. Для Оріховського ідея справедливості займає головне місце як у етиці, з так і у законах державної політики [53].

Д. Ролз постулює, що справедливість як чесність буде вважатися розумною і корисною концепцією, навіть якщо вона і не повністю переконлива для широкого кола глибоких політичних питань [65]. За Кантом, моральна філософія виходить із загальної ідеї блага та моральних законів. Закон виступає моральним обов'язком, завдяки наявності волі людина може робити вчинки, виходячи з принципів [32]. Ідеї Оріховського про верховенство законів випередили ліберальні ідеї філософа Просвітництва Д. Локка [36].

Оріховський, відповідаючи на питання: «Як король повинен добувати прихильність у підлеглих?», доводить, що король повинен бути сторожем держави. Правитель не повинен бути жадібним, лукавим, повинен проявляти щедрість, доброзичливість [49]. Король повинен підкорюватися закону, як і всі інші. Але потім Оріховський змінив свою думку, включивши в свою концепцію справедливості теократичні елементи. Пізніше подібні уявлення Д. Локк критикував в своїх працях: якщо необмежена влада монарха санкціонована Богом, то це, на його думку, призведе лише до рабства. Тому Локк вважав, що слід розрізняти, що дано Богом, а що залежить від волі людини [36].

Оріховський пов'язує взірцеве керування державою з мудрістю правителя, він пише, що найкраща доблесть для короля – це мудрість. Також до керування державою треба залучати людей не за титулами, але дивись на їхні діла, які сприяють осягненню найвищих посад у державі. Заради справедливості необхідна рівність усіх перед законом, закон, в свою чергу, є джерелом ліків від державних хвороб, так саме, як лікам все одно, кого треба лікувати: бідного чи багатого, так саме і в державі закон відноситься до всіх [49].

Творча спадщина Станіслава Оріховського дуже багатогранна,

дослідження його спадщини не може бути обмежено традиційними дисциплінами та вимагає міждисциплінарного підходу. Важливими є соціально-політичні погляди Оріховського, які випередили думки видатних представників Просвітництва, зокрема, його концепція про рівність усіх перед законом, – принцип, який згодом оформився у різних правових документах, в ідеї верховенства права та демократії. Його ідеї формувалися у пограниччі, в контексті міжкультурної комунікації представників різних культур, релігій і соціумів. Вивчення його творчості дозволяє найбільш глибоко і всебічно визначити загальні тенденції розвитку культурної, філософської, соціально-політичної думки тих часів у взаємодії різних аспектів людської діяльності. Проблема самоідентифікації особистості набуває актуальності в умовах зростаючої інформатизації та глобалізації, з одного боку, та з іншого – каталізує питання культурної самоідентифікації особистості. Ці тенденції поступово стають актуальною темою наукового дискурсу. На тлі розвитку глобалізаційних процесів стають більш актуальними проблеми міжкультурної комунікації, яка поєднує різні культури, пошук виходу за межі національних культур та релігій. В контексті процесів глобалізації знову актуалізуються проблеми національної, культурної ідентичності і пошук балансу між локальною культурою та її оточенням, тому стають в нагоді вивчення схожих тенденцій в інші історичні епохи. В творчості Оріховського звучать ідеї можливості вийти за межі релігійних догматів, що провокує конфлікти та окреслює контур релігійної толерантності та можливості і межі міжрелігійного діалогу. Існуюча соціокультурна ситуація не тільки породжує нові тенденції, але й дублює деякі процеси, які вже відбувалися в минулому, тому так важливо їх вивчати.

ЛІТЕРАТУРА

1. *Bohomolec F.* Życie Orzechowskiego // Orzechowski S. Żywot i śmierć Jana Tarnowskiego. Sanok, 1855. S. 5–31.
2. *Brandowski A.R.* De Stanisłai Oxii Orichovii Annalibus Polonicis. Berlin, 1860. 386 s.
3. *Kaim Andrzej.* Ekumenia w dobie renesansu. Jedność Kościoła w ujęciu S. Orzechowskiego. Lublin: Redakcja Wydawnictw Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 2002. 177 s.
4. *Kapuścik J.* Mecenaz i uczonec J.M. Ossolinski i jego działalność historycznoliteracka. Kraków, 1979. 253 s.
5. *Koehler K.* Stanisław Orzechowski i dylematy humanizmu renesansowego. Kraków: Acana; Warszawa: UKSW, 2004. 564 s.
6. *Korzeniowski J.* Orichoviana, Opera indetida et Epistulae Stanisłai Orzechowski 1543–1566. Kraków: Cracoviae, 1891. 740 p.

7. *Kosmanowa B.* Popularność Stanisława Orzechowskiego w Rzeczpospolitej szlacheckiej // *Odrodzenie i reformacja w Polsce*. T. XXII. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1977. S. 79–81.

8. *Krzywoszyński P.* Stanisław Orzechowski – ideolog demokracji szlacheckiej. Poznań, 2010. 172 s.

9. *Kubala L.* Stanisław Orzechowski i wpływ jego na rozwój i upadek Reformacji w Polsce, skład gł. w księgarni Altenberga – E. Wende i Spółka, Lwów; Warszawa, 1906. 120 s.

10. *Lichtensztul J.* Poglądy filozoficzno-prawne Stanisława Orzechowskiego. Warszawa, 1930. 194 s.

11. *Musiół J.* Stanisław Orzechowski: pisarz polityczny: materiały z konferencji naukowej w pięćsetlecie urodzin renesansowego humanisty, Przemysł-Żurawica, 17–18 października 2013. Przemysł; Kraków, 2014. S. 199–241.

12. *Olszaniec W.* Technika kompilacyjna Orzechowskiego w traktacie «Baptismus Ruthenorum». Warszawa: Instytut Filologii Klasycznej UW, 2013. 178 s.

13. *Orzechowski S.* Opowiadanie upadku przyszłego polskiego z r. 1560. Warszawa, 1901. 35 s.

14. *Orzechowski S.* Wybór pism. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. Wydawnictwo, 1972. 641 s.

15. *Orzechowski S.* Orichoviana Opera inedita et epistulae Stanisłai Orzechowski 1543–1566 / ed. J. Korzeniowski. Cracoviae, 1891. Vol. 1. 697 s.

16. *Ossoliński J.M.* Wiadomości historyczno-krytyczne do dziejów literatury polskiéy: o pisarzach polskich. T. III, Cz. I. Krakow, 1822. 458 c.

17. *Paweł z Krosna.* Humanistyczne peregrynacje krakowskiego profesora // autorstwa Albert Gorzkowski. Księgarnia Akademicka, 2000. 348 s.

18. *Salmonowicz S.* Stanisław Orzechowski: retoryka w służbie polityki // *Odrodzenie i reformacja w Polsce*. Warszawa: Semper, 2006. T. 50. S. 283–294.

19. *Starnawski J.* Ze studiów na Stanisławem Orzechowskim w: *Z ziemi przemyskiej i z krain sąsiednich*. Przemysł, 2012. 266 s.

20. Stanisława Orzechowskiego i Andrzeja Frycza Modrzewskiego spór o wiarę. Akademia Ignatianum Wydawnictwo WAM Kraków, 2013. 16 s.

21. *Starnawski J.* Stanisław Orzechowski w sądach współczesnych i potomny // *Z dziejów kultury i literatury Ziemi Przemyskiej*. Przemysł, 1973. T. 2. S. 11–21.

22. *Tarnowski S.* Pisarze polityczni XVI wieku. Kraków, 1886. T. 1. 373 s.

23. *Wierzbicka A.* English Prisoner: The Danger of English as the Default Language. OUP USA, 2014. 287 s.

24. *Wyurskyj D.* Stanisław Orichowskyj-Roksolan jak historyk ta polityczny myslitel. Kijów; Krzemieńczuk, 2001. S. 15–20.

25. *Вирський Д.* Сарматизм: рецепція у ранньомодерній Україні // *Scriptorium nostrum*. 2017. № 2 (8). S. 34–46.

26. *Вирський Д.* Станіслав Оріховський-Роксолан як історик та політичний мислитель. Київ; Кременчук: КДПУ, 2001. 217 с.

27. *Вирський Д.* Роксолани серед Сарматів: річпосполитська історіографія України (кінець XV ст. – 1659). Київ: Інститут історії України, 2013. 295 с.

28. *Вирський Д.* Станіслав Оріховський-Роксолан: життя і пам'ять. Київ: Інститут історії України, 2013. 215 с.

29. *Вирський Д.* Ярлики і комікси сарматизму (рец. на кн.: Лескинен М.В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой). М.: Институт славяноведения РАН, 2002. 178 с.

30. *Вирський Д.* Початок сучасності: друга хвиля глобалізації, кінець Старого Порядку та Україна (XV – середина XIX ст.) / *Наук. ред. І. Колесник.* Київ: НАН України. Інститут історії України, 2019. 162 с.

31. *Камю А.* Бунтующий человек: философия политика, искусство. М.: Изд-во полит. лит., 1990. 414 с.

32. *Кант И.* Основы метафизики нравственности (С рецензией на книгу И. Шульца. 1783) // *Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 4, ч. I.* 544 с.

33. *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 1: Язык. М.: Университетская книга, 2002. 272 с.

34. *Литвинов В.Д., Множинська Р.В.* «Гендерні» погляди Станіслава Оріховського (українського мислителя 1-ї половини XVI-го ст.) // *Українське релігієзнавство.* 2008. № 47. С. 188–203.

35. *Литвинов В.Д., Множинська Р.В.* Проблема унії у творах Станіслава Оріховського (поч. XVI ст.) // *Філософські обрії.* 2009. № 22. С. 162–174.

36. *Локк Дж.* Два трактата о правлении // *Сочинения: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 137–405.*

37. *Макиавелли Н.* Государь. М.: Планета, 1990. 80 с.

38. *Макіавеллізм* // *Словник української мови: в 11 т. Київ: Наукова думка, 1970–1980.*

39. *Меховский М.* О двух Сармациях // *Отечественные записки.* СПб., 1854. Т. 92. 192 с.

40. *Множинська Р.В.* Релігійно-філософські погляди Станіслава Оріховського. Київ, 2007. 150 с.

41. *Наливайко Д.С.* Станіслав Оріховський як український латиномовний письменник Відродження // *Українська література XVI–XVIII ст. та інші слов'янські літератури.* Київ: Наукова думка, 1984. С. 161–185.

42. *Ницше Ф.* Сборник произведений: «По ту сторону добра и зла», «Казус Вагнер», «Антихрист», «Ессе Ното» / *Пер. «Антихриста» В. Флерова.* М.: Харвест, 2007. 880 с.

43. *Нічик В.М., Литвинов В.Д., Стратій Я.М.* Гуманістичні і реформаційні ідеї на Україні (XVI – початок XVII ст.). Київ: Наукова думка, 1990. 372 с.

44. *Нудьга Г.А.* На літературних шляхах. Дослідження, пошуки, знахідки. Київ: Дніпро, 1990. С. 134–235.

45. *Оріховський С.* Діалог, або Розмова навколо екезеції Польської держави // *Оріховський С. Твори / переклад з латинської та старопольської В.Д. Литвинова.* Київ: Дніпро, 2004. С. 267–370.

46. *Оріховський С.* До римського папи, який вигадав целібат // *Оріховський С. Твори / Переклад з латинської та старопольської В.Д. Литвинова.* Київ: Дніпро, 2004. С. 564.

47. *Оріховський С.* Життя і смерть Яна Тарновського // *Оріховський С. Твори / Переклад з латинської та старопольської В.Д. Литвинова.* Київ: Дніпро, 2004. С. 488–528.

48. *Оріховський С.* Квінкунс, тобто вірець устрою Польської держави //

Оріховський С. Твори / Переклад з латинської та старопольської В.Д. Литвинова. Київ: Дніпро, 2004. С. 371–487.

49. *Оріховський С.* Лист до короля Сигізмунда // Оріховський С. Твори / Переклад з латинської та старопольської В.Д. Литвинова. Київ: Дніпро, 2004. С. 564–566.

50. *Оріховський С.* Лист до Павла Рамузія // Оріховський С. Твори / Переклад з латинської та старопольської В.Д. Литвинова. Київ: Дніпро, 2004. С. 587–590.

51. *Оріховський С.* Лист до Яна Франциска Комендоні про себе самого // Оріховський С. Твори / Переклад з латинської та старопольської В.Д. Литвинова. К.: Дніпро, 2004. С. 575–587.

52. *Оріховський С.* Лист Петрові Гармату // Оріховський С. Твори / Переклад з латинської та старопольської В.Д. Литвинова. Київ: Дніпро, 2004. С. 567–575.

53. *Оріховський С.* Напучення польському королю Сигізмунду II Августу // Оріховський С. Твори / переклад з латинської та старопольської В.Д. Литвинова. Київ: Дніпро, 2004. С. 31–70.

54. *Оріховський С.* Про закон целібату (промова на соборі проти Сиріція) // Оріховський С. Твори / Переклад з латинської та старопольської В.Д. Литвинова. Київ: Дніпро, 2004. С. 197–266.

55. *Оріховський С.* Про турецьку загрозу Слово друге (до короля) // Оріховський С. Твори / Переклад з латинської та старопольської В.Д. Литвинова. Київ: Дніпро, 2004. С. 95–117.

56. *Оріховський С.* Про турецьку загрозу Слово перше (до шляхти) // Оріховський С. Твори / Переклад з латинської та старопольської В.Д. Литвинова. Київ: Дніпро, 2004. С. 71–94.

57. *Оріховський С.* Промова на похороні польського короля Сигізмунда Ягелона // Оріховський С. Твори / Переклад з латинської та старопольської В.Д. Литвинова. Київ: Дніпро, 2004. С. 95–117.

58. *Оріховський С.* Проти запеклих оборонців ганебного целібату // Оріховський С. Твори / переклад з латинської та старопольської В.Д. Литвинова. Київ: Дніпро, 2004. С. 564.

59. *Оріховський С.* Станіслав Оріховський до римського папи Юлія III // Оріховський С. Твори / Переклад з латинської та старопольської В.Д. Литвинова. Київ: Дніпро, 2004. С. 164–196.

60. *Оріховський С.* Твори / Переклад з латинської та старопольської В.Д. Литвинова. Київ: Дніпро, 2004. 672 с.

61. *Оріховський С.* Хроніка польська від смерті Сигізмунда I (Старого) // Оріховський С. Твори / Переклад з латинської та старопольської В.Д. Литвинова. Київ: Дніпро, 2004. С. 529–563.

62. *Петришин Г.П.* «Карта Ф. фон Міга» (1779–1782 рр.) як джерело до містознавства Галичини. Львів: Видавництво Львівської політехніки, 2006. 292 с.

63. *Попович М.* Нарис історії культури України. Київ, 1998. С. 170–189.

64. Род Ст. Ореховского-Роксолана // Генеалогические записки Украинского генеалогического общества. Белая Церковь, 2001. С. 101–105.

65. Ролз Д. Теорія справедливості / Пер. з англ. О. Мокровольський. Київ: Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2001. 822 с.
66. Сас П.М. Українсько-польський мислитель доби Відродження Станіслав Оріховський: на шляху до історизму нового часу // Український історичний журнал. 1991. Вип. 1, № 359. С. 163–169.
67. Сліпушко О.М., Лісовська О.С. Ренессансные влияния в русинской литературе Закарпатья XVI в. // Русин. 2020. № 60. С. 138–153. DOI: 10.17223/18572685/60/8
68. Соловьев В.С. Россия и Вселенская церковь. М.: Фабула, 1991. 451 с.
69. Ст. Ореховский-Роксолан и первое украинское Возрождение // Историографические и источниковедческие проблемы истории Украины. Образ науки: межвуз. сб. науч. тр. Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского ун-та, 2000. С. 71–77.
70. Суляк С.Г. Русини Бессарабии в XIX начале XX в.: к проблеме численности // Русин. 2015. № 39. С. 95–115. DOI: 10.17223/18572685/39/7
71. Українські гуманісти епохи Відродження: антологія: у 2 ч. / Упоряд., перед. сл., прим. В.Д. Литвинова; відп. ред. В.М. Нічик. Київ: Наукова думка, 1995. Ч. 1: Ю. Дрогобич, П. Русин, С. Оріховський. 430 с.
72. Яковенко Н. Парадокси інтерпретації минулого в українському ранньонаціональному міфіві (на пам'ятках XVII–XVIII ст.) // Генеза. Київ. 1997. № 1 (5). С. 121–125.

REFERENCES

- Bohomolec, F. (1855) *Życie Orzechowskiego* [Orzechowski's life]. In: Orzechowski, S. *Zywoit i smierc Jana Tarnowskiego*. Sanok: Karol Pollak. pp. 5–31.
- Brandowski, A.R. (1860) *De Stanislai Oxii Orichovii Annalibus Polonicis*. Berlin: Gustavus Lange.
- Kaim, A. (2002) *Ekumenia w dobie renesansu. Jedność Kościoła w ujęciu S. Orzechowskiego*. Lublin: Redakcja Wydawnictw Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego.
- Kapuścik, J. (1979) *Mecenas i uczoney J.M. Ossolinski i jego działalność historycznoliteracka*. Kraków: Wydawn. Literackie.
- Koehler, K. (2004) *Stanisław Orzechowski i dylematy humanizmu renesansowego*. Kraków: Acana; Warszawa: UKSW.
- Korzeniowski, Ya. (1891) *Orichoviana, Opera indetida et Epistulae Stanislai Orzechowski 1543–1566*. Kraków: Cracoviae.
- Kosmanova, B. (1977) *Popularność Stanisława Orzechowskiego w Rzeczpospolitej szlacheckiej. Odrodzenie i reformacja w Polsce*. Vol. 22. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: [s.n.].
- Krzywoszyński, P. (2010) *Stanisław Orzechowski – ideolog demokracji szlacheckie*. Poznan: [s.n.].
- Kubala, L. (1906) *Stanisław Orzechowski i wpływ jego na rozwój i upadek Reformacji w Polsce, skład gł. w księgarni Altenberga–E. Lwów*; Warszawa: Wende i Spółka.

10. Lichtensztul, J. (1930) *Poglądy filozoficzno-prawne Stanisława Orzechowskiego* [The philosophical and legal views of Stanisław Orzechowski]. Warszawa: Skł. gl. Instytut Wydawn. Kasy Mianowskiego.
11. Musiał, J. (2014) *Stanisław Orzechowski: pisarz polityczny: materiały z konferencji naukowej w pięćsetlecie urodzin renesansowego humanisty*. Przemysł-Żurawica: [s.n.], pp. 199–241.
12. Olszaniec, W. (2013) *Technika kompilacyjna Orzechowskiego w traktacie "Baptismus Ruthenorum"*. Warszawa: Instytut Filologii Klasycznej UW.
13. Orzechowski, S. (1901) *Opowiadanie upadku przyszłego polskiego z r. 1560*. Warszawa: [s.n.].
14. Orzechowski, S. (1972) *Wybór pism*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. Wydawnictwo.
15. Orzechowski, S. (1891) *Orichoviana Opera inedita et epistulae Stanislai Orzechowski 1543–1566*. Cracoviae: [s.n.].
16. Ossoliński, J. (1822) *Wiadomości historyczno-krytyczne do dziejów literatury polskięi: o pisarzach polskich*. Vol. 3. Krakow: [s.n.].
17. Paweł z Krosna. (2000) *Humanistyczne peregrynacje krakowskiego profesora" autorstwa Albert Gorzkowski*. Księgarnia Akademicka.
18. Salmonowicz, S. (2006) Stanisław Orzechowski: retoryka w służbie polityki. In: *Odrodzenie i reformacja w Polsce*. Vol. 50. Warszawa: Semper. pp. 283–294.
19. Starnawski, J. (2012) *Ze studiów na Stanisławem Orzechowskim w: Z ziemi przemyskiej i z krain sąsiednich*. Przemysł: [s.n.].
20. Orzechowski, S. & Modrzewsky, A. (2013) *Stanisława Orzechowskiego i Andrzeja Frycza Modrzewskiego spór o wiarę*. Akademia Ignatianum Wydawnictwo WAM Kraków.
21. Starnawski, J. (1973) Stanisław Orzechowski w sądach współczesnych i potomny. *Z dziejów kultury i literatury Ziemi Przemyskiej*. Vol. 2. pp. 11–21.
22. Tarnowski, S. (1886) *Pisarze polityczni XVI wieku*. Vol. 1. Kraków: [s.n.].
23. Wierzbicka, A. (2014) *English Prisoner: The Danger of English as the Default Language*. OUP USA.
24. Wyrskij, D. (2001) *Stanislaw Orichowskyj-Roksolan jak istoryk ta polityczny myslitel*. Kijów; Krzemieńczuk: [s.n.]. pp. 15–20.
25. Wyrskij, D. (2017) Sarmatizm: retseptsiya u rann'omoderniy Ukraïni. *Scriptorium nostrum*. 2(8). pp. 34–46.
26. Wyrskij, D. (2001) *Stanislav Orikhovs'kiy-Roksolan yak istorik ta politichniy mislitel'*. Kiev; Kremenчук: KDPU.
27. Wyrskij, D. (2013) *Roksolani sered Sarmativ: richpospolits'ka istoriografiya Ukraïni (kinets' XV st. – 1659)*. Kiev: NAS of Ukraine.
28. Wyrskij, D. (2013) *Stanislav Orikhovs'kiy-Roksolan: zhittya i pam'ya*. NAN Ukraïni. Kiev: NAS of Ukraine.
29. Wyrskij, D. (2002) *Yarliki i komiksi sarmatizmu (rets. na kn.: Leskinen M.V. Mify i obrazy sarmatizma. Istoki natsional'noy ideologii Rechi Pospolitoj)*. Mosocw: RAS.
30. Wyrskij, D. (2019) *Pochatok suchasnosti: druga khvilya globalizatsii, kinets' Starogo Poryadku ta Ukraïna (XV – seredina XIX st.)*. Kiev: NAS of Ukraine.
31. Camus, A. (1990) *Buntuyushchiy chelovek: filozofiya politika, iskus* [The Rebel Man: Philosophy, Politics, Art]. Translated from French. Moscow: Izd-vo polit. lit.

32. Kant, I. (1964) *Sochineniya: v 6 t.* [Works: in 6 vols]. Vol. 4. Translated from German. Moscow: Mysl'.
33. Cassirer E. (2002) *Filosofiya simvolicheskikh form* [Philosophy of Symbolic Forms]. Vol. 1. Translated from German. Moscow: Universitetskaya kniga.
34. Litvinov, V.D. & Mnozhinska, R.V. (2008) "Genderni" poglyadi Stanislava Orikhovskogo (ukraïns'kogo mislitya 1-i polovini XVI-go st.). *Ukraïns'ke religieznavstvo*. 47. pp. 188–203.
35. Litvinov, V.D. & Mnozhinska, R.V. (2009) Problema unii u tvorakh Stanislava Orikhovskogo (poch. XVI st.). *Filosofs'ki obrii*. 22. pp. 162–174.
36. Locke, J. (1988) *Sochineniya: v 3 t.* [Works: in 3 vols]. Vol. 3. Translated from English. Moscow: Mysl'. pp. 137–405.
37. Machiavelli, N. (1990) *Gosudar'* [Sovereign]. Translated from Italian. Moscow: Planeta.
38. Bilodid, K. et al. (eds) (1970–1980) *Slovník ukraïns'koi movi: v 11 t.* Kiev: Naukova dumka.
39. Mekhovskiy, M. (1854) O dvukh Sarmatsiyakh [About two Sarmatias]. *Otechestvennye zapiski*. 92.
40. Mnozhinska, R.V. (2007) *Religiyno-filosofs'ki poglyadi Stanislava Orikhovskogo*. Kiev: NAS of Ukraine.
41. Nalivayko, D.S. (1984) Stanislav Orikhovskiy yak ukraïns'kiy latinomovniy pis'mennik Vidrodzhennya [Stanislav Orikhovskiy as a Ukrainian Latin writer of the Renaissance]. In: Mishanich, O. (ed.) *Ukraïns'ka literatura XVI-XVIII st. ta inshi slov'yans'ki literaturi*. Kiev: Naukova dumka. pp. 161–185.
42. Nietzsche, F. (2007) *Sbornik proizvedeniy: "Po tu storonu dobra i zla"; "Kazus Vagner"; "Antikhrist"; "Ecce Homo"* [Collected works "Beyond Good and Evil"; "Casus Wagner"; "Antichrist"; "Ecce Homo"]. Translated from German. Moscow: Kharvest.
43. Nichik, V.M., Litvinov, V.D. & Stratiy, Ya.M. (1990) *Gumanistichni i reformatsiyini ideï na Ukraïni (XVI – pochatok XVII st.)*. Kiev: Naukova dumka.
44. Nudga, G.A. (1990) *Na literaturnikh shlyakhakh. Doslidzhennya, poshuki, znakhidki* [On literary paths. Research, searches, discoveries]. Kiev: Dnipro. pp. 134–235.
45. Orikhovskiy, S. (2004a) *Tvori* [Works]. Translated from Latin and Old Polish by V.D. Litvinov. Kiev: Dnipro. pp. 267–370.
46. Orikhovskiy, S. (2004b) *Tvori* [Works]. Translated from Latin and Old Polish by V.D. Litvinov. Kiev: Dnipro.
47. Orikhovskiy, S. (2004c) *Tvori* [Works]. Translated from Latin and Old Polish by V.D. Litvinov. Kiev: Dnipro. pp. 488–528.
48. Orikhovskiy, S. (2004d) *Tvori* [Works]. Translated from Latin and Old Polish by V.D. Litvinov. Kiev: Dnipro. pp. 371–487.
49. Orikhovskiy, S. (2004e) *Tvori* [Works]. Translated from Latin and Old Polish by V.D. Litvinov. Kiev: Dnipro. pp. 564–566.
50. Orikhovskiy, S. (2004f) *Tvori* [Works]. Translated from Latin and Old Polish by V.D. Litvinov. Kiev: Dnipro. pp. 587–590.
51. Orikhovskiy, S. (2004g) *Tvori* [Works]. Translated from Latin and Old Polish by V.D. Litvinov. Kiev: Dnipro. pp. 575–587.

52. Orikhovsky, S. (2004h) *Tvori* [Works]. Translated from Latin and Old Polish by V.D. Litvinov. Kiev: Dnipro. pp. 567–575.
53. Orikhovsky, S. (2004i) *Tvori* [Works]. Translated from Latin and Old Polish by V.D. Litvinov. Kiev: Dnipro. pp. 31–70.
54. Orikhovsky, S. (2004j) *Tvori* [Works]. Translated from Latin and Old Polish by V.D. Litvinov. Kiev: Dnipro. pp. 197–266.
55. Orikhovsky, S. (2004k) *Tvori* [Works]. Translated from Latin and Old Polish by V.D. Litvinov. Kiev: Dnipro. pp. 95–117.
56. Orikhovsky, S. (2004l) *Tvori* [Works]. Translated from Latin and Old Polish by V.D. Litvinov. Kiev: Dnipro. pp. 71–94.
57. Orikhovsky, S. (2004m) *Tvori* [Works]. Translated from Latin and Old Polish by V.D. Litvinov. Kiev: Dnipro. pp. 95–117.
58. Orikhovsky, S. (2004n) *Tvori* [Works]. Translated from Latin and Old Polish by V.D. Litvinov. Kiev: Dnipro.
59. Orikhovsky, S. (2004o) *Tvori* [Works]. Translated from Latin and Old Polish by V.D. Litvinov. Kiev: Dnipro. pp. 164–196.
60. Orikhovsky, S. (2004p) *Tvori* [Works]. Translated from Latin and Old Polish by V.D. Litvinov. Kiev: Dnipro.
61. Orikhovsky, S. (2004q) *Tvori* [Works]. Translated from Latin and Old Polish by V.D. Litvinov. Kiev: Dnipro. pp. 529–563.
62. Petrishin, G.P. (2006) “*Karta F. fon Mira*” (1779–1782 rr.) yak dzherelo do mistoznavstva Galichini. Lviv: Vidavnistvo L'vivs'koi politehniki.
63. Popovich, M. (1998) *Naris istorii kul'turi Ukraini* [Essay on the history of Ukrainian culture]. Kiev: [s.n.]. pp. 170–189.
64. Anon. (2001) Rod, St. Orehovskogo-Roksolana [The family of St. Orekhovsky-Roksolan]. In: *Genealogicheskie zapiski Ukrainskogo genealogicheskogo obschestva* [Genealogical Notes of the Ukrainian Genealogical Society]. Belaya Cerkov: [s.n.]. pp. 101–105.
65. Rawls, D. (2001) *Teoriya spravedlivosti* [Theory of Justice]. Translated from English by O. Mokrovolskiy. Kiev: Vid-vo Solomii Pavlichko “Osnovi”.
66. Sas, P.M. (1991) Ukraïns'ko-pol's'kiy mislitel' dobi Vidrozhennya Stanislav Orikhovs'kiy: na shlyakhu do istorizmu novogo chasu. *Ukrains'kiy istorichnyi zhurnal*. 359. pp. 163–169.
67. Slipushko, O.M. & Lisovska, O.S. (2020) Renaissance influences in the Rusin literature of Transcarpathia in the 16th century. *Rusin*. 60. pp. 138–153 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/60/8
68. Soloviev, V.S. (1991) *Rossiya i Vselenskaya tserkov'* [Russia and the Ecumenical Church]. Moscow: Fabula.
69. Vyrsky, D.S. (2000) St. Orekhovskiy-Roksolan i pervoe ukrainskoe Vozrozhdenie [St. Orekhovsky-Roksolan and the first Ukrainian Renaissance]. In: *Istoriograficheskie i istochnikovedcheskie problemy istorii Ukrainy. Obraz nauki* [Historiographical and Source Study Problems of the History of Ukraine. The Image of Science]. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University. pp. 71–77.
70. Sulyak, S.G. (2015) The Rusins of Bessarabia in the 19th – beginning of the 20th Centuries: the Question of Numbers. *Rusin*. 39. pp. 95–115 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/39/7

71. Nichik, V.M. & Litvinov, V.D. (eds) (1995) *Ukraïns'ki gumanisti epokhi Vidrodzhennya: antologiya*. Vol. 1. Kiev: Naukova dumka.

72. Yakovenko, N. (1997) Paradoksi interpretatsii minulogo v ukraïns'komu rann'onatsional'nomu mifovi (na pam'yatkakh XVII–XVIII st.). *Geneza. Kiiv*. 1(5). pp. 121–125.

Владлена Іліана Вікторівна – доктор філософських наук, професор кафедри філософії Національного університету «Харківський політехнічний інститут» (Україна).

Владлена Илиана Викторовна – доктор философских наук, професор кафедри філософії Національного університету «Харьковский политехнический институт» (Україна).

Iliana V. Vladlenova – National Technical University “Kharkiv Polytechnic Institute” (Ukraine).

E-mail: vladlenova.ntuhpi@gmail.com

Годзь Наталія Борисівна – доктор філософських наук, професор кафедри філософії Національного університету «Харківський політехнічний інститут» (Україна).

Годзь Наталья Борисовна – доктор философских наук, професор кафедри філософії Національного університету «Харьковский политехнический институт» (Україна).

Nataliia B. Hodz – National Technical University «Kharkiv Polytechnic Institute» (Ukraine).

E-mail: nataliia.hodz@khp.edu.ua

УДК 930.272

UDC

DOI: 10.17223/18572685/67/7

Антисемитизм на землях Речи Посполитой в XVI–XVIII вв. и его отражение в старопольской литературе

Н.В. Эйльбарт

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена

Россия, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48

E-mail: ejlbart@mail.ru

Авторское резюме

Рассматривается проявление антисемитских настроений в польской литературе в XVI–XVIII вв., а также экономические, политические и религиозные корни этого явления. На примере произведений С. Клоновича, Я. Кмиты, П. Скарги, П. Моецкого отражена степень негативного общественного мнения относительно евреев среди шляхты, мещан и духовенства. Делается вывод об угнетенном с экономической и моральной точки зрения состоянии польских еврейских общин, а также и об экономической зависимости шляхты от еврейского ростовщичества. Во многом антисемитизм того времени имел место только на бумаге, на деле же лозунги выселить евреев с территории Речи Посполитой или же крестить их в католическую веру никогда не были реализованы. К концу XVIII в. антисемитские лозунги в польской публицистике и вовсе сходят на нет, уступая идеям реформирования еврейских общин в духе идей Просвещения.

Ключевые слова: евреи, Речь Посполитая, антисемитизм, польские старопечатные издания, С. Клонович, Я. Кмита, П. Скарга, П. Моецкий.

Antisemitism in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 16th – 18th centuries and its reflection in old Polish literature

N.V. Eilbart

A.I. Herzen Russian State Pedagogical University

48 Moika River embankment, Saint Petersburg, 191186, Russia

E-mail: ejlbart@mail.ru

Abstract

The article focuses on the manifestation of Antisemitic sentiments in Polish literature in the 16th – 18th centuries, as well as the economic, political, and religious roots of this phenomenon. Drawing on the works by S. Klonowic, J. Kmita, P. Skarga, and P. Mojecki, the author analyses the degree of negative public opinion regarding Jews among the gentry, burghers, and clergy to conclude about the economically and morally oppressed state of Polish Jewish communities and the economic dependence of the gentry on Jewish usury. In many ways, the Antisemitism of that time took place only on paper; in fact, the slogans to evict Jews from the Polish-Lithuanian Commonwealth or to baptize them into the Catholic faith were never implemented. By the end of the 18th century the Antisemitic slogans in Polish journalism were disappearing, yielding to the ideas of reforming Jewish communities in the spirit of Enlightenment.

Keywords: Jews, Polish-Lithuanian Commonwealth, Antisemitism, Polish old printed publications, S. Klonowic, J. Kmita, P. Skarga, P. Majecki.

В иудаике довольно распространено мнение о том, что Речь Посполитая в первый век своего существования была по сравнению с другими европейскими странами «еврейским раем». Польская научная литература, посвященная данной теме, достаточно активно тиражировала эту точку зрения [1; 2; 3; 5]. Что же касается современной еврейской литературы на этот счет, то она, на наш взгляд, действительно склонна «сгущать краски» и выдвигать на первый план лишения и беды, через которые пришлось пройти еврейскому народу на польско-литовских землях [15: 66–67]. Безусловно, огромнейшей заслугой польскоязычных работ по истории евреев является их многогранность: изучению подвергались не только история и культура, но даже антропологический тип еврейского населения в разные века (на основе исследования останков со старинных кладбищ) [16: 34–35]. Однако для того, чтобы действительно говорить о степени антисе-

митизма в Речи Посполитой, необходимо обратиться к источникам, коими в данной статье буду служить польские старопечатные издания.

Прежде чем перейти к анализу избранной нами группы источников, обозначим коротко основные черты экономического, политического и юридического поля, в котором существовало еврейское население в указанный период. Пожалуй, ни одно другое государство в Европе не было столь неоднозначным в своем отношении к евреям, как Польша, куда евреи прибыли в IX в. (по согласному в основном мнению польских историков, это происходит с двух сторон – со стороны немецких земель на Западе и Хазарского каганата на Востоке) [4; 7]. В первые века существования в этой стране еврейское население практически не знало конкуренции в своих основных занятиях: ремеслах, торговле и ростовщичестве, а посему их положение «собственности короны», как, например, при Казимире Великом, в целом создавало достаточно благоприятные условия обособленной жизни. При Сигизмунде Старом имел место первый прецедент дарования шляхетского достоинства и рыцарского герба иудею: личному банкиру короля Меиру Эзофовичу, выходцу из киевской общины. Касательно еврейского самоуправления времена Речи Посполитой ознаменовались, с одной стороны, его расцветом, с другой же – усилением дискриминации евреев по отношению к христианам в тех занятиях, которые традиционно считались их прерогативой. На знаменитом Люблинском сейме 1569 г., на котором и было провозглашено создание нового государства, приняли особый Люблинский привилей. Отныне выборы раввинов и еврейских старшин-кагалов формально не зависели от воеводской администрации на местах. Времена короля Стефана Батория характеризуются формированием еврейских выборных органов по образу и подобию шляхетской демократии. В местечке Броды проходил еврейский сеймик, который затем высылал депутатов на центральный сейм в Люблине (первый такой сейм состоялся в 1580 г.), избиравший в свою очередь маршалка еврейского сейма, через коего королевская администрация и устанавливала налоги. Нуждавшийся в деньгах на военные кампании Баторий покровительствовал евреям: издавал декреты против погромов, разрешал им торговать в католические праздники и уравнивал наказание за убийство еврея и христианина.

В данный период просматривается и сильная экономическая зависимость шляхты от еврейского ростовщичества и торговли, без преувеличения можно сказать, что при большинстве магнатских дворов имелись евреи-арендаторы, готовые предоставить своим господам услуги и капитал. Например, брат знаменитой Марины Мнишек, львовский староста Станислав Бонифаций Мнишек, заложил

львовскому ростовщику и купцу Исааку Нахмановичу «коричневый шатер из золотой парчи, с серебряными ручками и посеребренными прутьями, выкупленный уже спустя 16 лет после смерти Исаака у его жены Хвалы» [1: 46]. Легкомыслие и беспечность значительного числа польских вельмож сделали в этой среде правилом не заниматься самим управлением, а обращаться к услугам арендаторов и субарендаторов. Глава упомянутого уже семейства Мнишек, отец Марины сандомирский воевода и львовский староста Юрий Мнишек, сдал в аренду доходы львовского староства (а это без малого 30 деревень и два города) некоему гданьскому мещанину, немцу Дитриху Шулембергу. Последний должен был избавить хозяина от забот по взысканию соответствующих налогов с королевских солеварен, мельниц, прудов, пивоварен, таможен, однако, как видно, оказался не в состоянии учесть всего имущества и доходов, и в 1603 г. прибегнул, в свою очередь, к помощи субарендатора в лице львовского еврея Нахмана Исаковича. По данным сохранившихся городских львовских актов, отношения между Шулембергом и Нахманом складывались отнюдь не безоблачно, и лишь при обращении в суд арендатору удалось взыскать у еврейского купца 100 тыс. венгерских дукатов долга (надо полагать, что и сам львовский староста Юрий Мнишек также не досчитался в таком случае денег в собственной казне) [1: 78–79]. Как писал на этот счет польский историк Ф. Яворский, воевода Мнишек, «хозяин стольких староств, среди которых находилась такая золотая жила, как самборская экономия со всеми солеварнями, человек, который на двадцати кораблях сплавлял соль в Гданьск, сам жил в постоянных долгах и в постоянном недостатке денег» [6: 104].

Казалось бы, в подобных обстоятельствах магнатерия должна была активно оказывать покровительство еврейским общинам, но это проявлялось далеко не всегда. Двойственность в поведении польских магнатов по отношению к еврейской финансовой элите весьма ярко прослеживается в знаменитом процессе львовских евреев и иезуитов, связанных с принудительным выкупом или конфискацией по указанию короля Сигизмунда III принадлежавших евреям городских участков земли (в том числе и того, где стояла львовская общинная синагога «Золотая Роза» («Гилдене Ройзе»)), и постройкой там католического храма. Вообще правление Сигизмунда III и его ориентированность на католическое духовенство во многом перечеркнули покровительственную к евреям политику прежних государей. Этот спор, начавшийся по королевской инициативе в 1603 г., предполагал активное участие в нем на стороне иезуитов львовской королевской администрации в лице уже упомянутого старосты Юрия Мнишка, а

также комиссии, в которую входили в том числе и родственники последнего со стороны жены: Адам и Станислав Стадницкие. Несмотря на то, что эти польские землевладельцы пользовались, как уже было упомянуто, постоянными услугами еврейского ростовщичества, к тому же получив от евреев в качестве взятки в рамках данного процесса немалые денежные суммы (Балабан упоминает о взятке евреев только Стадницким в 30 тыс. злотых), первый процесс, прошедший во Львове, почти полностью удовлетворил требования короля и иезуитов. Внешне все выглядело так, что магнаты пользуются в данном случае этим поводом, чтобы, с одной стороны, лишний раз «потрясти» своих кредиторов под видом «искреннего желания» помочь их несчастью (процесс, длившийся несколько лет, в конце концов закончился тем, что еврейская община все же сохранила свои дома и синагогу, но за это ей пришлось платить немалые деньги, «отступные», иезуитам), а с другой – показать королю свою верность, а католическому духовенству – благонамеренность. Здесь все укладывалось в описанную поэтом золотого века Себастьяном Клоновичем формулу: «Еврея угнетают и обируют чиновники, а он их обирает в ответ».

Вышеописанный процесс ясно показывает то униженное и неправомерное положение, которое по сути своей занимали еврейские общины в Речи Посполитой. В королевских актах еврейских купцов нередко именовали «слугами казны», однако по богатству они совершенно не могли и близко встать вровень с немецкими, итальянскими, венгерскими или греческими торговцами. Как писал польский историк В. Лозинский, «самый богатый львовский еврей того времени смотрится нищим по сравнению с Боимом, Кампьяном, Бандинелли, уже не говоря о таком магнате, каким был Корнякт» [12: 315]. Печатное же слово, именовавшее евреев «врагами Христовой веры», «мошенниками», «фальшивомонетчиками», «голодными псами», всячески обращало внимание на «неправедное богатство» еврейских ростовщиков, и в данном отношении светские авторы не отставали от духовенства. Вообще антисемитские настроения просматриваются в произведениях старопольской литературы еще с начала XV в. (среди первых, например, можно назвать произведения Павла Влодковича и Яна Остророга), однако к рубежу XVI–XVII вв. они только усиливаются, а авторы и вовсе перестают сдерживать себя в грубых насмешках и унижительных выражениях.

Рассмотрев довольно большое количество польских старопечатных изданий, так или иначе относящихся к характеристике еврейского населения, мы пришли к выводу, что их можно разделить на две группы: написанные лицами светскими и написанные духовенством. И если светская литература наиболее негативно высказывается о

занятиях, внешнем виде и морально-нравственном облике евреев, то духовенство, прежде всего, старается высмеять «еврейскую веру» и Талмуд, а также тиражировать стереотипы наподобие «ритуальных убийств евреями христианских детей».

Перу выдающегося польского поэта Себастьяна Клоновича, близко познакомившегося с жизнью еврейской общины в Люблине, принадлежат два произведения, в которых он с неприкрытой ненавистью говорит о ней. В 1584 г. в поэме «Роксолания или земли Червонной Руси» он красочно рисует быт еврейского местечка, насмехается над иудаизмом, призывая избавиться от «сыновей Авраама» (здесь и далее мы предлагаем ознакомиться с польскими и латинскими текстами в нашем переводе):

Тут на пригородных лужах
Стоят ободранные евреев халупы.
Каждый из них как козел с ошипанной бородой,
С вечной бледностью на лице и губах.
Ужасный крик исходит из их синагоги,
Верещат стоголосые молитвы шабата.
В своей слепоте они надругались над Богом
И просят о том, что уже дано миру.
Спросишь: зачем волка впускать в овчарню,
Что здесь делает этот хитрый змеиный род,
Неправыми поборами и ростовщичеством муча убогих.
Но дровосек сразу не срубит дерево,
А постепенно обращает его в прах.
Как ржавчина ест твердое железо,
Моль ест сукно, а пиявка – тело.
Так и еврей-скиталец искусно вопьется в тело общества и вырастет,
Пожрет и уничтожит наши богатства,
Захватит все, чем край владеет.
Смотрите, короли, откуда болезненная рана?
Речь Посполитая стонет в безвременье.
Когда кровь из ее тела высосут,
Жизнь отлетит от него [9: 95].

В написанном на латинском языке стихотворении «Виктория Деорум» («Триумф Богов») Клонович создает аллегория борьбы истинного христианина с заблуждениями и грехами, критикуя противление «божественным законам», а также образ жизни и занятия не христиан [11: 15]. О евреях он высказывается следующим образом: «Еврей ростовщичеством тяготеет над большими городами, с удивительной силой добиваясь подлой прибыли. Он продаст все: торгует водой, торгует воздухом, торгует миром, мошенничает с правами. И всюду,

куда протиснется со своей торговлей, там войдет в доверие к власти придержащим, дабы пошире забросить сети для своего улова... Так эти потомки Авраама блюдут святые и справедливые обычаи предков. Так бессильные евреи, изгнанные со всего мира, грабежом скапливают богатства, кои во множестве оседают в городах, считать его не желают, считают деньги кучами. Но подлый еврей, однако, дрожит, не смеет вздохнуть, хотя сундуки его ломятся от бесчисленного золота, деньги не дают ему смелости, сгинет он со склоненной головой, не смея поднять глаз. Богатство не изменит происхождение, имущество не изменит чувств, не поднимет головы, трусливо опущенной к земле» [13: 73].

В стихотворении «Мешок Иуды, или Неправедно нажитое имущество» он тиражирует популярный в то время миф о ритуальных убийствах евреями христианских детей, в подробностях описывая, как ребенок теряет всю кровь и умирает в муках [8: 138]. Данный миф активно подхватывает и католическое духовенство: произведения знаменитого проповедника и духовника короля Сигизмунда Вазы Петра Скарги «Жития святых» и ксендза Пшецалава Моецкого «Еврейские преступления, убийства и темные дела» полны описаний того, как «этот цыганский народ» глумится над жизнью христианских детей и святым причастием.

Для рубежа XVI–XVII вв. характерна и активная критика иудаизма католическими богословами. Начинается она после того, как представители этой христианской конфессии начинают изучать Талмуд и, обнаружив в этих священных текстах критику христианства, в печати полемизируют с раввинами. Вслед за духовенством интерес к иудаизму начинают проявлять и светские авторы, среди них, например, поэт Ян Ахаций Кмита, написавший брошюру «Талмуд, или Еврейская вера» и юмористическое «Письмо польских евреев Мессии, который как они верят, сидит в Раю». В первой, сравнивая Ветхий Завет с Талмудом, он «указывает на ошибки» еврейских священных текстов и соответственно, на «заблуждения» раввинов [10: 7].

XVIII в., учитывая распространившиеся в Европе идеи Просвещения, по тону польских авторов кардинально отличался от предшествующего столетия, и если раньше особенные ненавистники польского еврейства призывали к изгнанию «детей Израиля» с территории Речи Посполитой или же к их насильственному крещению, то теперь еврейское население получило в польской публицистике статус своего рода «заложников собственных занятий». Однако евреи продолжали играть важнейшую экономическую роль в польско-литовском государстве, составляя едва ли не восьмую часть его населения. Как отмечали путешественники из Западной

Европы, проезжавшие через Речь Посполитую в XVIII в., «польский шляхтич не обойдется без еврея и ксендза, они следуют за ним, как тень». Примером литературы о евреях конца XVIII в. можно назвать книгу неизвестного автора «Евреи, или Насущная проблема реформирования еврейства в Речи Посполитой», вышедшую в Варшаве в 1785 г. «Неизвестный гражданин», как сам себя называет автор, считает евреев «бременем для множества стран»: «Безделье, лицемерие и солидарность друг с другом заложены в их природе. Их изгоняли за эти качества, но не пытались открыть источник того, что делает их дурными. Пренебрегали способами их реформирования» [14: 2]. Пороки, приписываемые еврейскому населению, он объясняет теми обстоятельствами, в которые поставлен этот народ: «За каждое свое действие еврей платит тысячей подарков и поклонов, а что он на этом потеряет, должен подумать, как приобрести с другой стороны. И нет для него дороги легче, чем обман» [14: 15]. Однако же путем реформ он надеется сделать из них «достойных граждан», ибо у них «та же мораль», а «в еврейской религии нет ничего, что могло бы повредить обществу» [14: 6]. Автор предлагал допустить евреев к воинской службе, образованию и земледелию, а также передать их в юрисдикцию городских магистратов, до минимума сведя общинное самоуправление, т. е. по сути максимально уравнивая с христианским населением и включив в единый государственный культурно-правовой и экономический организм.

В целом можно сделать вывод, что старопольская литература довольно часто затрагивала положение евреев в Речи Посполитой, а умонастроения авторов этих произведений в XVI–XVII вв. были довольно радикальными и презрительными по отношению к религии и занятиям данного народа. Евреи часто удостоивались эпитета «цыганский народ», их обвиняли в шпионаже в пользу турок и «москалей», в ненависти к «польскому отечеству», поэтому старопольская литература чаще всего предлагала решить «еврейский вопрос» насильственной христианизацией или же изгнанием. Все это свидетельствует о сильных антисемитских настроениях в польско-литовском обществе того времени. Однако, сопоставляя данные лозунги с практическими действиями, следует признать и подчеркнуть, что антисемитские призывы оставались лишь на бумаге, а в целом среди еврейских общин сформировалась финансовая элита, экономически тесно связанная с польским дворянством. К концу XVIII в. практически все антисемитские лозунги в польской публицистике сходят на нет, уступая место реформированию польского еврейства в духе идей Просвещения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bałaban M. Żydzi lwowscy na przełomie XVI–XVII ww. Lwów, 1909. 604 s.
2. Borzymińska Z. Studia z dziejów Żydów w Polsce. T. I–II. Warszawa: DiG, 1995. 209 s.
3. Bratkowski S. Pod wspólnym niebem. Krótka historia Żydów w Polsce i stosunków polsko-żydowskich. Warszawa, 2001. 208 s.
4. Fuks M., Hofman Z., Horn M., Tomaszewski J. Żydzi polscy – dzieje i kultura. Warszawa, 1982. 196 s.
5. Hertz A. Żydzi w kulturze polskiej. Warszawa, 2003. 328 s.
6. Jaworski F. Teść Samozwańców // Sztuka. Miesięcznik ilustrowany, poświęcony Sztuce i Kulturze. 1911. № 1. S. 103–105.
7. Jeske-Choiński T. Historia Żydów w Polsce. Warszawa, 1919. 401 s.
8. Klonowic S. Worek Judaszowy. Wrocław, 1960. S. 138.
9. Klonowic S. Roksolania czyli ziemi Czerwonej Rusi. Warszawa, 1996. S. 95.
10. Kmity J. Talmud albo wiara żydowska. Lublin, 1642. S. 7.
11. Lewicki K. F.S. Klonowicza “Victoria Deorum” (na tle literatury renesansowej). Stanisławów, 1911. S. 15.
12. Łoziński W. Patrycyat i mieszczaństwo lwowskie w XVI i XVII wieku. Lwów, 1890. S. 315.
13. Sebastiani sulmircensis acerni. Victoria Deorum. Cracovia, 1600. S. 73.
14. Żydzi czyli konieczna potrzeba reformowania Żydów w krajach Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa, 1785. 40 s.
15. Кандель Ф.С. Книга времен и событий. История российских евреев. Т. 1. Части первая и вторая. М.: Мосты культуры, 2002. С. 66–67.
16. Эйльбарт Н.В. Улиан Доминикович Талько-Грынцевич – исследователь Забайкалья, 1850–1936. М.: Наука, 2003. 168 с.

REFERENCES

1. Bałaban, M. (1909) *Żydzi lwowscy na przełomie XVI-XVII ww.* [The Jews of Lviv at the Turn of the 16th and 17th Centuries]. Lwów: nakł. Funduszu Konkursowego im. H. Wawelberga.
2. Borzymińska, Z. (1995) *Studia z dziejów Żydów w Polsce* [Studies in the History of Jews in Poland]. Warsaw: DiG.
3. Bratkowski, S. (2001) *Pod wspólnym niebem. Krótka historia Żydów w Polsce i stosunków polsko-żydowskich* [Under the Shared Sky. A Short History of Jews in Poland and Polish-Jewish Relations]. Warsaw: KAJ, Krajowa Agencja Wydawnicza.
4. Fuks, M., Hofman, Z., Horn, M. & Tomaszewski, J. (1982) *Żydzi polscy – dzieje i kultura*. Warsaw: [s.n.].
5. Hertz, A. (2003) *Żydzi w kulturze polskiej* [Jews in Polish culture]. Warsaw: [s.n.].
6. Jaworski, F. (1911) Teść Samozwańców [Father-in-law of the pretenders]. *Sztuka. Miesięcznik ilustrowany, poświęcony Sztuce i Kulturze*. 1. pp. 103–105.

7. Jeske-Choiński, T. (1919) *Historia Żydów w Polsce* [History of Jews in Poland]. Warsaw: [s.n.].
8. Klonowicz, S. (1960) *Worek Judaszowy*. Wrocław: [s.n.].
9. Klonowicz, S. (1996) *Roksolania czyli ziemi Czerwonej Rusi* [Roksolania or the land of Red Rus]. Warsaw: Instytut Badań Literackich.
10. Kmita, J. (1642) *Talmud albo wiara żydowska* [Talmud or the Jewish faith]. Lublin: [s.n.]. pp.7.
11. Lewicki, K. (1911) *F.S. Klonowicza "Victoria Deorum" (na tle literatury renesansowej)* [F.S. Klonowicz's "Victoria Deorum" (against the background of Renaissance literature)]. Stanisławów: [s.n.].
12. Łoziński, W. (1890) *Patrycyat i mieszczaństwo lwowskie w XVI i XVII wieku* [The patrician and burghers of Lviv in the 16th and 17th centuries]. Lwów: [s.n.].
13. Klonowicz, S. (1600) *Sebastiani sulmircensis acerni. Victoria Deorum*. Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
14. Anon. (1785) *Żydzi czyli konieczna potrzeba reformowania Żydów w krajach Rzeczypospolitej Polskiej*. Warsaw: Gröll, Michał.
15. Kandel, F.S. (2002) *Kniga vremen i sobytij. Istorija rossijskikh evreev* [The Book of Times and Events. History of Russian Jews]. Vol. 1. Moscow: Mosty kul'tury. pp. 66–67.
16. Eilbart, N.V. (2003) *Yulian Dominikovich Tal'ko-Gryntsevich – issledovatel' Zabajkal'ya, 1850–1936* [Yulian Dominikovich Talko-Gryntsevich – an explorer of Transbaikalia, 1850–1936]. Moscow: Nauka.

Эйльбарт Наталия Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до начала XIX века Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Россия).

Natalia V. Eilbart – A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (Russia).

E-mail: ejlbart@mail.ru

УДК 94(4)+94(47).081+94(478)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/67/8

Реформа в управлении имениями восточных монастырей в Бессарабии (1873–1874 гг.): причины, задачи, следствия*

И.Ю. Смирнова

Институт российской истории Российской академии наук

Россия, 117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19

E-mail: irinasmirnowa@mail.ru

Авторское резюме

Рассматривается один из наименее изученных сюжетов в истории церковно-дипломатических отношений России и Восточных Патриархатов – судьба имений заграничных монастырей в Российской империи в 1860–1870-е гг. На неизвестных ранее материалах Архива внешней политики Российской империи прослежен процесс принятия решений в российских правительственных ведомствах (Министерство иностранных дел, Министерство государственных имуществ, Комитет министров) по вопросу управления имениями восточных монастырей в Бессарабии в 1873–1874 гг. Выявлено, что причинами реформы, начало которой было положено Высочайше утверждённым указом 9 марта 1873 г., послужили не только определение Константинопольского собора 1872 г. о схизме Болгарской Церкви и решение Иерусалимского Синода о низложении Патриарха Иерусалимского Кирилла II (1872), но и обнаруженные злоупотребления уполномоченных от монастырей лиц (т. н. поверенных), доведших состояние имений до полного обезлесения, что грозило экологической катастрофой всей Бессарабской области. Решалась также задача пресечения финансовых нарушений поверенных, при которых доходы с бессарабских имений расходовались ими в собственных видах. Новые положения Комитета министров, имевшие в виду соблюдение интересов монастырей, изменили всю систему взаимодействия российских властных структур и священноначалия восточных монастырей по делам управления монастырскими имениями в пределах Российской империи. Несмотря на принципиальные отличия российской реформы в отношении бессарабских имений (1873–1874 гг.) от секвестра молдо-влахийских имений пра-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 20-09-41016.

вительства князя А. Кузы (1862 г.), указы российского правительства вызвали крайне негативную реакцию греческих монастырей Афона, что послужило одной из важнейших причин острого греко-русского конфликта на Святой Горе.

Ключевые слова: Министерство иностранных дел, Бессарабия, Афон, Восточные Патриархаты, имения восточных монастырей, греко-русские отношения.

The reforms in the management of eastern monastic estates in Bessarabia (1873–1874): causes, objectives, and impact*

I.Yu. Smirnova

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

19 Dmitry Ulyanov St., Moscow, 117036, Russia

E-mail: irinasmirnowa@mail.ru

Abstract

The article focuses on one of the least studied episodes in the history of diplomatic relations between Russian churches and the Eastern Patriarchates – the land estates of foreign monasteries in the Russian Empire in the 1860s–1870s. Using previously unknown materials from the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire, the author traces the decision-making process in the Russian government departments (Ministry of Foreign Affairs, Ministry of State Property, Committee of Ministers) responsible for the management of the land estates of eastern monasteries in Bessarabia in 1873–1874. It was found that the reform approved by the Imperial Decree dated March 9, 1873, was caused not only by the Decree of the 1872 Council of Constantinople on the Bulgarian schism and by the Decision of the Holy Synod of Jerusalem on the deposition of Patriarch Kyrillos II (1872), but also by the discovered abuses of authorized persons (so-called “confidants”), which resulted in the complete deforestation of the land estates, which threatened an ecological catastrophe for the entire Bessarabian region. Another objective of the reform was to suppress the financial violations of the authorized persons (the confidants), who spent a fair portion of income from the land estates in Bessarabia at their own discretion. The new regulations of the Committee of Ministers, aimed at ensuring the respect for the interests of monasteries, changed the entire system of interaction between the Russian power structures and the

* The article is part of Project № 20-09-41016 supported by the Russian Foundation for Basic Research.

hierarches of eastern monasteries in terms of management of monastic land estates within the Russian Empire. Although the Russian reform relating to the land estates in Bessarabia (1873–1874) was drastically different from the sequestration of the Moldovan-Vlachian monasteries estates by the government of Prince A. Cuza (1862), their lands and treasures performed by the government of Prince Aleksandru Cuza (1862), the decrees of the Russian government caused an extremely negative reaction from the Greek monasteries of Athos, which led to the conflict between Greece and Russia at the Holy Mount.

Keywords: Ministry of Foreign Affairs, Bessarabia, Athos, Eastern Patriarchates, eastern monastic estates, Greek-Russian relations.

Введение

История церковно-дипломатических отношений России и православного Востока представляет собой одно из важнейших направлений истории дипломатии, что вызвано, с одной стороны, актуальностью проблематики российско-османских и постосманских отношений, с другой – недостаточной изученностью роли конфессионального фактора во внешней политике великих держав. К одной из лакун, оказавшихся вне внимания исследователей, относится вопрос об имениях заграничных монастырей в Российской империи, и прежде всего в Бессарабии. Не имеет должного освещения и такой ключевой для российско-греческих отношений вопрос, как реформа в управлении имениями греческих монастырей, начало которой было положено Высочайше утверждённым положением от 9 марта 1873 г. Несмотря на частое упоминание этого указа в научной литературе [7; 11; 14], причины реформы и процесс принятия в российских ведомствах решений по «бессарабскому вопросу» не являлись предметом отдельного изучения. Не всегда верно интерпретируется и сама реформа, которую сводят лишь к положению от 9 марта 1873 г. Исключение составляет статья Е.В. Ванькина, в которой даётся краткий обзор распределения доходов с бессарабских имений в конце XIX – начале XX в., но не прослеживается ход правительственных решений, составляющих содержание реформы 1873–1874 гг. [3].

О том, что реформа по управлению монастырскими имениями в Бессарабии 1873–1876 гг. не сводится к «секвестру на доходы с бессарабских имений 1873 г.», свидетельствуют, в частности, документы из фонда посольства в Константинополе АВП РИ [1], обращение к которым позволяет избежать искажённых трактовок реформы 1873–1876 гг., получивших распространение в историографии.

Действия поверенных имений восточных монастырей в Бессарабии (1860–1870-е гг.). Из дипломатической корреспонденции 1860-х гг. можно видеть, что секвестры на монастырские доходы с имений были распространённой мерой, к которой прибегало правительство России для прекращения земельных тяжёб и других спорных вопросов в афонских монастырях и их имениях в Российской империи [2: 13 об.]. Но несравненно более болезненной для Восточных Патриархатов стала реформа в управлении имениями заграничных монастырей в Бессарабии и на Кавказе, начатая в 1873 г. К её причинам относят, как правило, попытку экономического воздействия на Константинопольский и Иерусалимский Патриархаты в связи с объявлением Болгарской схизмы (11 февраля 1872 г.) и лишением кафедры Патриарха Иерусалимского Кирилла II (7 ноября 1872 г.) [11: 528; 13: 368]. Секвестр доходов с монастырских имений служил «важным рычагом воздействия» и на монастыри Афона, где однозначно воспринимался как «наказательный», необоснованный и несправедливый [6: 523].

Однако существовали и другие мотивы для оказания экономического «давления» со стороны российского правительства, такие как сохранение и защита доходов и имущества имений как собственности монастырей-владельцев и, что не менее важно, – соблюдение государственных интересов России. В силу важности «монастырского вопроса» для российской внутренней и внешней политики на протяжении многих лет к нему было приковано внимание российской правящей элиты – решения прорабатывались в Министерствах иностранных дел и государственных имуществ, принимались Комитетом министров и утверждались государем императором.

Вопрос о бессарабских имениях восточных монастырей актуализировался в начале 60-х гг. XIX в. в связи с церковными реформами правительства князя Кузы, когда не только были отчуждены монастырские имения в Молдо-Влахии, но и предприняты попытки распространить реформу на молдавские монастыри в Бессарабской области Российской империи [6: 328]. В ответ на притязания правительства Объединённых княжеств бессарабское земское начальство приступило к изучению вопроса о состоянии дел зарубежных имений в Бессарабии, их принадлежности, доходности и способах управления. При этом действия гражданского начальства не распространялись на имения восточных монастырей в Бессарабии, за исключением тех афонских монастырей, на которые в 1860-е гг. в связи с открывшимися злоупотреблениями было обращено особое внимание российского МИД.

В обзоре Н. Зозулина приводится стандартная схема постепенного завладения имениями в Дунайских княжествах восточными духовными общинами, когда монастыри, «воспользовавшись неурядицею в управлении княжеств, посредством своего религиозного влияния, а иногда и денег), получили право посылать в преклонённые им монастыри своих представителей. Впоследствии поверенные начали «мало по малу, не без интриг, вытеснять местных игуменов, прятать или уничтожать акты жертвователей и устранять установленный актами светский надзор, становясь безотчётными распорядителями монастырских имуществ» [8: 263]. В результате условия завещаний, согласно которым «имения жертвовались учреждению в неотчуждаемую собственность и только доходы с имения предназначались частью на вечное содержание монастыря, частью на разные богоугодные учреждения и благотворительные предметы» [1: 5], не исполнялись, местные монастыри и храмы разрушались, благотворительной деятельности не велось. Более того, поверенные незаконно захватывали имения и непреклонённых монастырей, приобретая при содействии князей-фанариотов «преклонённые грамоты на независимые монастыри» [8: 263].

Отчуждение в 1863 г. молдо-влахийских имений восточных монастырей привело к тому, что поверенные бессарабских монастырей постарались обезопасить себя от потенциальных материальных лишений: «Монастыри, как бы чувствуя под собою почву колеблющуюся и неуверенные в долговечности существования за ними прав владения имениями вообще, старались выручить как можно скорее наличные деньги, почему принялись за самое беспощадное истребление лесов и вовсе не заботились о будущем сельскохозяйственном положении своих имений» [1: 5 об.].

Как стало известно в МИД из донесений Бессарабского областного земства, поверенные, преследуя свои частные выгоды, входили в тайные сделки с арендаторами: из получаемых доходов значительная часть употреблялась поверенными на личные нужды, её размеры назначались произвольно и несоразмерно их реальным потребностям; зачастую поверенные могли полностью израсходовать все получаемые ими доходы; имения отдавались в аренду присылаемыми от монастырей монахами за баснословно низкие цены; иногда от имени монастыря заключались крупные долговые обязательства, которые, как правило, «поглощали монастырские доходы на несколько лет вперёд». В итоге «доходы с имений святых мест в России положительно расхищались, и до владельцев доходили лишь небольшие остатки» [1: 5].

Прежняя, давно устоявшаяся практика защиты и покровительства России святым местам на Востоке – по возможности не стеснять

право собственности монастырей – привела к полному произволу и безнаказанности поверенных, что было пагубно «как для самих имений, так и относительно всего экономического быта Бессарабской области и климатических условий оной» [1: 10–10 об.]. Оказавшись перед проблемой полного истребления лесов на больших площадях Бессарабской губернии и несоблюдения условий дарения, руководство МИД пришло к заключению, что контроль за соблюдением воли дарителей и обеспечение целенаправленного назначения расходов в пользу монастырей должно взять на себя российское правительство, которое «имеет не только право, но даже обязанность следить за тем, чтобы эти имения не расхищались и чтобы доходы с них шли только на те предметы, для которых они предназначаются» [1: 5–5 об.].

Представление министра иностранных дел относительно порядка управления имениями православных заграничных монастырей в России от 7 февраля 1873 г. и представление министра государственных имуществ о принятии мер по прекращению неправильной рубки лесов, принадлежавших заграничным монастырям в Бессарабии, от 10 февраля были внесены в Комитет министров, где были заслушаны 27 февраля 1873 г.

Меры в отношении молдавских имений в Бессарабии: пример для подражания (1864 г.). Ситуация с бессарабскими имениями восточных монастырей представляла разительный контраст с имениями молдавских монастырей в Бессарабии, перешедшими под контроль российских властей ещё в 1864 г., когда были приняты меры, ограждавшие собственность молдавских обитателей в пределах Империи от произвольных распоряжений правительства князя Кузы. Находя в его действиях ущемление прав молдавского духовенства и угрозу монастырской собственности, российское правительство отказалось признать секуляризацию молдавских монастырских земель на территории Бессарабии. Отказ объяснялся тем, что находящаяся в России собственность «подлежит действию только российских законов», ограждавших права признанных владельцев, и состоит под покровительством российских властей [4: 7–7 об.]. Признавая невозможным сохранение прежнего порядка управления монастырскими имениями в Бессарабии, МИД пришёл к заключению, что «правительство наше должно было войти в свои права относительно монастырских имений, находящихся в России» [4: 7 об.–8].

В 1864 г. для ограждения от притеснений молдавских светских властей прав православных монастырей и устранения запутанности в денежных делах в МИД были разработаны меры по изменению «способа отдачи в арендное содержание находящихся в России имений молдавских монастырей» [4: 15–20]. В результате после передачи

молдавских монастырей в арендное содержание доходы с них тотчас же возросли вдвое и затем продолжали постоянно расти. Правда, при приёме в 1873 г. монастырских имений в казённое управление выяснилось, что в ведении бессарабского областного правления состояли имения лишь шести молдавских обитателей – Ясская, Гушская, Слатинская, Пангарцкая, Богданская и Нямецкая обитатели, за которыми на основании грамот князей Михаила Стурдзы II и Александра-Григория Гики VI сохранялось самостоятельное управление принадлежавшими им имениями [8: 272].

Остальные имения, которые с 1844 г. находились в ведении молдавского департамента церковных дел, к 1864 г. оказались «во владении поверенных разных восточных греческих монастырей и греческой школы в Константинополе». Как и когда это случилось, установить не удалось. «Нет сомнения, – писал Зозулин, – что таким же точно порядком, благодаря изворотливости греческих монахов, составила большая часть остального имущества восточных греческих монастырей на счёт молдавских заграничных и местных обитателей» [8: 273].

Помимо того что в руках греческих поверенных в период с 1844 по 1864 г. оказалась «целая категория имений, принадлежавших молдавским монастырям», при расследовании «бессарабского дела» в 1873 г. открылось, что поверенные, размежевав эти имения, «сумели получить межевые документы не на имя молдавских монастырей, а на имя восточных обитателей, от которых они были уполномочены» [8: 277–278]. Бессарабским губернским начальством было выявлено также полное пренебрежение поверенными своими обязанностями устраивать в монастырских вотчинах благотворительные и образовательные учреждения и благоустраивать церкви, что особо оговаривалось в завещаниях дарителей. Сведения о злоупотреблениях поверенных и пренебрежении ими интересами преклонённых монастырей в Бессарабии красноречиво свидетельствовали о том, что необходимо изменить прежний порядок управления монастырскими имениями как «гибельный для края, восьмая часть территории которого находилась в безотчётном распоряжении греческих монахов» [8: 278].

Столкнувшись с полным произволом в управлении монастырскими имениями и учитывая опыт управления молдавскими имениями в Бессарабии, приведёнными в «блестящее состояние» и составлявшими «совершенную противоположность» с имениями восточных монастырей, руководство МИД пришло к убеждению о необходимости изменить порядок управления имениями святых мест на Кавказе и в Бессарабии [1: 5 об.].

Высочайший указ 9 марта 1873 г. Предложенная в докладе князя А.М. Горчакова от 7 февраля 1873 г. новая система управления монас-

тырскими имениями в Бессарабии состояла в том, чтобы возложить обязанности управления заграничными монастырскими имуществами в России на российские правительственные учреждения с полным устранением поверенных монастырей от всякого участия в распоряжении монастырскими имениями. Комитет министров признал предложения МИД «справедливыми и совершенно необходимыми». Управление монастырскими имениями в Бессарабии возлагались на Министерство государственных имуществ (в обязанности которого входило заведование казёнными имениями в Российской империи), а на Кавказе – на местное гражданское начальство. Контроль за получаемыми с имений доходами и передача их собственникам вменялись в обязанности Министерства иностранных дел как наиболее осведомлённого в делах монастырей на Православном Востоке.

Введение новой системы мер предполагало, прежде всего, пользу самих монастырей-владельцев – тем самым сохранялась доходность монастырских имений и целенаправленное поступление в казну монастырей полагававшихся им доходов; монастыри, при сохранении за ними права собственности, освобождались от «несвойственной им обязанности управления имениями»; прекращалось «вредное для имений и благосостояния Бессарабской области истребление монастырских лесов» [1: 11 об.–12].

Предполагалось, что введение в действие новых правил в соответствии с проектом МИД от 7 февраля 1873 г. «О передаче управления имуществами заграничных монастырей в казённое заведывание» вступит в силу тотчас после их Высочайшего утверждения. Однако, учитывая, что передача имений может состояться не так быстро, как того требовали обстоятельства, канцлер опасался, что поверенные успеют «продать весь лес и все, что найдут возможным», или заключить новые арендные контракты на самое продолжительное время с получением всех денег вперёд и вообще пойти на заключение таких договоров, которые надолго лишат эти имущества доходности.

Принимая во внимание, что при существующем управлении имения «могут подвергнуться окончательному расхищению», а обезлесение грозит «совершенным упадком производительности» и экономике Бессарабского края, князь Горчаков 6 марта 1873 г. представил императору новый доклад, предложив «ограничить права монастырских поверенных заключать сделки на недвижимые имущества заграничных монастырей и благотворительных учреждений в России» [1: 3 об.]. «Если не принять заблаговременно нужных мер, – подчёркивалось в докладе, – то эти имущества будут переданы в управление государственных имуществ при таких условиях, которые могут парализовать совершенно все его действия» [1: 8].

Осуществление этих мер МИД предлагал возложить на Министерства юстиции и государственных имуществ, а также на Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора. По Высочайшему повелению доклад князя Горчакова был вынесен на рассмотрение Комитета министров. 9 марта 1873 г. положения Комитета министров о новом порядке управления монастырскими имениями в Бессарабии были утверждены Александром II. Суть новых правил как нельзя более ёмко выразил Н.П. Игнатъев в письме к архимандриту Антонину (Капустину) от 30 марта: «Монастырские и патриаршие имения в Бессарабии и на Кавказе принимаются... в казённое управление, с воспрещением присылать греков для заведывания доходами. Сии последние будут сохраняться в банках и передаваться святым местам не иначе, как через посредство министерства иностранных дел» [13: 101].

Особо важным пунктом новых правил российского правительства, на которое впоследствии неоднократно ссылались российские дипломаты в переписке с афонскими монастырями, было положение о сохранении за восточными монастырями и церквями права собственности на принадлежавшие им имения, предоставленного им российским правительством. Другой не менее важный пункт предписывал «привести, по возможности, в известность, в силу каких именно актов и документов монастыри и церкви владеют имениями». Впоследствии именно этот, 4-й пункт нового положения стал камнем преткновения при согласовании с монастырями распределения сумм доходов с монастырских имений.

Расследование ситуации в Бессарабии. В соответствии с п. 5. указа от 9 марта 1873 г. Министерство государственных имуществ передало дело «бессарабских имений» в Херсонско-Бессарабское Управление и командировало в Кишинёв действительного статского советника А.А. Боровкова для организации приёма имений, принадлежавших молдавским монастырям и преклонённым монастырям на Востоке.

По прибытии в Кишинёв Боровков запросил у монастырских поверенных акты, подтверждавшие права монастырей на владение имениями, и документы по финансовой отчётности, пригласив поверенных присутствовать при приёме имений, но встретил с их стороны «самое упорное сопротивление» [1: 24]. Поверенные монастырей Святого Гроба Патрикий, Синайского Порфирий, Святого Павла Дамиан и Ватопеда Ананий отказались принимать участие в процессе передачи имений, объясняя это тем, что не получали актов и документов на право владения имениями; при отсутствии канцелярий и не владея русским языком, не могут предоставить копии контрактов, сделок и документов по тяжёлым делам, место их нахождения им неизвестно, а на передачу имений они не уполномочены монасты-

рями [1: 21 об.]. Столкнувшись с уклонением поверенных от приёма имений, Боровков был вынужден действовать без их участия, заменив их арендаторами, а при отсутствии или уклонении последних акты о приёме и описи имений подписывались командированными чиновниками министерства, полицейскими и понятыми.

При изучении контрактов и сделок, заключённых поверенными афонских обитателей Ватопеда и Святого Павла, Боровков убедился в том, что практически все имения были сданы в аренду по контрактам на продолжительные сроки, несмотря на то, что не закончились сроки прежних контрактов. Так, например, имение Липник афонского монастыря Святого Павла в 1868 г. было сдано в посессию сроком до 1880 г., однако в 1870 г. то же имение было сдано ещё на 4 года сроком с 1880 по 1884 г. При этом поверенные каждый раз получали от будущих поссессоров в задаток денежные суммы [1: 21–22 об.]. В течение 1871–1873 гг. все леса, принадлежавшие имениям, были проданы на сруб с получением всех денег или их части вперёд. Однако проследить приходы и расходы по имениям оказалось невозможным – поверенные не предоставили никаких доказательств тому, что все доходы, полученные с имений, а также деньги, вырученные от продажи леса, отправлены по назначению: денежных отчётов не производилось, канцелярские книги не велись, никаких почтовых квитанций об отправлении отчётов и денег в монастыри предъявлено не было. По словам самих поверенных, «деньги разменивались на звонкую монету и переводились чрез разные конторы, или же пересылались с нарочными и т. п.» [1: 32].

В связи с отказом поверенных участвовать в передаче имений директор Азиатского департамента П.Н. Стремоухов писал Боровкову в ответ на письма от 6 и 8 июня 1873 г.: «Затруднения, встреченные Вами со стороны поверенных монастырей, можно было бы предвидеть, так как принятая правительственная мера не могла прийтись по вкусу этим господам, которые столько времени совершенно бесконтрольно и безнаказанно распоряжались громадными имениями монастырей и делали всевозможные злоупотребления по управлению этими имуществами». МИД лишний раз убедился в правильности принятых мер как «крайне необходимых» для избежания «окончательного разорения имений в ущерб самим монастырям» [1: 26 об.–27]. Вместе с тем Стремоухов готов был войти и в положение монастырей-собственников, допуская, что польза от введения новых правил могла оставаться для них под вопросом, а потому трудно было ожидать, что принятые меры будут с сочувствием встречены на Востоке. В Азиатском департаменте теплилась надежда, «что когда они (монастыри) убедятся, что такие опасения неосновательны, и узнают о

проделках и неблаговидных действиях своих поверенных, они будут нам благодарны за то, что мы решились взять на себя труд управлять их собственностью и спасти её от конечного разорения» [1: 26, 27].

Соглашаясь с предложением Боровкова не давать разрешения поверенным на выезд за границу до окончания приёма имений, МИД поставил вопрос об аннулировании невыгодных для монастырей-владельцев и незаконных сделок. 8 сентября 1873 г. по рассмотрении предложения МИД в Комитете министров был принят закон, приостанавливавший действие заключённых контрактов на рубку монастырских лесов до того времени, пока посессоры не предъявят доказательства на «безусловное право монастырей Востока на отчуждение лесов, т. е. на неограниченное пользование имуществами, в том числе на продажу лесов на сруб сплошными площадями» [9: 280]. Принятие этого закона стало очередным шагом российского правительства по защите бессарабских имений от разорения и обезлесевания.

Ответ Афона. Генеральным консулам в Иерусалиме и Салониках было поручено испросить от Иерусалимской Патриархии и упомянутых в письме Боровкова афонских монастырей акты (или их точные копии), подтверждавшие права владения имениями в Бессарабии и на Кавказе, с разъяснением, что это необходимо в интересах самих монастырей [1: 33–33 об.]. Несмотря на надежды, что монастыри вскоре убедятся, что во главу угла поставлено «соблюдение интересов святых мест» [1: 4 об.], у российских дипломатов в Иерусалиме, Салониках, Александрии не вызывало сомнений, что новый закон об управлении бессарабскими имениями «возбудит некоторое неудовольствие монастырей-владельцев» как в Патриархате, так и на Афоне.

Опасения дипломатов полностью себя оправдали. Особенно сильно принятием имений в казённое управление были обеспокоены святогробское братство и афонские монастыри, имения которых приносили весьма значительный доход. Так, доходы с имений Гроба Господня в 1872–1873 гг. простирались ежегодно до 260 000 руб. (более 218 500 руб. из бессарабских имений и 40–45 000 руб. с кавказских) [9: 38–38 об.]; доходы с имений Зографа составляли более 100 тыс. руб. сер., Ватопеда – 90 тыс. руб. сер., Ксиропотама – 30–35 тыс. руб. сер., а монастыря Св. Павла – 25 тыс. руб. сер.

Братия Зографа, имения которого в Бессарабии состояли из 18 сел, подали в российское константинопольское посольство два прошения об оказании монастырю особого снисхождения и покровительства. В первом из прошений братия ходатайствовала о том, чтобы Зограф «не подвели под одну категорию с греческими монастырями». Во втором прошении братия просила сделать некоторые исключения

из общепринятых правил в пользу преклонённого Зографу Киприановского монастыря в Бессарабии.

Считая нужным поддержать болгар в знак протеста против решений Константинопольского собора 1872 г., Игнатъев в отношении от 10 мая 1873 г. выразил мнение, что «было бы справедливо и полезно способствовать по мере возможности ограждению интересов сего монастыря, увеличению его доходов и правильному их поступлению по принадлежности» [1: 16]. (Позже, в целях оказания поддержки болгарам, Игнатъев добился высылки в Зограф из России двадцати тысяч рублей, накопившихся за время секвестра с процентов от доходов с его бессарабских имений [12: 451]).

Другие афонские обители, имевшие владения в России, поначалу воздержались от обращения в посольство, однако в ответ на предложение солунского генконсула предоставить документы о праве владения монастырей заграничными имениями или их копии [1: 36] к российскому императору обратился Священный Кинот с коллективным ходатайством от 24 августа 1873 г. об отмене положений Комитета министров, которые были восприняты на Афоне не иначе как наказанием, лишившим монастыри «пользованием правами собственности над находящимися в России имениями» и «конфискацией этой собственности» [6: 522].

В ответ на разъяснения Комитета министров, что «монастыри и церкви сохраняют за собой право собственности на принадлежащие им имения», антипросопы возражали, что «простое право собственности без пользования им через употребление и распоряжение доходами имений есть право призрачное и ничего не стоящее». Ходатайство оканчивалось просьбой «оказать правосудие»: «приказать снять запрещение, наложенное на распоряжение вышеупомянутыми имениями Афонской Горы, и возратить чрез сие ей тишину и спокойствие» [6: 522–523].

Послание было составлено в общем собрании представителей и предстоятелей двадцати священных монастырей Святой Афонской Горы, однако далеко не все из них искренне разделяли положения подписанного ими «общего прошения» на имя Александра II. «Утверждение это, – писали Игнатъеву его постоянные корреспонденты, духовник русской братии Свято-Пантелеимонова монастыря Иероним (Соломенцов) и иеросхимонах Макарий (Сушкин), – последовало от нас не по сердечному нашему влечению и не по убеждению в истинном достоинстве начатого святогорцами дела, или в действительной необходимости исполнения оно, а так, по увлечению потоком общих здешних обстоятельств и по нежеланию произвести дисгармонию в ходе общих наших дел... По одной почти мысли с нами сделали скре-

пление просьб, о которых идёт речь, и другие здешние монастыри, не имеющие в России недвижимых имений» [6: 62–63].

На прошение Священного Кинота последовала собственноручная резолюция Александра II: «Оставить без уважения» [1: 38 об.].

Русским консулам на Востоке поручалось напомнить монастырям, «что их упорное уклонение от предоставления подлинных актов и документов на владение и систематический отказ от всяких уступок» помешало в своё время решению «монастырского вопроса» в пользу монастырей в Молдо-Влахии. И вновь напоминалось об обязанности российского правительства, согласно условиям дарения и завещаниям жертвователей, «заботиться о целостности и неприкосновенности этих имений, даже противодействуя распоряжениям самих монастырей, если бы эти распоряжения не соответствовали предназначенной цели» [1: 40].

Позиция российских дипломатов по «бессарабскому вопросу» (октябрь 1873 г. – июнь 1874 г.). В октябре 1873 г. министр государственных имуществ представил в Комитет министров проект новых правил о порядке управления бессарабскими имениями заграничных монастырей. По его рассмотрению было признано полезным разработать систему «счетоводства и отчётности» по доходам с монастырских имений в Бессарабии (с учетом того, чтобы правила эти не «стесняли распоряжений, клонящихся к увеличению и правильному извлечению доходов» [5: 1]). Министру госимуществ П.А. Валуеву было поручено создать при министерстве Особую Комиссию с участием Министерства иностранных дел и Государственного Контроля. 21 ноября 1873 г. положение Комитета министров получило Высочайшее утверждение.

Однако все попытки получить от восточных монастырей какие-либо документы, подтверждавшие их права на владение имениями в России, потерпели фиаско. В дипломатическом ведомстве не исключали, что «монастыри будут тщательно их скрывать», и даже допускали, что «все документы, заключающие какие-либо обязанности, наложенные на монастыри, давно уничтожены» [1: 57 об.]. Не имея возможности ознакомиться с монастырскими актами, МИД был вынужден поставить вопрос о размере высылаемых на Восток сумм, а также о способе их передачи и мерах по контролю за их употреблением.

Прежде всего требовалось определить (хотя бы приблизительно) долю из общего размера доходов, которая, согласно духовным завещаниям, должна расходоваться на духовные и богоугодные учреждения и на дела благотворения «как в пользу края, где находятся имения, так и в тех местностях, где находятся святые места». Исходя из размера этой доли, предстояло определить размер выплат монастырям (за отчислением расходов по управлению) [1: 58–58 об.].

Дипломатам на местах поручилось испросить от монастырей краткий бюджет высылаемых из России денег [1: 59]. Однако российский поверенный в делах в Константинополе А.И. Нелидов был убеждён, что «от управления большей части монастырей невозможно будет добиться предварительных сведений о предполагаемых ими расходах» [1: 60–60 об.].

Решение по определению сумм, отправляемых монастырям-владельцам из России, было принято на основании отношения Игнатьева от 6 июня 1874 г., составленного по донесениям российских генконсулов в Иерусалиме, Александрии, Бухаресте и Солуни. В записке рассматривались два вопроса: каким путём следовать при передаче заграничным монастырям поступавших в МИД доходов с их имений в России, и каким способом осуществлять контроль за расходованием этих сумм.

Игнатьев был единомышлен с генконсулами во мнении о бесполезности запроса от монастырей их бюджетов по употреблению доходов. Подобные запросы, отмечал он, неизбежно вызовут раздражение восточного духовенства, что может «весьма легко сделаться причиной раздоров между консулами и восточными иерархами и, наконец, рискует втянуть нас в щекотливые вмешательства во внутреннее управление монастырей» [1: 77 об.]. Признавая невозможным «достигнуть добровольного соглашения с монастырями ни в определении доли с доходов в пользу края, ни относительно представления ими ежегодных бюджетов», дипломаты пришли к выводу, что российское правительство должно своей властью определить доли с доходов в пользу края (на духовные и богоугодные учреждения, согласно завещаниям дарителей) и на издержки по управлению имениями и придерживаться этого решения до тех пор, пока «обстоятельства не укажут какого-либо другого исхода» [1: 74 об., 78].

Отношение Игнатьева от 6 июня 1874 г. послужило основанием для составления в МИД проекта по распределению доходов с бессарабских имений восточных монастырей и церковных общин, согласно которому 2/5 доходов предполагалось передавать монастырям как собственникам имений, 2/5 – оставлять Бессарабскому земству на благотворительные учреждения в губернии, а 1/5 доходов удерживать в министерстве на издержки по управлению имениями и на непредвиденные расходы. В июле 1874 г. князь Горчаков внёс проект в Комитет министров, и 26 июля 1874 г. положение Комитета министров получило Высочайшее утверждение [5: 3–9].

Меры, принятые правительством России в отношении бессарабских и кавказских имений восточных монастырей, вызвали крайне негативную, хотя и предсказуемую реакцию на Востоке. В январе

1874 г. Нелидов сообщал в Азиатский департамент об «озлобленном относительно нас раздражении греческого духовенства» [1: 61 об.]. О раздражении монахов греческих монастырей на Афоне свидетельствовал и солунский генконсул Н.Ф. Якубовский. Несмотря на то, что при всех «воспитательных» мерах российское правительство преследовало прежде всего пользу монастырей-владельцев [1: 4 об.], греческие монастыри Афона, чьи имения находились в России, не могли примириться с невыгодным для них (а точнее, для определенной части афонской элиты) решением бессарабского вопроса.

Высочайше утверждённые 9 марта 1873 г. положения Кабинета министров, дополненные указами от 8 сентября 1873 г. и 26 июля 1874 г., изменили всю систему взаимодействия российских властных структур и священноначалия восточных монастырей по делам управления монастырскими имениями, находящимися в пределах Российской империи. На весь период реформирования доходы с имений были временно заморожены с помещением их в российские банки и с введением подотчётной российскому МИДУ системы их распределения [5: 3 об.–4]. Выплаты же большинству монастырей (за редким исключением) возобновились только после Высочайше утверждённого положения Комитета министров от 21 мая 1876 г. [6: 524], в котором детально прописывались все статьи по распределению доходов с монастырских имений. Новый закон, воспринятый в России как «благодетельный для Бессарабии», стал важным вкладом в урегулирование «бессарабского вопроса».

Заключение. Как видно из документов по «бессарабскому делу», реформа по управлению монастырскими имениями в Бессарабии не может быть сведена к «секвестру на доходы с бессарабских имений 1873 г.». Неправоммерно и утверждение о наложении секвестра на доходы Восточных Патриархатов с бессарабских имений «в пользу казны» [11: 528]. Документы однозначно свидетельствуют о том, что деньги с аренды доходов поступали в МИД не «в пользу казны» – государство лишь брало на себя функцию временного хранения монастырского капитала от бесконтрольного расходования его поверенными, что принципиально отличает решение «бессарабского вопроса» от «молдо-влахийского».

Впрочем, российскому правительству не удалось избежать упрёка в том, что «Россия хочет вступить на узкий путь князя Кузы», о чем предупреждал К.Н. Леонтьев, и это несмотря на то, что «русское правительство объявляет во всеуслышание, что оно считает бессарабские имения неотъемлемою собственностью святых мест, что оно не конфискует их никогда, но налагает на них как бы временную опеку вследствие беспорядков в управлении ими» [10: 89], и только

летом 1874 г. из-за отказа монастырей предоставить документы, подтверждавшие их права на владение бессарабскими имениями, было принято политическое решение о распределении доходов по предложенному Министерством иностранных дел соотношению долей (2/5:2/5:1/5), из которых лишь пятая часть доходов с имений предназначалась на «издержки по управлению».

Непонимание этих существенных различий может дать повод приравнять российскую реформу 1870-х гг. к антицерковным действиям правительства князя Кузы, когда имения монастырей в Молдо-Влахии были отчуждены от монастырей-владельцев, а доходы с них поступили в полное распоряжение правительства Объединённых княжеств, произвольно распоряжавшегося ими в своих интересах.

Тем не менее, как отмечал Леонтьев, «все-таки толчок дан... буря, которая кипела в Царьграде, в Иерусалиме, в Антиохии, отозвалась наконец и на тихом Афоне!» [10: 89]. Введение финансового контроля со стороны России вызвало массовое недовольство греческих монастырей Афона, что привело, наряду с другими факторами – этнонациональными, межцерковными, внешнеполитическими – к обострению в отношениях между греческой и русской братией Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, перешедшего в 1874 г. в стадию острого греко-русского конфликта не только в обители, но и на всем Афоне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 180. Оп. 517/2. 1873. Ед. хр. 3395. Переписка о новом порядке правительственного управления имениями, состоящими в России, принадлежащими разным заграничным Патриархиям, афонским монастырям, школам, с правилами и изменениями.

2. АВПРИ. Ф. 161. СПбГА. II-9. Оп. 46. 1867. Ед. хр. 14. О введении общегжития в Иверском монастыре на Афоне и секвестр доходов его в России (1867–1869).

3. *Ванькин Е.В.* Некоторые аспекты финансово-хозяйственной деятельности Пантелеимонова монастыря на Святой Горе Афон и его Константинопольского подворья // Православный Палестинский сборник. 2017. Вып. 114. С. 221–234.

4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 730. Оп. 1. Ед. хр. 1051. Записка о конфликте между Россией и молдавским господарем в связи с отказом России признать секуляризацию Молдавией монастырских земель на территории Бессарабии (1864).

5. ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Ед. хр. 1057. Справка из журналов Комитета министров об имениях восточных монастырей (1874).

6. *Граф Н.П.* Игнатъев и Русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне. Серия: Русский Афон XIX–XX веков / Гл. ред. иеромонах Макарий

(Макиенко). Т. 12: Святая Гора Афон: Изд-е Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, 2016. 897 с.

7. Гросул В.Я. Бессарабия в международных отношениях нового времени. Кишинёв: Б. и., 2018. 475 с.

8. Зогулин Н. Бессарабские имения заграничных монастырей // Бессарабия / Под ред. П.А. Крушевана. Кишинёв, 1903. С. 253–285.

9. Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (ИР НБУ). Ф. XIII. Канцелярия обер-прокурора Св. Синода. Ед. хр. 297. Переписка о Православной Церкви на Востоке. 1859–1871 гг.

10. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство: философская и политическая публицистика. Духовная проза, 1872–1891. М.: Республика, 1996. 798 с.

11. Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь и войны Российской империи XIX в.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2021. 866 с.

12. [Муравьев А.Н.] Андрей Николаевич Муравьев и российская дипломатия на Православном Востоке. Дипломатические записки и переписка / сост. И.Ю. Смирнова. М.: Индрик, 2019. 608 с.

13. Переписка архимандрита Антонина (Капустина) с графом Н.П. Игнатьевым (1865–1893) / Изд. подг. К.А. Вах, О.В. Анисимовым. М.: Индрик, 2014. 479 с.

14. Э.П.А., Августин (Никитин), архим., Игорь Якимчук, диак. Екатерины великомученицы монастырь на Синае // Православная энциклопедия. Т. 18. М., 2008. С. 170–214.

REFERENCES

1. Russia. (1873) *Perepiska o novom poryadke pravitel'stvennogo upravleniya imeniyami, sostoyashchimi v Rossii, prinaldezhashchimi raznym zagranichnym Patriarkhiyam, afonskim monastyryam, shkolam, s pravilami i izmeneniyami* [Correspondence on the new order of government administration of estates located in Russia, belonging to various foreign Patriarchates, Athos monasteries, schools, with rules and changes]. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire. Fund 180. List 517/2. File 3395.

2. Russia. (1867) *O vvedenii obshchezhitiya v Iverskom monastyre na Afone i sekvestr dokhodov ego v Rossii* (1867–1869) [On the introduction of a hostel in the Iberian monastery on Athos and the sequestration of its income in Russia (1867–1869)]. The Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire. Fund 161. II-9. List 46. File 14.

3. Vankin, E.V. (2017) *Nekotorye aspekty finansovo-khozyaystvennoy deyatel'nosti Panteleimonova monastyrya na Svyatoy Gore Afon i ego Konstantinopol'skogo podvor'ya* [Some aspects of the financial and economic activities of the Panteleimon monastery on Mount Athos and its Constantinople courtyard]. *Pravoslavnyy Palestinskiy sbornik*. 114. pp. 221–234.

4. Russia. (1864) *Zapiska o konflikte mezhdru Rossiey i moldavskim gospodarem v svyazi s otkazom Rossii priznat' sekulyarizatsiyu Moldaviey monastyrskikh zemel' na territorii Bessarabii* (1864) [Note on the conflict between Russia and the Moldavian ruler in connection with Russia's refusal to recognize the secularization of monastic lands on the territory of Bessarabia by Moldavia

(1864)]. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 730. List 1. File 1051.

5. Russia. (1874) *Spravka iz zhurnalov Komiteta ministrov ob imeniyakh vostochnykh monastyrey (1874)* [Reference from the journals of the Committee of Ministers on the estates of the Eastern monasteries (1874)]. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 730. List 1. File 1057.

6. Makariy (Makienko). (2016) *Graf N.P. Ignat'ev i Russkiy Svyato-Panteleimonov monastyr' na Afone. Seriya: Russkiy Afon XIX–XX vekov* [Count N.P. Ignatiev and the Russian St. Panteleimon Monastery on Mount Athos. Series: Russian Athos in 19th – 20th centuries]. Vol. 12. Holy Mount Athos: The Russian St. Panteleimon Monastery on Athos Publ.

7. Grosul, V.Ya. (2018) *Bessarabiya v mezhdunarodnykh otnosheniyakh novogo vremeni* [Bessarabia in international relations of modern times]. Chişinău: [s.n.].

8. Zozulin, N. (1903) Bessarabskie imeniya zagranichnykh monastyrey [Bessarabian estates of the foreign monasteries. In: Krushevan, P.A. (ed.) *Bessarabia*. Chişinău: [s.n.]. pp. 253–285.

9. Ukraine. (n.d.) *Perepiska o Pravoslavnoy Tserkvi na Vostoke (1859–1871)* [Correspondence about the Orthodox Church in the East. 1859–1871]. The Vernadsky Institute of Manuscripts of the National Library of Ukraine. Fund XIII. File 297.

10. Leontev, K.N. (1996) *Vostok, Rossiya i slavyanstvo: filosofskaya i politicheskaya publitsistika: dukhovnaya proza, 1872–1891* [East, Russia, and Slavism: Philosophical and Political Journalism: Spiritual Prose, 1872–1891]. Moscow: Respublika.

11. Melnikova, L.V. (2021) *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i voyny Rossiyskoy imperii XIX v.* [The Russian Orthodox Church and the wars of the Russian Empire in the 19th century]. History Dr. Diss. Moscow.

12. Muraviev, A.N. (2019) *Andrey Nikolaevich Murav'ev i rossiyskaya diplomatiya na Pravoslavnom Vostoke. Diplomatische zapiski i perepiska* [Andrey Nikolaevich Muravyov and Russian diplomacy in the Orthodox East. Diplomatic notes and correspondence]. Moscow: Indrik.

13. Vakh, K.A. & Anisimov, O.V. (eds) (2014) *Perepiska arkhimandrita Antonina (Kapustina) s grafom N.P. Ignat'evym (1865–1893)* [Correspondence between Archimandrite Antonin (Kapustin) and Count N.P. Ignatiev (1865–1893)]. Moscow: Indrik.

14. E.P.A., Avgustin (Nikitin) & Yakimchuk, I. (2008) *Ekateriny velikomuchenitsy monastyr' na Sinae* [The Monastery of the Great Martyr Catherine on Sinai]. In: Patriarch of Moscow and All Russia Kirill. (ed.) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 18. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. pp. 170–214.

Смирнова Ирина Юрьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории религии и Церкви Института российской истории РАН (Россия).

Irina Yu. Smirnova – The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Russia).

E-mail: irinasmirnowa@mail.ru

УДК 94(470+436+438.073+439)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/67/9

К.Я. Грот и Карпато-Дунайские земли

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

Константин Яковлевич Грот (22.06 (04.07).1853–29.09.1934) – российский славист, архивист. Второй сын академика Якова Грота, брат философа Николая Грота. Член-корреспондент Российской академии наук. Был одним из учредителей «Русского собрания».

Закончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского Императорского университета, ученик В.И. Ламанского. Студентом был награждён золотой медалью за «Разбор свидетельств Константина Багрянородного о южных славянах». Степень магистра получил за диссертацию «Моравия и мадьяры с половины IX по начало X века» (1881). В 1883 г. становится профессором по кафедре славистики Императорского Варшавского университета. В 1889 г. защитил докторскую диссертацию «Из истории Угрии и славянства в XII в.» (1889).

В 1894 г., после смерти своего отца, К.Я. Гроту было поручено издание его трудов и литературной переписки на средства императора Александра III. В 1899 г. К.Я. Грот переехал в Санкт-Петербург. В 1905 был назначен заведующим Общественным архивом министерства Императорского двора.

В 1905 г. в «Новом сборнике статей по славяноведению учеников В.И. Ламанского» К.Я. Грот опубликовал статью «Карпато-Дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических изучениях». Это очерк позже был положен в основу изданной и несколько раз переизданной в 1914 г. монографии «Австро-Венгрия, или Карпато-Дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических изучениях».

В 1907 г. под его редакцией вышла монография «Галицкая Русь прежде и ныне. Исторический очерк и взгляд на современное состояние Очевидца».

В 1914 г. написал брошюру «Великая война и карпато-дунайская монархия (К освещению вопросов недалёкого будущего)».

Автор исследований об известных славистах: А. Будиловиче, П. Кулаковском, М. Лавровском, В. Ламанском, Й. Первольфе, И. Филевиче и др.

После революции в течение нескольких лет управлял вверенным ему Архивом. С апреля 1925 по ноябрь 1929 г. работал научным сотрудником Пушкинского Дома (сверх штата).

Ключевые слова: Константин Яковлевич Грот, Карпатская Русь, Карпато-Дунайские земли, Венгрия, Галиция, Угорская Русь, русины, венгры.

K.Ya. Grot and Carpatho-Danubian Lands

S.G. Sulyak

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

Konstantin Yakovlevich Grot (June 22 (July 4), 1853 – September 29, 1934) was a Russian Slavist and archivist, the son to Academician Yakov Grot and the brother to the philosopher Nikolai Grot, a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, one of the founders of the Russian Assembly. Grot graduated from the Faculty of History and Philology of St. Petersburg Imperial University, where he was a student of V.I. Lamansky. As a student, he was awarded a golden medal for The Analysis of the Testimonies of Konstantin Porphyrogenitus About the Southern Slavs. Grot received his Masters degree for his thesis Moravia and the Magyars from the Half of the 9th to the Early 10th Centuries (1881).

In 1883, he became professor at the Department of Slavic Studies at the Imperial University of Warsaw. In 1889, Grot defended his doctoral dissertation From the History of Ugria and Slavs in the Twelfth Century (1889). In 1894, after the of Yakov Grot, Emperor Alexander III entrusted Konstantin Grot with the publication of his father's works and literary correspondence. In 1899, Grot moved to St. Petersburg, where in 1905 he was appointed head of the Public Archives of the Ministry of the Imperial Court.

In 1905, in the New Collection of Articles on Slavic Studies by Lamansky, Grot published his article "Carpathian-Danubian lands in the fate of the Slavs and in Russian historical studies." This essay later became the basis of the monograph Austria-Hungary, or the Carpatho-Danubian Lands in the Fates of the Slavs and in Russian Historical Studies, published and republished several times in 1914.

In 1907, he edited the monograph Galician Rus Before and Now. Historical Essay and an Eyewitness's Look at the Current State. In 1914, Grot wrote the pamphlet "The Great War and the Carpatho-Danubian Monarchy (On the Coverage of Issues of the Near Future)." He also authored studies on famous Slavists: A. Budilovich, P. Kulakovsky, M. Lavrovsky, V. Lamansky, J. Pervolf, I. Filevich, and others. After the October Revolution, he was the administrator of the Archive. From April 1925 to November 1929, Grot worked as a researcher at the Pushkin House (over staff).

Keywords: Konstantin Yakovlevich Grot, Carpatho-Danubian Lands, Carpathian Rus, Hungary, Galicia, Ugrian Rus, Rusins, Hungarians.

К.Я. Грот родился в Царском Селе, второй сын академика Я.К. Грота и писательницы Наталии Петровны Семёновой (1824–1899). Был крещён 22 августа 1853 г. в соборе святой Екатерины в Царском Селе. Его воспитателями стали великий князь Николай Александрович и государыня императрица Александра Фёдоровна, в лице её при купели находилась О.Ф. Корф, жена статс-секретаря, тайного советника барона М.А. Корфа [57].

К.Я. Грот был женат на Каролине Стивенсон (03.02.1860–04.10.1934), британской подданной англиканского вероисповедания, в семье родилось четверо детей (Вера, Сергей, Александра, Ольга) [61].

По своим убеждениям К.Я. Грот был славянофилом старой московской школы с её «романтизмом и демократичностью» [51: 215].

История его рода род – пример служения России. Прадедом К.Я. Грота был Ефим Христианович (Иоахим Христиан) Грот (1733–1799), пастор лютеранской церкви на Васильевском острове (с 1771 г. – церковь Св. Екатерины), проповедник, учёный, писатель, основал в Санкт-Петербурге первое страховое общество в России – «Общество для смертных случаев», протестант и старейшина протестантского духовенства Санкт-Петербурга (с 1797 г.) [44: 639].

Как писал К.Я. Грот в «Материалах для жизнеописания академика Якова Карловича Грота (1812–1893). Вступительный очерк. Предки, семья и детство», его прадед пользовался «неизменным благоволением и сочувствием императрицы Екатерины II, переселился в Россию из Голштинии (ныне – южной части земли Шлезвиг-Гольштейн) в конце царствования императрицы Елизаветы Петровны». Иоахим (Яким, Ефим) Христиан Грот родился 14 июня 1733 г. в голштинском городе Плон (Плён (Plön)), который когда-то был древним славянским поселением. Его отцом был адвокат местного герцога, мать – дочь придворного проповедника. В 1751–1753 гг. учился в Йенском университете, затем стал кандидатом на должность проповедника в родном городе, преподавал в дворянских семьях Киле и соседних населённых пунктах, стал членом Кильского «Общества изящных наук». Во время Семилетней войны в 1758 г. был приглашён домашним пастором к русскому губернатору Кёнигсберга генерал-аншефу барону Н.А. Корфу, стал его секретарём. Здесь он сошёлся с Иммануилом Кантом и немецким писателем-юмористом, юристом Теодором Готлибом фон Гиппелем. В Кёнигсберге Грот прожил два года, в 1760 г. он переехал в Санкт-Петербург, куда перевёлся барон Корф. Гроту было тогда 27 лет, Россия стала его второй родиной [28: 1–4].

В 1766 г. он женился на Христине Сусанне Энгельгардт, третьей дочери уже покойного тогда доктора медицины и директора Сухопутного госпиталя Николая Фридриха Энгельгардта. От этого брака у Ефима Грота было двое детей: сын Карл Христиан (Карл Ефимович), отец Якова и Константина Карловичей, и дочь Амалия, бывшая замужем за К. Липком. В 1783 г. пастор Грот овдовел и в 1785 г. женился вторично на дочери бременского купца Марии Бушер [28: 8–9].

Семья пастора Грота была дружна с семьёй Цизмеров (Ziesmer), вероятно, выходцев из Восточной Пруссии, глава семьи был неgociантом, с женой был в разводе. В 1804 г. К.Е. Грот женился на К.И. Цизмер. У них было четверо детей. Первый сын (Александр) умер во младенчестве. Дочь Роза, родившаяся в 1811 г. стала впоследствии писательницей-переводчицей (псевдоним К.Р. Аполлонская), Яков (родился в 1812 г.) и Константин (в 1815 г.). Жили Гроты скромно. К 1812 г. Карл Ефимович перешёл с должности старшего столоначальника 3-й Экспедиции для свидетельства государственных счетов в Департамент государственных имуществ и стал начальником отделения [28: 38–39, 42]. Став чиновником Департамента государственных имуществ, он получил чин коллежского советника [27: 9], выслужив право на личное дворянство.

К.Е. Грот был отличным пловцом и неоднократно переплывал Неву. Однажды в начале июля 1818 г. он пропал, вероятно, утонул, купаясь в Неве. Его одежду нашли на берегу [28: 43]. Потеряв мужа, Каролина Ивановна посвятила себя детям и их воспитанию [28: 44]. Император назначил вдове пенсию в размере полного жалования её мужа (3 тыс. руб. в год) [27: 9]. Она умерла в Гельсингфорсе 24 августа 1852 г. [28: 44].

По свидетельству Я.К. Грота, «она, хотя и была по происхождению немка, но любила все русское и, почитая Россию своим единственным отечеством, воспитала нас в любви к русскому языку и народу, в привязанности и благодарности к России» [28: 56].

Отец К.Я. Грота Яков Карлович (1812–1893) стал лингвистом и историком литературы, профессором Императорского Александровского (Гельсингфорсского) и Императорского Санкт-Петербургского университетов, вице-президентом Российской академии наук.

В 1823 г. К.Я. Грот был зачислен в Царскосельский лицейский пансион, благодаря прошению матери на имя императора Александра I. Император через начальника Главного штаба уведомил «госпожу коллежскую советницу Грот», что «государь император, снисходя на просьбу её, Высочайше повелеть соизволит старшего её сына поместить на казённый счёт в пансион Царскосельского лицея» [28: 57, 69–70]. В 1826 г. он стал первокурсником лицея. В 1832 г. он

закончил лицей с золотой медалью и чином IX класса (титулярный советник, давал право на личное дворянство). После выпуска из Лицея он служил в канцелярии Комитета министров (под начальством М.А. Корфа), потом – при Государственном совете, где он переписывал официальные бумаги для государя. Одновременно он продолжал совершенствоваться в иностранных языках, изучает историю России, писал стихи [27: 9–10; 35: 179–180].

В 1840 г. он стал чиновником особых поручений при статс-секретаре княжества Финляндского, в 1841–1852 гг. – профессор русского языка и словесности в Гельсингфорсском университете. В университете читал лекции на шведском и русском языке. При его участии в 1849 г. в журнале «Современник» был опубликован перевод финского народного эпоса «Калевала» на русский язык. Для финских школьников он написал учебники русского языка и книги для чтения по истории России [27: 12–13; 35: 180]. В 1850 г. он женился на Н.П. Семёновой [27: 18].

Наталья Петровна Семенова (1824–1899), писательница, уроженка Рязанской губернии, была дочерью героя войны 1812 г., писателя-драматурга и пародиста П.Н. Семенова (1791–1832) и сестрой Николая Семенова и Петра Семенова-Тян-Шанского [34: 14].

В 1852 г. после смерти матери Грот решает переехать в Санкт-Петербург. В декабре его избрали членом-корреспондентом Императорской академии наук по II отделению. Он также стал наставником и учителем великих князей – Николая и Александра (будущего императора Александра III) Александровичей. В январе 1853 он прибыл в Санкт-Петербург [27: 20–21]. Александр Александрович «ценил мнения и компетентность Я.К. по предметам его ведения» [24: 4]. «С личностью старого наставника у государя были без сомнения глубоко связаны дорогие для него воспоминания детства и юности» [24: 5].

В 1853–1862 гг. он – профессор кафедры словесности Александровского (бывшею Царскосельского лицея). С сентября 1859 г. оставил придворную службу [27: 20, 25, 28]. В 1889 г. он утверждён вице-президентом Императорской академии наук в Санкт-Петербурге [27: 45].

Я.К. Грот скончался 24 мая 1893 г. Получив доклад об этом от министра народного просвещения, император написал на докладе: «Меня эта смерть весьма огорчила. Я знал Якова Карловича более 35 лет и привык любить и уважать эту достойную личность» [24: 5]. Говоря о похоронах учёного, К.Н. Бестужев-Рюмин написал: «в этот день провожали не только видного учёного деятеля, но и одного из благороднейших и чистейших людей Русской земли. Когда вполне будет рассказана его жизнь, она послужит примером и поучением грядущим поколениям» [2: 12].

16 декабря 1912 г. во время торжественного собрания Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук в честь столетия со дня рождения академика Я.Г. Грота во вступительном слове академик А.А. Шахматов отметил: «Наш язык нашёл в Гроте неутомимого исследователя, много потрудившегося между прочим, над популяризацией научных о нём знаний. Многолетними его трудами достигнуто упорядочение нашего правописания. Гротом положены основания русского словаря, памятника современного литературного и живого языка. История нашей культуры и духовного развития в отдельных частностях разработана Гротом разносторонне: им извлекались для этого материалы из истории языка, литературы, быта; широкое научное и литературное образование давало ему возможность освещать эти данные умными соображениями и ценными обобщениями» [45: 1].

Другой сын Карла – Константин Карлович (1815–1897) тоже закончил Царскосельский лицей, впоследствии стал губернатором Самарской губернии (1853–1860), председателем основанного им Мариинского попечительства о слепых и т. д. [44: 639–640].

Старший брат Константина Яковлевича Грота Николай (1852–1899) стал русским философом, профессором Московского университета (с 1886), председателем Московского психологического общества, первым редактором журнала «Вопросы философии и психологии» (с 1889) [44: 641–642].

К.Я. Грот учился в частной Петербургской гимназии Видемана (до 1867 г.), а затем в Ларинской казённой гимназии, закончив курс в 1872 г. с золотой медалью [34: 14]. Затем поступил на историко-филологический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. В 1874 г. избрал своей специальностью славяноведение «не только следуя своим внутренним влечениям, но и, несомненно, под сильным влиянием университетских чтений Владимира Ивановича <Ламанского> и той духовной атмосферы, которая невольно создавалась около него, его кафедры кружка его молодых почитателей» [32: 15; 33: 219]. Надо отметить, что в своё время магистерская диссертация В.И. Ламанского «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» (1859) была издана при содействии Я.К. Грота [51: 153].

К.Я. Грот посещал лекции В.И. Ламанского, курсы И.И. Срезневского и В.Г. Васильевского [34]. Его настолько «увлекли славянские интересы и сочувствия», что уже в начале третьего курса стал членом петроградского славянского комитета, где видную роль играли В.И. Ламанский и его ученик А.С. Будилович [32: 15; 33: 219–220].

Закончив университет в 1876 г. со степенью кандидата, К.Я. Грот был награждён золотой медалью за студенческую работу «Разбор

свидетельств Константина Багрянородного о южных славянах», которая была издана в 1880 г. Автор поднял сложные вопросы древней истории южных славян, показал великие этнические движения в Европе, которые привели к переселению сербов и хорватов на Балканы, и подробно рассматривал их историческую жизнь на новой родине на Балканах. Как отмечал позже В.А. Францев, сегодня некоторые положения исследования К.Я. Грота устарели, его этимологические толкования неприемлемы, но была эта первая попытка всестороннего анализа сообщений Константина Багрянородного и работа стала ценным вкладом в изучении южнославянской этнографии и балканской истории [60: 6–7].

После окончания университета К.Я. Грот был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре славянской филологии (у профессора Ламанского). Летом того же года он совершил путешествие в Чехию и Моравию. В Праге он познакомился с рядом учёных и общественных деятелей [41: 679]. Ранее К.Я. Грот бывал в Чехии вместе с семьёй: восьмилетним мальчиком в 1861 г., когда его родители приехали в Теплице на лечение и в 1867 г. [60: 30].

Он продолжил свою учёную подготовку, а также стал преподавать русский язык и литературу в двух частных (женских) учебных заведениях. С осени 1878 г. К.Я. Грот провёл около трёх месяцев у своего брата профессора философии в Нежине (в историко-филологическом институте кн. Безбородько), где «важным подспорьем в работе» стало общение с профессорами-славистами А.С. Будиловичем и «старым товарищем и спутником по поездке в Моравию в 1876 г.» Р.Ф. Брандтом [25: 1104–1106, 34].

С А.С. Будиловичем он более близко сошёлся осенью 1876 г. в Нежине, а затем осенью 1878 г. «Общение и частые беседы с Будиловичем, указания и советы такого сведущего специалиста, уже непосредственно знакомого с славянским миром и с виднейшими представителями славянской науки и жизни на западе и юге, – были для меня чрезвычайно полезны и важны, и сам Антон Семенович с присущими ему отзывчивостью, добротой и готовностью быть полезным шёл радушно навстречу при всяком обращении к нему и готов был служить и указаниями и своей богатой уже библиотекой» [25: 1104–1106].

Весной 1879 г. сдал магистерские экзамены у профессоров В.И. Ламанского, И.И. Срезневского, А.И. Веселовского [25: 1106]. Под влиянием В.И. Ламанского он избрал темой своей магистерской работы историю Моравии во время появления венгров в Европе. В 1881 г. он закончил, защитил и напечатал диссертацию «Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века» [41: 679–680]. Вопреки

одностороннему мнению большинства учёных, считавших вторжение венгров на Тисо-Дунайские равнины фатальными и пагубными для западного славянства, К.Я. Грот, признавая бедствия, причинённые дунайским славянам мадьярским погромом, отстаивал мнение, что мадьяры помогли сдерживать немецкий натиск на восток. Таким образом, немцы больше пострадали после венгерского нашествия [60: 7–11].

В 1882–1883 г. К.Я. Грот совершил научную командировку в славянские земли Австро-Венгрии и другие страны. Большую часть времени он проработал в Праге, также учёный побывал в Вене, Будапеште, Белграде, Загребе, Любляне, Будишине [41: 680]. Так же он посетил Новый Сад, Триест, где тоже работал в местных архивах и библиотеках [34]. Как отмечал В.А. Францев, К.Я. Грот был одним из тех русских славистов, которые досконально знали чешскую историю и литературу, в молодом возрасте путешествовал по чешским землям, познакомился со многими выдающимися учёными и поддерживал с ними связь [60: 29].

В 1883 г., в связи со смертью В.В. Макушева, К.Я. Грот (через профессора Будиловича [34]) был назначен экстраординарным профессором на славянскую кафедру Императорского Варшавского университета [41: 683–684]. Первую лекцию в университете он провёл 16 сентября 1883 г. К.Я. Грот читал лекции по истории славян и славянской литературе [11], позже стал читать курс славянских древностей. Он преподавал также чешскую литературу [41: 684–685]. Некоторые лекционные курсы К.Я. Грота были изданы в конце XIX в. [51: 215].

В 1885–1886 г. он снова был в научной командировке, её время совпало с его женитьбой. Летом посетил Англию (Лондон и Оксфорд), поработал в Британском музее. Результатом научных изысканий стала статья «Лондонские заметки. Славянские рукописи Британского Музея» («Русский филологический вестник», 1887. Т. XVII. С. 1–29) [34]. Затем он собирал в Праге, Вене и Будапеште материалы для докторской диссертации. Диссертацию «Из истории Угрии и славянства в XII в.» он защитил в 1889 г. в Императорском Санкт-Петербургском университете [41: 685]. Его труд получил высокую оценку и был награждён академической Уваровской премией [5]. Автор развивает концепцию двух враждебных миров (латино-германского и греко-славянского), использует все известные в его время источники, анализирует их и впервые в историографии поднимает вопрос о венгеро-русско-византийских взаимоотношениях [41: 694].

Как писал В.А. Францев, в диссертации автор рассмотрел небольшой период в истории Венгрии, который венгерские и немецкие учёные обычно называли эпохой «византийского влияния». К.Я. Грот считал это неправильным. По его мнению, это была эпоха борьбы с

усиливающимся влиянием Византии, и эта борьба составляет суть венгерской политической жизни того времени. Западное влияние в Венгрии в то время не только не уступало византийскому, наоборот, всё больше набирало силу [60: 12].

С 1894 по 1896 г. К.Я. Грот был в командировке в Санкт-Петербурге. Ему было поручено издание трудов и литературной переписки его отца на средства императора Александра III. Он издал три тома «Переписки Я.К. Грота с П.А. Плетневым» [СПб., 1896] со своими примечаниями [41: 685].

Осенью 1896 г. К.Я. Грот вернулся в Варшаву и до весны 1899 г. продолжил преподавать в университете. За это время он издал два первых тома «Трудов Я.К. Грота», новое дополненное издание книжки «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники», написал отзыв о представленной на соискание премии имени А.А. Котляревского монографии профессора А.Н. Ясинского «Падение земского строя в чешском государстве» [34].

По семейным обстоятельствам (тяжёлая болезнь матери, скончавшейся летом 1899 г.), он, выслужив пенсию, вышел в отставку и переехал в Санкт-Петербург. Здесь он продолжил работать над архивом отца [34].

С 1901 г. К.Я. Грот – действительный статский советник, состоял при Министерстве народного просвещения, был председателем Комиссии по государственным испытаниям в Харьковский и Московский университеты, председателем издательского отделения Общества ревнителей исторического просвещения (1904-1909) [4: 449].

В этом же году он издал сборник статей «Об изучении славянства. Судьба славяноведения и желательная постановка его преподавания в университете и средней школе» (СПб., 1901), который вызвал немало откликов. Тогда же он стал одним из учредителей «Русского собрания» [52: 11], первой русской общественной право-монархической организации.

В 1905 г. его пригласили возглавить Общий архив Министерства императорского двора [41: 686; 47: 466]. Благодаря К.Я. Гроту в 1904–1916 гг. были изданы «Камерфурьерские церемониальные журналы» за 1805–1817 гг. (всего 40 томов) с объяснительными «Приложениями» и «Алфавитный указатель» за 1695–1774 гг. Архивом он заведовал 17 лет, в т. ч. и 5 лет при Советской власти [34; 41: 686; 58: 452].

В 1905 г. по случаю 50-летнего юбилея В.И. Ламанского был издан «Новый сборник статей по славяноведению учеников В. И. Ламанского». В нём он опубликовал очерк «Карпато-Дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических изучениях» [23].

С 1900 по 1915 г. он выпустил следующие труды: Грот Н.П. «Из семейной хроники. Воспоминания для детей и внуков» (СПб., 1900), Грот К.Я. «По поводу школьной реформы» (СПб., 1901), Грот Н.Я. «Философия и её общие задачи» (СПб., 1904), «Н.Я. Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей» (СПб., 1911), издаёт оставшееся два тома «Труды Я. К. Грота» (СПб., 1901, 1903) [34].

В 1904–1909 г. К.Я. Грот стал председателем издательского отделения «Общества ревнителей исторического просвещения». Среди изданных за это время книг были «Галицкая Русь прежде и ныне» (1907), «Св. Кирилл и Мефодий и культурная роль их в славянстве и России» Е.И. де-Витте (1908), «Славянство и мир будущего» Л. Штура (2-ое изд., СПб., 1909) [34].

Вкладом в изучение истории своего рода и собственной семьи, родственных связей стали, в частности, материалы по биографии своих деда, тёти. Позже, особенно после выхода на пенсию, он стал более активно заниматься этой работой. Многие из его последних работ, к сожалению, так и не были опубликованы, часть из них не вошла в его библиографию [53].

Ему принадлежит ряд исследований о лицейском периоде творчества Пушкина и издание «Пушкинский лицей (1811–1817). Бумаги 1 курса, собр. акад. Я.К. Гротом» (СПб., 1911). Как написал учёный в предисловии: «значительную часть публикуемых материалов составляют литературные упражнения товарищей Пушкина, его собратьев по перу» [26: X].

Он – автор исследований о творчестве поэтов и писателей XIX в., а также об известных славистах: А. Будиловиче, П. Кулаковском, М. Лавровском, В. Ламанском, И. Первольфе, И. Филевиче, А. Добрянском и др. [41: 686; 698–699].

В 1911 г. К.Я. Грота избирают членом-корреспондентом Императорской академии наук в Санкт-Петербурге [41: 686].

В 1912 г. К.Я. Грот приступил к разработке и изданию биографических и историко-литературных материалов, связанных с деятельностью его отца Я.К. Грота и других родственников учёного. К 100-летней годовщине рождения Я. К. Грота были изданы два выпуска «Материалов для жизнеописания академика Якова Карловича Грота». В 1915 г. к 100-летию со дня рождения своего дяди Константина Карловича Грота, им был опубликован первый том издания «К.К. Грот как государственный и общественный деятель» [34].

В 1914 г. он издал книгу «Австро-Венгрия, или Карпато-Дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических изучениях» [30]. В основу её был положен очерк «Карпато-Дунайские земли в судьбах

славянства и в русских исторических изучениях». Монография была несколько раз переиздана. Её логическим продолжением стала брошюра «Великая война и карпато-дунайская монархия (К освещению вопросов недалёкого будущего)», вышедшая в этом же году [31].

К.Я. Грот был награждён орденами св. Владимира III ст., св. Анны II ст., св. Станислава I ст., медалями «В память императора Александра III» и «В память 300-летия царствования дома Романовых» [4: 449; 47: 467].

Всю жизнь К.Я. Грот, как и его отец, всегда старался оказать помощь другим исследователям. Примером тому служит его многолетняя переписка с А.К. Жизневским, одним из основателей Тверского музея и первым председателем Тверской губернской учёной архивной комиссии. К.Я. Грот высоко оценивал деятельность учёного из провинции: «Это прекрасное дело, за которое Вам будет обязано потомство, и примеру Вашему должны бы следовать во всех местностях России, но жаль, что таких просвещённых деятелей, как Вы, у нас мало» [6: 162].

После революции 1917 г. К.Я. Грот несколько лет управлял вверенным ему архивом, затем после реорганизации архивов, вышел в 1923 г. на пенсию [41: 686]. В конце жизни он заботился о передаче семейных архивов в советские учреждения. В частности, он передал архив Я.К. Грота в Музей русской литературы [41: 686].

О том, что К.Я. Грот принял новый строй свидетельствуют его размышления в записке «Мой взгляд на переживаемую эпоху» (1930). В ней учёный выразил «свой взгляд и своё отношение к происшедшему великому перевороту в нашей истории, к пролетарской диктатуре, новому политическому и социальному строю и вообще к современному положению России в Европе и в отношении к капиталистическому миру» [50: 389]. Он писал, что его «прежняя дореволюционная идеология об образовательном и культурном подъёме народа на степень сознательного участия и роли в государственной жизни России, уже в известной мере освещала образовавшееся у меня скоро принципиальное положительное отношение к великому историческому перевороту, вызванному революцией, к пролетарской диктатуре, к утверждению значения и решающей роли в государственном управлении народных масс – в лице рабочих и крестьянства, а затем и к основной идее социализма, именно: безусловного равенства и братства людей и бессловности, – так как такое мировоззрение вполне совпадало с моими христианскими религиозными воззрениями или, вернее, с моими нравственными принципами в понимании религии не в смысле той или другой церковности или исповедания, а в смысле веры в какое-то высшее, непостижимое человеческому уму начало» [50: 391].

В конце 1933 – начале 1934 г. начались аресты учёных, закончившиеся ликвидацией организационных структур славяноведения. Пострадали знакомые К.Я. Грота. Вероятно, эта тяжёлая обстановка повлияла на Константина Яковлевича [50: 309].

Он умер 29 сентября 1934 г. и был похоронен на Новодевичьем кладбище.

К.Я. Грот был действительным членом Петербургского отделения Славянского благотворительного общества (с 1864 г., с 1915 г. – почётный член) и Русского географического общества (с 1901 г.), членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской академии наук (с 1917 г. – Российская академия наук), Чешской академии наук и искусств (с 1903 г.) и Общества любителей древней письменности (с 1905 г.), почётным членом Сербской королевской академии наук (с 1892 г.), Археологического отдела Чешского музея (с 1904 г.), Пушкинского лицейского общества (с 1911 г.) и Археологического института в Петербурге (с 1913 г.) [41: 699; 58: 451].

В своё время Л.П. Лаптева отметила малое количество литературы о К.Я. Гроде, хотя он прожил долгую жизнь и пережил большинство своих современников. Нам, как и Л.П. Лаптевой [41: 677], не удалось отыскать ни одного некролога в советских изданиях. Это, вероятней всего, было из-за «дела славистов» и разгрома славяноведения в СССР в 1934 г.

Л.П. Лаптева условно разделила все творчество К.Я. Грота на три части: исследования древнего периода истории славян, освещение вопросов, связанных с развитием славянской духовной культуры в новое время и изучение состояния славяноведения и деятельности учёных славистов второй половины XIX – начала XX в. Также он писал путевые очерки, рецензии, статьи в энциклопедии и словари [41: 687].

Значительное количество исследований К.Я. Грота посвящено истории Карпато-Дунайских земель, в них уделено внимание и русинской проблематике.

В магистерской диссертации «Моравия и мадьяры с половины IX по начало X веков» (1881) предметом его исследования стали «образование и судьба Великоморавского политического союза на среднем Дунае; упорная борьба его с Восточно-Франкскою державой, настойчиво и последовательно стремившеюся, со времени торжества над аварами, к порабощению славянских племён на Дунае и к распространению на восток своего политического и церковного господства; духовно-просветительская деятельность незабвенных апостолов св. Кирилла и Мефодия; успехи немцев в борьбе за церковную власть и в деле германизации восточно-альпийской территории и Паннонии; наконец, вторжение в великую Дунайскую равнину мадьяр, давших

новый, неожиданный поворот истории этих стран, их поселение здесь, покорение Моравии, а затем решительное торжество над немцами, надолго отброшенными этой победой от среднего Дуная» [10: IX]. Последний тезис учёный будет развивать в последующих своих работах.

В предисловии автор «выразил искреннюю признательность» В.И. Ламанскому за оказанное «содействие многими полезными советами, указаниями и замечаниями, а также и другим лицам» [10: XXIV]. Работа состоит из предисловия, четырёх глав («Вступительный очерк: взгляд на судьбу средне- и ниже-дунайских земель до начала IX в.», «Очерк политических отношений на среднем Дунае перед мадьярскими погромами», «Мадьяры: их выселение, странствования до водворения на среднем Дунае», «Поселение Мадьяр на среднем Дунае и Тиссе и их торжество в борьбе с Моравией и Восточно-Франкской державой»), общих заключений о перевороте, произведённом мадьярами на среднем Дунае, указателе личных и географических имён [10: I–VIII].

В диссертации автор пишет: «славянское население, расположившееся в восточно-дунайских землях, т. е. Молдавии, Трансильвании и может быть отчасти Валахии, и ныне оставившее на себе следы лишь в местной номенклатуре, было русское, т. е. совершенно однородное с тем, которое соседило с ним на востоке, в пределах нынешней России (по Днестру, Днепру, его притокам и севернее). То же русское население издавна заняло и северо-восточный прикарпатский край Угрии, на север от Трансильвании, откуда оно затем распространилось на запад и юго-запад, колонизировало, вероятно, весь северо-восточный угол тиссо-дунайской равнины и восточные окраины Угрии» [10: 63].

Он ссылаясь на мнение австрийского историка и географа Р. Рёсле-ра, который сделал вывод «не столько на исторических соображениях и известиях (вообще очень скудных), сколько главным образом на топографической номенклатуре в Молдавии, Трансильвании и в их соседстве», которая «решительно свидетельствует о том, что когда-то распространённое здесь славянское население было именно русское. Действительно, о существовании некогда в Трансильвании русского населения свидетельствуют такие названия мест, которым уже присуще обозначение русских (напр., Reussdorf, Reussen, Reussmarkt, Russberg, Russholz, Oroszfaja, Oroszfalu, Oroszmezö и т. д.)» [10: 65–66].

К.Я. Грот подчеркнул, что «славянское население территории древней Дакии в своей главной массе (главным образом, в Трансильвании, Молдавии и северо-восточной Угрии) принадлежало русской ветви, но очень может быть, что в Валахии, как мы уже выше высказали предположение, славяне были одноплеменны со славянами болгарскими» [10: 94]. Он упомянул, что «в южных степях России, в этой

Лебедии Константина Багрянородного мадьяры впервые ближе познакомились с тем племенем, от которого им позднее пришлось ещё столько заимствовать и в государственном, и в домашнем быту, и в нравах, и в языке. Кое-что из этой славянской стихии, наверное, привилось к ним уже в эпоху их общения с русскими славянами между Днепром и Доном (а затем и в "Ателькузу"). Это первоначальное славянское влияние – в противоположность хозарскому – происходило исключительно в сфере внутреннего, домашнего и семейного быта, повседневных житейских отношений, а тем самым должно было уже тогда отчасти проникнуть и в язык. Среди русских славян мадьяры познакомились впервые ближе с оседло-земледельческой жизнью, с её трудами, занятиями и обстановкой» [10: 220].

Упоминая о том, что «большая часть черноморской равнины от Днепра до нижнего Дуная была населена в IX веке (хотя и негусто, конечно) русскими славянами», об этом говорит Нестор, однако известия в летописи об этом скудны, искажены, и трудно определить «какие именно русские племена заселяли эту равнину, насколько она простиралась на запад» [10: 275]. Не позже конца IX в. племена уличей и тиверцев были оттеснены печенегами на север [10: 277].

К.Я. Грот считал, что мадьяры застали в «Ателькузу», тиверцев, которые до этого были частично истреблены, частично вытеснены печенегами, оставшихся мадьяры поработили. Т.е. мадьяры вступали в контакт со славянами в Лебедии (Леведии), нижнем Дунае (Ателькузу) и на новой родине на среднем Дунае [10: 279].

«Поселившись на новой территории, мадьяры приобрели и новых соседей. Соседями этими были: на север и северо-восток, вдоль гор Карпатских – довольно многочисленные славяне: с одной стороны соплеменные моравским славянам (предки нынешних словаков), с другой – русским; на востоке – славяне Трансильвании, принадлежавшие также к русской ветви, и затем, хотя и немногочисленное, но все-же составлявшее важный этнический элемент, горное романское (валашское) население; на юго-восток, в прежних мадьярских жилищах – печенеги, которые, впрочем, соседи с мадьярами не непосредственно; на юге, за Дунаем – частью болгары, частью хорваты; на юго-западе и западе словенское население и немецкие владения Восточной марки; наконец на северо-западе – славяне Моравского княжества» [10: 312–314].

Автор делает вывод, «что если мадьяры своим вторжением в дунайскую равнину и поселением в ней и нанесли глубокую рану славянам и стали для них причиной многих бедствий и в прошедшем, и в настоящем, зато своим своевременным вмешательством в жестокую борьбу немецкой народности с дунайскими славянами и

неизмеримым вредом, нанесённым Германии и всему западу, они в конце концов дали благоприятный оборот славянскому делу на Дунае в IX веке и надолго остановили дальнейший рост политического, культурного и всякого вообще преобладания немцев на среднем Дунае, принимавшего тогда уже значительные размеры и грозившего действительно великим и роковым для всего западного славянства несчастьем» [10: 422–423].

В рецензии на диссертацию К.Я. Грота член-корреспондент Императорской академии наук в Санкт-Петербурге по Отделению русского языка и словесности В.В. Макушев отметил, что этот труд «составляет драгоценный вклад в историческую науку: он решает весьма важный вопрос об историческом значении "мадьярского погрома", т. е. о вторжении мадьяр в великую дунайскую равнину, о покорении ими Моравии и о торжестве их над немцами». Рецензент привёл две точки зрения на вторжения мадьяр: общераспространённую, что «мадьярский погром был одним из величайших бедствий, когда-либо постигших славянство» и точку зрения, поддерживаемую немногими учёными, что «от мадьярского погрома более пострадали немцы, чем славяне». Справедливость последнего взгляда «неопровержимо доказал г. Грот в своей диссертации». В.В. Макушев в заключении написал: из «перечня вопросов, рассмотренных г. Гротом в его диссертации, видно, что она имеет важное значение для истории не только западных славян, но и русских, мадьяр и даже немцев» [43: 149, 152].

В 1883 г. в «Известиях Императорского Русского географического общества» была опубликована полемика Н.Я. Данилевского с К.Я. Гротом по поводу ряда положений последнего в работе «Моравия и мадьяры с половины IX по начало X веков». В своей монографии учёный показал путь переселения мадьяр на место их нынешнего жительства. Он отметил, что во время переселения мадьяры делал как минимум две значительные остановки: в степях южной России между Доном и Днепром («Лебедия» Константина Багрянородного) и в низовьях Дуная (местности, называемой Багрянородным Ателькузу, часть Бессарабии и Молдавии), оттуда они и двинулись в долину Тисы [36: 220–221]. Касаясь пути мадьяр в Лебедию (вопрос о её нахождении до сих пор является дискуссионным. – С.С.), К.Я. Грот считал, что они шли по Каме и Волге на Оку, затем вверх по Оке к верховьям Дону. На Оке они пошли «торговым путём» «перевалом на Дон к хазарам» [36: 227].

Н.Я. Данилевский считал данный путь «невозможным». Этими путями мадьяры «идти не могли», они бы «перемырли бы с голоду». Он считал, что мадьяр было от 80 до 100 тыс. чел. и они шли скученно, распугивая дичь, которой было не так много, рыбы тоже было

бы недостаточно. Исследователь приводит примеры из настоящего времени. По прибытии в Лебедию тоже питаться было нечем. Он считал, что путь мадьяр надо разделить на две части: «из их финской прапрародины, Биармии – лесной Пермской или Вятской губернии в их степную прародину, где они ономадились, и второй: из этой последней в Лебедию». «Промежуточной станцией» Н.Я. Данилевский считал восточную часть Уфимской и северную часть Оренбургской губерний, т.е. предгорье южного Урала. Здесь они «обашкирились», т.е. стали «вполне кочевниками». Н.Я. Данилевский считал, что «Лебедия это – степь, следовательно нет никакой надобности помещать её в окрестности Лебедяни и Лебедина в губернию Курскую и в северную часть Харьковской и Воронежской, а прямо в Таврическую, Екатеринославскую и южную часть губерний Воронежской, Харьковской и Полтавской, т.е. в ту самую страну, в которой и всегда жили кочевники, преемственно изгонявшие друг друга, откуда и мадьяр выгнали печенеги и заставили переселиться в другую часть той же степи, в Заднепровскую "Ателькузу"», куда они уже прибыли настоящими кочевниками [36: 231–242].

Отвечая на замечания К.Я. Грот отметил, что численность орды Данилевский сильно преувеличивает, вряд ли мадьяры двигались скученно, подобно войску; в лесах в то время дичи было в изобилии; рыба служила только дополнительным источником питания, да и в то время её водилось больше; в ту пору Волга и Ока были шире и многоводнее, чем ныне и на их берегах не могло быть густого леса, учитывая постоянные разливы и изменения русла рек. Учёный согласился с оппонентом, что местоположение Лебедии могло быть южнее, что объяснение происхождения названия Лебедия может быть от травы лебеда (у венгров родственный вид травы – дикий шпинат – называется *laboda*). Однако этим Н.Я. Данилевский «подрывает только-что упомянутое своё мнение об исконном существовании лесов в Южной Руси» [6: 244–246].

В 1883 г. в «Сборнике статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В.И. Ламанского по случаю 25-летия его учёной и профессорской деятельности» вышла статья К.Я. Грота «Новые труды по истории Венгрии». В ней он отметил «необычную и оригинальную судьбу» историографии Угрии. Хотя ей посвящали свои труды не только мадьяры, но и представители исторической науки других европейских наций, «едва ли прошлое какой-либо другой страны в Европе обработано так ещё неполно, несовершенно и односторонне» [12: 58]. Население старой Угрии (Венгрии), писал автор, состояло «с самого её образования из двух главных элементов, славянского и мадьярского, к которым уже гораздо позднее присоединился

первоначально малочисленный, и лишь в последствии, особенно в Новейшее время, сильно размножившийся пришлый румынский элемент». Причём, «мадьяры и славяне – вот народности, которые создали древнюю Угрию, которым она обязана своим могуществом и значением в долгий период своего самостоятельного бытия» [12: 59].

К.Я. Грот подчеркнул, что «чем одностороннее и пристрастнее работы немцев и мадьяр по истории Угрии, тем желательнее является разработка этой истории славянскими вообще, и, в частности, русскими учёными. К сожалению, до сих пор славянская историческая наука вообще далеко не достаточно вводила Угрию в круг своей деятельности, не останавливала на ней того внимания, которое она заслуживает» [12: 60]. Автор указал, что средневековая Угория выросла и развивалась «на чисто-славянской почве, по преимуществу из славянских элементов, под непосредственным воздействием славянского духа». Он считал, что русские учёные, «стоя совершенно вне мелкой национальной и политической борьбы в Австро-Венгрии» могли бы заняться разработкой истории угорского государства. «Они в своих исследованиях могут быть всего беспристрастнее и объективнее, а с тем вместе им должны быть всего ближе, знакомее и понятнее те православно-славянские основы и стихии, благодаря которым создалась Угория, и которые продолжали в ней жить и проявляться до конца, несмотря на рано начавшееся могучее разлагающее влияние запада, его политики, церкви и культуры» [12: 61].

В статье он даёт оценку двум новым книгам по истории Угрии (Jos. Lad. Pic. *Der nationale Kampf gegen das ungarische Staatsrecht. Ein Beitrag zur Kritik der älteren ungarischen Geschichte.* Leipzig, 1882; Heinrich Marczali. *Ungarns Geeschichtsquellen im Zeitalter der Árpádén. Von der ungarischen Akademie der Wissenschaften gekrönte Preisschrift.* Berlin, 1882), вышедшим на немецком языке.

В 1885 г. в «Мефодиевском юбилейном сборнике, изданном Императорским Варшавским университетом к 6 апреля 1885 года», К.Я. Грот опубликовал статью «Взгляд на подвиг славянских первоучителей с точки зрения их греческого происхождения». В ней автор подчеркнул, что св. Кирилл и Мефодий были греки, хотя есть учёные, «которые вопреки достоверным свидетельствам источников» предлагают гипотезу о славянском происхождении солунских братьев. Если бы удалось доказать, задаёт вопрос исследователь, что в солунских братьях текла славянская кровь, чтобы из этого следовало? [13: 1–3]. «Мы и тогда сказали бы, что Кирилл и Мефодий были истые греки, что истыми греками являются они перед нами, так сказать, от головы до пяток – по всему: по языку, воспитанию, образованию, по духу и настроению ума, одним словом всем своим духовным существом,

своей духовной природой; они были в полной мере продуктами греческой высокообразованной общественной среды и греческой культуры, наконец сами себя считали греками, и этого для нас уже было бы достаточно» [13: 3].

К.Я. Грот отметил, что «для нас, славян православных, связанных во всем своём духовном организме, верой и культурой с греками и их миром, дело представляется совершенно иначе»: в факте их греческого происхождения «заключается весь смысл их великого подвига на пользу славянства». Автор считал, что дело апостолов заключалось в следующем: они наделили славян «письменностью, литературным языком, священными книгами на этом языке» [13: 4]. И «если задача Кирилла и Мефодия первоначально и не была общеславянскою, то она очень скоро как-бы сама собой, а в сущности благодаря именно их отношению к ней, расширилась в таковую и что таким именно общеславянским вышло все их просветительное дело» [13: 7].

Отметил учёный и «враждебное отношение Рима к деятельности Кирилла и Мефодия ещё с IX в.» вполне естественное и понятное: Кирилл и Мефодий были не только сынами восточной церкви, «они были вдобавок византийцы и греки по происхождению и всей своей духовной сущности», подчёркивая, что уже в ту эпоху антагонизм «между западом и востоком, между латинским и греческим культурными типами» был «настолько уже глубок и силён» [13: 20]. 6 апреля «бесчисленные массы паломников из разных католических земель славянских со своими духовными отцами и наставниками» соберутся в моравском Велеграде, чтобы торжественно почтить память великих славянских первоучителей. У исследователя это вызывает недоумение, учитывая, что «слуги римского престола» «в течение тысячи лет не переставали распинать их святое дело и коварно подкапываться под ту церковь, к которой они всецело принадлежали» [13: 21–22].

Й.Л. Пич (О.В. Пич) издал новую книгу по румыно-венгерскому вопросу: «Zur rumänisch-ungarischen Streitfrage» (1886). В своей рецензии К.Я. Грот отметил, помимо всего прочего, что автор стоит на позициях антинорманизма («варяго-руссы, будь они норманны, не могли бы быть основателями этого своеобразного национально-славянского быта»), «посвящает более внимание восточному, т. е. русскому славянству». Также он придерживался взгляда «о проходе мадьяр в дунайскую равнину через Русские Карпаты (с северо-востока)» [14: 14–15, 24, 31].

В 1889 г. вышла монография К.Я. Грота «Из истории Угрии и славянства в XII веке (1141–1173)» (докторская диссертация), которую автор назвал «политической историей Угрии». Он рассмотрел период с вступления на престол Гейзы II (1141) «до многознаменательного

события 1173 года, именно возведения на угорский престол воспитанного в Византии призванного оттуда Арпадовича, византийского кандидата, полугрека и мануилова свояка Белы III [15: X]. Учёный охарактеризовал данный период, как эпоху «внешнего завоевательного натиска Византии и отпора ему, которым сумел воспользоваться латино-германский запад для своего усиления в Угрии» [15: VIII]. Помимо внутреннего положения страны, К.Я. Грот уделяет внимание связям с соседними государствами, в т.ч. и Русью. Диссертация состояла из предисловия, введения, двух глав (Гейза I, Преемники Гейзы и Византия), заключительных замечаний об изложенном периоде, приложений и указателя личных и географических имён [15: XIII–XX].

В предисловии автор подчеркнул значение этого периода «политической жизни средневековой Угрии», «как интересной и важной области европейской и частности славянской истории», пользу изучения угорской истории для разработки «историй юго-западной Руси, южных славян, Чехии, Польши, наконец, Византии» [15: VII–VIII]. Он отмечает сближение Угрии с Русью, начавшееся после вступления на престол Гейзы II. «Эти издавна начавшиеся разнородные сношения обуславливались и родством русской Угрии с Русью соседних княжеств и вообще с южною Русью, и политическими интересами угров, побуждавшими их вмешиваться во внутренние дела русских князей, которые часто сами призывали их себе на помощь, и много значившими в те времена родственными связями государей» [15: 421].

Однако, «с одной стороны византийская интрига, с другой без сомнения и происки латинства не замедлили разорвать эти отношения». Отчуждению между Угрией и Русью в 50-е гг. XII в. способствовали не только «влияния латино-немецкие» в Угрии, но то, что на Руси в то время «совершался процесс перемещения государственного и политического средоточия с юго-запада на северо-восток, из Киева в земли суздальскую и ростовскую». Ослабла «сила взаимного тяготения обоих государств вследствие разобщения их интересов». Это отразилось на «судьбах самих западно- и южнорусских краёв, но и на политическом национальном бытии западных, сопредельных с Русью славянских народностей, особенно ближайшего угорского славянства». Связи с западнорусскими, особенно, с Галицким княжеством, не прекратились, «в силу непосредственного соседства и одноплемённости населения по обе стороны Карпат» [15: 422–423].

В рецензии, опубликованной под псевдонимом в «Историческом вестнике», отмечались «живое слово, полный прагматизм и разумное включение в рамки своего исследования жизни других народов», исследование «одной из любопытнейших эпох мадьярской истории». Рецензент констатировал, что «если все произведения

г. Грота (рассматриваемое нами третье из числа серьёзных) обладают указанными достоинствами, то русская историческая наука может поздравить себя с таким работником, а мы можем пожелать, чтобы скорее нашёлся подобный же исследователь прошлых судеб России, свободный от эгоистической программы немецкого историка и не создающий китайской стены из-за угодливо усвоенной немецкой кропотливости» [1: 200–201].

В 1891 в № 8 «Варшавских университетских известиях» вышла статья К.Я. Грота «Из истории давних угро-славянских отношений» [3: XXVII].

В 1900 г. появилась его обширная рецензия на труд А.Н. Ясинского «Падение земского строя в Чешском государстве. X–XIII вв.». Её подробно в своё время рассмотрели Л.Н. Лаптева [40: 127–128; 42: 588–590] и М.Я. Робинсон [48: 104–107]. Последняя считала, что в этой рецензии обнаруживается «наиболее ярко славянофильская основа методологических воззрений» К.Я. Грота [48: 104]. Л.Н. Лаптева, говоря о «наиболее подробном разборе» книги А.Н. Ясинского, сделанном К.Я. Гротом и который равен по объёму половине монографии, указывает, что его рецензия «хотя и признает её серьёзные достоинства, в основе содержит критику авторской концепции, причём со славянофильских позиций» [40: 127].

В рецензии К.Я. Грот снова отстаивает идею враждебности романо-германского мира греко-славянскому. Он высказал мнение, что такая тема должна рассматриваться «в широких рамках изучения культурно-исторического развития западно-европейского (романо-германского) мира сравнительно с восточным (византийским) и исторических отношений и сближения славянства с тем и другим [18: 111].

Он считал, что «постоянные многообразные сношения с Германской империей, сожительство с немцами – и пограничными, и колонизирующими края и города Чехии – не могли не отражаться на складе понятий и привычек чешского общества (особенно придворных сфер и высшего класса), направляли их вкусы и симпатии в известную сторону, и таким путём, при особенно усердном содействии церкви, духовенства, а также литературы, прививались обществу собственно чуждые славянской жизни и характеру социальные понятия, принципы и взгляды на государственные и церковные отношения» [18: 195–196].

К.Я. Грот написал несколько статей в «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», в которых коснулся и русинской проблематики. В статье «История Венгрии» (1892) он упоминал, что в IX в. «территорию будущей Венгрии населяли: славяне – в северных и частью восточных карпатских краях (русские, предки словаков), на юго-западе

по Саве и Драве, в древней Паннонии и Норике (словенцы), более разрозненно – в Трансильвании, Банате и других соседних местностях, ещё реже – в центральной тиссо-дунайской равнине». Исследователь указал, что племя мадьяр «в начале IX в. перекочевало через Волгу и после довольно продолжительной стоянки в южно-русской степи ("Лебедия" Константина Багрянородного, в соседстве и зависимости от хазар и в соприкосновении с русскими славянами», что король Андрей I († 1061) был «приверженец восточной веры, женатый на русской кн. Анастасии Ярославне», что при короле Людовике I Великом (1342–1382) «прибыл в Венгрию и поселился в Мукачевской области русский князь Федор Кориатович, из Подолии, с массой русских переселенцев», что во время февральской революции 1848 г. «против мадьяр готовы были подняться словаки, русские, румыны, немцы». Говоря о политике мадьяризации, начавшейся в конце XIX в. и которой подверглось невенгерское население страны, учёный подчеркнул, что «о славянах нечего и говорить: с ними, особенно со словаками и угрорусами, не церемонились вовсе, мадьяризуя их систематически, подавляя и пресекая у них даже всякое народно-литературное движение и предприятие» [16: 887–889, 891, 895–896].

В статье «Славяноведение (славистика)» (1900), описывая развитие славяноведения в Австро-Венгрии, исследователь упомянул, что «в Черновцах (в Буковине) преподаёт славянскую филологию русско-польский славист Эм. Калужняцкий, известный рядом прекрасных монографий о малорусских памятниках и по старой письменности славянской, русской и польской. В Галиции славянскую филологию читали в последнее время поляки». Упомянул он, что и у румын есть славянская кафедра в Бухаресте, «занятая молодым славистом венской школы И. Богданом. В старшем поколении выдаётся в этой области известный филолог Б.П. Хаждеу» [19: 303]. Он отметил вклад карпаторусса Ю. Венелина «в болгарскую отрасль славистики». Перечислил ряд исследователей: «в галицко- и угрорусской учёной литературе по славистике особенно известны имена А.И. Добрянского, Я. Головацкого, А. Петрушевича (Львов), И. Верхратского (Львов), Ом. Огоновского, И. Шараневича (Краков), Е. Калужняцкого (Черновцы) и др. Во Львове и Черновцах работают и молодые ученики Ягича – А. Колесса, Е. Козак и др.» [19: 299, 304].

В своей речи в Варшавском университете 30 августа 1893 г. «Мадьяры и славяне в прошлом. Исторические справки о славизме в государственной жизни Угрии» (опубликована в «Варшавском университетском вестнике» (1893, № 6), также вышла отдельной брошюрой) К.Я. Грот остановился на вопросе «об отношениях мадьяро-славянских в старые времена, о том, чем мадьяры обязаны славянам и чем они

с другой стороны сами были для последних в продолжении почти всей своей тысячелетней истории» [17: 2]. Приход мадьяр в Паннонию привёл к основанию в второй половине X в. самостоятельной угорской, «в существе своём мадыро-славянской державы, которая, объединив дунайское славянство, хотя и под верховенством чуждой и пришлой силы, до некоторой степени не могла не унаследовать исторических задач павшей Моравии» [17: 5].

Автор не рассматривал «мадырский погром, как безусловное бедствие для славянства». Наоборот, он считал, что «мадыры, нанеся само собою разумеется значительный удар дунайским славянам, образовали зато для них, следовательно вообще для греко-славянского мира – сильный оплот против латино-германского запада», который сами славяне, будучи разрозненными, создать не могли [17: 5–6].

В свою очередь, как отмечает учёный, славяне, «находясь на высшей степени культуры» и превышая мадьяр по численности, «дали им все то, что помогло им стать на ноги в среде европейских народов, главным образом относительно западной Европы и сохранить свою индивидуальность: лишь с помощью славян, в тесном союзе и сотрудничестве с ними. Мадыры завоевали себе видную историческую роль и современное политическое значение». Исследователь указал на «элементы и факты мадыро-славянской взаимности» и их 900-летнего «дружественного исторического сожительства» [17: 6].

Говоря об участии «славянской стихии» в образовании угорской державы, автор указывает на «этнографический состав земель, государственно объединённых» мадырами, на «сильную примесь славянской крови к мадырской». Отслеживая угорскую историю с X в. до Нового времени, знакомясь с «современным типом мадыр, их жизнью и бытом, наконец их языком» можно увидеть яркий отпечаток славянской стихии, следы её воздействия и опеки» [17: 6–7].

Автор перечисляет главные элементы, «которые питали и поддерживали славизм в Угрии»: этнический момент; культурно-бытовой; вероисповедный или церковный; династический и политический. Далее он подробно останавливается на каждом [17: 10]. К.Я. Грот подчеркнул, что «Арпадовичи, первоначальная и единственная национально-мадырская династия Угрии, царствовали до начала XIV в. (1301), т. е. почти две трети всего периода политической самостоятельности Угрии», имели значительную долю славянской крови. Многие из них были в близких родственных отношениях с разными славянскими династиями Чехии, Польши, Руси, Сербии и Болгарии, что «заметно отражалось на их настроении и политике». Многие Арпадовичи были женаты на славянках, дочери королев выходили замуж за представителей славянских царствующих родов [17: 16].

Он считал, что при Людовике Великом (Лайоша I (1342–1382), «в жилах которого текла славянская кровь», «славянский элемент Угрии достигает апогея своего роста: он естественно подавляет все прочие и политически господствует». При нём «с Угрией соединяются Польша и Галич, на юге она овладевает Бдынской Болгарией, утверждает своё влияние в Сербии и Боснии, – свою власть в утраченной было Далмации; наконец на востоке принимает в свои пределы массы русских переселенцев с князем Фёдором Кориатовичем из Подолии» [17: 25].

Впоследствии короли – зять Людовика Сигизмунд I Люксембург (1387–1437), Владислав (Ладислав Постум, Ласло V (1444–1457)), Матьяш I Корвин (Матьяш Хуньяди (1458–1490)), Владислав (Уласло II Ягеллон (1490–1516) и его сын Людовик II (Лайош II Ягеллон (1516–1526) продолжали поддерживать связи со славянскими странами и сохраняли славянское влияние в Угрии [17: 25–27].

После поражения под Мохачем в 1526 г. «лишь в восточной (Затисской и Трансильвании) удержался ещё представитель угорской независимости – бывший претендент на корону угорскую, Иоанн Запольский». Трансильвания (Семиградье) «оставалась очагом угорской политической независимости до конца XVII в.» [17: 27–28].

Рост национального самосознания мадьяр с конца XVIII в. привёл к мадьяризации представителей других этносов. В 1848 г. славяне (в первую очередь, хорваты) помогли Австрии подавить выступление мадьяр. В 1867 г. австрийский дуализм отдал «все народности Угрии в полное распоряжение мадьяр» [17: 31–32].

В небольшой рецензии на книгу О.А. Мончаловского «Житье и деятельность Ивана Наумовича» (1899), опубликованной в газете «Новое время» К.Я Грот написал, что уже 8 лет прошло со смерти знаменитого «просветителя Галицкой Руси», протоиерея Ивана Григорьевича Наумовича, «а память о нём ещё свежа и долго будет жить на Руси, приютившей этого славного деятеля на склоне его многострадальной жизни». Не только для земляков, «но и для всего русского общества» знакомство с его жизнью, идеалами и принципами, «хрустально-чистой и честной русской душой высокопоучительно». О.А. Мончаловский изложил последовательно жизнь и труды И. Наумовича, излагает материал по истории Галицкой Руси, пользуется обширной перепиской И. Наумовича и другими источниками, даёт его «обильные цитаты», «живо иллюстрирует главные моменты деятельности его по поднятию русского духа в народе», «по очищению русско-униатского обряда от католических примесей, наконец, по просвещению народа», создал «целую народную литературу», учил крестьян «любить свою церковь и народность», «истории Руси, быть трезвыми и трудолюбивыми», «заниматься умело хозяйством» [39].

В очерке «Об изучении славянства. Судьба славяноведения и желательная постановка его преподавания в университете и средней школе» (1901) К.Я. Грот предложил «читателям набросанный мною недавно сжатый очерк развития славяноведения, к которому присоединяю прежние свои случайные заметки о важности этого предмета и новые – о желательной ныне постановке славистики в университетах и о том, что нужно для её популяризации». Очерк представляет собой расширенный вариант статьи, написанной для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона [20: 3–4]. К.Я. Грот считал, что «славяноведение, к сожалению, до последнего времени не пользовалось вовсе популярностью не только в широких кругах нашего образованного общества, но даже и в наиболее просвещённых, учёных и литературных сферах» [20: 2]. Работа состоит из предисловия четырёх глав («Исторический очерк развития славяноведения», «Русское общество и славянство», «Знакомство со славянством», «Славяноведение в русских университетах) и заключения [20: 3–4]. Первая глава – статья «Славяноведение» из энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона.

Касаясь предстоящей реформы средней школы, К.Я. Грот пишет, что «полное отсутствие элементов славяноведения (если не считать беглых и случайных упоминаний) в программах нашей школы является странным, непонятным и в высшей степени чувствительным пробелом в системе общего образования. Оно находит себе объяснение только в нашей национальной незрелости и, в свою очередь, поддерживает последнюю» [20: 46]. Обратил автор внимание на «неполноту в постановке славяноведения в наших университетах» [20: 50]. К.Я. Грот выступил за «существенное улучшение постановки славяноведения в университетах и введение его элементов в среднюю школу, в учебные программы гимназий как мужских, так и женских, и реальных училищ» [20: 59], а также за «усиление и расширение издательской деятельности наших славянских обществ», «основание русского периодического органа по славяноведению», «организацию книжных сношений со славянами», использовать для развития славянских изучений «периодическую печать и журналистику», «личное ознакомление нашего общества со славянами, с их землёй, народом и жизнью» («почему наши люди так охотно посещают западноевропейские страны ..., и совсем почти не посещают земли своих соплеменников»). Для последнего вопроса «должны быть изданы толковые и достаточно подробные путеводители по всем славянским землям на русском языке и на местных славянских, в каковых давно уже чувствуется надобность». Автор призвал правительство и общественность обратить внимание на перечисленные проблемы [20: 60–64].

В официальной газете Царства Польского «Варшавский дневник» В.А. Францев в статье «Об изучении славянства» высказал ряд дополнений по поводу некоторых пожеланий К.Я. Грота о славянском книжном деле и общеславянском журнале. Говоря о самом сборнике, он написал: «профессор К.Я. Грот возымел прекрасную мысль издать в виде отдельного сборника ряд своих статей» [7; 8].

В очерке «Памяти Адольфа Ивановича Добрянского», написанном в 1902 г. к годовщине смерти «знаменитого угрорусского вождя» и 85-летию со дня его рождения К.Я. Грот отметил, что русское общество проявляет «отсталость и равнодушие ко всему, что касается вообще западного славянства, но и даже наших ближайших родичей, зарубежной Руси» [21: 16]. Учёный, будучи лично знаком с А.И. Добрянским, обратил внимание, что тот «обладал исключительным даром покорять себе сердца и умы людей» [21: 18]. В начале 1883 г. К.Я. Грот провёл несколько месяцев в Вене, как раз после нашумевшего Львовского процесса, на котором обвинялись «в преступной политической пропаганде и государственной измене» некоторые галицко-русские деятели, в т. ч. и 65-летний Добрянский. В это время, как вспоминает автор, Добрянский, погрузился «в кипучую плодотворную работу» (кирилло-мефодиевское движение в Чехии и Словакии, основание общины православных чехов в Вене, возникновение ряда «влиятельных органов общеславянских интересов»). Он также вдохнул «новую жизнь» в несколько славянских «бесед» и академических кружков», был желанным гостем в доме протоиерея русской православной церкви М.Ф. Раевского [21: 20]. В то время К.Я. Грот готовил материалы к своей диссертации из истории Угрии XII в., а его прежняя работа была А.И. Добрянскому хорошо известна. Последний в разговорах «высказывал интересные замечания и наблюдения как по древнейшей истории, по исторической и настоящей этнографии Угрии, так и по вопросам современных славяно-мадьярских отношений, причём, естественно, переходил часто к своим личным воспоминаниям». Добрянский был «прекрасный знаток современной этнографии Австро-Угрии». Он любил останавливаться «на специально им изучаемых вопросах церковно-культурных в старой Угрии и новейшей Австро-Венгрии, начиная с просветительной деятельности Кирилла и Мефодия и до настоящих смутных религиозных отношений: успехов латинства, роли унии и искусственного разъединения православных в Австро-Венгрии, Галиции, Трансильвании, Буковине и Румынии» [21: 21].

В 1904 г. К.Я. Грот опубликовал в «Правительственном вестнике» статью «К истории славянского самосознания и славянских сочувствий в русском обществе (из 40 годов XIX столетия)». Затем она вышла

отдельным оттиском. Описываемый период (30-е и 40-е) – активное научное изучение «народности в области истории, этнографии, старой письменности, языкознания», серьёзно поставленных к этому времени. Немало накопилось материала «в нашей литературе и журналистике, в современных записках, литературной переписке русских деятелей и писателей». С 1835 г. учреждаются славянские кафедры в университетах [22: 1].

В 1905 г. в «Новом сборнике статей по славяноведению», составленном и изданном учениками В.И. Ламанского, при участии их учеников по случаю 50-летия его учено-литературной деятельности вышла статья К.Я. Грота «Карпато-Дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических изучениях». В ней он развивает концепцию двух враждебных миров. В начале статьи автор критикует «рабскую зависимость от идей и точек зрения западного, романо-германского мира» в «области исторических изучений» [23: 69]. Он отметил, что «истории этих Карпато-Дунайских стран в границах старой Угрии, а равно и поглотившей её Австрии, а потом Австро-Венгрии у нас до сих пор не уделялось ни в науке, ни в её популяризации подобающего им по значению внимания, что, напротив, эта область оставалась всегда в каком-то странном пренебрежении и запущении». Для этого достаточно посмотреть «специальную и общую литературу предмета», отсутствие этой темы «в наших исторических программах» [23: 71].

По мнению автора, «данная территория своими географическими, этнографическими и культурными условиями издавна занимала среди других земель совершенно особое положение, наложившее своеобразный характер на всю её историю и все её отношения к западу и востоку Европы. Здесь изначально происходила встреча и столкновение различных рас, миров и культурных типов» [23: 72]. Термин «Карпато-Дунайские землями» учёный понимал в более широком смысле: «включая сюда и прилегающие к собственно угорской территории, с ней исторически и этнически связанные окраинные австро-венгерские области, т.е. более или менее в объёме Австрийской монархии в её целом, объединившей карпато-угорские ветви славянства с его крайними западными форпостами в Чехии и у Адриатики». Как отмечал автор, точнее эту территорию следовало бы назвать «Карпато-Альпийско-Дунайской» [23: 75–76]. В Карпато-Дунайских землях «сходятся и имеют своих представителей» русские, поляки, чехи, словаки, словенцы, хорваты, сербы и болгары (некогда в Трансильвании) [23: 80–81].

Карпато-Дунайские земли были «преддверьем романо-германского Запада для греко-славянского Востока и обратно, промежуточным звеном и переходным поясом между сложившимися тысячу лет назад

на западе и востоке Европы своеобразными культурно-историческим мирами». В этих землях проявилась наступательная роль Запада. Учёный высказал мнение, что «вторгавшиеся сюда и располагавшиеся здесь, на равнинах среднего Дуная, в разные времена насильники-азиаты монгольского, турецкого и тюрко-финского племён, приносили гибель, разорение и гнёт одинаково для всего арийского населения этих стран; их услугами часто пользовались во взаимной борьбе обе враждовавшие стороны; но временно поработав и притесняя славян, эти чуждые восточные племена силою вещей и обстоятельств сживались и срастались (если не ассимилировались) с окружавшею их этнической средою греко-славянства, умножали силы последнего и становились невольны или вольно его оплотом, и вместе грозой и бичом для европейского Запада» [23: 78].

Исследователь показывает периоды «на которые вполне естественно распадается исторический путь, пройденный Карпато-Дунайскими землями и их народами»:

«I. Со времени расселения славян (V в.) до конца IX-го и нач. X в., т. е. до водворения мадьяр на Среднем Дунае.

II. С начала X до конца XIII в., т. е. до прекращения народной угорской династии и образования под боком сильного Австро-Габсбургская ядра.

III. С конца XIII или начала XIV в. до 1526 г., т. е. до турецко-габсбургского разгрома Угрии, потери ею самостоятельности и раздробления.

IV. С 1526 г. до конца XV, II в., т. е. до изгнания турок из Венгрии и почти полного и окончательного поглощения Угрии Австро-германской державой.

V. С конца XVII в. до последних десятилетий XIX в. (до 1867 г.), до создания искусственной системы дуализма, до сильнейшего обострения внутренних австро-венгерских отношений.

VI. С 1867 г. – новейшая эпоха дуализма и крайнего осложнения и обострения внутренних народных отношений, которые должны привести, по-видимому, или к распадению Австро-Венгрии или к созданию в этой монархии какой-либо иной государственной системы, или группировки» [23: 83–84].

Первый период (VI– IX в.) – период «ещё несложившихся этнических и политических отношений»: опустошительные набеги и временное господство кочевников, передвижение и расселение славян из-за этой угрозы в западном и южном направлении, первые попытки у славян средне-дунайских и «окраинных» на западе создать свои политические организации и объединения, чтобы дать отпор враждебным силам, надвигающимся с запада, начинающаяся борьба с германским миром, в которую к концу IX в. вмешались но-

вые пришельцы и «создали здесь новое положение и в этническом, и политическом отношениях» [23: 84].

Гунны освободили славян от готов, авары довершили это дело, «помогши многочисленным славянским племенам среди грозы опустошительных походов в пределы Византийской империи с одной стороны и франко-германских владений с другой – наводнить собою средне-дунайские, восточно-альпийские и южные, задунайские земли (до берегов Адриатики и за самые Балканы)» [23: 85]. «Образование монархии Карла Великого, а особенно воссоздание в союзе с папством новой Священной римской империи и церковный раскол» привели к решительному наступлению на Восток, «на возникающий новый славянский мир» [23: 85].

«Погром мадьярский», опустошение западных, прежде всего германских земель, образование Угорской державы «задержали наступательное движение романо-германского мира в эту сторону и направили на новый исторический путь Карпато-Дунайскую область и славянство как бывшей Моравии, так и соседнее, с ним связанное» [23: 88].

«Уже в нач. XI в., а особенно после Стефана Св., Рим одержал в Угрии решительную, хотя на первых порах и более внешнюю победу. Этого было достаточно для успеха дальнейших завоеваний». Одновременно начались попытки «германской имперской силы» к политическому вмешательству в дела Угрии, к территориальным захватам [23: 90]. Крестовые походы способствовали укреплению политических отношений с Западом, наступательная политика Византии принуждала Угрию искать опору у западных соседей [23: 91]. Далее автор кратко характеризует остальные периоды.

В своей статье К.Я. Грот обратил внимание на «отсутствие до сих пор в русском обществе и в русских властвующих сферах истинного интереса к внутренним отношениям, национальной борьбе, культурной жизни и стремлениям славян в Австро-Венгерской монархии и ещё царствующие у нас по этой части поразительный туман или просто невежество» [23: 130]. Он перечисляет русских славистов, благодаря которым «изучение судьбы и этнографии Карпато-Дунайских земель, вопросов западно-славянского или "восточного", и в частности – австро-угорского обязано также многими дельными и важными указаниями, руководящими соображениями и замечаниями». Среди них: В.И. Ламанский, Нил Попов, А.А. Кочубинский, И.И. Первольф, А.С. Будилович, И.П. Филевич [23: 132].

Учёный отметил, что «братская нам русская народность Галиции и Венгрии, эта давно нами утраченная многострадальная часть нашего народа, её судьба политическая, социальная и культурная» находится

«до сих пор в неимоверном и непонятном запущении и пренебрежении» в российской историографии, славистике и у специалистов по русской истории. Правда, ныне замечен «некоторый поворот к лучшему». Больше здесь повезло угроруссам. «Это маленькая ветвь русского дерева, подавленная тяжёлым гнётом мадьяризма», стала изучаться славистами, благодаря, в т. ч. «голосам нескольких своих выдающихся представителей (в Новое время – А.И. Добрянского)» [23: 137].

В 1907 г. под редакцией К.Я. Грота вышла книга «Галицкая Русь прежде и ныне. Исторический очерк и взгляд на современное состояние Очевидца». В предисловие говорилось, что русское общество «не может похвалиться сколько-нибудь отчётливым знанием и пониманием как истории, так и современных условий и обстановки жизни той свыше трёхмиллионной части русского народа, которая, политически давно оторванная от своего племенного ствола, обречена жить и бороться за свои национальные права под тяжким гнетом чуждых ей стихий и столь нуждается хотя-бы в нравственной дружественной поддержке великой и независимой братской России». И издание этого очерка, «составленного уроженцем Галиции, историком и знатоком галицко-русской жизни» восполняет это пробел. Книга состоит из шести глав: I. Очерк истории Галицкой Руси до присоединения её к Австрии; II. Взгляд австрийского правительства и поляков на русский вопрос в Галиции в продолжение XIX века; III. Борьба русских галичан с поляками за своё существование (1900–1906); IV. Внутреннее состояние Галицкой Руси; V. Последний год; VI. Общий вывод. Значение Галицкой Руси для русского мира [9].

В заключительной главе автор указывает на важные вопросы, по которым Галицкая Русь «должна привлекать к себе взоры всего русского мира». Во-первых: борьба двух элементов (русского и польского) и двух течений: восточного и западного. «Вековые антагонизмы, национальные и религиозные ожили с новой силой, и над ними господствует одно стремление – создать Польшу в границах Ягеллонов» [9: 102]. «Польско-русские отношения в Галиции – это неоценённая наука и для Державной Руси. Последняя должна наконец обеспечить слабейший элемент русский в Южной Руси, если не желает, чтоб поляки посредством искусно расставленных здесь топких сетей конституционной формы правления закрепили его и захватили в сферу своего губительного влияния и власти, как это произошло в Галиции» [9: 103].

Во-вторых, вопрос о единстве русского народа. В Галиции «ведётся ещё другая борьба, внутренняя, в самом галицко-русском обществе, глубоко затрагивающая весь русский организм, – борьба, быть может,

имеющая великое значение для будущности всей Руси. Здесь уже свыше полувека не погасает борьба за один принцип: существует ли одна неделимая святая Русь, и будет ли в будущем Русь составлять один, хотя разнообразный, но сильно сплочённый в себе организм, или Русь распадётся на дробные атомы?» [9: 103]. «И теперешний момент решает, как кажется, судьбу южнорусского и белорусского населения» [9: 104].

Книга вызвала ряд положительных рецензий. В частности, А.И. Яцимирский писал, что «настоящий очерк даёт живое и популярное изложение судеб трёхмиллионного русского населения Галиции», отмечая, что большое количество фактов составляют «главное достоинство очерка г. Очевидца» [59: 714–715]. Другой рецензент отмечал, что «в темах, задаваемых в очерке прошлого и настоящего Галиции, сыщется немало связующего и с нашими собственными общественными и политическими отношениями и делами». Однако он считал, что книга «не вполне приспособлена к широкому кругу читателей»: история и внутреннее состояние Галицкой Руси «набросаны в ней бегло и попутно», публицистика требует «известной подготовки читателя», «невразумительны для него эти речи на так называемом русинском языке» [38].

В 1909 г. под редакцией К.Я. Грота и Т.Д. Флоринского появилось второе издание книги Л. Штура «Славянство и мир будущего». Первое издание вышло в 1867 г., «в эпоху первого в России (московского) славянского съезда» [56: III]. Перевод, предисловие и комментарии в ней были сделаны В.И. Ламанским. В предисловии учёный отметил: «Ближайшие соседи и друзья Угорской Руси, словаки, служат посредствующим звеном между Русью и мораванами, и чехами с одной, и через свои многочисленные и цветущие поселения в средней Угрии между Тисою и Дунаем, между Русью и сербами и хорватами с другой стороны. Если русскому языку действительно суждено быть общеславянским дипломатическим языком, то его распространение у славян произойдёт преимущественно через Угорскую Русь и словаков» [55: VI].

В предисловии ко второму изданию К.Я. Грот написал: «Перепечатывая здесь, с благосклонного разрешения почтенного переводчика, трактат Штура в полном виде Общество ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III сочло уместным снабдить своё издание вводной статьёй, несколькими дополнительными примечаниями проф. Т.Д. Флоринского, которому читатели будут, конечно, очень признательны за обстоятельное и живое ознакомление их с той эпохой, той средой и теми племенными, культурными и политическими условиями,

которые дали славянству мощную и глубоко симпатичную личность Л. Штура» [56: IV]. Издание было дополнено написанной Т.Д. Флоринским биографией Л. Штура, его портретом.

К.Я. Грот в некрологе И.П. Филевичу (1913 г.) подчеркнул, что «главное значение его жизни и трудов определяется его верным и беззаветным служением благу и интересам его собственной родины, многострадальной Холмской Руси и теми положительными для неё результатами, которые были достигнуты после долгой борьбы при его горячем и истинно компетентном участии. В этом заключается многотрудный и благородный подвиг его жизни, увенчавшийся перед кончиной его крупным успехом (решением участи Холмщины в смысле выделения её из Царства Польского), доставившим ему немалое нравственное удовлетворение». Значительной роли в решении этого вопроса И.П. Филевич смог достигнуть «благодаря своей специальной научной подготовке, благодаря тому весу, который придали его голосу серьёзные и важные труды, и исследования его в области истории Западной Руси и русско-польских отношений» [29: 27]. Переехав в Петербург И.П. Филевич выступает уже в роли публициста, популяризируя знания «по западнорусскому делу и, особенно, родной ему Холмщине», освещая западнорусский и польский вопросы, а выйдя в отставку полностью посвятил себя публицистике и общественной деятельности «в деле защиты прав и интересов русской народности в нашем западном крае и в многострадальной русской Холмщине» [29: 43–44].

В 1914 г. выходит труд К.Я. Грота «Австро-Венгрия, или Карпато-Дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических изучениях». Как написал автор на титульном листе: «Продаётся в пользу жертв Великой освободительной борьбы с германством». Этот очерк был напечатан в 1905 г. Однако, «наша историческая литература об Австро-Венгрии крайне ничтожна и скудна. Она сравнительно очень бедна даже в научной своей части, не говоря уже о популярной». Это и привело к мысли о переиздании его отдельной брошюрой. В тоже время военные действия ведут к быстрому разгрому этого государства, «тюрьмы и векового насильника западного славянства» и «Россия обязана готовиться к едва ли не теперь уже отвратимому распаду отжившего и во всех отношениях несостоятельного организма и к авторитетному и влиятельному участию в плодотворной созидательной работе на его развалинах». Для этого необходима осведомлённость не только «о современном положении дел и внутренних отношениях в соседней Дунайской монархии», но и «исторические данные, их критическая оценка и основательное знакомство с прошлым Карпато-Дунайских земель» [30: III–V].

Ф.Ф. Зигель в своей рецензии сделал не только «беглый обзор содержания» очерка, но и «его подробную передачу», изложив «иногда словами почтенного автора содержание его своевременной и интересной книги». Также рецензент выразил ряд критических замечаний, обосновав их: «о политическом единстве Западной Европы можно говорить разве только в первые века после воскресения Западно-римской империи», нельзя согласиться с мнением «о полном тождестве целей германской империи и католицизма». Также Ф. Зигель дал ряд дополнений к очерку [37: 356, 360–362]. В частности, касаясь «изучения Карпато-Дунайских земель и Австро-Венгрии в русской литературе», он отметил появление трудов П.П. Митрофанова, а также, что «по австрийскому университетскому уставу 1893 г. было введено преподавание истории государства и общества австрийской монархии». Для нового предмета появились учебники немецкие, где немцы играют первейшую роль и книги, написанные славянскими учёными, где «отводится видное место государствам, вошедшим всецело или отчасти в австрийскую монархию» [37: 367].

Ф.Ф. Зигель указал, что «автор кладёт в основание своего труда положение знаменитого нашего слависта В.И. Ламанского о противоположности и борьбе западно-германского и греко-славянского миров. Это блестящее обобщение было затем воспринято в выдающемся сочинении Данилевского "Европа и Россия"» [37: 360].

Продолжил тему очерка К.Я. Грот в материале «Великая война и карпато-дунайская монархия (К освещению вопросов недалёкого будущего)», где он высказал ряд мыслей по будущему Карпато-Дунайских земель [31: 3].

Он писал, что никто уже не сомневается в неизбежности распада Австрии. Перед союзниками станет задача «естественного присоединения окраинных частей Австро-Венгрии: русской и польской, румынской, сербской, хорватской, словенской и итальянской к братским зарубежным державам, с созданием, в меру необходимости, согласно историческим и национальным условиям, автономных в их составе областей (например, польской под русской державой, хорватской и словенской под сербской)». Вместе с этим заметно желание «сохранить остов Австрии»: немецкой Австрии, Венгрии и земель Чешской короны [31: 5].

Автор считал, что сохранение «хотя бы и обкромсанной, умалённой и значительно обессиленной Австрии» «совершенно противно благу и интересам славянского мира» [31: 6]. Необходимо освободить от австрийского плена не только Чехию, но и всё западное славянство. Чехам здесь принадлежит первое место по их исторической и культурной роли. Второе основание: старое историческое право (права

чешской короны) [31: 7]. Таким образом, от дунайской монархии останутся две части: немецкая Австрия и мадьярская Венгрия. Дать возможность немецкой Австрии слиться с Германией – невысказано, считал учёный, это только бы было на руку последней, которая после результатов войны получила бы приращение и новые силы [31: 8–9].

К сожалению, исследований, посвящённых К.Я. Гроту вышло мало. Его младший коллега по Императорскому Варшавскому университету В.А. Францев издал в 1935 г. в Праге книгу «К.Я. Грот», в которой кратко описал его научную деятельность и дал в приложении список трудов учёного [60]. Также библиография К.Я. Грота помещена в сборнике статей по славяноведению, изданного учениками В.И. Ламанского, опубликованного в 1905 г. [3].

О научной деятельности К.Я. Грота писали Л.П. Лаптева [40; 41; 42], М.А. Робинсон [48; 49; 50]. Заметки о нём есть в различных словарях и энциклопедиях [4; 35; 44; 54; 57]. Упоминается его имя в исследованиях по истории славяноведения [46; 51]. Большую ценность для изучения биографии и научной деятельности имеют его «Curriculum Vitae». Один (от декабря 1924 г.) хранится в Санкт-Петербургском филиале архива РАН [34], другой, написанный в 1934 г., был обнаружен Л.П. Лаптевой в Архиве Чешской академии наук в Праге [41: 678].

В.А. Францев в работе, посвящённой К.Я. Гроту написал, что в истории отечественного славяноведения имя профессора Грота навсегда закрепило за собой почётное место, и славянство, особенно западное, всегда будет благодарно ему за все, что он сделал в русской науке для познания славянского мира, его исторических проблем, различных вопросов его культурной жизни [60: 35–36].

В очерке «К истории славяноведения в СССР» В.И. Пичета, касаясь вклада К.Я. Грота в развитие российского славяноведения, отметил: «К.Я. Грот сосредоточил все своё внимание на монографическом изучении славяно-мадьярских (венгерских) отношений. Следует отметить, что, как историк-исследователь, К. Я. Грот должен занять в истории славяноведения почётное место. Превосходное знание источников и литературы вопроса, осторожное, критическое отношение к своим предшественникам и источникам характерны для научного лица К.Я. Грота. Основные работы К. Я. Грота относятся к истории славянства, истории русского языка и русского просвещения». Говоря о труде К.Я. Грота «Из истории Угрии и славянства в XII веке», он считал, что это исследование «сохраняет своё значение и в настоящее время, поскольку в нем собран богатейший фактический материал» [46: 47].

В дореволюционном славяноведении К.Я. Грот, наряду с А.А. Кочубинским, А.Н. Пыпиным, И.В. Ягичем поставил «ряд важных вопросов периодизации истории отечественной славистики, в частности вопро-

сы о существе и временных рамках первого этапа её развития, об общественной значимости славяноведения и т. д.» [51: 6]. Ряд работ К.Я. Грота, в т. ч. его магистерская диссертация («Моравия и мадьяры с половины IX до начала X в.» (1881)) и докторская диссертация («Из истории Угрии и славянства в XII веке» (1889)) не утратили своего значения и сегодня [51: 215].

ЛИТЕРАТУРА

1. А. Б-в. Из истории Угрии и славянства в XII веке (1141–1173), исследование Константина Грота. Варшава, 1889. Критика и библиография // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1890. № 39. Январь. С. 200–202.

2. Бестужев-Рюмин К.Н. Яков Карлович Грот (Некролог) // ЖМНП. Ч. 288. 1893. Июль. Отд. 4. С. 12–17.

3. Библиографические перечни учёных и учено-литературных трудов учеников В.И. Ламанского и их учеников. К.Я. Грот // Новый сборник статей по славяноведению. Сост. и изд. учениками В.И. Ламанского, при участии их учеников, по случаю 50-летия его учено-литературной деятельности. СПб., 1905. С. XXVI–XXX.

4. Биографический словарь. Высшие чины Российской Империи (22.10.1721–2.03.1917). Т. I. А–З / Сост. Е.Л. Потемкин. М., 2017. 622 с.

5. Васильевский В.Г. Из истории Угрии и славянства в XII веке. [Соч.] Константина Грота. Варшава, 1889. СПб.: тип. Императорской академии наук, 1892. 7 с.

6. Воробьева И.Г., Штыков Н.В. Славист К.Я. Грот и исследователь Тверского края А.К. Жизневский (по данным переписки) // Славянский альманах: 2008. М.: Издательство «Индрик», 2009. С. 149–164.

7. В.Ф. [Францев В.А.] Об изучении славянства // Варшавский дневник. 1901. № 11. 12 (25) января. С.2.

8. В.Ф. [Францев В.А.] Об изучении славянства // Варшавский дневник. 1901. № 13. 14 (27) января. С. 2–3.

9. Галицкая Русь прежде и ныне. Исторический очерк и взгляд на современное состояние Очевидца. СПб.: О-во ревнителей рус. ист. просвещения в память имп. Александра III, 1907. [6], 104 с.

10. Грот К.Я. Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1881. [2], XXIV, 437 с.

11. Грот К.Я. Вступительная лекция профессора К.Я. Грота, читанная в Императорском Варшавском университете 16 сентября 1883 г. [Варшава, 1883]. 27 с.

12. Грот К.Я. Новые труды по истории Венгрии // Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В.И. Ламанского по случаю 25-летия его учёной и профессорской деятельности. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1883. С. 57–98.

13. Грот К.Я. Взгляд на подвиг славянских первоучителей с точки зрения их греческого происхождения // Мефодиевский юбилейный сборник, изданный Императорским Варшавским университетом к 6 апреля 1885 года, под ред. орд. проф. А. Будиловича. Варшава: тип. К. Ковалевского, 1885. С. 1–22.

14. Грот К.Я. Новый немецкий труд чешского слависта (J.L. Pic. Zur rumänisch-ungarischen Steitfrage. 1886). Критические заметки К.Я. Грота. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1886. 45 с.

15. Грот К.Я. Из истории Угрии и славянства в XII веке (1141–1173). Варшава: тип. М. Земкевич, 1889. XX, 424, LXXVIII с., 1 л. табл.

16. Грот К.Я. История Венгрии // ЭСБЭ. Т. V^a (1892): Вальтер – Венути. СПб.: Гипотипография И.А. Ефрона, 1892. С. 887–896.

17. Грот К.Я. Магьяры и славяне в прошлом. Исторические справки о славизме в государственной жизни Угрии. Речь, составленная к торжественному акту в Императорском Варшавском университете 30 августа 1893 г. Варшава: типография Варшавского учебного округа, 1893. [2], 34 с.

18. Грот К.Я. А.Н. Ясинский. «Падение земского строя в Чешском государстве. X–XIII вв.» Киев, 1895. Рецензия профессора К.Я. Грота / Отчёт о присуждении премий проф. А.А. Котляревского в 1898 г. // СОРЯС. Т. 66. 1900. № 6. С. 106–200.

19. Грот К.Я. Славяноведение // ЭСБЭ. Т. XXX: Сим – Слюзка. СПб.: Типография Акц. общ. «Издательское дело», Брокгауз – Ефрон, 1900. С. 294–306.

20. Грот К.Я. Об изучении славянства. Судьба славяноведения и желательная постановка его преподавания в университете и средней школе. СПб.: тип. Министерства путей сообщения (т-ва И.Н. Кушнерев и К°), 1901. [4], 64 с.

21. Грот К.Я. Памяти Адольфа Ивановича Добрянского // Известия С.-Петербургского Славянского благотворительного комитета. 1902. № 3. Декабрь. С. 16–22.

22. Грот К.Я. К истории славянского самосознания и славянских сочувствий в русском обществе (из 40 годов XIX столетия). Отдельный оттиск из №№ 195, 196, 197 и 198 «Правительственного вестника». СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, [1904]. 14 с.

23. Грот К.Я. Карпато-Дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических изучениях // Новый сборник статей по славяноведению. Сост. и изд. учениками В.И. Ламанского, при участии их учеников, по случаю 50-летия его учено-литературной деятельности. СПб., 1905. С. 69–140.

24. Грот К.Я. Император Александр III в отношении своих к наставнику своей юности (Я.К. Гроту). (Несколько документов и современных свидетельств). СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1906. 6 с.

25. Грот К.Я. Памяти Антона Семёновича Будиловича // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1909. Т. 115. Март. С. 1097–1122.

26. Грот К.Я. Пушкинский лицей (1811–1817). Бумаги 1 курса, собр. акад. Я.К. Гротом. С прил. портр., факс. и рис., а также некоторых бумаг 3 и 6 курсов. СПб.: тип. Министерства путей сообщения (т-ва И.Н. Кушнерев и К°), 1911. XXIV, 461 с., 4 л. ил.

27. *Грот К.Я.* Материалы для жизнеописания академика Якова Карловича Грота. (1812–1893). Хронологический обзор его жизни и деятельности (100-летней годовщине рождения академика 15 дек. 1912 г.). СПб.: тип. Министерства путей сообщения. (т-ва И.Н. Кушнерев и К°), 1912. 51 с.

28. *Грот К.Я.* Материалы для жизнеописания академика Якова Карловича Грота (1812–1893). Вступительный очерк. Предки, семья, детство (К 100-летней годовщине рождения академика 15 декабря 1912 г.) // СОРЯС. Т. 90. 1912. № 1. С. 1–70.

29. *Грот К. И.П. Филевич (Некролог)* // ЖМНП. Новая серия. Ч. 45. Отд. IV. 1913. Май. С. 26–46.

30. *Грот К.Я.* Австро-Венгрия или Карпато-Дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических изучениях. Пг.: тип. Министерства путей сообщения (т-ва И.Н. Кушнерев и К°), 1914. VI, [2], 118 с.

31. *Грот К.Я.* Великая война и Карпато-Дунайская монархия (К освещению вопросов недалёкого будущего). СПб.: тип. Министерства путей сообщения (т-ва И.Н. Кушнерев и К°), [1914]. 10 с.

32. *Грот К.Я.* Владимир Иванович Ламанский ([ум.] 19 ноября 1914 г.). Пг.: тип. А.С. Суворина «Новое время», 1915. 25 с., портр.

33. *Грот К.Я.* Владимир Иванович Ламанский (умер 19 ноября 1914 г.) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Т. 139. 1915. Январь. С. 208–229.

34. *Грот К.Я.* Curriculum Vitae. Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 281. Оп. 1. Д. 139. Л. 14–19 об. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ostrov.ca/kgrot/cv.htm> (дата обращения 10.01.2022).

35. Грот Яков Карлович (1812–1897) // Русские филологи XIX века. Биобиблиографический словарь-справочник / Авт.-сост. М.Е. Бабичева [и др.]. М.: Совпадение, 2006. С. 179–184.

36. Данилевский Н.Я., Грот К.Я. О пути мадьяр с Урала в Лебедию. Заметки Н.Я. Данилевского и К.Я. Грота // Известия Императорского Русского географического общества. Т. 19. 1883. Отд. 2. Вып. 3. С. 220–246.

37. *Зигель Ф.Ф.* Я.К. Грот. Австро-Венгрия или Карпато-Дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических изучениях. Петроград. 1914 ЖМНП. Новая серия. Ч. 56. 1915. Апрель. С. 355–368.

38. *Книжные новости. Галицкая Русь прежде и ныне* // ЖМНП. Новая серия. 1908. Январь. Ч. 13. С. 255.

39. К. Г-ъ (*Грот К.Я.*) О.А. Мончаловский. Житие и деятельность Ивана Наумовча. Изд. полит. Общ. «Русская Рада» во Львове. Стр. 112. Ц. 50 к. // Новое время. 1899. № 8501. 28 октября (7 ноября). С. 7.

40. *Лаптева Л.П.* Жизненный путь и творческая деятельность историка-слависта А.Н. Ясинского // Славянский альманах 2008. М.: Индрик, 2009. С. 97–148.

41. *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М.: Индрик, 2005. 848 с.

42. *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М.: Индрик, 2012. 840 с.

43. *Макушев В.* Три магистерских диссертации по славянской филологии // Русский филологический вестник. 1882. Т. 7. С. 140–156.
44. Немцы России энциклопедия. Т. 1. А–И / Редкол: В. Карев (пред. редкол.) и др. М.: «ЭРН, 1999. 832 с.
45. Памяти академика Якова Карловича Грота (род. 15 декабря 1812 г., сконч. 24 мая 1893 г.). Торжественное чествование 100-летней годовщины его рождения Императорской Академии наук 16 дек. 1912 г. Речи академика А.А. Шахматова, профессора. Е.В. Петухова и П.О. Морозова. Воспоминания академика И.В. Ягича и почётного академика А.Ф. Кони // СОРЯС. Т. 90. 1913. № 3. С. I–VI, 1– 87.
46. *Пичета В.* К истории славяноведения в СССР // Историк-марксист. 1941. № 3. С. 36–62.
47. Придворный календарь на 1916 год. Пг.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг [1915]. VIII, 769 с.
48. *Робинсон М.А.* Методологические вопросы в трудах русских славяноведов конца XIX – начала XX в. (В. И. Ламанский, П. А. Кулаковский, К. Я. Грот) // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1986. С. 91–112.
49. *Робинсон М.А.* К.Я. Грот – общественные взгляды и судьба в науке (начало 30-х годов) // Славянский альманах 1997. М.: Индрик, 1998. С. 196–210.
50. *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М.: Индрик, 2004. 432 с.
51. Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян / Отв. ред.: академик Д.Ф. Марков, доктор исторических наук В.А. Дьяков. М.: Наука, 1988. 400 с.
52. Устав Русского собрания [утверждён 26 января 1901 года]. СПб.: типо-лит. В.В. Комарова, 1901. 15, [1] с.
53. *Фёдоров Е.* Константин Яковлевич Грот и родоведение. К 150-летию юбилею [Электронный ресурс] URL: <http://www.ostrov.ca/kgrot> (дата обращения 10.01.2022).
54. *Штакельберг Ю.И.* Грот Константин Яковлевич // Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М.: Наука, 1979. С. 134–136.
55. *Штур Л.* Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная. Пер. неизд. нем. рукописи, с примеч. Владимира Ламанского. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1867. [2], VI, 191 с.
56. *Штур Л.* Славянство и мир будущего. С биографией Л. Штура и доп. примеч. проф. Т.Д. Флоринского и портр. авт. / Под ред. К.Я. Грота и Т.Д. Флоринского. Пер. неизд. нем. рукописи, с примеч. Владимира Ламанского. СПб.: О-во ревнителей русского исторического просвещения, 1909. XLVIII, 176 с., 1 л. портр.
57. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 597. Екатерининский собор в Царском селе. 1853 г. Л. 48 об.–49.
58. *Ю.Ш.* Грот Константин Яковлевич // Славянская энциклопедия. В 3 т.

/ Гл. редактор О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2020. Т. 1. А–К. С. 451–452.

59. Яцимирский А. Очевидец. Галицкая Русь прежде и ныне. СПб. 1907 // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1908. Т. 111. Январь–март. С. 714–715.

60. Francez V.A. K.J. Grot. V Praze: Nákladem České akademie ved a umení, 1935. 56 s., portrét.

61. Geni.com. Каролина Ивановна Грот (Стивенсон) [Электронный ресурс] URL: <https://www.geni.com/people/%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B0-%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%B0-%D0%93%D1%80%D0%BE%D1%82/4482833062600076617> (дата обращения 10.01.2022).

REFERENCES

1. A. B-v. (1890) *Iz istorii Ugrii i slavyanstva v XII veke (1141–1173), issledovanie Konstantina Grota*. Varshava. 1889. *Kritika i bibliografiya* [From the history of Ugria and Slavdom in the 12th century (1141–1173), a study by Konstantin Grot. Warsaw. 1889. Criticism and bibliography]. *Istoricheskiy vestnik. Istoriko-literaturnyy zhurnal*. 39. January. pp. 200–202.

2. Bestuzhev-Ryumin, K.N. (1893) Yakov Karlovich Grot (Nekrolog) [Yakov Karlovich Grot (Obituary)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 288. pp. 12–17.

3. Draganov, P.D. et al. (1905) *Novyy sbornik statey po slavyanovedeniyu* [New Collection of Articles on Slavic Studies]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. XXVII–XXX.

4. Potemkin, E.L. (ed.) (2017) *Biograficheskiy slovar'. Vysshie chiny Rossiyskoy imperii (22.10.1721–2.03.1917)* [The Biographical Dictionary. The highest ranks of the Russian Empire (10/22/1721–03/2/1917)]. Vol. 1. Moscow: [s.n.].

5. Vasilievskiy, V.G. (1892) *Iz istorii Ugrii i slavyanstva v XII veke. [Soch.] Konstantina Grota. Varshava, 1889. Reti. akad. V. Gr. Vasil'evskogo* [From the History of Ugria and Slavdom in the 12th Century. By Konstantin Grot. Warsaw: [s.n.] Review by Academician V. Vasilevsky]]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

6. Vorobieva I.G. & Shtykov, N.V. (2009) Slavist K.Ya. Grot i issledovatel' Tverskogo kraya A.K. Zhiznevskiy (po dannym perepiski) [Slavist K.Ya. Grotto and the researcher of Tver Region A.K. Zhiznevsky (according to correspondence)]. *Slavyanskiy al'manakh*. 2008. pp. 149–164.

7. V.F. [Frantsev, V.A.] (1901a) Ob izuchenii slavyanstva [On the study of Slavism]. *Varshavskiy dnevnik*. 12th (25th) January. p. 2.

8. V.F. [Frantsev, V.A.] (1901b) Ob izuchenii slavyanstva [On the study of Slavism]. *Varshavskiy dnevnik*. 14th (27th) January. pp. 2–3.

9. Grot, K.Ya. (ed.) (1907) *Galitskaya Rus' prezhde i nyne. Istoricheskiy ocherk i vzglyad na sovremennoe sostoyanie Ochevidtsa* [Galician Rus Before and Now. Historical Essay and an Eyewitness's Look at the Current State]. St. Petersburg: The Alexander III Society of Zealots of Russian Historical Enlightenment.

10. Grot, K.Ya. (1881) *Moraviya i mad'yary s poloviny IX do nachala X veka*

[Moravia and the Magyars from the Half of the 9th to the Early 10th Centuries]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

11. Grot, K.Ya. (1883) *Vstupitel'naya lektsiya professora K.Ya. Grota, chitannaya v Imperatorskom Varshavskom universitete 16 sentyabrya 1883 g.* [Introductory lecture by Professor K.Ya. Grot at the Imperial Warsaw University on September 16, 1883]. Warsaw: [s.n.].

12. Grot, K.Ya. (1883) *Novye trudy po istorii Vengrii* [New works on the history of Hungary]. In: Grot, K.Ya. et al. *Sbornik statey po slavyanovedeniyu, sostavlennyy i izdannyy uchenikami V.I. Lamanskogo po sluchayu 25-letiya ego uchenoy i professorskoy deyatelnosti* [Collection of articles on Slavic studies, compiled and published by the students of V.I. Lamansky on the occasion of the 25th anniversary of his scholarly and professorial activity]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 57–98.

13. Grot, K.Ya. (1885) *Vzglyad na podvig slavyanskikh pervouchiteley s tochki zreniya ikh grecheskogo proiskhozhdeniya* [A look at the feat of the Slavic first teachers from the point of view of their Greek origin]. In: Budilovich, A. (ed.) *Mefodievskiy yubileyyny sbornik, izdannyy Imperatorskim Varshavskim universitetom k 6 aprelya 1885 goda* [The Methodius Jubilee Collection, published by the Imperial Warsaw University on April 6, 1885]. Warsaw: K. Kovalevsky. pp. 1–22.

14. Grot, K.Ya. (1886) *Novyy nemetskiy trud cheshskogo slavista (I.L. Pic. Zur rumänisch-ungarischen Steitfrage. 1886). Krit. zametki K.Ya. Grota* [New German work of the Czech Slavist (I.L. Pic. Zur rumänisch-ungarischen Steitfrage. 1886). Critical notes by K.Ya. Grot]. St. Petersburg: V.S. Balashev.

15. Grot, K.Ya. (1889) *Iz istorii Ugrii i slavyanstva v XII veke (1141–1173)* [From the History of Ugria and Slavdom in the 12th Century (1141–1173)]. Warsaw: M. Zemkevich.

16. Grot, K.Ya. (1892) *Istoriya Vengrii* [History of Hungary]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [The Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary]. Vol. Va. St. Petersburg: I.A. Efron. pp. 887–896.

17. Grot, K.Ya. (1893) *Mad'yary i slavyane v proshlom. Istoricheskie spravki o slavizme v gosudarstvennoy zhizni Ugrii. Rech', sost. k torzhestv. aktu v imp. Varsh. un-te 30 avg. 1893 g.* [The Magyars and the Slavs in the past. Historical information about Slavism in the public life of Ugria. Speech to the celebration in the Imperial Warsaw University on August 30, 1893]. Warsaw: Tip. Varsh. ucheb. okr.

18. Grot, K.Ya. (1900a) A.N. Yasinskiy. "Padenie zemskogo stroya v Cheshskom gosudarstve". X–XIII vv. Kiev, 1895. Retsenziya professora K.Ya. Grota [A.N. Yasinsky. "The Fall of the Zemstvo System in the Czech State. The 10th – 13th centuries." Kyiv, 1895. Review by Professor K.Ya. Grot]. *Sbornik otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti*. 66(6). pp. 106–200.

19. Grot, K.Ya. (1900b) *Slavyanovedenie* [Slavic studies]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [The Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary]. Vol. 30. pp. 294–306

20. Grot, K.Ya. (1901) *Ob izuchenii slavyanstva. Sud'ba slavyanovedeniya i zhelatel'naya postanovka ego prepodavaniya v universitete i sredney shkole* [On

the study of Slavism. The fate of Slavic studies and its teaching objectives at the university and secondary school]. St. Petersburg: Ministry of Transportation.

21. Grot, K.Ya. (1902) Pamyati Adol'fa Ivanovicha Dobryanskogo [In memory of Adolf Ivanovich Dobryansky]. *Izvestiya S.-Peterburgskogo Slavyanskogo blagotvoritel'nogo komiteta*. 3. pp. 16–22.

22. Grot, K.Ya. (1904) *K istorii slavyanskogo samosoznaniya i slavyanskikh sochuvstviy v russskom obshchestve (iz 40-kh godov XIX stoletiya)* [On the history of Slavic self-consciousness and Slavic sympathy in Russian society (from the 1840s)]. A separate print from Nos. 195, 196, 197, and 198 of "Pravitel'stvenniy vestnik." St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs.

23. Grot, K.Ya. (1905) Karpato-dunayskie zemli v sud'bakh slavyanstva i v russskikh istoricheskikh izucheniyakh [Carpathian-Danubian lands in the fate of the Slavs and in Russian historical studies]. In: Draganov, P.D. et al. (1905) *Novyy sbornik statey po slavyanovedeniyu* [New Collection of Articles on Slavic Studies]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 69–140.

24. Grot, K.Ya. (1906) *Imperator Aleksandr III v otnosheniyakh svoikh k nastavniku svoey yunosti Ya.K. Grotu* [Emperor Alexander III in his relationship to the mentor of his youth Ya.K. Grot]. St. Petersburg: M. Stasyulevicha.

25. Grot, K.Ya. (1909) Pamyati Antona Semenovicha Budilovicha [In memory of Anton Semyonovich Budilovich]. *Istoricheskiy vestnik. Istoriko-literaturnyy zhurnal*. 115. pp. 1097–1122.

26. Grot, K.Ya. (1911) *Pushkinskiy litsey (1811–1817). Bumagi 1-go kursa, sobr. akad. Ya.K. Grotom (s pril. portr., faks. i ris., a takzhe nekotorykh bumag 3 i 6 kursov)* [Pushkin Lyceum (1811–1817). Papers of the 1st course, collected by Acad. Ya.K. Grot (with portraits, facs. and drawings, as well as some papers of 3rd and 6th courses)]. St. Petersburg: Ministry of Transportation.

27. Grot, K.Ya. (1912) *Materialy dlya zhizneopisaniya akademika Yakova Karlovicha Grota (1812–1893). Khronologicheskiy obzor ego zhizni i deyatel'nosti (K 100-letney godovshchine rozhdeniya akademika 15 dek. 1912 g.)* [Materials for the biography of Academician Yakov Karlovich Grot (1812–1893). A chronological review of his life and work (On the 100th anniversary of the Academician's birth on December 15, 1912)]. St. Petersburg: Ministry of Transportation.

28. Grot, K.Ya. (1912) *Materialy dlya zhizneopisaniya akademika Yakova Karlovicha Grota (1812–1893). Vstupitel'nyy ocherk. Predki, sem'ya, detstvo (K 100-letney godovshchine rozhdeniya akademika 15 dekabrya 1912 g.)* [Living materials descriptions of academician Yakov Karlovich Grot (1812–1893). An introductory essay. Ancestors, family, childhood (To the Centennial of the Academician's birth on December 15, 1912)]. *Sbornik otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti*. 90(1). pp. 1–70.

29. Grot, K. (1913) I.P. Filevich (nekrolog) [I.P. Filevitch (Obituary)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Novaya seriya*. 45. pp. 26–46.

30. Grot, K.Ya. (1914a) *Avstro-Vengriya, ili Karpato-dunayskie zemli v sud'bakh slavyanstva i v russskikh istoricheskikh izucheniyakh* [Austria-Hungary, or the Carpatho-Danubian lands in the fate of the Slavs and in Russian historical studies]. Petrograd: Ministry of Transportation.

31. Grot, K.Ya. (1914b) *Velikaya voyna i karpato-dunayskaya monarkhiya (k*

osveshcheniyu voprosov nedalekogo budushchego) [The Great War and the Carpatho-Danubian Monarchy (Toward the Coverage of Issues of the Near Future)]. St. Petersburg: Ministry of Transportation.

32. Grot, K.Ya. (1915) *Vladimir Ivanovich Lamanskiy* ([um.] 19 noyabrya 1914 g.) [Vladimir Ivanovich Lamansky (died November 19, 1914)]. Petrograd: A.S. Suvorin.

33. Grot, K.Ya. (1915) Vladimir Ivanovich Lamanskiy (umer 19 noyabrya 1914 g.) [Vladimir Ivanovich Lamansky (died November 19, 1914)]. *Istoricheskiy vestnik. Istoriko-literaturnyy zhurnal*. 139. pp. 208–229.

34. Grot, K.Ya. (n.d.) *Curriculum Vitae*. The St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences (SPF ARAN). Fund 281. List 1. File 139. pp. 14–19. [Online] Available from: <http://www.ostrov.ca/kgrot/cv.htm> (Accessed: 10th January 2022).

35. Babichev, M.E. et al. (eds) (2006) *Russkie filologi XIX veka. Biobibliograficheskiy slovar'-spravochnik* [Russian Philologists of the 19th century. A Biobibliographic Dictionary-Reference Book]. Moscow: Sovpadenie. pp. 179–185.

36. Danilevskiy, N.Ya. & Grot, K.Ya. (1883) O puti mad'yar s Urala v Lebediyu [On the path of the Magyars from the Urals to Lebedia]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 19(3). pp. 220–246.

37. Siegel, F.F. (1915) Ya.K. Grot. Avstro-Vengriya ili karpato-dunayskie zemli v sud'bakh slavyanstva i v russkikh istoricheskikh izucheniyakh. Petrograd. 1914 [Ya.K. Grotto. Austria-Hungary or the Carpathian-Danubian lands in the fate of the Slavs and in Russian historical studies. Petrograd. 1914]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Novaya seriya*. 56. pp. 355–368.

38. Anon. (1908) Knizhnye novosti. Galitskaya Rus' prezhde i nyne [Book news. Galician Rus before and now]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Novaya seriya*. 13. pp. 255.

39. K.G. (Grot, K.Ya.) (1899) O.A. Monchalovskiy. Zhitie i deyatel'nost' Ivana Naumovcha. Izd. polit. Obshch. "Russkaya Rada" vo L'vove. Str. 112. Ts. 50 k. [O.A. Monchalovsky. Life and work of Ivan Naumovcha. By the political society "Russian Rada" in Lvov. Page 112. 50 k]. *Novoe vremya*. 28th October (7th November). pp. 7.

40. Lapteva, L.P. (2009) Zhiznennyy put' i tvorcheskaya deyatel'nost' istorikoslavista A.N. Yasinskogo [The life path and creative activity of the historian-Slavist A.N. Yasinsky]. *Slavyanskiy al'manakh 2008*. pp. 97–148.

41. Lapteva, L.P. (2005) *Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v XIX veke* [History of Slavic studies in Russia in the 19th century]. Moscow: Indrik.

42. Lapteva, L.P. (2012) *Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v kontse XIX – pervoy treti XX v.* [The History of Slavic Studies in Russia in the late 19th – the first third of the 20th century]. Moscow: Indrik.

43. Makushev, V. (1882) Tri magisterskikh dissertatsii po slavyanskoy filologii [Three master's theses in Slavic philology]. *Russkiy filologicheskiy vestnik*. 7. pp. 140–156.

44. Karev, V. et al. (eds) *Nemtsy Rossii entsiklopediya* [Germans of Russia Encyclopedia]. Vol. 1. Moscow: ERN.

45. Shakhmatov, A.A., Petukhov, E.V., Morozov, P.O., Yagich, I.V. & Koni, A.F.

(1913) Pamyati akademika Yakova Karlovicha Grota (rod. 15 dekabrya 1812 g., skonch. 24 maya 1893 g.). Torzhestvennoe chestvovanie 100-letney godovshchiny ego rozhdeniya Imperatorskoy Akademii nauk 16 dek. 1912 g. Rechi akademika A.A. Shakhmatova, professora. E.V. Petukhova i P.O. Morozova. Vospominaniya akademika I.V. Yagicha i pochetnogo akademika A.F. Koni [In memory of Academician Yakov Karlovich Grot (born December 15, 1812, died May 24, 1893). Solemn celebration of the 100th anniversary of his birth by the Imperial Academy of Sciences, 16 December 1912. Speeches of Academician A.A. Shakhmatov, Professors E.V. Petukhov and P.O. Morozov. Memoirs of Academician I.V. Yagich and Honorary Academician A.F. Koni]. *Sbornik otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti*. 90(3). pp. I–VI, 1–87.

46. Picheta, V. (1941) K istorii slavyanovedeniya v SSSR [On the history of Slavic studies in the USSR]. *Istoriik-marksist*. 3. pp. 36–62.

47. Russia. (n.d.) *Pridvornyy kalendar' na 1916 god* [Court Calendar for 1916]. Petrograd: R. Golike and A. Vilborg partnership.

48. Robinson, M.A. (1986) Metodologicheskie voprosy v trudakh russkikh slavyanovedov kontsa XIX – nachala XX v. (V.I. Lamanskiy, P.A. Kulakovskiy, K.Ya. Grot) [Methodological issues in the works of Russian Slavic scholars of the late 19th – early 20th century. (V.I. Lamansky, P.A. Kulakovsky, K.Ya. Grot)]. In: Dyakov, V.A. (ed.) *Istoriografiya i istochnikovedenie stran Tsentral'noy i Yugo-Vostochnoy Evropy* [Historiography and Source Study of the Countries of Central and South-Eastern Europe]. Moscow: Nauka. pp. 91–112.

49. Robinson, M.A. (1997) K.Ya. Grot – obshchestvennye vzglyady i sud'ba v nauke (nachalo 30-kh godov) [K.Ya. Grot – public views and fate in science (early 1830s)]. *Slavyanskiy al'manakh 1997*. pp. 196–210.

50. Robinson, M.A. (2004) *Sud'by akademicheskoy elity: otechestvennoe slavyanovedenie (1917 – nachalo 1930-kh godov)* [The Fate of the Academic Elite: Domestic Slavic Studies (1917 – early 1930s)]. Moscow: Indrik.

51. Markov, D.F. & Dyakov, V.A. (eds) (1988) *Slavyanovedenie v dorevolyutsionnoy Rossii: Izuchenie yuzhnykh i zapadnykh slavyan* [Slavic Studies in Pre-Revolutionary Russia: The Study of the Southern and Western Slavs]. Moscow: Nauka.

52. Russia. (1901) *Ustav Russkogo sobraniya [utverzhdennyy 26 yanvarya 1901 goda]* [The Charter of the Russian Assembly [approved on January 26, 1901]]. St. Petersburg: V.V. Komarov.

53. Fedorov, E. (n.d.) *Konstantin Yakovlevich Grot i rodovedenie. K 150-letnemu yubileyu* [Konstantin Yakovlevich Grotto and Genealogy. To the 150th anniversary]. [Online] Available from: <http://www.ostrov.ca/kgrot> (Accessed: 10th January 2022).

54. Stackelberg, Yu.I. (1979) Grot Konstantin Yakovlevich. In: Dyakonov, V.A. (ed.) *Slavyanovedenie v dorevolyutsionnoy Rossii. Biobibliograficheskiy slovar'* [Slavic Studies in Pre-Revolutionary Russia. Biobibliographic Dictionary]. Moscow: Nauka. pp. 134–136.

55. Shtur, L. (1867) *Slavyanstvo i mir budushchego. Poslanie slavyanam s beregov Dunaya* [Slavdom and the World of the Future. Message to the Slavs

from the Banks of the Danube]. Translated from German by V. Lamansky. Moscow: O-vo istorii i drevnostey ros. pri Mosk. un-te.

56. Shtur, L. (1909) *Slavyanstvo i mir budushchego. S biogr. L. Shtura i dop. primech. prof. T.D. Florinskogo i portr. avt.* [Slavism and the World of the Future. From the biography of L. Shtur and additional notes by Prof. T.D. Florinsky and the author's portrait]. Translated from German by V. Lamansky. SPb.: Obshchestvo revnitelei russkogo istoricheskogo prosveshcheniya.

57. *Ekaterininskii sobor v Tsarskom sele* (1853). Central State Historical Archive of St. Petersburg (TSGIA SPb). Fund 19. List 125. File 597.

58. Yu.Sh. (2020) Grot Konstantin Yakovlevich. In: Platonov, O.A. (ed.) *Slavyanskaya entsiklopediya: v 3 t.* [Slavic Encyclopedia: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Institute of Russian Civilization. pp. 451–452.

59. Yatsimirskiy, A. (1908) Ochevidets. Galitskaya Rus' prezhde i nyne. SPb., 1907 [An Eyewitness. Galician Rus Before and Now]. *Istoricheskiy vestnik. Istoriko-literaturnyy zhurnal.* 11. pp. 714–715.

60. Francev, V.A. (1935) *K.J. Grot.* V Praze: Nákladem České akademie ved a umení.

61. Geni.com. Karolina Ivanovna Grot (Stivenson). [Online] Available from: <https://www.geni.com/people/%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B0-%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%B0-%D0%93%D1%80%D0%BE%D1%82/4482833062600076617> (Accessed: 10th January 2022).

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

УДК 94(47).083+94(438).071
UDC
DOI: 10.17223/18572685/67/10

Русинская проблематика в трудах русских консерваторов конца XIX – начала XX в.

Д.И. Стогов

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)

Россия, 197376, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5

E-mail: bel-grigorij@yandex.ru

Авторское резюме

Рассматриваются высказывания ряда правоконсервативных политиков, публицистов и мыслителей, касающиеся различных аспектов (социально-экономический, политический, религиозный, культурный) жизни русинского населения Австро-Венгерской империи. Консерваторы обращали внимание на тяжелое экономическое положение русинов. Анализируя социально-политическую жизнь австро-венгерских русинов, они подвергали резкой критике действия австро-венгерских властей и польской общественности по отношению к русинам и призывали к выработке возможных путей улучшения ситуации в этой области. Значительное внимание в трудах русских консерваторов уделено духовной и культурной жизни русинского населения Австро-Венгрии. Подчеркивалось, что в целом русины, несмотря на навязанное им униатство, сохраняли живую православную традицию. Сделан вывод о том, что часть консерваторов ратовала за единство (прежде всего, духовное) русинского, малороссийского и великорусского народов, вне зависимости от их подданства тому или иному государству, будь то Россия или же Австро-Венгрия. Очевидно, краеугольным камнем в их рассуждениях была идея о некогда едином русском народе, существовавшем во времена Древней Руси, но в силу различных обстоятельств распавшемся на отдельные конгломерации, имевшие место на территории разных государств. Вместе с тем в консервативном лагере начала XX в. до начала Первой мировой войны по отношению к «русинскому вопросу» существовало две позиции: активная поддержка русинов со стороны умеренно-правых и националистов и более сдержанная позиция крайне правых, не желавших обострять отношения с Австро-Венгрией. С началом войны крайне правые также стали активнее выступать в поддержку русинского движения.

Ключевые слова: Российская империя, Австро-Венгрия, Галиция, консерватизм, монархисты, черносотенцы, публицистика, русины, Государственная дума, униатство.

The Rusin agenda in the works of Russian Conservatives of the late 19th – early 20th century

D.I. Stogov

St. Petersburg State Electrotechnical University

5 Professor Popov Street, Saint Petersburg, 197376, Russia

E-mail: bel-grigorij@yandex.ru

Abstract

The article analyses the statements of a number of right-wing conservative politicians, publicists, and thinkers concerning various aspects (socio-economic, political, religious, and cultural) of the life of the Rusinian population of the Austro-Hungarian Empire. Analyzing the socio-political life of the Austro-Hungarian Rusins, Conservatives drew attention to their difficult economic situation, criticized the Austro-Hungarian authorities and the Polish public and called for the development of possible ways to improve the situation. Russian Conservatives mostly focused on the spiritual and cultural life of the Rusins in Austria-Hungary and emphasised that, despite Uniatism imposed on them, the Rusins preserved a living Orthodox tradition. The author concludes that some Conservatives advocated the unity (primarily spiritual) of the Rusins, Little Russians and Great Russians, regardless of their citizenship to a particular state, be it Russia or Austria-Hungary. Obviously, the cornerstone in their reasoning was the idea of a once unified Russian people that existed in the days of Old Rus, but due to various circumstances but due to various circumstances fell apart into separate conglomerations on the territory of different states. However, before the outbreak of the First World War, the conservative camp conveyed two positions in relation to the “Rusin question”: the active support of the Rusins from the moderate-right and nationalists and the more restrained position of the extreme right, who did not want to aggravate relations with Austria-Hungary. With the outbreak of the war, the extreme right also began to actively support the Rusin movement.

Keywords: Russian Empire, Austria-Hungary, Galicia, Conservatism, monarchists, Black Hundreds, journalism, Rusins, State Duma, Uniatism.

Коренное русинское население Галиции, Буковины и Закарпатья в XIX – начале XX в. пребывало в составе многонациональной Австро-Венгерской империи. Как отмечает в своей работе С.Г. Суляк, существует термин «Карпатская Русь», которым с начала XIX в. обозначали территории, населенные русинским населением Австро-Венгрии.

Исследователь пишет, что «под Карпатской Русью подразумевались регионы компактного расселения русинов Австро-Венгрии (Зарубежная Русь, Подъяремная Русь): Галичина, Буковина, Угорская Русь» [29: 272].

Жизнь австро-венгерских русинов так или иначе рассматривалась на страницах правоконсервативной печати в конце XIX – начале XX в. Этому вопросу посвящён ряд публикаций современных исследователей. К примеру, С.Г. Суляк в статье «Галицкая Русь в российских неперIODических изданиях начального периода Первой мировой войны» проанализировал ряд публицистических работ, посвящённых Восточной Галиции. Автор отмечает, что большинство из них рассматривают проблему с общерусских позиций, называя местное население «русским» либо «малорусским» [28]. По словам С.Г. Суляка, многие рассмотренные им «статьи, написанные специалистами, являются ценными пособиями для изучения истории региона и национального самоопределения его основного населения – русинов» [28: 210].

Исследователь В.Б. Колмаков также изучил ряд публицистических сочинений консервативных мыслителей, в частности Д.В. Скрынченко, посвященных проблеме Галиции [13: 15–21]. Историк обращает внимание на тот факт, что авторы статей, в том числе Д.В. Скрынченко, подвергали резкой критике идею «украинства», считая её крайне вредной [13: 17]. Историк А.А. Иванов изучил участие члена Государственной думы Российской империи графа В.А. Бобринского во Втором Мармарош-Сигетском процессе, проходившем над православными русинами Австро-Венгрии [10]. Исследователь Ю.В. Данилец рассмотрел материалы издававшейся в Иркутске газеты «Сибирь», касающиеся Мармарош-Сигетского процесса. По словам историка, журналисты издания, стоявшие на умеренных позициях, пришли к выводу, что большинство свидетелей на суде над русинами «делали признание под давлением полиции и жандармерии» [8: 59].

Вместе с тем, отмечая научное достоинство этих и других публикаций современных исследователей, считаем, что, на наш взгляд, отношение русских консерваторов к русинскому населению Австро-Венгрии остается недостаточно изученным.

Рассмотрим высказывания ряда правоконсервативных политиков, публицистов и мыслителей, касающиеся различных аспектов жизни русинского населения.

Правоконсервативные деятели еще в конце XIX в. обращали внимание на тяжелое экономическое положение русинского населения Австро-Венгрии, а также на религиозные притеснения. Об этом, в частности, подробно писал в своем очерке под названием «Русские галичане и “польская справа”» известный русский публицист, редактор

«Московских ведомостей», основоположник русской политической журналистики, идеолог бюрократического национализма (повернувшийся в ходе эволюции своих политических взглядов, по мнению В.И. Ленина, к «бешеному черносотенству» [15: 44]) Михаил Никифорович Катков (1818–1887). Он подчёркивал, что если всем народам, заселяющим Австро-Венгрию, «предоставляется право быть самими собой», то «русским быть русскими – это значит государственная измена» [11: 200–201]. Катков возмущался таким положением вещей и обращал внимание на то, что «изо всех народностей Австрии самой в политическом отношении честной и твёрдой, самой преданной династии, никогда не подававшей повода ни к каким опасениям с точки зрения государственной, всегда была русская народность, живущая в Галиции, Буковине, Венгрии» [11: 201]. Публицист и мыслитель, таким образом, считал несправедливым ущемление русинского населения со стороны австро-венгерских властей, тогда как, по его мнению, остальные народы Австро-Венгрии не подвергались никакой дискриминации по национальному признаку, указывал на мирный и законопослушный характер русинов.

М.Н. Катков также критиковал польские газеты, которые всяческим образом старались поощрять и воспевать «украинство» [11: 202]. При этом, отмечал публицист, польские периодические издания лукавили, говоря о том, что якобы в Галиции существует некая «свобода “русинского” языка», которой на самом деле не было [11: 202].

Наконец, Катков обращал внимание на религиозную нетерпимость, которую проявляли поляки по отношению к русинам. Он указывал, что именно в Галиции, подвластной Австро-Венгрии, униатов активно пытались обратить в латинство. В частности, «монастырь униатов Базилианского ордена в Добромиле был насильно передан иезуитам» [11: 204]. Школа при этом монастыре также перешла в руки представителям иезуитского ордена. После этого начался процесс ополячивания русинского населения. Впрочем, писал Катков, для привлечения русинов в церкви иезуиты служили по-славянски, «лишь бы понравиться народу» [11: 204]. Но, замечает автор статьи, «народ их не терпит» [11: 204].

Публицист указывал, что «даже польские газеты начинают бояться подвигов иезуитов». В частности, по его словам, польская «Gazeta Narodowa», ранее критиковавшая всё русское, в данном случае вознегодовала. Консервативный журналист делает следующий вывод: «Если даже Gazeta Narodowa принуждена признаться, что иезуиты совершают насилие над унией, то что же в самом деле делается в несчастной Галицкой Руси?» [11: 204].

Консерваторы пытались обратить внимание на корни экономиче-

ских и религиозных притеснений русинов со стороны австро-венгерских властей и поляков. Говоря о социально-политической жизни карпатских русинов, известный русский консервативный философ и публицист второй половины XIX в., по признанию современных исследователей, идейный предшественник черносотенцев [24: 5–6] Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891) обращал внимание на то, что у русинов отсутствовал прочный национальный привилегированный класс. Он подчёркивал, что у русских Галиции «аристократия враждебные им поляки» [16: 96].

К.Н. Леонтьеву вторил известный русский правоконсервативный политик и публицист, черносотенец, основатель Русской монархической партии, главный редактор «Московских ведомостей», член Русского собрания Владимир Андреевич Грингмут (1851–1907), также подчёркивавший особую роль поляков в угнетении русинского населения. В статье «Чехи и Россия» политик и публицист возмущался притеснениями, которые творили поляки по отношению к «нашим единокровным братьям в Галицкой Руси». По его словам, «если наши галицкие братья заявят нам, что поляки изменились и дружелюбно относятся к русским в Галиции, давая им полную национальную и религиозную свободу, тогда, но только тогда, мы поверим в искренность русофильства поляков» [7: 106].

Значительное внимание в трудах русских консерваторов уделено духовной и культурной жизни русинского населения Австро-Венгрии. Подчёркивалось, что в целом русины, несмотря на навязанное им униатство, сохраняли живую православную традицию. Об этом писал один из организаторов Союза русского народа, член Русского собрания Антоний (Храповицкий) (1863–1936), будущий митрополит, который в 1902 г. был назначен архиепископом Волынским и Житомирским. Отметим, что одновременно он являлся Экзархом Вселенского Патриарха для Галиции и Карпатской Руси. Как пишет современный исследователь, Волынская кафедра считалась «форпостом русского православия в борьбе с католическим прозелитизмом, польским сепаратизмом и еврейским засильем» [27: 35]. Таким образом, архиепископ Антоний (Храповицкий), будучи экзархом Фанара для Галиции и Карпатской Руси, был, если можно так сказать, подкован в «русинском вопросе», зная проблему не понаслышке.

Владыка Антоний отмечал, что в русской Галиции получили широкое распространение православные календарики и молитвенники. Он подчёркивал: «Все эти вещи далеко превосходят великорусскую церковно-народную литературу по своей доступности и художественности изложения. Галицкая интеллигенция желает быть народною...» [1: 63]. Таким образом, архиерей в целом высоко отзывался

о религиозной жизни русинов, однако указывал и на отдельные недостатки (например, местная интеллигенция не знает, чему учить простой народ). По его мнению, духовные писатели «должны вместить в формы народной речи и бытовых картин всю высоту христианских добродетелей, все истины библейского откровения» [1: 63].

Часть русских консерваторов обращали внимание на то, что русины, жившие на территории Австро-Венгрии, воспринимались бюрократическими кругами Российской империи как чуждые русским (как великороссам, так и малороссам и белорусам) элементы. В частности, генерал от кавалерии, славянофил, правоконсервативный публицист, писатель Александр Алексеевич Киреев (1833–1910) указывал, что «простой человек, москвич или рязанец» теоретически должен воспринимать «православного или малороссиянина, живущего в пределах России», как своего брата, «вступаться за него, защищать от иноземного нападения» и т. д., тогда как славянина, живущего «в Буковине, в восточной Галиции», он, с точки зрения официальных властей, вроде как и не должен воспринимать как своего брата, а «принимать к сердцу его счастье или несчастье, судьбу его веры, языка – преступно или, по крайней мере, незаконно; пусть, мол, у него отнимают веру и язык, пусть из него делают венгра или поляка – это нас не касается, на то у него есть “свое начальство»» [12: 77]. А.А. Киреев подчёркивал недопустимость подобного рода подхода и выступал за сохранение духовного единства славянских народов.

Возмущение действиями австро-венгерских властей и польской аристократии встречается на страницах произведений других консерваторов, публиковавших свои труды уже в начале XX в. Так, известный правый публицист, член Русского собрания, популяризатор славянофильских идей, инициатор создания Русского окраинного общества, основатель и первый председатель Галицко-русского общества [9: 71] Антон Семенович Будилович (1846–1908) в статье «Об отношении народного к общечеловеческому в связи с идеей русского национального единства» возмущался тем, что австро-венгерские власти навязывают русинам «украинство». Он указывал: «...простонародье наше во всех частях племенной области свято хранит своё стародревнее имя – Русь, русины, русский. Только в самое последнее время сделана была в Галичине попытка заменить его вовсе не соответствующим своему географическому значению именем “украинец”, украинский; но сомнительно, вытеснит ли этот искусственный термин наше общеплеменное имя Русь. Всего скорее, выделение из неё “украинцев” послужит для некоторой части русских ренегатов переходной ступенью к их полонизации, благо слово “Украина” и возникло, какжется, на почве языка польского, вместо русского “Окраина»» [2: 235].

Таким образом, в глазах А.С. Будиловича к процессу украинизации так или иначе были причастны не только австро-венгерские власти, но и польская общественность.

Тезис о навязывании польскими кругами «украинства» русинам прозвучал и из уст известного черносотенного политика, «патриарха русских правых», члена Русского собрания, почетного члена Русского монархического союза Клавдия Никандровича Пасхалова (1843–1924). В очерке под названием «Русский вопрос» он писал о навязывании «украинства» русинам. Черносотенный политик и публицист, в частности, писал: «Поляки считают Бело и Малороссию исконно польскими землями, населенными “русинами”, по их уверению, совершенно чуждыми племени великорусскому, которых тоже требуется “освободить” от угнетения» [21: 597]. При этом публицист утверждал, что якобы австрийский государственный деятель, губернатор Галиции граф Франц Стадион еще в 1848 г. пытался «разъединить червонорусов Галиции от русского народа переименованием их из русских в “русины”» [21: 599]. На самом же деле Стадион стремился, прежде всего, отделить русинов от поляков и направить русинов против поляков [26]. Так или иначе, К.Н. Пасхалов вслед за другими правыми утверждал, что австро-венгерское правительство «не оставалось ни перед чем, чтобы уничтожить в галичанах сознание своего русского происхождения и единства русского литературного языка» [21: 599].

Пасхалов, как и Катков, обращал внимание и на попытки окатоличивания галицких русинов со стороны властей, отмечая, что хотя формально в Австро-Венгрии в начале XX в. существовала свобода вероисповедания, но этот принцип фактически не соблюдался [21: 600].

О притеснениях русинского населения Австро-Венгрии писали и черносотенные периодические издания. Так, в «Почаевском листке» была опубликована статья под названием «Горе русских галичан», анонимный автор которой утверждал, что коренное население Галиции не покидает мысль, «как бы переселиться в Россию, оставив ожидавленную Галицию» [3: 25].

Правая периодическая печать начала XX в. проявляла интерес к духовной жизни австро-венгерских русинов. В частности, в «Почаевских известиях» анонимный автор заметки восхищался галицкими русинами, организовавшими у себя общество, похожее, по его мнению, на «Союз русского народа», на собраниях которого выступали местные крестьяне и крестьянки. Некая Меланья Деныс высказывалась о значении семьи, женщины, о патриотизме. Она утверждала: «Своей обязанностью каждой русской женщины всюду по-русски говорить,

своими руками языком гордиться и величаться и не упускать своей мовы в корысть другой народности ни на волос» [22: 2]. Крестьянин Илья Батицкий считал необходимым изучать историю своего народа: «Я не могу называть себе учёным, та до того мне и далеко, но я выучил историю моего русского народа, я знаю, як тяженько ему жилось, я знаю все места на земли, что их русская кровь полила, я то знаю, что я сын великого русского народа, и я горжусь тем» [22: 2]. Таким образом, «Почаевские известия» фактически подчёркивали принадлежность русинов Галиции, выражаясь современной терминологией, «русскому миру».

Вместе с тем, критикуя австро-венгерскую администрацию, обращая внимание на притеснения русинов, представители крайне правых (черносотенных) кругов, как правило, считали неправильным обострять отношения с Австро-Венгрией «из-за славян», дабы не спровоцировать войну с Россией. Наиболее четко выражал данную позицию редактор-издатель консервативного журнала «Гражданин», организатор правомонархического салона Владимир Петрович Мещерский (1839–1914). Он вообще старался не поднимать «русинский вопрос» на страницах своего издания, высказываясь, однако, в целом о «балканских славянах» в период Балканских войн 1912–1913 гг. следующим образом: «Довольно непрошеного участия России к судьбе балканских славян и пора покончить раз навсегда с рутинными традициями дипломатической славянофильской сентиментальности» [18: 12]. В «Гражданине» князь жёстко критиковал националистическую политику П.А. Столыпина [19: 14]. Организатор другого правомонархического салона, староста Исаакиевского собора, генерал от инфантерии Евгений Васильевич Богданович (1828–1914) в целом придерживался сходной позиции, высказываясь о «крепком единении» поляков, евреев и русских [25: 1].

Куда более активно вели себя умеренно-правые и националисты. Граф Владимир Алексеевич Бобринский (1867–1927), один из лидеров умеренно правых, председатель Галицко-русского благотворительного общества, считал своим долгом поддерживать австро-венгерских русинов не только словом, но и делом. Так, в начале 1914 г. он побывал в Венгрии и выступил в качестве свидетеля на Мармарош-Сигетском процессе над русинами, перешедшими из униатства в православие [10]. Впрочем, с трибуны Государственной думы по поводу возможного конфликта России с Австро-Венгрией из-за русинов он высказывался весьма осторожно: «...никто из нас, ни один серьёзный политик в России, не занимаемся перекройкой карты Европы. Мы чужих владений не собираемся делить» [4: 384–385]. Вместе с тем имеются сведения о том, что граф «получал от правительства “некоторые суммы”, которые

тратил на поддержку русского дела в австрийских землях» [10: 154].

Архиепископ (впоследствии митрополит) Евлогий (Георгиевский) (1868–1946), один из членов-учредителей Русского окраинного общества, в III Государственной думе входивший во фракцию умеренно-правых и в национальную фракцию, считал важным проводить активную миссионерскую работу среди русинского населения, поддерживал инициативы В.А. Бобринского, отмечая впоследствии, что «Карпатская Русь была плодоносной почвой для миссионерской работы, но работать было нелегко» [23: 236]. Известный публицист, один из идеологов Всероссийского национального союза Михаил Осипович Меньшиков (1859–1918) также всецело поддержал деятельность В.А. Бобринского [17: 440].

Подобная активность умеренно-правых и националистов, грозившая возможным конфликтом с Австро-Венгрией, вызывала нарекания со стороны крайне правых. Так, черносотенная газета «Русское знамя», орган Всероссийского Дубровинского Союз русского народа, обвиняла Бобринского в саморекламе, считая его поездку на Мармарош-Сигетский процесс в лучшем случае бесполезной. Автор заметки о поездке графа писал: «Сколько лжи и фальши в этой рекламе» [20: 2]. Другое известное консервативное издание газета «Колокол», издававшаяся членом Главной палаты Русского народного союза имени Михаила Архангела В.М. Скворцовым, критикуя Бобринского, выступала за достижение «прочного согласия русской и австро-венгерской дипломатии» [6: 1]. Наконец, В.П. Мещерский назвал «неукротимого графа» «образчиком националистического идиотизма» [14: 4].

В годы Первой мировой войны, когда военное столкновение с Австро-Венгрией стало реальностью, а Галиция была занята русскими войсками, позиция крайне правых в отношении к австро-венгерским русинам стала сближаться с позицией националистов и умеренно-правых. Символично, что такие крупные представители консерваторов, как В.П. Мещерский и Е.В. Богданович, отстаивавшие принцип невмешательства России в австро-венгерские дела, скончались именно в роковом для всего мира 1914 г. В годы Первой мировой войны с думской трибуны звучали обвинения правых депутатов в притеснениях галицкого населения. Об этом говорил член Государственной Думы 3-го и 4-го созывов (фракция правых), неперемный член Курского губернского присутствия, землевладелец, гласный уездного и губернского земства, служивший земским начальником, Александр Петрович Вишневецкий (1862 г. – после 1917 г.) [30: 149; 31: 149].

Он выступил в ходе обсуждения по докладу комиссии по судебным реформам внесённого министром внутренних дел законопроекта

об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц бывших податных состояний (Высочайший указ 5 октября 1906 г.), отмечая: «Я, г[оспода], сошлюсь вам на тот пример, который я сам наблюдал в прошлом году, пробывши несколько месяцев в Галиции, на Карпатах. Вот там, г[оспода] было предоставлено право распоряжаться землёю, и что же из этого вышло? Вышел сплошной ужас: у русина земли совсем нет, остались маленькие усадьбы; все они решительно в кабале, в кабале у евреев, все еврей взял в свои руки, не только взял землю у русина, он взял душу у русина в свои руки» [5: 4851].

Подведем некоторые итоги. В целом следует отметить, что русские консерваторы конца XIX – начала XX в. проявляли интерес к различным аспектам деятельности австро-венгерских русинов. Подвергая критике действия коронной австро-венгерской администрации и польской аристократии, а также еврейских предпринимателей по отношению к русинам, они указывали на недопустимость подобного рода притеснений, пытались представить, каким образом можно исправить ситуацию. Часть правых ратовала за единство (прежде всего, духовное) русинского, малороссийского и великорусского народов вне зависимости от их подданства тому или иному государству, будь то Россия или же Австро-Венгрия. Очевидно, краеугольным камнем в их рассуждениях была идея о некогда едином русском народе, существовавшем во времена Древней Руси, но в силу различных обстоятельств распавшемся на отдельные конгломерации, существовавшие на территории разных государств. Казалось бы, после занятия в 1914–1915 гг. русскими войсками австро-венгерской Галиции появились реальные возможности реализовать подобные идеи на практике. Однако последующее катастрофическое поражение русской армии и оставление Галиции привели к тому, что эти идеи так и остались на бумаге.

Вместе с тем в консервативном лагере начала XX в. до начала Первой мировой войны по отношению к «русинскому вопросу» существовало две позиции: активная поддержка русинов со стороны умеренно-правых и националистов и более сдержанная позиция крайне правых, не желавших обострять отношения с Австро-Венгрией. С началом войны крайне правые стали активнее выступать в поддержку русинского движения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антоний (Храповицкий)*. Сила Православия / Сост., предисл., прим., указатель имен А.Д. Каплина; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации; Алгоритм, 2012. 688 с.

2. Будилович А.С. Об отношении народного к общечеловеческому в связи с идеей русского национального единства // Будилович А.С. Славянское единство / Сост., предисл. и примеч. Ю.В. Климакова; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 784 с.

3. Горе русских галичан // Почаевский листок. 1911. 22 апреля. № 16. С. 25.

4. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия II. СПб.: Государственная типография, 1914. 1928 стб.

5. Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1916. Сессия четвертая. Заседания 38–60 (17 марта – 20 июня 1916 г.). Пг.: Государственная типография, 1916. 5813 стб.

6. Граф Бобринский в экстазе // Колокол. 1914. 4 февраля. № 2331. С. 1.

7. Грингмут В.А. Чехи и Россия // Грингмут В.А. Объединяйтесь, люди русские! / Сост. А.Д. Степанов; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 104–108.

8. Данилец Ю.В. Иркутская газета «Сибирь» как источник по истории Второго Мараморш-Сиготского процесса 1913–1914 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 59–70. DOI: 10.17223/15617793/415/8

9. Иванов А.А. Будилович Антон Семенович // Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917 / Сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 71–73.

10. Иванов А.А. Граф Владимир Бобринский и Второй Мармарош-Сиготский процесс: по материалам российской прессы // Русин. 2018. Т. 54, № 4. С. 145–168. DOI: 10.17223/18572685/54/9

11. Катков М.Н. Русские галичане и «польская справа» // Катков М.Н. Идеология охранительства / Сост., предисл. и коммент. Ю.В. Климакова; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 200–204.

12. Киреев А.А. Краткое изложение славянофильского учения // Киреев А.А. Учение славянофилов / Сост. С.В. Лебедев, Т.В. Линицкая; предисл. и коммент. С.В. Лебедева; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 28–89.

13. Колмаков В.Б. Проблема Галиции в русской консервативной публицистике начала XX века // Берегиня 777. Сова: общество, политика, экономика. 2012. № 1 (12). С. 15–21.

14. Лас-Нанас [Мещерский В.П]. Тайновед // Гражданин. 1914. 2 февраля. № 5. С. 2–4.

15. Ленин В.И. Карьера // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 22. М.: Политиздат, 1968. 597 с. С. 43–44.

16. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России / Сост., вступ. ст., указ. имен и коммент. А.В. Белов; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 34–172.

17. Меньшиков М.О. Сроки близятся // Меньшиков М.О. Письма к русской нации / Вступ. ст. и примеч. М.Б. Смолина. М.: Москва, 1999. 560 с.

18. Мещерский В.П. Дневник, 2 июля // Гражданин. 1913. 7 июля. № 27. С. 12.

19. *Мещерский В.П.* Дневники. Вторник, 29 марта // Гражданин. 1911. № 13. С. 14.
20. *Обо всем* // Русское знамя. 1914. 26 января. № 21. С. 2–3.
21. *Пасхалов К.Н.* Русский вопрос / Сост., предисл. и коммент Д. Стогова; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Алгоритм, 2008. 720 с.
22. *Пример для нас* // Почаевские известия. 1906. 7 октября. № 28. С. 1–2.
23. *Путь моей жизни: воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной.* М.: Московский рабочий, 1994. 622 с.
24. *Размолодин М.Л.* Самобытность российской цивилизации в идеологии черной сотни // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2010. № 62 (08). С. 1–21.
25. Российский государственный исторический архив. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 83. Письмо Е. де Витте Е.В. Богдановичу, 1904 г.
26. *Соколов Л.* Вопрос о национальной принадлежности галицких русинов в 1848 году. URL: <http://alternatio.org/articles/articles/item/88> (дата обращения: 21.11.2021).
27. *Степанов А.Д.* Антоний (в миру Храповицкий Алексей Павлович), митрополит Киевский и Галицкий // Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917 / Сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 34–37.
28. *Суляк С.Г.* Галицкая Русь в российских неперіодических изданиях начального периода Первой мировой войны // Русин. 2016. № 3 (45). С. 190–216. DOI: 10.17223/18572685/45/14
29. *Суляк С.Г.* К вопросу о терминологии Карпатской Руси // Русин. 2019. № 55. С. 272–316. DOI: 10.17223/18572685/55/16
30. Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Третий созыв. 1907–1912 гг. / Составил М.М. Боиович. Шестое издание товарищества И.Д. Сытина. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1913. 456 с.
31. Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Четвертый созыв. 1912–1917 гг. / составил М.М. Боиович. Шестое издание товарищества И.Д. Сытина. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1913. 456 с.

REFERENCES

1. Antony (Khrapovitskiy). (2012) *Sila Pravoslaviya* [The Power of Orthodoxy]. Moscow: Institute of Russian Civilization; Algorithm.
2. Budilovich, A.S. (2014) *Slavyanskoe edinstvo* [Slavic Unity]. Moscow: Institute of Russian Civilization.
3. *Pochaevskiy listok*. (1911) Gore russkikh galichan [The grief of the Russian Galicians]. 22nd April. p. 25.
4. The State Duma of Russia. (1914) *Stenograficheskie otchety. Sozyv IV. Sessiya II* [Verbatim reports. The fourth convocation. Session 2]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.

5. The State Duma of Russia. (1916) *Gosudarstvennaya Duma. Chetvertyi sozyv. Stenograficheskie otchety. Sessiya chetvertaya. Zasedaniya 38–60 (17 marta – 20 iyunya 1916 g.)* [The State Duma. The fourth convocation. Verbatim reports. Session 4. Sessions 38–60 (March 17 – June 20, 1916)]. Petrograd: Gosudarstvennaya tipografiya.

6. *Kolokol*. (1914) *Graf Bobrinskiy v ekstaze* [Count Bobrinsky in ecstasy]. 4th February. p. 1.

7. Gringmut, V.A. (2008). *Ob"edinyaytes', lyudi russkie!* [Unite, Russian people!]. Moscow: Institute of Russian Civilization. pp. 104–108.

8. Danilets, Yu.V. (2017) The Irkutsk newspaper "Sibir" as source of information on the history of the Second Marmaros-Sziget trial in 1913–1914. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 415. pp. 59–70 (in Russian). DOI: 10.17223/15617793/415/8

9. Ivanov, A.A. (2008) Budilovich Anton Semenovich. In: Platonov, O.A. (ed.) *Chernaya sotnya. Istoricheskaya entsiklopediya 1900–1917* [The Black Hundred. A Historical Encyclopedia 1900–1917]. Moscow: Institute of Russian Civilization. pp. 71–73.

10. Ivanov, A.A. (2018) Count Vladimir Bobrinsky and the Second Marmarosh-Sziget process: based on the materials of the Russian press. *Rusin*. 4(54). pp. 145–168 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/9

11. Katkov, M.N. (2009) *Ideologiya okhranitel'stva* [The Ideology of Traditionalism]. Moscow: Institute of Russian Civilization. pp. 200–204.

12. Kireev, A.A. (2012) *Uchenie slavyanofilov* [The Doctrine of the Slavophiles]. Moscow: Institute of Russian Civilization. pp. 28–89.

13. Kolmakov, V.B. (2012) Problema Galitsii v russkoy konservativnoy publitsistike nachala XX veka [The problem of Galicia in Russian Conservative journalism of the early twentieth century]. *Bereginya 777. Sova: obshchestvo, politika, ekonomika*. 1(12). pp. 15–21.

14. Las-Nanas [Meshcherskiy, V.P.]. Taynoved [Knowing the secrets]. *Grazhdanin*. 2nd February. pp. 2–4.

15. Lenin, V.I. (1968) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. Vol. 22. Moscow: Politizdat. pp. 43–44.

16. Leontiev, K.N. (2010) *Slavyanofil'stvo i gryadushchie sud'by Rossii* [Slavophilism and the Future Fate of Russia]. Moscow: Institute of Russian Civilization. pp. 34–172.

17. Menshikov, M.O. (1999) *Pis'ma k russkoy natsii* [Letters to the Russian Nation]. Moscow: Moskva.

18. Meshcherskiy, V.P. (1913) Dnevnik, 2 iyulya [Diary, July 2]. *Grazhdanin*. 7th July. p. 12.

19. Meshcherskiy, V.P. (1911) Dnevnik. Vtornik, 29 marta [Diaries. Tuesday, March 29]. *Grazhdanin*. 13. p. 14.

20. *Russkoe znamya*. (1914) Obo vsem [Miscellanea]. 26th January. pp. 2–3.

21. Paskhalov, K.N. (2008) *Russkiy vopros* [The Russian Question]. Moscow: Algoritm.

22. *Pochaevskie izvestiya*. (1906) Primer dlya nas [An example for us]. 7th October. pp. 1–2.

23. Georgievskiy, E. (1994) *Put' moey zhizni: vospominaniya mitropolita Evlogiya (Georgievskogo), izlozhennye po ego rasskazam T. Manukhinoy* [My Life's Journey: The Memoirs of Metropolitan Evlogy (Georgievsky), narrated by T. Manukhina based on his stories]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.

24. Razmolodin, M.L. (2010) Originality of Russian civilization in the Black Hundred's ideology. *Politematicheskii setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta – Polythematic Online Scientific Journal of Kuban State Agrarian University*. 62(08). pp. 1–21 (in Russian).

25. Witte, E. de (1904) *Pis'mo E. de Vitte E.V. Bogdanovichu, 1904* [Letter from E. de Witte to E.V. Bogdanovich, 1904]. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1620. List 1. File 83.

26. Sokolov, L. (n.d.) *Vopros o natsional'noy prinadlezhnosti galitskikh rusinov v 1848 godu* [The question of the nationality of the Galician Rusins in 1848]. [Online] Available from: <http://alternatio.org/articles/articles/item/88> (Accessed: 21st November 2021).

27. Stepanov, A.D. (2008) Antony (v miru Khrapovitskiy Aleksey Pavlovich), mitropolit Kievskiy i Galitskiy [Anthony (secular name – Khrapovitsky Alexey Pavlovich), Metropolitan of Kiev and Galicia]. In: Platonov, O.A. (ed.) *Chernaya sotnya. Istoricheskaya entsiklopediya 1900–1917* [The Black Hundred. A Historical Encyclopedia 1900–1917]. Moscow: Institute of Russian Civilization. pp. 34–37.

28. Sulyak, S.G. (2016) Galician Rus in Russian non-periodicals during the early stages of WWI. *Rusin*. 3(45). pp. 190–216 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/45/14

29. Sulyak, S.G. (2019) On the Carpathian Rus' terminology. *Rusin*. 1(55). pp. 272–316 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/16

30. Bojovich, M.M. (1913a) *Chleny Gosudarstvennoy Dумы (portrety i biografii). Tretiy sozyv. 1907–1912 gg.* [Members of the State Duma (portraits and biographies). The third convocation. 1907–1912]. 6th ed. Moscow: I.D. Sytin.

31. Bojovich, M.M. (1913b) *Chleny Gosudarstvennoy Dумы (portrety i biografii). Chetvertyy sozyv. 1912–1917 gg.* [Members of the State Duma (portraits and biographies). The fourth convocation. 1912–1917]. 6th ed. Moscow: I.D. Sytin.

Стогов Дмитрий Игоревич – доцент кафедры истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина) (Россия).

Dmitrii I. Stogov – St. Petersburg State Electrotechnical University (Russia).

E-mail: bel-grigorij@yandex.ru

УДК 94(47).083

UDC

DOI: 10.17223/18572685/67/11

Русины Холмщины и Бессарабии в системе взглядов А.Ф. Филиппова на окраины Российской империи

М.В. Медоваров

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Россия, 603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

E-mail: mmedovarov@yandex.ru

Авторское резюме

Анализируются взгляды Алексея Фроловича Филиппова на «русинский» вопрос на Холмщине, в Бессарабии и других регионах. Высказывания Филиппова с 1890-х по 1930-е гг. вписаны в контекст его общественной деятельности, его взглядов на проблемы различных окраин Российской империи и сопредельных территорий в целом. Анализ взглядов Филиппова на «национальный вопрос» охватывает как его политические проекты, так и позицию органов печати под его руководством. Уделено внимание становлению политической позиции мыслителя в молодые годы, опыту его проживания в многоэтничном Могилеве и участия в студенческих землячествах в Московском университете. Подробно рассматривается поездка Филиппова к русинам Холмщины как поворотный пункт в становлении его программы, имперской и националистической в одно и то же время. Рассматривается место «окраин России» в контексте редакторской программы Филиппова в журнале «Русское обозрение» 1901–1903 гг., с особым вниманием к истории русского присутствия в Бессарабии. Представлен обзор деятельности мыслителя на окраинах России в 1904–1911 гг. и обновлённая национал-демократическая программа периода его политической активности в Петербурге в 1912–1914 гг. Продемонстрирована преемственность взглядов Филиппова на расширение империи после Октябрьской революции на его службе советской власти в 1917–1921 гг. Вопрос об отношении мыслителя к русинам связывается с общей методологической проблемой имперских окраин в русской консервативной мысли. Обосновывается тезис о единстве подхода Филиппова к окраинам в духе «имперского национализма».

Ключевые слова: А.Ф. Филиппов, «Русское обозрение», русины Холмщины, Бессарабия, имперский национализм, национал-демократы, Всероссийский национальный союз, окраины Российской империи.

The Rusins of Chełm Land and Bessarabia in Aleksey Filippov's views about the outskirts of the Russian Empire

M.V. Medovarov

Llobachevsky State University of Nizhny Novgorod
23 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, 603950, Russia
E-mail: mmedovarov@yandex.ru

Abstract

The article analyses the views of Alexey Frolovich Filippov on the “Rusin question” in Chełm Land, Bessarabia, and other regions in the context of his social activities, views on the problems of various outskirts of the Russian Empire and adjacent territories in general. The analysis of Filippov's views on the “national question” covers both his political projects and the stance of the media under his administration. Particular attention is paid to Filippov's political position during the formative young years, his experience of living in multi-ethnic Mogilev, and participation in student communities at Moscow University. His trip to the Rusins of Chełm Land is considered in detail as a turning point in the formation of his program, which was imperial and nationalist at the same time. The author also considers the role of “Russian outskirts” in the context of Filippov's editorial program in his journal *Russkoe Obozrenie* in 1901–1903, with special attention given to the history of the Russian presence in Bessarabia. The article describes Filippov's activity on the outskirts of Russia in 1904–1911 as well as an updated national-democratic program designed during his political activity in St. Petersburg in 1912–1914. Filippov's views on the expansion of the Empire after the October Revolution developed during his service to Soviet power in 1917–1921. The author concludes that the problem of Filippov's attitude to the Rusins is closely related to the general methodological problem of the imperial outskirts in Russian conservative thought and that Filippov's approach to the outskirts developed within the framework of “imperial nationalism.”

Keywords: Alexey Filippov, *Russkoe Obozrenie*, Rusins of Chełm Land, Bessarabia, Imperial Nationalism, National Democrats, All-Russian National Union, Outskirts of the Russian Empire.

Целью данного исследования является прояснение характера взглядов Алексея Фроловича Филиппова (1869–1936) на русинов Холмщины, Бессарабии и Галиции и места этих взглядов в общей системе его политических воззрений. Случай Филиппова – мыслителя малоизвестного – примечателен для историка тем, что этот замечательный журналист, публицист, издатель, редактор, государственный

служащий, банкир, разведчик, чекист, церковный администратор стал возможен. как тип личности исключительно благодаря Российской империи и тем широким возможностям, которые она предоставляла выходцам с окраин.

Деятельность А.Ф. Филиппова, полную авантюрных приключений, рассматривали различные историки русской журналистики, банковского дела, историки ВЧК, а также биографы известных государственных деятелей, имевших знакомство с Филипповым. Тем не менее лишь немногие исследователи касались его деятельности на окраинах Российской империи. В.С. Антонов и первый биограф Филиппова С.К. Лебедев уделили внимание лишь его финляндской эпопее [4: 20; 15: 158–159]. А.А. Чемакин кратко коснулся проблематики взглядов данного мыслителя на «окраинный и инородческий вопрос» [45: 172]. В наиболее полной на сегодняшний день биографии Филиппова, принадлежащей М.В. Медоварову [20], отсутствует отдельная глава о восприятии окраин во взглядах мыслителя и постановка такого вопроса, а соответствующие сведения разбросаны по различным главам. Поэтому данное исследование заполняет возникшую смысловую лауну и основано, в первую очередь, на материалах архивной переписки и периодической печати.

Филиппов родился в 1869 г. в Могилеве, на территории нынешней Белоруссии. Его отец был крещёным в эпоху Николая I евреем-кантонистом, солдатом Преображенского полка, а затем работал швейцаром в женской гимназии. Мать была русской кухаркой. В документах сословная принадлежность Филиппова указывалась «из мещан» [35: 3], однако он это обычно скрывал и предпочитал писать в анкетах «русский, из крестьян».

В Могилеве по переписи 1897 г. половину населения составляли евреи, более 5 % приходилось на долю поляков, немцев, латышей [28: 50–51, 94–99]. Филиппов вырос с расщепленной идентичностью, в окружении иноверцев. Он целыми днями присутствовал на религиозных праздниках в синагоге, костёле, кирхе, а не только в православной церкви [24: 4 об.–5]. Воспитатель Филиппова – немец Ю. фон Гюнтер, выпускник Дерптского университета – ненавидел всё русское, был участником польского восстания 1863 г. и поклонником немецкой культуры [27: 48 об.–49]. Поэтому русский патриотизм Филиппова изначально нёс в себе заряд критической рефлексии.

За семь лет обучения на юридическом факультете Московского университета (1889–1896 гг.) Филиппов успел получить богатый опыт наблюдения за межнациональными отношениями. Созданное белорусами Северо-Западное землячество студентов оказалось неспособным к какой-либо серьезной активности [39: 393]. Даже в

литературном кружке для студентов из Могилева не было белорусов: помимо Филиппова, там были представлены только малоросс, еврей, поляк и «румын» (вероятно, молдаванин из Бессарабии). В эти годы Филиппов сделал вывод о неспособности великорусов и белорусов к самоорганизации. Совершенно иной уровень сплочённости и активности землячеств он видел у малорусов, у поляков, армян, немцев, чехов, сербов. По воспоминаниям Филиппова, все они знали и горячо любили свою культуру. Великорусы же не интересовались родным краем, не ценили родную литературу и танцы, а из народных песен знали лишь революционные и «пьяные». Один из студентов-«украинцев», занимавшийся «разработкой малороссийских сказаний», сгоряча сказал Филиппову, что «великороссы самый тупой и в то же время самый мошеннический народ» [39: 386]. Поражаясь прочнейшим корпоративным связям немецких выпускников Дерптского университета, Филиппов «благоговел» перед ними [39: 368]. В противоположность этому, сетовал он, «мы, интеллигентные русские, вообще не можем преодолеть ни одного чужого, инородческого влияния, потому что у нас мало собственного устойчивого начала, мы не любим своей родины, не знаем и не имеем времени знать её <...>!» [39: 384]. «Пусть попробует кто-либо заикнуться – я не говорю о большем, а только о русской пляске, русских костюмах – его осмеют! И как ещё!!» – возмущался Филиппов. Он отмечал, что «поляки, малороссы, не говоря уже об армянах и евреях, относятся с полнейшим пренебрежением ко всем проявлениям русского национализма среди студентов и менее всего склонны заимствовать что-либо у русских» [39: 386].

Публицист заключал, что «антинациональны чисто русские студенты в Москве. В студенчестве отражаются симпатии русского общества ко всему нерусскому и наше национальное свойство стыдится всего, что у нас есть хорошего, выставлять напоказ всему миру свои дурные и грязные стороны» [39: 386]. Сделав вывод, что «русские представляют из себя стадный элемент, подстрекаемый в некоторых случаях энергичными вожаками» [39: 383], Филиппов решил искать пути к перевоспитанию молодежи в русском национальном духе: «*Нужно личным положительным примером показать путь, по которому должен идти русский человек*». Тогда же он решил привлекать к делу укрепления государства российского ассимилированных инородцев: «Так легко и свободно превращаются свободомыслящие евреи в защитников православия, мнимые анархисты в воскурителей фимиама самодержавию и упорнейшие немцы в членов славянского взаимовспомогательного общества, славянофилов по оболочке» [39: 387]. Веру в это мыслитель сохранил на всю жизнь.

Вся дальнейшая деятельность Филиппова как редактора, издателя, журналиста с 1896 по 1914 г. протекала под знаком его двойной национальной идентичности и противоречивых рассуждений о «национальном вопросе». В зависимости от собеседника или корреспондента, он мог представлять себя националистом или противником национализма, «истинно русским» или евреем. Это влекло для Филиппова трудности в публичном обозначении своей позиции.

Первым случаем проявленного интереса Филиппова к окраинам Российской империи стал выполненный им перевод книги английского путешественника О. Тревора-Бетти об арктическом острове Колгуев с соответствующим предисловием, проникнутым имперской риторикой [37: 3–4]. Однако после данного эпизода внимание Филиппова надолго приковывается к западнорусским землям в целом и к русинскому вопросу в частности.

В 1896–1898 гг. Филиппов написал книгу для чтения по истории России, предназначенную для церковно-приходских школ и вплоть до весны 1899 г. безуспешно пытался добиться ее издания в типографии Синода [18]. В этой книге большое внимание было уделено отстаиванию русского характера Прибалтики и Великого княжества Литовского. Филиппов собирался отправить свое пособие на конкурс на премию имени М.Н. Муравьева, а в апреле 1899 г. представил на этот конкурс ещё один свой учебник по истории Северо-Западного края и православия в нём [27: 62–65]. Вопрос о русинской идентичности в Подляшье и Холмщине должен был там встать особенно остро. К сожалению, текст обоих пособий не был напечатан и считается утерянным.

Осенью 1898 г. Филиппов попытался внести практический вклад в решение русинского вопроса и две недели провел в Тересполе на Холмщине, где православное духовенство вело отчаянную борьбу за эту древнерусскую землю с доминировавшим в ней польским влиянием. Мыслитель пообщался со священниками и новым варшавским архиепископом Иеронимом (Экземплярским), присутствовал на освящении нового храма, сбор средств на ремонт которого велся путем объявлений в «Московских ведомостях» по инициативе самого Филиппова. Во время церемонии он сказал: «Одержана духовная победа над врагами внешними – польским элементом и врагами внутренними – их не назову – которые в тысячи раз сильнее и опаснее всех противодействующих инородцев, взятых вместе» [26: 35]. Филиппов пришел к заключению, что нужна целая программа «по слиянию Холмщины с остальной Русью. Не сыск, не борьба с упорствующими и католицизмом путем доносов, штрафов и строгостей, а культурное движение русских церковных начал, самоусовершенст-

зование и усовершенствование окружающей среды. Всё это довлеет духовному воинству!». Мыслитель сожалел, что «здесьние условия борьбы с католицизмом создали из пастырей православной истины полуозлоблённых фанатиков» [26: 35 об.], и призывал священников одолеть «полонизм» не насильственными мерами, а самоотверженным служением, постройкой храмов, школ, читален [26: 36 об.].

В нездоровых явлениях на нищей Холмщине Филиппов винил правительство, отмечая, что «в 1875 г. администрация нагайками – буквально, а не переносно – вогнала униатов в церковь к воссоединению по бумажному проекту лиц, с жизнью малознакомых или от жизни удалившихся, народ проникся ненавистью ко всему, что носит на себе печать русского, а любовью к духовенству, помимо этого, не мог проникнуться и потому, что администрация вела себя крайне пренебрежительно к священникам, публично обещая их выпороть (факт!)» [26: 36]. Мыслитель восклицал, что «по-настоящему, в первую голову нужно было бы пороть не униатов, а русских и привести их прежде всего к православной вере и порядочности. А то мы всё бьемся над тем, как бы “обрусить других”, и кроме нагайки не находим другого средства, а сами не знаем, в чем заключается русский дух и что мы могли бы предложить после нагайки» [26: 36–36 об.]. Смелые выводы Филиппова заслужили одобрение генерала А.А. Киреева, который увидел из его отчёта «глупость и беспомощность и лживость нашей администрации (духовной и светской)», «полную беспомощность нашей администрации, не знающей, кого слушать, кому *лгать*, что *делать*» [8: 63–63 об.]. Таким образом, Филиппов в данном случае воспринял давние идеи своего наставника и патрона Киреева – одного из лучших в России знатоков польского вопроса – о выделении Холмской губернии из состава Привислинского края [19].

Поездка к холмским русинам привела к усилению националистической риторики у Филиппова, который стал представлять себя активным борцом за права русского народа на окраинах и в центре, особенно же в плане руководства газетами и журналами, принося пафосные клятвы «всенародно исповедовать национальный символ веры» [35: 11–11 об.] и «не пускать в издание ни под каким видом инородцев» [25: 22 об.].

Когда Филиппов получил в свои руки консервативный журнал «Русское обозрение», то в напечатанной большим тиражом программе редакции в 1900 г. было заявлено: «Обращать серьезное внимание на всё, что носит печать самобытной культуры, заботливо относиться к тем сословиям и группам, которые утверждают внутренний порядок, ко всем национальностям и народностям (и не одной только русской –

это было бы шовинизмом!), содействующим русскому государственному строительству и ведущим Россию по пути величия – это долг каждого литературного деятеля, который своими трудами ищет способствовать великому русскому делу» [24: 10]. Филиппов пояснял: «Стоя на этой строго национальной почве, мы находим, что любая народность имеет право не только на существование, но и на свободное развитие до тех пор, пока не обнаружит отсутствия внутренней своей жизнеспособности или государственной жизнедеятельности. Приобщение же инородцев к нам возможно только путем всестороннего ознакомления их с формами нашей самобытной культуры» [24: 10].

Заявления Филиппова вызвали недоумение и слева, и справа. В.Г. Короленко обвинил его в антисемитизме, что вызвало резкий протест со стороны мыслителя [24: 3–3 об.], а Л.Н. Майкову он пояснил, что намерен бороться за русское дело руками инородцев, поскольку сами русские неспособны защитить себя даже на окраинах империи: «Два немца и еврей всегда могут создать – и тому есть примеры – чисто националистический орган и двинуть его вперед» [34: 3 об.–4 об.].

Во избежание перекрестной полемики в печати Филиппов обещал «на некоторое время» не освещать в «Русском обозрении» «окраинные вопросы», а вместо этого выработать «формы управления и быта в строго национальном духе». Однако сразу же, в первом номере обновлённого журнала в июне 1901 г., он не сдержал этого обещания. Значительное внимание в этом выпуске «Русского обозрения» было уделено полемике с этническими националистами. Филиппов настаивал, что поскольку другие народности помогают «русскому государственному строительству», следует «заботливо относиться к ним. Это правило просто приличного – не говорю мудрого – хозяина» [40: 261].

Тема западных окраин империи, специфики малорусов и русинов, была затронута в рассматриваемом номере журнала в заметке генерал-майора А.Ф. Радецкого, обратившего внимание на диспропорции в развитии центра и окраин Российской империи: на 1/7 её территории (с аналогичной пропорцией населения) располагалось, например, 6 из 10 университетов (включая Варшавский, Киевский, Харьковский, Новороссийский в Одессе). Ключевой задачей правительства Радецкий называл поднятие Центра, Заволжья, Левобережной Украины, Сибири до уровня западных окраин [31]. При этом отмечалось, что благами развития западных регионов пользуются не русские (русины, малорусы, белорусы), а проживающие там поляки, немцы и прочие «инородцы».

Что касается польского вопроса, то первоначально Филиппов под псевдонимом Мысовский намеревался напечатать в своем журнале поэму «Soli Deo gloria et honor» о возвращении лирического героя

на руины костёла в Мозыре (город выбран, видимо, условно, как замена Могилёва) [24: 3 об.–4]. К сожалению, текст поэмы утрачен. Филиппов не решился опубликовать её, заменив её в композиции журнала поэмой В.А. Кожевникова о борьбе запорожских казаков с крымскими татарами [12].

Кроме того, в рассматриваемом номере журнала были помещены статьи по проблемам других окраин России: Магадана и Якутии [40: 264], Охотского края и Камчатки [36], Маньчжурии [23], Монголии [1]. Целых два материала в «Русском обозрении» 1901 г. было посвящено финляндскому вопросу [22; 30]. Долго и тщательно Филиппов подбирал для своего журнала подходящего автора для статьи по еврейскому вопросу, отвергнув в итоге кандидатуру В.В. Розанова в пользу Н.П. Розанова [32].

Таким образом, вопреки своему первоначальному обещанию воздержаться от рассмотрения окраин России, редактор «Русского обозрения» 1901 года уделил ему значительное внимание, в целом подбирая материалы в духе заявленной им программы привлечения лучших сил всех народов к строительству и процветанию империи.

Филиппов не изменил своей позиции и в 1903 г. В редакционной статье в своем втором журнале «Искусство строительное и декоративное» он провозглашал принцип совместимости «торжества русского духа» с уважением к «высшей и своеобразной красоте» других народностей [38: 6]. Возвращался Филиппов и к теме империи: «Россия, как одно из величайших политических явлений всемирной истории, заключающая в себе удивительное разнообразие элементов как духовной жизни нескольких сотен народностей, входящих в состав её, так и внешней природы, включающей необъятность пространства, бесспорно явится в недалеком будущем источником могущественного расцвета своеобразного и самобытного искусства, очагом высших и лучших проявлений человеческого духа» [38: 6–7].

В 1903 г. Филиппов написал еще одну статью от редакции в последнем номере «Русского обозрения». В ней он противопоставлял традиционную русскую терпимость космополитизму и своеобразно корректировал наиболее спорный лозунг той эпохи: «Есть Россия физическая и Россия духовная. Да, Россия, как территория – только для русских, но Россия духовная – для всего мира! Пусть у этого великого костра мысли и духа, бодро горящего на протяжении десятков тысяч верст – греется вся вселенная и прежде всего, сами мы, русские люди, слишком далеко раскиданные друг от друга и разделенные враждебными перегородами» [41: III].

Что касается лозунга «Россия для русских», сложная и запутанная история которого раскрыта в книге А.А. Иванова [10], то

буквально каждый публицист в начале XX в. истолковывал его по-своему. Филипповскую интерпретацию сложно назвать ясной: он постоянно использовал лексику правых («истинно русские люди», «чисто русские идеи»), но столь же неизменно подразумевал под русскими представителей всех конструктивно настроенных народов России, которые отзовутся на «призыв к мирной и дружной работе на пользу отечества, к мудрому служению государственным интересам» [41: III].

В 120-страничном выпуске «Русского обозрения» за 1903 г., оказавшемся последним в истории журнала, приоритетное внимание было отдано статье некоего Д.А. с обоснованием философии национализма [9]. В этих условиях, не имея средств на продолжение и расширение журнала, Филиппов не смог уделить отдельным окраинам существенное внимание. Единственным показательным исключением стало помещение в этом номере исторической статьи А.И. Яцимирского о многовековых контактах русских царей с монастырями Молдавии и Валахии [47]. Примечательно, что данная статья открывала номер журнала и была помещена сразу после филипповского предисловия. В данной работе (к сожалению, с грубыми опечатками в датах) перечислялись разнообразные реликвии, подаренные молдавским и валашским монастырям Иваном IV, Борисом Годуновым, первыми царями из Романовых, императорами XVIII–XIX вв. Были приведены примеры русских пожертвований, отправки посольств, ремонта церквей в Дунайских княжествах, опровергнут слух о якобы ушедшей в Немецкий монастырь дочери Петра I Марии. Тем самым территория как Бессарабии, так и Запрутской Молдовы и Валахии позиционировалась в филипповском журнале как часть исторического русского пространства с многовековым российским и русинским присутствием в ней.

Интерес Филиппова к окраинам России, особенно западным и южным регионам, сохранился и в последующие годы. В 1901 г. он ездил в Грузию, а своего брата отправил служить к калмыкам, в 1904 г. сам безуспешно пытался устроиться на службу в Финляндию. В 1905 г. на краткое время он переехал в Ревель и издавал там газету «Балтийские отголоски», делая акцент на освещении жизни русских в Эстляндии и проповедуя необходимость русской колонизации Персии. С 1905 по 1911 гг. Филиппов издавал несколько газет в Екатеринодаре и Новороссийске, позиционируя их как проводников влияния русских националистов на Кубани.

С января 1912 г. Филиппов перебрался в Петербург и со своим прежним знакомым по Новороссийску А.Л. Гарязиным примкнул к Всероссийскому национальному союзу [46: 154–155]. Однако с января 1913 г. они вышли из него и стали проводить в своем ежене-

дельнике «Дым Отечества» специфический курс по национальному вопросу. В конечном счёте, Горязин и Филиппов примкнули к новой партии «национал-демократов», превратив «Дым Отечества» и «Журнал для всех» в её рупоры.

На страницах «Дыма Отечества» звучали чрезвычайно резкие и смелые нападки Филиппова на космополитизм целого ряда великих князей и высокопоставленных сановников, на проникновение в Россию иностранных капиталов. В этой связи вновь прозвучала тема русинов западных окраин, страдающих от немецких и австрийских колонистов. Публицисты «Дыма Отечества» уже осенью 1913 г. писали о неизбежности войны против Германии и Австро-Венгрии, о том, что эта война приведёт к ликвидации немецких колоний в России и эвакуации немцев вглубь страны. Однако условием победы в грядущей войне и воссоединения галицких русинов в Россией Филиппов считал отказ российской элиты от западничества. «Господа патриоты из всех Русских собраний и союзов, одумайтесь и подумайте об этом прежде, чем идти на Австрию и побеждать её. Победите самих себя; давайте завоюем не Балканы и Персию, а Центральную Россию и внесём в неё хоть какую-то культуру, только не сарафанную», – предостерегал публицист [42: 5].

При этом «Дым Отечества» считал неопасным украинский сепаратизм и самонадеянно смеялся над австрийскими проектами завоевать Киев и короновать там эрцгерцога Фердинанда [17]. В качестве главной угрозы в Галиции соратники Филиппова воспринимали поляков, проводивших во Львове в 1913 г. антирусские манифестации. Вместе с тем в целом «Дым Отечества» положительно относился к полякам и много раз выражал надежду на компромиссную договорённость с ними. А.Л. Горязин доказывал, что в ходе Балканских войн среди поляков пробудилось чувство славянского единства, публиковал письма польских депутатов, желавшим достичь договоренности с Россией [2; 29]. Ставился вопрос о предотвращении германского плана отрыва Польши и русинских территорий Западного края (включая Холмщину) от России и создания там марионеточного польского правительства [11]. В статье Г. Кучинского утверждалась программа сотрудничества между польскими и русскими национал-демократами: «Следует уповать, что русский национализм, поднявшись на орлиные высоты патриотизма, сорвёт мрачную завесу, которой задёрнута теперь жизнь польского края» [14]. Филиппов в данном случае на тему русинов и поляков в «Дыме Отечества» не высказывался, сосредоточившись на проблемах Закавказья, Финляндии, Эстонии [44].

Октябрьская революция привела к новому взлёту карьеры Филиппова, мгновенно перестроившегося на поддержку большевиков при

сохранении своих национал-демократических взглядов. В начале 1918 г. он планировал издавать газету «Великая Россия», в которой намеревался пропагандировать возрождение имперской политики руками большевиков [5: 115]. Однако новой власти Филиппов пригодился в ином качестве. С января по март 1918 г. он стал первым разведчиком Советской России, будучи отправлен Ф.Э.Дзержинским в Финляндию «для изучения настроений матросских масс» и способов спасения оставшегося там Балтийского флота [5: 116]. Результаты миссии Филиппова, буквально спасшего флот, неизменно высоко оцениваются историками разведки и ВЧК [3: 41–49; 4: 22–25; 16: 79–80].

Полуторамесячный арест Филиппова летом 1918 г. по заведомо ложному и сфабрикованному обвинению в причастности к монархическому и антисемитскому заговору организаций «Каморра народной расправы» и «Союз спасения Родины» завершился его освобождением и оправданием. Осенью 1919 г. мыслитель вернулся к публичной политической деятельности, возглавив Исполком по делам духовенства и став основным автором текста послания патриарха Тихона от 8 октября. Любопытно, что, убеждая власти издать его тиражом в 500 тысяч экземпляров, мыслитель пояснял: «Такое количество экземпляров необходимо не столько для рассылки внутри Советской России, ибо об этом оповещена она достаточно путем печати, сколько для распространения в зарубежной России – на Дону, Сибири, на Украине и по Кавказу» [7: 13]. Сам термин «зарубежная Россия» применительно к территориям под контролем белых и сепаратистских правительств выглядит странным, пусть и в условиях Гражданской войны. Белоруссия в это понятие не входила: Филиппов не забывал родной Могилев, находившийся под контролем красных, и 3 декабря 1919 г. подал протест против национализации здания одной из тамошних церквей [7: 30].

Летом 1920 г. Филиппов издал брошюру, в которой о «зарубежной России» речи больше не было: «Сдвинулась с своих мест мать, Великая Россия... Постепенно вводится в прежние берега Россия: уже наша Украина; уже заключен мир с Эстляндией; давно утихомирлась Финляндия. Могучей волной хлынула наша победная армия на Кавказ, к Черному морю, и докатилась до него, перебралась через горы. Только Польша кипит и грозит нам, объявив войну» [43: 18]. Из этого пафосного перечисления делался вывод, что «советская власть всеми признаваема за государственную народную и простонародную русскую». Таким образом, русинский вопрос в наследии Филиппова растворился в общем контексте борьбы за собиранье имперских земель воедино, независимо от характера власти в центре. Вершиной

этой тенденции в мысли Филиппова стало его письмо Вере Фигнер в 1931 г., когда он утверждал, что В.И. Ленин «достиг ровного того самого... для народных масс», чего он ранее ожидал от Николая II, а именно того, что «вывело нашу страну из положения *второразрядного* и унижительно-угнетённого, после 1914–15 года состояния духа и что *должно* вывести уже *новые* поколения на *новый* путь... в *ширь* расцвета народной энергии и духа, которая бы заиграла, *точно музыка*» [33: 2].

Осенью 1920 г. коллегия ВЧК приняла решение закрыть Исполком-дух, но уже 15 апреля 1921 г. Филиппов нашел себе новую работу в Москве, став членом экономического совета представительства коми-зырян при Наркомате национальностей. Этот факт введён в научный оборот Т.Ю. Красовицкой [13: 328], хотя и оставлен ею без комментария. Между тем удивительно не столько то, что Филиппов стал работать под руководством И.В. Сталина, сколько то, что он позиционировал себя как представителя еще одной окраины – Автономной области Коми, с которой его ранее абсолютно ничего не связывало. Этот факт, упущенный даже в монографии М.В. Медоварова, лишний раз свидетельствует об остром интересе Филиппова к окраинам России.

Великодержавная политика на окраинах в глазах Филиппова оказалась одним из наиболее ярких свидетельств той преемственности между Российской империей и советской властью, обеим из которых он служил страстно и в качестве издателя и публициста, и в качестве государственного и общественного деятеля. На протяжении десятков лет в фокусе внимания Филиппова оставались проблемы окраин империи, национальную энергию которых он желал направить в русло укрепления российской государственности. Несомненно, понятие окраин империи имело давнюю традицию бытования в сознании как представителей власти, так и общественных деятелей. Обычным явлением в Российской империи была переброска талантливых администраторов с одной окраины на другую (И.Ф. Паскевич, К.П. Кауфман). Проекты разделения империи на «центр» и обобщенные «окраины» с разным режимом управления в начале XX в. звучали из уст С.Ф. Шарапова, Д.А. Хомякова, В.А. Бобринского, П.Б. Струве. Данный процесс закономерно завершился созданием Окраинного отдела Русского Собрания, с 1908 г. преобразованного в Окраинное общество. Его председатель Н.Д. Сергеевский в 1906–1912 гг. издавал газету «Окраины России», покровительство которой оказывал П.А. Столыпин. Символично, что одним из авторов этой газеты являлся Ф.Д. Самарин – племянник Ю.Ф. Самарина, автора одноименного труда 1868 г.

Таким образом, к началу XX в. концепт «окраин России» уже успел внедриться в общественное самосознание, что ярко проявилось на

примере А.Ф. Филиппова. Данный вопрос практически не поставлен в историографии. Лишь А.И. Миллер говорил о процессе «воображения» образа границ и отдельных регионов России среди общественности второй половины XIX – начала XX в., указав на двусмысленный статус некоторых регионов в таком «национальном воображении» [21: 147–170]. Работы зарубежных исследователей в схожем ключе до сих пор касались только осмысления места Российской империи в мире в целом [6: 274–310] либо ее отдельных регионов, но не их совокупности через призму модели «центр – окраины».

Точку зрения А.Ф. Филиппова, выходящую за рамки традиционных правого и левого дискурса, на наш взгляд, можно охарактеризовать как позицию «имперского национализма», чуждого идее этнического превосходства и направленного на успешное развитие как окраин, так и центра России, неразрывно связанных друг с другом. Особое место среди них занимали вопросы развития западных окраин, особенно населенных белорусами, малорусами, русинами. Великий вклад Филиппова в утверждение православия и русской идентичности на Холмщине в 1898 г., в попытках продвижения идеи триединства русского народа в неопубликованных учебных пособиях конца 1890-х гг., в подчеркивании проблем русского исторического наследия в Бессарабии в «Русском обозрении» 1903 г., в освещении ситуации в Галиции в «Дыме Отечества» в 1913 г. Возвращение этой забытой страницы из общественной мысли России в сферу научного интереса представляется закономерным и оправданным.

ЛИТЕРАТУРА

1. А. Из Монголии // Русское обозрение. 1901. № 1. С. 184.
2. А. Львов [Гарязин А.Л.] Поляки и балканские союзники // Дым Отечества. 1913. № 24. 13 июня. С. 6–7.
3. Антонов В.С. Сто великих разведчиков России. М.: Вече, 2017. 415 с.
4. Антонов В.С., Карпов В.Н. Тайные информаторы Кремля-2. С них началась разведка. Т. 2. М.: Олма-Пресс Образование, 2003. 415 с.
5. Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-93201.
6. Бассин М. Россия между Европой и Азией: Идеологическое конструирование географического пространства // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология. М.: Новое издательство, 2005. С. 274–310.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А353. Оп. 5. Д. 232. Переписка с НКВД о деятельности «Исполнительного комитета по делам духовенства России» с приложением материалов. 1919–1921 гг.
8. ГАРФ. Ф. 634. Д. 101. Письма А.А. Киреева Л.А. Тихомирову 1889–1908 гг.

9. Д.А. Патриотизм // Русское обозрение. 1903. Вып. 1–3. С. 78–84.
10. Иванов А.А. Вызов национализма: Лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб.: Владимир Даль, 2016. 511 с.
11. Ирбе [Дружинин К.К.] Wo ist der Hund... // Дым Отечества. 1912. № 1. 15 ноября. С. 3–4.
12. Кожевников В.А. На сторожевом валу. Поэма // Русское обозрение. 1901. № 1. С. 155–182.
13. Красовицкая Т.Ю. Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917 – 1923 гг.): документы и материалы. М.: ИРИ РАН, 2007. 448 с.
14. Кучинский Г. Польский вопрос // Дым Отечества. 1912. № 6. 20 декабря. С. 6–7; 1913. № 3. 17 января. С. 6–7; № 4. 24 января. С. 4–5.
15. Лебедев С.К. Алексей Фролович Филиппов: литератор, банкир и чекист // Из глубины времен. СПб., 1998. № 10. С. 153–171.
16. Лобанов А. Секретное поручение // Чекисты. Л.: Лениздат, 1977. С. 75–80.
17. Мазуренко. Не так страшен черт, как его малюют // Дым Отечества. 1913. № 43. 24 октября. С. 3–4.
18. Медоваров М.В. Исчезнувший учебник Алексея Филиппова по истории России // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2020. Т. 6, № 4. С. 365–373.
19. Медоваров М.В. «Как с Русью Польша помирится»: генерал Киреев и польский вопрос // Родина. 2013. № 1. С. 118–121.
20. Медоваров М.В. Национал-монархист, национал-демократ, национал-большевик Алексей Фролович Филиппов. СПб.: Владимир Даль, 2021. 673 с.
21. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.
22. О-К...нь Н.Ф. Примечание о Финляндии // Русское обозрение. 1901. № 1. С. 127–136.
23. Орлов Н.А. Разведка. Очерк (эпизод из войны в Китае) // Русское обозрение. 1901. № 1. С. 141–154.
24. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 135. Р. II. К. 35. Д. 35. Письма А.Ф. Филиппова В.Г. Короленко 1900 г.
25. ОР РНБ. Ф. 631. Д. 100. Письма разных лиц С.А. Рачинскому. Июль – август 1898 г.
26. ОР РНБ. Ф. 631. Д. 102. Письма разных лиц С.А. Рачинскому. Октябрь 1898 г.
27. ОР РНБ. Ф. 631. Д. 106. Письма разных лиц С.А. Рачинскому. Апрель 1899 г.
28. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XXIII. Могилевская губерния. СПб.: Издание Центрального статистического комитета МВД, 1903. XV + 275 с.
29. Письмо поляка // Дым Отечества. 1913. № 26. 27 июня. С. 5–6.
30. [Полонский Я.П.] Письмо Полонского к Фету // Русское обозрение. 1901. № 1. С. 124–125.

31. Радецкий А.Ф. Окраины и сердцевина России // Русское обозрение. 1901. № 1. С. 209–211.
32. Розанов Н.П. Дом Иакова // Русское обозрение. 1901. № 1. С. 281–290.
33. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1185. Д. 797. Письмо А.Ф. Филиппова В.Н. Фигнер. 1931 г.
34. Рукописный отдел Института русской литературы (РО ИРЛИ). Ф. 166. Оп. 3. Д. 1049. Письма А.Ф. Филиппова Л.Н. Майкову 1900 г.
35. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 776. Оп. 8. Д. 1193. Дело об отказе журналисту А.Ф. Филиппову в разрешении издавать в Москве газету «Колокол». 1898–1899 гг.
36. Слюнин Н.В. [Рец.:] В.П. Вradiй. Охотско-Камчатский край // Русское обозрение. 1901. №1. С. 235–240.
37. Тревор-Бетти О. Во льдах и снегах (Путешествие на остров Колгуев) / пер. с английского А. Филиппова (с 13 рисунками и картой). СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1897. 212 с.
38. Филиппов А.Ф. Вместо предисловия // Искусство строительное и декоративное. 1903. № 1–2. С. 6–7.
39. Филиппов А.Ф. Московское студенчество // Русское обозрение. 1897. № 3. С. 365–393.
40. Филиппов А.Ф. Ответ редактора // Русское обозрение. 1901. № 1. С. 260–266.
41. Филиппов А.Ф. От редакции // Русское обозрение. 1903. Вып. 1–3. С. I–IV.
42. Филиппов А.Ф. Сарафанная культура // Дым Отечества. 1913. № 41. 10 октября. С. 3–5.
43. Филиппов А.Ф. Святцы и трудовой календарь на 1920 год. Перечень имен и дней, памятных для жизни России. М.: Комитет по делам духовенства всея России, 1920. 32 с.
44. Филиппов А.Ф. Юстиция или вешалка? // Дым Отечества. 1913. № 3. 17 января. С. 3–5.
45. Чемакин А.А. Империя и национальное государство. Страницы истории // Тетради по консерватизму. 2016. № 2. С. 151–191.
46. Чемакин А.А. Русские национал-демократы в эпоху потрясений: 1914 – начало 1920-х годов. СПб.: Владимир Даль, 2018. 606 с.
47. Яцимирский А.И. Благотворительность русских государей в Румынии в XVI–XIX вв. // Русское обозрение. 1903. Вып. 1–3. С. 1–19.

REFERENCES

1. A. (1901) Iz Mongolii [From Mongolia]. *Russkoe obozrenie*. 1. p. 184.
2. A. Lvov [Garyazin, A.L.] (1913) Polyaki i balkanskije soyuzniki [The Poles and Balkan Allies]. *Dym Otechestva*. 13th June. pp. 6–7.
3. Antonov, V.S. (2017) *Sto velikikh razvedchikov Rossii* [One Hundred Great Scouts of Russia]. Moscow: Veche.
4. Antonov, V.S. & Karpov, V.N. (2003) *Taynye informatory Kremlya-2. S nikh*

- nachinalas' razvedka* [Secret informants of the Kremlin-2. They started intelligence service]. Vol. 2. Moscow: Olma-Press Obrazovanie.
5. The Archive of the FSB Management in St. Petersburg and Leningrad region. File P-93201.
6. Bassin, M. (2005) Rossiya mezhdru Evropoy i Aziiy: Ideologicheskoe konstruirovaniye geograficheskogo prostranstva [Russia between Europe and Asia: Ideological Construction of Geographic Space]. In: Vert, P., Kabytov, P.S. & Miller, A.I. (eds) *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let: antologiya* [Russian Empire in Foreign Historiography. Works of Recent Years: An Anthology]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. pp. 274–310.
7. Russia. (n.d.) *Perepiska s NKVD o deyatel'nosti "Isполnitel'nogo komiteta po delam dukhovenstva Rossii" s prilozheniem materialov* [Correspondence with the NKVD on the activities of the "Executive Committee for the Clergy of Russia" with materials]. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A353. List 5. File 232..
8. Kireev, A.A. (1889–1908) *Pis'ma A.A. Kireeva L.A. Tikhomirovu 1889–1908 gg.* [Letters by A.A. Kireev to L.A. Tikhomirov. 1889–1908]. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 634. List 101.
9. D.A. (1903) Patriotizm [Patriotism]. *Russkoe obozrenie*. 1–3. pp. 78–84.
10. Ivanov, A.A. (2016) *Vyzov natsionalizma: Lozung "Rossiya dlya russkikh" v dorevolutsionnoy obshchestvennoy mysli* [Challenge of Nationalism: Slogan "Russia for Russians" in Pre-Revolutionary Social Thought]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
11. Irbe [Druzhinin, K.K.] (1912) Wo ist der Hund... *Dym Otechestva*. 15th November. pp. 3–4.
12. Kozhevnikov, V.A. (1901) Na storozhevom valu. Poema [On the Guard Wall. A Poem]. *Russkoe obozrenie*. 1. pp. 155–182.
13. Krasovitskaya, T.Yu. (2007) *Natsional'nye elity kak sotsiokul'turnyy fenomen sovetskoy gosudarstvennosti (oktyabr' 1917 – 1923 gg.): dokumenty i materialy* [National Elites as a Sociocultural Phenomenon of Soviet Statehood (October 1917 – 1923): Documents and Materials]. Moscow: RAS.
14. Kuchinskiy, G. (1912) Pol'skiy vopros [The Polish Question]. *Dym Otechestva*. 20th December. pp. 6–7.
15. Lebedev, S.K. (1998) Aleksei Frolovich Filippov: literator, bankir i chekist [Alexey Frolovich Filippov: Author, Banker and Chekist]. *Iz glubiny vremen*. 10. pp. 153–171.
16. Lobanov, A. (1977) Sekretnoe poruchenie [Secret Mission]. In: Rzhankov, V.A. & Sysuev, A.P. (eds) *Chekisty* [Chekists]. Leningrad: Lenizdat. pp. 75–80.
17. Mazurenko. (1913) Ne tak strashen chert, kak ego maluyuyut [The devil is not so terrible as he is painted]. *Dym Otechestva*. 24th October. pp. 3–4.
18. Medovarov, M.V. (2020) Alexey Filippov's Disappeared Textbook on Russian History. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki" – Vestnik of the Mari State University. Chapter "History. Law"*. 6(4). pp. 365–373 (in Russian).
19. Medovarov, M.V. (2013) "Kak s Rus'yu Pol'sha pomiritsya": general Kireev

i pol'skiy vopros ["How Will Poland Make Peace with Russia": General Kireev and Polish Question]. *Rodina*. 1. pp. 118–121.

20. Medovarov, M.V. (2021) *Natsional-monarkhist, natsional-demokrat, natsional-bol'shevik Aleksei Frolovich Filippov* [National Monarchist, National Democrat, National Bolshevik]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.

21. Miller, A.I. (2006) *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and Nationalism: Essays on the Methodology of Historical Research]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

22. O-K...n, N.F. (1901) Primechanie o Finlyandii [A Note On Finland]. *Russkoe obozrenie*. 1. pp. 127–136.

23. Orlov, N.A. (1901) Razvedka. Ocherk (epizod iz voyny v Kitae) [Reconnaissance. An Essay (An Episode from the War in China)]. *Russkoe obozrenie*. 1. pp. 141–154.

24. Filippov, A.F. (1900) *Pis'ma A.F. Filippova V.G. Korolenko 1900 g.* [Letters by A.F. Filippov to V.G. Korolenko]. The Manuscript Section of Russian State Library (OR RGB). Fund 135. Section II. Folder 35. File 35.

25. *Pis'ma raznykh lits S.A. Rachinskomu. Iyul' – avgust 1898 g.* [Letters from different persons to S.A. Rachinsky. July – August 1898]. The Manuscript Section of Russian National Library (OR RNB). Fund 631. File 100.

26. *Letters from different persons to S.A. Rachinsky. October 1898* [Letters from various persons to S.A. Rachinsky. October 1898]. The Manuscript Section of Russian National Library (OR RNB). Fund 631. File 102.

27. *Pis'ma raznykh lits S.A. Rachinskomu. Aprel' 1899 g.* [Letters from different persons to S.A. Rachinsky. April 1899]. The Manuscript Section of Russian National Library (OR RNB). Fund 631. File 106.

28. Russia. (1903) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [The First General Census of the Population of the Russian Empire]. Vol. 23. St. Petersburg: The Central Statistical Committee of Ministry of Internal Affairs.

29. *Dym Otechestva*. (1913) Pis'mo polyaka [A letter of a Pole]. 27th June. pp. 5–6.

30. Polonskiy, Ya.P. (1901) Pis'mo Polonskogo k Fetu [A Letter by Polonsky to Fet]. *Russkoe obozrenie*. 1. pp. 124–125.

31. Radetskiy, A.F. (1901) Okrainy i serdtsevina Rossii [Outskirts and the Core of Russia]. *Russkoe obozrenie*. 1. pp. 209–211.

32. Rozanov, N.P. (1901) Dom Iakova [Jacob's House]. *Russkoe obozrenie*. 1. pp. 281–290.

33. Filippov, A.F. (1931) *Pis'mo A.F. Filippova V.N. Figner. 1931 g.* [A letter by A.F. Filippov to V.N. Figner]. The Russian State Archive of Literature and Art. Fund 1185. File 797.

34. Filippov, A.F. (n.d.) *Pis'ma A.F. Filippova L.N. Maykovu 1900 g.* [Letters by A.F. Filippov to L.N. Maykov]. The Manuscript Section of Russian Literature Institute (RO IRLI). Fund 166. List 3. File 1049.

35. Russia. (1898–1899) *Delo ob otkaze zhurnalistu A.F. Filippovu v razreshenii izdat' v Moskve gazetu "Kolokol". 1898–1899 gg.* [The case of refusal to journal-

ist A.F. Filippov in permission to publish the “Kolokol” newspaper in Moscow]. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 776. List 8. File 1193.

36. Slyunin, N.V. (1901) [Rets.:] V.P. Vradiy. Okhotsko-Kamchatskiy kray [Review: V.P. Vradiy. Okhotsk – Kamchatka Territory]. *Russkoe obozrenie*. 1. pp. 235–240.

37. Trevor-Betty, A. (1897) *Vo l'dakh i snegakh (Puteshestvie na ostrov Kolguev)* [In ices and snows (Journey to Kolguev Island)]. Translated from English by A. Filippov. St. Petersburg: P.P. Soykin.

38. Filippov, A.F. (1903) Vmesto predisloviya [In lieu of a preface]. *Iskusstvo stroitel'noe i dekorativnoe*. 1–2. pp. 6–7.

39. Filippov, A.F. (1897) Moskovskoe studenchestvo [Moscow Students]. *Russkoe obozrenie*. 3. S. 365–393.

40. Filippov, A.F. (1903) Otvet redaktora [Editors Answer]. *Russkoe obozrenie*. 1. pp. 260–266.

41. Filippov, A.F. (1903) Ot redaktsii [Editorial]. *Russkoe obozrenie*. 1–3. pp. I–IV.

42. Filippov, A.F. (1913) Sarafannaya kul'tura [The Sarafan Culture]. *Dym Otechestva*. 10th October. pp. 3–5.

43. Filippov, A.F. (1920) *Svyatysy i trudovoy kalendar' na 1920 god. Perechen' imen i dney, pamyatnykh dlya zhizni Rossii* [Saints and Labor Calendar for 1920. List of Names and Days Memorable for the Life of Russia]. Moscow: Committee for Clergy Affairs of All Russia.

44. Filippov, A.F. (1913) Yustitsiya ili veshalka? [Justice or Hanger]. *Dym Otechestva*. 17th January. pp. 3–5.

45. Chemakin, A.A. (2016) Imperiya i natsional'noe gosudarstvo. Stranitsy istorii [Empire and Nation State. Pages of History]. *Tetrady po konservatizmu*. 2. pp. 151–191.

46. Chemakin, A.A. (2016) *Russkie natsional-demokraty v epokhu potryaseniya: 1914 – nachalo 1920-kh godov* [Russian National Democrats in the Age of Shock: 1914 – early 1920s]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.

47. Yatsimirskiy, A.I. (1903) Blagotvoritel'nost' russkikh gosudarey v Rumynii v XVI–XIX vv. [Charity of Russian Sovereigns in Romania in the 16th – 19th Centuries]. *Russkoe obozrenie*. 1–3. pp. 1–19.

Медоваров Максим Викторович – доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Россия).

Medovarov Maxim Viktorovich – Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia).

E-mail: mmedovarov@yandex.ru

УДК 93/94

UDC

DOI: 10.17223/18572685/67/12

Виталий (Максименко) и его деятельность по созданию Почаевского банка

Е.О. Ковалева

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: st055567@student.spbu.ru

Авторское резюме

Рассматривается история создания Общества «Почаево-Волынский народный кредит» и роль архимандрита Виталия (Максименко) в организации Почаевского банка. Особое внимание уделено анализу исторических реалий и проблем, с которыми пришлось столкнуться о. Виталию при воплощении этого проекта в жизнь. В начале XX в. аграрный вопрос в Волынской губернии имел ряд особенностей. Цена на плодородные земли этого региона постоянно росла, и волынские крестьяне не могли конкурировать с инородческим населением (евреи, поляки, немцы), осуществлявшим экономическую экспансию в регионе. Не имея альтернативы и страдая от малоземелья, крестьяне были вынуждены занимать деньги либо под чрезвычайно большой процент у евреев, либо на очень тяжёлых условиях у помещиков. Для облегчения положения волынского крестьянства Виталием (Максименко) было создано кредитное учреждение, дающее нуждающимся ссуды под более низкий процент, чем предлагали ростовщики и помещики, а владеющим избыточными средствами – высокий процент по вкладам. Сосредоточив в своих руках редакторскую деятельность Почаевской лавры и руководство Почаевским отделом Союза русского народа, он умело использовал эти инструменты для воплощения главной цели – облегчить положение малоземельных крестьян. Несмотря на возникшие трудности и препоны, чинимые как со стороны идейных противников, так и местной власти, архимандриту Виталию удалось создать масштабное банковское учреждение, имеющее развёрнутую сеть филиалов. Также вводится в научный оборот ранее не публиковавшиеся архивные источники и малоизвестные материалы периодических изданий Волынской губернии.

Ключевые слова: Виталий (Максименко), Почаевский банк, аграрный вопрос, Русская православная церковь, православное духовенство, черносотенцы.

Vitaliy (Maksimenko) and his efforts to create the Pochaiv Bank

E.O. Kovaleva

St. Petersburg State University

7/9 University Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: st055567@student.spbu.ru

Abstract

Drawing on previously unpublished archival sources and new materials of periodicals of the Volhynian province, the article examines the history of The Pochaev-Volhynian People's Loan Society and the role of Archimandrite Vitaly (Maksimenko) in the creation of the Pochaiv Bank. Particular attention is paid to the analysis of historical realities and the problems Father Vitaly had to face during the implementation of this project. In the early 20th century, several factors influenced the agrarian question in the Volhynian Governorate. The price of the fertile lands of this region was constantly growing, and the Volhynian peasants could not compete with the expansion of the non-native population (Jews, Poles, Germans). Having no alternative and suffering from a lack of land, the peasants were forced to borrow money either at an extremely high percentage from the Jews, or on very difficult terms from the landowners. To alleviate the situation of the Volhynian peasantry, Vitaly (Maksimenko) created a credit institution to give loans to the needy at a lower interest rate than those offered by usurers and landowners. Those who own excess funds could get a high interest rate on deposits. Having concentrated in his hands the editorial of the Pochaev Lavra and the leadership of the Pochaev Department of the Union of the Russian People, Archimandrite Vitaliy (Maksimenko) achieved the main goal of alleviating the situation of land-poor peasants. Despite the difficulties and obstacles that arose from both ideological opponents and local authorities, managed to create a large-scale banking institution with an extensive network of branches.

Key words: Vitaly (Maksimenko), Pochaiv Bank, agrarian issue, Russian Orthodox Church, Orthodox clergy, Black Hundreds.

Имя архиепископа Виталия (в миру – Василия Ивановича Максименко; 1873–1960) хорошо известно как историком Церкви, так и исследователям политической истории Российской империи начала XX в. Первые обычно вспоминают о нём как о видном иерархе Русской православной церкви за границей (РПЦЗ), архиепископе Восточно-Американском и Джерзейситском, члене Синода РПЦЗ, много сделавшим для становления и развития джорданвилльского мужского монастыря во имя Св. Троицы (штат Нью-Йорк) и возник-

шей при нем семинарии [25]; вторые – как об одном из самых ярких лидеров черносотенного движения на Волыни [50]. Но хотя активная церковная и общественно-политическая деятельность владыки нашла отражение в историографии, обстоятельной работы, посвящённой его жизненному пути и взглядам, до сих пор так и не создано.

Имеющаяся историография представлена несколькими статьями, специально посвящёнными Виталию (Максименко), в которых рассмотрены отдельные аспекты его деятельности. Их условно можно разделить на четыре группы. Первая – это статьи в журнале «Православная Русь», написанные по случаю юбилеев со дня рождения, архиерейского служения, а затем годовщин со дня кончины владыки церковными авторами, бывшими лично знакомыми с архиепископом Виталием и в силу вкрапленной в них мемуарной составляющей, являющимися и источниками, и первыми попытками осмысления его деятельности [17; 24; 27; 32; 52]. Вторая группа работ посвящена отдельным вопросам биографии владыки и написана, как правило, уже исследователями [33; 39; 40]. К третьей группе можно отнести монографии, посвящённые черносотенному движению, в которых о. Виталий (тогда – архимандрит, упоминается как лидер Почаевского отдела Союза русского народа (СРН) [22; 23; 28; 51; 54] и исследования, посвященные взаимоотношению Российской Православной Церкви и черносотенных организаций [1; 15; 21; 26; 55].

При этом вопрос, касающийся истории возникновения и деятельности Почаевского банка, созданного по инициативе Виталия (Максименко), рассматривается лишь в работах А.Л. Вычугжанина [7–9], да и то лишь отчасти. Автор рассмотрел деятельность Общества «Почаево-Волынский народный кредит», проанализировал с экономической точки зрения успешность банка, опираясь на материалы его годовых отчётов, однако обошел вниманием общественно-политические процессы, которые привели к появлению данного банка, и «внутреннюю кухню», связанную с воплощением этой инициативы в жизнь. В связи с этим цель данной статьи – осветить не только историю создания Почаевского банка, масштабы его экономической деятельности и результаты функционирования, но и те трудности, с которыми приходилось сталкиваться архимандриту Виталию в этом непростом деле.

Для понимания мировоззрения архимандрита Виталия, без которого трудно понять мотивы многих его поступков, необходимо кратко остановиться на его биографии. Родился В.И. Максименко 8 августа 1873 г. в с. Глафировка Екатеринославской губернии в многодетной семье диакона. Мальчик рано осиротел, с братьями и сёстрами его перевезли к дяде о. Василию Диаковскому [3: 168]. Позже Василий

поступил в Мариупольское духовное училище, затем в Екатеринославскую духовную семинарию, а после был зачислен «волонтёром по экзамену в Киевскую Академию» [3: 168]. Однако в 1896 г. был из неё отчислен за участие в студенческих беспорядках без права поступления в другие учебные заведения. Возмущение студентов было вызвано не столько политическими, сколько экономическими причинами. Эконом Киевской духовной академии утаивал часть продуктов, которые должны были поступать учащимся, что и вызвало их недовольство. О. Виталий в своих воспоминаниях назвал этот бунт «гороховой забастовкой» [3: 173]. Студенты проигнорировали ежегодный традиционный чин прощения, организованный ректором, за что на следующий день их принудили писать объяснительные. Реакцией на события 1895–1896 гг. стало усиление контроля инспекторов за семинаристами [47: 43–44]. Василий Максименко «фактично и прямолинейно» [3: 173] изложил свое видение проблемы, за что тут же был отчислен. Впоследствии эта черта характера – выражать свои мысли открыто и независимо – была свойственна о. Виталию на протяжении всей жизни [12; 39]. После отчисления В. Максименко устроился школьным учителем в с. Прядивка, где «отдался учёбе со всем молодым жаром» [3: 174] и обратил на себя внимание ректора Казанской духовной академии Антония (Храповицкого), благодаря содействию которого был восстановлен на 2-м курсе Казанской академии. За это время он тесно сблизился с епископом Антонием, который относился к нему с особой теплотой до конца своих дней и стал его покровителем. Не без влияния будущего Первоиерарха РПЦЗ Василий на 4-м курсе академии принял монашеский постриг с именем Виталий. Представляется, что и его политическое мировоззрение сложилось при непосредственном влиянии взглядов Антония (Храповицкого), являвшегося одним из самых авторитетных архиереев в монархическом лагере [16].

На протяжении трёх лет иеромонах Виталий (Максименко) преподавал в духовной семинарии в с. Ардонское под Владикавказом [50: 99]. В 1902 г. он был переведён по инициативе Антония (Храповицкого) в Волынскую епархию, где ему поручили восстановление запустевшей Почаевской типографии. В 1903 г. его возвели в сан архимандрита. За время своего пребывания в Волынском крае о. Виталий смог провести в жизнь большое количество важных мероприятий. Он восстановил разрушенную типографию, редактировал издаваемую ей периодику. Кроме того, он возглавил Почаевский отдел СРН, через который активно распространял монархические идеи в этом регионе. Другим его важным начинанием стало открытие Почаевского банка. «Архимандрит Виталий достоин всяческой поддержки от власти

церковной и гражданской, потому что все доброе, чем прославилась Вошьинь за эти последние годы, создано всецело им и никем другим» [45: 4], – отмечал Антоний (Храповицкий) в одном из писем.

Одним из самых острых вопросов в Вошьинской губернии являлся аграрный. Во-первых, земля здесь была дорогой, что объяснялось высокой плодородностью почв и близостью с Австро-Венгрией, что означало возможность быстрого сбыта сельскохозяйственной продукции. Во-вторых, в этом регионе проживало достаточно большое количество поляков, немцев и евреев, бороться с экономическим влиянием которых и был призван Почаевский банк. В данном вопросе практически невозможно отделить его деятельность от работы отделов СРН на Вошьини. Не случайно даже даты и место собраний членов «Почаево-Вошьинского народного кредита» [18: 4] и Почаевского отдела СРН совпадали.

Центральным местом, объединившим местный отдел СРН и банк, служила Почаевская лавра. В «Земщине» писали об обители: «Благодаря этому доблестному монастырю, вся Вошьинь покрыта Союдами русского народа. Почти все крестьянство объединено под трёхцветным знаменем Православия, Самодержавия и русской России» [49: 4]. Кроме того, отмечалось, что помимо религиозно-просветительской инициативы, отделы Вошьинского округа «немало потрудились и для материального блага народа» [49: 4] через организацию кредитных товариществ, потребительских обществ и обществ трезвости.

Закономерным было бы считать отправной точкой истории Почаевского банка 1911 г., когда министром финансов В.Н. Коковцовым был утверждён устав общества, определивший правовые основы его функционирования. Однако активность по данному вопросу Вошьинская епархия проявляла и ранее, поскольку Почаевская лавра, «всегда близко стоявшая к народу и отзывчиво относившаяся к его нуждам» [42: 67], не могла оставаться в стороне. Как сообщал начальник Переселенческого управления Г.В. Глинка, «два года назад он (Виталий. – Е.К.) делал то, что должны были делать земства, – группировать переселенцев от Польши и Подолии. Ему мы давали доли и участки. Все было им сделано прекрасно...» [42: 1].

Другим каналом оказания материальной помощи крестьянству были союзные лавки, целью которых являлось ослабление еврейского влияния в торговле. Главное отделение находилось при лавре, по сёлам открывались филиалы: «Не можешь ты отброниться от жидовского грабежа в одиночку, берись за это с союзом: заведи себе союзную лавку, чтобы там было все тебе нужное и по дешёвой цене» [5: 29]. Лавки принимали вклады, минимальная сумма которых составляла 5 руб. [48], а уполномоченные в сельских филиалах

осуществляли поиск вкладчиков. Для этих целей также активно использовали периодические издания. Эти меры были достаточно результативными, Почаевский союзный склад процветал [48], еврей-торговцы, недовольные таким ходом событий, прибегали к различным мерам, чтобы снизить популярность союзных лавок: перебивали им цены, распускали слухи об их неблагонадёжности. «Почаевские известия» сообщали, как один вкладчик, внёсший в союзную лавку 100 руб. ещё при её основании в 1906 г., услышал от местных евреев, что его деньги пропали и ничего он обратно не получит, когда явился в лавку и потребовал вложенные средства обратно, то получил сумму с процентами – 114 руб. 40 коп. (14,4 % за год) [31: 3]. В 1912 г. оппозиционная газета «Волынь» распространяла сведения, что продукты в союзной лавке «оказались недоброкачественными», поэтому почаевцы пускали в ход «квачи» против «всех непризнающих союзной снеди и доказывающих её неудобоваримость для народного желудка» [34: 3]. Однако попытки дискредитировать детища архимандрита Виталия успехом не увенчались.

Постепенно население подводили к мысли о том, что было бы неплохо завести свой банк на Волыни, который бы предоставлял ссуды крестьянам под достаточно низкий процент и принимал от них вклады на выгодных условиях. В качестве примера приводилось общество «Сельскохозяйственный кредит» в Кишинёве, которое предоставляло ссуды на выгодных условиях и помогало устанавливать «непосредственные сношения с крупными купцами и фабрикантами как в России, так и за границей» [20: 4]. В этом отношении союзные лавки тоже внесли большой вклад, поскольку покупали продукцию у населения по более выгодным ценам, чем те, что ранее предлагали волынским крестьянам евреи. Анализируя статистику функционирования земельных банков и городских кредитных обществ, «Почаевские известия» отмечали, что первые получают на капитал от 11 до 15 %, а вторые приобрели за 1901 г. 1 млн 700 тыс. руб. чистой прибыли. В конце статьи выдвигалась идея о необходимости учредить такой банк, чтобы те, кто имеет свободные деньги, получал бы хороший процент, а кто нуждается, легко могли бы занять у своих, а не у еврейских ростовщиков [14: 2 – 3].

В 1911 г. «Почаево-Волынский народный кредит» начал свою работу. Согласно уставу, целью его деятельности являлось предоставление ссуд лицам, занимающимся преимущественно промышленностью, торговлей и сельским хозяйством. При вступлении в члены Общества вносилось 10 % от суммы допущенного кредита, из которых складывался оборотный капитал. Минимальный размер выдаваемой ссуды составлял 50 руб., максимальный же определялся соразмерно

успешности развития банка, но не мог «превышать более чем в 50 раз низший размер кредита» [53: 3]. Функционирование Общества начиналось после вступления в ряды его членов в течение 6 месяцев не менее 50 человек и предоставления Почаевским СРН вклада в размере 12 тыс. руб. Покинуть Общество можно было в любое время, подав заявление в его правление, однако это не освобождало от ответственности по возмещению убытков по операциям. Управленческая структура включала три компонента: 1) общее собрание; 2) совет; 3) правление.

Условия предоставления кредитов и держания вкладов были следующими. Ссуды выдавались под 10 % годовых, из которых 2 % шло на содержание учреждения и служащих, а 8 % предлагались вкладчикам. Срочные вклады принимались под следующие проценты: до 6 месяцев – 4,5 %, от полугода до 1 года – 5 %, на 1–3 года – 6 %, на 3–5 лет – 7 %, свыше 5 лет – 8 %.

В уставе также отмечалось, что члены Общества *«не могут быть в то же время членами другого Общества взаимного кредита»* и обязательно должны быть *«русскими подданными, православного вероисповедания»* (выделено мной. – Е.К.) [53: 1].

К непосредственной своей деятельности банк приступил в марте 1911 г., однако его открытие было сопряжено с рядом трудностей. Помехами послужили препятствия от местных властей и отсутствие денежных средств для выдачи первоначальных ссуд. Кроме того, левая периодическая печать иронизировала не только над идеей создания банка, но и относительно фигуры его учредителя – «народного печальника о. архимандрита Виталия» [35: 2]. Несмотря на все это, проект стал воплощаться в жизнь и приносить результаты. Местная ревизионная комиссия, анализирувавшая деятельность банка за первый операционный год, фиксировала, что с ведением документации и исчислением взносов и процентов по ссудам у него проблем нет. Согласно содержанию доклада об итогах работы банка за первые 9 месяцев (с 22 марта по 31 декабря 1911 г.), в ряды его членов записались 1 038 человек, из которых выбыло только 5 [43: 15], 755 из них были заёмщиками, получившими ссуду 146 223 руб. Оценивая успешность первого года функционирования банка, А.Л. Вычугжанин отмечал, что общий оборот составил 746 849 руб., но самое главное – «755 человек, среди которых преобладали крестьяне, были вырваны из цепких рук ростовщиков» [7: 105].

На вторичном собрании «Почаево-Волынского народного кредита», где заслушивался годовой отчёт, были приняты постановления, в которых содержался ряд поручений, возложенных на архимандрита Виталия: ходатайствовать перед министром финансов о назначении

правительственной ревизии и о выдаче субсидии «в возможно наибольшем размере», об открытии в Государственном банке текущего беспроцентного счета в размере суммы членских обязательств, «об освобождении Народного Кредита от уплаты в казну всех решительно налогов в течении 5 лет» [29: 16].

В результате в декабре 1911 г. о. Виталием было направлено ходатайство «о выдаче 10 тыс. рублей досрочной беспроцентной ссуды банку из переселенческих средств», поскольку «назначение этого капитала – выдача крестьянам помощи на покупку надельной земли у переселенцев» [42: 3]. В январе 1912 г. от главноуправляющего землеустройством и земледелием пришёл ответ с одобрением ссуды, но подчёркивалось, что общество должно выдавать деньги только в «тех случаях, когда этою выдачею облегчается покупка земли лицами русского происхождения и у таких переселяющихся в Азиатскую Россию крестьян, за коими уже обеспечено земельное устройство в Азиатской России» [42: 23].

В задачи Почаевского банка входила не только борьба с польским и еврейским влиянием в регионе, но и с «немецким засильем». Волынь «уже оторвана польскими зубами и переваривается теперь в немецком соке», – писал по этому поводу о. Виталий [4: 1]. После принятия в годы Первой мировой войны «ликвидационного законодательства» [13], на страницах «Почаевских изданий» стали появляться статьи с объявлениями о продаже отчуждаемой у немцев-колонистов земли (160 тыс. десятин). Поскольку сделать это необходимо было как можно скорее, то цена на землю значительно снизилась. Руководители банка обращались к населению: «Волыняне, помните, что вам на это легко можно получить деньги из Почаевского кредита. Не прозевайте!» [41: 2].

В 1915 г. совет Общества «Почаево-Волынского народного кредита» подал специальное прошение в Крестьянский поземельный банк о желании «принять участие в деле ликвидации немецкого землевладения на Волыни путем выдачи ссуд на покупку продаваемой немцами-колонистами земли» [44: 1а], но поскольку средств для этих целей было недостаточно, то следом было направлено ходатайство о «субсидии из средств казны в 500 000 р.» [44: 1а]. В результате исследования деятельности Почаево-Волынского народного кредита министром финансов были утверждены следующие меры помощи: перевести часть ссуд в Крестьянский банк, приблизить его с правовой точки зрения к учреждениям мелкого кредита, ввести в совет Общества одного инспектора для наблюдения.

Исходя из того, что Почаевский банк практически каждый год получал беспроцентную ссуду, можно сказать, что государство высоко

ценило его деятельность. Так, в апреле 1912 г. было удовлетворено ходатайство архимандрита Виталия о выдаче ссуды в размере 50 тыс. руб. [42: 24, 29], дела банка налаживались, он «пережил уже самое трудное время» [37: 4]. После этого было подано прошение уже на 150 тыс. руб. [35: 2].

Однако правительственная ревизия, посетившая банк летом 1913 г., отмечала в отчёте, что полученные в кредит средства тратятся крестьянами не столько на покупку самой земли, сколько на раздачу долгов – евреям или помещикам. Другой недостаток его работы состоял в том, что одобрение на выдачу ссуды нужно было ждать год, а иногда и дольше. За этот период цены на землю успевали значительно вырасти и испрашиваемой суммы уже не хватало. Кроме того, банк, как правило, одобрял лишь половину из запрашиваемой суммы. Но были и исключения. Так, Почаевский банк выделил 5 тыс. руб. на покупку земли крестьянам с. Валигуры, а крестьяне д. Комарина получили на те же цели 60 тыс. руб. [36: 2].

Нередко местное население было вынуждено занимать деньги у евреев под 30–40 % годовых [42: 68]. Несмотря на такой высокий процент, крестьяне благодарили евреев, «говоря “без жидив” бы не купили ни одной десятины земли» [42: 68]. Также деньги на покупку земли брали и у помещиков. Здесь процент был значительно ниже, не более 12 %, но при этом сроки возвращения кредита были довольно короткими и трудновыполнимыми [42: 68].

Ещё один недостаток в деятельности Почаевского банка был связан с ролью приходских советов и состоящих при них касс, которые открывались в сёлах с целью упрощения процедуры получения ссуды. На каждую сельскую кассу Почаевский банк выделял до 2 500 руб. (авансовый капитал), а приходскому совету было вверено: «1) получать частичные погашения ссуд, взятых... членами данного прихода, 2) принимать от прихожан взносы рублёвые на земельный фонд и десятипроцентные, 3) принимать вклады, 4) выдавать краткосрочные ссуды» [38: 1]. Таким образом, Почаевский банк открывал своеобразную сеть «филиалов», которые не только с территориальной точки зрения делали кредит доступнее, но и укрепляли связь и доверие между банком и крестьянством. Ведь сотрудниками приходских советов и касс являлись знакомые крестьянам сельские батюшки, как правило, вызывавшие у них доверие. Но проблема заключалась в том, что многие приходские советы банка относились к делу формально, давали краткие и бессодержательные отзывы по ходатайствам, не ставили в известность правление банка по вопросам изменения платёжеспособности заёмщиков, да и вообще оказались не очень компетентными. Были и случаи явного злоупотребления. Как отмеча-

лось в материалах ревизии, находились такие священники, которые при выдаче ссуд крестьянам удерживали «в свою пользу некоторый процент за хлопоты» [42: 64].

Однако, несмотря на перечисленные проблемы и недостатки в деятельности Почаевского банка, пользы от его функционирования, безусловно, было больше. Это отмечали и сами крестьяне. Так, член Житомирской уездной землеустроительной комиссии Соколов писал, что крестьяне довольны Почаевским кредитом, «ибо в деревне нельзя совершенно достать денег», и расширение деятельности банка «является полезным для крестьянского населения» [42: 69]. По результатам ревизии директор Государственного банка Н.И. Бояновский пришёл к выводу, что хотя Почаевский банк «производит операции неумело, допуская разнообразные нарушения закона и банковых правил», но при этом «делает полезнейшее для русского крестьянского населения Волыни дело» [42: 70]. Кроме того, уже через четыре месяца после ревизии в порядке ведения документации и финансовом положении общества наметились значительные улучшения. Продолжался и рост численности его участников. К ноябрю 1913 г. оно насчитывало уже 4 217 членов, а баланс за несколько месяцев возрос с 577 до 673 тыс. руб., в то время как сумма неудовлетворенных ходатайств сократилась с 300 до 200 тыс. руб., а поступление срочных взносов по ссудам происходило без серьёзных запозданий [44: 117].

Необходимо отметить, что на деятельность Почаевского банка оказывали влияние и идеологические расхождения, которые существовали между архимандритом Виталием и правительством относительно столыпинской аграрной реформы. Архимандрит Виталий на страницах редактируемых им изданий негативно отзывался о землеустроительных работах, а поскольку он пользовался популярностью среди населения, то это доставляло власти большие неудобства. В отчёте по ревизии банка отмечалось, что все недовольства местного населения землеустроительными работами обнаруживались после посещения о. Виталия, а в районах, наиболее близких к Почаеву, «ни одной землеустроительной работы довести до конца не удалось» [42: 60]. В Юго-Западном крае возникло целое движение аграрного характера. Крестьяне устроили ряд «экономических стачек и забастовок с целью увеличения заработной платы и уменьшения арендных цен на землю польских помещиков» [46: 16], полагая, что эти меры заставят помещиков продавать свои земли по более низкой цене. Кроме того, они резко критиковали правительственные меры в этой области, «поставив себя в оппозиционные отношения с местными властями» [46: 16].

Для расследования причин такого поведения в Юго-Западный край был командирован статский советник Дьяченко. В результа-

те удалось установить, что подобные брожения возникали в тех местностях, где открывались отделы Почаевского СРН. Особая роль отводилась литературе, бесплатно распространяемой Почаевской лаврой во главе с архимандритом Виталием. В письме министра внутренних дел Н.А. Маклакова, адресованном обер-прокурору Св. Синода В.К. Саблеру, указывалось, что рассылаемые брошюры не только подрывают авторитет правительства в Юго-Западном крае и Бессарабии, но и «сеют классовый антагонизм, угрожающий экономическому положению» [46: 16] этого региона. В конце министр поднимал вопрос о целесообразности прекращения на будущее время распространения этой литературы. Саблер написал письмо архиепископу Антонию (Храповицкому), в котором просил его «принять меры архипастырского воздействия на архимандрита Виталия» [46: 23]. В итоге архимандрит Виталий составил ходатайство об освобождении его с поста редактора «Русского инока», но за ним оставались «Почаевский листок», «Волынские епархиальные ведомости» и «Волынская земля». Кроме того, в отношении «Русского инока» он сохранил общий надзор и руководство по изданию. Статьи же с критикой правительства как выходили до этого, так и продолжали публиковаться после. Огромную роль здесь сыграло покровительство архиепископа Антония. Не случайно в ревизии отдельно отмечалось, что хотя архимандрит Виталий и занимает в лавре особое положение, он напрямую зависит от поддержки и доверия епархиального архиерея. В случае смены Антония «можно с большей вероятностью ожидать, что местное сельское духовенство, равно как и братья Лавры... отрекутся от доброжелательного отношения к банку» [42: 59].

Другой составной частью аграрной политики П.А. Столыпина было поощрение переселения крестьян в Сибирь. Архимандрит Виталий через издания Почаевской лавры поддерживал эту идею, поскольку не видел ей альтернативы, однако делал это в значительной степени вынуждено. Отвечая на вопрос о переселении волинских крестьян, о. Виталий давал понять, что лучше бы власть оказывала им помощь здесь, на Волини, а переселяло в азиатскую часть страны инородцев [2: 2]. В ходе осуществления столыпинской аграрной политики важной задачей становилась продажа уезжающими крестьянами своих наделных земель. Чтобы предоставить им хотя бы какую-то помощь, была составлена подробная инструкция для крестьян с перечнем необходимых действий и документов, которые потребуются для осуществления сделок [11: 3–4]. Помимо этого, бесплатно распространялись справочные книги для переселенцев [30: 1].

Помимо выдачи кредитов и приёма вкладов Почаевский банк занимался и благотворительной деятельностью. На общем собрании

Общества от 11 февраля 1914 г. было принято решение учредить несколько стипендий для проявивших способности учеников местных мужских и женских школ, а также отчислять из прибыли банка 200 руб. для помощи бедным [43: 46–47].

Несмотря на масштабы деятельности и общую направленность банка, у него находилось много недоброжелателей. Газета «Волынь» в 1911 г. подшучивала над воззванием Виталия к местному духовенству, в котором говорилось о том, чтобы «все церкви вносили в банк деньги на выгодных условиях, а... духовные лица вступали в члены банка», указывая, что по закону «церковные капиталы нельзя отдавать ни в предприятия, ни в рост» [6: 3]. А евреи из г. Лановцы и с. Святец вообще успели «похоронить» о. Виталия, предусмотрительно предупредив крестьян, что теперь деньги в Почаевский банк нести не нужно: «Виталий умер уже, и его похоронили, то чего вам идти у Почаев до банка» [19: 4].

Если последний выпад против архимандрита Виталия едва ли нуждается в комментарии, то относительно первого стоит заметить следующее. Согласно каноническому праву, священнослужитель действительно не имеет права давать деньги в рост (44-е апостольское правило или 10-е правило Трулльского собора), однако в царской России существовала практика хранения церковных денег в банках, так что хоть и косвенно, но духовенство участвовало в получении процентов. Это кажущееся противоречие разрешалось тем, что каноническая норма была направлена на борьбу со стяжательством клириков, а банковская деятельность о. Виталия личных выгод не преследовала, поскольку ставила своей целью борьбу с инородческим ростовщичеством и установление для крестьянства самого низкого процента. Кроме того, ещё за два года до этого Св. Синод дал разрешение священнослужителям на участие в деятельности кредитных товариществ. Архиепископ Антоний (Храповицкий) в ответе на письмо министра финансов «с просьбой об активном привлечении священнослужителей к участию в деятельности кредитных товариществ (1909 г.)» [7: 102] отмечал, что Почаевская лавра ещё в 1908 г. предложила «через благочинных и настоятелей монастырей причтам епархии вносить свободные денежные церковные вклады в учреждения мелкого кредита и разъяснять прихожанам пользу от участия в этих учреждениях» [7: 102].

С началом Первой мировой войны архимандритом Виталием было написано прошение в Главное переселенческое управление, в котором он сообщал, что «вследствие занятия значительной части сел неприятелем и эвакуации населения... а также поступления на военную службу значительного числа членов Почаево-Волынского Народного

Кредита – заёмщиков» [42: 99], поступления средств в 1914–1915 гг. являются неполными. Поскольку банк затратил большую сумму на эвакуацию (с. Зогулинцы, Киевская губерния), но оставил прежними платежи налогов, займов и вкладов, то в 1915 г. «оказался в большом убытке /23 564 р. 73 к./» [42: 99]. В силу перечисленных обстоятельств архимандрит Виталий просил отсрочить на 5 лет уплату десяти тысячной ссуды, выданной банку в 1912 г. Прошение было удовлетворено, и платёж отсрочили до 1927 г.

Нельзя не сказать отдельно о личной роли архимандрита Виталия в создании Почаево-Волынского народного кредита, который он «счёл долгом своей совести... употребить все силы, чтобы помочь удержать искони русскую землю от инородческого захвата в русских руках, чтоб охранить народ от революционных бредней, показать ему законом дозволенный путь решения земельного вопроса...» [4: 2]. Он не только являлся идейным вдохновителем этого дела, но и активно способствовал расширению капитала банка для облегчения положения волынских крестьян. Отец Виталий искренне переживал из-за малоземелья и денежных тягот крестьян. Не случайно многие современники отмечали в воспоминаниях особую связь между Виталием и его паствой. Так, архимандрит Киприан (Пыжов) указывал, что крестьяне-карпаторуссы называли его не иначе как «Отец Владыка», поскольку он всегда относился к ним по-отечески. Антоний (Храповицкий) отмечал, что Виталий «дома в лавре всегда беседует с проходящими крестьянами» [39], однако эти целодневные приёмы казались ему недостаточными, поэтому архимандрит отправлялся в «крестные ходы на 100 вёрст и более, поучая народ по деревням, и селам, и городам, не взирая на угрожающие признаки близкой чахотки и нисколько не дорожа жизнью за веру, за Царя, за родину» [45: 4]. Так и со стороны государственных учреждений факт близости Виталия с его паствой не оставался незамеченным. Начальник Переселенческого управления Г.В. Глинка писал, что Виталий «очень почтенный, имеющий большую популярность среди народа человек» [42: 1]. Рупор русских националистов газета «Киевлянин», рассматривая вопрос об экономической защите русского населения от инородцев, указывала именно на о. Виталия «как на весьма замечательного в этом отношении деятеля» [10: 3]. Сам архимандрит говорил, что ему «нестерпимо жаль видеть», как Волынь «постепенно поглощается иностранцами» [10: 4], что и заставило перейти к решительным действиям и создать особый крестьянский банк – «благодетельное для народа учреждение, имеющее большое национально-государственное значение» [10: 4].

За сравнительно небольшое время архимандриту Виталию удалось создать масштабное банковское учреждение, имеющее развёрнутую

сеть филиалов. Сосредоточив в своих руках руководство Почаевским отделом СРН, типографией и банком, он развернул бурную деятельность, направленную на облегчение аграрного вопроса в Волынской губернии. Вопреки той критике, которая обрушивалась на деятельного монаха как со стороны его политических оппонентов, так и правительственных учреждений, ему во многом удалось реализовать поставленные задачи и доказать на деле, что правая оппозиция способна не только на критику, но и на реальные дела. И если раньше, например, в сильно ангажированной работе советского автора Б.П. Кандидова, делался неутешительный вывод о деятельности «Почаево-Волынского народного кредита» [21], то сегодня, опираясь на материалы архивных документов и периодических изданий, следует пересмотреть эту оценку. Хотя далеко не все из задуманного о. Виталием удалось реализовать в полной мере (на что были как объективные, так и субъективные причины), его деятельность по организации на Волыни доступного для крестьян кредита была высоко оценена государством и самое главное – крестьянством.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Agursky M.* Caught in a Cross Fire: The Russian Church between Holy Sinod and Radical Right. 1905–1908 // *Orientalia Christiana Periodica*. 1984. № 50. P. 163–196;
2. В Сибирь на вольные земли // Почаевские известия. 1909. 24 апреля. № 743. С. 2.
3. *Виталий (Максименко)*. Мотивы моей жизни. Holy Trinity Monastery, Jordanville, N.Y., 1955. 207 с.
4. *Виталий (Максименко)*. Русские люди, уделите внимание. Почаев, 1913. 8 с.
5. *Виталий (Максименко)*. Союзная наука. Библиотека Волынского Союза русского народа. Почаев, 1909. 30 с.
6. Вопрос о Почаевском банке // Волынь. 1911. 18 декабря. № 7. С. 3.
7. *Вычугжанин А.Л.* Банк Почаевской лавры // *Экономические стратегии*. 2012. № 2. С. 101–109.
8. *Вычугжанин А.Л.* Церковь, деньги, кредит. Тюмень, 2014. 816 с.
9. *Вычугжанин А.Л.* Участие русской православной церкви в развитии кредитной кооперации // *Экономические стратегии*. 2010. № 12. С. 100–112.
10. Деятельность о. Виталия // Жизнь Волыни. 1911. 4 октября. № 252. С. 3.
11. *Дикарев А.* Как переселенцу выгоднее продать свою надельную землю // Почаевские известия. 1909. 18 марта. № 715. С. 3–4.
12. *Евлогий (Георгиевский)*. Путь моей жизни: Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/344> (дата обращения: 02.01.2022).

13. *Ерохина О.В.* «Ликвидационное законодательство» Первой мировой войны // Вестник МГГУ им. Шолохова. 2014. № 1. С. 69–81.
14. Земельные банки и городские кредитные общества // Почаевские известия. 1909. 4 апреля. № 727. С. 2–3.
15. *Иванов А.А.* Православное духовенство и правые политические движения в России начала XX века (по материалам церковной прессы) // Научный диалог. 2021. № 1. С. 286–305.
16. *Иванов А.А.* Проблематика русского национализма в статьях и проповедях митрополита Антония (Храповицкого) // Русин. 2019. № 58. С. 58–78.
17. *Иоанн (Шаховской)*. Архимандрит Виталий // Биография юности. Гл.: Установление единства. Париж, 1977. С. 375–378.
18. К сведению членов общества взаимного кредита под наименованием «Почаево-Волынский народный кредит» // Волынская земля. 1915. 16 января. № 12. С. 4.
19. Как жиды о. Виталия хоронили! // Жизнь Волини. 1911. 31 октября. № 277. С. 4.
20. Как русским можно самим себе помочь // Почаевские известия. 1909. 21 марта. № 718. С. 4.
21. *Кандидов Б.П.* Крестом и ногойкой. М., 1928. 39 с.
22. *Карпунин Д.В.* Чёрная сотня: вехи осмысления в России. М., 2009. 387 с.
23. *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001. 464 с.
24. *Константин (Зайцев)*. Авва Виталий // Православная Русь. 1960. № 6. С. 5–6
25. *Косик В.И.* Виталий (Максименко) // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2004. Т. 8. С. 561–563.
26. *Мошненко А.В.* Православное духовенство и Союз русского народа: проблемы взаимоотношений // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 «История». 2014. № 4 (28). С. 14–22.
27. *Никон (Рклицкий)*. Архиепископ Виталий: К 100-летию со дня рождения // Православная жизнь. 1973. № 8. С. 11–28.
28. *Омельячук И.В.* Черносотенное движение на территории Украины (1904–1914 гг.). Киев, 2000. 168 с.
29. Отчёт Общества взаимного кредита под наименованием Почаево-Волынский народный кредит за первый операционный 1911 г. Почаев, 1912. 19 с.
30. Очень необходимо для желающих переселиться в Сибирь // Почаевские известия. 1909. 21 марта. № 718. С. 1.
31. Паи Почаевский союзной лавки // Почаевские известия. 1909. 22 мая. № 762. С. 3.
32. *Помазанский М.И.* Жизнь-подвиг: (К 25-летию архиерейского служения вл. Виталия) // Православная Русь. 1959. № 8. С. 5–7.
33. *Поповкин А.А.* Архиепископ Виталий (Максименко) как всеславянский деятель // Славянский альманах. 2003. М., 2004. С. 69–71.
34. Почаевские «квачи» // Волянь. 1912. 14 апреля. № 100. С. 3.

35. Почаевский народный банк // Волинская земля. 1912. 21 апреля. № 18. С. 2.
36. Почаевский союзный банк // Волинская земля. 1912. 5 августа. № 101. С. 2.
37. Почаевский союзный банк // Волинская земля. 1912. 6 мая. № 29. С. 4.
38. Приходские кассы // Волинская земля. 1912. 11 мая. № 31. С. 1.
39. *Псарев А.* Архиепископ Виталий (Максименко). Исторический портрет к 50-летию со дня кончины // РПЦЗ-Обзор. Вопросы истории Русской Зарубежной Церкви. URL: <https://www.rocorstudies.org/ru/2017/07/30/ariepiskop-vitalij-maksimenko-istoricheskij-portret-k-50-letiyu-so-dnya-konchiniy> (дата обращения: 06.01.2022).
40. *Псарев А.В., Бурева В.В.* Братства преподобного Иова Почаевского и их роль в истории Русской Православной Церкви Заграницей // Труды Киевской духовной академии. 2012. № 16. С. 278–294.
41. Распродажа 160 000 десятин немецкой земли на Волини // Волинская земля. 1915. 5 марта. № 48. С. 2.
42. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Переселенческое управление МЗ. Оп. 4. Д. 1411. О выдаче ссуды Соединенному собранию Совета правления общества взаимного кредита «Почаево-Волинский народный кредит».
43. РГИА. Ф. 583. Особенная Канцелярия по кредитной части МФ. Оп. 2. Д. 2564. Отчёты Почаево-Волинского общества взаимного кредита.
44. РГИА. Ф. 592. Государственный Крестьянский поземельный банк. Оп. 44. Д. 734. Дело о согласовании деятельности Банка с обществом взаимного кредита «Почаево-Волинский народный кредит» и об участии общества в деле ликвидации немецкого землевладения в Волинской губернии.
45. РГИА. Ф. 797. Канцелярия обер-прокурора Синода. Оп. 78. Раздел: Отделение III / стол 5. Д. 98. О газете «Почаевские известия» («Почаевские вести», «Почаевский листок»).
46. РГИА. Ф. 797. Канцелярия обер-прокурора Синода. Оп. 83. Отд. II / Стол 3. Д. 361. Об издании «Почаевского листка».
47. РГИА. Ф. 802. Учебный комитет при Синоде. Оп. 10. Отчёты/Раздел I. Д. 21. Отчёты Киевской епархии Киевской духовной семинарии и училищ.
48. *Седова Я.* Вклад иеромонаха Илиодора (Труфанова) в создание Почаевского отдела Союза русского народа. URL: https://ruskline.ru/analitika/2018/10/2018-10-24/vklad_ieromonaha_iliodora_trufanova_v_sozdanie_pochaevskogo_otdela_soyuza_russkogo_naroda (дата обращения: 03.01.2022).
49. Союз русского народа на Волини // Земщина. 1910. 29 апреля. № 286. С. 4.
50. *Степанов А.Д.* Виталий (Максименко) // Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917 / сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов. М., 2008. С. 99–101.
51. *Степанов С.А.* Чёрная сотня. Что они сделали для величия России? М., 2013. 672 с.
52. *Тальберг Н.Д.* Жизненный путь архиеп. Виталия (Максименко) // Православная Русь. 1959. № 3. С. 4–7.

53. Устав Общества взаимного кредита под наименованием Почаево-Волынский народный кредит. Почаев, 1912. 32 с.
54. *Федевич К.К., Федевич К.И.* За Віру, Царя і Кобзаря. Киев, 2017. 308 с.
55. *Хижий М.Л.* Православие и идеология правого радикализма в начале XX столетия в России: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2006. 146 с.

REFERENCES

1. Agursky, M. (1984) Caught in a Cross Fire: The Russian Church between Holy Synod and Radical Right. 1905–1908. *Orientalia Christiana Periodica*. 50. pp. 163–196.
2. *Pochaevskie izvestiya*. (1909) V Sibir' na vol'nye zemli [To Siberian free lands]. 24th April. pp. 2.
3. Vitaliy (Maksimenko). (1955) *Motivy moey zhizni* [Motives of My Life]. Jordanville, N.Y.: Holy Trinity Monastery.
4. Vitaly (Maksimenko). (1913) *Russkie lyudi, udelite vnimanie* [Russian people, pay attention]. Pochaiv: [s.n.].
5. Vitaly (Maksimenko). (1909) *Soyuznaya nauka. Biblioteka Volynskogo Soyuznaya russkogo naroda* [The Union Science. The Library of the Volhynian Union of the Russian People]. Pochaiv: The Library of the Volyn Union of the Russian People.
6. *Volyn'*. (1911) Vopros o Pochaevskom banke [The question of the Pochaiv Bank]. 18th December. p. 3.
7. Vychugzhanin, A.L. (2012) Bank Pochaevskoy lavry [The Bank of Pochaiv Lavra]. *Ekonomicheskie strategii – Economic Strategies*. 2. pp. 101–109.
8. Vychugzhanin, A.L. (2014) *Tserkov', den'gi, kredit* [The Church, money, credit]. Tyumen: Titul.
9. Vychugzhanin, A.L. (2010) Uchastie russkoy pravoslavnoy tserkvi v razvitii kreditnoy kooperatsii [Participation of the Russian Orthodox Church in the development of credit cooperation]. *Ekonomicheskie strategii – Economic Strategies*. 12. pp. 100–112.
10. *Zhizn' Volyni*. (1911) Deyatel'nost' o. Vitaliya [The activity of Father Vitaly]. 4th October. p. 3.
11. Dikarev, A. (1909) Kak pereselentsu vygodnee prodat' svoyu nadel'nyuyu zemlyu [How a settler can sell his allotted land more profitably]. *Pochaevskie izvestiya*. 18th March. pp. 3–4.
12. Evlogiy (Georgievskiy). (n.d.) *Put' moey zhizni: Vospominaniya Mitropolita Evlogiya (Georgievskogo), izlozhennyye po ego rasskazam T. Manukhinoy* [My Life's Journey: The Memoirs of Metropolitan Evlogy (Georgievsky), narrated by T. Manukhina based on his stories]. [Online] Available on: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/2248> (Accessed: 2nd January 2022).
13. Erokhina, O.V. (2014) "Likvidatsionnoe zakonodatel'stvo" Pervoy mirovoy voyny ["Close-out legislation" of World War I]. *Vestnik MGGU im. Sholokhova*. 1. pp. 69–81.
14. *Pochaevskie izvestiya*. (1909) Zemel'nye banki i gorodskie kreditnyye obshchestva [Land banks and city credit societies]. 4th April. pp. 2–3.

15. Ivanov, A.A. (2021) Orthodox clergy and right-wing political movements in Russia at the beginning of 20th century: Church Press. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*. 1. pp. 286–305 (in Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-286-305

16. Ivanov, A.A. (2019) Problems of Russian nationalism in papers and sermons of metropolitan Anthony (Khrapovitsky). *Rusin*. 58. pp. 58–78 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/58/5

17. John (Shakhovskoy). (1977) *Biografiya yunosti. Ustanovlenie edinstva* [The Biography of Youth. Establishing Unity]. Paris: YMCA-Press. pp. 375–378.

18. *Volynskaya zemlya*. (1915) K svedeniyu chlenov obshchestva vzaimnogo kredita pod naimenovaniem "Pochaevo-Volynskiy narodnyy kredit" [For the attention of the members of the Mutual Loan Society "Pochaiv-Volhynian People's Loan"]. 16th January. pp. 4.

19. *Zhizn' Volyni*. (1911) Kak zhidy o Vitaliya khoronili! [How the Jews were burying Father Vitaliy!]. 31st October. p. 4.

20. *Pochaevskie izvestiya*. (1909) Kak russkim mozno samim sebe pomoch' [How Russians can help themselves]. 21st March. p. 4.

21. Kandidov, B.P. (1928) *Krestom i nogaykoy* [By the Cross and the Whip]. Moscow: Bezbozhnik.

22. Karpukhin, D.V. (2009) *Chernaya sotnya: vekhi osmysleniya v Rossii* [The Black Hundred: Milestones in comprehension of Russia]. Moscow: MSRU.

23. Kiryanov, Y.I. (2001) *Pravye partii v Rossii. 1911–1917 gg.* [The right-wing parties in Russia. 1911–1917]. Moscow: ROSSPEN.

24. Konstantin (Zaitsev). (1960) Avva Vitaliy [Avva Vitaly]. *Pravoslavnaya Rus'*. 6. pp. 5–6.

25. Kosik, V.I. (2004) Vitaliy (Maksimenko) [Vitaliy (Maksimenko)]. In: Patriarch of Moscow and All Russia. (ed.) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 8. Moscow: Orthodox Encyclopedia. pp. 561–563.

26. Moshnenko, A.V. (2014) Orthodox clergy and the Union of the Russian people: problems of relationship. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4 Istoriya – Science Journal of Volgograd State University. History*. 4(19). pp. 14–22 (in Russian). DOI: 10.15688/jvolsu4.2014.4.2

27. Nikon (Rklitsky). (1973) Arkhiepiskop Vitaliy: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya [Archbishop Vitaly: To the 100th anniversary of his birth]. *Pravoslavnaya zhizn'*. 8. pp. 11–28.

28. Omelyanchuk, I.V. (2000) *Chernosotennoe dvizhenie na territorii Ukrainy (1904–1914 gg.)* [The Black Hundred Movement in Ukraine (1904–1914)]. Kiev: Academpress.

29. Mutual Loan Society "Pochaiv-Volhynian People's Loan". (1912) *Otchet Obshchestva vzaimnogo kredita pod naimenovaniem Pochaevo-Volynskiy narodnyy kredit za pervyy operatsionnyy 1911 g.* [Report of the Mutual Loan Society "Pochaiv-Volhynian People's Loan" on the first operations of 1911]. Pochai: [s.n.].

30. *Pochaevskie izvestiya*. (1909) Ochen' neobkhodimo dlya zhelayushchikh

pereselit'sya v Sibir' [Necessary for those wishing to move to Siberia]. 21st March. p. 1.

31. *Pochaevskie izvestiya*. (1909) Pai Pochaevskoy soyuznoy lavki [Shares of the Pochaiv Union store]. 22nd May. p. 3.

32. Pomazanskiy, M.I. (1959) Zhizn'-podvig: (K 25-letiyu arkhieyreyskogo sluzheniya vl. Vitaliya) [Life as feat: (To the 25th anniversary of the archpastoral ministry of Vladyka Vitaly)]. *Pravoslavnyaya Rus*. 8. pp. 5–7.

33. Popovkin, A.A. (2004) Arkhiepiskop Vitaliy (Maksimenko) kak vseslavianskiy deyatel' [Archbishop Vitaly (Maksimenko) as an all-Slavic figure]. In: Robinson, M.A. (ed.) *Slavyanskiy al'manakh 2003*. Moscow: Indrik. pp. 69–71.

34. *Volyn'*. (1912) Pochaevskie "kvachi" [Pochaiv "Kvachi"]. 14th April. p. 3.

35. *Volynskaya zemlya*. (1912a) Pochaevskiy narodnyy bank [The Pochaiv People's Bank]. 21st April. p. 2.

36. *Volynskaya zemlya*. (1912b) Pochaevskiy soyuznyy bank [The Pochaiv People's Bank]. 5th August. p. 2.

37. *Volynskaya zemlya*. (1912c) Pochaevskiy soyuznyy bank [The Pochaiv People's Bank]. 6th May. p. 4.

38. *Volynskaya zemlya*. (1912d) Prikhodskie kassy [Parish cash desks]. 11th May. p. 1.

39. Psarev, A. (n.d.) Arkhiepiskop Vitaliy (Maksimenko). Istoricheskiy portret k 50-letiyu so dnya konchiny [Archbishop Vitaly (Maximenko). A Historical portrait to the 50th anniversary of his death]. *RPTsZ-Obzor. Voprosy istorii Russkoy Zarubezhnoy Tserkvi*. [Online] Available on: <https://www.rocorstudies.org/ru/2017/07/30/arhiepiskop-vitalij-maksimenko-istoricheskiy-portret-k-50-letiyu-so-dnya-konchiny> (Accessed: 6th January 2022).

40. Psarev, A.V. & Burega, V.V. (2012) Bratstva prepodobnogo lova Pochaevskogo i ikh rol' v istorii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi Zagranitsey [Saint Job of Pochaiv Brotherhoods and their role in the history of the Russian Orthodox Church Abroad]. *Trudy Kievskoy dukhovnoy akademii*. 16. pp. 278–294.

41. *Volynskaya zemlya*. (1915) Rasprodazha 160 000 desyatyn nemetskoy zemli na Volyni [The sale of 160,000 dessiatinas of the German land in Volhynia]. 5th March. p. 2.

42. Anon. (n.d.) *O vydache ssudy Soedinennomu sobraniyu Soveta pravleniya obshchestva vzaimnogo kredita "Pochaevo-Volynskiy narodnyy kredit"* [On granting the loan to the Joint Council of the Pochaiv-Volhynian People's Mutual Loan Society Board]. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 391. List 4. File 1411.

43. The Pochaiv-Volhynian Mutual Loan Society. (n.d.) *Otchety Pochaevo-Volynskogo obshchestva vzaimnogo kredita* [Reports of the Pochaiv-Volhynian Mutual Loan Society]. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 583. List 2. File 2564.

44. Anon. (n.d.) *Delo o soglasovanii deyatel'nosti Banka s obshchestvom vzaimnogo kredita "Pochaevo-Volynskiy narodnyy kredit" i ob uchastii obshchestva v dele likvidatsii nemetskogo zemlevladieniya v Volynskoy gubernii* [The case of the coordination of the Bank's activities with the Mutual Loan Society "Pochaiv-Volhynian People's Loan" and the participation of the society in the elimination

of the German land tenure in the province of Volhynia]. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 592. List 44. File 734.

45. Anon. (n.d.) *O gazete "Pochaevskie izvestiya"* ("Pochaevskie vesti", "Pochaevskiy listok") [About the newspaper "Pochaevskie izvestiya"]. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 797. List 78. Section: Division III\ column 5. File 98.

46. Anon. (n.d.) *Ob izdanii "Pochaevskogo listka"* [On the publication of "Pochaevsky listok"]. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 797. List 83. Dept. II / Desk 3. File 361.

47. The Kiev Diocese of the Kiev Theological Seminary and Colleges. (n.d.) *Otchety Kievskoy eparkhii Kievskoy dukhovnoy seminarii i uchilishch* [Reports of the Kiev Diocese of the Kiev Theological Seminary and Colleges]. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 802. List 10. Reports, Section I. File 21.

48. Sedova, Y. (2018) *Vklad ieromonakha Iliodora (Trufanova) v sozдание Pochaevskogo otdela Soyuza russkogo naroda* [Contribution of Hieromonk Iliodor (Trufanov) to the creation of the Pochaiv department of the Union of the Russian people]. [Online] Available on: <https://ruskline.ru/analitika/2018/10/2018-10-24/vkla> (Accessed: 3rd January 2022).

49. *Zemshchina*. (1910) *Soyuz russkogo naroda na Volyni* [The Union of the Russian people in Volhynia]. 29th April. p. 4.

50. Stepanov, A.D. (2008) Vitaliy (Maksimenko) [Vitaliy (Maksimenko)]. In: Stepanov, A.D. & Ivanov, A.A. (eds) *Chernaya sotnya. Istoricheskaya entsiklopediya 1900–1917* [Black Hundred. Historical encyclopedia 1900–1917]. Moscow: Institute of Russian Civilisation. pp. 99–101.

51. Stepanov, S.A. (2013) *Chernaya sotnya. Chto oni sdelali dlya velichiya Rossii?* [The Black Hundred. What have they done for the greatness of Russia?]. Moscow: Yauza Press.

52. Talberg, N.D. (1959) *Zhiznennyy put' arkhiep. Vitaliya (Maksimenko)* [The life journey of Archbishop Vitaly (Maksimenko)]. *Pravoslavnaya Rus'*. 3. pp. 4–7.

53. The Pochaev-Volhynian People's Loan Mutual Society. (1912) *Ustav Obshchestva vzaimnogo kredita pod naimenovanie Pochaevo-Volynskiy narodnyy kredit* [The Charter of The Pochaev-Volhynian People's Loan Mutual Society]. Pochaiv: [s.n.].

54. Fedevich, K.K. & Fedevich, K.I. (2017) *Za Viru, Tsarya i Kobzarya* [For Faith, Tsar and Kobzar]. Kiev: [s.n.].

55. Khizhiy, M.L. (2006) *Pravoslavie i ideologiya pravogo radikalizma v nachale XX stoletiya v Rossii* [Orthodoxy and the Ideology of the Right-Wing Radicalism in the Early 20th Century in Russia]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. St Petersburg.

Елизавета Олеговна Ковалева – студентка магистратуры Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Elizaveta O. Kovaleva – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: st055567@student.spbu.ru

УДК 94(47)“1917–1918”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/67/13

Выборы в Украинское Учредительное собрание (декабрь 1917 – январь 1918 г.): ход кампании, кандидатские списки и результаты голосования по округам*

А.А. Чемакин

Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9

E-mail: a.chemakin@spbu.ru

Авторское резюме

Освещаются выборы в Украинское Учредительное собрание, проходившие в декабре 1917 – январе 1918 г. В ходе голосования должны были быть избраны примерно 400–425 депутатов в 23 округах, но из-за начавшегося вооруженного конфликта между Центральной радой и Советом народных комиссаров выборы состоялись лишь в 11 округах (Волынская, Екатеринославская, Киевская, Полтавская, Подольская, Херсонская, Черниговская губернии, Румынский и Юго-Западный фронты, Черноморский и Балтийский флоты). Победу на выборах одержали украинские эсеры, второе место заняли большевики. Впервые в отечественной и зарубежной историографии приводятся полные результаты голосования по всем 11 округам, основанные на хранящихся в Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины протоколах Главной и окружных избирательных комиссий, в некоторых случаях также использованы материалы уездных и участковых комиссий. По каждому из округов составлена таблица, в которой указаны официальные названия кандидатских списков, количество и процент полученных ими голосов, количество выигранных мандатов. Кроме того, в конце статьи приводится сводная таблица с результатами голосования по всей Украине, а также распределением мандатов между списками, прошедшими в Учредительное собрание. Автор рассматривает электоральную географию Украины и высказывает предположение, почему избиратели украинских эсеров, с огромным отрывом победивших на выборах, в январе – феврале 1918 г. не поддержали своих избранников и не оказали никакого сопротивления наступающим на Украину большевистским войскам.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-78-00015, <https://rscf.ru/project/21-78-00015>.

Ключевые слова: Украинское Учредительное собрание, Украинская Народная Республика, выборы, украинские эсеры, большевики, левые эсеры, электоральная география, Гражданская война.

Elections to the Ukrainian Constituent Assembly (December 1917 – January 1918): campaign progress, lists of candidates, and voting results by districts*

A.A. Chemakin

St. Petersburg State University

7/9 University Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: a.chemakin@spbu.ru

Abstract

The paper discusses the elections to the Ukrainian Constituent Assembly in December 1917 – January 1918, when 400 – 425 candidates were to be elected in 23 districts. However, the armed conflict between Central Rada and the Council of People's Commissars allowed elections only in 11 districts (Volhynia, Yekaterinoslav, Kiev, Poltava, Podolia, Kherson, and Chernigov Governorates, Romanian and Southwestern fronts, the Black Sea and Baltic fleets). The elections were won by the Ukrainian Socialists-Revolutionaries (SRs), with the Bolsheviks being second. For the first time in Russian and foreign historiography, the article provides full voting results for all 11 districts based on the protocols of the Main and District Election Commission from the Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). In some cases, the materials of uezd and local commissions are also used. Each district has a corresponding table that shows official names of party lists, the number and percentage of votes gained, and the number of mandates. The paper ends with a summary table with the results of voting throughout Ukraine, as well as the distribution of mandates between the lists that passed to the Constituent Assembly. The author examines the electoral geography of Ukraine and suggests why the voters of the Ukrainian Social Revolutionaries, who won the elections by a huge margin, did not support their representatives in January-February 1918 and made no resistance to the Bolshevik troops advancing on Ukraine.

* The research was funded by the Russian Science Foundation, Project № 21-78-00015, <https://rscf.ru/en/project/21-78-00015>.

Keywords: Ukrainian Constituent Assembly, Ukrainian People's Republic, elections, Ukrainian SRs, Bolsheviks, Left SRs, electoral geography, Civil War.

В то время как избирательная кампания во Всероссийское Учредительное собрание осени 1917 г. достаточно подробно изучена, а результаты её опубликованы, выборы в Учредительное собрание Украинской Народной Республики (УНР) до сих пор остаются «белым пятном» как в российской, так и в украинской историографии. Конечно, в той или иной мере некоторая выборная статистика приводилась в научной литературе [2; 3; 4: 138–141; 7; 8: 121–125; 9; 10; 27], но полные результаты голосования до сегодняшнего дня опубликованы не были. В данном материале мы постараемся восполнить этот пробел, собрав воедино всю имеющуюся статистику.

Выборы в Украинское Учредительное собрание (УУС) в соответствии с III Универсалом Центральной рады были назначены на 27 декабря 1917 г., а его созыв – на 9 января 1918 г., но уложиться в эти сроки не удалось. На момент избирательной кампании и голосования Украина была – пусть во многом только де-юре – автономной частью Российской республики, в момент же подведения итогов выборов уже была провозглашена независимость. По закону право голоса имели граждане Российской республики старше 20 лет. Выборы проходили по пропорциональной системе в отдельных избирательных округах, распределение мандатов осуществлялось по методу д'Ондта. Для выдвижения кандидатского списка было необходимо предоставить 100 подписей избирателей, имеющих право голоса в данном округе. Кандидат мог быть выставлен в нескольких округах, но не более чем в трёх [6]. По состоянию на начало 1918 г. предполагалось избрание 302 депутатов от 16 «территориальных» округов: Волынского – 30, Екатеринославского – 36, Киевского – 45, Полтавского – 30, Подольского – 39, Харьковского – 35, Херсонского – 29, Черниговского – 28, Острогжского – 4, Путивльского – 2, Валуйского – 2, Таврического – 9, Одесского – 5, Бирючского – 2, Богучарского – 4, Новооскольского – 2 [12: 23]. В дальнейшем, видимо, был добавлен один мандат к одному из трёх округов – Бирючскому, Богучарскому или Новооскольскому, и общее их количество возросло до 303. Также было создано 5 фронтовых (Румынский, Кавказский, Западный, Юго-Западный и Северный) и 2 флотских (Балтийский, Черноморский) округа. Количество мандатов от этих округов, за исключением Балтийского, определено не было, но, предполагая, что в армии и на флоте служит около 3 миллионов украинцев, Главная комиссия по выборам планировала выделить для них от 75 до 100 мест. Кроме того, каждый из списков мог объединить остаток своих голосов с остатками списков из других округов и по-

пытаться получить дополнительные мандаты, которых должно было быть около 5–10 % от общего числа. Таким образом, Учредительное собрание УНР должно было состоять примерно из 400–425 депутатов [17: 49 об.]. Из-за начавшегося украинско-большевистского конфликта выборы прошли лишь в 11 округах.

Согласно нашим подсчетам, можно говорить об избрании 238 депутатов от 7 гражданских округов и 1 флотского, ещё в 2 фронтовых и 1 флотском округе выборы состоялись, но распределить мандаты в них не представлялось возможным из-за того, что так и не было определено их количество. Несмотря на незавершённость голосования (и к тому же неполноту данных – информацию об окончательных результатах в некоторых округах Главная комиссия получит лишь к лету), Малая Рада назначила открытие Учредительного собрания на 12 мая 1918 г., но из-за гетманского переворота украинская Конституанта так никогда и не собралась.

Различные аспекты выборной кампании заслуживают пристального внимания, но в данной статье мы остановимся лишь на кратком описании хода голосования в округах и его результатах. В таблицах, приводимых ниже, все подсчёты произведены нами на основании оригинальных протоколов окружных (в некоторых случаях – уездных и участковых) избирательных комиссий, а названия списков приводятся в том виде, в каком они вывешивались на участках [12]. Первоначально мы рассмотрим все «территориальные» округа, затем фронтовые и флотские, а в конце – результаты выборов по УНР в целом.

Отдельно стоит оговориться, что вопрос о явке требует дальнейшего изучения и уточнения. К сожалению, почти все окружные комиссии ограничились предоставлением информации о количестве действительных голосов (именно они и приведены в таблицах), данные же по явке и недействительным голосам носят неполный характер. По гражданским округам на участки пришло немногим более 30 % населения, тогда как на выборах во Всероссийское Учредительное собрание явка составляла около 54 % [3: 238]. Точные данные явки есть только по фронтовым (Румынский – 48,98 % [15: 102 об.], Юго-Западный – 30,52 % [18: 54; 20: 4 об.–6]) и флотским (Черноморский – 29,88 % [14: 10], Балтийский – 60,11 % [25: 20]) округам.

На Волыни (табл. 1) выборы состоялись во всех уездах, кроме Ковельского и Владимир-Волинского, оккупированных немцами. В одних уездах голосование прошло 7–9 января 1918 г., в других – 14–16 января. Население отнеслось к выборам инертно, а в некоторых местах недоверчиво и враждебно, умеренные партии были лишены возможности вести агитацию за пределами городов [15: 65].

В Екатеринославской губернии (табл. 2) выборы состоялись везде, правда, в разные сроки – в некоторых уездах они прошли 27–29 декабря 1917 г., в других были отложены до 7–9 января 1918 г. В самом Екатеринославе голосование началось 27 декабря, но из-за развернувшихся боевых действий его пришлось перенести на 14–16 января [15: 66 об.–67].

Таблица 1.

Волынский избирательный округ [17: 4 об.–5]

№	Название списка	Количество голосов	Процент	Мандаты
1	Украинская партия социалистов-революционеров совместно с Волынской радой сельских депутатов	261 031	66,15	23
2	Житомирская организация РСДРП (большевиков) социал-демократии Украины	36 338	9,21	3
3	Еврейский национальный избирательный комитет	32 811	8,31	2
4	Волынский польский список	32 765	8,30	2
5	Всеобщий еврейский рабочий союз «Бунд»	9 070	2,30	
6	Чешское и словацкое трудовое крестьянство Волынской губернии	4 688	1,19	
7	Православные приходы и хлеборобы	2 742	0,69	
8	Еврейская социал-демократическая рабочая партия «Поалей Цион»	2 564	0,65	
9	Российская социал-демократическая рабочая партия (объединённая)	2 557	0,65	
10	Партия народной свободы	1 891	0,48	
11	Волынская украинская трудовая партия (народно-социалистическая)	1 824	0,46	
12	Объединённая еврейская социалистическая рабочая партия (СС и ЕС)*	1 785	0,45	
13	Партия социалистов-революционеров	1 415	0,36	
14	Украинская социал-демократическая рабочая партия	1 167	0,30	
15	Украинская партия социалистов-федералистов	1 164	0,29	
16	Идише Фолкспартей (Еврейская народническая партия)	530	0,13	
17	Беженцы-украинцы Холмщины и Гродненщины	155	0,04	

О к о н ч а н и е т а б л . 1 .

№	Название списка	Количество голосов	Процент	Мандаты
18	Мещане-христиане города Новоград-Волынского	113	0,03	
	Всего по округу	394 610	100,00	30

* Здесь и далее аббревиатура СС и ЕС обозначает название партий, на основе которых была создана ОЕСРП – Сионистско-социалистическая рабочая партия (далее – СС) и Социалистическая еврейская рабочая партия (далее – ЕС).

Т а б л и ц а 2 .

Екатеринославский избирательный округ [17: 18 об.-19]

№	Название списка	Количество голосов	Процент	Мандаты
1	«Селянская спилка» и Украинская партия социалистов-революционеров	348 564	55,85	22
2	Рабочие, солдаты и крестьяне РСДРП (большевиков) на Украине и Полк сердюков имени атамана Орлика	156 642	25,10	10
3	«Земля и Воля». Партия социалистов-революционеров на Украине	35 826	5,74	2
4	Российские граждане немецкой национальности	18 760	3,01	1
5	Украинская социал-демократическая рабочая партия	16 640	2,67	1
6	Сионистская организация	11 181	1,79	
7	Землевладельцы Екатеринославщины (Союз земельных собственников Екатеринославской губернии и беспартийных прогрессистов)	10 029	1,61	
8	Партия народной свободы	6 366	1,02	
9	Украинская краевая организация Российской социал-демократической рабочей партии (объединенной)	4 932	0,79	
10	Екатеринославская Польская окружная рада	3 075	0,49	
11	Объединенная еврейская социалистическая рабочая партия (СС и ЕС)	2 739	0,44	
12	Всеобщий еврейский рабочий союз «Бунд»	1 880	0,30	

Окончание табл. 2.

№	Название списка	Количество голосов	Процент	Мандаты
13	Еврейский список	1 868	0,30	
14	Еврейская социал-демократическая рабочая партия «Поалей-Цион»	1 804	0,29	
15	Идише Фолкспартей и Еврейский национальный демократический союз	1 403	0,22	
16	Украинские независимые революционные демократы (группа журнала «Шлях»)	711	0,11	
17	Объединенные польские социалисты	583	0,09	
18	Трудовая народно-социалистическая партия	532	0,09	
19	Всероссийская организация «Единство» РСДРП	287	0,05	
20	Польская социалистическая партия (ППС)	137	0,02	
21	Польская социалистическая партия (ППС Левица)	114	0,02	
	Всего по округу	624 073	100,00	36

В Киевской губернии (табл. 3) выборы также проходили в несколько заходов – в Киевском и Чигиринском уездах 27–29 декабря, в остальных уездах и Киеве – 7–9 января. Голосование прошло в целом спокойно, хотя были случаи отказа от участия в выборах целыми сёлами [15: 64–64 об.].

Таблица 3.

Киевский избирательный округ [17: 25 об.–26]

№	Название списка	Количество голосов	Процент	Мандаты
1	Украинская партия социалистов-революционеров совместно с Украинской селянской спилкой	871 441	75,74	38
2	Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков), социал-демократия Украины, социал-демократия Польши и Литвы и Польская партия социалистов (Левица)	73 964	6,43	3
3	Еврейский национальный избирательный комитет	68 604	5,96	3
4	Внепартийный блок русских избирателей	33 386	2,90	1
5	Польский список объединенных польских партий	18 349	1,59	

Окончание табл. 3.

№	Название списка	Количество голосов	Процент	Мандаты
6	Партия «Бунд» («Всеобщий еврейский рабочий союз», входящий в «Российскую социал-демократическую рабочую партию»)	17 551	1,53	
7	Объединенная еврейская социалистическая рабочая партия (СС и ЕС)	13 223	1,15	
8	Украинская социал-демократическая рабочая партия	8 182	0,71	
9	Селянская спилка Радомысльского уезда	7 689	0,67	
10	Российская социал-демократическая рабочая партия (объединенных меньшевиков)	6 825	0,59	
11	Партия народной свободы	6 538	0,57	
12	Партия социалистов-революционеров	5 307	0,46	
13	Союз хозяев-хлеборобов на Украине	4 881	0,42	
14	Еврейская социал-демократическая рабочая партия «Поалей-Цион»	3 557	0,31	
15	Украинская селянская трудовая социалистическая группа	3 236	0,28	
16	Украинская партия социалистов-федералистов	2 625	0,23	
17	Блок украинцев-самостийников-социалистов и Украинской трудовой партии	2 123	0,18	
18	Украинская федеративно-демократическая партия	1 371	0,12	
19	Польская социалистическая партия (ППС)	880	0,08	
20	Трудовая народно-социалистическая партия	480	0,04	
21	Беженцы-украинцы Холмщины и Гродненщины	284	0,02	
	Всего по округу	1 150 496	100,00	45

В Полтавской губернии (табл. 4) выборы прошли 7–9 января. Полтавщина примечательна тем, что именно здесь «буржуазному» списку, не имеющему отношения к какому-либо меньшинству, например польскому или еврейскому, удалось получить наибольший процент голосов среди всех округов. Речь идёт о Партии хлеборобов-собственников, которая всячески избегала спора о своей принадлежности к «русскому» или «украинскому» лагерю, делая ставку на общность экономических интересов своих сторонников.

Таблица 4.

Полтавский избирательный округ [17: 31 об.–32]

№	Название списка	Количество голосов	Процент	Мандаты
1	Украинская партия социалистов-революционеров при участии Украинской селянской спилки	462 631	51,79	18
2	Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков) социал-демократии Украины	273 868	30,66	10
3	Партия хлеборобов-собственников	38 670	4,33	1
4	Левые социалисты-революционеры украинцы	38 166	4,27	1
5	Золотоношская селянская спилка	17 558	1,97	
6	Украинская социал-демократическая рабочая партия	15 089	1,69	
7	Сионистская организация	9 771	1,09	
8	Партия народной свободы	8 582	0,96	
9	Партия социалистов-революционеров	5 917	0,66	
10	«Еврейский список»	4 696	0,53	
11	Украинская партия социалистов-федералистов	4 029	0,45	
12	Партия казаков и крестьян-хлеборобов	2 795	0,31	
13	Кандидатский список № 7 (Г.С. Носарь)	2 361	0,26	
14	Объединенная организация Российской социал-демократической рабочей партии	2 165	0,24	
15	Всеобщий еврейский рабочий союз «Бунд»	1 676	0,19	
16	Объединенная еврейская социалистическая рабочая партия (СС и ЕС)	1 476	0,17	
17	Украинский отдел Трудовой народной социалистической партии	1 342	0,15	
18	Еврейская социал-демократическая рабочая партия «Поалей-Цион»	1 041	0,12	
19	«Идише-Фолкспартей» (Еврейская народническая партия)	680	0,08	
20	Селянская спилка Помокельской волости Переяславского уезда	291	0,03	
21	Беженцы-украинцы Холмщины и Гродненщины	290	0,03	
22	Группа села Высший Булатец Лубенской волости Лубенского уезда	185	0,02	

Окончание табл. 4.

№	Название списка	Количество голосов	Процент	Мандаты
	Всего по округу	893 279	100,00	30

Подольская губерния (табл. 5) голосовала с 14 по 16 января. Списка РСДРП(б) выставлено не было, но на некоторых участках вооружённые сторонники большевиков пытались мешать работе комиссий [15: 66].

Таблица 5.

Подольский избирательный округ [17: 36 об.–37]

№	Название списка	Количество голосов	Процент	Мандаты
1	Партия украинских социалистов-революционеров, Селянская спилка и украинские военные-селяне Юго-Западного фронта	509 607	72,29	31
2	Селяне Балтского уезда	56 416	8,00	3
3	Еврейский национальный избирательный комитет	54 472	7,73	3
4	Польский Подольский окружной список	31 620	4,49	1
5	Украинская социал-демократическая рабочая партия с Селянской спилкой	19 971	2,83	1
6	Всеобщий еврейский рабочий союз «Бунд»	6 179	0,88	
7	Блок Украинской трудовой партии и Партии социалистов-федералистов по Подольскому избирательному округу	5 797	0,82	
8	Еврейская социал-демократическая рабочая партия «Поалей Цион»	4 142	0,59	
9	Объединенная еврейская социалистическая рабочая партия (СС и ЕС)	3 376	0,48	
10	Внепартийная группа русских избирателей и сельских хозяев	2 961	0,42	
11	Партия народной свободы	2 295	0,33	
12	Партия социалистов-революционеров	2 180	0,31	
13	Польская социалистическая партия (ППС)	1 978	0,28	
14	Российская социал-демократическая рабочая партия (объединенных меньшевиков)	1 956	0,28	
15	Объединенная славянская группа	1 662	0,24	
16	Трудовая народно-социалистическая партия и ей сочувствующие	338	0,05	
	Всего по округу	704 950	100,00	39

На Херсонщине (табл. 6) выборы прошли повсюду, за исключением Одесского уезда, с 7 по 9 января. Победили левые эсеры, вошедшие в соглашение с местным Советом крестьянских депутатов. Херсонской округ также примечателен ярким примером «спойлерства»: четыре никому не известных шахтера со станции Ингулец выдвинули свой список «большевиков и интернационалистов» и умудрились получить почти 9,5 тыс. голосов, обойдя эсеров, кадетов и меньшевиков, имеющих крупные партийные организации и сплоченный актив. Получается, что примерно каждый седьмой сторонник большевиков перепутал настоящий список РСДРП(б) с самозванцами и отдал свой голос последним.

Таблица 6.

Херсонский избирательный округ [14: 42 об. – 43]

№	Название списка	Количество голосов	Процент	Мандаты
1	Исполнительный комитет Херсонского губернского Совета крестьянских депутатов и левые социалисты-революционеры	153 915	37,80	13
2	Украинская партия социалистов-революционеров на Херсонщине при участии Рады селянских депутатов и Селянской спилки	112 061	27,52	9
3	Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков) – Социал-демократия Украины	58 512	14,37	5
4	Еврейский национальный избирательный комитет Херсонской губернии	20 100	4,94	1
5	Российские граждане немецкой национальности	13 128	3,22	1
6	Украинская социал-демократическая рабочая партия	11 675	2,87	
7	Российская социал-демократическая рабочая партия объединенных (большевиков), интернационалисты, живущие на Украине, и Украинская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)	9 454	2,32	
8	Партия социалистов-революционеров	8 383	2,06	
9	Защитники собственности и порядка	6 118	1,50	
10	Партия народной свободы	5 871	1,44	
11	Российская социал-демократическая рабочая партия (объединенная)	1 582	0,39	
12	Объединенная еврейская социалистическая рабочая партия	1 311	0,32	

Окончание табл. 6.

№	Название списка	Количество голосов	Процент	Мандаты
13	Еврейский список	1 288	0,32	
14	Всеобщий еврейский рабочий союз («Бунд»)	1 272	0,31	
15	Еврейская социал-демократическая рабочая партия «Поалей Цион»	1 269	0,31	
16	Трудовая народно-социалистическая партия	596	0,15	
17	Польская социалистическая партия (ППС)	592	0,15	
18	Украинские федералисты-республиканцы	98	0,02	
	Всего по округу	407 225	100,00	29

В Черниговской губернии (табл. 7), находившейся на передовой разворачивающегося военного конфликта между украинцами и большевиками и уже частично контролируемой последними, организаторы выборов, проходивших с 7 по 9 января, столкнулись с серьёзными проблемами. Голосование не состоялось в Глуховском (за исключением города Шостка), Мглинском и Сосницком уездах. Во многих местностях губернии население изначально было настроено негативно по отношению к Украине как таковой. Были случаи, когда под влиянием большевистской агитации сёла, несколькими месяцами ранее голосовавшие за Украинскую партию социалистов-революционеров (УПСР), теперь отдавали свои голоса за РСДРП (б). Имело место и прямое вмешательство в ход выборов: так, например, комиссия Кролевецкого уезда отмечала, что «совершенно отсутствовала свобода агитации для всех списков, за исключением списка большевиков» [21: 1].

В Харьковской губернии избирательная кампания шла относительно активно, было зарегистрировано 11 списков [12: 1–12]. Весьма показательно, что харьковские большевики, уже захватившие власть в городе, не стали выдвигать свой список – очевидно, они не воспринимали всерьёз УУС и не собирались участвовать в нём даже в пропагандистских целях. Не дали они поучаствовать в выборах, отложенных до 2 февраля 1918 г., и другим партиям, разогнав участковые и уездные комиссии [15: 150]. В целом ряде округов, оказавшихся под контролем большевиков (Таврическом, Путивльском, Острогожском, Валуйском, Бирючском, Богучарском, Новооскольском), избирательная кампания даже не начиналась [15: 67 об.–68]. В Одесском округе проведению голосования помешало большевистское восстание [1: 245].

Таблица 7.

Черниговский избирательный округ [16: 30 об.–31; 21: 119 об.–120; 22: 6–6 об.]

№	Название списка	Количество голосов	Процент	Мандаты
1	Черниговская организация Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) социал-демократии Украины	226 124	50,44	16
2	Украинская партия социалистов-революционеров при участии селянских спилок	160 575	35,82	11
3	Украинский союз охраны государственности и хозяйства (Партия народной свободы и беспартийные хлеборобы и общественные деятели)	18 061	4,03	1
4	Еврейский национальный избирательный комитет	10 385	2,32	
5	Объединенные советы православных приходов Украины	4 400	0,98	
6	Черниговская организация Российской социал-демократической рабочей партии (объединенной)	4 254	0,95	
7	Губернский комитет Партии социалистов-революционеров	4 036	0,90	
8	Черниговская губернская спилка покалеченных воинов	3 288	0,73	
9	Украинская партия социалистов-федералистов	3 011	0,67	
10	Еврейская социал-демократическая рабочая партия «Поалей-Цион»	2 116	0,47	
11	Трудовая народно-социалистическая партия	1 917	0,43	
12	Конотопский комитет Украинской социал-демократической рабочей партии	1 739	0,39	
13	Всеобщий еврейский рабочий союз «Бунд»	1 446	0,32	
14	Общественно-политический клуб поляков на Черниговщине	1 361	0,30	
15	Независимые революционные демократы («Земля, мир, воля и правда»)	1 312	0,29	
16	«Еврейский список»	1 027	0,23	
17	Сосницкая селянская спилка	877	0,20	
18	Объединенная еврейская социалистическая рабочая партия (СС и ЕС)	548	0,12	

Окончание табл. 7.

№	Название списка	Количество голосов	Процент	Мандаты
19	Остерская уездная селянская спилка	496	0,11	
20	Селянская спилка Талалаевской волости Нежинского уезда	447	0,10	
21	Совет казацких и селянских депутатов войска Черниговского гарнизона	444	0,10	
22	Беженцы-украинцы Холмской и Гродненской губерний	227	0,05	
23	Группа украинских нежинских избирателей, стоящих на платформе украинских социалистов-революционеров и Селянской спилки, по соглашению с Комитетом окраин г. Нежина	212	0,05	
24	Селянская спилка Лосиновской волости Нежинского уезда	19	0,00	
	Всего по округу	448 322	100,00	28

На Румынском фронте (табл. 8) избирательная комиссия столкнулась с негативным отношением к самой идее выборов со стороны штабов, представители которых выражались в стиле «и чего тем хохлам хочется». Впрочем, и со стороны многих солдат, «как русских, так и украинцев типа “землячков-малороссов”», слышалось: «Буржуи, буржуазная рада» [15: 98, 99]. Несмотря на это, в январе 1918 г. голосование в некоторых подразделениях фронта все же состоялось.

Таблица 8.

Избирательный округ Румынского фронта [15: 102 об.]

№	Название списка	Количество голосов	Процент	Мандаты
1	Украинская партия социалистов-революционеров Румынского фронта	15 006	90,93	–
2	Украинская социал-демократическая рабочая партия Румынского фронта	1 497	9,07	–
	Всего по округу	16 503	100,00	–

На Юго-Западном фронте (табл. 9) выборы, проходившие с конца декабря 1917 г. до конца января 1918 г., не были завершены из-за того, что Бердичеву, в котором располагалась фронтовая комиссия, угрожало занятие большевиками. В итоге материалы с подсчетами, деньги и кассовую книжку передали секретарю комиссии, а остальные материалы запаковали в тюки и отдали частным лицам для сохранения [19: 30–30 об.]. Часть этих материалов поступила

в Киев уже после роспуска Учредительного собрания. Опираясь на телеграмму окружной комиссии о результатах голосования по состоянию на 25 января 1918 г., а также на протоколы, поступившие 28 и 30 января, мы полагаем, что были получены данные со 122 участков.

Таблица 9.

Избирательный округ Юго-Западного фронта [18: 54; 20: 4 об.–6]

№	Название списка	Количество голосов	Процент	Мандаты
1	Украинская партия социалистов-революционеров	18 786	82,96	–
2	Украинская социал-демократическая рабочая партия	3 283	14,50	–
3	Российская социал-демократическая рабочая партия (объединенная) и Всеобщий еврейский рабочий союз «Бунд»	575	2,54	–
	Всего по округу	22 644	100,00	–

На Северном фронте выдвинулся один список – от украинских эсеров [23: 40], но само голосование не состоялось из-за вмешательства Верховного совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Северо-Западной области и Северного фронта, разрешившего печатать официальные издания на украинском языке только в том случае, если они исходят от харьковских большевистских властей [23: 32]. На Западном фронте избирательную работу наладить не удалось, а на Кавказском сама комиссия решила выборы не проводить, так как «армия двинулась домой» [15: 68 об., 69].

Во флотских округах выборы прошли спокойнее, чем на фронте. На Черноморском флоте, к которому были присоединены и воинские части Крыма, выборы проходили с 21 января по 4 февраля 1918 г. Победа осталась за социалистами-самостийниками, влияние которых во флотской среде оказалось намного более значительным, чем в гражданской (табл. 10).

Таблица 10.

Черноморский флотский избирательный округ [14: 10–10 об.; 24: 55–56]

№	Название списка	Количество голосов	Процент	Мандаты
1	Украинская партия социалистов-самостийников	1 581	42,66	–

2	РСДРП (большевиков) и Одесский комитет Украинской социал-демократической рабочей партии (большевиков)	832	22,45	–
3	Украинская партия социалистов-революционеров	760	20,51	–
4	Блок Украинской социал-демократической партии и секции рабочих Севастопольской украинской рады военных и рабочих депутатов и рабочих Севастопольского порта	404	10,90	–
5	Группа беспартийных команды линейного корабля «Иоанн Златоуст»	129	3,48	–
	Всего по округу	3 706	100,00	–

В избирательную комиссию Балтфлота поступил лишь список от Украинской Центральной рады Балтийского флота и Украинской Краевой рады Финляндии. Хотя количество мандатов по всем фронтовым и флотским округам расписано не было, имелось решение, что Балтфлот будет представлять один депутат в силу малой численности украинцев. Так как этот единственный список состоял из трёх кандидатов (матрос, член Украинской Центральной рады Балтфлота Г.С. Логвиненко, матрос Н.Н. Табурянский и солдат Г.Ф. Тимощук), комиссия дала возможность избирателям самим решить, кто будет их единственным представителем в Учредительном собрании [26: 210, 211]. Таким образом, выборы на Балтфлоте, по сути, должны были пройти по мажоритарной системе. Депутатом был избран член УПСР Г.Ф. Тимощук, но делопроизводство поступило в Киев уже после роспуска УУС, поэтому полномочия избранного депутата так и не были подтверждены (табл. 11).

Т а б л и ц а 11.

Балтийский флотский избирательный округ [25: 20]

№	Название списка	Количество голосов	Процент	Мандаты
	Кандидатский список в Украинское Учредительное собрание, выставленный Украинской Центральной радой Балтийского флота и Украинской Краевой радой Финляндии и принятый 22 декабря 1917 г. всеобщим собранием Украинской Гельсингфорсской рады. В том числе:	2 160	100,00	1
1	Тимощук Г.Ф. (украинский эсер)	901	41,71	1
2	Логвиненко Г.С. (украинский эсер)	734	33,98	

Окончание табл. 11.

№	Название списка	Количество голосов	Процент	Мандаты
3	Табурянский Н.Н. (украинский социал-демократ)	525	24,31	
	Всего по округу	2 160	100,00	1

Результаты голосования в рамках всей УНР были неофициальными и никак на распределение мест в УУС не влияли, но они позволяют нам лучше представить общую картину выборов (табл. 12). В тех 11 округах, в которых выборы состоялись, был выставлен 151 кандидатский список, причем 92 из них (61 %) носили национальный (или конфессиональный) характер. Как уже было сказано выше, можно было соединять родственные списки в разных округах в надежде на получение дополнительных мандатов за счет излишков голосов. Некоторые партии (УПСР, РСДРП(б), УСДРП, ПНС, ПСР, РСДРП(о), ТНСП, «Бунд», ЕСДРП, ОЕСРП и др.) выставляли списки кандидатов почти во всех округах и с одним и тем же названием. Левые социалисты-революционеры, являвшиеся союзниками большевиков, выставили списки в двух округах, но не объединили их – видимо, потому, что их организации еще только находились в процессе размежевания с Партией социалистов-революционеров (ПСР) и не представляли из себя единой структуры (кроме того, список левых эсеров в Херсонской губернии носил «общероссийский» характер, а в Полтавской – «украинский»).

Некоторые блоки состояли из списков с разными названиями, на них надо остановиться отдельно. Во-первых, это еврейские националисты, которые в ряде округов выступали под вывеской Еврейского национального избирательного комитета, в других – как Сионистская организация [13: 39–53 об.]. Во-вторых, польские националисты, именовавшиеся «польским списком», «польской радой», «клубом поляков» [13: 70–74 об.]. В-третьих, блок хлеборобов и земельных собственников, включавший в себя Партию хлеборобов-собственников в Полтавской губернии, Союз хозяев-хлеборобов на Украине в Киевской, «землевладельцев Екатеринославщины» в Екатеринославской и «защитников собственности и порядка» в Херсонской [13: 146–152]. И, в-четвёртых, это блок русских националистов и православных приходов, выступивший в четырёх округах (Внепартийный блок русских избирателей в Киевской губернии, «православные приходы и хлеборобы» в Волынской, Внепартийная группа русских избирателей и сельских хозяев в Подольской и Объединенные советы православных приходов Украины в Черниговской) [13: 80–86].

Кроме вышеперечисленных, были и блоки, появление которых вызвало всеобщее недоумение. Так, например, создается впечатление, что непонятные «Еврейские списки», выставленные в нескольких округах, должны были отбирать голоса у сионистов. Для чего были выдвинуты в четырёх округах списки «беженцев-украинцев Холмщины и Гродненщины», вряд ли бы смогли объяснить даже их инициаторы (а газета «Нова рада» утверждала, что среди «беженцев-украинцев» есть люди, связанные с холмскими черносотенными округами [5]).

Т а б л и ц а 12.

Общие итоги по 11 округам

№	Название партии/списка	Кол-во списков	Кол-во голосов	Процент голосов	Кол-во мандатов	Процент мандатов
1	Украинская партия социалистов-революционеров	10	2 760 462	59,14	152	63,87
2	Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков) ¹	7	826 280	17,70	47	19,75
3	Еврейские националисты (сионисты)	7	207 324	4,44	9	3,78
4	Левые социалисты-революционеры	1	153 915	3,30	13	5,46
5	Польские националисты	5	87 170	1,87	3	1,26
6	Украинская социал-демократическая рабочая партия	10	79 647	1,71	2	0,84
7	Партия социалистов-революционеров	7	63 064	1,35	2	0,84
8	Хлеборобы и земельные собственники	4	59 698	1,28	1	0,42
9	Селяне Балтского уезда	1	56 416	1,21	3	1,26
10	Партия народной свободы	7	49 604	1,06	1	0,42
11	Русские националисты и православные приходы	4	43 489	0,93	1	0,42
12	Всеобщий еврейский рабочий союз «Бунд» ²	8	39 649	0,85		
13	Левые социалисты-революционеры украинцы	1	38 166	0,82	1	0,42
14	Российские граждане немецкой национальности	2	31 888	0,68	2	0,84

Продолжение табл.12.

№	Название партии/списка	Кол-во списков	Кол-во голосов	Процент голосов	Кол-во мандатов	Процент мандатов
15	Российская социал-демократическая рабочая партия (объединенная) ³	8	24 846	0,53		
16	Объединенная еврейская социалистическая рабочая партия	7	24 458	0,52		
17	Золотоношская селянская спилка	1	17 558	0,38		
18	Украинская партия социалистов-федералистов ⁴	5	16 626	0,36		
19	Еврейская социал-демократическая рабочая партия «Поалей-Цион»	7	16 493	0,35		
20	Российская социал-демократическая рабочая партия объединенных (большевиков), интернационалисты, живущие на Украине, и Украинская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)	1	9 454	0,20		
21	«Еврейские списки»	4	8 879	0,19		
22	Украинская трудовая партия ⁵	2	7 920	0,17		
23	Селянская спилка Радомысльского уезда	1	7 689	0,16		
24	Трудовая народно-социалистическая партия	7	7 029	0,15		
25	Чешское и словацкое трудовое крестьянство Волынской губернии	1	4 688	0,10		
26	Украинская партия социалистов-самостийников ⁶	2	3 704	0,08		
27	Польская социалистическая партия	4	3 587	0,08		
28	Черниговская губернская спилка покалеченных воинов	1	3 288	0,07		
29	Украинская селянская трудовая социалистическая группа	1	3 236	0,07		
30	Партия казаков и крестьян-хлеборобов	1	2 795	0,06		
31	Идише Фолкспартей (Еврейская народническая партия)	3	2 613	0,06		

Продолжение табл.12.

№	Название партии/списка	Кол-во списков	Кол-во голосов	Процент голосов	Кол-во мандатов	Процент мандатов
32	Список Г.С. Носаря	1	2 361	0,05		
33	Кандидатский список в Украинское Учредительное собрание, выставленный Украинской Центральной радой Балтийского флота и Украинской Краевой радой Финляндии	1	2 160	0,05	1	0,42
34	Независимые революционные демократы (группа журнала «Шлях»)	2	2 023	0,04		
35	Объединенная славянская группа	1	1 662	0,04		
36	Украинская федеративно-демократическая партия	1	1 371	0,03		
37	Беженцы-украинцы Холмщины и Гродненщины	4	956	0,02		
38	Сосницкая селянская спилка	1	877	0,02		
39	Объединенные польские социалисты	1	583	0,01		
40	Остерская уездная селянская спилка	1	496	0,01		
41	Селянская спилка Талалаевской волости Нежинского уезда	1	447	0,01		
42	Совет казацких и селянских депутатов Черниговского гарнизона	1	444	0,01		
43	Селянская спилка Помокельской волости Переяславского уезда	1	291	0,01		
44	Всероссийская организация «Единство» РСДРП	1	287	0,01		
45	Группа украинских нежинских избирателей, стоящих на платформе украинских социалистов-революционеров и Селянской спилки, по соглашению с Комитетом окраин г. Нежина	1	212	0,00		
46	Группа села Высший Булатец Лубенской волости Лубенского уезда	1	185	0,00		
47	Группа беспартийных команды линейного корабля «Иоанн Златоуст»	1	129	0,00		
48	Польская социалистическая партия «Левица» ⁷	1	114	0,00		

Окончание табл. 12.

№	Название партии/списка	Кол-во списков	Кол-во голосов	Процент голосов	Кол-во мандатов	Процент мандатов
49	Мещане-христиане города Новоград-Волынского	1	113	0,00		
50	Украинские федералисты-республиканцы	1	98	0,00		
51	Селянская спилка Лосиновской волости Нежинского уезда	1	19	0,00		
	Всего по УНР		4 667 968	100,00	238	100,00

Примечание. Голоса подсчитаны по всем округам, мандаты – только по гражданским округам и Балтийскому флоту.

¹ Включая блок с Польской социалистической партией («Левицей») в Киевском округе.

² Включая блок с РСДРП(о) в округе Юго-Западного фронта.

³ Включая блок с «Бундом» в округе Юго-Западного фронта.

⁴ Включая блок с Украинской трудовой партией в Подольском округе.

⁵ Включая блок с Украинской партией социалистов-федералистов в Подольском округе и с Украинской партией социалистов-самостийников в Киевском округе.

⁶ Включая блок с Украинской трудовой партией в Киевском округе.

⁷ Без учета блока с Российской социал-демократической рабочей партией (большевики) в Киевском округе.

Украинские эсеры победили в 61 комиссии второго уровня (уездных и городских, приравненных к уездным), большевики – в 21, сионисты – в 5, левые эсеры – в 3, украинские социал-демократы – в 1, селяне Балтского уезда – в 1, польские националисты – в 1, русские националисты – в 1 (зато это был Киев – столица УНР). Но при этом из 20 крупнейших городов, в которых выборы состоялись, в 9 победили большевики, тогда как украинские эсеры – только в 3.

Если нанести на карту уездов итоги голосования за две правительственные коалиции – украинскую, сформировавшуюся сразу же после голосования (УПСР и УСДРП), и общероссийскую (РСДРП(б) и левые эсеры), можно увидеть, что за первых голосовали западные, центральные и частично восточные регионы, а за вторых – Черниговщина, примыкающие к Харьковской губернии уезды Полтавщины и западная часть Новороссии, в том числе Приднестровье (рис. 1). В этом делении можно увидеть зачатки современной электоральной географии Украины, хотя оно не проходило строго по историческим, этнографическим и лингвистическим границам.

Так, большая часть Екатеринославской губернии голосовала за украинцев, зато некоторые уезды Полтавщины поддержали большевиков. Таким образом, хотя полностью отбрасывать исторический и этнокультурный фактор нельзя, стоит признать, что значительную роль играли и экономические факторы, и наличие партийных структур на местах, и возможность оказывать силовое давление на комиссии, и роль всевозможных крестьянских организаций. В большинстве случаев селянские спилки поддержали УПСР, что и дало ей уверенную победу. Зато, например, в Балтском уезде Подольской губернии местная крестьянская организация выставила отдельный список и получила больше 60 % голосов, тогда как УПСР – меньше 20 % [17: 36 об.–37]. На Херсонщине произошёл раскол: исполком Совета крестьянских депутатов поддержал левых эсеров, тогда как Селянская спилка и часть Совета – УПСР, что привело к уверенной победе левоэсеровского списка. Таким образом, зачастую на местах реальными вождями масс оказывались не партии, а спилки и советы, и именно их поддержка давала перевес тому или иному списку.

Результат УПСР был впечатляющим и отрицать взрывной рост украинского движения в 1917 г. было бы странно, но, на наш взгляд, победу украинским эсерам обеспечила не столько приверженность крестьян собственно национальной идее, сколько их желание по-

Рис. 1. Итоги голосования в разрезе уездов.

сового украинского движения (наоборот, они традиционно считались «черносотенными»), зато в Полтавской и Черниговской губерниях, имевших богатые украинские традиции, её результаты были далеко не столь блестящими. У этого всего может быть лишь одно объяснение: в западных и центральных губерниях большевики и левые эсеры на тот момент не имели значительных организационных структур, и поэтому УПСР заняла всю леворадикальную нишу, тогда как на Левобережье и на Херсонщине ей пришлось столкнуться с сильными конкурентами, действовавшими на том же самом идейном поле. Принципиальных же различий по социальным вопросам между УПСР, РСДРП (б) и левыми эсерами на тот момент практически не было, так что видный украинский социал-федералист И.А. Фещенко-Чоповский в январе 1918 г. отмечал, что украинские эсеры «идут под лозунгом большевиков, и этим большевики побеждают Украину» [11]). Он оказался прав: хотя УПСР выиграла выборы, прошедшие пусть и при не самой высокой явке, в последующие за голосованием недели её электорат не оказал практически никакого сопротивления большевикам, действовавшим решительно, выдвигавшим радикальные лозунги и подкреплявшим их военной силой. Народные массы не пожелают защитить своих избранников, и за считанные недели большая часть Украины окажется под контролем Совета народных комиссаров. Впоследствии, уже в ходе Гражданской войны, часть украинских эсеров перейдёт на советскую платформу. Те же украинские партии, которые делали упор исключительно на национальную идею (например, Украинская партия социалистов-федералистов, вобравшая в себя весь цвет украинской интеллигенции, или Украинская партия социалистов-самостийников, наиболее последовательно высказывавшаяся за «самостийность»), выступили неудачно. То же самое можно сказать и про российских умеренных социалистов, кадетов и русских националистов, работавших преимущественно с городским электоратом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вінцовський Т.С.* Одеський вимір Українських Установчих зборів: у пошуках революційних альтернатив // Записки історичного факультету Одеського національного університету імені І.І. Мечникова. 2016. Вип. 27. С. 235–256.
2. *Гвоздик В.С.* Політичні результати виборів до Українських Установчих зборів за доби Центральної Ради // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. 2008. Вип. XXII. С. 51–56.
3. *Гусев В.И.* Борьба большевиков Украины за осуществление ленинской

тактики на виборах во Всероссийское и Всеукраинское учредительные собрания (март 1917 – январь 1918 г.): дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1972. 274 + XXII с.

4. *Гусев В.И., Крижановский В.П.* В борьбе за осуществление ленинской тактики: Большевики Украины в массовых избирательных кампаниях 1917 г. Киев: Вища школа, 1987. 168 с.

5. Заклик до біженців-селян Холмщини // Нова рада. 1918. 9 січня. № 5. С. 2.

6. Закон про вибори до Установчих Зборів Української Народньої Республіки. Київ, 1917. 48 с.

7. *Мельник О.О.* Ставлення українських політичних партій до Всеросійських і Українських установчих зборів (березень 1917 – квітень 1918 рр.): дис. ... канд. ист. наук. Київ, 1995. 194 с.

8. *Рыбалка И.К.* Рабочий класс Украины на выборах во Всероссийское и Всеукраинское учредительные собрания // История СССР. 1965. № 1. С. 114–125.

9. *Соболів М.* Вибори до Всеросійських та Українських установчих зборів на Полтавщині // Літопис революції. 1932. № 5-6. С. 71–96.

10. *Сторчаус В.* Вибори до Українських Установчих зборів за доби Центральної Ради (грудень 1917 – поч. 1918 р.) // Науковий часопис Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова. Серія 6: Історичні науки. 2008. Вип. 5. С. 82–86.

11. Українська партія соціалістів-федералістів // Нова рада. 1918. 9 січня. № 5. С. 3.

12. Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (ЦДАВО України). Ф. 1133. Оп. 1. Спр. 26. Кандидатські списки. 1917–1918 рр.

13. ЦДАВО України. Ф. 1133. Оп. 1. Спр. 32. Документи про приєднання залишків голосів. 1917–1918 рр.

14. ЦДАВО України. Ф. 1133. Оп. 1. Спр. 38. Журнали засідань окружних комісій. 1917–1918 рр.

15. ЦДАВО України. Ф. 1133. Оп. 1. Спр. 41. Звіт Головної комісії про стан виборів за даними на 19 березня 1918 р. 1918 р.

16. ЦДАВО України. Ф. 1133. Оп. 1. Спр. 47. Листування з окружними комісіями по справах виборів. 1917–1918 рр.

17. ЦДАВО України. Ф. 1133. Оп. 1. Спр. 53. Документи про результати виборів. 1918 р.

18. ЦДАВО України. Ф. 1194. Оп. 1. Спр. 5. Списки виборців 73 Кримського полку і протоколи засідань виборчої комісії. 1918 р.

19. ЦДАВО України. Ф. 1194. Оп. 1. Спр. 6. Протоколи комісії. 1917–1918 рр.

20. ЦДАВО України. Ф. 1194. Оп. 1. Спр. 7. Журнали поступаючих виборчих діловодств і матеріалів. 1918 р.

21. ЦДАВО України. Ф. 2180. Оп. 1. Спр. 3. Протоколи і журнали засідань Крелевецкой уездной комиссии. 1918 г.

22. ЦДАВО України. Ф. 2180. Оп. 1. Спр. 19. Журнали засідань Черниговской окружной избирательной комиссии. 1917–1918 гг.

23. ЦДАВО України. Ф. 2184. Оп. 1. Спр. 1. Инструкция войсковым участко-

вым комиссиям по выборам в Учредительное собрание, списки кандидатов, удостоверения и переписка по этим вопросам. 1917–1918 гг.

24. ЦДАВО України. Ф. 2186. Оп. 1. Спр. 1. Переписка с окружной избирательной комиссией о проведении выборов. 1917–1918 гг.

25. ЦДАВО України. Ф. 4444. Оп. 1. Спр. 1. Протоколи № 1–4 засідань комісії. 1917–1918 рр.

26. ЦДАВО України. Ф. 4444. Оп. 1. Спр. 6. Списки виборців, кандидатський список № 1. 1918 р.

27. Ядловська О.С. Участь національних меншин у виборчій кампанії до Українських Установчих зборів на Півдні України в період Центральної Ради // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2012. Вип. XXXIV. С. 82–87.

REFERENCES

1. Vintskovskiy, T.S. (2016) Odes'kiy vimir Ukraïns'kikh Ustanovchikh zboriv: u poshukakh revolyutsiynikh al'ternativ. *Zapiski istorichnogo fakul'tetu Odes'kogo natsional'nogo universitetu imeni I.I. Mechnikova*. 27. pp. 235–256.

2. Gvozdyk, V.S. (2008) Politichni rezul'tati vivoriv do Ukraïns'kikh Ustanovchikh zboriv za dobi Tsentral'noi Radi [Political results of the elections to the Ukrainian Constituent Assembly during the Central Rada]. *Naukovi pratsi istorichnogo fakul'tetu Zaporiz'kogo derzhavnogo universitetu*. XXII. pp. 51–56.

3. Gusev, V.I. (1972) *Bor'ba bol'shevikov Ukrainy za osushchestvlenie leninskoy taktiki na vyborakh vo Vserossiyskoe i Vseukrainskoe uchreditel'nye sobraniya (mart 1917 – yanvar' 1918 g.)* [The struggle of the Bolsheviks of Ukraine for the implementation of the Leninist tactics in the elections to the All-Russian and All-Ukrainian Constituent Assemblies (March 1917 – January 1918)]. Kiev: [n.d.].

4. Gusev, V.I. & Krizhanovskiy, V.P. (1987) *V bor'be za osushchestvlenie leninskoy taktiki: Bol'sheviki Ukrainy v massovykh izbiratel'nykh kampaniyakh 1917 g.* [In the struggle for the implementation of the Leninist tactics: The Bolsheviks of Ukraine in the mass election campaigns of 1917]. Kiev: Vishcha shkola.

5. *Nova rada*. (1918a) Zaklik do bizhentsiv-selyan Kholmshchini. 9th January. p. 2.

6. Ukrainian People's Republic. (1917) *Zakon pro vibori do Ustanovchikh Zboriv Ukraïns'koi Narod'oi Respubliki* [Law on elections to the Constituent Assembly of the Ukrainian People's Republic]. Kiev: [s.n.].

7. Melnik, O.O. (1995) *Stavlennya Ukraïns'kikh politichnikh partiy do Vserosiys'kikh i Ukraïns'kikh ustanovchikh zboriv (berezen' 1917 – kviten' 1918 rr.)* [Attitude of Ukrainian political parties to the elections to the All-Russian and Ukrainian Constituent Assemblies (March 1917 – April 1918)]. History Cand. Diss. Kiev.

8. Rybalka, I.K. (1965) *Rabochiy klass Ukrainy na vyborakh vo Vserossiyskoe i Vseukrainskoe uchreditel'nye sobraniya* [The working class of Ukraine at the elections to the All-Russian and All-Ukrainian Constituent Assemblies]. *Istoriya SSSR*. 1. pp. 114–125.

9. Soboliv, M. (1932) *Vibori do Vserosiys'kikh ta Ukraïns'kikh ustanovchikh*

zboriv na Poltavshchini [Elections to the All-Russian and Ukrainian Constituent Assembly in Poltava Region]. *Litopis revolyutsii*. 5–6. pp. 71–96.

10. Storchaus, V. (2008) Vibori do Ukraïns'kikh Ustanovchikh zboriv za dobi Tsentral'noi Radi (gruden' 1917 – poch. 1918 r.) [Elections to the Ukrainian Constituent Assembly during the Central Rada (December 1917 – early 1918)]. *Naukoviy chasopis Natsional'nogo pedagogichnogo universitetu imeni M. P. Dragomanova. Seriya 6: Istorichni nauki*. 5. pp. 82–86.

11. *Nova rada*. (1918b) Ukraïns'ka partiya sotsialistiv-federalistiv [Ukrainian Party of Socialists-Federalists]. 9th January. p. 3.

12. Ukraine. (1917–1918a) *Kandidats'ki spiski*. 1917–1918 rr. [Candidate lists. 1917–1918]. The Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). Fund 1133. List 1. File 26.

13. Ukraine. (1917–1918b) *Dokumenti pro priednannya zalishkiv golosiv. 1917–1918 rr.* [Documents on joining the remaining votes. 1917–1918]. The Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). Fund 1133. List 1. File 32.

14. Ukraine. (1917–1918c) *Zhurnali zasidan' okruzhnikh komisij. 1917–1918 rr.* [Journals of meetings of district commissions. 1917–1918]. The Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). Fund 1133. List 1. File 38.

15. Ukraine. (1918a) *Zvit Golovnoi komisii pro stan viboriv za danimi na 19 bereznya 1918 r.* [Report of the Central Commission on the state of elections as of March 19, 1918]. The Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). Fund 1133. List 1. File 41.

16. Ukraine. (1917–1918d) *Listuvannya z okruzhnimi komisiyami po spravakh viboriv. 1917–1918 rr.* [Correspondence with district election commissions. 1917–1918]. The Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). Fund 1133. List 1. File 47.

17. Ukraine. (1918b) *Dokumenti pro rezul'tati viboriv. 1918 r.* [Documents on election results. 1918]. The Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). Fund 1133. List 1. File 53.

18. Ukraine. (1918c) *Spiski vibortsiv 73 Krim's'kogo polku i protokoli zasidan' viborchoi komisii. 1918 r.* [Lists of voters of the 73rd Crimean Regiment and protocols of meetings of the election commission]. The Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). Fund 1194. List 1. File 5. 1918.

19. Ukraine. (1917–1918e) *Protokoli komisii. 1917–1918 rr.* [Protocols of the commission. 1917–1918]. The Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). Fund 1194. List 1. File 6.

20. Ukraine. (1918d) *Zhurnali postupyayuchikh viborchikh dilovodstv i materialiv* [Journals of incoming election records and materials]. The Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). Fund 1194. List 1. File 7.

21. Ukraine. (1918e) *Protokoly i zhurnaly zasedaniy Krolevetskoj uezdnoy komisii* [Protocols and journals of meetings of the Krolevets district

commission]. The Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). Fund 2180. List 1. File 3.

22. Ukraine. (1917–1918f) *Zhurnaly zasedaniy Chernigovskoy okruzhnoy izbiratel'noy komissii* [Journals of the meetings of the Chernigov district election commission]. The Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). Fund 2180. List 1. File 19.

23. Ukraine. (1917–1918g) *Instruksiya voyskovym uchastkovym komissiyam po vyboram v Uchreditel'noe sobranie, spiski kandidatov, udostovereniya i perepiska po etim voprosam* [Instruction for military precinct commissions for elections to the Constituent Assembly, lists of candidates, certificates and correspondence on these issues]. The Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). Fund 2184. List 1. File 1.

24. Ukraine. (1917–1918h) *Perepiska s okruzhnoy izbiratel'noy komissiyey o provedenii vyborov* [Correspondence with the district election commission on elections]. The Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). Fund 2186. List 1. File 1.

25. Ukraine. (1917–1918i) *Protokoli № 1–4 zasidan' komisii* [Protocols 1–4 of meetings of the commission]. The Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). Fund 4444. List 1. File 1.

26. Ukraine. (1918f) *Spiski vibortsiv, kandidats'kiy spisok № 1* [Voter lists, candidate list № 1]. The Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). Fund 4444. List 1. File 6.

27. Jadlovska, O.S. (2012) *Uchast' natsional'nikh menshin u viborchiy kampanii do Ukraïns'kikh Ustanovchikh zboriv na Pivdni Ukraïni v period Tsentral'noi Radi* [Participation of national minorities in the election campaign to the Ukrainian Constituent Assembly in the South of Ukraine during the Central Rada]. *Naukovi pratsi istorichnogo fakul'tetu Zaporiz'kogo natsional'nogo universitetu*. XXXIV. pp. 82–87.

Чемакин Антон Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Anton A. Chemakin – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: a.chemakin@spbu.ru

УДК [94 “1944/1964”:271.2](478)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/67/14

Церковное подполье в Молдавии в 1944–1964 гг.: возникновение, формы, участники

В.А. Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко

Молдова, Приднестровье, 3300, Тирасполь, ул. 25 октября, 107

E-mail: sodol_slv@mail.ru

Авторское резюме

Послевоенный период в истории государственно-церковных взаимоотношений в Советской Молдавии прошёл под знаком перманентного нажима власти на церковные институты и духовенство, попыток постепенного вытеснения религии и церкви из жизни граждан. Её население в ответ на масштабное наступление на Церковь искало пути и средства для удовлетворения своих религиозных потребностей. Одним из таких путей был уход верующих в церковное подполье. Сокращение количества «официальных» приходов и зарегистрированного белого духовенства способствовало активизации деятельности т. н. самозванцев и самочинников, которые удовлетворяли религиозные потребности верующих в недействующих храмах или на домах у верующих. Зная, что по каноническим правилам проведение богослужений возможно только при наличии антиминса, освящённого архиереем, представители религиозных «двадцаток» при закрытии приходских храмов в массовом порядке прятали антиминсы и предоставляли их для служб при первой возможности представителям «легального» духовенства, самозванцам или самочинникам. Несмотря на ликвидацию монастырской системы, сокращение количества открытых приходских храмов, количество совершавшихся религиозных треб оставалось на примерно одинаковом уровне на протяжении всего рассматриваемого периода в том числе благодаря деятельности церковного подполья Молдавии, участниками которого были и верующие, и представители местного духовенства.

Ключевые слова: Кишинёвская епархия, Совет по делам РПЦ, самозванцы, самочинники, церковное подполье.

The church underground in Moldova in 1944–1964: emergence, shapes, participants

V.A. Sodol

Taras Shevchenko State University of Transnistria
107 October 25th Street, Tiraspol, 3300, Transnistria, Moldova
E-mail: sodol_slv@mail.ru

Abstract

The post-war period in the history of state-church relations in Soviet Moldova developed under the permanent pressure of the authorities on church institutions and clergy, with the attempts to gradually oust religion and the church from the lives of citizens. In response to the large-scale attack on the church, the population of Moldova was looking for ways and means to meet their religious needs. One of these ways was going into the church underground. The reduction in the number of “official” parishes and registered white clergy revitalized the so-called impostors, who satisfied the religious needs of believers in non-functioning temples or in their own houses. Knowing that, according to the canonical rules, the divine services were possible only if there was an antimimension consecrated by the bishop, the representatives of the religious “twenties” actively hid antimensions when parishes were closed to provide them to the “legal” clergy, impostors or the self-appointed for services at the first opportunity. Though the monastic system was eliminated and the number of working parish churches was reduced, the number of religious services remained almost unchanged throughout the period under study, which was possible in some degree due to the activities of the church underground of Moldova, whose participants were both believers and representatives of the local clergy.

Keywords: Moldavian SSR, Diocese of Chisinau, church, monastery, impostors, illegal clergy.

С момента формирования христианского вероучения и церковных институтов адепты новой религии были вынуждены скрываться от властей Римской империи, тайно проповедовать основы вероучения в многочисленных катакомбах в окрестностях Рима. Именно из этого начального периода истории Христианской Церкви возник термин «катакомбная церковь», который, по мнению А. Л. Беглова, имеет столетнюю историю. Впервые его применила игуменья Афанасия (Громко) в письмах к митрополиту Евлогию (Георгиевскому) в значении «храм, вынужденно действующий в непригодном для этого помещении» [1: 8]. С конца 1940-х гг. с подачи эмигранта, деятеля

«осифлянской» оппозиции И. Андреева выражения «катакомбы» и «катакомбная церковь» стали ведущими понятиями для описания церковной жизни в Советском Союзе со следующим комплексом значений: церковно-политическая оппозиционность какой-то церковной группы руководству Московской Патриархии, её нелегальность с точки зрения советского законодательства и последовательная «анти-советская» настроенность её членов [1: 10]. А. Беглов указывает на то, что яркая публицистическая окраска и очевидная двойственность (у одних авторов – это нелегальные общины, у других – оппозиционные, нелегальные и антисоветские) затрудняют использование термина «катакомбная церковь» в качестве научного определения. Он предложил использовать термин «церковное подполье» в отношении тех объединений верующих, которые имели отношение к Русской православной церкви. При этом понятие «подполье» понимается исключительно в юридическом ключе и означает то, что было советской властью запрещено, объявлено вне закона, стало нелегальным [1: 12]. Тем самым, понятие «церковное подполье» описывает все сферы жизни РПЦ, оказавшиеся за пределами легальности. В частности, он предложил отнести к этому понятию общины, не имевшие регистрации, предусмотренной советским законодательством, запрещённые формы молитвенной и социальной активности верующих (крестные ходы, помощь нуждающимся) и т. п.

Послевоенный период в истории государственно-церковных взаимоотношений в Советской Молдавии прошёл под знаком нескольких волн нажима власти на церковные институты и духовенство, попыток постепенного вытеснения религии и церкви из жизни граждан. Сокращение количества церквей и священников на приходах рассматривалось советскими идеологами и функционерами как задача первостепенной важности. Монастыри либо закрывали, либо душили ограничениями и налогами. Монахов, служивших священниками, требовали вернуть в монастыри. Молодёжи, желавшей поступить в духовные семинарии, чинили всяческие препоны. Но даже в этих условиях Молдавия представляла собой одну из самых набожных республик Советского Союза. Её население в ответ на масштабное наступление на церковь искало пути и средства для удовлетворения своих религиозных потребностей. Одним из таких путей был уход верующих в церковное подполье.

Важной предпосылкой наличия церковного подполья в Молдавии в послевоенные десятилетия известный своими исследованиями в области государственно-церковных отношений В.И. Пасат считает наличие у молдавского церковного актива большого опыта противостояния неприемлемым для себя новшествам периода румынской

оккупации края 1918–1940 и 1941–1944 гг. Именно такой характер имели движения старостильников, политические протесты и волнения на религиозной почве, монастырская оппозиционность, деятельность «независимых» бродячих священников и самозванцев, уход части верующих и духовенства в сектантство [18: 85].

Церковное подполье в Молдавии строилось прежде всего вокруг недействовавших храмов, получивших такой статус поначалу в период 1944–1945 гг. в связи с отсутствием священника либо плачевным техническим состоянием здания. Так, в 1946 г. из 950 молдавских храмов насчитывалось 349 недействующих. В конце 1957 г. таких церквей было 463 [19: 53]. Сокращение количества «официальных» приходов и зарегистрированного белого духовенства способствовало активизации деятельности т. н. самозванцев и самочинников, которые удовлетворяли религиозные потребности верующих в недействующих храмах или на домах у верующих. Об этой проблеме знало не только руководство епархии и патриархии, но и было сообщено верующим всего Советского Союза в «Журнале Московской патриархии»: «... в очень многих приходах (Кишинёвской епархии. – В.С.) религиозные нужды верующих удовлетворялись канонически неправомочными лицами» [17: 42]. Так, в 1948 г. благочинный Бельцкого и других районов¹ протоиерей И.С. Крыжановский сообщал, что на вверенной ему территории в храмах сёл Гринауцы, Пеления, Поповка, Бучумы, Пырлица и Тодорешты (Унгенского района), Сарата (Сынжерейского района) кощунствуют самозванцы П. Чабан, А. Гаевский, Донцу, М. Климов, С. Джунку [9: 192]. Своеобразие ситуации в Молдавии заключалось в том, что церкви и церковное имущество в республике было взято на учёт, но не национализировано (кроме храмов на левом берегу Днестра). Внешние признаки собственности (включая имевшиеся в распоряжении церковных активистов ключи от храмов) убеждали верующих в том, что у них есть все права на использование помещения и находящегося в нем имущества. Как верно отметил В.И. Пасат, «учитывая, что в Молдавии недействующие церкви были законсервированы вместе со всем “церковным оборудованием” (часто включая антиминсы), верующие полагали, что в этих церквях было все необходимое, за исключением священника, и любыми способами старались его заполучить» [18: 89]. Иногда самозванцы придавали своей деятельности определенную политическую направленность, определяя себя как альтернативу «священникам-коммунистам, обманывающим людей, чтобы побольше денег выжать», как бывший настоятель церкви Криулянского района [18: 90]. По словам Уполномоченного Совета по делам РПЦ при СМ СССР по Молдавской ССР П.Н. Роменского, «крайне вызывающим и неблагонадёжным» с

этой точки зрения было поведение вернувшихся в Молдавию двух репрессированных – архимандритов Макария (отца) и Варлаама (сына) Кирицы, которые «самоправно бродят по монастырям и сёлам и занимаются среди верующих и монашествующих отъявленной анти-советской работой... Они пытаются также сгруппировать вокруг себя все прочие реакционные, националистические элементы, имеющиеся среди местного духовенства» [19: 405].

Важным показателем стремления значительной части верующих выйти из вынужденного «церковного подполья» была подача ими ходатайств об открытии церковей и регистрации церковных общин как в церковные, так и в государственные инстанции. Эти действия церковных активистов повторялись из года в год, в ряде случаев – на протяжении нескольких десятилетий. Например, такие обращения поступали от верующих сёл Шибка Григориопольского района, Красногорка Тираспольского района, Маркауцы Сусленского района и др. [3: 3, 60; 4: 11]. О масштабах этого процесса можно судить по представленной в работе В.И. Пасата динамике количества подобных прошений во второй половине 1940–1950-х гг.: в 1946 г. – 18, в 1947 г. – 37, в 1948 г. – 112, в 1951 г. – 55, 1953 г. – 69, в 1954 г. – 106, в 1955 г. – 151, в 1956 г. – 322, в первом полугодии 1957 г. – 193 [18: 84; 19: 46, 56]. Во второй половине 1940-х гг. в Каменском районе заметной фигурой стал Иосиф Цехмистер, активно собиравший подписи на открытие церкви и назначение священника [3: 156]. О необходимости назначения священников на пустующие приходы, со своей стороны, просили руководителя епархии и назначенные им благочинные. Так, благочинный Каменского и других районов К.Ф. Буйницкий ходатайствовал перед епископом Нектарием (Григорьевым) о назначении священников на приходы сёл Большой Молокиш, Попенки, Колбасное [9: 230, 231]. В ряде случаев (с. Саицы Волонтировского района, с. Шибка Григориопольского района) верующие, понимая, что по объективным причинам в их приходские храмы назначить священнослужителей на постоянной основе не представлялось возможным, просили «разрешить служить в церкви по праздникам» [3: 70; 4: 33]. Из-за постоянного противодействия открытию храмов со стороны П.Н. Роменского представителям религиозных общин приходилось добиваться реализации своих прав у представителей все более высоких уровней власти. Так, верующие с. Баймакля об открытии церкви и назначении священника направили письмо депутату ВС МССР С.Ф. Романенко [11: 187]. Получив пять отказов от П.Н. Роменского, члены церковного правления и ревизионной комиссии с. Брынешты Оргеевского уезда осенью 1947 г. направили ходатайство о регистрации Рождество-Богородич-

ной церкви в селе на имя Председателя ВС МССР [5: 40, 41]. Заявление об открытии храма и назначении священника на имя Председателя Президиума ВС СССР Н. Шверника отправляли члены правления религиозных общин церквей с. Маловатое Дубоссарского района, сёл Колбасное Каменского района и Черница Вертужанского района [8: 57; 12: 61, 61а, 69, 70]. Помощи в вопросах возвращения церковных зданий и поставления священника ожидали от Г.М. Маленкова и К.Е. Ворошилова жители сс. Хрустовая Каменского района и Незавертайловка Слободзейского района [15: 111, 115, 116]. Община верующих села Коротное Слободзейского района, убедившись в бесплодности обращений к уполномоченному, председателю Совета по делам РПЦ при СМ СССР Г.Г. Карпову и даже Патриарху Московскому и всея Руси Алексию (Симанскому), пошла на отчаянный шаг и направила письмо с просьбой об открытии их молитвенного дома самому И.В. Сталину [13: 83, 84]. Известен случай, когда церковному активу с. Трифешты в их стремлении возобновить деятельность своего храма и реализовать закреплённое в Конституции право на свободу совести удалось заручиться поддержкой депутата ВС СССР Марии Петровны Фрунзе [5: 17]. Как верно утверждает В. Пасат, «поражает настойчивость, с которой бывшие церковные старосты, псаломщики, некоторые активные прихожане добивались осуществления своего права на веру предков. Упорство этих людей ставило в тупик даже изощренного в отказах Роменского» [18: 86]. Однако безрезультативность обращений верующих была предопределена решением Совета по делам РПЦ при СМ СССР ещё в 1946 г., которое зафиксировало следующее: «Принимая во внимание, что в МССР имеется значительное число действующих церквей, удовлетворяющих религиозные запросы верующих, предложить уполномоченному Совету Роменскому не проводить регистрацию церквей, служба в которых не проводится более года, а религиозные общины распались» [2: 1, 2]. Такое положение дел и способствовало главным образом переходу общин верующих на нелегальное положение.

Частым явлением в условиях отсутствия собственного храма в населённом пункте было удовлетворение религиозных потребностей верующими в соседних сёлах, где храмы продолжали функционировать. Так, после закрытия церкви св. Архангела Михаила в с. Строенцы крестить детей и венчаться люди ходили в соседние сёла тайком, ночью, потому что боялись гонений [21: 377].

Нередки были случаи, когда в пустовавших по причине отсутствия священнослужителя молдавских храмах по приглашению верующих служили не имевшие на это особого позволения от правящего архиерея священники из соседних сёл, а то и соседних украинских епархий.

Такая ситуация сложилась в уже упоминавшемся с. Шибка Григориопольского района, где время от времени выполнял требы верующих священник Михаил Талинский из с. Сош-Островское Украинской ССР [3: 73], в сёлах Грушка, Кузьмин, Хрустовая, Валя-Адынкэ Каменского района, а также ряде сёл Вертужанского района «по самоинициативе отдельных церковников» неоднократно служили Адриан Солтановский, священник Стрельбицкий, священник Ф. Молчановский и псаломщик А. Козловский из Винницкой епархии [3: 155; 4: 76, 149]. Благочинный Рышканского и других районов В. Корнич сообщал епископу Венедикту (Полякову), что «в Корнештском районе почти половину района занимает самозванец Гаевский, который объявил себя благочинным, назначает и переводит псаломщиков из прихода в приход, взимает взносы с церковей и пр.» [7: 111]. Руководство епархии различало среди лиц, служивших на незарегистрированных приходах «самозванцев» и «самочинников». К первым относили лиц, не имевших как сана священника, так и соответствующих разрешений церковной и гражданской властей, но совершавших тем не менее всевозможные богослужения и требоисправления. Ко второй категории причислялись лица, имевшие священнический сан, но совершавшие богослужения и требы без разрешения епархиальных властей и уполномоченного [7: 124, 125]. В начале 1950 г., видимо по распоряжению епископа Кишинёвского Нектария (Григорьева), был подготовлен список наиболее активных самозванцев и самочинников, действовавших на территории епархии. В нем были перечислены шесть человек: В.К. Шундяк, Г.К. Вилкин, Г.Д. Пьянкин, Ф.Э. Дынга, Г.И. Бенья, Д.А. Урсул [18: 476, 477]. Они служили литургии в закрытых храмах, освящали колодцы, совершали молебны о дожде с крестными ходами, совершали водосвятие вне храмов, выполняли все требы. Сохранился также составленный весной того же года список самозванцев и самочинников на территории Кишинёвско-Молдавской епархии, в котором значился 41 человек [12: 57]. Учитывая то, что общее количество зарегистрированных священников епархии в это же время не превышало 370 человек, не вызывает удивления вывод, сделанный благочинным В. Корничем в письме к епископу Нектария: «в нашей Епархии скоро образуется специальная новая "епархия" из самозванцев» [7: 111; 18: 459, 491].

Примечательно, что во многих случаях руководители сёл и колхозов становились на сторону «бродячих проповедников и служителей культа» или же «занимали нейтральную линию», поощряя тем самым их деятельность [14: 2]. Так, председатель сельсовета с. Дойбаны Дубоссарского района Маслород в мае 1951 г. выдал самозваному священнику (личность которого осталась неустановленной) справку

на право совершения общественной панихиды – поминовения умерших на сельском кладбище в день Радуницы, а председатель сельсовета с. Койково того же района письменно разрешил самозваному священнику К.И. Завыбороте совершать погребения на кладбище. Такие же документы выдали председатель сельсовета с. Солончены Резинского района Заец и председатель колхоза им. Чапаева Стратий «легальному» священнику Ханкевичу из соседнего с. Чорна [18: 576].

Были случаи окормления верующих в сёлах, где церкви были закрыты, ушедшими на покой священниками. Например, уроженец с. Колбасное Рыбницкого района священник Иаков Панга после ухода на пенсию вернулся в родное село и стал окормлять верующих – крестил детей, венчал молодых и отпевал умерших. При этом плату за обрядовые услуги никогда не брал. К нему приходили не только односельчане, но и жители других сёл и городов. Известен случай, когда одна женщина привезла к нему крестить 9 человек (своих детей и внуков) [21: 373].

Всевозможные ограничения на богослужебную деятельность иеромонахами молдавских монастырей, а затем и ликвидация монастырской системы в епархии также провоцировали уход некоторых их насельников в «подполье». Так, например, благочинный церковью Вертюжанского и других районов М. Кременский в 1947 г. сообщал, что из 12 недействовавших храмов его благочиния в четырёх (сёла Темелеуцы, Вертюжаны, Черепково, Солонец) службы проводили иеромонахи Добружского монастыря [6: 67]. Монахи Киприяновского монастыря также незаконно в с. Панасешты Страшенского района совершали погребения, освящение дворов, панихиды, а некоторые (Илларион (Сырбуленко), Пантелеймон (Мырза)) – даже исповеди и причащения не только больных, но и стариков и детей в возрасте 3–5 лет на домах у верующих [22: 190]. Монашествующие Кицканского монастыря, имея на руках выданные настоятелем обители удостоверения с монастырской печатью, служили в недействующих храмах панихиды, молебны и другие религиозные обряды. Таким образом, они подпольно удовлетворяли религиозные нужды в сёлах Копанка, Киркаешты, Калфа Бендерского района; Коркмазы, Паланка Олонештского района; Семеновка Волонтирского района; Рошканы, Бульбоки, Телица Бульбокского района; Салкуца Кайнарского района [14: 1].

Важным условием совершения богослужений в православных храмах является наличие в них антиминса – прямоугольного пласта с частицами святых мощей, возлагаемого на Святой Престол и предназначенного для совершения на нем Евхаристии [16: 70]. Это требование первоначально было установлено церковным Собором в Карфагене в 401 г., который постановил, что «должен быть отвергнут всякий храм, в котором не положены в основание мощи мучеников»

[16: 70]. В дальнейшем 7-м правилом VII Вселенского собора это постановление было конкретизировано: ни один храм не должен быть без святых мощей, которые должны быть положены в нем при освящении его епископом; только при наличии на Престоле в храме святых мощей в нем может совершаться Святая Евхаристия [16: 71]. Поскольку не всегда было возможно положить мученические мощи в основание храма, например в случае с домовыми церквями, для совершения Евхаристии в них были установлены антиминсы (греч. – вместо престола). Об их роли знаменитый византийский канонист Феодор Вальсамон утверждал следующее: «...антиминсы, освящённые архиереями во время освящения храма, а затем переданные молитвенным домам, служат вместо освящения, поэтому и называются антиминсами, т. е. изображением, образом многих такого рода столов, которые составляют святую Господню трапезу» [16: 71]. В «Чинольнике архиерейского священнослужения» было предписано при совершении всех трех чинов литургии раскрывать антиминс во время возгласа «Да и тии с нами славят...», что указывает на то, что во всех храмах, в том числе и в лично освящённых епископами, Бескровная жертва может приноситься только при наличии святого антиминса [16: 72].

Важным фактором участвовавшего применения антиминсов стали случаи нападений и разрушений христианских храмов со стороны еретиков и язычников, поскольку, со слов епископа Китрского Иоанна (византийского писателя и канониста, современника Ф. Вальсамона), «антиминсы раздаются по всем местам, где в них есть нужда, и употребление их, по благодатной силе, получаемой ими, не ограничивается теми или другими пределами, ибо и в чужих землях, как божественное миро и другие святыни, они пользуются полным уважением и благоговейным употреблением, будучи освящаемы только по преданию отцев» [16: 72]. Именно поэтому в условиях периодических волн закрытия молдавских храмов, представители религиозных «двадцаток» при возникновении угрозы прекращения деятельности их приходских храмов в массовом порядке прятали антиминсы. Тем временем они предоставляли их при первой возможности для служб не только представителям «легального» духовенства, но даже самозванцам и самочинникам. Так, в марте 1949 г. жители и председатель сельсовета с. Кышла Кишкаренского района воспротивились попытке изъятия антиминса из их незарегистрированной церкви благочинным Унгенского и других районов священником Г. Пьянкиным [10: 210]. Не отдали антиминса из своего храма священнику Е. Терлецкому и верующие с. Сипотены Каларашского района, который, будучи переведён на другой приход, пытался увезти его с собой [10: 334]. Известен и прямо противоположный случай – весной

1947 г. бывший священник с. Кугурешты Ф. Шундяк забрал антиминс из церкви с. Васкауцы Вертужанского района и впоследствии, не будучи назначен епископом ни на один приход, по приглашению верующих незаконно служил в различных пустующих храмах республики [4: 62; 9: 1, 2]. Служил «на имеющихся у него старых антиминсах из незарегистрированных храмов с. Костешты Болотинского района» и запрещённый в священнослужении Г.И. Бея [12: 4].

Вообще при закрытии храмов члены религиозной общины старались сохранить наиболее ценные вещи и инвентарь. Так, прихожане церкви Рождества Пресвятой Богородицы с. Вадул-Туркул Рыбницкого района тайно спасали святыни своего храма: кресты, иконы, утварь. Многие сельчане помнят самоотверженность Е.И. Подоляна, сохранившего Святую Чашу, Плащаницу и многое другое [21: 370]. Прихожане церкви св. Архангела Михаила с. Колбасное Рыбницкого района после закрытия храма бережно сохранили колокола (закопали в землю), старинные иконы «Воскресение», «Пресвятая Богоматерь», «Младенец Иисус», фрагменты старого иконостаса (Царские врата) [21: 373, 374]. В с. Строенцы члены религиозной общины сохранили церковную утварь и иконы, которые раньше были в храме [21: 377]. Часть уцелевшего после бомбардировки в 1944 г. церковного имущества храма с. Селиште Григориопольского района сохранил Г.Ф. Годорожа с супругой и затем в 1946–1947 гг. его использовал иеромонах Курковского монастыря, служивший в этом храме без соответствующего распоряжения правящего архиерея [4: 7, 64].

В условиях «оттепели» расцвели такие формы выражения религиозного энтузиазма, за которые коммунисты никого не преследовали, но и санкции на них не давали: сооружение и реставрация крестов на перекрёстках дорог, в сёлах, у колодцев [19: 57, 58]. Например, по сообщениям П.Н. Роменского, даже в начале 1950-х гг. в республике наблюдалось чуть ли не повсеместное восстановление на дорогах и у колодцев в населённых пунктах крестов и часовен [18: 580]. Практика восстановления старых и сооружения новых крестов у дорог и колодцев как в сёлах, так и в городах республики продолжалась и в дальнейшем и затронула даже столицу Молдавии. В г. Кишинёве, в районе Старой Почты у дороги, ведущей на г. Оргеев, в июне 1954 г. верующими по инициативе В.Г. Савина с женой, колхозника М. Карамана из с. Гратиешты был сооружён крест. 12 июня он был неизвестными лицами сломан, но на его месте по прошествии всего лишь нескольких дней был сооружён новый, железный [19: 253]. Тогда же были отремонтированы и возведены новые кресты в с. Панашешты Страшенского района, а также в сёлах Кишинёвского, Котовского, Ниспоренского, Оргеевского, Бравичского, Вадул-луй-Водского,

Бульбокского, Криулянского и целого ряда других районов [19: 254].

Несмотря на значительное сокращение сети действовавших церквей, ликвидацию монастырской системы в республике и иные ограничительные мероприятия со стороны гражданских органов власти Молдавской ССР, уполномоченный А.И. Олейник в первой половине 1960-х гг. в ежегодных отчётах вынужден был констатировать, что «религиозная обрядность почти не снижается, а в ряде населённых пунктов даже растёт... Администрирование по отношению к духовенству и религиозным объединениям... вместо ослабления приводит к разжиганию религиозного фанатизма, вызывает сочувствие к ним и защиту их со стороны верующих» [20: 308, 309]. Так, по информации уполномоченного за период 1961–1964 гг., доля крещений новорождённых составляла от 52 до 46,9 %; обряд венчания совершали от 31 до 25 % вступающих в брак, а хоронили по религиозному обряду от 41,8 до 30,4 % умерших [20: 133, 134, 207, 262, 308].

Можно согласиться с мнением А. Беглова о том, что политика советских властей привела к вытеснению, невольному уходу за границу легальности и росту церковного подполья. Различные виды монастырей, снятые с регистрации приходы, паломничества, благотворительность, образование и хозяйственная деятельность – все, чему не было места в легальной церковной жизни, продолжало существовать за её пределами [1: 100]. Российская церковь, подобно айсбергу, погружающемуся под воду, скрывалась за границей легальности, оставляя «над водой» лишь крошечную верхушку.

О фактическом бессилии и отсутствии действенных результатов административных «нажимов» на православную церковь в Молдавии было заявлено председателем Совета по делам религий в конце 1964 г.: «...администрирование по отношению к церкви со стороны некоторых руководящих работников местных органов власти усиливает религиозный фанатизм, и в то же время неудовлетворительный контроль за соблюдением законодательства о культах используется духовенством и церковниками по расширению их деятельности за рамки существующих советских законов» [20: 296].

Итак, в результате негативных последствий немецко-румынской оккупации, а также перманентного давления со стороны советских органов власти на Церковь и её институты в Молдавской ССР существенно сократились возможности для удовлетворения религиозных нужд православных верующих: сократилось число действовавших храмов, резко уменьшилось количество священников, закрывались монастыри, а иеромонахи отзывались с приходов. Значительная часть церковного актива осознавала неестественность сложившегося положения, расхождение действительности с провозглашённым в

действовавшей Конституции принципом свободы совести и систематически на протяжении многих лет предпринимала безуспешные попытки добиться возобновления деятельности закрытых храмов и поставления на приходы священников. В этих условиях паства Кишинёвской епархии активно искала пути выхода из создавшегося положения, одним из которых стал уход верующих в церковное подполье. Перевод многих сфер религиозной жизни православных верующих за пределы легальности в Молдавии был облегчён уже имевшимся в их распоряжении опытом сопротивления неприемлемым для них новшествам периода румынской оккупации края 1918–1940 гг. (движение старостильников, бродячие священники и самозванцы и пр.). Церковное подполье в Молдавии послевоенного периода строилось вокруг недействовавших храмов, с привлечением к исполнению в них церковных служб не только «легальных» священников (например, из соседних приходов и даже епархий, иеромонахов местных монастырей), но и лиц, отнесенных Церковью к категориям самозванцев и самочинников. Специфическими формами деятельности активистов церковного подполья в Молдавии были сооружение и реставрация крестов на перекрёстках дорог, в сёлах, у колодцев. Несмотря на ликвидацию монастырской системы, сокращение количества открытых приходских храмов, количество совершавшихся религиозных треб оставалось на примерно одинаковом уровне на протяжении всего рассматриваемого нами периода, что свидетельствует как о масштабах, так и об эффективности деятельности церковного подполья Молдавии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Согласно Положению об управлении РПЦ, Кишинёвская епархия вплоть до 1962 г. разделялась на благочиннические округа во главе с благочинными. В рассматриваемый период количество округов варьировалось от 7 до 19. Территория благочиннического округа поначалу совпадала с территорией соответствующего уезда МССР (для правобережья республики) и всеми районами её левобережной части. После унификации территориально-административного деления Молдавии благочиния непродолжительное время совпадали с административными районами. На протяжении 1950-х гг. сохранялось деление епархии на 13 благочиний, каждое из которых охватывало церкви, расположенные в пределах приблизительно 5 административных районов [18: 238, 246–247].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беглов А.* В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, «Арефа», 2008. 352 с.

2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 60. Материалы по республикам, краям и областям, справки и докладные записки, 1947 г.

3. Национальный архив Республики Молдова (НАРМ). Ф. 3046. Оп. 1. Д. 12. Жалобы и заявления по вопросам относящимся к деятельности РПЦ и переписка по ним, 1946 г.

4. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 13. Жалобы и заявления по вопросам относящимся к деятельности РПЦ и переписка по ним, 1947 г.

5. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 14. Заявления верующих об открытии церквей и молитвенных домов и материалы к ним, 1947 г.

6. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 15. Жалобы и заявления по вопросам относящимся к деятельности РПЦ и переписка по ним, 1947 г.

7. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 17. Материалы, поступающие из Епархиального управления по вопросам, относящимся к деятельности православных церквей и монастырей, 1948 г.

8. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 21. Заявления верующих об открытии церквей, молитвенных домов и материалы к ним, 1948 г.

9. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 24. Жалобы и заявления по вопросам относящимся к деятельности РПЦ и переписка по ним, 1948 г.

10. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 26. Материалы, поступающие из Епархиального управления по вопросам, относящимся к деятельности православных церквей и монастырей, 1949 г.

11. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 29. Жалобы и заявления по вопросам относящимся к деятельности РПЦ и переписка по ним, 1949 г.

12. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 33. Материалы, поступающие из епархиального управления по вопросам, относящимся к деятельности православных церквей и монастырей, 1950 г.

13. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 45. Жалобы и заявления по вопросам относящимся к деятельности РПЦ и переписка по ним, 1952 г.

14. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 47. Информации и справки о деятельности православных церквей по Тираспольскому округу, 1953 г.

15. НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 50. Жалобы и заявления по вопросам относящимся к деятельности РПЦ и переписка по ним, 1953 г.

16. *П.Е.* Русские антиминсы (церковно-археологический очерк) // Журнал Московской патриархии. 1964. № 2. С. 70–73.

17. *Петров С.* Из Кишинёвской епархии // Журнал Московской патриархии. 1947. № 8. С. 42–43.

18. Православие в Молдавии: власть, церковь, верующие. 1940–1991. Собрание документов: в 4 т. Т. 1. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. 823 с.

19. Православие в Молдавии: власть, церковь, верующие. 1940–1991. Собрание документов: в 4 т. Т. 2. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 967 с.

20. Православие в Молдавии: власть, церковь, верующие. 1940–1991. Собрание документов: в 4 т. Т. 3. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. 663 с.

21. Святыни русского Православия юга Украины и Молдавии: историко-документальный фотоальбом. Тирасполь: Б.и., 2016. 400 с.

22. Содоля В.А. Монастыри Советской Молдавии: взаимоотношения с государством и хозяйственная деятельность (1944–1962). Тирасполь: Stratum Plus, 2015. 256 с.

REFERENCES

1. Beglov, A. (2008) *V poiskakh "bezgreshnykh katakomb". Tserkovnoye podpol'e v SSSR*. [In search of "sinless catacombs." The Church underground in the USSR]. Moscow: Publishing Council of the Russian Orthodox Church; Arefa.

2. USSR. (1947) *Materialy po respublikam, krayam i oblastyam, spravki i dokladnye zapiski* [Materials on the republics, territories and regions, references and memorandums]. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 6991. List 2. File 60.

3. USSR. (1946) *Zhaloby i zayavleniya po voprosam otnosyashchimsya k deyatel'nosti RPTs i perepiska po nim* [Complaints and statements on issues related to the activities of the Russian Orthodox Church and correspondence on them]. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 3046. List 1. File 12.

4. USSR. (1947) *Zhaloby i zayavleniya po voprosam otnosyashchimsya k deyatel'nosti RPTs i perepiska po nim* [Complaints and statements on issues related to the activities of the Russian Orthodox Church and correspondence on them]. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 3046. List 1. File 13.

5. USSR. (1947) *Zayavleniya veruyushchikh ob otkrytii tserkvey i molitvennykh domov i materialy k nim* [Declarations of believers on the opening of churches and prayer houses and materials for them]. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 3046. List 1. File 14.

6. USSR. (1947) *Zhaloby i zayavleniya po voprosam otnosyashchimsya k deyatel'nosti RPTs i perepiska po nim* [Complaints and statements on issues related to the activities of the Russian Orthodox Church and correspondence on them]. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 3046. List 1. File 15.

7. USSR. (1948) *Materialy, postupyushchie iz Eparkhial'nogo upravleniya po voprosam, otnosyashchimsya k deyatel'nosti pravoslavnykh tserkvey i monastyrey* [Materials received from the Diocesan Administration on issues related to the activities of Orthodox churches and monasteries]. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 3046. List 1. File 17.

8. USSR. (1948) *Zayavleniya veruyushchikh ob otkrytii tserkvey i molitvennykh domov i materialy k nim* [Statements of believers on the opening of churches,

prayer houses and materials for them]. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 3046. List 1. File 21.

9. USSR. (1948) *Zhaloby i zayavleniya po voprosam otnosyashchimsya k deyatel'nosti RPTs i perepiska po nim* [Complaints and statements on issues related to the activities of the Russian Orthodox Church and correspondence on them]. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 3046. List 1. File 24.

10. USSR. (1949) *Materialy, postupayushchie iz Eparkhial'nogo upravleniya po voprosam, otnosyashchimsya k deyatel'nosti pravoslavnykh tserkvey i monastyrey* [Materials received from the Diocesan Administration on issues related to the activities of Orthodox churches and monasteries]. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 3046. List 1. File 26.

11. USSR. (1949) *Zhaloby i zayavleniya po voprosam otnosyashchimsya k deyatel'nosti RPTs i perepiska po nim* [Complaints and statements on issues related to the activities of the Russian Orthodox Church and correspondence on them]. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 3046. List 1. File 29.

12. USSR. (1950) *Materialy, postupayushchie iz Eparkhial'nogo upravleniya po voprosam, otnosyashchimsya k deyatel'nosti pravoslavnykh tserkvey i monastyrey* [Materials received from the Diocesan Administration on issues related to the activities of Orthodox churches and monasteries]. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 3046. List 1. File 33.

13. USSR. (1952) *Zhaloby i zayavleniya po voprosam otnosyashchimsya k deyatel'nosti RPTs i perepiska po nim* [Complaints and statements on issues related to the activities of the Russian Orthodox Church and correspondence on them]. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 3046. List 1. File 45.

14. USSR. (1953) *Informatsii i spravki o deyatel'nosti pravoslavnykh tserkvey po Tiraspol'skomu okrugu* [Information and certificates on the activities of Orthodox churches in Tiraspol district]. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 3046. List 1. File 47.

15. USSR. (1953) *Zhaloby i zayavleniya po voprosam otnosyashchimsya k deyatel'nosti RPTs i perepiska po nim* [Complaints and statements on issues related to the activities of the Russian Orthodox Church and correspondence on them]. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 3046. List 1. File 50.

16. P.E. (1964) Russian Antimins (church-archaeological essay). *Zhurnal Moskovskoy patriarkhii*. 2. pp. 70–73 (in Russian).

17. Petrov, S. (1947) From the Diocese of Chisinau. *Zhurnal Moskovskoy patriarkhii*. 8. pp. 42–43 (in Russian).

18. Pasat, V. (ed.) (2009) *Pravoslavie v Moldavii: vlast', tserkov', veruyushchie. 1940–1991. Sobranie dokumentov* [The Orthodoxy in Moldavia: power, church, and believers. Collected documents]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.

19. Pasat, V. (ed.) (2010) *Pravoslavie v Moldavii: vlast', tserkov', veruyushchie. 1940–1991. Sobranie dokumentov* [The Orthodoxy in Moldavia: power, church, and believers. Collected documents]. Vol. 2. Moscow: ROSSPEN.

20. Pasat, V. (ed.) (2011) *Pravoslavie v Moldavii: vlast', tserkov', veruyushchie. 1940–1991. Sobranie dokumentov* [The Orthodoxy in Moldavia: power, church, and believers. Collected documents] Vol. 3. Moscow: ROSSPEN.

21. Transnistria. (2016) *Svyatyni russkogo Pravoslaviya yuga Ukrainy i Moldavii: istoriko-dokumental'nyy fotoal'bom* [Shrines of Russian Orthodoxy in the South of Ukraine and Moldova: a historical and documentary photo album]. Tiraspol: [s.n.].

22. Sodol, V.A. (2015) *Monastyri Sovetskoy Moldavii: vzaimootnosheniya s gosudarstvom i khozyaystvennaya deyatel'nost' (1944–1962)* [Monasteries in Soviet Moldavia: Their relations with the State and Economic Activities (1944 – 1962)]. Tiraspol: Stratum Plus.

Содоль Вячеслав Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории института государственного управления, права и социально-гуманитарных наук Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (Молдова, Приднестровье).

Veacheslav A. Sodol – Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria).

E-mail: sodol_slv@mail.ru

УДК 82.09:821.162.1

UDC

DOI: 10.17223/18572685/67/15

Гуцульська «Весна народів» Каєтана Абгаровича: дискурс пограниччя як стану свідомості культури

І.Я. Микитин¹, С.М. Луцак², О.А. Федорова³

Івано-Франківський національний медичний університет
Україна, 76018, Івано-Франківськ, вул. Галицька, 2

¹ E-mail: mikitin@ifnmu.edu.ua

² E-mail: sv.lutsak@gmail.com

³ E-mail: olexandrafedorova@gmail.com

Авторське резюме

Стаття присвячена літературознавчому дослідженню карпатського вияву історичних подій так званої «Весни народів» (1848–1849 рр.) на основі оповідання «Примисливському вогнищі» зі збірки «Русини» польського письменника вірменського походження кінця XIX – початку XX ст. Каєтана Абгаровича (Абгара-Солтана). Зосереджено увагу на дискурсі пограниччя як стану свідомості культури – «своєї» з перспективи польського автора і гуцульської – «іншої» в ракурсі імагологічного відображення суспільних настроїв XIX ст. Окреслено особливості екзистенції карпатського суспільства в період до «Весни народів» як виміру культурного пограниччя польського, гуцульського, німецького, єврейського, ромського етносів, що співіснували у повсякденні, зберігаючи незмінними свої фундаментальні цінності. Увиразнено ситуацію буття гуцульської спільноти у безумовній акцептації горянами австрійського імперативу, моделі сусідства з поляками, довірливих відносинах із ромами, проте інфернальному вияві міфологізації німецької спільноти в особі локального урядника та його оточення. Прослідковано особливості гуцульської рецепції новин про повстання проти Габсбургів поза Карпатами та розгортання революційних подій місцевої «дивної весни» у площині протистояння горян із місцевою владою на час перебування на гірських теренах збунтованого проти австрійського цесаря угорського війська. Проаналізовано вплив революційних подій на гуцульську спільноту, зокрема у площині усвідомлення культурної ідентичності гуцула як представника окремого етносу з власною історією опору в форматі опиришківства, «іншим», незвичним для поляків етнокраєвидом, аксіологією та онтологією. Підсу-

мовано, що Каєтан Абгарович в оповіданні «При мисливському вогнищі» творить літературну версію подій «Весни народів» у Карпатах, пропонуючи новий погляд на питання взаємовідносин «свого» та «іншого» з позиції діалогу.

Ключові слова: польська література, Весна народів, Гуцульщина, креси, культурне пограниччя, культурна ідентичність, гуцули.

Гуцульская «Весна народов» Каэтана Абгаровича: дискурс пограничья как состояния сознания культуры

И.Я. Микитин¹, С.Н. Луцак², А.А. Фёдорова³

Ивано-Франковский национальный медицинский университет
Украина, 76018, Ивано-Франковск, ул. Галицкая, 2

¹ E-mail: mikitin@ifnmu.edu.ua

² E-mail: sv.lutsak@gmail.com

³ E-mail: olexandrafedorova@gmail.com

Авторское резюме

Приводится литературоведческое исследование карпатского проявления исторических событий так называемой «Весны народов» (1848–1849 гг.) на основе рассказа «У охотничьего костра» из сборника «Русины» польского писателя армянского происхождения конца XIX – начала XX в. Каэтана Абгаровича (Абгара-Солтана). Внимание сфокусировано на дискурсе пограничья, как состояния сознания культуры – «своей» с перспективы польского автора и гуцульской – «иной» в ракурсе имагологического отражения общественных настроений XIX в. Определены особенности экзистенции карпатского общества в период до «Весны народов», как измерения культурного пограничья польского, гуцульского, немецкого, еврейского, цыганского этносов, которые сосуществовали в повседневности, сохраняя неизменными свои фундаментальные ценности. Очерчена ситуация бытия гуцульского сообщества в безусловной акцептации горцами австрийского императива, модели соседства с поляками, доверительных отношений с цыганами, однако inferнальном проявлении мифологизации немецкого этноса в лице локального урядника и его окружения. Исследуются особенности гуцульской рецепции новостей о восстании против Габсбургов за пределами Карпат и развертывания революционных событий местной «странной весны» в ситуации противостояния горцев с местными властями во время

пребывания на горных просторах взбунтовавшегося против австрийского императора венгерского войска. Проанализировано влияние революционных событий на гуцульское сообщество, в частности в контексте осознания культурной идентичности гуцула, как представителя отдельного этноса с собственной историей сопротивления в формате опрышковского движения, «иным», необычным для поляков культурным пейзажем, аксиологией и онтологией. Подытожено, что Каетан Абгарович в рассказе «У охотничьего костра» создает литературную версию событий «Весны народов» в Карпатах, предлагая новый взгляд на вопросы взаимоотношений «своего» и «ино-го» с позиции диалога.

Ключевые слова: польская литература, Весна народов, Гуцульщина, кресы, культурное пограничье, культурная идентичность, гуцулы.

The Hutsul Springtime of Nations by Kajetan Abgarowicz: the discourse of the borderland as a state of culture awareness

I.Y. Mykytyn¹, S.M. Lutsak², O.A. Fedorova³

Ivano-Frankivsk National Medical University

2 Halytska Street, Ivano-Frankivsk, 76018, Ukraine

¹ E-mail: mikitin@ifnmu.edu.ua

² E-mail: sv.lutsak@gmail.com

³ E-mail: olexandrafedorova@gmail.com

Abstract

This literary study of the Carpathian manifestation of The Springtime of Nations (1848–1849) is based of the short story “At the Hunting Campfire” from the collection “Rusini” [The Rusins] by Kajetan Abgarowicz (Abgar-Soltan), a Polish writer of Armenian descent of the late 19th – early 20th century. The imagological reflection of public sentiments of the 19th century is analysed through the lens of the discourse of the borderland as a state of culture awareness: the Polish (“ours” from the perspective of the Polish author) and “theirs” (i.e. Hutsul). The authors determine the Carpathian society before The Springtime of Nations as cultural borderlands of the Polish, Hutsul, German, Jewish, and Gypsy ethnic groups coexisted in daily life, with their fundamental values unchanged. They argue that the Hutsul community unconditionally accepted the imperative the Austrian highlanders, the model of neighborhood with the Poles, and

trusting relations with the gypsies, but infernally mythologized of the Germans in the person of the local officer and his entourage. The focus is placed on the peculiarities of the Hutsul reception of news about the uprising against the Habsburgs outside the Carpathians and the development of the revolutionary events of the local “strange spring” in the context of the confrontation between the highlanders and the local authorities during the Carpathian stay of the Hungarian army, which rebelled against the Austrian emperor. The impact of revolutionary events on the Hutsul community is analyzed within their cultural identity awareness as of representatives of a separate ethnic group with its own history of resistance in in the context of opryshoks, an unusual, non-Polish cultural landscape, axiology, and ontology. In his “At the Hunting Campfire”, Kajetan Abgarowicz creates a literary version of the The Springtime of Nations in the Carpathians, with a new look on the dialogue in the relationship between “our” and “their” cultural universes.

Keywords: Polish literature, The Springtime of Nations, Hutsul region, kresy, cultural borderland, cultural identity, Hutsuls.

В сучасному літературознавстві феномен культурного пограниччя постає складним явищем, що репрезентує погляд на світ у його палімпсестному вияві. Вимір буття «поміж» полівалентно увиразнює особливу діалогічну сутність культури, виявлену в площині взаємодії “свого» та «іншого». Відповідно до позиції К. Куявінської-Кортні, «культура не тільки творить саму себе, але й надає значення дійсності, яка своєю чергою такою її визначає» (тут і далі пер. з пол. наш. – Авт.) [27: X]. У ситуації культурного пограниччя письменство як одна із багатьох мов культури може брати на себе своєрідну компенсаторну функцію, що виражена у творчому моделюванні бажаної для спільноти ситуації задля збереження культурної ідентичності у ситуації загрози. Польська дослідниця М. Домбровська-Партика пояснює: «Література, яка екзистує в деякій мірі замість цілого спектру спеціальних дискурсів, що обслуговують різноманітні сфери життя колективності, є в цьому (пограничному. – Авт.) просторі чимось у вигляді хліба людських умислів» [19: 9]. Письменство українсько-польського пограниччя цілком віддзеркалює такий інтелектуальний вимір, якому властива множинність поглядів на «центр» та «периферію», «своє» та «інше», конфронтація яких особливо загострена й в іншому смислового ключі – у площинах поміж «високою» та «масовою» літературами з акцентом на другосортність останньої з перспективи «центру». Невідповідність канонічним схемам, яка відрізняє «масову» літературу, має свою перевагу, оскільки відкриває новий пласт прихованих значень і смислів, закорінених на пограниччі. У такому ракурсі цікавою для

дослідження постає творчість польського письменника вірменського походження Каєтана Абгаровича, що, на думку польської дослідниці К. Дронг, «є не тільки дзеркалом епохи, але і белетристичною відповіддю на суперечність та складність галицького світу другої половини XIX століття» [20: 9]. Така відповідь особливо цінна тим, що ілюструє дійсність, як вона є, увиразнюючи те, що залишилося поза увагою «високої» літератури Генрика Сенкевича, Болеслава Пруса, Елізи Ожешко.

Каєтан Абгарович (1856–1909) відомий у письменстві під псевдонімом Абгар-Солтан. На сьогодні його прозові твори вважають яскравими зразками польської «кресової» літератури кінця XIX – початку XX ст., що за життя митця були надзвичайно популярними в читацьких колах поляків Галичини, а отже, формували уявлення спільноти про дійсність на «кресах» та репрезентували своєрідні ціннісні орієнтири польського етносу у сприйнятті «себе» та «інших». Незважаючи на забуття постаті автора після смерті, в польському літературознавстві кінця XX – початку XXI ст. тексти Каєтана Абгаровича стали об'єктом наукового дослідження у контексті вивчення «кресової» спадщини (Б. Гадачек [24], Я.А. Хороши [18]), реінтерпретації популярної літератури з перспективи гетерогенності письменства (С. Ульях [29]), аналізу проблематики галицького етнічного, народного та суспільного тиглю (К. Дронг [20]), опрацювання гендерних питань (К. Глінянович [23]). В українському літературознавстві дослідження художніх здобутків поляка представлене критичним відгуком І. Франка на збірку оповідань Абгара-Солтана «Русини» [14], кількома біографічними замітками В. Полека [10; 11], дослідженням нарису Каєтана Абгаровича про життя і творчість Юрія Федьковича «Осип-Юрій Федькович – руський народний поет на Буковині» в опрацюванні М.І. Юрійчука та Л.А. Івашкевич [16], а також Л.М. Ковалець [4]. Топос Гуцульщини у творчості Каєтана Абгаровича та Юрія Федьковича опрацьований І.Я. Микитин [7–9]. Окреслений проблемний спектр досліджень творчості польського митця тільки опосередковано стосується питання аналізу ключових історичних подій у вимірі пограниччя та їхнього впливу на формування культурної свідомості через літературні тексти, а саме: вивчення дискурсу Абгаровичевого «гуцульського» пограниччя як стану свідомості культури – і «своїєї» польської з перспективи автора, і гуцульської – «іншої» як імагологічного відображення суспільних настроїв XIX ст. у контексті подій так званої «Весни народів» 1848–1849 рр. на матеріалі оповідання польського письменника «При мисливському вогнищі» зі збірки «Русини» (1893).

В центрі нашого дослідження – Гуцульщина, що, відповідно до концепції історико-етнографічного районування С.Г. Суляка, «населена

гуцулами (однією з етнічних груп русинів), займає північно-східну частину українських Карпат в межах Галичини, Буковини, Закарпаття і румунського Марамуреша» (пер. з рос. – О.Ф.) [12: 290]. Такий акцент в означенні меж Гуцульщини важливий у врахуванні внутрішнього поділу Карпат на галицьку, буковинську та угорську (закарпатську) частини, що співвіднесені з контактними площинами відповідних етнографічних районів, уособлюючи неоднорідність гуцульської культури. Кастан Абгарович у прозовому творі «При мисливському вогнищі» змальовує світ саме галицьких горян, ідентичність яких розвивалася в нетотожних з іншими гуцульськими вимірами історичних умовах. Тому в художній інтерпретації Гуцульщини польського письменника ключовим є врахування історико-культурного дискурсу Галичини «габсбурзьких» часів з осердям у ХІХ ст., зокрема культурних міфів, стереотипів, ціннісних орієнтирів, що витворювали особливу ауру життя на карпатському пограниччі, а передусім усвідомлення Абгаровичем Карпатських гір як своєї межі польських «кресів».

У світосприйнятті письменника і його польської спільноти Карпатські гори належали до «східних кресів» – теренів Речі Посполитої, що після третього поділу Польщі 1795 р. перестала існувати. Ці пограничні землі ще за часів першого поділу Польщі у 1772 р. відійшли до Габсбурзької імперії в склад адміністративно-територіальної одиниці під назвою «Королівство Галичини та Володимерії з великим князівством Краківським і князівствами Освенцима і Затору», проте в свідомості поляків багатьох поколінь вони міфологізувались до рівня «втраченої Аркадії» як місця початків польськості. У випадку Кастана Абгаровича міфотворчість забезпечувала своєрідне «переживання» приналежності до спільного культурного універсуму, що було необхідне для збереження польської присутності на «кресах» в часи втрати державності. Під призму полоноцентризму вірменин за походженням й змальовує Гуцульщину, проте акцентує на відмінних порівняно зі звичними для поляків з «рівнин» стилі життя, цінностях, природі, що в житті мешканців Карпатських гір уособлювали «малу вітчизну». Відповідно, за словами польського літературознавця Ст. Ульша про особливе трактування пограниччя, що являє собою «різновид антропосу, який посідає власну онтологію, власний "центральний краєвид", власну ідентичність і власну аксіологію» [30: 9], гуцульський край уособлював «інший» вимір пограничності, де поряд функціонували різні культурні системи, зокрема гуцульський і польський універсуми, що співіснували на спільній території поряд з німецьким, єврейським, вірменським, ромським «паралельними» світами, взаємодіючи між собою у повсякденні. У візії гуцульської етнічної спільноти польський культурний світ, як і інші етнічні спільноти, поставав тільки одним із

багатьох культурних універсумів карпатської мозаїки, що екзистувала в ситуації взаємодії, взаємопроникання та взаємозбагачення, проте при цьому фундаментальні цінності кожної культурної спільноти залишалися незмінними.

Власне, прозовий твір «При мисливському вогнищі» Каєтана Абгаровича вже у своїй сутності віддзеркалює культурний діалог, оскільки побудований як історія в історії, репрезентуючи польський наратив як обрамлення до гуцульського. Сюжет розпочинається своєрідними подорожніми імпресіями польського шляхтича-мисливця та митця про полювання в Карпатах на ведмеда, все ж в центрі твору – історія гуцула-провідника про часи його молодості. Письменник описує, як група мандрівників зупиняється через грозу в горах. Розбурхану під час бурі природу один з провідників – гуцул Микола Куниш – пов'язує з ревом потвор. Горянин пояснює: «Мільнерові ведмідь і пес вже радіють... і на граничній полонині, там поміж Попом-Іваном і Говерлою вискакують... Це для них рай – буря або завірюха» [17: 219]. Мисливці біля вогнища слухають розповідь-спогади старого гуцула про інfernальне походження істот, які є дітьми німецького мандатора (урядника) Мільнера і його дружини, та пов'язані зі складним для гуцулів періодом, що сягає свого апогею під час карпатської «Весни народів» 1848 р.

Ще на початку оповіді Миколи Каєтан Абгарович робить своєрідний екскурс в історію Гуцульщини до епохи Мільнера, асоційовану з абсолютною свободою гуцульського етносу як корінних мешканців Карпатських гір навіть у ситуації австрійського імперативу. Герой оповідання Микола Куниш розпочинає свою розповідь такими словами: «У нас, відколи світ був світом, відколи ці сині гори горами... панщини ніколи не було. Гуцули сиділи собі на цісарській камеральній або де-не-де на панській землі, або знову на церковних ґрунтах владик і замість роботи чинш платили, чим хто міг: хто грошима, хто худобою, бриндзою, шкірами, ремеслом і різною промисловістю. <...>. По гмінах цісарські, панські або владик мандатори панували над народом християнським, збиткувалися за своєю волею, як який міг і хотів. Але не було на цілу Чорну ріку (Чорний Черемош. – *Авт.*), на всі надграничні полонини страшнішого мандатора, ніж Мільнер... шваб проклятий на Яворнику (гірська місцевість в Карпатах. – *Авт.*)» [17: 226–227]. Гуцули «габсбурзьких» часів миряться з австрійським імперативом, навіть польським співіснуванням, проте виступають проти німецьких урядників. Абгаровичева міфологізація постатей німців у світосприйнятті гуцульської спільноти як фантастичних образів проклятих урядників, диявольських відьом і дітей абсолютного зла – надприродних чудовиськ віддзеркалює типовий стереотип

німця у світобаченні представника польської культури. «Дуже часто фіксуємо порівняння німецького колоніста до різних тварин (свині, собаки, вовка), а також до диявола», – стверджує Пш. Хаусер про сприйняття німців польською спільнотою як чужих [25: 203]. Водночас для австрійських урядовців та інтелектуалів простір австрійської провінції Галичини, частиною якої була Гуцульщина, протягом всього ХІХ ст. залишався «напів-Азією», куди висилали людей, що «завинили на військовій або адміністративній службі» [28: 63]

Достеменно невідомо нічого про історичність постаті Мільнера чи автентичність легенди про Мільнерових дітей, як і про задокументований перебіг подій «Весни народів» на Гуцульщині. Із перспективи Відня гірські терени примикали до Галичини та асоціювалися з цією частиною Габсбурзької імперії, але, на думку Л. Вулфа, «творення культури було переважно міським» [32: 4]. Тобто історія Галичини творилася в містах-центрах, а не на пограниччі, яким були Карпати, що пояснює відсутність удокладнених історичних відомостей про події в горах. В історичних працях С. Витвицького [1: 65] та І. Франка [13: 151] 1848 рік пов'язаний, передусім, зі скасуванням панщини. П.Р.Магочій виокремлює історію карпаторусинів без акценту на перебіг подій «Весни народів» на суто гірських територіях, узагальнивши історичний контекст в форматі Галичини, Буковини та Закарпаття [5: 393, 398], проте приділяє увагу вивченню впливу революційних подій на підкарпатських русинів в Угорщині [6: 32]. М. Домашевський в «Історії Гуцульщини» не акцентує на карпатському вияві «Весни народів», наводячи лише інформацію про повстання Лук'яна Кобилиці на Буковинській Гуцульщині [3: 76]. Тільки з праці В. Грабовецького знаємо, що велася боротьба поміж гуцулами та урядниками, а серед останніх протягом 30-х – початку 40 рр. ХІХ ст. особливою жорстокістю вирізнявся Герлічка та його помічник Юриштан: «У селі Устеріки, під будинком, в якому урядував Герлічка, знаходились великі пивниці-катівні, звані у народі "катушами", де мучили і вбивали спійманих опришків і підозрілих у зв'язках із ними селян-гуцулів. За словами очевидців, це були "такі кримінали та темниці, що ніде на цілі гори і Підгір'я таких нема", "багато там людей загинуло, багато там натерпілося муки, набризкано людської крові". Період "діяльності" Герлічки і Юриштана народ називав "Герліччиною неволею»» [2: 174]. В. Грабовецький не вказує на культурну належність Герлічки, проте П. Шекерик-Доників в автобіографічному романі «Дідо Иванчік» називає урядника чехом, а Юриштана (Юріштана) – гуцулом Юрою Павличуком, який втратив свою ідентичність, пов'язавши життя з ворогом горян [15: 144]. Постать Герлічки цілком може бути прототипом Мільнера, що в тексті Каєтана Абгаровича діє під впливом дружини,

стаючи у гуцульському світосприйнятті абсолютним уособленням зла. В окресленому творі відсутній образ негуцула Юриштана. Помічником Мільнера постає єврей Лейба, постать якого змальована епізодично в негативних тонах.

У прозовому творі Кастана Абгаровича «При мисливському вогнищі», до речі, ми не знайдемо конкретних вказівок на дату події, що відбувається у Карпатах чи поза Гуцульщиною. Автор подає лише загальний контекст, інколи вказуючи назву локації, але екзотично переповідає подію крізь призму культурного сприйняття гуцула Миколи з вказівкою на пору, а часто й релігійні свята, які репрезентують основу для орієнтування в році. Відтак горянин згадує про весну 1848 р. як особливий період, що сигналізує про зміни в житті гуцулів: «Дивна ця якась весна була, трави сильніше зеленіли, квіти, що цвіли по долинах, мали сильніший аромат, орли якомсь різкіше, вище і поважніше довкола вершин кружляли, люди до людей говорили сердечніше, а новини дивні доходили до нас аж в гори – і то такі ж самі – як з північної сторони лядської землі, так і від півдня з угорської. Ластівки на цілий місяць швидше, ніж звично, прилетіли і шепотіли стиха, що по світі великі дива почалися, що воля вся і свобода для працьовитого християнського народу має вийти, що мандатори й інші шваби мають піти геть» [17: 247]. Така «дивна весна» у сприйнятті гуцулів характеризується особливою незвичністю, міфологізованою до рівня віталістичного змалювання очікування трансцендентного, при якому навколишня дійсність – природа Карпатських гір – виступала уособленням прагнень гуцульського етносу до власної свободи. Головний герой Микола, який змушений служити у дворі пані Мільнеровій – «відьмі проклятій», відчув подих весняного вітру того року: «Час! Час! – здавалося, що вітер мені шепотів до вуха. – Час, легію, в поле рушити! Час на славу заробити! <...> Пора вже тобі з топірцем погуляти, як батьки і діди твої гуляли!» [17: 248]. Абгаровичева творча інтерпретація «дивної весни» близька до змальнованої пізніше польським письменником Станіславом Вінцензом у першій частині «На високій полонині» «Правда старовіку» карпатської весни, що пробуджувала вільних гуцулів до дії: «Щоб було так, як перед віками. Коли не було зими, коли була вічна весна» [31: 174]. І в випадку Абгаровичевого Миколи Куниша мова йде про повернення «до джерел», а також про нагадування щодо культурної ідентичності гуцула – представника окремої етнічної спільноти, що не може бути поневоленою.

«Дивна весна» в Абгаровичевому ракурсі гуцульськості була незвичайною не тільки для гуцулів, але й поляків та угорців – «сусідів» по пограниччю, що й підкреслює горянин Микола у своїй розповіді: «Ті

ластівки, похиливши свої гарні голівки, квилили далі, що такі вже часи настали, що пани самі: князі, графи й лицарі, як по лядському боці, так і по цілій угорській землі, сказали своєму панові, цісарю німецькому, щоб народові свободу дав, а якщо не зробить того, то виступлять проти і з трону його знімуть та іншого милостивого пана собі виберуть. Швидко й люди те саме почали повторювати – і радість велика запанувала по всіх горах і долинах» [17: 247–248]. Така інтерпретація історичної дійсності характерна для Каєтана Абгаровича як прихильника порозуміння поміж русинами та поляками, відносини яких були складними та напруженими через прагнення до реалізації «своїх» для кожного етносу ідеологічних цілей. «Лядський бік» у розумінні автора – це «східні кресли», що співвіднесені з міфом цивілізаційної місії польської спільноти, до якої також автор долучає й угорців, адже проти цісаря за народ виступають вже найкращі представники цих етносів. В образі безликого, проте працьовитого християнського народу можна вмістити і русинів з гір чи долин, однак без претензій на їхню територіальну та етнічну ідентифікацію. Прикметно, що й цісаря, який представляв Австрійську імперію, названо німецьким, що може бути суголосно з інтерпретацією типового образу уособлення влади на місцях – німця як представника «чужого», незрозумілого, ворожого світу для гуцулів (і для поляків, бо вустами гуцула Миколи говорить автор-поляк). Цісар локальних урядників, як-от Мільнер та його оточення, апіорі не може бути добрим, що в деякій мірі протиставлено міфу доброго цісаря, з яким пізніше пов'язаний період правління Франца Йозефа I – австрійського монарха, наступника свого дядька Фердинанда I.

У світосприйнятті гуцульської спільноти з оповідання «При мисливському вогнищі» австрійський імператив безумовний і наскрізний, близький до категорії трансцендентного і водночас віддаленого в часі і просторі явища, що було властиве також усьому, що стосувалося цісаря. Значна відстань й цивілізаційний рівень зумовлювали особливий характер передавання новин про революційні події з Відня та інших далеких кутків Австрійської імперії як народних чуток, своєрідних переказів, проте крізь призму народного мислення. Наприклад, гуцули дізнаються про наступні події, виступаючи вже проти мандатора: «Народ сміявся Мільнерові в очі і мало дбав про мандаторське слово, бо цигани з Угорщини вже принесли були правдиві новини, що вже цісар далі не хотів панувати, а молодого сина свого брата призначив у столиці та наказав тому волю для народу підписати» [17: 248]. Саме з іменем Франца Йозефа I, а не його дядька, гуцули пов'язували дарування волі у форматі ліквідації панщини, що не було дивиною, зважаючи на гуцульську інтерпретацію новини про

зречення престолу Фердинандом I, оскільки, проходячи крізь велику кількість мовців, новина обростала новими сенсами, збагачувалася міфами та вже не несла конкретики, даючи змогу кожному наступному реципієнту сприймати її по-своєму. Нетиповою в такому ключі є авторська інтерпретація ромської спільноти, адже ромам більше вірять, ніж локальній владі, хоча саме циган завжди асоціювали з шахрайством та брехнею задля власної вигоди, що проілюстровано також в інших творах польського письменника на гуцульську тематику, зокрема «Ілько Швабюк».

В оповіданні «При мисливському вогнищі» революційні відгомони бунту проти усталеного представниками цісаря на місцях укладу життя поступово доходять до Гуцульщини з низин та потрохи загострюють ситуацію. Саме низ як опозиція до категорії верху стає відповідником протиставлень «периферії» до «центру». Тому не випадковим є авторський підхід до творчого моделювання історичної дійсності «Весни народів» від низин – угорської та «лядської» сторін до верху – Гуцульщини. Далекі події поступово ближчають через звістки від мандрівників. Місцем діалогу стає корчма єврея Лейби – правої руки Мільнера, де головний герой оповідання Микола застає «кількох побратимів та якихось чужих людей з далеких угорських та лядських долин»: «Вони розповідали, що страшна війна на угорській стороні, що кров проливають, маєтність всіляку нищать, за лоби водяться як цесарські, так і панські, що воля там така вже настала, що хлоп з хузара простого може генералом і графом стати <...>. А ляшок якийсь русявий почав говорити, що в лядській землі так само буде, що він зараз йде пристати до угорських панів, не тільки він сам, таких, як він, піде багато, що за ним ідуть усі хузарські полки, які вояків в пень по цілому підгір'ї – ген аж на Поділлі – витяли, панські і міщанські уряди призначили, а самі йдуть на свою землю решту військ звоувати до останнього кінця» [17: 257–258]. Після таких розмов гуцул Микола радить поляку тікати, якщо він не хоче опинитися в руках мандатора. У цьому випадку горянин постає володарем власного простору, в якому поляк – тільки чужинець, що представлено також у зовнішньому обрамленні твору, де шляхтичі-мисливці не призвичаєні до суворого життя у горах і є тільки гостями гуцульської спільноти. Польський письменник як прихильник згоди поміж польським та русинським етносами здійснює спробу культурного примирення поляків та гуцулів (горян як русинів), обравши для цього спільного ворога – представника німецької спільноти. У тексті все ж автор подає вказівку на «заправлений кріс» гуцула Миколи, згадка про походження якого є полем для роздумів поляків-сучасників Каєтана Абгаровича. Так, дописувач польської газети «Край» за 1889 р. під псевдонімом Енігма розповідає

про полювання на ведмедя так званім «заправленим крісом» саме на Яворнику – місці дії окремих творів на гуцульську тематику Каєтана Абгаровича, зокрема й «При мисливському вогнищі»: «Заправлений кріс – це зачарована рушниця. Я тримав у руках такий зачарований самопал, [що. – *Авт.*] на руків'ї має заглибину, в якій знаходяться три кістки: одна з ведмедя, друга з єврея, а походження третьої нізачо не хотів гуцул сказати... напевно мусить бути... з ляшка» [21: 4]. У текстах польського письменника гуцули співіснують з поляками, проте останні не забули про непередбачуваність вдачі горян – нащадків опришків, які були творцями «заправленого кріса».

Каєтан Абгарович пропонує власне бачення як взаємовідносин польської спільноти з гуцульською, так і стосунку гуцульського етносу до австрійського імперативу та збунтованого проти імперії угорського війська, що виявлено спочатку у форматі чуток на весіллі сестер гуцула Миколи про прихід цього війська в гірський край та гостинний прийом його гуцулами з інших сіл, а потім удокладненим змалюванням картини зустрічі військових на Яворнику. Польський письменник інтерпретує образ визволителів як вияв надприродної божественної сили крізь призму сонячного символізму: «Ці угорці йшли крутою дорогою, що вилася понад Черемошем. Ехо від них било; здавалося, що золото, що на них блистіло, вмістило в собі всі промені сонця і тільки від них тим промінням на народ світило; коні під ними були як змії, як вогнисті дракони, що іскрами з ніздрів били» [17: 264]. Угорське військо в тексті польського автора дивним чином стало образом героїчного й відважного творчого начала, що несло в собі життя, адже уособлювало велич трансцендентного характеру. Гуцули, вірування яких ілюстрували глибокий зв'язок з язичництвом, бачили угорців, від обмундирування яких відбивалися сонячні промені, і сприймали їх як посланців Божої волі. Горяни асоціювали образ сонця з символом християнського Бога, проте окремі трансцендентні характеристики у міфологічній свідомості горян екстрапольовані на міфологему священного правління в стереотипі доброго монарха, що був характерним для сучасного Каєтанові Абгаровичеві гуцульського суспільства. Справедливий і мудрий правитель у світовідчутті гуцулів не знав про дії урядників на місцях.

Образ угорської армії в оповіданні «При мисливському вогнищі» Каєтана Абгаровича є неоднозначним, оскільки репрезентує збунтоване військо, що, навпаки, проголошувало божественну волю цісаря, який промовляв до горян посередництвом молодого офіцера чистою гуцульською мовою: «Слава Ісусу Христу! – заволав офіцер чистою гуцульською мовою <...>. Народе християнський, гуцульський – говорив далі офіцер, коли шум затих. – Брехали ті, хто вам говорив, що з найяс-

нішим цісарем, угорським апостольським королем війну ми ведемо... Зараз іменем самого цісаря, монарха милостивішого, проголошуємо вам абсолютну волю; землі, пасовища і садиби, хто які має, даруємо на вічну власність теперішнім їхнім володарям, їх дітям і внукам; так вже буде, допоки існуватиме це цісарство і королівство наше угорське, а хто інакше діятиме чи говоритиме, ворог цісаря і короля, ворог наш, ворог всіх народів» [17: 264–265]. Сприйняття горянами угорського війська як імперативного фрагменту «свого» світу через спілкування гуцульським діалектом підкріплювалося цісарським дарунком – волею, що була найвищою світоглядною цінністю мешканців пограниччя. Важливо підкреслити, що в свідомості вояків цісар постає винятково як угорський, а не австрійський чи німецький монарх, що прослідковуємо у новинах, які доходили до горян навесні, як, власне, і не вказано імені монарха, що ще раз підтверджує абсолютність «габсбурзького» імперативу для гуцульської спільноти без акценту на постаті та, ймовірно, міфологічне освоєння просторів Австрійської імперії угорцями та її правителя як «своїх». Хоча проблемним стає питання про постать такого угорського монарха (чи не про повсталого проти Габсбургів Лайоша Бат'яні йдеться) та реальну історичну дійсність «Весни народів» в Угорщині, громадяни якої виступили проти абсолютизму австрійського монарха Фердинанда I.

Схожа ситуація спостерігається у процесі аналізу історичних подій «Весни народів» та міфів і стереотипів австрійських монархів у ставленні до Карпат і їхніх мешканців. Кастан Абгарович як представник покоління кінця XIX – початку XX ст. з перспективи свого часу відтворює ауру абсолютної поваги до «габсбурзького» імперативу, що була притаманна спільноті горян, для яких, як стверджує З. Фрас, цісар «є джерелом права, ґарантом суспільного і морального ладу, бо його влада походить від «самого Бога, про що чить Святе Письмо» [22: 151]. Як уже було окреслено, події «Весни народів» 1848 р. прийшлися на час правління Фердинанда I, проте міфологічні уявлення про доброго цісаря пов'язані саме з його наступником – Францом-Йозефом I, з яким співвідносять також присутній у польському «кресовому» дискурсі міф гордого вільного гуцула. Почуття поваги до австрійського монарха формувало у гуцульській свідомості відчуття власної унікальності. За словами Я. Кольбушевського, міф «гордого вільного гуцула повстав у Галичині, утверджений за часів автономії після 1868 р. Коли сам цісар Франц Йозеф прибув до Галичини з інспекційним візитом, тоді своєрідно символічної експресії набрав факт, що ці вільні гуцули вітали «доброго цісаря» з радістю, з оздобними стягами, на своїх ручних малих кониках, охоче змагаючись із потягом, який віз Найяснішого Пана» [26: 79]. Австрійський монарх Франц-Йозеф I у гуцульському

вимірі був «батьком» жителів Карпатських гір, який дарував їм волю (звільнення від панщини і право на автономію Галичини), що було рівнозначне з найціннішим подарунком для горянина – відчуттям власної свободи.

Воля стала ключовою цінністю гуцульської спільноти, змальованої Кастаном Абгаровичем. Пам'ять про неї зазнала символічного кодування у карпатській дійсності, глибоко завуальовуючи питання усвідомлення культурної ідентичності гуцулів як вільних представників своєї спільноти. Невипадково батько Миколи Куниша – старий опришок Марко, боячись за майбутнє сина на службі у дружини Мільнера, веде сина на старий цвинтар та розповідає: «Лежить тут мій батько, а твій дід... Я сам його аж з-під Сучави приніс з кулею в грудях, мертвого трупа; приніс, щоб його на рідній землі поховати... Його батько, а твій прадід, "Чорний Данило" лежить аж на Семигородській землі... А ти знаєш, сину, за що вони головами наклали? За що життя своє дали? За волю, за свободу гуцульського, християнського люду...» [17: 252]. Образи старих могил є частиною етнокраєвиду горян та постають як місця пам'яті про славних предків та їхню жертву, про істинні вартості карпатського краю і дотримання певної моделі поведінки, що необхідна задля збереження культурної ідентичності в складних екзистенційних умовах. Перебування в таких місцях сили, усвідомлення своєї тотожності з гуцульським краєм, а також події, пов'язані з приходом угорського війська на Явірник, стають рушіями поступової трансформації Миколи Куниша, викристалізують культурну ідентичність гуцула як продовжувача традицій славного роду опришків і представника етносу, що може протистояти абсолютному злу й також творити історію.

Проте в тексті Кастана Абгаровича Микола Куниш не стає опришком. Важко поранений під час сутички, він не виконує доручення дружини Мільнера – не попереджає лояльний до німців військовий загін про необхідність підтримки урядника. Мільнер і його дружина втікають, убивши угорських офіцерів, а Микола вирішує приєднатися до війська, воює в лавах угорців ще цілий рік, згодом подається до турецької Болгарії і приєднується до гайдамацького руху на Балканах. Здавалось би, горянин стає свідомий своєї участі в боротьбі проти австрійського імперативу в Угорській революції, а згодом проти турецької влади в Болгарії, проте автор ілюструє романтичний підхід у розумінні гуцулом своєї долі. Похід з військом стає своєрідним посвяченням юнака в доросле життя, яким колись було опришківство. Хоча батько Миколи добре розуміє необхідність захисту гуцульських інтересів вдома, він відпускає сина «на війну» з думками про краще майбутнє для Гуцульщини без німецьких урядників: «Треба на місці

бути й гуцулів пильнувати. Можливо, у нас вдома робота буде, тому люди б дивувалися і запитували: А де старий Куниш, давній наш ватага?... Іди! Іди, синку! Нехай тебе Бог веде! Може, Бог дасть, як з війни вернешся, то інакше, ясніше буде сонце над Чорногорою світити... Може, люди про мандаторів тільки байки розповідати будуть» [17: 276]. Власне, й опис військової служби та гайдамакування гуцула представлені як пригоди горянина, який спільно з іншими вояками (зокрема й гуцулами, наприклад, з побратимом Ільком) іде за покликом долі, створюючи гуцульський вияв боротьби в рамках Угорської революції 1848–1849 рр.

Каєтан Абгарович підводить підсумки карпатської «Весни народів» своєрідно, ілюструючи тимчасову поразку гуцульської спільноти через руйнування світу Миколи – швидке повернення Мільнера з дружиною на Явірник, жорстоке катування та вбивство батька гуцула, смерть матері, втрату землі й маєтностей. Горянин залишається ні з чим. Проте перемога урядника – скороминуча. Народження дітей Мільнера, що в уявленнях горян набирали обрисів страшних пса і ведмедя, стає кінцем панування німців на Гуцульщині. В Абгаровичевому світосприйнятті зовсім не гуцульська спільнота спричинилася до втрати Мільнером та його дружиною влади в Карпатах. Така роль покладена на вищі сили Божого провидіння, що карають урядника за скоєні злочини. Оскільки жорстокість мандатора та його дружини інфернального виміру, то й кара стає надприродною. «Але Пан Бог завжди справедливий, а його сила велика. І на Мільнерів проклятих кара Божа прийшла», – говорить Микола про Мільнерових дітей-потвор [17: 278]. Глибока релігійність гуцулів, прагнення до відновлення справедливості і водночас специфіка сприйняття німецького світу як «чужого», а отже, небезпечного, лягають в основу вище згаданої легенди. Проте в цьому випадку горяни Абгаровича ілюструють лише пасивність споглядання за ситуацією навколо, концентрацію уваги на локальному бутті, виразну окремішність «свого» світу від «інших» культурних вимірів, зокрема і польського, все ж мовчазно ідентифікують себе з «уявленою» (у значенні Б. Андерсона) спільнотою русинського християнського народу.

Отже, Каєтан Абгарович в оповіданні «При мисливському вогнищі» творить літературний варіант історичних подій «Весни народів» на Гуцульщині в рамках тутешньої рецепції новин про повстання проти правління Габсбургів поза Карпатами, регіонального вияву «Весни народів» у форматі опору проти місцевого німецького урядника та його дружини під час перебування на Яворнику угорського війська, збунтованого проти австрійської монархії, а також моделювання автором ситуації впливу революційних подій на гуцульську спільноту

постфактум. Польський автор репрезентує погляд на Гуцульщину як вимір культурного пограниччя, для якого властиве затирання та віднаходження певних смислових значень окремих ідеологій, дискурсів та наративів різних культурних спільнот, що переплітаються, творячи гібридний вимір культурної свідомості пограничного суспільства. Йдеться як про гуцульську (русинську) чи польську, так і про німецьку, єврейську, угорську чи ромську культури, представники яких перебувають у спільному екзистенційному полі, значно віддаленому від епіцентрів подій, та мають різну світоглядну позицію на те, що відбувалося поза Гуцульщиною, однак у ситуації щоденного діалогу (бо приречені на нього) шукають вихід зі складних ситуацій через реконструювання «свого» світу зі спробами порозуміння з «іншим». У випадку «Весни народів» та авторської інтерпретації її карпатського вияву крізь призму Угорської революції 1848–1849 рр. акцент падає на особливості гуцульського сприйняття «габсбурзького» імперативу загалом як втілення трансцендентної влади цісаря з повним її відмежуванням від локального урядування в особах представників німецької культури. Із культурної перспективи автора повстання проти інfernального начала в постатях людей Мільнера під впливом революційних подій зумовлює усвідомлення культурної ідентичності гуцула як представника окремого етносу з власною історією опору в форматі опишківства, «іншим», незвичним для поляків етнокраєвидом, аксіологією та онтологією, який проте співвідносить себе не з поляками, а з русинами з низин. В чужорідності німецького культурного світу також здійснюється віднаходження власне «польського» усвідомлення Гуцульщини як межі польських «кресів» з відповідною міфологізацією карпатського простору та його мешканців, для якої властивий не радикальний чи екстремальний її вияв, не заперечення «чужого» чи «іншого», але м'яке протиставлення таких категорій та спроба пізнання нового через діалог як своєрідний шанс подолання взаємних стереотипів, а відповідно, і порозуміння польського та русинського етносів крізь призму художнього тексту як однієї з метамов культури.

ЛІТЕРАТУРА

1. *Витвицький С.* Історичний нарис про гуцулів / Пер. з пол., передм. та прим. М. Васильчука. Надвірна: Світ, 1993. 96 с.
2. *Грабовецький В.* Легендарні опишки – лицарі Карпат (XVI–XIX ст.) в літописі та ілюстраціях. Івано-Франківськ: Нова Зоря, 2008. 464 с.
3. *Домашевський М.* Історія Гуцульщини: у 5 т. Т. 1. Чикаго: Гуцульський Дослідний Інститут. Конференція Гуцульських Товариств Америки і Канади в Чикаго, 1995. 501 с.

4. Ковалець Л.М. З історії українсько-польських літературних взаємин: Юрій Федькович у рецепції Каєтана Абгаровича (Абгара-Солтана) // Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. Філологічні науки. Літературознавство. 2012. № 13 (238). С. 48–52.

5. Магочій П.Р. Україна: історія її земель та народів. Ужгород: Видавництво В. Падяка, 2017. 814 с.

6. Магочій П.Р. Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). Ужгород: Поличка «Карпатського краю», 1994. 296 с.

7. Микитин І. Гуцульщина як метапростір пригоди в художній інтерпретації Каєтана Абгаровича // Наукові записки Бердянського державного педагогічного університету. Серія: Філологічні науки. Бердянськ: БДПУ, 2016. Вип. XI. С. 242–250.

8. Микитин І.Я. До питання про своєрідність образотворення у прозі Каєтана Абгаровича на гуцульську тематику // Актуальні проблеми та перспективи дослідження літератури зарубіжних країн: збірник наукових праць. Вип. 2. Сімферополь: Кримський Архів, 2010. С. 170–178.

9. Микитин І.Я. Топос Гуцульщини у творчості Каєтана Абгаровича і Юрія Федьковича: автореф. дис. ... канд. філол. наук. Тернопіль, 2012. 20 с.

10. Полек В. Абгарович Каєтан // Біографічний словник Прикарпаття / Збір. і упор. В. Полека. Івано-Франківськ: Новий час, 1993. С. 5.

11. Полек В. Абгарович Каєтан // Архіви України. 1969. № 4. С. 106.

12. Суляк С.Г. К вопросу о терминологии Карпатской Руси // Русин. 2019. № 55. С. 272–316. DOI: 10.17223/18572685/55/16

13. Франко І. Панщина та її скасування 1848 р. в Галичині. У Львові: З друк. Наук. т-ва ім. Шевченка, 1913. 248 с.

14. Франко І.Я. Abgar-Sołtan. Rusini. Szkice i obrazki // Франко І.Я. Зібрання творів: у 50 т. Т. 29. К.: Наукова думка, 1981. С. 37.

15. Шекерик-Доників П. Дідо Іванчків. Верховина: Гуцульщина, 2007. 496 с.

16. Юрійчук М.І., Івашкевич Л.А. Юрій Федькович: семінарії. К.: Вища школа, 1981. 229 с.

17. Abgar-Sołtan. Przy ognisku myśliwskim // Abgar-Sołtan. Rusini. Szkice i obrazki. Kraków: Nakładem Księgarni Spółki Wydawniczej Polskiej, 1893. S. 213–280.

18. Choroszy J.A. Huculszczyzna w literaturze polskiej. Wrocław: Jan A. Choroszy, 1991. 372 s.

19. Dąbrowska-Partyka M. Literatura pogranicza, pogranicze literatury. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2004. 266 s.

20. Drąg K. W galicyjskim tyglu etnicznym, narodowym i społecznym (Kajetan Abgarowicz – Abgar Sołtan). Kraków: Collegium Columbinum, 2012. 288 s.

21. Enigma. Wśród Hucułów // Kraj. 1889. Rok VIII. Nr 31,4 (16) sierpnia. S. 3–4.

22. Frasz. Mit dobrego cesarza // Polskie mity polityczne XIX i XX wieku / [pod red. W. Wrzesińskiego]. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1994. S. 139–152.

23. Glinianowicz K. Czarnobrewa i czarnoziemy. O szlacheckim pożądaniu kolonialnym Ukrainy // Miscellanea Posttotalitarna Wratislaviensia. 2014. T. 2. S. 161–173.

24. *Hadaczek B.* Historia literatury kresowej. Szczecin: PoNaD, 2008. 420 s.
25. *Hauser Prz.* Kołoniści niemiecki w Polsce w XIX i XX wieku. Uwagi i refleksje na temat funkcjonowania mitu oraz rzeczywistości // *Polskie mity polityczne XIX i XX wieku* / [pod red. W. Wrześcińskiego]. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1994. S. 195–213.
26. *Kolbuszewski J.* *Kresy*. Wrocław: Wydawnictwo Dolnośląskie, 1998. 256 s.
27. *Kujawińska-Cortney K.* Wprowadzenie // Stephen Greenblatt. *Poetyka kulturowa. Pisma wybrane*. Kraków: Universitas, 2006. S. V–LXXXII.
28. *Monotatij I., Witenko M.* Sąsiedzi nieznani. Wspólnoty etniczne Galicji Wschodniej w polityce Gabsburgów. Iwano-Frankiwsk: Гостинець, 2007. 148 s.
29. *Uliasz St.* Abgarowicz Kajetan // *Słownik literatury popularnej* / [pod red. T. Żabskiego]. Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół polonistyki Wrocławskiej, 1997. S. 7–8.
30. *Uliasz St.* O literaturze kresów i pograniczu kultur: rozprawy i szkice. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2001. 220 s.
31. *Vincenz St.* Na wysokiej półoninie. Prawda starowieku: obrazy, dumy i gawędy z Wierchowiny Huculskiej. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1980. 578 s.
32. *Wolff L.* *The Idea of Galicia. History and Fantasy in Habsburg Political Culture*. Stanford, CA: Stanford California Press, 2010. 486 p.

REFERENCES

1. Wytwyćkyj, S. (1993) *Istorichniy naris pro gutsuliv* [The Historical Essay about the Hutsuls]. Nadvirna: Svit.
2. Hrabovetskyi, V. (2008) *Legendarni oprishki – litsari Karpat (XVI–XIX st.) v litopisi ta ilyustratsiyakh* [The Legendary Opryshoks – the Knights of the Carpathians (16th – 19th centuries) in Chronicles and Images]. Ivano-Frankivsk: Nova Zorya.
3. Domashevskiy, M. (1995) *Istoriya Gutsul'shchini* [The History of Hutsul Land]. Vol. 1. Chicago: Conference of the Hutsul Associations of America and Canada in Chicago.
4. Kovalets, L.M. (2012) From the History of Ukrainian-Polish Literary Relations: Yuriy Fedkovych in Perception of Kaetan Abgarovych (Abgar-Soltan). *Naukoviy visnik Volins'kogo natsional'nogo universitetu imeni Lesi Ukraïнки. Filologichni nauki. Literaturoznavstvo*. 13(238). pp. 48–52 (in Ukrainian).
5. Magocsi, P.R. (2017) *Ukraina: istoriya ii zemel'ta narodiv* [Ukraine: the History of its Lands and Nations]. Uzhhorod: V. Padiak.
6. Magocsi, P.R. (1994) *Formuvannya natsional'noi samosvidomosti: Pidkarpats'ka Rus' (1848–1948)* [The Formation of National Self-awareness. Subcarpathian Rus' (1848–1948)]. Uzhhorod: Polychka “Karpatskoho kraiu”.
7. Mykytyn, I. (2016) The Hutsul Land as Metaspaces of Adventure in Kaetan Abgarovych's Artistic Interpretation. *Naukovi zapiski Berdyans'kogo derzhavnogo pedagogichnogo universitetu. Seriya: Filologichni nauki*. XI. pp. 242–250 (in Ukrainian).

8. Mykytyn, I.Ya. (2010) On the peculiar features of image creating Caetan Abragovich's Hutsul prose. In: Kazarin, V.P. (ed.) *Aktual'ni problemi ta perspektivi doslidzhennya literatury zarubizhnykh kraïn*. Vol. 2. Simferopol: Krims'kiy Arkhiv. pp. 170–178 (in Ukrainian).

9. Mykytyn, I.Ya. (2012) *Topos Gutsul'shchini u tvorchosti Kaetana Abgarovicha i Yuriya Fed'kovicha* [The Topos of Hutsul Land in the Works by Kajetan Abgarowicz and Yuriy Fedkovych]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ternopil: Ternopil Volodymyr Hnatiuk National Pedagogical University.

10. Poliek, V. (1993) Abharovych Kaietan [Kajetan Abgarowicz]. In: Poliek, V. (ed.) *Biografichnyy slovník Prikarpattya* [The Biographical Dictionary of Outer Subcarpathia]. Ivano-Frankivsk: Noviy chas. p. 5.

11. Poliek, V. (1969) Abgarovych Kaetan [Kajetan Abgarowicz]. *Arkhivy Ukrainy*. 4. p. 106.

12. Sulyak, S.G. (2019) On the Carpathian Rus' Terminology. *Rusin*. 55. pp. 272–316 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/16

13. Franko, I.Y. (1913a) *Panshchina ta її skasovane 1848 r. v Galichini* [Serfdom and Its Abolition in 1848 in Galicia]. Lviv: Z druk. Nauk. t-va im. Shevchenka.

14. Franko, I. (1981) *Zibrannya tvoriv: u 50 t.* [Collected Works: in 50 vols]. Vol. 29. Kiev: Naukova dumka.

15. Shekeryk-Donykiv, P. (2007) *Dido Ivanchik* [The Grandfather Yvanchik]. Verkhovina: Gutsul'shchina.

16. Iuriiichuk, M.I. & Ivashkevych, L.A. (1981) *Yurii Fedkovych: seminarii*. [Yuriy Fedkovych: Seminary]. Kiev: Vishcha shkola.

17. Abgar-Sołtan. (1893) *Rusini. Szkice i obrazki*. Kraków: Nakładem Księgarni Spółki Wydawniczej Polskiej. pp. 213–280.

18. Choroszy, J.A. (1991) *Huculszczyzna w literaturze polskiej*. Wrocław: Jan A. Choroszy.

19. Dąbrowska-Partyka, M. (2004) *Literatura pogranicza, pogranicze literatury*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.

20. Drąg, K. (2012) *W galicyjskim tyglu etnicznym, narodowym i społecznym (Kajetan Abgarowicz – Abgar Sołtan)*. Kraków: Collegium Columbinum.

21. *Kraj*. (1889). Enigma. Wśród Hucutów. 4th (16th) August. pp. 3–4.

22. Fras, Zb. (1994) Mit dobrego cesarza. In: Wrzesiński, W. (ed.) *Polskie mity polityczne XIX i XX wieku*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego. pp. 139–152.

23. Glinianowicz, K. (2014) Czarnobrewie i czarnoziemy. O szlacheckim pożądaniu kolonialnym Ukrainy. *Miscellanea Posttotalitariana Wratislaviensia*. 2. pp. 161–173.

24. Hadaczek, B. (2008) *Historia literatury kresowej*. Szczecin: PoNaD.

25. Hauser, Prz. (1994) Kołoniasta niemiecki w Polsce w XIX i XX wieku. Uwagi i refleksje na temat funkcjonowania mitu oraz rzeczywistości. In: Wrzesiński, W. (ed.) *Polskie mity polityczne XIX i XX wieku*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego. pp. 195–213.

26. Kolbuszewski, J. (1998) *Kresy*. Wrocław: Wydawnictwo Dolnośląskie.

27. Kujawińska-Cortney, K. (2006) Wprowadzenie. In: Greenblatt, St. *Poetyka kulturowa. Pisma wybrane*. Kraków: Universitas. pp. V–LXXXII.

28. Monołatij, I., Witenko, M. (2007) *Sąsiedzi nieznani. Wspólnoty etniczne Galicji Wschodniej w polityce Gabsburgów*. Ivano-Frankivsk: Hostynets.
29. Uliasz, St. (1997) Abgarowicz Kajetan. In: Żabski, T. (ed.) *Słownik literatury popularnej*. Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół polonistyki Wrocławskiej. pp. 7–8.
30. Uliasz, St. (2001) *O literaturze kresów i pograniczu kultur: rozprawy i szkice*. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego.
31. Vincenz, St. (1980) *Na wysokiej połoninie. Prawda starowieku: obrazy, dumy i gawędy z Wierchowiny Huculskiej*. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax.
32. Wolff, L. (2010) *The Idea of Galicia. History and Fantasy in Habsburg Political Culture*. Stanford, CA: Stanford California Press.

Микитин Ірина Ярославівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри мовознавства Івано-Франківського національного медичного університету (Україна).

Микитин Ирина Ярославовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания Ивано-Франковского национального медицинского университета (Украина).

Iryna Y. Mykytyn – Ivano-Frankivsk National Medical University (Ukraine).

E-mail: mikitin@ifnmu.edu.ua

Луцак Світлана Миколаївна – доктор філологічних наук, професор кафедри мовознавства Івано-Франківського національного медичного університету (Україна).

Луцак Светлана Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания Ивано-Франковского национального медицинского университета (Украина).

Svitlana M. Lutsak – Ivano-Frankivsk National Medical University (Ukraine).

E-mail: sv.lutsak@gmail.com

Федорова Олександра Анатоліївна – кандидат педагогічних наук, доцент кафедри мовознавства Івано-Франківського національного медичного університету (Україна).

Фёдорова Александра Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры языкознания Ивано-Франковского национального медицинского университета (Украина).

Oleksandra A. Fedorova – Ivano-Frankivsk National Medical University (Ukraine).

E-mail: olexandrafedorova@gmail.com

УДК 81'28:811.161.2

UDC

DOI: 10.17223/18572685/67/16

Діалектна основа перекладу Михайла Атаманюка німецькомовного роману К.Е. Францоza «Боротьба за право»

І.В. Гороф'янюк¹, Л.В. Прокопчук²

Вінницький державний педагогічний університет
ім. М. Коцюбинського

Україна, 21001, Вінниця, вул. Острозького, 32

¹ E-mail: gorofyanyuk@gmail.com

² E-mail: liudapro578@gmail.com

Авторське резюме

У центрі уваги авторів статті – перший українськомовний переклад роману австрійського письменника середини XIX ст. К.Е. Францоza «Боротьба за право» про боротьбу галицьких селян-русинів за землю. Переклад здійснив у Чернівцях 1910 р. Михайло Атаманюк – український письменник, перекладач, творча спадщина якого несправедливо позбавлена уваги дослідників. Галицьке середовище, у якому зростав Михайло Атаманюк, спостереження міжнаціонального діалогу та інтеркультурних контактів на теренах Австро-Угорської монархії, засвоєння змалечку говірки тих земель сформували надійне підґрунтя для якісного перекладу твору українською – рідною для персонажів твору мовою. Доведено, що найбільшою оригінальністю зробленого перекладу є те, що М. Атаманюк точно передав усі типові особливості місцевої говірки. У статті проаналізовано діалектні факти різних мовних рівнів, представлені в перекладі роману, і виявлено й проілюстровано фонетичні, лексичні, морфологічні та синтаксичні говіркові явища, які є типовими для наддністрянського говору галицько-буковинської групи говорів південно-західного наріччя української діалектної мови. Керуючись двома топонімами, згаданими у творі, окреслено лінгвопросторове тло тексту: Коломийський, Тлумацький, Городенківський і Снятинський райони Івано-Франківської області сучасної України, що на карті говорів репрезентують наддністрянські говірки. Саме ці говірки були основою західноукраїнського різновиду літературної мови, що сприяло читацькій популярності роману. У такий спосіб вперше встановлено говіркову основу українськомовного перекладу М. Атаманюка тексту роману К.Е. Францоza «Боротьба за право».

Ключові слова: Карл Еміль Француз, Боротьба за право, Михайло Атаманюк, діалектне явище, говірка, наддністрянський говір.

Диалектная основа перевода Михаила Атаманюка немецкоязычного романа К.Э. Францоza «Борьба за право»

И.В. Горофянюк¹, Л.В. Прокопчук²

Винницкий государственный педагогический университет
им. М. Коцюбинского

Украина, 21001, Винница, ул. Острожского, 32

¹ E-mail: gorofyanyuk@gmail.com

² E-mail: liudapro578@gmail.com

Авторское резюме

В центре внимания находится первый украиноязычный перевод романа австрийского писателя середины XIX в. Карла Эмиля Францоza «Борьба за право» о борьбе галицких крестьян-русинов за землю. Перевод был сделан в Черновцах в 1910 г. Его автор – Михаил Атаманюк – украинский писатель, переводчик, творческое наследие которого несправедливо лишено внимания исследователей. Среда, в которой рос и воспитывался Михаил Атаманюк, наблюдения межнационального диалога и интеркультурных контактов на территории Австро-Венгерской монархии, овладение с детства говором тех земель, созвучность с восприятием действительности К.Э. Францозом в комплексе сформировали надежную основу для качественного перевода произведения на родной язык персонажей романа. Установлено, что наибольшей оригинальностью анализированного перевода является то, что М. Атаманюк точно передал все типичные особенности местного говора. Проанализированы диалектные факты разных языковых уровней, представленные в тексте перевода романа, выявлены и проиллюстрированы фонетические, морфологические, лексические и синтаксические явления, которые являются типичными для надднестровского говора галицко-буковинской группы говоров юго-западного наречия украинского диалектного языка. Руководствуясь двумя топонимами, упомянутыми в произведении, очерчен лингво-пространственный фон текста: Коломыйский, Тлумацкий, Городенковский и Снятынский районы Ивано-Франковской области современной Украины, которые на карте украинских диалектов представляют надднестровский говор. Именно эти говоры были основой западно-украинской разновидности литературного языка, что способствовало популярности романа у украинских читателей. Та-

ким образом впервые установлена диалектная основа украиноязычного перевода М. Атаманюка романа К.Э. Францоza «Борьба за право».

Ключевые слова: Карл Эмиль Француз, Борьба за право, Михаил Атаманюк, диалектное явление, говор, надднестровский диалект.

The dialect basis of Mykhailo Atamanyuk's translation of the German-language *Ein Kampf um's Recht* by K.E. Franzos

I.V. Gorofyanyuk¹, L.V. Prokopchiuk²

Mykhailo Kotsiubinsky Vinnytsa State Pedagogical University
32 Ostrozhsky Street, Vinnytsia, 21001, Ukraine

¹ E-mail: gorofyanyuk@gmail.com

² E-mail: liudapro578@gmail.com

Abstract

The article focuses on the first Ukrainian translation of the novel *Ein Kampf um's Recht* by the Austrian writer Karl Emil Franzos of the mid-19th century, which tells about the struggle of Galician peasants – Rusins – for their land. The translation was made in Chernivtsi in 1910 by Mykhailo Atamanyuk, a Ukrainian writer and translator, whose creative legacy has been unfairly overlooked by researchers. Mykhailo Atamanyuk grew up and got education in Austro-Hungary, where he witnessed the interethnic dialogue and intercultural contacts and mastered the local dialect from his childhood. These factors, together with Atamanyuk's consonance with Franzos in the perception of reality, formed a reliable basis for a high-quality translation into the native language of its heroes. The authors argue that the translation under analysis accurately conveys all the typical features of the local dialect. The article analyses the translation in terms of the dialectal facts on different language levels and identifies phonetic, morphological, lexical, and syntactic dialectal phenomena, typical for the Transnistrian dialect of the Galician-Bukovinian dialects within the South-Western dialect of the Ukrainian language. Basing on the two toponyms mentioned in the novel, the authors determine its linguo-spatial background – Kolomyisky, Tlumatsky, Horodenkivsky, and Snyatinsky districts of Ivano-Frankivsk Region of modern Ukraine, which represent the Transnistrian dialect at the Ukrainian dialect map. These dialects formed the basis of the Western Ukrainian variety of the literary language, which contributed to the popularity of the novel among Ukrainian readers. Thus, for the first time, the dialect basis of Atamanyuk's Ukrainian translation of the novel *Ein Kampf um's Recht* by K.E. Franzos has been established.

Keywords: Karl Emil Franzos, Ein Kampf um's Recht, Mykhailo Atamanyuk, dialectal phenomenon, dialect, Transnistrian dialect.

Австрійський письменник, єврей за походженням, народжений на Галичині в середині XIX ст. Карл Еміль Француз уже під час навчання в чернівецькій німецькій гімназії написав низку оповідань про життя галицьких селян-*русинів*, за авторським визначенням, – «занедбаних державою, утискуваних іншими соціальними верствами, неосвічених і забобонних, але добродушних і людських» [12: 282]. У 1881 році письменник завершив роботу над романом «Ein Kampf um Recht» («Боротьба за право», або «За правду»), у якому змалював важке життя галицьких селян, їхню боротьбу з польським поміщиком за землю. Сільський староста Тарас Бараболя намагався в правовому полі розв'язати цю проблему, проте, не знайшовши законних методів боротьби з несправедливістю, підтримки ні в столиці краю Львові, ні при цісарському дворі у Відні, він стає державним злочинцем. І хоча роман має трагічну розв'язку, зумовлену смертю народного ватажка, та все ж землю повертають селянам.

Твір цей набув неабиякої популярності, про що свідчить хоча б той факт, що в 1952 р. австрійський письменник Оскар Маурус Фонтана здійснив переробку роману К.Е. Францоza під назвою «Das schwarze Kreuz am Acker» («Чорний хрест серед ниви»). Перший український переклад Михайла Атаманюка під назвою «Боротьба за право» з'явився в Чернівцях 1910 року в серії «Народна бібліотека» і був перекладений з російської. Через три роки (1913) в Києві опубліковано переклад М.Загірньої під тою ж назвою. У 1925 р. харківське видавництво «Пролетарий» видало цей роман у російському перекладі під назвою «Крестьянин и император». А одне з московських видавництв випустило в 1923 р. цей твір під назвою «Мститель». Два видання витримав уже й новий переклад роману Леоніда Горлача й Бориса Савченка (Ужгород, 1976, 1982). Останнє видання містить у собі також оповідання «Німий» («Der Stumme») та «Бунт у Воловцях» («Der Aufsatz von Wolowse») в перекладі Б.Савченка й доповнене змістовною післямовою Дмитра Наливайка «К.Е. Француз і його роман “За правду”» [8: 250].

Предметом нашого аналізу став перший переклад роману українською мовою Михайла Атаманюка – українського письменника, перекладача, творча спадщина якого несправедливо позбавлена уваги дослідників. Що відомо про цю постать? З одного боку, маємо скупі відомості з Енциклопедії сучасної України, у якій ідеться про дати й місце народження й смерті, рід діяльності, освіту й творчий доробок письменника: друкував твори про життя гуцулів, автор

оповідань «Щоби тато не прокляв» (1907), «На хиткій дорозі» (1909) – про тяжке становище трудящих; історичного оповідання «Чарівна дівчина» (1909; усі – Львів), у публіцистичному нарисі «Між молотом і ковадлом» змалював постать борця за інтереси робітничого класу. Переклав українською мовою роман австрійського письменника К. Францоza «За правду» (1909) [1].

З іншого боку, середовище, у якому зростав Михайло Атаманюк, спостереження міжнаціонального діалогу та інтеркультурних контактів на теренах Австро-Угорської монархії, засвоєння змалечку говірки тих земель, суголосність його світорозуміння зі сприйняттям дійсності автором роману сформували надійне підґрунтя для бажання й можливостей перекладу твору К.Е. Францоza українською, щоби більше – русини Галичини заговорили рідною говіркою в перекладі німецькомовного роману К.Е. Францоza «Боротьба за право» Михайла Атаманюка. Той факт, що діалектна основа українського перекладу М. Атаманюка роману К.Е. Францоza до сьогодні не була предметом аналізу філологів, актуалізує проблематику нашої розвідки.

Отож за мету ми поставили, по-перше, привернути увагу філологів до творчої спадщини Михайла Атаманюка, по-друге, дослідити його українськомовний переклад роману К.Е. Францоza «Боротьба за право» задля встановлення діалектної основи тексту як засобу перекладацької майстерності.

Уже на перших сторінках роману К.Е. Француз дає етнічну характеристику *руському люду*: *Русин-подоляк* та *Русин Гуцул*. Задля передачі мовного колориту перекладу дозволимо собі розлогу цитату з роману: *«Гуцули, се наш руский люд, але вони дуже відрізняють ся від звичайних Русинів на долах. Подоляки працьовиті і витривалі, цілі століття були закріпощені і много літ угнітала їх польська шляхта, – а прав у них ніколи не було, і тому то Русин-подоляк тупий і забитий та привик до того, що гне свою спину більше, чим того потребує начальство. Гуцули натовість не знали начальства, а лісні дебри охороняли їх від збірщиків податків; буйне житя у верхівях лісів, виробило в них відважну завзятість і безмежний запал, хоч на вид були вони досить холодно-кровні.*

Ось така ріжниця між Русином, жителем долин, і Русином Гуцулом – паном гірських височин; на долах пригноблені ратаї, а на верхах, в горах – свобідні стріліці і пастухи» [10: 3–4].

Два топоніми, які називає автор роману, дозволяє точно локалізувати описувані події, а відповідно й визначити лінгво-просторове тло тексту: річка *Прут*, потік *Чорнява*. Отож ідеться про басейн лівої притоки Пруту – річки *Чорнява* в межах Коломийського, Тлумацького,

Городенківського і Снятинського районів Івано-Франківської області сучасної України [6: 435]. Згідно з Атласом української мови та працею С.П. Бевзенка [2: 219], північно-західні райони Івано-Франківської області репрезентують наддністрянські говірки галицько-буковинської групи говорів південно-західного наріччя української мови (рис. 1).

Сам перекладач Михайло Атаманюк був носієм гуцульського говору галицько-буковинської групи говорів південно-західного наріччя української мови (місце народження й життя – нині Косівський район Івано-Франківської області) (рис. 1).

Якою ж мірою говіркові риси цього мовно-територіального ареалу засвідчено в перекладі Михайла Атаманюка?

Для пошуку відповіді на це запитання охарактеризуємо всі діалектні явища, виявлені в тексті перекладу роману «Боротьба за право», на основних мовних рівнях. Зауважимо, що на проміжних рівнях – словотвірному та фразеологічному – діалектні особливості не виявлені.

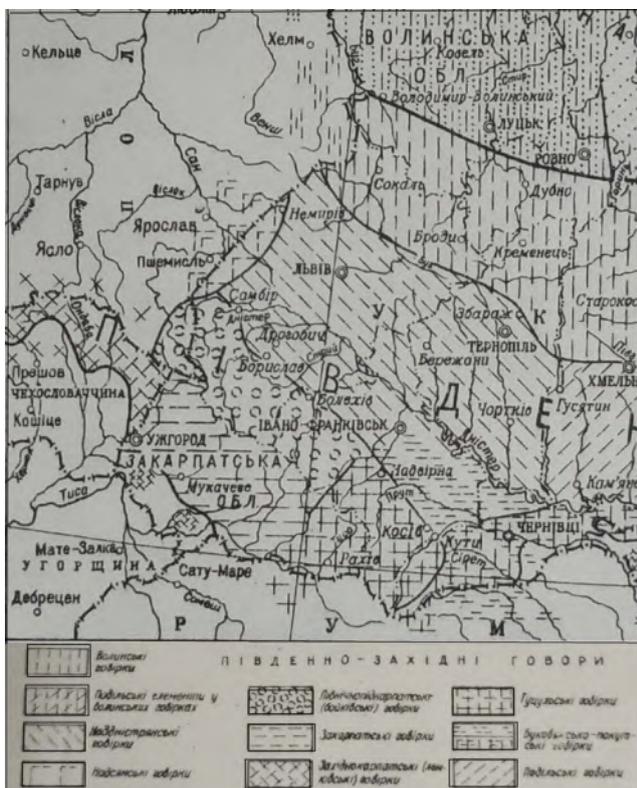

Рис. 1. Фрагмент карти говорів української мови.

1. Фонетичний рівень. У галицько-буковинських говорах фонема /а/ реалізується у звукові [а] після твердих приголосних, а в позиції після м'яких, шиплячих та /й/ виступають звуки [e], [e^н], [и^є], [и], [и^і], [і] – перезвук /а/ у голосний переднього ряду [2: 218]. Це явище досить часто трапляється в аналізованому тексті: *Був то сильний і рослий мущина з білим волосем, з незвичайно тихим обличчям...* [10: 8], *...у ній зродилося ніжне чуте до того відважного, сильного чоловіка* [10: 160], *Скоро опісля і весіле справили...* [10: 19], *За її щастем я побивався більше, чим за своїм...* [10: 113], *Клинемо ся!* – повторили селяни [10: 151].

Збереження м'якості шиплячих ш, ч' і, відповідно, давнього е після них – риса, яку й до сьогодні фіксують у наддністрянських говірках [3: 356]: *На двадцять шестім році життя Тараса, жовнір умер* [10: 14], *Чи-ж ти нам вчєра не говорив, що по управителя сторони правда...* [10: 36].

Засвідчено в тексті й типову фонетичну рису говірок південно-західного наріччя української мови – обнижену артикуляцію [і] в напрямі до [и] на початку слова: *Люби, я не могу инакше поступити!* [10: 18], *...тому то й час сійби повинен бути иний як на долах* [10: 20] та в кінці слова в іменниках із м'яким приголосним основи у формах місцевого й родового відмінків однини, що властиве наддністрянському говору [7: 79]: *Та по його смерти пішли справи гірше* [10: 4], *...на лиці появили ся нові, глибокі зморщини* [10: 42], *Село Зулавці лежало на границі між долиною і горами* [10: 3], *...коли він раз на польованю положив медведя на місци...* [10: 16], *Мене се розсердило до крайности* [10: 113].

А.М. Залеський у монографії «Вокалізм південно-західних говорів української мови» на широкому емпіричному матеріалі констатує, що в наддністрянських говірках спостережено широку артикуляційну базу виявів фонем /и/, звукове поле реалізаторів якої може охоплювати різні варіанти звуків – аж до [e], [і], «вживанню кожного з них не властива якась суворя послідовність, часто в одній і тій же фонетичній позиції і в мовленні одного й того ж носія говірки можуть виступати більш і менш обнижені варіанти» [5: 14]. Прикметно, що це явище ілюструють і словоформи, що спорадично трапляються в аналізованому тексті: *Подоляки працюовиті і витревалі...* [10: 3], *Всі сиділи дома в просторій кімнаті, залитій червоним відблеском сонця, і мовчали* [10: 98], – *Тревога! Вони довідали ся, що ми тут* [10: 140], *Не веселе буде житє у нас, а повне тривоги і пожертвованя* [10: 79], навіть у наголошеній позиції: *Зброя Степана хєбила...* [10: 25].

Сильне «укання», що появляється в заступленні ненаголошеного /о/ на /у/, – виразна фонетична риса наддністрянського говору [2: 219; 3: 356; 4: 197], яку часто простежуємо на сторінках цього перекладу роману: *...над глибокими пропастями високо в небі літає*

кровожадний орел... [10: 3], ...на самім вїзді в село окружила **узброєна** товпа селян [10: 4].

П.Ю. Гриценко з-поміж наддністрянських діалектних рис виділяє рефлексі давніх голосних: на місці давніх сполук *ки, хи* в ненаголошеній позиції розвинулися сполуки *к'і, х'і*, а в наголошеній – *к'е, х'е* [3: 356], пор.: *Зброя Степана хебила...* [10: 25].

Фіксуємо наявність протетичного приголосного /в/ перед /о/, що також характерне для наддністрянського говору [2: 220; 7: 78]: – *Добрі люди – сказав він, – я-ж заступник вашого вітця...* [10: 7], *Скоро в їх руках опинило ся, замість вітця Занеккі мертве тіло* [10: 131]. Натомість на початку слова спостерігається послідовна втрата протетичного /в/, як-от: *Тарас поглянув на него і в задумі вийшов на **улицю*** [10: 40], *...і підніс її до **уст*** [10: 131], *Із вікон дому Ванди висмикувались червоні язики **огню*** [10: 141], *Із Яблонова ми виїхали о **осьмій** годині вечером* [10: 155]. П.Ю. Гриценко констатує в наддністрянському діалекті можливість функціонального ослаблення фонемі /в/ в одних позиціях, зокрема на початку слова, де може втрачатися, і посилення в іншій позиції: твердий /л/ у кінці слова чи складу часто заступається на в /ў [3: 356], пор.: *За **горівку** спасибі, але ми привикли випити за свої гроші* [10: 7].

Часто вживаний у тексті перекладу епентетичний /л'/ на місці давнього *ј*: *По середині поля стояв чорний, **деревляний** хрест* [10: 28], *В дитинстві був він слабого **здоровля** і його не томили наукою* [10: 51]. За свідченням П.Ю. Гриценка, ця фонетична риса вирізняє наддністрянські говірки з-поміж інших [3: 356].

Ф. Т. Жилко зауважував, що в наддністрянських говірках особливо виразно виявляється фонемна аналогія в порушенні переходу давніх *о, е* в *і* в нових закритих складах [4: 196–197], що послідовно простежуємо і в аналізованому тексті: *А як старий хрест **зігнув**, ми зробили новий і поставили по середині поля* [10: 30], *Я **пішлю** вам слідчого судію!* [10: 32], *...і тоді ми **дібе́мо** ся правди* [10: 32], *Коло стола **зістало** ся ще двісті чоловіка* [10: 35], *...а сам Відень тільки тепер що **пичнеться*** [10: 50], *З тих якраз днів **пичну** себе обвинути* [10: 70], *Думаять, що ти **приїдеш** туди **пимстити** ся на управителеви* [10: 136].

Засвідчені й випадки депалаталізації /р'/, чим наддністрянські говірки протиставляються сусіднім покутсько-буковинським [7: 77]: *...він раз на польованю положив медведя на місци і в той спосіб **уратував** від неминучої смерти судію Степана* [10:16], *...нас було **чотирох** добре узброєних людей...* [10: 64], *В самім початку, тільки **трох** їх приняв Тарас* [10: 110], *...прошептав мені, що дасть сто гульденів мені, коли його **виратую*** [10: 121].

У говірках галицько-буковинської групи говорів спостерігається твердість свистячих приголосних у суфіксах *-ск-, -зк-, -цк-* [2: 218]:

В карпатських горах, де по скалистих щілинах спадають студені і чисті як хрусталь гірські потоки... – розкинуло ся село Зулавіці! [10: 3], ...з'яраля научили його вірити в справедливість і знести людську неправду без злоби [10: 3], Гуцули носили вузкі червоні штани... [10: 19], Вони добігли в село скорше, чим прийшло військо [10: 152].

Наддністрянською говірковою рисою є втрата довготи м'якими приголосними у формах іменників середнього роду [3: 357]: *...буئے життя у верхівях лісів, виробило в них відважну завязіть і безмежний запал... [10: 4], Високий дідусь з отвертим, смілим обличєм підійшов на своїм конику до самої коляски... [10: 4], Судя махнув шапкою [10: 6], На слідуючу весну громадський збір рішив справу удержаня волоцюги [10: 13].*

Оглушення дзвінких приголосних перед глухими приголосними [3: 356] засвідчено найчастіше в префіксі *роз-*: *...та вже коли я проговорив ся, так розкажу тобі [10: 63], «Сокіл»-же вернувшись з розвідин, росповів, що все, про що говорили ті люди, була правда [10: 119], – Так, – відповіла вона і розказала як було діло [10: 159],...дві неділи мусѣвби їхати до них на росправу [10: 21].*

Приголосні /з'/, /с'/, /ц'/, /дз'/ у наддністрянських говірках вимовляються як дуже м'які порівняно з відповідними звуками в українській літературній мові [4: 198]. Михайло Атаманюк передає цю орфоепічну особливість місцевої говірки вживанням знака м'якшення між пом'якшеними приголосними: *...вони були у свьяточній одежи [10: 6], Високий дідусь з отвертим, сьмілим обличєм підійшов на своїм конику до самої коляски Гаїка... [10: 6], ...а тепер він сам то досьвідчив на ділі [10: 13], Я взиваю Бога на сьвідка, що з нами поступили несправедливо! [10: 31], Тарас поїхав ще у цьвітни... [10: 46], Він усьміхнув ся, та усьмішка була гіренька [10: 46], Той сьміх огірчив мене до глибини душі... [10: 58], У вікнах дому було погашене сьвітло [10: 137].*

2. Лексико-семантичний рівень. Цілком закономірно, що лексика аналізованого перекладу є літературною: інакше текст просто не читався б пересічним українцем, не носієм наддністрянського говору. М. Атаманюк дуже зрідка вдається до вживання лексичних діалектизмів, напр.: *шувар* 'аір' [9, т. 11: 555]: *Так називала ся ся пустинна місцевість, на якій і найбистрійше око не могло розібрати, де кінчаєть ся тверда земля і починають ся багна, покриті осокою і шуваром [10: 133]; фіра* 'віз, підвода' [9, т. 10: 601]: *Сегоднє рано приїхала ціла фіра поліцаїв... [10: 136]; драб* 'обідранець, босяк' [9, т. 2: 403]: *Нам лишаєть ся тільки запалити сей дїм, який давав приют от тому драбузі [10: 140]; гостинець* 'великий битий шлях' [9, т. 2: 143]: *Коли вибили ся на битий гостинець, мусіли зберегти як найбільшу*

осторожність... [10: 135]. Лексему *шувар* фіксує також Гаврило Шило в «Наддністрянському регіональному словнику» [11: 284].

З огляду на великий проміжок часу, який пройшов з моменту перекладу, частина вживаної лексики є застарілою. Фіксуємо такі архаїзми: *льокай* 'лакей' [9, т. 4: 585]: *Коли ми приїхали до палати, прибіг до нас льокай* [10: 53]; *ратай* 'плугатар, орач' [9, т. 8: 453]: ... *на долах пригноблені ратаї, а на верхах, в горах – свобідні стрільці і пастухи* [10: 4]; *реченець* 'строк' [9, т. 8: 522]: *Спокійна, та рішуча мова Тараса поділлала і повинність була сповнена до речинця* [10: 23] та ін. Натрапляємо в тексті й на історизми, передовсім у побутовій лексиці, зокрема назвах одягу: *Гуцули носили вузькі червоні штани і високий туго стягнений черес...* [10: 19], *Надів високі постолі, убрав розписаний кафтан а поверх него білий баранячий кожух. Цісареві треба показати пошану. І тому солом'яний бриль відложив я на бік, а взяв чорну кучму* [10: 53].

3. Морфологічний рівень. Фонетичні діалектні особливості відбилися і на відмінкових закінченнях змінюваних частин мови. Зокрема, закінчення *-и* в іменниках жін. роду колишніх *i-* та *ja-* основ у формі Д. і М. відмінків одн.: *Село Зулавиці лежало на границі між долиною і горами* [10: 3], *Але Тарас мало звертав на то уваги; він увесь віддав ся праці* [10: 15].

Специфіку наддністрянського говору в морфології творить набір закінчень і засобів формотворення змінюваних частин мови [3: 357], зокрема:

1) в іменниках чол. р. у формі Д. в. одн. закінчення *-ови* (з основами на твердий приголосний) та *-еви, -ови* (з основами на м'який чи шиплячий приголосний): *По перед усього піднесла старушка новому управителеви хліб-сіть* [10: 7], ...*крізь сльози вона твердила маленькому синкови* [10: 10], *Селяни мали що осени дати управителеви молоденького коника, або телятко, або гуску з кожної хати, після богацтва* [10: 23], *Їх стрінув посол з села, який мав бути провідником местникови* [10: 125], *Чи помагала ти свому мужеви в його ділах?* [10: 154];

2) в іменниках сер. р. у формі Ор. в. одн. закінчення *-ем (-єм)*: *Був то сильний і рослий мущина з білим волосем, з незвичайно тихим обличчям...* [10: 8], *Він любить займатися ткацькими роботами і слабкий здоровлєм* [10: 76], *Душа його все більше проникала почувтем того, як гарний і прекрасний сьвіт* [10: 12];

3) форми М. в. одн. іменників усіх родів з м'яким приголосним основи на *-и*: *«Все в сьвіті основане на справедливости» – сказав він собі, і старався, як лиш мож ліпше сповняти свої обов'язки* [10: 13], *По смерти Степана ви вибрали мене судією* [10: 75], *Тепер прив'яжіть його на кони!* [10: 123], *Коло печи в скрини з дровами лежав чоловік* [10: 137];

4) утворення вищого ступеня порівняння прикметників та прилівників із суфіксом *-ійш (-їйш)*: *В селі почали говорити, що Тарас **найчеснійший** слуга* [10: 13], *...то все **сильнійший** поконував слабшого...* [10: 21], *Здебільшого Зулавчани поняли, що воно **вигіднійше** підчиняти ся рішенню судії...* [10: 21], *Та чим **прикрійше** було єму самому, тим більше він старав ся скрити свої страждання перед другими* [10: 43], ***Давнійше** і я був багатий і чесний...* [10: 90], *На тривогу дзвонили все **сильнійше** і **сильнійше*** [10: 141];

5) відмінкові форми прикметників та займенників із пом'якшеним кінцевим приголосним основи: *З початку не легко було йому в **чужім** і **глухім** селі* [10: 14], *На **смаглявім** обличчю блищали гарні, темні очі* [10: 14], *Але в **тім** же Євангелії сказано: і чисті як голуби – скрикнув Тарас* [10: 42], *Було сказано те, що і в **першій** рішенню* [10: 43], *– Гарно, – сказав Тарас по **короткім** ваганю* [10: 165];

6) збереження давніх відмінкових форм особових займенників: *...і ми бажаємо **від него** то...* [10: 4], *Та чимало здивував ся, коли **до него** підійшов судя...* [10: 7], *Довго виривав ся від **него** Тарас, аж доки таки не вирвав ся вкінці* [10: 11], *То також багато говорило **про него*** [10: 41], *Коли се **перед него** немов з землі виросла, Анниця* [10: 16]; вказівних займенників: *Що **се** значить?! – скрикнув окружний начальник, побачивши цілком обстрижену його голову. – **Се** кара, котру Гуцули уважають на найбільше збезчещенє, – пояснив один офіцер* [10: 143], *Він умисно так говорив, щоби начальство було в **сеї** спосіб повідомлене про його погрозу* [10: 144], *Він навіть просив, щоб його перенести в стан спочинку, та **сего** не прийняли і йому прийшло ся власноручно написати приказ арештованя* [10: 154], *То ти **се**му винен* [10: 17];

7) збереження давніх числівникових форм: *Вкінці Степан згодив ся з Тарасом і **оба** пішли до священника читати договір* [10: 24], *Все одно, ви **оба** зістанете ся* [10: 35], *Щоби оминуті кровопролить, він задержав жовнірів з на **двіста** кроків від барикад, а сам поїхав в перед і покликав судію* [10: 152], а також асиміляційні зміни числівників: *Хто не має **трицять** літ, хай уходить* [10: 35], *...де стояв хрест перед **шіснацяти** роками...* [10: 35], ***Двацять** днів ми йшли все на захід* [10: 63], ***Дванайцять** літ прожив я у вашому селі* [10: 72];

8) наявність форм інфінітива на *-чи* від дієслів з основами на задньоязиковий приголосний *г, к, х*: *Він знов обіцяв **помочи** Тарасови і подав зажалень до вислого суду* [10: 41], *Фрейтар встиг **утічи** до господи* [10: 73], *У вас тисячі жовнірів і ви не умієте **зберегчи** себе инакше, як застрашуючи жінку і дітий* [10: 122], *Василь зістав ся **стеречи** коний а прочі увійшли в дім довгим крутим коритарем* [10: 126], *Не дивлячись на охорону, Тарас зміг непомітно закрастись в місто і так само непомітно **утечи** та скритись* [10: 142].

Форми наказового способу дієслів III особи утворюються за допомогою частки *най*: *Піди до адвоката, **най напише** тобі жалобу [10: 33], Хто з вас не може собі пригадати, де стояв хрест перед шіснацяти роками, **най піднесе** руку [10: 35], ...коли він хоче, щоби Господь змилосердив ся над ним, **най виклопоче** бачити ся мені з цісарем [10: 55], **Най** вона **надієть ся**, що ми завтра побачимо ся... [10: 194].*

Частка *ся* в аналізованому тексті послідовно вживана в постпозиції відносно дієслова: ***Добити ся** ід «Чорному Озерови» не можливо, бо там **прийдесть ся** мати діло з гуцулами, а ми знаємо, що то за люди [10: 180], Селяни не хотіли піти і **взяли ся** за зброю [10: 128], Чому, як двох **погнівають ся**, він **старає ся** їх погодити, навіть і в тім случаю, коли один захопив майно другого [10: 42].*

4. Синтаксичний рівень. За Ф.Т.Жилком, у наддністрянських говірках переважає конструкція з прийменника *по* в часовому значенні й М. в. іменника [4: 202], пор.: ***По трох тижнях** приїхав в Зулівці новий сьвященик [10: 41], **По двох неділях** зайшов я знов до Брози [10: 53], **По авдиєнції** повели мене жовніри по довгих коритарах та сходах до него в палату [10: 55], **По Різді** Тарас поїхав до міста продавати хліб... [10: 61], Його освободили аж **по вісім місяцях**, після одної ревізії капітана [10: 110].*

У конструкціях із Р. в. іменника з прийменником *до* зі значенням обставини місця послідовно спостерігаємо прийменник *ід*, що характерне для карпатських говірок та сусідніх, зокрема наддністрянських [2: 159]: *Тарас відповів, що іти **ід нему** то нечесть [10: 65], Коли отець Лев підійшов **ід товні**, Тарас станув уже перед народом [10: 69], Потім він скорою ходою підійшов **ід коников**, і тільки що хотів уїсти, як розніс ся роздираючий душу крик Анниці [10: 80].*

Відомі в наддністрянському говорі безприйменникові конструкції Р. в. об'єкта стану: *Кругом був такий нестерпимий гамір і шум, що **мене аж голова розболіла** [10: 50], Ти знаєш, **його часто болить голова**... [10: 51].*

У структурі прийменникових словосполучень із об'єктом у формі Зн. в. при дієсловах із значенням повідомлення і турботи фіксуємо прийменник *о*, що притаманне наддністрянському синтаксису [2: 161]: *шануючи **пам'ять матери**, я беру на себе всі клопоти **о нім** [10: 14], ...тепер їде діло не тільки **о громадску землю**, а і **о мене, о тебе, і о судьбу** наших дітей [10: 40], Говорім ліпше **о чім иньшій** [10: 192].*

Прийменник *о* також засвідчено в словосполученнях зі значенням мети, напрями: *Тогди він вирішив **просити** побережника **о руку** його дочки [10: 170], Та замок тільки **о двіста кроків** віддалений від попівського дому [10: 125].*

Речення зі складним підметом, вираженим сполукою іменника з числівником у формі Р.в. характерні для галицько-буковинської групи говорів [2: 166], пор.: *Ні, то був батько цїсаря а за ним **ішло трох полковників** [10: 54], ...де **стояло двох червоних жовнірів** з оружем [10: 55], **Двох людей** піднесло слідчого та він не міг стояти і упав на колїна [10: 121].*

Засвідчені в аналізованому тексті складні речення з підрядною частиною умови, часу організовані за допомогою сполучників *коби*, *заким* та їх варіантів, які типові для наддністрянських говірок [2: 174]: *Хай з мужиків дере, кїлько лиш захоче, лиш **коби** мені посилав точно гроші... [10: 5], Відділ Дмитрика збив ся з дороги і довго пройшло часу, **заким** зійшли ся разом [10: 135].*

Зауважимо, що синтаксичні особливості тексту перекладу М. Атаманюка є не настільки виразними в діалектному плані, як-то фонетичні чи морфологічні.

Отож Михайло Атаманюк яскраво демонструє перекладацький хист, орієнтуючись на широку читацьку аудиторію, майстерно вмонтовуючи говіркові риси у фонетику, граматику тексту, що загалом не заважає його розумінню, але додає місцевого мовного колориту.

Таким чином, проаналізувавши фонетичні, лексико-семантичні, морфологічні та синтаксичні особливості тексту перекладу М. Атаманюка, констатуємо, що перекладач повністю відтворив говірковий колорит краю, де розгортаються події. Територіально це центр Галичини, лінгвістично – наддністрянський говір галицько-буковинської групи говорів південно-західного наріччя української мови. Саме ці говірки були основою західноукраїнського різновиду літературної мови [7: 80], що сприяло читацькій популярності роману. Сьогодні ми можемо лише припускати, що, перекладаючи роман К.Е. Францоza «Боротьба за право», М. Атаманюк свідомо використав наддністрянську говірку, аби якомога влучніше передати колорит місцевості, де розгортаються описувані події, справити на читача враження, максимально близьке до того, яке той міг би відчутти, перебуваючи в той час серед тих персонажів. Зауважимо, що інші українськомовні переклади роману К.Е. Францоza (переклад М. Загірньої, 1913 р. та переклад Л. Горлача, Б. Савченка 1982 р.) не містять говіркових елементів у мовній канві тексту, що може слугувати підтвердженням нашої гіпотези про свідоме використання діалектизмів М. Атаманюком задля відтворення мовного колориту зображуваного краю. Крім того, переконані, що український переклад М. Атаманюка початку ХХ ст. може бути джерелом аналізу динаміки наддністрянського діалекту української мови, у чому ми вбачаємо перспективу подальших досліджень перекладацької спадщини М. Атаманюка.

ЛІТЕРАТУРА

1. Арсенич П.І. Атаманюк Михайло Іванович // Енциклопедія Сучасної України: електронна версія [веб-сайт] / Гол. редкол.: І.М.Дзюба, А.І.Жуковський, М.Г.Железняк та ін.; НАН України, НТШ. Київ: Інститут енциклопедичних досліджень НАН України, 2006. URL: http://esu.com.ua/search_articles.php?id=44567 (останній перегляд: 20.07.2021).
2. Бевзенко С.П. Українська діалектологія. Київ: Вища школа, 1980. 247 с.
3. Гриценко П.Ю. Наддністрянський говір // Українська мова. Енциклопедія / Редкол.: В.М.Русанівський, О.О.Тараненко (співголови), М.П.Зяблюк та ін. Київ: Укр. енцикл., 2000. С. 356–357.
4. Жилко Ф.Т. Нариси з діалектології української мови. 2-е вид., перероб. Київ: Радянська школа, 1966. 308 с.
5. Залеський А.М. Вокалізм південно-західних говорів української мови. Київ: Наукова школа, 1973.
6. Кирилюк М.І. Чорнява // Географічна енциклопедія України: в 3 т. / Редкол.: О.М.Маринич (відпов. ред.) та ін. Київ: «Українська Радянська Енциклопедія» ім. М.П.Бажана, 1989–1993. Т. 3: П–Я. С. 435–436.
7. Матвіяс І.Г. Українська мова і її говори / Відп. ред. П.Ю.Гриценко. Київ: Наукова думка, 1990. 168 с.
8. Рихло П.В. Карл Еміль Француз і український світ // Питання літературознавства. 2002. Вип. 8(65). С. 17–27.
9. Словник української мови: в 11 т. / За ред. І.К.Білодіда. Київ: Наукова думка, 1970–1980. Т. 1–11.
10. Француз К.Е. Боротьба за право: роман / Переклав з рос. М.Атаманюк. Чернівці: Руска Рада, 1910. 195 с.
11. Шило Г. Наддністрянський регіональний словник. Львів: Інститут українськознавства ім. І.Крип'якевича НАН України, 2008. 288 с.
12. Franzos K.E. Die Literatur der Kieinrussen // Vom zur Donau. Neue Culturbilder aus «Halb-Asien». Leipzig, 1878. Erster Band. S. 85–126.

REFERENCES

1. Arsenych, P.I. (2006) Atamanyuk Mikhaylo Ivanovich. In: Dzyuba, I.M., Zhukovskiy, A.I., Zheleznyak, M.G. et al. (eds) *Entsiklopediya Suchasnoi Ukraini* [Encyclopedia of Modern Ukraine]. Kiev: Institut entsiklopedichnikh doslidzhen' NAN Ukraini. [Online] Available from: http://esu.com.ua/search_articles.php?id=44567 (Accessed: 20th July 2021).
2. Bevzenko, S.P. (1980) *Ukrains'ka dialektologiya* [Ukrainian Dialectology]. Kiev: Vishcha shkola.
3. Hrycenko, P.Ju. (2000) Naddnistrians'kiy govir [The Transnistrian dialect]. In: Rusanivskiy, V.M., Taranenko, O.O., Zyablyuk, M.P. et al. (eds) *Ukrains'ka mova. Entsikloped* [The Ukrainian Language. Encyclopedia]. Kiev: Ukr. entsikl. pp. 356–357.
4. Zhylyko, F.T. (1966) *Narisi z dialektologii ukrains'koi movi* [Essays on the

Dialectology of the Ukrainian Language]. 2nd ed. Kiev: Radyans'ka shkola.

5. Zaleskiy, A.M. (1973) *Vokalizm pivdenno-zakhidnikh govovoriv ukrains'koi movi* [Vocalism of South-Western Dialects of the Ukrainian language]. Kiev: Naukova shkola.

6. Kyryljuk, M.I. (1993) Chornyava. In: Marinich, O.M. (ed.) *Geografichna entsiklopediya Ukraini* [Geographical Encyclopedia of Ukraine]. Vol. 3. Kiev: Ukrains'ka Radyans'ka Entsiklopediya. pp. 435–436.

7. Matviyas, I.G. (1990) *Ukrains'ka mova i ii govori* [The Ukrainian Language and its Dialects]. Kiev: Naukova dumka.

8. Rikhlo, P.V. (2002) Karl Emil' Frantsoz i ukrains'kiy svit [Karl Emil Franzos and the Ukrainian world]. *Pitannya literaturoznavstva*. 8(65). pp. 17–27.

9. Bilodid, I.K. (ed.) (1970–1980) *Slovyk ukrainskoi movy*. [A Dictionary of the Ukrainian language]. Kiev: Naukova dumka.

10. Francoz, K.E. (1910) *Borot'ba za pravo* [The Struggle for the Right]. Translated from Russian by M. Atamanyuk. Chernivsi: Ruska Rada.

11. Shylo, H. (2008) *Naddnistrians'kiy reional'niy slovnik* [Transnistrian Regional Dictionary]. Lviv: Instytut ukrainskoznavstva im. I.Krypiakevycha NAN Ukrainy.

12. Franzos, K.E. (1878) *Vom zur Donau. Neue Culturbilder aus "Halb-Asien"*. Vol. 1. Leipzig: Duncker & Humblot. pp. 85–126.

Горофянюк Інна Валентинівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри української мови Вінницького державного педагогічного університету ім. М. Коцюбинського (Україна).

Горофянюк Инна Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинского языка Винницкого государственного педагогического университета им. М. Коцюбинского (Украина).

Inna V. Gorofyanyuk – Mykhailo Kotsiubinsky Vinnytsya State Pedagogical University (Ukraine).

E-mail: gorofyanyuk@gmail.com

Прокопчук Людмила Володимирівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри української мови Вінницького державного педагогічного університету ім. М. Коцюбинського (Україна).

Прокопчук Людмила Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинского языка Винницкого государственного педагогического университета им. М. Коцюбинского (Украина).

Liudmyla V. Prokopchiuk – Mykhailo Kotsiubinsky Vinnytsya State Pedagogical University (Ukraine).

E-mail: liudapro578@gmail.com

УДК 821.161.2-32

UDC

DOI: 10.17223/18572685/67/17

Національна своєрідність потрактування образу землі в українських народних думках та творчості Василя Стефаника: психологічний аспект

Ж.О. Янковська¹, М.М. Набок²

¹ Національний університет «Острозька академія»

Україна, 35800, Острог, вул. Семінарська, 2

E-mail: zanna.malva@gmail.com

² Сумський державний університет

Україна, 40007, Суми, вул. Римського-Корсакова, 2

E-mail: m.nabok@drI.sumdu.edu.ua

Авторське резюме

Стаття присвячена з'ясуванню своєрідності психологізму у потрактуванні образу землі в українських народних думках і новелах В. Стефаника, який був одним із представників «покутської трійці» (Василь Стефаник, Лесь Мартович, Марко Черемшина). На основі порівняльного методу, семантико-когнітивного аналізу та концепт-аналізу визначаються національні особливості світосприйняття, світорозуміння героїв цих творів, роль авторського начала, трансформації мовних знаків національно маркованої лексики, що є виразом особливостей світогляду етнокультурних груп Галичини, Покуття і Степової України у їх діалектичній єдності. У статті наголошено, що символіка землі в українських народних думках та новелах В. Стефаника виражена у парадигмі понять «земля – годувальниця», «земля – рід», «земля – воля», «земля – слава», «земля – життя». Зазначено, що для галицьких селян земля становила найбільшу цінність і святість та найчастіше виражалась в образі «землі-годувальниці», тоді як для героїв українських народних дум земля – символ свободи. Наголошено на своєрідності засобів поетичного мовлення, що увиразнюють їх зміст, розкривають національні особливості характеротворення героїв. Таке порівняльне дослідження проводиться вперше, що становить його новизну, актуальність та в подальшому розширить напрями вивчення фольклористичних та літературознавчих студій.

Ключові слова: архетип, образ, символ, земля, дума, новела, психологізм, національне світосприйняття, поетика.

Национальное своеобразие образа земли в украинских народных думах и творчестве Василия Стефаника: психологический аспект

Ж.А. Янковская¹, М.Н. Набок²

¹ Национальный университет «Острожская академия»

Украина, 35800, Острог, ул. Семинарская, 2

E-mail: zanna.malva@gmail.com

² Сумский государственный университет

Украина, 40007, Сумы, ул. Римского-Корсакова, 2

E-mail: m.nabok@drl.sumdu.edu.ua

Авторское резюме

Исследуется своеобразие психологизма в трактовке образа земли в украинских народных думах и новеллах В. Стефаника, который был одним из представителей «покутской троицы» (Василий Стефаник, Лесь Мартович, Марко Черемшина). На основе сравнительного метода, семантико-когнитивного анализа и концепт-анализа определяются национальные особенности мировосприятия героев этих произведений, роль авторского начала, трансформации языковых знаков национально маркированной лексики, что является выражением особенностей мировоззрения этнокультурных групп Галичины, Покутья и Степной Украины в их диалектическом единстве. Отмечено, что символика земли в украинских народных думах и новеллах В. Стефаника выражена в парадигме понятий «земля – кормилица», «земля – род», «земля – воля», «земля – слава», «земля – жизнь». Отмечено, что для галицких крестьян земля представляла наибольшую ценность и святость и чаще всего выражалась в образе «земли-кормилицы», тогда как для героев украинских народных дум земля – это символ свободы. Отмечено своеобразие средств поэтической речи, которые выражают их содержание, раскрывают национальные особенности формирования характеров героев. Такое сравнительное исследование проводится впервые, что составляет его новизну, актуальность и в дальнейшем послужит более широкому изучению фольклористических и литературоведческих студий.

Ключевые слова: архетип, образ, символ, земля, дума, новелла, психологизм, национальное мировосприятие, поэтика.

National originality of the land image in Ukrainian folk dumas and the works by Vasyl Stefanyk: a psychological aspect

Z.O. Yankovska¹, M.M. Nabok²

¹ National University of Ostroh Academy

2 Seminarska Street, Ostrog, 35800, Ukraine

E-mail: zanna.malva@gmail.com

² Sumy State University

2 Rimsky-Korsakov Street, Sumy, 40007, Ukraine

E-mail: m.nabok@drl.sumdu.edu.ua

Abstract

The article studies the original psychologism in the interpretation of the land image in Ukrainian folk dumas and short stories by Vasyl Stefanyk, who was a representatives of the "Pokutia triad" (Vasyl Stefanyk, Les Martovych, Marko Cheremshyna). Using the comparative method, the semantic-cognitive and the concept-analysis, the authors determine the national peculiarities of worldview of the heroes, the role of the author's principle, the transformation of linguistic signs of nationally marked lexes, expressing the worldview of ethnocultural groups of Galicia, Pokuttya and Steppe Ukraine in their dialectical unity. The article emphasizes that the symbolism of the land in Ukrainian folk dumas and short stories by Stefanyk is expressed in the paradigm of the concepts "land – breadwinner", "land – family", "land – will", "land – glory", "land – life". It is noted that for the Galician peasants the land was of the greatest value and holiness, which is most often expressed in the image of "land – breadwinner", while for the heroes of Ukrainian folk dumas, the land is a symbol of freedom. The focus on the originality of the poetic means, which reveal the national characteristics of the heroes. Such a comparative research has been conducted for the first time to be further expanded in future in the folklore and literary studies.

Keywords: archetype, image, symbol, land, folk duma, short story, psychologism, national worldview, poetics.

Основоположні підстави психологічного аналізу художніх творів започаткував О. Потебня, поєднавши його із лінгвістичним, що дало вагомі результати й має продовження в наукових працях дослідників до сьогодні. Осмислення цієї теми важливе для концептуального аналізу творів усної народної творчості та писемної літератури, вивчення питань національного світогляду, психології, етики, естетики

і т. д., оскільки воно ставить на перший план проблему походження слів та понять на рівні архетипу, символу й звукової структури.

Саме ці конотації образу *землі*, психологічні ознаки його відтворення та сприйняття стали *предметом* нашого дослідження. На рівні одного жанру порівняння зазначеного образу в різному обсязі уже здійснювалися. Тому *об'єктом* студіювання обрано різножанрові епічні твори усної словесності (українські народні думи) та авторська проза (новели В. Стефаніка). Очевидно, що архетипні риси, притаманні образу *землі*, зумовлюють наскрізність його використання, значення й символіки в українському епосі. З'ясування цих смислів видається надзвичайно цінним, спричиняється до іншого прочитання відповідних творів, що побутують на різних територіях України – Галичини та Східній частині Степової України. У міждисциплінарній взаємодії (фольклор, література, етнопсихологія, етнолінгвістика) та їх порівняльному аспекті архетипний образ землі ще не досліджувався.

Особливість українських народних дум полягає у їх жанровій своєрідності, формі та способі виконання (речитатив). Думи – жанр української народної поетичної творчості. Це ліро-епічні твори про історичні чи соціально-побутові події в Україні. Вони як жанр повністю сформувалися у XV–XVI століттях, але як феномен української епічної творчості своїми коренями сягають ще часів Київської Русі, а, можливо, й раніших. Оскільки думи – жанр епічний, то роль оповідача у них виконує кобзар, бандурист, часто сліпий. Осмисленню образу такого оповідача, творця і виконавця думи, його виконавства, взаємодії зі слухачем присвячені праці Ф. Колесси, П. Мартиновича, К. Грушевської, М. Гримич, О. Вертія, В. Мішалова, К. Черемського, М. Набок та ін. Про неабияке зацікавлення зарубіжних вчених українськими народними думами, кобзарським мистецтвом загалом, йдеться у дослідженнях Г. Нудьги [16; 17], наукових розвідках, енциклопедіях, в яких думи й народні пісні українців постають «найкращим художнім надбанням слов'ян» [15].

Прикметно, що в новелах В. Стефаніка зауважуємо трагічний психологізм та одночасно незвичайний оптимізм його творів, що дає нам підстави розглядати зображені ним образи в діалектичній єдності глибокого психологізму, драматизму і естетичного чуття письменника. «Стефанік – суцільна душевна рана. Глибока, невігоєна, ясна. Тільки вдивляючись у його творчість через цю призму, можна доходити до його психології творчості, виявити джерела стоїчного оптимізму» [5: 211–212], – так В. Іванишин осмислює ідейну спрямованість творчості В. Стефаніка.

На сьогодні проблема відображення архетипних і символічних ознак і образів фольклорних творів мало досліджена і розглядається

переважно крізь призму ритуалу, міфу, обряду та в межах з'ясування функції символу як стилістичної категорії, художнього засобу (М. Дмитренко, В. Давидюк, Н. Пастух, О. Бриняк, Л. Пикалюк). Зокрема, етнолінгвістичний підхід до аналізу традиційних уявлень про весільну пісеннообрядовість у міжетнічному середовищі присвячена праця Т. Саварин та Н. Федчишин «Весільна лемківська пісня (українська, польська, словацька): специфіка та використання» [22]. Питання психологізму, зображення та вираження образу землі в українських народних думках майже не досліджено, з'являються лише поодинокі наукові розвідки М. Набок [14].

У літературознавстві психологічні принципи тлумачення тексту розглядаються вченими з урахуванням національних особливостей сприйняття дій, вчинків героїв, співвідношення «свідомих і несвідомих процесів формування й становлення образу автора твору» [28: 225], як сукупність символів, знаків, що «формують текст, підтекст, інтертекст та метатекст» [6: 44]; «архетипних ідей», що уподібнюють їх до тих мотивів, образів, сюжетів, які походять від міфів, ритуалів [27: 145]; як «літературні архетипи в інтертекстуальних зв'язках» у письменників різних поколінь [8: 153]; як основа «несвідомих мовних кодів» [1: 213]. Названі принципи типологічно національно марковані та осмислюються в тісному поєднанні з народною мораллю, етикою, естетикою, філософією, національним світовідчуттям, світобаченням, світорозумінням в цілому. Зокрема, Г. Клочек писав, що «сама естетика є властиво наука почування, спеціально про відчуття артистичної краси, – значить, є частиною психології. А в такому разі й основана на ній критика мусить бути психологічною...» [7: 53]. На сучасному етапі дослідженню образу землі в літературних творах присвячено наукові праці Ж. Янковської [32], А. Гурдуза [2], І. Кушнір [11] та ін. Скажімо, у порівняльно-типологічному аспекті А. Гурдуз розглядає міфопоетику української й загальноєвропейської «прози про землю». На матеріалі творів М. Коцюбинського, О. Кобилянської, В. Стефаніка, К. Гамсуна, Т. Гарді, Д.Г. Лоуренса та ін., дослідник простежує образ землі в символічному вираженні «земля-мати», «земля-годувальниця», «земля-жінка», «земля-дружина», «земля-стихія», «земля-рай». Проблеми, поставлені в наукових розвідках цих та інших вчених зумовлюють подальше розв'язання питань, пов'язаних з національною особливістю потрактування образу землі у фольклорній та авторській творчості.

Тому, *мета* нашого дослідження полягає у з'ясуванні й порівнянні архетипно-символічних ознак образу *землі* в українських народних думках та новелах В. Стефаніка, засвідчуючи таким чином тяглість традиції від народної до авторської словесності, навіть якщо говорити про різножанрові твори; визначенні ролі авторського начала у

зображенні *землі* (вербальний та невербальний рівні); дослідженні трансформації національно маркованих мовних знаків, що є виразом особливостей світогляду двох етнокультурних груп; розширити межі дослідження архетипів на рівні національної словесної культури українців.

Архетип і символ виникають несвідомо, проте архетип більш глибинний, первинний та «спроєктований і в минуле, і в сучасне, рухаючись у просторі й часі, а символ може втрачати свою актуальність залежно від історичних умов» [20: 64]. У художньому тексті архетипи відображаються в архетипних образах. *Архетипний образ* – це конкретний прояв етнічно маркованого архетипу у вигляді предметно-буттєвих, особистісних, просторових, часових чи абстрактно-персоніфікованих реалій, які викликають в уяві стійкі асоціації з художньо-естетичним мисленням народу. Натомість *символ* володіє здатністю до розширення прямої, а ще більше – метафоричної семантики образу, або поняття. К. Юнг, як основоположник теорії архетипу, наголошував, що символом є «термін, назва або навіть образ, що володіє окрім свого загальнозживаного ще й особливим додатковим значенням, яке несе щось невиразне (не зовсім усвідомлене. – Ж.Я., М.Н.), невідоме» [30:15]. Оскільки категорії *архетипного образу* та *образу-символу* перетинаються, то вчений підкреслив, що «символічним є таке слово чи образ, значення якого виходить за рамки прямого і не піддається точному визначенню чи поясненню» [30: 15]. С. Кримський розглядає символ не просто «алегоричним іншовиразом», «різновидом метафори», «горизонтальним порівнянням мовних чи предметних одиниць», а як знак з «безконечним смислом», що вкорінений у семантичне поле культури й традиції народу.

У національному бутті українців, у фольклорі, а також (як наслідок) в авторській творчості таким архетипним образом і одночасно символом постає образ *землі*. Виходячи з основоположних підстав М. Гайдеґгера та Г. Гачева, С. Кримський вперше простудіював явища української культури, залучаючи до аналізу також фольклорні й літературні твори із застосуванням універсального смислового концепту «Дім – Поле – Храм», який відображає топоси «дійсного буття людини». Образ-символ «земля» в межах цього концепту тяжіє до двох перших топосів – «Дім» і «Поле». Топос «Дім» має кілька значень. Це не тільки оселя, де проживає людина, що є її індивідуальним простором, який вона влаштовує сама і де проходить її фізичне життя й духовне зростання, але й населений пункт, держава (Україна), «рідна земля», що у словесній творчості породжує духовні прояви патріотизму і пов'язана з її захистом, а отже – звитягою, навіть героїзмом. Водночас образ *землі* повністю мислиться як семантична складова топосу

«Поле», яка за своєю природою є бінарна. Щодо цього С. Кримський писав: «Земля отримує в традиційній українській свідомості подвійне тлумачення: як оброблене селянське поле, що освячене працею та хліборобськими обрядами, і як «Дике поле» – степовий край загрозливих навал, смертної темряви вторгнень нехристиянських сил» [9: 430].

Глибинний зміст образу *землі* властивий українським народним думам та новелам В. Стефаника: у думках *земля* постає в опозиції «рідна земля» – «Дике поле» (як топоси буття «свого» й «чужого», в межах яких *рідну землю* та свій народ потрібно боронити від ворогів); у новелах В. Стефаника *земля* представлена семантикою «рідної *землі*» (України), а також *землі* як ґрунту, ниви, наділу – «букати поля», до якої було прив'язане все життя галицького селянина.

У новелах В. Стефаника, порівняно з думами, образ *землі* більше тяжіє до архетипного (хоч і позначений деякими символічними рисами, адже ця взаємодія неминуча) і пов'язаний саме з глибоким психологізмом, душевними переживаннями персонажів. Водночас він взаємодіє із поняттям «художній образ», який пов'язує об'єктивне й суб'єктивне світосприйняття, виражаючи певний ступінь узагальнення, естетичного ідеалу автора та суспільної тенденції, втілюючи не тільки індивідуальні риси першообразу, а й піднімаючись до образу-типу, навіть «національного мегаобразу», що виражає «народний дух» [34: 131]. В українських народних думках, незважаючи на первинність цих текстів, образ *землі*, у порівнянні з творами В. Стефаника, уособлює більш символічне значення стосовно згаданих вище конотацій (хоча й не позбавлений у своїй основі генетично архаїчних первнів), особливо це стосується поняття «рідна земля» (очевидно, через поетичну форму цих творів). Разом з тим, символ *землі* в думках, як і у новелах В. Стефаника, – це універсальна категорія пізнання духовного єства людини. Через пізнання таких архетипів, утілених в архетипних образах, можемо розкодувати смисли національного світогляду. Принагідно варто згадати, що так само психологічно глибоко писав про *землю* ще один західноукраїнський новеліст В. Ткачук. За способом та глибиною письма цих двох галицьких новелістів часто порівнюють, бо саме образ *землі* у В. Ткачука є також «наскрізним художнім образом з архетипними ознаками та символічним наповненням» [32: 300]. М. Дмитренко слушно назвав архетипи «психологічними реліктами». Вчений, послуговуючись дослідженням І. Пасько писав про те, що ця «архітектоніка давнього духу нікуди не зникла і не вмерла, вона втілила себе в етногенетичних парадигмах історичної пам'яті і соціальних імперативів» [3: 11].

Глибокий символізм, вкорінений в основи народного світогляду, естетичну природу кобзарсько-лірницької традиції, зауважуємо і в

образі творця, оповідача і виконавця дум. Так, під час виконання думи в системі «виконавець–слухач» на перший план виходить образ кобзаря, який намагається якнайглибше передати емоцію стосовно оспівуваних героїв, образів, патріотичні почуття, переживання, зміст, вербальну та невербальну сутність творів, у яких *земля* постає уособлення Батьківщини. У процесі творчої співдії виникає своєрідний зв'язок, духовна єдність між виконавцем та слухачем в якій кобзар спрямовує його увагу на «індивідуально-авторську картину світу, в якій герой думи постає як символ нації, надлюдина» [12: 204]. Виспівані бандуристом образи пробуджують у слухача архетипну пам'ять, образи, сюжети. Вони виносять кобзаря та слухача за межі звичного сприйняття життя та наближають до духовного, морального, етичного як цінностей, спонукають до глибинного осмислення дійсності й себе в ній. Тому образ землі в українських народних думах – це вираження самозаглибленості, філософічності у сприйнятті світу, неперервності зв'язків між минулим та сучасним, укорінення ідейності як питомо національного прояву характеротворення героїв дум.

Жанрово не менш експресивними й емоційними є й психологічні новели В. Стефаніка. Звичайно, ця емоція по відношенню до образу *землі* дещо інша, проте не менш глибока. Образ землі у новелах В. Стефаніка – це вираження індивідуально авторського сприйняття та розуміння світу. За силою психологізму зображуваних героїв та явищ йому немає рівних в українській літературі. Д. Донцов писав про те, чим була земля для письменника як представника свого народу, якщо сприймати цей образ крізь призму його персонажів: «Наша земля, вона-земля – ось було джерело його філософії, холодної, як срібло, й горячої, як смола, що палила його» [4: 176]. Стефаніків психологізм був настільки відмінним, що у ньому вбачаємо як шлях до індивідуалізації образів, так і до їх типізації, де спільним знаменником життя галицького селянина виступає «поле». Це та земля, яка дійсно годує, «родить», тому антропоморфізується, викликаючи у селян найглибші почуття.

Психологічно-філософського звучання набуває образ землі у новелах «Озимина», де початок та кінець буття ніби зійшлися до купи, та «Межа», в якій ще більше загострюється трагічність акту завершення життя й відчуття «своєї землі». Ставлення героїв новел до землі зображено крізь призму «філософії серця» [31], «ідеї серця», категорії «цінності» і «значущості». Так, у новелі «Межа», старий Семен, помираючи, перебуваючи «на межі» в агонії, безпам'ятстві, «правується» з Богом через землю, яка йому дорожча за все й усіх, бо він за неї боровся, за неї згрішив – убив багача, який хотів у нього відібрати ниву, але не розкаюється у цьому. Господар за свій вчинок «відсидів у мурах»,

але його «тук за землею не заржавів». Повернувшись додому, він «обіймав свої *ниви*», ревно доглядав їх, розмовляв із землею: «Та як вона засне змордована, як та *мама*, що нагодувала діти та вкрилася *білими пеленами*, як *лебідь* крилом, то я гріхувався прокидати *сніг*, аби не змерзла і не пробудилася. Земля – твоя *донька*, і ти повинен мені простити»; «Мої *ниви* на весну *зелені*, із вітром шепчуть. А я прилягаю на *ниву* і декую вітрові, що він є на землі, і землі, що вона родить. А розмова їх обоїх родила в мене молитву до тебе, боже, таку, що ти ніколи не чув, і за цю молитву то ти повинен мені дарувати» [24: 125].

Рівень цінності та значущості землі для персонажа новели – це своєрідний «відступ у себе», в якому поєдналося минуле й теперішнє, любов й ненависть, побожність й гріховність. Герой філософствує, пропускає крізь себе вже пережите, але незмінним залишається лише його неперервний зв'язок із землею. Сакралізація такого зв'язку В. Стефаніком передається не лише порівнянням землі з матір'ю, донькою, але й підсилюється кольористикою *білі пелени*, *лебідь*, *сніг*. Первісно слово «білий» означало «блискучий, прозорий, невидимий», а пізніше – «чистий та світлий». Тобто, це символ світла, сонця, життя, вічності, святости, божества [23: 24]. *Лебідь* для українців – символ богів, цнотливої наготи та незаплямованої білизни; повноти задоволення бажань; відродження; самотности; смерті; краси; вірного кохання [23: 134–135]. Відтак, у новелі «Межа» вивершується архетипний наскрізний образ *світла*, як вічності і святости буття людини на своїй землі. Цей образ протиставляється скоєному гріхові Семена, вивершуючи цим відданість персонажа землі-годувальниці. У беззастережній любові до своєї землі, він навіть перед смертю певен, що Бог «повинен дарувати» йому цей гріх, хоч зовсім у ньому не розкаюється і, якби знову зчинилося таке, то зробив би те саме: «Гріх гріхом, а я землі і тепер не дам ...Та я коло неї працюю, та я з кожного боку поглядаю. А де будяки, та згинаюся і виполюю. Хребет тріскає, руки горять від будяків. А я вночі не годен розправитися та язиком вилізати руки, як собака рану» [24: 125]. Емоційна дієслівна лексика *працюю*, *поглядаю*, *згинаюся*, *виполюю*, *хребет тріскає*, *руки горять* показує силу й водночас трагічність буття покутського селянина.

Земля-мати в давніх віруваннях українців – це образ-тотем, якому поклонялися та дякували за родючу ниву. У новелі «Межа» цей образ розширено до рівня *земля-донька*, що обумовлено світоглядом автора, особливістю етнічного характеру. Поетичне співвідношення *Бог – зелені ниви – світло – лебідь* увиразнює сприйняття образів *земля-мати* й *земля-донька*. В осмисленні й формуванні природовідповідності цих поетичних образів важливу роль відіграє принцип категоріального споріднення – теологічний, астральний, орнітологіч-

ний, зоологічний, ботанічний. Тобто, навколишній світ не є хаотичним і довільно поєднаним, а стає впорядкованим, наповненим смислом, живим. Він «говорить» з людиною своїми ритмами, способом існування. Водночас, людина теж говорить зі світом «своєю мовою», яку В. Стефанік виносить за межі повсякденного буття й трансформує в екзистенційну площину, де одним з важливих чинників формування національного характеру була свобода вибору й відповідальність за результат свого вибору. У цьому простежуємо національну самобутність психологізму зображуваних образів новели «Межа».

У новелі «Озимина» трагічність виражається у важкій, непосильній праці на землі, нездатності її обробляти. Персонаж новели – старенький дід, який просить смерть прийти до нього, бо немає вже сили працювати на землі та підтримувати її красу. Дивлячись на зелену озимину, він роздумує: «Земля все молода, вона як дівка, світло є – то вбереси, будний день – то вона по-будному вбрана, а все дівочить – відколи світа та сонця» [24: 94]. У новелі ставлення до землі знаходить своє втілення в образах гарно вбраної *дівчини*, *зеленої ниви*, *світла й сонця*, що є символами зародження нового й вічного. Разом з тим, зелену житню ниву зображено у протиставленні до образу «*білого, як молоко*» діда, який просить смерті. Такий контраст не випадковий – так символічно відображається часопростір буття людини, її зв'язок з минулим (важка робота на землі, радість життя на ній, захоплення її красою) і теперішнім (біле обличчя діда, як символ відходу «за межу», смерть). Художньо-семантична співвіднесеність образів *неба* (світло сонця) і *землі* (зелена нива) гармонізує, упорядковує два світи, естетично вивершуючи людину та її діяльність на землі. Тому для персонажа твору земля олюднюється і постає в образі молодої дівчини, що є символом не лише краси, але й неперервності роду. Навіть перед відходом у той світ, старенький бачить красу своєї землі й милується нею. Для нього її природна краса вічна, як вічні є світло і сонце. Відтак, образ землі у художньому часопросторі новели зображено крізь призму нерозривного зв'язку людини і природи (антеїзм), вираженого в національно маркованих символах-ідеалах як *земля-дівчина*, *земля-жінка*, *земля-життя*, *земля-краса*, що є одним з виявів національної своєрідності потрактування цього образу.

Якщо у новелах В. Стефаніка галицькі селяни перед смертю звертаються до землі як годувальниці, роздумують про життя на ній, емоційно-ціннісно пропускають крізь серце почуття любові до неї, то для персонажів українських народних дум «Три брати самарські», «Смерть козака на долині Кодимі», «Хведір Безрідний» земля уособлюється як цінність свободи, волелюбства, за неї вони борються і

вмирають у стражданнях. У новелах письменника художньо вивершується *культ землі* та *культ господаря*. Герої відвойовують землю у гір, кривдників та злодіїв, кривно оберігають її, як годувальницю. У думках *земля* більше має конотацію рідного краю, батьківщини. Саме у жанрі дум вивершується *культ воїна й землі*, де звеличується звитяга, героїзм, козацька слава у боротьбі за рідну *землю*. Зокрема, лежачи постріляним і порубаним, вмираючи від смертельних ран, герой думи «Смерть козака на долині Кодимі» проклинає долину Кодиму за те, що вже не зможе прославляти козацьку славу, виконувати місію воїна-захисника: «Бодай ты, долино Кодимо, мхами, болотами западала, / Щобь у весну Божу нъколи не зоряла не позоряла» [25: 147]. Звернення до долини Кодими як до живої істоти – це відгомін давніх вірувань українців, що відображали високий рівень естетизму у сприйнятті навколишнього світу. За такого філософсько-релігійного вчення бог ототожнювався з природою. Обожнювалися всі явища природи, небесні світила, дерева, річки, долини. У думі «Смерть козака на долині Кодимі» герой проклинає землю, щоб вона «мхами, болотами западала», «не зоряла, не позоряла» та одночасно прагне бути похованим на цій же *землі* за козацькими звичаями. У такому символічному ряді подвійного потрактування образу *землі* у думі виражається *трагічність* та *героїка буття* українців.

У думках чітко простежується протиставлення в опозиції «свій – чужий»: символами *свого* стали образи *вірного товариша, коня, батька отамана, кошового*, за наказом яких козаки «тіло молодецьке знаходили <...> й славу учинили». *Чужими* постають турки-яничарами, що є уособленням тяжкої неволі на чужині, тому для героїв дум краще померти від ран та «орлинь чорнокрыльцивь», ніж жити у неволі на чужій землі. Важливою складовою сюжету дум є його емоційна багатомірність, в якій народжується ідейно-моральна, естетична істина. Значну роль відіграє й образ оповідача, творця і виконавця народних дум, емоційний темпоритм, що об'єднує почуттєву, конкретно-образну, ритмічну, звукову складову художнього твору. Відчуття героями сакральності *свого* простору породжує непокору *чужому* навіть перед смертю. Важливу роль у передачі такого внутрішнього психологізму героїв відіграють і невербальні засоби спілкування кобзаря зі слухачем. Зокрема, за допомогою кінематичних засобів спілкування, що пов'язані з мовою тіла (міміка, пози, погляди, рухи), виконавець думи невимушено збуджував уяву аудиторії, «розблоковував базові духовні та моральні установки» [29: 82]. Навіть чужоземні студенти, серед яких було проведене соціологічне опитування про сприйняття дум у виконавській манері кобзаря відчували «потужний потік енергії», генетичний зв'язок зі своєю землею [13: 6].

Архетип землі як Батьківщини, рідної землі, України, а відповідно – й боротьби за її свободу постає й у новелах В. Стефаника «Дід Гриць» та «Сини». У першій дід Гриць розповідає, як провів усіх своїх онуків у світ боронити землю та його «святих» – Шевченка і Франка: «Внуки пішли, а я ще і внуку віпровадив, аби в шпиталях ходила за хворими. Ані одно не вернуло. Стара здуріла, мене лихословила, Україну проклінала» [24: 122]. У думі «Іван Коновченко» мати також проклінала полковника Филоненка за смерть єдиного сина, який пішов воювати й «слави й рыцарства козацькому війську доставати». Образ землі у цих творах постає як цінність свободи, волі, що вкорінена у *рід*. У родовій пам'яті відтворені життєдайні основи буття українців, де *земля* уособлювала *життя*, що несе *безсмертя*. Тому смерть персонажів дум і новел зображено крізь призму циклічності буття, родової пам'яті. Зокрема у думі «Іван Коновченко» це втілено в художніх образах похорону-весілля: «О тепери козаки, Панове молодци, пійте / да гуляйте, / Разомь похоронь и веселья отправляйте!» [26: 33]. Цей психологічно й етнічно глибокий момент символізує ініціативну повноту й завершеність життя людини на землі, адже саме ініціативні обряди допомагали й допомагають людині «усвідомити свою долю» та виконати своє «родове призначення», пройшовши усі цикли соціалізації земного буття [33: 92].

Крізь призму родової пам'яті зображено архетип *землі* й у новелі «Сини». Відчуття причетності до землі вкорінено у життя *роду* старого Максима. За словами В. Іванишина, це була «та земля, що постійно сприймалася свідомістю, як начало усіх начал, як біологічний організм свого живого кореня», але це була ще й «та земля, що виховувала в людях почуття, сильніші від смерті, коли в часи трагічних лихоліть хоч п'ядь її залишалась незвільненою» [5: 213]. Тож, коли старший син йде воювати за Батьківщину, батько не вагаючись проводить на її захист і молодшого. «Оце Україна, а тут, – і справив шаблев у груди, – отут її кров; землю нашу ідем від ворога відбирати. Дайте мені білу сорочку, дайте чистої води, аби-м обмивси, та й бувайте здорові» [24: 123], – такими були слова Андрія, старшого сина Максима. Образ крові символічно вивершує їх *рід* у боротьбі за свою землю. У новелі немає жодного нарікання батька на вчинок синів. Натомість художньо довершеним звучить мотив *роду* і *землі*, заснований на світоглядних основах сприйняття українцями землі як життєдайної цінності, за яку потрібно боротися. Лексеми «*кров*», «*шабля*», «*біла сорочка*», «*чиста вода*» мають тут не тільки пряме, але й символічне значення і є яскравим художнім втіленням ідеї вічності буття роду на своїй землі. Образи *білої сорочки* та *чистої води* тут набувають якісної характеристики з проекцією у ментальну сферу. Підсилює цей зв'язок

порівняння землі з *м'якою колискою*: «Максимові ноги чули під собою м'якість <...> земля дає йому ту м'якість, і зате він її так любить. І як він викидав жменю зерно, то приповідав: “*Колисочку* я вам постелив *м'якеньку*, ростить до неба”» [24: 144].

Вічність буття *роду* на своїй *землі* у новелі «Камінний хрест» символічно зображено в образі хреста, який поставив Іван Дідух на горбі. Хрест – не символ смерті, а символ Іванового життя, про яке просить односельців не забувати, коли вони святитимуть свої ниви у «світу неділю». Хрест є з'єднуючою ланкою в розірваному ланцюгу Іванового роду: «Камінний хрест – символ цієї історичної цільності роду, шанованого персонажами Стефаніка понад усе. Невелике полегшення проймає Івана Дідуха, коли він бачить увіковіченим себе на Батьківщині: “Видиш, стара, наш хрестик? Там є відбито і твоє намено. Не біси, є і моє, і твоє...”» [5: 219]. За цього образ землі Стефанік подає не лише як землі-годувальниці, на якій герой «стратив» свою силу, а значно розширює межі її сприйняття, бо рідна *земля* – це і село, гори, рідний край.

Образи землі як *родової пам'яті, слави, волі* поглиблюють ідейний та художньо-естетичний зміст українських народних дум «Іван Коновченко», «Сірчиха і Сірченки». Герой думи «Іван Коновченко» за обов'язок вважає залишити тихе життя хлібороба та піти на Черкень долину «Славы рыцарства козацькому війську доставаты», де й гине, а вдова Сірчиха втрачає чоловіка та двох синів на війні. Поряд з глибокими переживаннями матерів через втрату синів, вивершується мотив українського *Роду, Слави і Волі*. Неперервність родинних традицій у ставленні до *землі* подано у взаємодії *внутрішнього* і *зовнішнього* як етнопсихологічних констант. Під *внутрішнім* розуміємо душевний стан, свідомість, пам'ять героїв. Вони згадують героїчне минуле своїх предків, яке пробуджує у них почуття обов'язку перед собою, родиною, Україною й спонукає до зміни простору *Дому* на простір «*стену*», «*дїброви*», «*Черкень-долини*», «*славного города Корсуня*», «*зелених байраків*», «*козацького куреня*», «*зброї*», «*славного козацького війська*», «*славної України*»: «Таки піду с козаками погуляти, / Щоби *отцевскую славу* не утирати!» [26: 33]; «И дивиться, что есть на стени молодецькій / богатырская *зброя*, / Ен йийі з стени здимає, / Правою рукою хватає, / На білийі плечі складає, / Из *дому* виходжає» [26: 39]. Такі етнічно марковані символи боротьби за свій простір протиставляються *гречкосійству, плугу, ріллі*: «Будуть минѣ козаки, прозваніє прокладати / *Гречкосьємь, полагаємь* называти; / Не хочетя минѣ, мати, по *роль* спотикати, / За *плугомь* спини ломати, / Жовтого сафьяну коляти, / Червоннаго едеману пиломь набивати; / Хочетя, мати, пойти, на долину Черкень погуляти, / Звычайя козацького набрати, /

Слави рыцарства достати [26: 30]. Одним з факторів, що вплинув на формування таких етнопсихологічних рис українців у сприйнятті землі, був *степ*. В українській психіці відкритий простір степу породив *вільнолюбство, відчуття рівноправності* у взаєминах з іншими, степ був чинником «певної селекції» (пасивна частина суспільності зберігалася від нападів втечею, пасивністю, що й передавала нащадкам, натомість активна частина чинила спротив та гинула)» [18: 167]. Тож, символіка понять «земля – рід», «земля – слава», «земля – воля» розширює потрактування образів *степу, дому*. У думі вони насичені героїко-моральним імперативом відданості ідеї родової боротьби за землю без страху смерті та обумлені національною своєрідністю світосприйняття і світорозуміння персонажів дум.

В основу художньо-естетичного змісту думи «Сокіл» й новели В. Стефаніка «Вона – земля» покладено переживання персонажів через втрату свого простору, а, отже, свободи й волі. Оповідач, творець і виконавець думи та автор новели вводять слухача і читача у внутрішній світ персонажа, роблять їх причетними до глибинного процесу народження і прояву думки, дії, світу внутрішньої природи «я» героїв творів. Так, старий сокіл «жалібноенько квилить, проквіляє» через втрату свого дитяти-соколяти, якого забирали у неволю. В алегоричній формі «своя» земля, а це *козацькі звичаї, славна Україна* протиставляється «чужій» землі, бо вона – «серебрені пути» панських звичок, «жемчег» панської розкоши. Образ сокола у думі – відгомін давніх вірувань українців, згідно яких «сокіл уособлював у собі Першобога Світу, Першоптаха, птицю-тотема. Згідно з легендою він перевтілювався в Рода (Першобог давньоукраїнської міфології, зачинатель усього живого, “Господар Світу”)» [21: 46]. Відтак, архетипний образ Сокола постає символом єднання Роду, непокори, волі, свободи, морально-етичних принципів: «Ей, соколя, моє, бездольне безродне! / Лучче ми будемо по полю літати / Та собі живности доставати, / А ніж у тяжкій неволі / У панів проживати» [25: 32]. Образ *недолі* у думі декодується як ознака недосконалості внутрішнього світу людини по відношенню до зовнішнього і це спонукає до пошуку справжності буття, яке можливе бути лише на рідній *Землі*, бо вона – це *Воля* і саме *Життя*. Тому поетичний образ *бездольного соколяти* в неволі, після порятунку трансформується в образ *ясного сокола*.

Крізь призму понять *Земля – Воля, Земля – Життя* зображено й персонажів новели В. Стефаніка «Вона – земля». Данило, тікаючи від війни, щоб дітей «на наругу не подати», зрікся своєї землі «та й кров свою наклав на ковані вози, аби ніхто єї не споганив» [24: 109]. Втрата землі у новелі вивершується до екзистенційного рівня. Ставлення галичан до себе, життя, своєї долі визначається рівнем вкорінення

їх у свою *землю*, а втрата її прирівнюється до втрати *життя*. Промовисто тут звучить мотив «*німоти*», коли дружина Данила втратила мову через від'їзд з дому. Не допомагали їй і молитви перед іконами у Семеновій хаті, де подорожні зупинилися на ночівлю. Єдиним порятунком від німоти були слова чоловіка про повернення на свою землю. Художньо-естетичної значимості образу землі у новелі надає протиставлення *німоти* лексемі *пісня*, що слугує звуковим тлом для вивершення мотиву повернення покутських селян додому: «І пили оба діди, та й стара баба з ними, та *співали*. Баба сиділа в середині, та кріпко обіймала обох руками, та провадила *пісні* <...> Та так вони *співали* до зорів, а на зорях ковані вози заклекотіли, і Данило вертав додому» [24: 110]. Відтак, для персонажів українських народних дум та новел В. Стефаника повернення на рідну землю є невід'ємною складовою їх національного світосприйняття і світорозуміння, в основу якого покладено розуміння землі як *життя* (*земля – життя*).

Отже, образ землі в українських народних думках та новелах В. Стефаника настільки значимий, глибоко символічний, що у своїй семантиці сягає рис архетипного. Перебуваючи в «межовій ситуації» – загрози втрати землі, волі, свободи, життя, герої проявляють безумовну рішучість діяти, ризикувати життям. За цього їх ставлення до землі набуває сакрального змісту, ідеалізується, стає уособленням неперервності традицій, родової пам'яті. У результаті семантико-когнітивного аналізу та концепт-аналізу з'ясовано рівень співвідношення семантики мови та концептосфери людини, що обумовлюються особливістю світосприйняття, світорозуміння і світовираження персонажів творів у ставленні до землі та життя в цілому. Відтак наголошено, що образ землі у художніх творах набуває символічних форм, виражених у системі *Земля – Рід*, *Земля – Життя*, *Земля – Воля*, *Земля – Слава*. Зображально-виражальні національно-марковані лексеми дум і новел увиразнюють зміст цих символів, вказують на рівень художнього осмислення, узагальнення та сприйняття дійсності творцем, оповідачем і виконавцем думи та автором новел. Завдяки порівняльному методу дослідження з'ясовано особливості національного психологізму різних етнокультурних регіонів України – Галичини (Покуття) і Степової України (Слобожанщина). Зокрема вказано, що важливим чинником формування етнопсихологічних рис персонажів дум був *степ*, безмежний простір якого породив у характері вільнолюбство, нехтування небезпекою, несприйняття «гречкосійства» і, як результат, усвідомлений вибір йти «звичаїв козацьких набирати» й «слави-лицарства доставати». Степ, як домінуючий чинник у думовому епосі, був як феноменом естетичним, так і тим елементом, що постійно тримав людину у фізичній і психічній напрузі. Тому герої дум зали-

шають тихе хліборобське життя та йдуть боротися за свою землю, яка уособлювалася в образах «степу», «байраку», «долини», «козацьких звичаїв», «козацького куреня», «славного козацького війська», «шаблі булатної», «пещалі семип'ядної», «славної України», що й визначає національну своєрідність потрактування образу землі в українських народних думках.

Коли герої дум постійно борються, помирають й удостоюються козацької честі й слави, то персонажам новел В. Стефаника, які народилися у гірській місцевості й перебували під «опікою» і захистом гір від зовнішніх нападів, все ж доводиться відвойовувати землю, «дукату поля» у цих гір, і ця боротьба фізична, духовна, психологічна. Земля виховувала у цих людей почуття, сильніші смерті й це часто змушувало їх звертатися до Бога, навіть проклинати його. Крізь призму архетипу землі як годувальниці яскраво виражено такі національні прикмети українського характеру як інтровертизм, емоційність, чутливість, кордоцентризм, ліризм, що поглиблюють в українця екзистенційно-межове світобачення, філософічність та сприяють формуванню національного характеру.

Незмінним як для персонажів дум, так і новел В. Стефаника залишається любов до землі, відданість, самопожертва заради неї, бо саме із землею персонажі творів пов'язують свої надії, мрії, сподівання, біль, страждання – усе своє життя; вони народжувалися, раділи, тужили й умирали з думкою про неї, ставлячи й по-своєму розв'язуючи питання про сенс власного буття, вісню якого була їх земля. У зв'язку з цим, постає питання подальшого декодування таких образів-символів, як Дім, Шлях, Храм, їх художньо-естетичного вираження у фольклорних та літературних творах, а це дає можливість на значно ширшому рівні дослідити основи внутрішнього світу персонажів, поетики характеротворення, образу автора в художніх творах.

ЛІТЕРАТУРА

1. Бедлінський О., Набок М. У пошуках сакральних мовних кодів загальнолюдських цінностей (на матеріалах запозичень російської, української та русинської лексики) // Русин. 2020. № 60. С. 213–226. DOI: 10.17223/18572685/60/13

2. Гурдуз А. Міфопоетична парадигма в українській та західноєвропейській «прозі про землю» кінця ХІХ – першої третини ХХ ст. Миколаїв: МДГУ ім. Петра Могили, 2008. 281 с.

3. Дмитренко М. Символи українського фольклору. К.: УЦКД, 2011. 400 с.

4. Донцов Д. Поет твердої душі (В. Стефаник) // Літературна есеїстика. Дрогобич: Відродження, 2010. С. 174–186.

5. *Іванишин В.* Син землі (Есе про творчість Василя Стефаника) // Василь Стефаник – художник слова. Івано-Франківськ: Плай, 1996. С. 210–227.
6. *Іванов Н.* Интертекст – метатекст: культура, дискурс, язык // Языковые контексты: структура, коммуникация, дискурс. М.: Книга и бизнес, 2007. С. 43–50.
7. *Клочек Г.* Поетика і психологія. К.: Знання, 1990. 48 с.
8. *Козлов А.* Духовність як літературознавча категорія. К.: Акцент, 2005. 272 с.
9. *Кримський С.* Дім – Поле – Храм // Про софійність, правду, смисли людського буття. К.: ІФНАНУ, 2010. С. 426–439.
10. *Кримський С.* Софійні символи буття // Під сигнатурою Софії. К.: Києво-Могилянська академія, 2008. С. 21–29.
11. *Кушнір І.* Символ землі у творенні національної картини світу (на прикладі франкомовної літератури) // Вісник Львівського університету. Серія іноземні мови. 2012. Вип. 20. Ч. 1. С. 205–212.
12. *Nabok M.* Ukrainian National Dumas: National Perceptions in the Process of Intercultural Communication // Psycholinguistics. 2018. № 24 (2). P. 198–217. DOI: 10.31470/2309-1797-2018-24-2-198-217
13. *Nabok M.* Teaching Ukrainian folk dumas at University: analysis in context of intercultural communication // Advanced Education. 2020. № 16. P. 4–8. DOI: 10.20535/2410-8286.184554
14. *Набок М.* Українські народні думи: особливості національного характеру і типологія героя. Тернопіль: Підручники і посібники, 2014. 176 с.
15. *Набок М.* «Українська фольклористична енциклопедія» у колі міжнародних студій // Slavica Slovaca. 2021. Vol. 56, № 3. С. 478–481.
16. *Нудьга Г.* Українська дума і пісня в світі. Львів: Ін-т народознавства НАН України, 1997. Кн. 1. 421 с.; Кн. 2. 509 с.
17. *Нудьга Г.* У колі світової культури. Львів: ЛНУ ім. І. Франка, 2006. 440 с.
18. *Набтович І.* Етнопсихологія українців у літературно-критичній рецепції Дарії Віконської // Формування національних основоположних підстав сучасного українського народознавства та літературознавства. К.: Українська літературна газета, 2018. Вип. I. С. 163–176.
19. *Потебня А.* Мысль и язык. Одесса: Изд-во Украины, 1926. 205 с.
20. *Процик І.* Поняття архетипу в науковій літературі: генетико-теоретичний аспект // Вісник Запорізького національного університету. Філологічні науки. 2009. № 2. С. 56–67.
21. *Плачинда С.* Словник давньоукраїнської міфології. К.: Український письменник, 1993. 63 с.
22. *Саварин Н.О. Федчишин Т.В.* Весільна лемківська пісня (українська, польська, словацька): специфіка та використання // Русини. 2021. № 65. С. 277–295. DOI: 10.17223/18572685/65/15
23. Словник символів культури України / За заг. ред. В.П. Коцура, О.І. Попаценка, М.К. Дмитренко. К.: Міленіум, 2002. 260 с.
24. *Стефаник В.* Вечірня година. Новели. Ужгород: Карпати, 1987. 141 с.
25. Українські народні думи. Том перший корпусу. Тексти № 1–13 і вступ Катерини Грушевської. Харків: Державне видавництво України, 1927. 166 с.

26. Українські народні думи. Том другий корпусу. Тексти № 14–33 і вступ Катерини Грушевської. Харків; Київ: Пролетар, 1931. 304 с.
27. Фрай Н. Архетипний аналіз: теорія мітів // Антологія світової літературно-критичної думки ХХ ст. Львів: Літопис, 1996. С. 109–135.
28. Франко І. Зібрання творів: у 50 т. Т. 31. К.: Наукова думка, 1981. 596 с.
29. Черемський К. «Вустинський простір» українських традиційних співців-музикантів // Кобзарсько-лірницька епічна традиція. Харків; Київ: НЦНК Музей Івана Гончара, 2019. С. 77–90.
30. Юнг К. Человек и его символы. М.: Университетская книга, 1997. 368 с.
31. Юркевич П. Философские произведения. М.: Правда, 1990. 670 с.
32. Янковська Ж., Рарицький О., Марчук О. Відображення архетипного образу землі у новелах Василя Ткачука (за збіркою «Сині чічки») // Slavica Slovaca. 2020. № 55 (2). С. 296–306.
33. Yankovska Z., Sorochuk L., Anthropocentric Dimensions of Ukrainian Culture (In The Context of the Archetype of the Wise Old Man) // Anthropological Measurements of Philosophical Research. 2020. № 18. P. 87–101. DOI: 10.15802/ampr.v0i18.221383
34. Yankovska Z.O., Sorochuk L.V. Anthropological Dimension of the Philosophical «Literature-Centric» Model of Ukrainian Romanticism // Anthropological Measurements of Philosophical Research. 2021. № 19. P. 127–137. DOI: 10.15802/ampr.v0i19.236062

REFERENCES

1. Bedlinskyj, O. & Nabok, M. (2020) In search of sacral language codes of oommon human values (on loanwords of Russian, Ukrainian and Rusinian lexis). *Rusin*. 60. pp. 213–226 (in Ukrainian). DOI: 10.17223/18572685/60/13
2. Gurduz, A. (2008) *Mifopoetichna paradigma v ukrains'kij ta zakhidnoevropejs'kij "prozi pro zemlyu" kintsya XIX – pershoj tretini XX st.* [The mythopoetic paradigm in Ukrainian and Western European “prose about the land” in the land 19th – first third of the 20th century]. Mikolaiv: MDGU im. Petra Mogili.
3. Dmytrenko, M. (2011) *Simvoli ukrains'kogo fol'kloru* [Symbols of Ukrainian folklore]. Kiev: UTsKD.
4. Dontsov, D. (2010) Poet tverdoi dushi (V. Stefanik) [The poet of a firm soul (V. Stefanik)]. In: *Literaturna eseistyka*. Drohobych: Vidrozhennja. pp. 174–186.
5. Ivanyshyn, V. (1996) Sin zemli (Ese pro tvorchist' Vasylia Stefanika) [The son of the land (An essay on the work of Vasyl Stefanik)]. In: Greshchuk, V.V., Kononenko, V.I. & Khorob, S.I. (eds) *Vasil' Stefanik – khudozhnik slova* [Vasyl Stefanik – an artist of the word]. Ivano-Frankivsk: Play. pp. 210–227.
6. Ivanov, N. (2007) Intertekst – metatekst: kul'tura, diskurs, yazyk [Intertext – metatext: culture, discourse, language]. In: *Yazykovye konteksty: struktura, kommunikatsiya, diskurs* [Language Contexts: Structure, Communication, Discourse]. Moscow: Kniga i biznes. pp. 43–50.
7. Klochek, G. (1990) *Poetika i psikhologiya* [Poetics and Psychology]. Kiev: Znannya.

8. Kozlov, A. (2005) *Dukhovnist' yak literaturoznavcha kategoriya* [Spirituality as a Literary Category]. Kiev: Aktsent.
9. Krimskiy, S. (2010) *Pro sofijnist', pravdu, smisli lyuds'kogo buttya* [About Sophistry, Truth, and Meanings of Human Existence]. Kiev: IFNANU. pp. 426–439.
10. Krimskiy, S. (2008) *Pid signaturoyu Sofii* [Under the Signature of Sophia]. Kiev: Kievo-Mogilyans'ka akademiya. pp. 21–29.
11. Kushnir, I. (2012) Simvol zemli u tvorenni natsional'noi kartini svitu (na prikladi frankomovnoi literaturi) [The symbol of the land in the national picture of the world (a case study of French-language literature)]. *Visnik Lvivs'kogo universitetu. Seriya inozemni movi*. 20(1). pp. 205–212.
12. Nabok, M. (2018) Ukrainian National Dumas: National Perceptions in the Process of Intercultural Communication. *Psycholinguistics*. 24(2). pp. 198–217. DOI: <https://doi.org/10.31470/2309-1797-2018-24-2-198-217>
13. Nabok, M. (2020) Teaching Ukrainian folk dumas at University: analysis in context of intercultural communication. *Advanced Education*. 16. pp. 4–8. DOI: 10.20535/2410-8286.184554
14. Nabok, M. (2014) *Ukraïns'ki narodni dumi: osoblivosti natsional'nogo kharakteru i tipologiya geroya* [Ukrainian Folklore Dumas: the national character and typology of the hero]. Ternopil: Pidruchniki i posibniki.
15. Nabok, M. (2021) “Ukraïns'ka fol'kloristichna entsiklopediya” u koli mizhnarodnikh studiy [“Ukrainian Folklore Encyclopedia” in the circle of international studies]. *Slavica Slovaca*. 56(3). pp. 478–481.
16. Nudga, G. (1997) *Ukraïns'ka дума і пісня в світі* [Ukrainian Dumas and Song in the World]. Lviv: NAS of Ukraine.
17. Nudga, G. (2006) *U koli svitovoi kul'turi* [In the circle of world culture]. Lviv: The I. Franko LNU.
18. Nabytovych, I. (2018) Etnopsikhologiya Ukraïntsvu u literaturno-kritichnii retseptsii Darii Vikons'koi [Ethnopsychology of Ukrainians in the literary-critical reception of Daria Vikonska]. In: *Formuvannya natsional'nikh osnovopolozhnikh pidstav suchasnogo Ukraïns'kogo narodoznavstva ta literaturoznavstva* [Formation of the national fundamental principles of the modern Ukrainian folklore and literary knowledge]. Kiev: Ukraïns'ka literaturna gazeta. pp. 163–176.
19. Potebnya, A. (1926) *Mysl' i yazyk* [Thought and Language]. Odessa: Izdatel'stvo Ukrainy.
20. Procyk, I. (2009) Ponyattya arkhetypu v naukovii literaturi: genetiko-teoretichnii aspekt [Understanding the archetype in the scholarly literature: a genetic-theoretical aspect]. *Visnik Zaporiz'kogo natsional'nogo universitetu. Filologichni nauki*. 2. pp. 56–67.
21. Plachynda, S. (1993) *Slovník davn'oukraïns'koi mifologii* [The Dictionary of Old Ukrainian mythology]. Kiev: Ukraïns'kiy pis'mennik.
22. Savaryn, N. & Fedchyshyn, T. (2021) The Lemko Wedding Song (Ukrainian, Polish, Slovak): Peculiarity and Usage. *Rusin*. 65. pp. 277–295 (in Ukrainian). DOI: 10.17223/18572685/65/15
23. Kotsur, V. Potapeo, O.I. & Dmitrenko, M.K. (eds) (2002) *Slovník simvoliv kul'turi Ukraini* [Dictionary of Symbols of Ukrainian Culture]. Kiev: Milenium.

24. Stefanyk, V. (1987) *Vechirnya godina* [The evening time. Novels]. Uzhhorod: Karpati.
25. Anon. (1927) *Ukrains'ki narodni dumi* [Ukrainian National Dumas]. Vol. 1. Kharkiv: Derzhavne vidavnistvo Ukraïni.
26. Anon. (1931) *Ukrains'ki narodni dumi* [Ukrainian National Dumas]. Vol. 2. Kharkiv; Kiev: Proletar.
27. Fraj, N. (1996) Arkhetipniy analiz: teoriya mitiv [The archetypal analysis: the theory of myths]. In: Zebritska, M. (ed.) *Antologiya svitovoi literaturno-kritichnoi dumki KhKh st.* [Anthology of World Literary and Critical Thought of the Twentieth Century]. Lviv: Litopis. pp. 109–135.
28. Franko, I. (1981) *Zibrannya tvoriv: u 50 t.* [Collected Works: in 50 vols]. Vol. 31. Kiev: Naukova dumka.
29. Cheremskiy, K. (2019) “Vustins'kiy prostir” ukrains'kikh traditsiyних spivstiv-muzikantiv [The “Vustinsky space” of Ukrainian traditional singer-musicians]. In: *Kobzars'ko-lirnit'ska epichna traditsiya* [The Kobzar-lyric epic tradition]. Kharkiv; Kiev: NTsNK Muzey Ivana Gonchara. pp. 77–90.
30. Jung, K. (1997) *Chelovek i ego simvol'y* [Man and His Symbols]. Moscow: Universitetskaya kniga.
31. Yurkevich, P. (1990) *Filosofskie proizvedeniya* [Philosophical Works]. Moscow: Pravda.
32. Yankovska, Zh., Raritskiy, O. & Marchuk, O. (2020) Vidobrazhennya arkhetipnogo obrazu zemli u novelakh Vasilya Tkachuka (za zbirkoyu “Sini chichki”) [Reflection of the archetypal image of the land in the short stories of Vasyl Tkachuk (according to the collection “Blue Chichki”)]. *Slavica Slovaca*. 55(2). pp. 296–306.
33. Yankovska, Zh. & Sorochuk, L. (2020) Anthropocentric Dimensions of Ukrainian Culture (in the Context of the Archetype of the Wise Old Man). *Anthropological Measurements of Philosophical Research*. 18. pp. 87–101. DOI: 10.15802/ampr.v0i18.221383
34. Yankovska, Zh.O. & Sorochuk, L.V. (2021) Anthropological Dimension of the Philosophical “Literature-Centric” Model of Ukrainian Romanticism. *Anthropological Measurements of Philosophical Research*. 19. pp. 127–137. DOI: 10.15802/ampr.v0i19.236062

Жанна Олександрівна Янковська – доктор філологічних наук, професор кафедри філософії та культурного менеджменту Національного університету «Острозька академія» (Україна).

Жанна Александровна Янковская – доктор филологических наук, профессор кафедры философии и культурного менеджмента Национального университета «Острожская академия» (Украина).

Zhanna O. Yankovska – National University of Ostroh Academy (Ukraine).

E-mail: zanna.malva@gmail.com

Набок Марина Миколаївна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри мовної підготовки іноземних громадян Сумського державного університету (Україна).

Набок Марина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой подготовки иностранных граждан Сумского государственного университета (Украина).

Marina N. Nabok – Sumy State University (Ukraine).

E-mail: m.nabok@drl.sumdu.edu.ua

УДК 745.71+736.2

UDC

DOI: 10.17223/18572685/67/18

Візантійські традиції дизайну пластичних мистецтв у збереженні національної ідентифікації лемків-русинів в Галичині (друга половина XIX – перша третина XX століття)

Р.В. Одрехівський

Національний лісотехнічний університет України,
79057, Україна, Львів, вул. Ген. Чупринки, 103

E-mail: odre2010@ukr.net

Авторське резюме

На території Північної Лемківщини здавна були розвинуті традиційні пластичні мистецтва, виконані у візантійському стилі. Цей вид творчості – один із оберегів, які зберегли національну ідентичність лемків-русинів через століття. Особливо розвинутим було художнє каменярство. У даній роботі досліджується специфіка візантійського стилю у лемківському каменярстві. Особливістю цього стилю є, першочергово, рисунок іконографії меморіальних форм: позиція кистей рук та стоп, ніг постаті розп'ятого Ісуса Христа як у християнських традиціях Східного обряду, трираменний хрест, написи кириличним шрифтом тощо. Це виразно підкреслює національну приналежність меморіальних пам'яток в оточенні польських творів із характеристиками Римо-католицького обряду: написи латинським шрифтом не по-русинськи, більш видовжений, аніж візантійський, латинський хрест, іконографія Ісуса за римсько-католицькими традиціями тощо. Незважаючи на столітні репресії, лемкам-русинам у сусідстві із іноетнічними елементами вдалося зберегти свою національну та релігійну ідентичність завдяки дотримання у пластичних мистецтвах та релігійному культурі візантійських традицій. Власне, у другій половині XIX – першій третині XX століття і відбувся розквіт пластичних мистецтв, зокрема, художнього каменярства, що розглядаємо як складову національного русинського Відродження, яке ще не набуло належного опрацювання у історичній науці. У перспективах подальших досліджень – вивчити це питання на прикладі інших пластичних мистецтв лемків-русинів: іконопису, вишивці тощо.

Ключові слова: Лемківщина, візантійські традиції, дизайн пластичних мистецтв, хрест, Розп'яття, лемки-русини.

Византийские традиции дизайна пластических искусств в сохранении национальной идентификации лемков- русинов в Галиции (вторая половина XIX – первая треть XX в.)

Р.В. Одрехивский

Национальный лесотехнический университет Украины

79057, Украина, Львов, ул. Ген. Чупрынки, 103

E-mail: odre2010@ukr.net

Авторское резюме

На территории Северной Лемковины издавна были развиты традиционные пластические искусства в византийском стиле. Этот вид творчества – один из оберегов, сохранивших национальную идентичность лемков-русинов на протяжении столетий. Особенно развитой была художественная отделка камня – «каменярство». В работе исследуется специфика византийского стиля в лемковском «каменярстве». Особенностью этого стиля является, в первую очередь, рисунок иконографии мемориальных форм: позиция кистей рук и стоп ног фигуры распятого Иисуса Христа как в христианских традициях Восточного обряда, трёхраменный крест, надписи кириллическим шрифтом и т. д. Это отчетливо подчеркивает национальную принадлежность мемориальных памятников в окружении польских произведений с характеристиками Римско-католического обряда: надписи латинским шрифтом не по-русински, более удлиненный, чем византийский, латинский крест, иконография Иисуса по римско-католическим традициям и т. п. Несмотря на столетние репрессии, лемкам-русинам в соседстве с иноэтническими элементами удалось сохранить свою национальную и религиозную идентичность благодаря соблюдению в пластических искусствах и религиозном культе византийских традиций. Собственно, во второй половине XIX – первой трети XX в. и произошёл расцвет в развитии пластических искусств, в частности, художественного «каменярства», рассматриваемого как составляющая национального русинского Возрождения, которое еще не исследовано надлежащим образом в исторической науке. В перспективах дальнейших исследований – изучить этот вопрос на примере других пластических искусств лемков-русинов: иконописи, вышивки и т. д.

Ключевые слова: Лемковщина, византийские традиции, дизайн пластических искусств, крест, Распятие, лемки-русини.

Byzantine traditions of plastic arts design to preserve the national identity of the Lemko-Rusins in Galicia (the second half of the 19th – the first third of the 20th century)

R.W. Odrekhivskyi

Ukrainian National Forestry University (Ukraine)

103 Hen. Chuprynky Street, Lviv, 79057, Ukraine

E-mail: odre2010@ukr.net

Abstract

Northern Lemkovyna has been developing traditional plastic arts in the Byzantine style for a very long time. This type of art is one of the talismans that have preserved the national identity of the Lemko-Rusins through the centuries. This paper investigates the specificity of the Byzantine style in the Lemko stonemasonry, which is primarily the drawing of the iconography of memorial forms: the position of the hands and feet of the crucified Jesus Christ as in the Christian tradition of the Eastern rite, a three-armed cross, Cyrillic inscriptions, and so on. This clearly emphasizes the nationality of the memorials surrounded by Polish works of the Roman Catholic rite, with Latin, not Rusin inscriptions, more elongated Latin cross, iconography of Jesus according to the Roman Catholic tradition, etc. Despite centuries of repression, the Lemko Rusins have managed to preserve their national and religious identity in the vicinity of non-ethnic elements by observing Byzantine traditions in the plastic arts and religious cult. The flourishing development of plastic arts, in particular, artistic stonemasonry, in the second half of the 19th – first third of the 20th century can be considered a component of the national Rusin Renaissance, which has not yet been properly investigated by historians. In further research, other cases of Lemko-Rusin plastic arts can be investigated, eg. icon painting, embroidery, and so on.

Keywords: Lemkovyna, Lemko Region, Byzantine traditions, design of plastic arts, cross, Crucifixion, Lemko-Rusins.

Лемківщина – край населений лемками-русинами лежить серед прекрасної гірської природи. Довший час Північна Лемківщина належала Австрійській, а згодом – Австро-Угорській державі. У період поміж першою та другою світовими війнами галицька Лемківщина знаходилася у складі Польщі. Із осені 1944 року по липень 1947 року на територію колишньої Української РСР із Польщі було депортовано 481 тис. українців (русинів) [9: 293].

Таким чином, села Північної Лемківщини залишилися без своїх господарів – лемків-русинів. Незважаючи на столітні репресії лемкам-русинам у сусідстві із іноетнічними елементами вдалося зберегти свою національну та релігійну ідентичність. Думаємо, що у значній мірі завдяки збереженням власних традицій візантійського обряду.

Власне, особливий візантійський церковний обряд та власного стилю пластичні мистецтва були базою національного відродження лемків-русинів у другій половині XIX – першій третині XX століття [8: 46]. Саме це було однією із головних причин того, що русинам вдалось до трагічних подій депортації 1945–1947 років зберегти своє – національне.

Найвідомішими пластичними мистецтвами лемків-русинів Північних схилів Карпат були: іконопис, різьблення по дереву та каменю тощо. Українські дослідники надавали певну увагу дослідженням пластичних мистецтв Лемківщини [4: 224–401] і також значенню каменя у народних промислах [2: 22]. Польські дослідники також вивчали лемківські пластичні мистецтва та їхнє значення в історії культури. Найіменитішим серед польських дослідників був, безперечно, Р. Райнфус [16]. Однак, як українські, так і польські дослідники не показали суті візантійського мистецтва як одного із головних оберегів збереження своєї ідентичності лемків-русинів. Зазначимо, що після трагічного виселення русинів із Північної Лемківщини їхні села стали пустками, а церкви та твори християнського художнього каменярства – національні русинські обереги залишилися у переважній більшості без русинської душі і нищатья просто неба, що підкреслює актуальність нашого дослідження. Тому і не дивно, що, як зазначив С. Суляк, сучасні учені у багатьох випадках навіть обходять термін Карпатська Русь [9: 274]. Адже велика частина території Карпатської Русі, куди і входить Галицька Лемківщина, із її трагічною історією залишилася без автохтонів – лемків-русинів.

Найбільш малодослідженими серед пластичних мистецтв лемків, на нашу думку, є художнє каменярство. Власне, на його прикладі ми покажемо збереження візантійських традицій. Адже на відміну від іконопису, вишивки, кераміки, різьблення по дереву, художнє каменярство залишилося на рідних землях. Воно відсутнє у музеях, його стає щораз менше, бо цей вид творчості припинив свій розвиток та існування після трагічних подій примусового виселення русинів-лемків у другій половині 40-х років XX століття.

Тому метою даного дослідження є показати значення візантійських традицій дизайну меморіальних пластичних мистецтв у збереженні національних традицій лемків-русинів із Північної Лемківщини у період другої половини XIX – першої третини XX століття.

Виходячи із мети сформульовано головні завдання дослідження: показати особливості художньої композиції та стилістики візантійських традицій у артистичному каменярстві; висвітлити значення кириличного шрифту у національній ідентифікації лемків-русинів.

Джерельною базою дослідження стали, у першу чергу, матеріали, зібрані у ході проведення експедиційних досліджень автора на теренах галицької Лемківщини у 1993 та 2019 роках (сьогодні – територія Республіки Польща). Зафіксовано і обстежено десятки пам'яток художнього каменярства, виконані переважно із вразливого до атмосферних опадів каменю-пісковика. Більшість із них після десятиліть перебування під відкритим небом перебувають у критичному стані.

На галицькій Лемківщині, в районі Магурицького хребта (у південній частині Горлицького та Ясельського повітів Малопольського воєводства) є поклади каменю-пісковика. Завдяки доступу до його родовищ, високої якості, навколишні села, які знаходяться поруч, – Бортне, Перегонина, Бодаки та інші у другій половині XIX – першій третині XX століття стали центром каменярства, виготовлення меморіальних споруд [8: 48]. Для жорен і млинів каменярі використовували крупнозернистий, твердий камінь, так званий «сивий пісковик», а для фігур лемківські майстри використовували дрібнозернистий камінь [2: 22], який надавав можливість до дрібних деталей відтворити постать людини, дрібні деталі надгробників, сакральних споруд тощо.

Вироби художнього лемківського каменярства відзначаються у багатьох випадках особливістю наслідування візантійських традицій. Останнє має важливе значення, враховуючи, що регіон знаходиться на лемківсько-польському пограниччі. Власне, зберігання власної Східної традиції, греко-католицької церкви – зокрема, у значній мірі було тим, що зберегло національні особливості лемків-русинів. Це підкреслюють, наприклад, українські історики В. Тельвак та В. Наконечний [11: 174]. У наслідуванні візантійських традицій вбачаємо низку особливостей композиції та рисунку у першу чергу хрестів, як без фігуративної пластики, так і з фігурами, переважно із Розп'яттям.

Відновлення популярності візантійських традицій на території Північної Лемківщини у другій половині XIX – першій третині XX століття було зумовлено низкою факторів. Одним із головних – пробудження національної самосвідомості. Цікаво, що цей факт визнають також польські науковці, зокрема, навіть прихильники так званої «волоської колонізації», як Р. Райнфус [16: 120].

Зрештою, зміни щодо іменування національного статусу галицьких русинів на початку XX століття дослідники простежують і за офіційною політикою австрійської влади у Галичині. Після переходу Галичини

від Польщі до Австрії, як пишуть історики Лемківщини про назву галичан-русинів, у «...спадку по поляках австрійское правительство означало терминами "Rensen", "Russen", "Ruthenen" малоруске населення Галичини, Буковини и Закарпатской Руси от конца XVIII ст. до 1917 року, коли то цисар Кароль I ужыл по раз перший офіціального терміну "украинский"» [5: 167].

Далі, у першій третині ХХ століття національне відродження розвивалося поруч із посиленням релігійного руху за відновлення та поширення східних, тобто, візантійських традицій на Північний Лемківщині. Мабуть, одним із факторів того було інтенсивне відновлення та поширення православ'я в регіоні. Однією із найважливіших подій апогею цього руху була так звана «тилявська схизма» – велике народне віче, присвячене переходу на православну віру у селі Тилява 16 вересня 1926 року [13: 113].

Інтенсивний рух за відновлення православ'я в Галичині, що зумовило, як припускаємо, рух за відновлення візантійських традицій у сакральному мистецтві та літургії зафіксований ще 50 років перед тим. Адже, як вважають дослідники, саме це могло бути однією із причин зміщення із посади Галицького греко-католицького митрополита у 1882 році Йосипа Сембратовича Ватиканом [13: 115]. Специфіка церковного мистецтва і літургійного обряду Північної Лемківщини відбілося і також у її відокремлення від Перемиської єпархії – із 10 деканатів 10 лютого 1934 року було створено окрему Апостольську Адміністрацію для Лемківщини [5: 168–169].

Очевидно, створення Апостольської адміністрації Лемківщини могло також бути, серед інших причин, реакцією польської влади та адміністрації Ватикану на ці релігійні рухи із відновленням православ'я [13: 115], які поступово наростали у ці роки.

Тим часом, майстри каменяряства, мабуть, маючи підтримку від замовників творів, продовжували втілювати поширення візантійських традицій у своє мистецтво. Особливістю Східного обряду спостерігаємо, наприклад на одному із кам'яних хрестів із Мацини Великої (Горлицький повіт) із початку ХХ століття (рис. 1). Кожне із закінчень хреста у вигляді рівностороннього трилисника. Окрім того, закінчення кистей рук у розп'ятого Спасителя – у позиції долоні руки, як прикладють Святий Хрест у Східному обряді – три пальці, а не всі п'ять, як у Римо-католицькому. Цю особливість обряду підкреслює доктор теології Ю. Федорів, аналізуючи складання пальців правої руки до знаку Святого Хреста, що означає Пресвяту Трійцю, із повернутим обличчям до Сходу [12: 71]. Адже саме Східний, тобто, Візантійський обряд відзначається особливою пошаною до Пресвятої Трійці, яка згадується у Службі Божій багато раз [1: 44].

Рис. 1. Кам'яний хрест із Мацини Великої (Горлицький повіт) із початку ХХ століття. Світлина Романа Одрехівського. 2019 р.

До того ж, на хресті напис кириличним шрифтом. Зрештою, таких хрестів на Північній Лемківщині було багато. Зокрема, і хрест із Розп'яттям із 1915 року також із Мацини Великої підписаний кириличним шрифтом (рис. 2).

А стопи ніг розп'ятого Ісуса прикріплені до хреста у позиції паралельного розташування поміж собою, як у традиціях Східного обряду. Хоча сама композиція за трактуванням пластики вирішена під впливом католицької слов'янищини – об'ємне трактування як у професійній католицькій скульптурі.

Окрім названих вище мистецьких особливостей, до традицій Східної церкви відноситься, як відомо, також трираменний (восьмиконечний) хрест.

Така форма хреста також поширена була на галицькій Лемківщині. Як у круглій скульптурі, так і у рельєфних зображеннях. Наприклад, меморія із кінця 20-х років ХХ століття також із Мацини Великої (рис. 3). У рельєфній різьбі по каменю на надгробнику зображено у рельєфі трираменний хрест. Нижнє, похиле рамено символізує підніжжя Гол-

Рис. 2. Хрест із Розп'яттям із 1915 року із Мацини Великої (Горлицький повіт). Світлина Романа Одрехівського. 1993 р.

гофи. На середохресті терновий вінок символізує муки Ісуса Христа. Образно, зрозуміло – за традиціями Східного обряду.

Русинське розуміння свого завершує внизу відкрита книга, де кирилицею по-русинськи (лемківський варіант) написані імена покійної подружньої пари, яка тут спочиває із кінця 20-х років. «Ту спочиват Михайло Качмарчик... вічная му памят». А із правого боку «Ту спочиват Євфросинія Качмарчик... вічная і памят». І це у іншому сусідстві католицьких пам'яток із написів польською або латинською мовою. Ця меморія – важливий доказ збереження національної ідентичності, завдяки збереженню та продовженню візантійських традицій у сакральній культурі лемків-русинів. Адже кириличний шрифт і церковнослов'янська мова, введені Св. Кирилом та Св. Методієм і відіграли важливу роль у створенні церковного Східного обряду [1: 42]. А саме у його лоні і творився християнський обряд лемків-русинів.

А, власне, Східний церковний обряд, як зазначав Митрополит

А. Шептицький, «...якнайкраще відповідає психіці і ментальності нашого народу, який має чутливу душу, любить молитву, містику, поезію і спів». Тому Митрополит Андрей закликав вірян бути вірних своєму обрядові [1: 45].

Рис. 3. Меморія із кінця 20-х років XX століття із Мацини Великої Великої (Горлицький повіт). Світлина Романа Одрехівського. 1993 р.

Велике значення у збереженні русинських традицій відіграють пам'ятні меморії на могилах видатних діячів патріотів-русинів, як у Ждині на могилах сім'ї Сандовичів. На могилі церковного псаломщика Тимофія Сандовича (1929 рік) бачимо Розп'яття із положенням ніг Ісуса як у церкві Східного обряду (стопи розташовані паралельно поміж собою) (рис. 4) на типовому православному трираменному хресті. Різьб'яру вдалося динамічним нахилом голови Ісуса підсилити рух. Оскільки ця меморія висока, то скульптура Розп'яття із низу, з позиції глядача, сприймається у ракурсі, що підкреслює трагізм ситуації розп'ятого Ісуса, постать якого особливо, специфічно та динамічно сприймається якраз із саме такого огляду композиції. Особливість меморіального простору кладовища у Ждині ще й у тому, що надалеко

від меморії Тимофія Сандовича знаходиться могила Максима Тимофійовича Сандовича, який трагічно загинув у 1914 році у Горлицях.

Максим Сандович – мученик русинського руху за Відродження. Перед трагічною смертю австро-угорські власті тримали його близько двох років в ув'язненні без висунення конкретних звинувачень [10: 160]. На жаль, як зазначає С. Суляк, до тепер геноцид русинів у роки першої світової війни так і не отримав належного висвітлення у історіографії [10: 160].

Могили Сандовичів розміщені на цвинтарі у Ждині поруч. Меморіальний комплекс на похованні Максима Сандовича втілює творчий задум мучеництва (рис. 5). Графічний портрет Максима Сандовича, виконаний у декоративно-площинній стилізації письма православної ікони, розташований у центрі композиції під високим

Рис. 4. Фрагмент могили Тимофія Сандовича із 1929 року із Ждині (Горлицький повіт). Світлина Романа Одрехівського. 1993 р.

чорним трираменним Східним хрестом. На хресті зображене Розп'яття. Голова Ісуса різко розвернута убік, надаючи експресії комплексу у цілому. Обабіч хрест фланкують такі ж два чорні хрести, втілюючи задум про Пресвяту Трійцю, що є однією із основ православної віри. Траурність та монументальність комплексу підкреслює ажурна

підставка, яка ніби піднімає усі три хрести уверх, надаючи образу ракурсу та монументальності.

Могила мученика Максима Сандовича розташована у доступному місці, завдяки високій підставці під хрестами видна здалеку і є поширеним об'єктом поклоніння і молитви для паломників під час проведення у липні щорічного світового фестивалю культури «Лемківська ватра», який відбувається у Ждині. Поруч біля цвинтаря розташована

Рис. 5. Могила Максима Сандовича у Ждині (Горлицький повіт) (<http://www.polskaniezwykla.pl/web/place/46546,zdynia-grob-maksyma-sandowicza.html> (останній перегляд: 30.01.2022)).

православна церква Покрови Пресвятої Богородиці типової лемківської конструкції – де дзвіниця насаджена наверх на бабинець, а силует церкви іде на спад – від найвищої точки над бабинцем до Святилища. Власне, така композиція архітектури і вирізняє класичну лемківську церкву від бойківської чи гуцульської. Серед багатьох православних лемків поширена ікона Св. Мученика Максима Сандовича у подібній іконографії, як на могильному портреті.

Пластичні меморії увіковічення пам'яті родини Сандовичів – яскравий приклад значення дизайну пластичних мистецтв та художнього каменярства у продовженні традицій християнства Східного обряду та збереженні національної ідентифікації лемків-русинів в Галичині. Власне ці меморії розглядаємо як складову національного Відродження лемків-русинів у період другої половини XIX – першої третини XX століття, вираженого художньою мовою пластичних мистецтв.

Значний вклад у створення пам'яток із каменярьського пластичного мистецтва внесли лемки-емігранти, у першу чергу із США. Зокрема, як зазначає В. Наконечний, як у плані фінансової допомоги, так і культурологічної діяльності [7: 70].

Мистецтво лемків-русинів – багатопланове, оригінальне і національно ідентичне. Йому притаманний виразний вплив традицій Східного християнського обряду. А цей обряд глибоко догматичний [1: 44]. Це сприяло збереженню національної ідентифікації лемків-русинів у іномовному та інорелігійному оточенні.

На прикладі родини Сандовичів бачимо, як у лемківських сім'ях виховували традиції роду, продовження його у наступних поколіннях та збереження Священної Віри Предків. Зокрема, дослідник психології роду О. Лук'яненко у своїй праці «Родоцентрична педагогіка: історико-теоретичні розвідки» показує, як оберігання національних давніх традицій формувало патріотично-громадські якості ще стародавніх русичів [6: 19]. Нащадок роду – Максим Сандович, вихований саме у таких традиціях, не зрадив лемківські традиції своєї Східної (візантійської) віри навіть у застінках австрійської тюрми, де іновірці хотіли його зречення від Священної Віри Предків. Бачимо достойне і гідне родове виховання і гордимось за лемків-русинів, яких рятувала догматичність віри.

Як вважають дослідники, і це підтверджують наші теренові дослідження меморіальних пам'яток на Лемківщині, що: «...консерватизм, який не безпідставно приписують лемкам, був, значною мірою, тією відпірною енергетикою, що захищав від асиміляційних, космополітичних процесів, зберіг їхні традиційні індивідуальні риси, характерний побут, спосіб життя» [4: 165]. Цей консерватизм лемки зберігали завдяки догматичності Східного церковного обряду, візантійським традиціям у сакральному мистецтві, меморіям зокрема. Дослідження про християнізацію та спосіб церковного життя в історії Лемківщини, потребує окремого опрацювання, яке ще попереду. Зокрема, дослідники цього питання зазначають: «Брак та розкиданість документальних матеріалів у різних державах (Угорщина, Австрія, Чехія, Словаччина, Польща, Росія) утруднюють дослідникам відтворити цілісну й повну картину на окреслену тему» [4: 165–166].

Таким чином, меморії і були одним із цих оберегів лемків-русинів. У більшості меморіальних пам'яток лемків-русинів не було портретних зображень конкретних осіб. Найчастіше національні особливості відображав трираменний (восьмиконечний, згідно канонів Східної церкви) хрест із Розп'яттям. Пластичним особливостям постаті розп'ятого Ісуса була посилена експресія страждань відкинутої голови Ісуса. На відміну від інших осередків меморіального

каменярства галичан-русинів (Брусно біля Любачева, Демня біля Миколаєва на Львівщині та інші) у лемківських меморіях переважає постать Розп'яття, а інші біблійні сюжети: Святі із іменем покійного, Богоматір, Свята Родина тощо трапляються вкрай рідко.

В окремих випадках зустрічаємо на лемківських меморіалах конкретні портрети, як на могилі Максима Сандовича. Але і тут, продовжуючи особливості лемківської віри Східного обряду, згідно візантійських традицій, портрет Максима Сандовича створений стилізовано під православну ікону (площинно, декоративно, без передачі на картині зображення тривимірного простору тощо). Напевно, традиція народних вірувань лемків-горян відносилась до портретного зображення покійного саме із такими особливостями, а особливо, коли мова йде про мученика. Однак ця тема потребує окремого дослідження.

Лемківська ікона у значній мірі стала зразком для художньо-стилістичного вирішення меморіалів. Під її традиції стилізована переважна більшість Розп'ять та портретів, як Максима Сандовича. Ці риси зберігають стародавню християнську архаїку, як вважаємо, одного із оберегів, притаманних для русинів-лемків традицій. Відомий фахівець історії мистецтва В. Овсійчук про лемківську ікону зазначає, що «...завдяки тому, що іконографічні нововведення не активно доходили до гірських селищ, матеріальні можливості яких не були надто високими, давня ікона тут століттями зберігалася в первісному вигляді. Тому ця земля залишилась неоціненним оазисом великого культурного пласту...» [4: 373]. Жодна давня ікона Лемківщини не має сигнатур, тому визначити її вік вкрай важко, а, можливо, це питання і не буде вирішено [4: 373].

Іконографія цих меморій має свою ґрунтовну базу – прадавня сакральна консервативна культура, яка, як вважаємо, оберігала лемків-русинів і завдяки якій вони вижили як етнографічна цілість на Північній Лемківщині до трагедії примусового виселення 1945–1947 років.

Хоча, боротьба проти лемківського православ'я велася уже понад 700 років тому. Так, на Північній Лемківщині у Змигороді у 1331 році був заснований римо-католицький домініканський монастир, як зазначав Р. Райнфус «...з причин сусідства з схизматиками й з огляду на їх спасіння» [3: 167]. Та й сусідня Пряшівщина не забарилася, бо в Мушині теж було засновано монастир «...в половині XIV ст. імовірно з такою ж метою» [3: 167]. Однак, незважаючи на понад 700-літню боротьбу не завжди коректних сусідів проти візантійського обряду, як бачимо, лемки-русини вистояли у ньому аж до 1945–1947 років, тобто до депортації.

Розглянуті нами пам'ятки русинського каменярства – особливі, бо вони створені у період між другою половиною XIX – першою

третиною XX століття – часового відтинку, у якому за висновками дослідників відбулося два русинських Відродження [10: 161].

Майстерність творців лемківського пластичного каменярства того часу була настільки висока, що їхні твори та вплив візантійського стилю також заповнили сусідні на північ та захід терени із польським населенням. В результаті цього на цвинтарях північного та західного регіону Горлицького повіту, зокрема, у Лужній, Ядловці та інших місцевостях з'явилися хрести із Розп'яттям у візантійській іконографії. Однак, польські дослідники фіксують аналогічної східної іконографії Розп'яття ще далі на Захід – майже під самим Краковом, зокрема, на цвинтарі у Рацеховичах (Краківське воєводство) [14: 225], як і на цвинтарі у Ріпеннику Стрижевському (Тарнівське воєводство) [15: 173–174].

Отже, спостерігаємо, коли культура лемків-русинів, візантійські особливості пластичних мистецтв впливали на наших західних сусідів – поляків. На жаль, такі факти майже ніколи не публікуються нашими науковцями, тоді як зворотне – вплив культури шановних західних сусідів на українське мистецтво широко пропагується іноземними дослідниками. Зазначимо ще раз, що династійні зв'язки майстрів лемківського каменярства перервані назавжди, бо після другої половини 40-х років XX століття вони, на жаль, не відновилися. Уже ніхто і ніколи не створить такі шедеври народної творчості світового рівня. Автор обстежив їх на теренах у 1993 та 2019 роках. За ці 26 років відбулися разучі зміни. Ці твори, виконані із м'якого каменю-пісковіку тепер виглядають більше знищені. Атмосферні опади, вітри, кислотність рослинного покриття – усе це знищує меморії. Необхідно створити музеї-лапідарії де під наглядом реставраторів можна буде провести консервацію збережених та зібраних робіт, а також зберігати ці твори під накриттям. Це ще раз акцентує необхідність проводити такі дослідження та публікувати їх на сторінках журнальних видань.

Таким чином, у статті показано, як завдяки особливостям художньої композиції та стилістики твори артистичного каменярства сприяли збереженню національної ідентифікації лемків-русинів. Цьому також допомагали і особливості кириличного шрифту, яким були виконані написи на пам'ятках художнього каменярства. Адже така специфіка притаманна православної та греко-католицькій церквам, вірними якої були лемки-русини. Це виразно виділяло їх у іномовному та інорелігійному оточенні пам'яток римо-католицького обряду сусіднього польського населення. Навіть зафіксовані вплив творчості лемків-каменярів на художнє меморіальне пам'ятникарство сусідніх теренів, які у XIX та першій третині XX століття були заселені тільки поляками.

У перспективах подальших досліджень варто вивчити збереження

та творче продовження візантійських традицій у інших пластичних мистецтвах лемків-русинів – іконопису, вишивці та інших. А також показати їхнє значення у збереженні національної ідентифікації лемків-русинів на території північних схилів Карпат до трагічних подій їхнього виселення у другій половині 40-х років ХХ століття.

ЛІТЕРАТУРА

1. Катрій Ю. Божественна Літургія – Джерело Святості. Торонто; Нью-Йорк; Львів: Видавництво отців-василіан «Місіонер», 2001. 138с.
2. Красовський І. Камінь і дерево в народних промислах лемків // Народна творчість та етнографія. 1987. № 5. С. 21–28.
3. Лемківщина. Земля – Люди – Історія – Культура. Т. I / Ред. Б.І. Струмінський. Нью-Йорк; Париж; Сідней; Торонто, 1988. 568 с.
4. Лемківщина: у 2 т. / Від. ред. С. Павлюк. Львів: Інститут народознавства НАН України, 2002. Т. 2: Духовна культура. 420 с.
5. Лемкин В.Ф. История Лемковины. Йонкерс: Издание Лемко-Союза в США, 1969. 384 с.
6. Лукьяненко О. Родоцентрична педагогіка: історико-теоретичні розвідки. Полтава: Друк. майстерня, 2008. 65 с.
7. Наконечний В. «Лемки- це вічні скитальці: еміграційний дискурс лемківської періодики в другій речі посполитій» // Народознавчі зошити. 2021. № 1 (157). С. 65–72. DOI: 10.15407/nz2021/01.063
8. Одрехівський Р.В. Мистецтво різьблення як один із проявів національного та культурного відродження лемків-русинів (кінець ХІХ-перша третина ХХ століття) // Русин. 2021. № 64. С. 43–51. DOI: 10.17223/18572685/63/4
9. Суляк С.Г. К вопросу о терминологии Карпатской Руси // Русин. 2019. № 55. С. 272–316. DOI: 10.17223/18572685/55/16
10. Суляк С.Г. Русины карпатского региона и русская цивилизация // Русин. 2009. № 1 (15). С. 158–162.
11. Тельвак В.В., Наконечний В.М. Становище русинської меншини в Другій Речі Посполитій за матеріалами газети «Наш лемко» // Русин. 2020. № 61. С. 166–182. DOI: 10.17223/18572685/61/10
12. Федорів Ю. Пояснення церковних Богослужень і Святих Тайн. Торонто, 1976. 160 с.
13. Шах С. Між Сяном і Дунайцем. Ч. I. Мюнхен: Християнський голос, 1960. 469 с.
14. Małeta A.Z.Z badań nad rzeźbą okolic Wieliczki, Colowa, Myślenic // Polska sztuka ludowa. 1978. № 3-4. S. 225–238.
15. Reinfuss R. Ludowa rzeźba kamienna na Zachodnim Pogórzu // Polska sztuka ludowa. 1976. № 3-4. S. 167–180.
16. Reinfuss R. Śladami Łemków. Warszawa: Kray, 1990. 150 s.

REFERENCES

1. Katrij, J. (2001) *Bozhestvenna Liturgiya – Dzherelo Svyatosti*. Toronto; New York; Lviv: Misioner.
2. Krasovskyi, I. (1987) Kamin' i derevo v narodnikh promislakh lemkiu [Stone and wood in the folk crafts of the Lemkos]. *Narodna tvorchist ta etnografia*. 5. pp.21–28.
3. Struminskiy, B.I. (ed.) (1988) *Lemkivshchina. Zemlya – Lyudi – Istoriya – Kul'tura* [The Lemko Land. Land – People – History – Culture]. Vol. 1. New-York; Paris; Sydney; Toronto: [s.n.].
4. Pavliuk, S. (ed.) (1999) *Lemkivshchina: u 2 t.* [Lemkovyna: in 2 vols]. Vol. 2. Lviv: NAS of Ukraine.
5. Lemkin, V.F. (1969) *Istoriya Lemkoviny* [History of Lemkovyna]. Jonkers, N.J.: The Lemko Union in the USA.
6. Lukianenko, O. (2008) *Rodotsentrichna pedagogika: istoriko-teoretichni rozvidki*. Poltava: Druk. maysternya.
7. Nakonechniy, V. (2021) “Lemky – tse vichni skital'tsi: emigratsiynyi diskurs lemkiu'koi periodiki v drugiy rechi pospolityi” [“Lemkos are perpetual wanderers: emigration discourse of Lemko's periodicals in the second Polish republic”]. *Narodoznavchi zoshiti*. 1(157). pp. 65–72. DOI 10.15407/nz2021/01.063
8. Odrekivskiy, R. (2021) The art of carving as a manifestation of the national and cultural revival of the Lemkos-Rusins (the late 10th – first third of the 20th century). *Rusin*. 63. pp. 43–51 (in Ukrainian). DOI: 10.17223/18572685/63/4
9. Sulyak, S.G. (2019) On the Carpathian Rus' terminology. *Rusin*. 55. pp. 272–316 (in Russian). pp. DOI: 10.17223/18572685/55/16
10. Sulyak, S.G. (2009) Rusiny karpatskogo regiona i russkaya tsivilizatsiya [The Rusins of the Carpathian region and Russian civilization]. *Rusin*. 1(15). pp. 158–162.
11. Telvak, V.V. & Nakonechniy, V.M. (2020) The Rusin Minority in the Second Polish Republic According to Nash Lemko Newspaper. *Rusin*. 61. pp. 166–182 (in Ukrainian). DOI: 10.17223/18572685/61/10
12. Fedoriv, G. (1976) *Poyasnennya tserkovnikh Bogosluzhen' i Svyatikh Tain* [Explanation of Liturgical Serviges and the Sacraments]. Toronto: [s.n.].
13. Shakh, S. (1960) *Mizh Syanom i Dunaytsem* [Between the Sian and the Dunajet]. Munich: Khristiyans'kiy golos/
14. Małeta, A.Z. (1978) Z badań nad rezbą okolic Wieliczki, Colowa, Myślenic [From research on the carving of the vicinity of Wieliczka, Colów, Myślenice]. *Polska sztuka ludowa*. 3–4. pp. 225–238.
15. Reinfuss, R. (1976) Ludowa rzeźba kamienna na Zachodnim Pogórze [Folk stone carving in the West Pogórze]. *Polska sztuka ludowa*. 3–4. pp. 167–180.
16. Reinfuss, R. (1990) *Sladami Łemków* [In the footsteps of the Lemkos]. Warszawa: Kray.

Одрехівський Роман Васильович – доктор мистецтвознавства, професор кафедри дизайну Національного лісотехнічного університету України (Україна).

Одрехивский Роман Васильевич – доктор искусствоведения, профессор кафедры дизайна Национального лесотехнического университета Украины (Украина).

Roman W. Odrekhivskyi – Ukrainian National Forestry University (Ukraine).

E-mail: odre2010@ukr.net

УДК [378:373.091.12.011.3-051]:347.56

UDC

DOI: 10.17223/18572685/67/19

Осмислення мультикультуралізму східноєвропейського простору у фольклорно- етнографічних працях Володимира Гнатюка про угорських русинів

З.Б. Лановик¹, М.Б. Лановик²

Тернопільський національний педагогічний університет

ім. В. Гнатюка

Україна, 46027, Тернопіль, вул. М. Кривоноса, 2

¹ E-mail: m-z@ukr.net

² E-mail: ml2046@tnpu.edu.ua

Авторське резюме

Дослідження демонструє, що задовго до формування доктрини мультикультуралізму її елементи були домінантними в наукових зацікавленнях академіка Володимира Гнатюка, який на прикладі східноєвропейського ареалу розробляв проблеми співіснування різних етнічних груп в умовах багатокультурності. Передусім ці спостереження у працях Гнатюка стосуються угорських русинів. Простежено, що у своїх наукових шуканнях вчений оперував базовими для сучасних мультикультуральних студій поняттями: мова йде про історично зумовлений багатокультурний простір Східної Європи, який виявляв національно-ідеологічну гетерогенність та культурну дифузійність при соціальній гомогенності. Водночас акцентується, що дослідник звертав увагу на домінантні концепти етнокультурного помезів'я, контамінації етнологічних та психоментальних феноменів, проблеми збереження/втрати національної ідентичності, політичного консенсусу в умовах поліетнічного соціуму, поліфонічності національної свідомості та ін. Ілюстративним матеріалом до різнорівневої рецепції русинами інших етносів є зібрані і опрацьовані В. Гнатюком «Матеріали з Угорської Руси» (1897–1911 рр.). Першорядна роль у цьому культурному топосі відведена слов'янським народам, які у дихотомії Свій/Чужий частіше сприймаються у площині зближення, а не віддалення. Другий рівень – взаємодія з неслов'янськими європейськими націями (німцями, мадярами). Водночас зафіксовані приклади нашарування впливів неєвропейських націй, які часто були чинником формування східноєвропейської ідентичності: юдейський вплив через біблійні кни-

ги, а також середньоазіатські впливи із часів турецьких нападів та періоду панування Османської імперії на цих землях. Підсумовується, що мультикультуралістська методологія розширює геокультурний контекст етнологічних досліджень. Опрацьований матеріал переконливо доводить, що вона може бути застосована до європейських культурно-історичних дискурсів попередніх епох, які виявляють ознаки, передбачені цією теорією.

Ключові слова: В.Гнатюк, угорські русини, мультикультуралізм, етнічне порубіжжя, діалог культур, фольклор

Осмысление мультикультурализма восточно-европейского пространства в фольклорно-этнографических трудах Владимира Гнатюка об угорских русинах

З.Б. Лановик¹, М.Б. Лановик²

Тернопольский национальный педагогический университет
им. В. Гнатюка

Украина, 46027, Тернополь, ул. М. Кривоноса, 2

¹ E-mail: m-z@ukr.net

² E-mail: ml2046@tnpu.edu.ua

Авторское резюме

Исследование демонстрирует, что задолго до формирования доктрины мультикультурализма ее элементы были доминирующими в научных поисках академика Владимира Гнатюка, который на примере восточноевропейского ареала разрабатывал проблемы сосуществования разных этнических групп в условиях поликультурности. Прежде всего эти наблюдения касаются угорских русинов. Прослежено, что в своих научных поисках ученый оперировал базовыми для современных мультикультуральных студий понятиями: речь идет об исторически обусловленном многокультурном пространстве Восточной Европы, которое проявляет национально-идеологическую гетерогенность и культурную диффузность при социальной гомогенности. В то же время подчеркивается, что В. Гнатюк обращал внимание на доминантные концепты этнокультурного пограничья, контаминации этнологических и психоментальных феноменов, проблемы сохранения/ потери национальной идентичности, политического консенсуса в условиях полиэтничного социума, полифоничности национального сознания и др. Иллюстративным материалом для разноразмерной ре-

цепции русинами других этнических групп служат собранные и обработанные В. Гнатюком «Материалы из Угорской Руси» (1897–1911 гг.). Первостепенная роль в этом культурном топосе отведена славянским народам, которые в дихотомии Свой/Чужой чаще воспринимаются в плоскости сближения, а не отдаления. Второй уровень – взаимодействие с неславянскими европейскими нациями (немцами, мадьярами). В то же время предлагаются примеры наслоения влияний неевропейских наций, которые нередко были фактором формирования восточноевропейской идентичности: иудейское влияние через библейские книги, а также среднеазиатское воздействие со времен турецких набегов и периода доминирования Османской империи на этих землях. Подытожено, что мультикультуралистская методология расширяет геокультурный контекст этнологических исследований. Проанализированный материал убедительно доказывает, что она может применяться к европейским культурно-историческим дискурсам предыдущих эпох, которые содержат признаки, очерченные этой теорией.

Ключевые слова: В. Гнатюк, угорские русины, мультикультурализм, этническое пограничье, диалог культур, фольклор.

Understanding the multiculturalism of Eastern Europe in the folklore and ethnographic works of Volodymyr Hnatiuk about the Ugrian Rusins

Z.B. Lanovyk¹, M.B. Lanovyk²

Ternopil Volodymyr Hnatiuk National Pedagogical University
2 M. Kryvonis Street, Ternopil, 46027, Ukraine

¹ E-mail: m-z@ukr.net

² E-mail: ml2046@tnpu.edu.ua

Abstract

According to the research, Academician Volodymyr Hnatiuk's scholarly inquiry had focused on the elements of multiculturalism long before the theory of multiculturalism was developed. Hnatiuk studied the problems of coexistence of different ethnic groups in the multicultural realm of the Eastern European area, with a particular attention to the Ugrian Rusins. In his research, Hnatiuk employed basic concepts for modern multicultural studies, such as historically determined multicultural space of Eastern Europe, which combines national and ideological heterogeneity, cultural diffusion and social homogeneity. Yet the authors emphasize that Hnatiuk paid attention to the dominant concepts of ethnocultural frontiers, the contamination of ethnological and

psychomental phenomena, the problems of preservation/loss of the national identity, the political consensus in a polyethnic society, the polyphony of national consciousness, and others. The multilevel reception of other ethnic groups by the Rusins is studied on the *Materials from Ugric Rus* (1897–1911) collected and processed by Hnatiuk. The primary role in this cultural topos is assigned to the Slavic nations, who are more often perceived in the plane of rapprochement rather than distance in the dichotomy of In-group/Out-group. The second level is interaction with non-Slavic European nations (Germans, Hungarians). However, the non-European influences were often a factor in the formation of Eastern European identity: the Jewish influence through the biblical books, as well as Central Asian influences from the Turkish attacks and the Ottoman rule in these lands. The authors conclude that the multiculturalist methodology expands the geocultural context of ethnological research. The processed material convincingly proves that it can be applied to the European cultural and historical discourses of previous epochs, which contain the features provided by this theory.

Keywords: V. Hnatiuk, Ugrian Rusins, multiculturalism, ethnic frontier, dialogue of cultures, folklore.

Передусім хочемо наголосити, що цілком усвідомлюємо дискусійність такої постановки проблеми, чи, радше, винесеного у заголовок її формулювання. Звісно, теорія мультикультуралізму, попри спорадичні вкраплення в окремих працях, зародилася не раніше другої половини ХХ ст., а як суцільна наукова доктрина сформувалася аж у 80-х рр. попереднього століття, остаточно викристалізувавшись у праці Чарльза Тейлора «Мультикультуралізм: Дослідження політики визнання» (1994 р.). Більше того, це явище пов'язують, як правило, з іммігрантськими суспільствами (такими як США) або ж із постколоніальними дискурсами (перш за все Великою Британією). Як одна із концепцій епохи постструктуралізму теорія мультикультуральності, з одного боку, оперує конкретними поняттями новітньої епохи, передбачаючи врахування таких сучасних проявів, як глобалізація, ідеології демократії та ін., з іншого боку – сама виявляє неоднозначність та гетерогенність досліджень, нечіткість формулювань та теоретичних визначень. «У мультикультурному проєкті злилися проблеми співвідношення єдності / розмаїття / різноманітності в культурі, суб'єктно-об'єктна проблематика, питання релевантності пізнання, полеміка стосовно релятивізму і універсалізму, політики і структури влади, переосмислення національної традиції і канону, криза національної, культурної та особистісної ідентифікації. Мультикультуралізм постає у ролі вираження і одночасно обґрунтування плюралістичної культурної парадигми, що активно розвивається в кінці ХХ ст. в усьому світі. Ідеологія культурної множинності багатоманіття ставить завданням

запропонувати ідеальне і часто утопічне бачення у відповідності чи за контрастом з активно обговорюваним ідеалом суспільства і культури «різноманітності» чи «мультикультури» [11: 266].

Найбільш показовими щодо розмивання наукових положень та невизначеності термінологічного апарату є осьові доктрини, кожна з яких оперує ключовою метафорою як ідейним осердям в оцінці конкретних суспільно-історичних/політичних явищ. Маємо на увазі теорії 1) «плавильного казана» (Г. Альтшулер), яка зародилася як бачення етнічно-расового співіснування іммігрантів США, що передбачала «переплавлювання» етносів у єдину однорідну націю; 2) найбільш нейтральної метафори «культурної мозаїки» (Дж.М. Гіббон), яка первісно асоціювалася з канадською моделлю співіснування різних етносів, та 3) доволі одіозного метафоричного концепта «салатна миска» (Е. Шлезінгер), що підкреслює принципову «незмішуваність» різних націй за будь-яких умов їхнього співіснування.

Звісно, український вчений-фольклорист, етнограф, антрополог, уродженець Галичини академік Володимир Гнатюк (1871–1926) у своїх працях, писаних на зламі XIX–XX ст. не оперував вище окресленою термінологією, і зазвичай у науці постулюється закон про незастосування пізніших теорій щодо раніших явищ. Однак можемо стверджувати, що маємо справу з надзвичайно цікавим, навіть унікальним випадком, коли наукова риторика, породжена конкретними культурно-історичними процесами, є не просто суголосною із сучасними мультикультуральними студіями, а й до певної міри випереджує їхні доктрини і висновки. Було би перебільшенням вважати, що В. Гнатюк у своїх працях є предтечею мультикультурального вчення, водночас несправедливо й заперечувати, що мультикультуральна домінанта скеровувала дослідницький вектор вченого і його висновки є вагомими й у сьогоденному багатокультурному світі. Незаперечним залишається факт, що Володимир Гнатюк один із перших застосував означену методологію до осмислення складних етнічних явищ європейського простору, який докорінно відрізнявся від багатонаціональних суспільств американського континенту культурально, ідеологічно, політично, але сформував свої унікальні моделі історичного нашарування та подальшого співіснування різних націй і народностей.

Отже, метою нашої статті є продемонструвати, що задовго до визрівання сформованої доктрини мультикультуралізму її елементи були домінантними у наукових зацікавленнях Володимира Гнатюка, який на прикладі східноєвропейського ареалу розробляв проблеми співіснування різних етнічних груп в умовах багатокультурності, зокрема вивчав прояви культурних взаємовпливів, зафіксовані у фольклорі,

етнографічні різноетнічні нашарування, а також інші види взаємодії, наприклад, досягнення громадсько-політичного консенсусу, пошуку форм спілкування в ситуації багатомовності та полікультурності.

Найвиразніше мультикультуральні спостереження у працях В. Гнатюка стосуються досліджень національної самобутності угорських русинів. Вивченню цієї етнічної спільноти вчений присвятив усе своє життя: здійснив шість експедицій, які забезпечили численні фольклорні та етнографічні записи та розвідки, що лягли в основу шести об'ємних томів «Матеріалів з Угорської Руси» (1897–1911), на основі яких базував свої ґрунтовні праці з етнографії, мови, фольклору, громадсько-політичного та літературного життя угорських русинів.

Важливо наголосити, що у своїх наукових шуканнях вчений оперував і керувався базовими для сучасних мультикультуральних студій постулатами, категоріями і поняттями. По-перше, мова йде про історично зумовлений багатокультурний простір східної Європи, який виявляв національно-ідеологічну гетерогенність та культурну дифузійність при соціальній гомогенності. По-друге, дослідник звертав увагу на домінантні в окресленій царині концепти етнокультурного помежів'я, контамінації етнологічних та психоментальних феноменів, проблеми збереження /втраги національної ідентичності («винардовлення»), політичного консенсусу в умовах поліетнічного соціуму, поліфонічності національної свідомості та ін. Водночас можна говорити і про окремі спостереження у царині імперського/постімперського дискурсу (колоніальних/постколоніальних студій), позаяк центральний у дослідженнях В. Гнатюка топос у різні історичні часи належав до складу різних євроазійських імперій та державних формувань.

Передусім у працях етнографа йдеться про територію, на якій у часи діяльності В. Гнатюка був найбільший відсоток русинів – Бачванський регіон Угорщини (Бач-Бодрогський комітат), дослідженню якого присвячена ґрунтовна монографічна праця «Руські оселі в Бачці (в Полудневій Угорщині)» (1898 р.). Окрім того, що це була найбільш західна територія східноєвропейського простору, яка фактично становила помежів'я західноєвропейської та східноєвропейської цивілізаційних моделей, ця територія зазнала й серйозних азійських впливів: починаючи з 1542 р. після падіння Буди і Сеґеда вона опинилася у складі Османської імперії, під культурно-політичним впливом якої перебувала аж до 1699 р., коли стала частиною Габсбурзької монархії, а від 1867 р. при виникненні Австро-Угорщини увійшла до Угорського королівства Австро-Угорської імперії. Попри ці магістральні історичні події на формування її етнічного складу впливали й інші фактори, з-поміж яких міграційні процеси у Східній Європі, спричинені іншими історичними явищами (як-от міграція козаків внаслідок зруйнування

Запорізької Січі, чим пояснюється значний відсоток їхніх нащадків на цих територіях), економічні (торгівельно-промислові), природно-кліматичні (засухи, нашествия сарани) та інші чинники.

Безперечно, така множинність дискурсів не могла не позначитися на суспільно-політичному та культурному житті багатонаціонального соціуму, що заселяв цю територію. На момент безпосереднього знайомства В. Гнатюка із цим геополітичним простором ці землі належали до складу Австро-Угорської імперії, яка, як відомо, толерувала національний розвиток усіх етнічних груп у її складі («Габсбурзький міф»), водночас на досліджуваній території Гнатюк фіксував помітні прояви нівелювання етнічних особливостей та мадяризації інших націй. Його найбільше цікавила доля русинів, але оскільки їхня життєдіяльність відбувалася нерозривно з іншими етносами, вчений у своїх студіях охоплював ширші дискурси.

Щодо національних контекстів проживання угорських русинів, окрім названої праці, важливим для нашого дослідження є доповнення, надруковане у 28 томі «Записок Наукового Товариства Шевченка» (1899 р.) [6], де В. Гнатюк здійснив огляд тогочасних наукових розвідок щодо етнічного складу цієї угорської території та кількості русинів, що на ній проживають. Попри жорстку критику стосовно перекручування фактів та надання недостовірних цифр щодо кількості русинського населення (мадяри навмисно применшували чисельність етнічних меншин), він подає такі дані: на 1880 р. за переписом було зафіксовано 342 381 русинів на території Угорщини, у 1890 – 430 282, що водночас говорить і про значний приріст, не зважаючи на всі зусилля щодо їхньої асиміляції [6: 31]. Другий аспект, який нас цікавить у контексті цього дослідження, – інші етнічні групи, що безпосередньо співіснували і, відповідно, впливали, на формування ідентичності угорських русинів. За даними різних джерел найчисельнішими були мадяри, словаки, німці, румуни, серби, хорвати [6: 37]. І якщо названий додаток є лише статистичною довідкою, то у праці «Руські оселі в Бачці» Гнатюк намагався всебічно проаналізувати різні аспекти співжиття доволі віддалених націй, основну увагу звертаючи на впливи інших етносів на етнічні, культурологічні, світоглядні позиції угорських русинів.

Щоби проілюструвати хід думок вченого та вектори його досліджень, дозволимо доволі розлогу цитату, яку вважаємо вкрай показовою: «Число всіх Русинів в Бачці і Сримі не є певно знане. Офіційна статистика хоть подає його, то довірювати їй не можна: вона все кульгає... Більше можна би вірити шематизмови, бо майже всі Русини є греко-католики. Колижбо ту знов біда, бо шематизму такого від непам'ятних років не можна дочекати ся. По обчисленнях

бачванських інтелігентних Русинів, число всіх душ в Бачці і Сримі доходить до 12 або 13 000. З того над 9 000 припадає на Бачку, решта на Срим. Бачванські оселі числять з окрема по тільки душ: Керестур – 5 000; Коцура – 2 500; Дюрдево – 1 000; Старий Вербас – 500; Новий Сад – 300.

Між руськими оселями лиш одна є зовсім чиста непомішана з другими націями: Керестур. Всі інші оселі мають мішану людність. У Коцурі живуть побіч себе Русини, Мадяри і Німці; В Вербасі Русини, Серби і Німці; в Новім Саді всі нації, які є на Угорщині, при чім каждая має свою церкву і школу. В Сримі перемішані Русини по оселях головно з Сербами. В кожній оселі надто находить ся бодай по кілька родин жидівських, та циганських.

Така мішанина народностей мусіла полишити свій вплив на Русинах. І справді його пізнає кожний на перший погляд. В управі рілі пізнасть кожний вплив німецький, в ноші, особливо дівчат та женщин, вплив марярьський, в танцях і сьпіванках вплив мадярьський і сербський. Тоті посторонні впливи видерли очевидно багато від Русинів з їх давнійших навичок, звичаїв і т. др. але поділали на них к у л ь т у р н о. Хто нині ввійде до хати руської, поговорить з її господарями а відтак потягне паралелю між ними, а їх Замплинськими братами – ба навіть і нашими Галичанами з многих сіл – то побачить, що Бачванці супроти других Русинів – Европейці в повнім значіноу того слова...» [3: 8–9].

Далі дослідник зазначав, що всі русинські діти в Бачці, які навчаються в школі, вивчають угорську мову, що стає основним джерелом мадяризації та асиміляції. Подібна ситуація з мовою навчання спостерігається у Сримі: русини асимілюються з хорватами. В. Гнатюка дуже турбувала проблема «винародовлення», він щиро уболівав за конкретні дії щодо збереження національної ідентичності угорських русинів.

Хоча аналізована праця тяжіє до етнографічно-культурологічного дослідження (вивчення побуту, звичаїв, одягу та ін.), однак цікавими є й суспільно-історичні спостереження. Це зокрема стосується організації громадського життя полінаціональних общин Угорщини. «Прикладом упорядкованя відносин національних між мішаним населенем, може послужити Коцура. Найбільше число живе там Русинів – тільки що Німців і Марядів разом... Всі вони спільно зложили собі читальню і касино. В тій читальни містять ся книжки мадярьські, німецькі і руські. Останніх, звістно, дуже мало, бо й де їх мали там взяти при таких відносінах, які тепер існують! <...> Так само що до часописий... Всі члени касина платять однакож вкладки, а ніколи не приходить між ними до суперечки на тему: Ми не читаємо тих а тих часописий, тож викинути

їх; ми за них не будемо платити! Всі собою вдоволені. На предсідателя касина вибирають по черзі одного з кожної нації; за умову вибраному кладуть лишень знанє всіх трех мов. Часом відступають вправді від тої умови, але діє ся то за згодою всіх членів. Подібно уладжена громадська господарка. Кожда нація має радних відповідно до свого числа» [3: 43]. Це саме стосується громадсько-політичного життя. В. Гнатюк подає докладний опис виборів вїта у Коцурі. У зв'язку із співіснуванням різних націй кожна нація вибирає вїта по черзі. А оскільки чисельність русинів є найбільшою (стільки, скільки мадярів та німців разом), то русинський вїт посідає місце вїта шість років поспіль у той час, як німець та маляр – лише по три роки за чергою. Особливий статус належить також руській мові: «В практиці, в житю відгравает руська мова в Коцурі ролю інтернаціональної мови» [3: 43]. Через те, що німці не розуміють і не вміють розмовляти по-мадярськи, а мадяри не знають німецької мови, але обидві нації добре розуміють руську, – між собою, навіть без присутності русинів, вони переходять на руську мову для взаєморозуміння. Цікаве й ставлення угорських русинів до питань русько-польських політичних взаємин, хоча, як зазначав учений, угорські русини, тим більше бачванські, ніколи не мали нічого дотичного з поляками, однак ці проблеми їх дуже хвилювали.

Описані в дослідженні В. Гнатюка явища Ю. Лотман означував як «акт інформаційного обміну». У своїй праці «До побудови теорії взаємодії культур (семіотичний аспект)», яка була написана у 1982 р., але не привертала особливої уваги дослідників, услід за В. Жирмунським, він стверджував: «Історія людського суспільства фактично не знає прикладів абсолютно ізольованого культурного... розвитку, без безпосередньої або більш віддаленої взаємодії і взаємного впливу між окремими ділянками» [10: 198]. Більше того, на думку Ю. Лотмана іманентний розвиток культури в принципі не може відбуватися без постійного впливу «ззовні», причому це поняття «ззовні» має дуже складну організацію: воно може передбачати і жанрові модифікації, і метамовні, і просторові і т. д. «Нарешті це чужі тексти, що прийшли з іншої національної, культурної, ареальної традиції. Розвиток культури, як і акт творчої свідомості, є актом постійного обміну й постійно має на увазі "іншого" – партнера у здійсненні цього акту» [10: 205]. Однак учений наголошував, що цей процес є вкрай складним і породжує два зустрічні суперечливі процеси: «З одного боку, потребуючи партнера, культура створює власними зусиллями цього "чужого", носія іншої свідомості, що по-іншому кодує світ і тексти. Цей створюваний у надрах культури – передусім за контрастом із її власними домінантними кодами – образ екстеріоризується нею ззовні й проектується

на культурні світи, що лежать поза нею. За характерний приклад можуть правити етнографічні описи європейцями «екзотичних» культур. <...> З іншого боку, введення зовнішніх культурних структур у внутрішній світ певної культури має на увазі встановлення з нею спільної мови, а це, своєю чергою, вимагає їхньої інтеріоризації. Для того, щоби спілкуватися із зовнішньою культурою, культура мусить інтеріоризувати її образ усередину свого світу. Процес цей неминуче суперечливий: внутрішній образ зовнішньої культури має мову спілкування з культурним світом, у який він інкорпорований. Однак ця комунікативна легкість пов'язана з втратами деяких, і часто найцінніших як стимулятори, рис зовнішнього об'єкта, що підлягає копіюванню» [10: 205–206].

Зрозуміло, що у концепції Ю. Лотмана «акт інформаційного обміну» передбачає не лише вербальну площину, а, навпаки, його семіотичний аспект тримає у полі зору усі – і вербальні, і тим більше невербальні інформаційні системи. Саме у такому річищі здійснені й дослідження В. Гнатюка. Оскільки він передусім акцентував свою увагу на фольклорних та етнографічних особливостях угорських русинів, які він аналізував під кутом зору зовнішніх впливів, проводячи паралелі з русинськими звичаями та обрядами інших територій, зокрема, сусідніх націй, а також галицьких русинів, він, можна сказати, повністю і багатогранно ілюструє ці процеси, які майже століття пізніше описав Ю. Лотман. При цьому він фіксував тексти народних легенд, оповідей, пісень, анекдотів та ін., що увиразнюють теоретичні міркування вченого, виявляючи національну самобутність та оригінальність русинів як окремішнього етносу, який постав у специфічних історичних обставинах. І на цій рисі варто наголосити: зрозуміло, що попри численні взаємодії різних культур між собою, нечасто можна говорити про явище власне мультикультуральності у його класичному вияві. Тут важливо було «знайти» відповідний регіон, який би виявляв подібні риси і був придатний для студій такого характеру. Водночас, важливо було не тільки натрапити на подібний культурно-історичний ареал, але й вміти відчитувати ті внутрішні та зовнішні коди, бачити шляхи та форми їхньої взаємодії. Тому у цьому випадку не можна не погодитися із І. Франком, який стверджував, що «Гнатюк феноменально-щасливий збирач усякого етнографічного матеріалу, якому з наших давніших збирачів мабуть не дорівняв ніодин» [12: 502].

Розлогим доповненням до теоретичних міркувань Гнатюкової праці «Руські оселі в Бачці» є «Етнографічні матеріали з Угорської Руси», що виходили упродовж 1897–1911 років відповідно до здійснених експедицій. Вони є ілюстрацією не лише до зазначених проблем співіснування різних націй, а й до різнорівневої рецепції русинами

інших етносів і народностей (від буквального сприйняття в побутових умовах багатокультурності до їхньої міфологізації (особливо тих націй, що співіснували у цьому просторі в минулому), а також виявом складних феноменів стереотипізації: багаторівнева різнорівна взаємодія з іншими націями формувала відповідні стереотипи, які найбільше вияскравлюються на фольклорному матеріалі.

Звісно, першорядна роль у цьому культурному топосі відведена слов'янським народам. У дихотомії Свій / Чужий вони у переважній більшості сприймаються у площині зближення, а не віддалення. Тут можна говорити навіть про своєрідну слов'янську поліетнічність із тяжінням до взаємозапозичень і асиміляцій. Стосовно угорських русинів найбільше таке зближення виявилось у мовній контамінації, коли первісна мова внаслідок тісного співіснування з іншими слов'янськими мовами набувала їхніх ознак, переймаючи іншонаціональні риси від рівня фонетики до рівня синтаксису. В.Гнатюк детально досліджував цю проблему у праці «Словаки чи Русини?» (Записки НТШ. 1901. Т. 42, кн. IV). Хоча мову він вважав не єдиним показником національної ідентичності, наводячи приклади ірландців, які втратили свою мову, розмовляють англійською, але англійцями не вважаються, та євреїв, які зазвичай говорять тою мовою, де живуть, однак не асимілюються у націю, мовою якою розмовляють: «І з того показується власно, що крім мови мусить бути щось інше, по чім належить пізнавати національну відрубність народу» [4: 38]. Але власне русинська мова, якою зафіксовані фольклорні джерела, і стає показником етнічної окремішності русинів, що зазнали впливів інших слов'янських мов. Доказом її виняткової відмінності від інших слов'янських мов (не залежно від того, чи розглядати її як окрему мову чи діалект), є все частіші намагання перекладати русинські тексти літературною українською мовою задля кращого розуміння їх змісту, або ж долучення у додатках чи посторінкових посиланнях словників з перекладом суто русинських слів.

Дослідники наукового доробку В. Гнатюка неодноразово звертали увагу на те, що, «на відміну від ряду слов'янських вчених, які єдиною ознакою національності вважали тільки мову або віру (В. Францев, О. Соболевський, Ф. Пастрнек), Гнатюк вказував, що «побіч мови треба при визначуванні етнографічних границь мати на оці антропологію, і фольклор, і етнографію, і історію, і віру і т. д. відповідно до різних обставин, серед яких доводиться етнографічній одиниці жити». Саме складним комплексом умов історичного життя народу і пояснював він різні впливи і прямі запозичення у сфері матеріальної духовної культури» [13: 220–221].

В. Гнатюк постійно наголошував на тому, що угорські русини не поступалися культурним розвитком іншим європейським націям.

Він не одноразово повертався до цього питання. Зокрема у розвідці «Угороруські духовні вірші», осмислюючи причини появи у середовищі угорських русинів високопоетичної словесної творчості, вказував: «Сусідами, що мають і мали найсильніший вплив на угорських русинів, були мадяри. Одначе і галицькі русини стояли з ними в попередніх віках у сильніших зносінах як нині... Угорські русини черпали тоді свої освіту з двох різних культур: мадярської і польської (через Галичину), які стояли у зв'язку з загальною західноєвропейською культурою. Через те угорські русини не стояли тоді культурою нижче від своїх сусідів...» [5: 58]. Далі серед найважливіших факторів між-національних впливів вчених вказував роль університетів у Тирнаві та Пешту, фундації богословів та духовних семінарій мукачівської єпархії (у мультикультурному сенсі цікавим є також факт, що з 1692 р. мукачівським єпископом був грек), де була своя система вищих та народних шкіл. Звертав увагу на роль власного букваря, який мали русини для народних шкіл, що був надрукований у монастирській друкарні у Грушеві, де друкувалися й інші книги руською мовою (зокрема «Катехисмь» у перекладі з латині); а також на те, що при церквах, семінаріях та школах були вчителі «слов'янської, руської, грецької, латинської та європейської мов». До 1806 р. було понад 300 таких шкіл із належним рівнем стану освіти і викладання. Не останню роль відігравали зв'язки із василіанськими монастирями, Віденською семінарією, австро-угорською греко-католицькою митрополією з центром у Львові. Документи вказують на високий рівень не лише освіти, а й національної свідомості угорських русинів XVII – XVIII ст., до того ж серед різних верств руського народу. Тому не дивно, що у цьому середовищі з'явилася велика кількість високохудожньої духовної поезії. У багатьох із цих віршів, як вважав В. Гнатюк, помітні польські, словацькі, сербські та ін. впливи.

Відтак, як вказував М. Яценко, «Гнатюк не обмежився збором фольклорних матеріалів, а зайнявся докладним комплексним вивченням побуту бачванських русинів. Комплексне вивчення цих поселень диктувалося необхідністю довести, що бачванські села Керестур і Коцура являють собою українські островки серед моря поселень інших народів» [13: 100].

У своїх дослідженнях Гнатюк багато уваги приділяв не лише дослідженню питання, звідки походять угорські русини, а й теоріям, які доводять, що окреслена територія була власне слов'янською. Зокрема у праці «Словаки чи Русини?» автор студіює теорію І.П. Філевіча, висловлену в його праці «Угорская Русь и связанные сь нею вопросы и задачи русской исторической науки» (Варшава, 1894), згідно з якою щодо заселення по цей бік Карпат, – «русське плем'я і ім'я могло тут

появити ся перший раз уже перед приходом Мадярів, та що руські оселі сягали аж по Дунай. На те вказують чисельні топографічні назви...» [4: 67]. Можливо, руська колонізація розширилася в XIII ст., коли король Бейла IV намагався, аби краї, винищені татарами, якнайшвидше заселити. Хоча Гнатюк не був таким категоричним, як Філевіч, і висловлював гіпотезу, що вказані назви можуть бути болгарськими чи словацькими за походженням. У будь-якому разі він допускав думку, що ця територія первісно була слов'янською і лише внаслідок історичних процесів її заселили мадьяри, поступово витіснивши слов'янські народності. Однак, як і було окреслено в одній із наших попередніх розвідок [9], у Бачванському повіті слов'яни залишилися домінантними.

Як бачимо, значну групу взаємовпливів становлять європейські нації, з якими безпосередньо співіснували русини. Сліди цих взаємодій міцно зафіксувалися не лише у культурі, у мові, а й у фольклорних текстах на різних рівнях: жанровому, стильовому, художньо-образному, поетикальному. В. Гнатюк підкреслював, що угорські русини з означеної території оспівують усі події і минулого, і сучасності. На цю обставину звертали увагу й дослідники наукового доробку В. Гнатюка: «У ряді випадків, коли цього потребує якась подія..., поселенці запозичують пісні звідки лише можуть: з «Богогласника», від галицьких або північноугорських русинів, від словаків, сербів, поляків, румунів і угорців. Як зразок він подає релігійну пісню галицьку, словацьку, сербську, польську... Вказує на численні зміни в побуті, що виникли під впливом їх сусідів – сербів, словаків, угорців, німців» [13: 102]. Багатством слов'янських впливів рясніють численні історичні оповіді про словацького народного ватажка Яношика. Осмислюючи цей феномен величезного пласту фольклору про народного героя і месника, В. Гнатюк аналізував явище гайдамаччини у його зв'язку з польськими військовими нападами та розбоями; на прикладі численних історичних документів простежував перегуки словацької традиції із подібними явищами інших національних текстів (в українському просторі – про Довбуша, Кармелюка та ін.).

Водночас тут наявні промовисті приклади, коли твори усної народної словесності фіксують нашарування впливів неєвропейських націй, які часто теж були вагомим чинником формування східноєвропейської ідентичності. Оскільки переклади Біблійних книг та житійна література, а також діяльність духовних семінарій, церковних шкіл тощо були вирішальними у формуванні духовного простору усіх націй Європи, біблійні та агіографічні оповіді є невід'ємною частиною угро-руського фольклору. Серед старозаповітних оповідей В. Гнатюк виокремлював історії про постать царя Соломона. Текстів про цю

історичну особу в руському фольклорі збереглося найбільше. Це є, безперечно, юдейський вплив через біблійні книги в європейському просторі. Подекуди фігурують й інші біблійні особи, наприклад в легенді «Мученича смерть сімох братів Маккавейських». Ще численнішими є перероблені та адаптовані до нових історичних обставин новозаповітні історії. Такими, зокрема, є легенди про Христа (наприклад, «Чудо при Христовім уродженю», «Христос і рибаки», «Христос і Самаритянка», «Христос і удовині сини», «Христос воскрешує молодця», «Христос і грішниця» та ін.), Богородицю («Богородиця ратує грішних», «Богородиця в Бачинцях», «Богородиця виратовує від чорта справедливу жінку», та ін.), святих («Про св. Олексія», «Як св. Теодора була монахом», «Чудо св. Луки», «Святі жінчини на пущі», «Як св. Петро поміг воякови і господареві», «Христос і Петро на мандрівці», «Про св. Варвару», «Св. Николай» та ін.) [1].

В опрацьованих фольклорних джерелах є також численні приклади середньоазійських впливів. Як засвідчують зібрані В. Гнатюком матеріали, першість тут належить історичним переказам, як-от «Королевич Марко воює з Турками проти Арабів», «Як визволив Марко королівну від чорного Арабина», «Марко і дванайцять Арабів», «Королевич Марко і цар Арабин», «Цар Лазар, Мілош Обіліч та битва на Косовім поли», «Боротьба між Мадярами й Сербами» та ін. [1]. З одного боку, ці тексти пропонують інформацію про азійські нації, з іншого – є сербськими за походженням, адже Марко королевич, Мілош Обіліч, король Матіяш (Матвій Корвін) є історичними постатями, героями сербського фольклору. Такі та подібні зразки словесної творчості містять описи ситуацій міжнаціональної взаємодії на широкому історичному тлі реальних подій з життя руського народу, де історична правда переплітається із народною вигадкою, національні герої ідеалізуються, їхні чесноти гіперболізуються.

Попри впливи з часів турецьких нападів чи період панування Османської імперії на цих землях, є й рідкісні випадки, як-от казка «Європеєць та африканин», записана в Угорській Русі [1: 214–216]. У ній описано стосунки двох друзів – європейця та африканця, їхній інтерес щодо земель один одного, укладу життя. Європеєць допитується, які на африканській землі живуть звірі, й африканець веде його до лісу, щоби той сам побачив. Там на них чекає неймовірна небезпека, бо звірі більші, ніж європеєць міг собі уявити. Африканець, знаючи повадки мешканців африканських лісів, утікає до річки, а європейцю доводиться зустрітися зі стадом елефантів (слонів). Вилізши на дерево – величезного дуба – він розуміє, що від африканських звірів не так легко утекти, як від європейських, адже старий слон розхитує і виламає дерево, вогнепальна зброя безсила проти еlefанта, і йому

доводиться вдаватися до хитрощів. Згодом, коли основна небезпека минула, на допомогу приходить африканець. Вони членують убитого слона, продають м'ясо і кості. А завершується оповідь описом ще однієї небезпеки – неймовірно великого змія, який здатний задушити дві людини одночасно. Їм ледве вдається уникнути страшної смерті. Аналізуючи текст, В. Гнатюк висловив припущення про те, що «якийсь угорський українець міг стояти на службі пароплавного угорського товариства, поїхати на його кораблі до Африки, бути свідком подібної пригоди і по поверnutí оповісти її» [2: 173]. Прикметно, що іонаціональні впливи у цих оповідях присутні не лише на рівні тематики, художньо-образної структури, а й на мовному рівні. До прози, зібраної на території Угорської Русі, В. Гнатюк опублікував короткий словник невідомих слів, серед яких словацькі, мадярські, німецькі, сербські, італійські та ін. за походженням.

Особливим міжнаціональним колоритом також позначена казка «Баронський син в Америці» [7: 3–12], аналізу якої В. Гнатюк відвів багато місця у своїх студіях, звертаючи увагу на те, що іонаціональні нашарування у фольклорі угорських русинів є не лише явищем минулого. Ними позначені більш сучасні тексти. Так, вчений докладно окреслював міжкультурні впливи зокрема у фольклорних новотворах, пов'язаних із новочасною еміграцією до Америки, Канади, Бразилії.

В більшості випадків у фольклорних текстах переважають стереотипізовані національні Імаго. Однак, подекуди навпаки трапляються спроби ламання стереотипів, де традиційне сприймання Іншого, накладаючись на протилежний до стереотипного образ, творить несподівану контамінацію. Це явище найчастіше з'являється у жанрах анекдоту чи казки і у переважній більшості покликане підкреслити ефект комізму. Такою, зокрема, є казка «Циган-воїн» [7: 153–157]. Уже в назві закладений своєрідний оксиморон: цигани як волелюбна нація жодним чином не співвідносяться із військовою справою, яка вимагає дисципліни, муштри, чіткого виконання наказів. Саме на цьому парадоксі і будується оповідь казки, де поєднується традиційне уявлення про циганів, наприклад, що їм притаманна хитрість (циган став воїном, вихваляючись, що він убив на раз тридцять душ, не уточнюючи, що це були мухи), із тим, що часто важливу роль грає доля випадку, завдяки якому циган-воїн досягає чину генерала. У подібному ключі прочитуються народні анекдоти «Цигани-косарі», «Циган у монастирі», «Як циган з паном обідав», «Пан і циган на ловах» та ін.

Попри те, що В. Гнатюк простежував інтонаціональні впливи у різних жанрах усної словесної, саме народну прозу він вважав особливо показовою у цьому сенсі, а в межах народної прози вирізняв жанр новели, яка формувалася у час неймовірного сплеску міжна-

ціональних контактів і взаємодій. З приводу цього писав: «Новелі визначаються дуже великою різномірністю тем та малюють життя різних верств і станів, наших і чужих. Ми здивуємо в них селян, міщан, купців, ремісників, урядників, духовних, вояків, панів і царів... Так само подибуємо в новелях представників різних націй, з якими наш народ де-небудь стикається або стикався... Бачимо жидів, циганів, волохів... Подибуємо поляків, москалів, білорусів, литвинів, татарів, мадярів, німців, словаків, сербів і т. д. У новелях (і так само у приказках) переливається народне життя, *немов у калейдоскопі...* (курсив наш. – ЗЛ., МЛ.)» [2: 174–175].

Вдавшись до метафори калейдоскопа, В. Гнатюк виявив власне розуміння не тільки мозаїчної природи співіснування етносів на спільній території, а й усвідомленість постійного динамічного характеру цих процесів. Цим самим він не лише на кілька десятиліть випередив концепції мультикультуралізму Г. Альтшулера, Дж. М. Гіббона та Е. Шлезінгера, які ми окреслили у вступі, а й певним чином «провіденційно» запропонував своєрідне узагальнення щодо розрізнених поглядів на феномени міжетнічних взаємин: мозаїчність їхньої природи у коловороті історичних та культурних подій, процес змішування і взаємодії, що супроводжується явищами нетотожності, відштовхування, континуальної зміни у безперервному русі. До того ж запропонована Гнатюком метафора калейдоскопа є незаперечною проекцією і на постструктуралістські, деконструктивістські концепції кінця ХХ століття, і на новітні пошуки вчених у сфері постколоніальної критики.

Варто віддати належне науковій прозорливості академіка В. Гнатюка не лише в тому, що він один із перших українських дослідників звернув увагу на недосліджену територію проживання русинів (М. Драгоманов називав її «нерушеним тереном»), а й зібрав різножанрові тексти, комплексно представив їх в єдиному зібранні, опублікувавши багатотомник «Етнографічних матеріалів з Угорської Риси», багатогранно проаналізував суспільно-історичну ситуацію на цих землях, осмислив різні прояви духовної та матеріальної культури. Саме це Філарет Колесса вважав одним із найзначніших досягнень вченого, зокрема зазначав: «Цими «Матеріалами» й розвідками Гнатюк, можна сказати, відкрив Закарпатську Україну для українського громадянства й української науки; він дав змогу вперше пізнати не тільки багатство народної творчості на українському Закарпатті, але й поклав основи для вивчення українських говірок та зібрав найважливіші дані про роз'яснення спірного питання про українсько-словацьку межу і взагалі про розселення закарпатських українців та їх взаємини з сусідніми народами. Це одно з найважливіших досягнень Гнатюка, його найбільша заслуга» [8: 120]. М. Яценко зі свого боку на-

голошував на різнобічному осягненні Гнатюком феномена угорських русинів, зокрема підкреслював: «У своїй науковій роботі він виступає не тільки як фольклорист і етнограф, а й як історик, літературознавець, мовознавець, економіст» [13: 120].

Такий же мультикультурний та різновекторний підхід (поєднання історичних, культурних, соціальних, поетикальних та ін. спостережень) В. Гнатюк застосовував і до інших досліджуваних територій. У висновках М. Яценко зазначав: «Комплексне вивчення територій, населених українцями, дало змогу Гнатюку під час експедицій на Закарпатську Україну, Східну Словаччину та Південну Угорщину зібрати багато цінних даних про життя словаків, чехів, сербів, поляків, хорватів, болгар, угорців, німців, румунів, зокрема... про взаємовпливи і взаємозбагачення у сфері їх матеріальної і духовної культури» [13: 220].

Підсумовуючи вище сказане, можемо стверджувати, що мультикультуралістська методологія значно розширює геокультурний контекст етнологічних досліджень і опрацьований матеріал переконливо доводить, що вона може бути застосована до європейських культурно-історичних дискурсів попередніх епох, які виявляють риси та ознаки, передбачені цією теорією. А у випадку аналізу фольклорних текстів вона творить нові смислові та асоціативні поля, що вимагають герменевтичного підходу до їх інтерпретації, виходу в широкі культурологічні контексти, врахування численних позатекстових чинників для інтерпретації складних культурно-історичних явищ минулого, що проектується на сьогоднішню етнокультурну ситуацію.

ЛІТЕРАТУРА

1. *Гнатюк В.* Етнографічні матеріали з Угорської Руси. Т. 2: Байки, легенди, істор. перекази, новелі, анекдоти – з Бачки. Нови Сад: Руске слово, 1986. 355 с.
2. *Гнатюк В.* Народні новелі. Гнатюк В. Вибрані статті про народну творчість. Нью-Йорк, 1981. С. 171–175.
3. *Гнатюк В.* Руські оселі в Бачці (в Полудневій Угорщині) // ЗНТШ. 1898. Т. XXII, кн. 2. 58 с.
4. *Гнатюк В.* Словаки чи русини? (Причини до вияснення спору про національність західних русинів) // ЗНТШ. 1901. Т. XLII. 81 с.
5. *Гнатюк В.* Угроруські духовні вірші // Гнатюк В. Вибрані статті про народну творчість. Нью-Йорк, 1981. С. 56–66.
6. *Гнатюк В.* Schematismus venerabilis... // ЗНТШ. Т. XXVIII. 1899. В. 2. С. 29–42.
7. Етнографічний збірник НТШ. Т. IV: Етнографічні матеріали з Угорської Руси. Зібрав Володимир Гнатюк. Т. II: Казки, байки, оповідання про історичні особи, анекдоти. Львів, 1898. 256 с.

8. Колесса Ф. Історія етнографії // Відділ рукописів НАН України. Ф. 14-2. Од. зб. 224. С. 506.
9. Лановик З.Б., Лановик М.Б., Ковалець Л.М. Угорські русини в дослідженнях Володимира Гнатюка: археологія пам'яті // Русин. 2020. № 59. С. 176–196.
10. Лотман Ю. До побудови теорії взаємодії культур (семіотичний аспект) // Сучасна літературна компаративістика : стратегії і методи. Антологія / За заг. ред. Дмитра Наливайка. Київ: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2009. С. 195–212.
11. Мультикультурализм // Западное литературоведение XX века: энциклопедия / Гл. науч. ред. Е. Цурганова; ред. коллегия: И. Ильин, А. Николюкин, Л. Скворцов и др. М.: Intrada, 2004. С. 266–268.
12. Франко І. Бібліографія. Володимир Гнатюк, Коломийки Т. II // Літературно-науковий вістник. 1906. Т. 35, кн. IX. С. 502–503.
13. Яценко М.Т. Володимир Гнатюк. Київ: Наукова думка, 1964. 388 с.

REFERENCES

1. Hnatiuk, V. (1986) *Etnografichni materiyali z Ugors'koi Rusi* [Ethnographic material from Ugrian Rus]. Vol. 2. Novi Sad: Ruske slovo.
2. Hnatiuk, V. (1981a) *Vibrani statti pro narodnu tvorchist'* [Selected papers on folklore]. New York: [s.n.]. pp. 171–175.
3. Hnatiuk, V. (1898a) Rus'ki oseli v Bachtysi (v Poludneviy Ugorshchini). [The Rusin settlements in Bachtysya (in Southern Hungary)]. In: Hrushevsky, M.S. (ed.) *Zapiski nauchnogo obshchestva imeni Shevchenko* [Notes of the Shevchenko Research Society]. Vol. XXII(2). pp. 1–58.
4. Hnatiuk, V. (1901) Slovaki chi rusini? (Prichini do viyasnennya sporu pro natsional'nist' zakhidnikh rusiniv) [Slovaks or Rusins? (Reasons to resolve the dispute about the nationality of the Western Ruthenians)]. In: Hrushevsky, M.S. (ed.) *Zapiski nauchnogo obshchestva imeni Shevchenko* [Notes of the Shevchenko Research Society]. Vol. 42.
5. Hnatiuk, V. (1981b) *Vibrani statti pro narodnu tvorchist'* [Selected papers on folklore]. New York: [s.n.]. pp. 56–66.
6. Hnatiuk, V. (1899) Schematismus venerabilis.... In: Hrushevsky, M.S. (ed.) *Zapiski nauchnogo obshchestva imeni Shevchenko* [Notes of the Shevchenko Research Society]. Vol. XXVIII(2). pp. 29–42.
7. Hnatiuk, V. (ed.) (1898b) *Etnografichnyy zbirnik NTSh* [The Ethnographic collection of the Shevchenko Research Society]. Vol. 4. Lviv: [s.n.].
8. Kolessa, F. (n.d.) *Istoriya etnografii* [History of Ethnography]. The Manuscripts Department of the National Academy of Sciences of Ukraine. Fund 14-2. Col. 224. p. 506.
9. Lanovyk, Z., Lanovyk, M. & Kovalets, L. (2020) Ugrian Rusins in the works of Volodymyr Hnatiuk: the archeology of memory. *Rusin*. 59. pp. 176–196 (in Ukrainian). DOI: 10.17223/18572685/59/10
10. Lotman, Yu. (2009) Do pobudovi teorii vzaemodii kul'tur (semiotichnyi aspekt) [To the building up of the theory of the interrelations of cultures (a

semiotic aspect)]. In: Nalivayko, D. (ed.) *Suchasna literaturna komparativistika: strategii i metodi* [Modern Literary Comparative Studies: Strategies and Methods]. Kiev: Kiev-Mohyla Academy. pp. 195–212.

11. Tsurganova, E. (ed.) (2004) *Zapadnoe literaturovedenie XX veka: entsiklopediya* [Western Literary Studies of the 20th century: Encyclopaedia]. Moscow: Intrada. pp. 266–268.

12. Franko, I. (1906) Bibliorafiya. Volodimir Gnatyuk, Kolomyiki T. II [Bibliography. Volodymyr Hnatiuk. Kolomyikas, Vol. II]. *Literaturno-naukoviy vistni*. 35(9). pp. 502–503.

13. Yatsenko, M.T. (1964) *Volodymyr Hnatiuk*. Kiev: Naukova dumka.

Лановик Зоряна Богданівна – доктор філологічних наук, професор кафедри української та зарубіжної літератур і методик їх навчання Тернопільського національного педагогічного університету ім. В. Гнатюка (Україна).

Лановик Зоряна Богдановна – доктор филологических наук, профессор кафедры украинской и зарубежной литератур и методик их обучения Тернопольского национального педагогического университета им. В. Гнатюка (Украина).

Zoriana B. Lanovyk – Ternopil Volodymyr Hnatiuk National Pedagogical University (Ukraine).

E-mail: m-z@ukr.net

Лановик Мар'яна Богданівна – доктор філологічних наук, професор кафедри української та зарубіжної літератур і методик їх навчання Тернопільського національного педагогічного університету ім. В. Гнатюка (Україна).

Лановик Марьяна Богдановна – доктор филологических наук, профессор кафедры украинской и зарубежной литератур и методик их обучения Тернопольского национального педагогического университета им. В. Гнатюка (Украина).

Mariana B. Lanovyk – Ternopil Volodymyr Hnatiuk National Pedagogical University (Ukraine).

E-mail: ml2046@tnpu.edu.ua

УДК 316.733

UDC

DOI: 10.17223/18572685/67/20

Сохранение языков коренных малочисленных народов в условиях глобализации (опыт Северо-Запада России)

А.Г. Новожилов

Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9

E-mail: novogilov@mail.ru

Авторское резюме

Сохранение и развитие языков коренных малочисленных народов – одна из важнейших проблем функционирования этнокультурного многообразия планеты. Решение этой проблемы ставит определённые задачи как перед научным сообществом, так и перед общественными и правительственными организациями. На основе анализа документации, базовых научных изысканий и собственных полевых материалов рассматривается ситуация с сохранением языка трёх прибалтийско-финских народов – вепсов, води и ижоры. Установлено, что существуют как общие проблемы сохранения языка для этих трёх коренных малочисленных народов, так и свои особенности у каждого народа, связанные с демографическими характеристиками, спецификой социально-экономического положения региона проживания и социальными аспектами функционирования языка. Одна из важнейших проблем современного состояния вепского, водского и ижорского языков заключается в постепенной утрате их коммуникативной функции. Обзор форм использования языков коренных малочисленных народов показывает, что несмотря на все усилия этнических активистов, публикации на родном языке художественной и учебной литературы, функционал указанных языков сокращается не только в общественной, но и в семейной сферах. Наряду с различными аспектами указанной проблемы рассматриваются и пути их решения. В первую очередь, обращается внимание на уже реализуемые программы поддержки родных языков коренных малочисленных народов и оценивается их эффективность как с точки зрения результата, так и в восприятии самих представителей этих народов. В то же время рассматриваются возможные новые подходы к поддержке языков, предлагаемые представителями научного и культурно-просветительского сообществ. Следует признать необходимость обмена

мнениями и опытом, проведения научных исследований и стимулирования общественного движения, направленных на поиск оптимальных решений в области сохранения языков коренных малочисленных народов как Российской Федерации, так и в целом Центральной и Восточной Европы.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, вепсы, водь, ижора, языки коренных малочисленных народов, сохранение языков малочисленных народов.

Preserving the languages of indigenous minorities under globalization (a case study of the Russian North-West)

A.G. Novozhilov

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199037, Russia

E-mail: novogilov@mail.ru

Abstract

The preservation and development of the languages of indigenous minorities is one of the most urgent problems in the functioning of the ethno-cultural diversity of the planet. The problem poses certain tasks to both the academic community and public and governmental organizations. In this paper, the author analyses the documents and draws on the basic research and his own field materials to consider the preservation of the language of three Balto-Finnic minorities – the Vepsians, the Votians, and the Izhorians. The research has established that the three indigenous minorities face both common and unique problems of language preservation, related to the demography, socio-economic situation of the region, and social aspects of language functioning. One of the most important current problems for the Vepsian, Votic, and Izhorian languages is the gradual loss of their communicative function. A review of the language use has shown that despite all the efforts of ethnic activists and publishing fiction and educational literature in their native language, the functionality of the languages is reducing both in the public and private spheres. The article also discusses the ways to solve the problem. First, the author draws attention to the programs being implemented to support the native languages of indigenous minorities and assess their effectiveness, in terms of both results and the language representatives' perception. At the same time, the author analyses new possible approaches to language support proposed by representatives of the academic, cultural, and educational community. The general message of the article is to recognize the need to exchange views and experience,

conduct research and support a social movement aimed at finding optimal solutions to preserve the languages of indigenous minorities in Russian Federation as well as in Central and Eastern Europe.

Keywords: indigenous minorities, Vepsians, Votians, Izhorians, languages of indigenous minorities, preservation of indigenous languages.

Языки коренных малочисленных народов (КМН, в международной практике – indigenous minorities) специфичны во многих своих проявлениях. В первую очередь, на эти языки обращают внимание лингвисты и фольклористы, но и с точки зрения этнографии и социолингвистики открывается широкое поле для исследования коммуникативных практик, социального регулирования речевых актов и моделей функционирования текстов с использованием языков КМН.

Следует обратить особое внимание на тот факт, что для языков КМН характерна мультидиалектность. Значительное количество вариантов диалектов и говоров складывалось на протяжении веков в силу того, что они были бесписьменными, значительно дольше, чем языки крупных народов, и, как следствие, не подвергались стандартизации через культовые и бюрократические тексты, школьное образование и этикетный контроль. По той же причине они обладают значительным многообразием языковых форм, которые лингвисты квалифицируют как архаизмы. Такое положение вещей открывает широкое поле для лингвистической систематики и компаративных реконструкций.

Столь же длительно и масштабно осуществляется собирание, изучение и научная публикация фольклорных материалов. Помимо литературоведческих задач, эта деятельность ставит перед исследователями проблемы восприятия текстов на языках КМН, решаемых методами семиотики.

В конце XX в. в изучении бесписьменных языков народов России и сопредельных стран (или языков, письменность которых фактически не использовалась в 1940–1970-е гг.) стали применяться методы социолингвистики. Этот процесс совпал с возрождением преподавания ряда языков (например, вепсского) в школах, а также активизации подготовки педагогических кадров как для бесписьменных, так и для письменных языков КМН.

Такое совпадение не случайно, поскольку отражало на рубеже тысячелетий характерный для большинства из указанных языковых групп принципиальный хронологический разрыв между возрастными когортами по отношению к родному языку. Если для старшего поколения, для которого родной язык был первым, было естественно

общаться на нём, то для среднего и младшего поколений, заговоривших сначала по-русски, это было всегда связано с осознанным актом перехода в иную лингвистическую реальность.

В целом такие сюжеты изучались и путём этносоциологического анкетирования, и качественным методом этнографического интервью. Ситуация очень различается в зависимости от многих внутренних факторов: от демографических размеров и широты расселения того или иного КМН, являющегося носителем данного языка, до лингвистической специфики этого языка (например, уникальность в силу изолированности). Важны и внешние условия существования: государственная политика в отношении коренного малочисленного народа и, как следствие, его языка (от протекционизма до непризнания самого существования), административный статус языка (является ли он титульным для национально-государственного образования – национального округа или муниципального поселения), географических особенностей территории проживания и специфики сохраняющегося традиционного природопользования. Все вместе эти факторы создают самую широкую палитру бытования языков КМН на огромных просторах Евразии.

При всех различиях, связанных с историко-культурными, лингвистическими и нормативно-правовыми параметрами бытования этих языков, у них есть много общего. Применительно к северу и средней полосе Восточной Европы следует обозначить следующие сходства. Во-первых, наличие родственным языкам КМН крупных языковых массивов с исторически длительной письменной традицией. Например, для прибалтийско-финских языков это финский и эстонский, для языков Карпатского региона – русский и украинский. Во-вторых, значимая точка отсчёта богатого исторического прошлого народов – носителей этих языков, апелляция к которому является основой сохранения этнической идентичности наряду с самим родным языком. Для русинов это Карпатская Русь, для вепсов – весь Повести временных лет, для води и ижоры – Водская и Ижорская земли Новгородской земли. В-третьих, административная и даже межгосударственная разобщённость этих КМН. В частности, территория традиционного проживания русинов охватывает семь стран (Венгрия, Молдова, Польша, Румыния, Сербия, Словакия, Украина), води, ижоры и сету – две (Россия, Эстония), а вепсы хотя и живут только в России, но на границе сразу трёх субъектов Федерации (Республика Карелия, Вологодская и Ленинградская области).

Указанные параллели позволяют разрабатывать на основе сравнительного анализа как научные исследования, так и те практические усилия, которые предпринимаются для сохранения и развития язы-

ков КМН, и наметить общие подходы к решению проблем, которые возникают на этом пути.

В частности, для изучения прибалтийско-финских языков КМН интересен опыт как собственно лексико-семантических исследований [6; 9; 18], так и оценка роли языка в становлении и функционале русинской идентичности [10; 16; 17]. Поскольку обсуждаемые здесь на примере прибалтийско-финских КМН проблемы вполне являются коллинеарными проблемам Карпатского региона, сопоставление позволит не только обмениваться опытом специалистам, но и выработать единую стратегию исследования и деятельности по сохранению языков КМН.

Собственно, данная работа посвящена современной ситуации в плане деятельности по сохранению трёх прибалтийско-финских языков Северо-Запада России: вепсского, водского и ижорского. С точки зрения лингвистической систематики эти языки входят в одну подгруппу, но занимают разные позиции: Ижорский язык очень близок к карельскому, вплоть до того, что в период миграции карел и ижор в Тверскую землю, на Валдай и в Боровичский край в XVII в. они легко смешивались и выработали свои специфические территориальные диалекты, относимые к карельскому языку; водский язык близок к эстонскому, но не считается его бесписьменным диалектом, в отличие от языка сету; вепсский язык занимает обособленное место в систематике, и большинство исследователей считают, что этот язык наиболее рано выделился из восточно-прибалтийско-финского массива. Однако научный интерес к тому или иному языку КМН со стороны разных научных школ определяется скорее не систематикой, а географической близостью. Так, центрами изучения вепсского языка были традиционно университеты Финляндии и Карелии, а повышенный интерес к ижорскому и водскому языкам обнаруживается в научных центрах Санкт-Петербурга и Эстонии.

Количество диалектов, образующий каждый из указанных языков, разное. Вепсский язык, например, включает три диалекта (северный, средний и южный). При этом средний диалект включает несколько говоров, значительно различающихся между собой, в силу разбросанности локаций их носителей [8]. Водский язык ещё относительно недавно включал два диалекта (в более древние времена – четыре: куровицкий, западный (кракольский и песоцко-лужицкий говоры), восточный, кривинский), но на сегодняшний день сохранились лишь носители западного диалекта [1]. Носители ижорского языка до основания Санкт-Петербурга расселялись в бассейне Невы и восточной части Финского залива, образовывали значительное количество территориальных групп, что было основанием для формирования

диалектов. К концу XIX в. сохранилось четыре сформировавшихся диалекта, из которых на сегодняшний день бытуют только два [11].

Численность потенциальных носителей коренных языков по переписи населения 2010 г. в зоне традиционного проживания – вепсов 5 215 человек, води – 33, ижор 169 человек. Реальных носителей, для которых данный язык был бы первым выученным или наиболее часто используемым, ещё меньше. Однако количество людей, которые потенциально могут быть носителями этих языков, значительно больше, чем отмечено в переписи, поскольку, во-первых, многие представители КМН записываются русскими, во-вторых, среди детей от смешанных браков, где один из родителей представитель КМН, есть значительный интерес к поддержанию и возрождению коммуникативных функций языков малых народов [2].

Естественно, бросается в глаза разница демографических потенциалов изучаемых народов. Компактность проживания, более молодая, чем у других групп демографическая пирамида выделяют на общем фоне группу северных вепсов (Республика Карелия) [19]. Остальные этнотерриториальные группы в целом схожи между собой: традиционные территории либо заустевают, либо заселены приезжими дачниками и трудовыми мигрантами; среди постоянного населения преобладают представители старших возрастных когорт, межнациональная брачность значительно преобладает над мононациональной, в отдельных случаях последняя даже отсутствует [2; 19].

Следует обратить внимание на различие социально-экономического фона функционирования трёх изучаемых КМН. Если зона традиционного проживания средних и южных вепсов находится в стороне от наиболее важных экономических центров и основу хозяйственного потенциала составляют лесозаготовки, то для северных вепсов ситуация выглядит более благоприятно, поскольку здесь на первый план выходит добыча промышленного камня, а лесозаготовки выступают как вспомогательное занятие. В свою очередь, для территории традиционного проживания води и ижоры основой экономики региона является постоянно разрастающийся морской торговый порт «Усть-Луга». Следует отметить важность территории традиционного проживания всех трёх групп для дачного строительства, в случае с водью и ижорой, по крайней мере, в недавнем прошлом.

Для развития самих КМН и, следовательно, поддержания их родного языка в качестве средства постоянного общения, наиболее благоприятными являются условия северной группы вепсов в Республике Карелия. Именно там созданы условия для сохранения коренного населения через обеспечение их занятости и развитие местной инфраструктуры.

Два других региона испытывают два полярно противоположных давления, но приводящих, в конечном итоге, к одинаковым последствиям – оттоку коренного населения, в том числе представителей КМН. Если в случае со средними и южными вепсами давлением является постоянное сокращение числа рабочих мест не только в сельском, но и в лесном хозяйстве, сужение занятости населения до бюджетной сферы, то для территории традиционного проживания води и ижоры главная проблема заключается, наоборот, в постоянном росте числа вакансий в строительстве и эксплуатации порта, которые занимают приезжие работники. Тем самым доля КМН постоянно сокращается. Важной проблемой низовьев Луги и Сойкинского полуострова (зона проживания води и ижоры) является сокращение территории традиционного природопользования за счёт расширения территории порта «Усть-Луга» и строительства связанных с ним предприятий.

Статус всех трёх языков с точки зрения их сохранения в соответствии с международной документацией несколько различается. Согласно «Атласу языков мира, находящимся под угрозой исчезновения» (далее – «Атлас»), степень сохранности вепсского и ижорского языков сходна, но очень отличается от степени сохранности водского языка [20]. Перед вепским и ижорским языком стоит серьёзная угроза исчезновения, поскольку он «используется старшими поколениями; понятен поколению родителей, но не используется при общении с детьми и между собой» [20]. Водский же язык и вовсе относят к возможно вымершим, поскольку, по определению «Атласа», это «язык, безусловно существовавший в недалеком прошлом, о современном состоянии которого нет достоверных сведений» [20].

Реальность в каждом конкретном случае отличается от квалификации «Атласа», но указанные определения подчёркивают весь комплекс проблем, которые встают перед обществом в плане сохранения языков КМН.

Определённые преференции для носителей вепсского, водского и ижорского языков закрепляются Единым перечнем коренных малочисленных народов [14]. В рамках реализации национальной политики по отношению к представителям КМН Ленинградской области, о которых и идёт речь в данной статье, было разработано несколько программ, последняя из которых актуальна и сегодня [13]. Методическое обеспечение её реализации берут на себя научные и научно-образовательные учреждения Санкт-Петербурга, Ленинградской области и Республики Карелия. Эта поддержка включает анализ международных и отечественных нормативно-правовых актов, чёткое представление о ситуации в области сохранения языков, общего плана функционирования КМН [4].

Всё вышеизложенное позволяет говорить о сокращении как числа представителей КМН, так и сферы использования языков этих народов, поскольку чем меньше пользователей языка, тем меньше его коммуникативные возможности в обеспечении социальной мобильности. В этом плане процессы урбанизации и цифровизации сводят к нулю сферу применения языков именно КМН.

Очевидно, что наиболее эффективными способами поддержания коммуникативной функции языка малых народов может стать либо его использование в качестве эксклюзивного языка религиозного культа, либо обеспечение его функционирования в рамках традиционных хозяйственных занятий в замкнутых специфических географических условиях. Более того, на сегодня исчерпан ресурс использования родного языка, который работал на протяжении XX в. в условиях удалённости от экономических центров и магистральных путей сообщения. Речь идёт о сохранении языка КМН в качестве языка малоквалифицированного аграрного труда, который вытеснялся образованием и последующей альтернативой социального роста на государственном языке, в данном случае русском. Следует заметить, что этот процесс протекал быстрее на окраинах ареала традиционного расселения КМН в силу интенсивных межнациональных и межъязыковых контактов [7].

Очевидно, что указанное русско-вепское, русско-водское и русско-ижорское двуязычие способствует более быстрой ассимиляции, поскольку не только в плане сфер общения, но и в плане преимущественного языка общения выигрывает всё-таки русский язык [12; 15]. Это тем более печально, что граница между поколениями, с одной стороны, постоянно использующими родной язык, и теми, кто использует его от случая к случаю, – с другой, постоянно поднимается по возрастной шкале и скоро представителей старшего поколения может не остаться вовсе.

И всё-таки перспективы не только сохранения, но роста уровня использования родного языка КМН есть. Они определяются, прежде всего, желанием не только тех представителей КМН, которые постоянно проживают на малой Родине, но и выходцев из этих территорий, поддерживающих постоянную связь с ней. Именно эта часть этнических активистов, нередко возвращаясь на постоянное место жительства в деревни КМН, является носителями устремлений к возрождению языков и традиционных культурных ценностей КМН – вепсов, води и ижоры.

Сегодня в более выигрышном положении находится вепсский язык, поскольку в условиях языковой ассимиляции он остаётся языком гуманитарной интеллигенции (особенно ярко это видно в Петрозав-

водске), языком уличного и внутрисемейного общения в северной и части средней (южная часть Винницкого с.п.) групп и языком ностальгического общения дачников, которые продолжают играть большую роль в целом в сохранении этнокультурного наследия вепсского народа [5]. Ситуация с водским и ижорским языками сложнее, но и здесь есть перспективы.

В то же время идёт активный поиск сферы применения этих языков через пропаганду фольклорных текстов, летние курсы родного языка, публикации в периодической печати. Этнические активисты коренных малочисленных народов – вепсов, води и ижоры, а также поддерживающие их государственные органы, научно-образовательные организации предлагают и реализуют различные проекты, направленные на преодоление сложившейся ситуации.

В плане поддержки языков вепсов, води и ижоры на сегодняшний день проводится обширная работа: готовится и публикуется методическая и учебная литература, издаются сборники фольклорных памятников как на языках КМН, так и в переводе на русский. Проводятся курсы изучения родного языка. Наиболее эффективными следует признать постоянно действующие, в том числе языковые факультативы в школах. Также очень важны и летние курсы, которые организуются для тех, кто в зимнее время живёт в крупных городах. Впрочем, в Петрозаводске действует круглогодичный клуб на вепсском языке под эгидой «Общества вепсской культуры».

На сегодняшний день можно говорить о недостаточном количестве представителей коренных малочисленных народов, охваченных мероприятиями по сохранению и развитию языков. Существует явная потребность в проведении мероприятий по популяризации изучения вепсского, водского и ижорского языков. Как правило, основное возражение представителей КМН при отказе от изучения языков заключается в их нефункциональности, а также узкой сфере их коммуникативного применения. Для преодоления такого отчуждения требуется разработка программы продвижения ценности знания водского и ижорского языков среди представителей коренных малочисленных народов. Такое продвижение позволит создать более широкую базу для сохранения устных традиций как в фольклорной сфере, так и в области современных коммуникаций, а также форм выражения, описания и кодирования важнейших элементов нематериального культурного наследия.

Решение сложных вопросов сохранения и развития языков коренных малочисленных народов требует не только общественной активности и административной поддержки, но и разрешения вопро-

сов методического характера. К таковым, в первую очередь, можно отнести противоречие между полидиалектностью бесписьменного языка и необходимостью стандартизации языка литературного. Данная ситуация характерна для языков многих КМН России. Она проявляется в коммуникативной сфере: представители старшего поколения предпочитают говорить на родном диалекте и только читают на литературном языке, а молодёжь учит и воспроизводит в общении уже только литературный язык.

Очевидно, что в перспективе такая ситуация приведёт к преимущественной стандартизации языка, но здесь и сейчас проблема проявляется, во-первых, в сложности межпоколенного общения, что тормозит расширение сферы применения языка; во-вторых, литературные тексты, среди которых по-прежнему значительную долю занимают фольклорные тексты, записанные на разных диалектах, отличаются от языка учебных пособий и современных литературных произведений и требуют адаптации.

Важной задачей является дальнейшее развитие средств массовой информации, в том числе электронных, и общения в социальных сетях на родных языках КМН. Обеспечение её решения видится, с одной стороны, в методической разработке принципов построения контента этих информационных ресурсов, а с другой – в их пропаганде и рекламе.

В этом же ключе, возможно, следует моделировать ситуации для общения на родном языке, не только на курсах и факультативах родного языка, но и в фольклорных кружках и мастерских народных промыслов.

К системной модели создания сферы коммуникации на родном языке можно отнести и деятельность в рамках этнокультурного брендинга территорий проживания вепсов, води и ижоры. Процесс глокализации, подразумевающий размещение в глобальной сети информации о локальных сообществах, в данном случае КМН, как показывает мировой опыт, требует серьёзного научного обоснования [3]. Всё вышесказанное подтверждает, что важно продолжать стремиться выйти из ситуации превращения языков КМН в языки-мемораты и пытаться дальше искать сферы их применения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адлер Э. Водский язык // Языки народов СССР. Т. 3: Финно-угорские и самодийские языки. М.: АН СССР, 1966. 465 с.
2. Аналитический отчёт «Об оказании услуг по проведению мониторинга и анализа текущего состояния сферы коренных малочисленных народов,

проживающих на территории Ленинградской области» в соответствии с Государственным контрактом № К-19/21. Авторы: Новожилов А.Г., Егоров С.Б., Киселёв С.Б. СПб., 2021.

3. *Верняев И.И., Новожилов А.Г., Кузьмина О.В.* Картографирование этнокультурного наследия: мировой опыт и основные подходы к разработке // Информационные ресурсы России. 2015. № 1. С. 27–31.

4. Взаимодействие с представителями коренных малочисленных народов: Сборник информационных материалов и методических рекомендаций для сотрудников органов исполнительной власти и органов местного самоуправления Ленинградской области / Авт.-сост.: С.Б. Егоров, С.Б. Киселёв, А.Г. Новожилов; под ред. А.Г. Новожилова. СПб.: БАН, 2021. 50 с.

5. *Винокурова И.Ю.* Роль дачников в сохранении культурных традиций родной деревни (по результатам полевых исследований вепсов) // Русский Север. Вып. 1: Идентичности, память, биографический текст. К 95-летию К.В. Чистова: сб. науч. ст. / Ред.-сост. Т.Б. Щепанская. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 321–332.

6. *Горофянюк И.В.* Народные названия растений как фрагмент языковой картины мира русинов // Русин. 2018. № 52. С. 90–106. DOI: 10.17223/18572685/52/7

7. *Егоров С.Б.* Вепско-русское межэтническое взаимодействие // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (памяти Н.И. Богданова). Петрозаводск, 2006. С. 237–248.

8. *Зайцева Н.Г.* Очерки вепсской диалектологии (лингвогеографический аспект). Петрозаводск: Карельский научный центр, 2016. 395 с.

9. *Калько В.В., Калько М.И., Селіванова О.О.* Стереотипизация тваринного світу в русинських фразеологізмах // Русин. 2021. № 65. С. 250–276. DOI: 10.17223/18572685/65/14

10. *Кокайсл П.* Трансформация этнической идентичности русинского меньшинства в Словакии // Русин. 2018. № 52. С. 238–257. DOI: 10.17223/18572685/52/17

11. *Лаанест А.Х.* Ижорские диалекты: Лингвогеогр. Исследование. Таллин: АН Эст. ССР. Ин-т языка и литературы, 1966. 182 с.

12. *Новожилова Е.М.* Переключение кодов в речи современных носителей вепсского языка // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы: (памяти Н.И. Богданова). Петрозаводск, 2006. С. 135–164.

13. Об утверждении Региональной стратегии государственной национальной политики Российской Федерации в Ленинградской области на период до 2025 года // Постановление Правительства Ленинградской области от 30 марта 2020 года № 164. URL: <https://leningr-gov.ru/doc/87609> (дата обращения: 9.02.2022).

14. Постановление Правительства РФ от 24 марта 2000 г. № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/181870/> (дата обращения: 8.02.2022).

15. *Рожанский Ф.И., Маркус Е.Б.* Ижора сойкинского полуострова: фрагменты социолингвистического анализа // Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н.Н. Казанский.

Т. IX. Ч. 3. Сборник статей к 60-летию Евгения Васильевича Головки / Сост. и ред. тома Н.Б. Вахтин, Е.В. Перехвальская. СПб.: Наука, 2013. С. 261–298.

16. Суляк С.Г. Язык русинов Бессарабии в трудах дореволюционных этнографов // Русин. 2015. № 3 (41). С. 14–24.

17. Суляк С.Г. Русины Карпато-днестровских земель в молдавской средневековой дипломатике (общий обзор) // Русин. 2016. № 1 (43). С. 95–119. DOI: 10.17223/18572685/43/7

18. Чижмарова М. Паремииологическое богатство языка русинов Словакии: компонентный состав и семантические особенности // Русин. 2021. № 64. С. 240–254. DOI: 10.17223/18572685/64/12

19. Экспедиционное исследование современной этнокультурной инфраструктуры вепсов Ленинградской, Вологодской областей и Республики Карелия // Отчет о за период реализации проекта 1.06.2020–30.11.2020, осуществленного за счёт средств РГО (Договор № 14/2020-И). Авторы: Новозhilов А.Г., Егоров С.Б., Киселёв С.Б., Хрущёв С.А. СПб., 2020.

20. *Moseley Ch.* (ed.). Atlas of the World's Languages in Danger. 3rd edn. Paris: UNESCO Publishing, 2010. URL: <http://www.unesco.org/culture/en/endangeredlanguages/atlas> (дата обращения: 8.02.2022).

REFERENCES

1. Adler, E. (1966) *Vodskiy yazyk* [The Votian language]. In: Vinogradov, V.V. (ed.) *Yazyki narodov SSSR* [Languages of the Peoples of the USSR]. Vol. 3. Moscow: USSR AS.

2. Novozhilov, A.G., Egorov, S.B. & Kiselev, S.B. (2021) *Analiticheskiy otchet "Ob okazanii uslug po provedeniyu monitoringa i analiza tekushchego sostoyaniya sfery korennykh malochislennykh narodov, prozhivayushchikh na territorii Leningradskoy oblasti" v sootvetstvi s Gosudarstvennym kontraktom № K-19/21* [Analytical report "On the provision of services for monitoring and analyzing the current state of the sphere of indigenous peoples living in Leningrad Region" under the State Contract No. K-19/21]. St. Petersburg: [s.n.].

3. Vernyaev, I.I., Novozhilov, A.G. & Kuzmina, O.V. (2015) Mapping of ethnic and cultural heritage: world experience and the main approaches to development. *Informatsionnye resursy Rossii*. 1. pp. 27–31 (in Russian).

4. Egorov, S.B., Kiselev, S.B. & Novozhilov, A.G. (2021) *Vzaimodeystvie s predstavitelnyami korennykh malochislennykh narodov: Sbornik informatsionnykh materialov i metodicheskikh rekomendatsiy dlya sotrudnikov organov ispolnitel'noy vlasti i organov mestnogo samoupravleniya Leningradskoy oblasti* [Interaction with representatives of indigenous peoples: Collection of information materials and methodological recommendations for employees of executive authorities and local governments of Leningrad Region]. St. Petersburg: BAN.

5. Vinokurova, I.Yu. (2017) *Rol' dachnikov v sokhranении kul'turnykh traditsiy rodnoy derevni (po rezul'tatam polevykh issledovaniy vepsov)* [The role of summer residents in preserving the cultural traditions of their native village (according to the results of field research of the Vepsians)]. In: Shchepanskaya, T.B.

(ed.) *Russkiy Sever* [Russian North]. Vol. 1. St. Petersburg: MAE RAS. pp. 321–332.

6. Gorofyanyuk, I.V. (2018) Folk names of plants as a fragment of the Rusin language picture of the world. *Rusin*. 52. pp. 90–106 (in Ukrainian). DOI: 10.17223/18572685/52/7

7. Egorov, S.B. (2006) Vepsko-russkoe mezhetnicheskoe vzaimodeystvie [Vepsian-Russian interethnic interaction]. In: Vinokurova, I.Yu. (ed.) *Sovremennaya nauka o vepsakh: dostizheniya i perspektivy (pamyati N.I. Bogdanova)* [Modern Science about Vepsians: Achievements and Prospects (In Memory of N.I. Bogdanov)]. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center, RAS. pp. 237–248.

8. Zaytseva, N.G. (2016) *Ocherki vepsskoy dialektologii (lingvogeograficheskiy aspekt)* [Essays on Veps dialectology (a linguo-geographical aspect)]. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center.

9. Kalko, V.V., Kalko, M.I. & Selivanova, O.O. (2021) Stereotyped zoonyms in Rusin phraseology. *Rusin*. 65. pp. 250–276 (in Ukrainian). DOI: 10.17223/18572685/65/14

10. Kokaisl, P. (2018) Transformation of the ethnic identity of the Rusin minority in Slovakia. *Rusin*. 52. pp. 238–257 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/17

11. Laanest, A.Kh. (1966) *Izhorskie dialekty: Lingvogeogr. issledovanie* [The Izhorian dialects: a lingvogeographical study]. Tallin: AS of Estonian SSR.

12. Novozhilova, E.M. (2006) Pereklyuchenie kodov v rechi sovremennykh nositeley vepsskogo yazyka [Switching codes in the speech of modern speakers of the Vepsian language]. In: Vinokurova, I.Yu. (ed.) *Sovremennaya nauka o vepsakh: dostizheniya i perspektivy (pamyati N.I. Bogdanova)* [Modern Science about Vepsians: Achievements and Prospects (In Memory of N.I. Bogdanov)]. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center, RAS. pp. 135–164.

13. The Government of Leningrad Region. (2020) *Ob utverzhdenii Regional'noy strategii gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii v Leningradskoy oblasti na period do 2025 goda* [On the approval of the Regional Strategy of the State National Policy of the Russian Federation in Leningrad Region up to 2025]. Decree No. 164 of the Government of Leningrad Region of March 30, 2020. [Online] Available from: <https://leningr-gov.ru/doc/87609> (Accessed: 9th February 2022).

14. The Government of the Russian Federation. (2000) *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 24 marta 2000 g. № 255 "O Edinom perechne korennykh malochislennykh narodov Rossiyskoy Federatsii" (s izmeneniyami i dopolnениyami)* [Decree No. 255 of the Government of the Russian Federation of March 24, 2000, "On the Unified List of Indigenous Minorities of the Russian Federation" (with amendments and additions)]. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/181870/> (Accessed: 8th February 2022).

15. Rozhanskiy, F.I. & Markus, E.B. (2013) Izhora soykinskogo poluostrova: fragmenty sotsiolingvisticheskogo analiza [Izhora of the Soykinsky Peninsula: fragments of sociolinguistic analysis]. In: Vakhtin, N.B. & Perekhval'skaya, E.V. (eds) *Acta linguistica petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN* [Acta linguistica petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 9(3). St. Petersburg: Nauka. pp. 261–298.

16. Sulyak, S.G. (2015) The language of the Rusins of Bessarabia in the works of the pre-revolutionary ethnographers. *Rusin*. 3(41). pp. 14–24 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/41/1

17. Sulyak, S.G. (2016) Rusins of the Carpatho-Dniestrovian lands in medieval Moldavian diplomacy (a general review). *Rusin*. 1(43). pp. 95–119 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/43/7

18. Chizhmarova, M. (2021) Paremiological wealth of the language of the Slovakian Rusins. *Rusin*. 64. pp. 240–254 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/64/12

19. Novozhilov, A.G., Egorov, S.B., Kiselev, S.B. & Khrushchev, S.A. (2020) *Ekspeditsionnoe issledovanie sovremennoy etnokul'turnoy infrastruktury vepsov Leningradskoy, Vologodskoy oblastey i Respubliki Kareliya* [Expeditionary study of the modern ethno-cultural infrastructure of the Vepsians of the Leningrad, Vologda regions and the Republic of Karelia]. Report for June 1, 2020 – November 30, 2020 on the Project of the Russian Geographical Society (Agreement No. 14/2020-I). St. Petersburg: [s.n.].

20. Moseley, Ch. (ed.) (2010) *Atlas of the World's Languages in Danger*. 3rd ed. Paris: UNESCO. [Online] Available from: <http://www.unesco.org/culture/en/endangeredlanguages/atlas> (Accessed: 8th February 2022).

Новожилов Алексей Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой этнографии и антропологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Alexey G. Novozhilov – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: novogilov@mail.ru

УДК 808;77.0;7.01

UDC

DOI: 10.17223/18572685/67/21

Мир гуцулов глазами Сергея Параджанова: семиотический перевод, киноязык, бытийные инварианты*

Т.С. Сиямян

Ереванский государственный университет
Армения, 0025, Ереван, ул. Алека Манукяна, 1
E-mail: tsimonyan@ysu.am

Авторское резюме

Анализируются параджановские рефлексии о семиотическом переводе на примере быта, нравов, обычаев гуцулов, зафиксированные в статье «Вечное движение» по поводу его фильма «Тени забытых предков». Фильм С. Параджанова «Тени забытых предков» стал поэтологическим и смысловым инвариантом в процессе порождения последующих фильмов режиссёра. По сути, он стал фильмом-манifestом. Режиссёр нашёл свой тематический язык и творческие константы (обряды, предания, нравы, таинства и т. д.). На креативных инвариантах быта разных народов (гуцулы, армяне, турки, татары и т. д.) он стал эстетически домысливать и показывать их внутренний мир, обычаи и нравы. Фильм «Тени забытых предков» был снят на основе глубокой любви ко всему гуцульскому, а также на основе «метода» И. Савченко, предполагающего непосредственное познание и впитывание объекта-культуры, природы и чувственного мира на разных каналах коммуникации (визуальный, слуховой, обонятельный). На основе глубоко знания гуцульской культуры С. Параджанов работает с их ценностным миром, переводя художественный текст на визуальный образ, а также домысливая визуальные обряды. Через носителя культуры, пожилой женщины, он начал смотреть на мир гуцулов, пропитывать их дух для «правильной» реконструкции материала на транснациональном языке красоты и перекодирования денотативных кодов на коннотативные. Рефлексия режиссёра о фильме показала, как произошёл переход от аморфного киноязыка соцреализма к языку авторского кино: отказ от чёткой передачи сюжета, фотографической передачи быта, нравов и обычаев, «заведомых канонов», «старых привычек и впечатлений». Появление авторского киноязыка сделало конфликт с советской киношной системой и номенклатурным «верхом» ещё нагляднее. Об этом говорит тот факт, что

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по науке Республики Армения в рамках научного проекта № 21AG-6C041.

Параджанову пришлось отстоять свою позицию, чтобы фильм не был дублирован, так как в таком случае зритель лишился бы аутентичного аудиального мира гуцулов.

Ключевые слова: гуцулы, культура гуцулов, быт гуцулов, киноязык, семиотический перевод, поэтическое кино, Сергей Параджанов, Михаил Коцюбинский.

The world of Hutsuls through the eyes of Sergei Parajanov: semiotic translation, film language, existential invariants*

T.S. Simyan

Yerevan State University

1 Alex Manoogian Street, Yerevan, 0025, Republic of Armenia

E-mail: tsimyan@ysu.am

Abstract

The article analyses Parajanov's reflections on semiotic translation, on the example of the life, traditions, and customs of the Hutsuls, as recorded in his article "Eternal Movement" about his film *Shadows of Forgotten Ancestors*. *Shadows of Forgotten Ancestors* became a stylistic and semantic invariant for Parajanov's subsequent films. In fact, it became a *manifesto* movie. Parajanov found his own thematic language and creative constants, such as rituals, traditions, customs, and sacraments. By focusing on the creative invariants of the lives of different peoples (Hutsuls, Armenians, Turks, Tatars, etc.), Parajanov began to aesthetically conjecture and reveal their inner worlds, customs, and more. *Shadows of Forgotten Ancestors* is based on a deep love of Hutsul culture, as well as I. Savchenko's "method" that assumes a direct cognition and absorption of the object-culture, nature, and the sensual world on different communication channels (visual, auditory, olfactory). Based on the deep knowledge of the Hutsul culture, Parajanov works with the world of values, by translating the text into a visual image, as well as fantasizing visual customs. Through the bearer of culture, an elderly woman, he began to look at the world of the Hutsuls and absorb their spirit for the *correct* reconstruction of the material in the transnational language of beauty and recoding denotative codes into connotative ones. Parajanov's reflection on the film showed the transition from the amorphous cinematic language of socialist realism to the language of auteur cinematography: the rejection of clear plot reproduction, photographic reproduction of everyday life, manners and customs, "notorious canons", "old habits, and impressions". The emergence of the author's cinematic language made his conflict with the Soviet

* The work was supported by the Science Committee of Republic of Armenia in the frames of the research project № 21AG-6C041.

cinematic system and nomenclatural “elite” even clearer. This is evidenced by the fact that Parajanov still had to defend his position and argue against dubbing his film, since in that case, the viewer would lose the authentic auditory world of the Hutsuls.

Keywords: Hutsuls, culture of Hutsuls, life of Hutsuls, cinema language, semiotic translation, Parajanov, Kotsiubynsky.

Введение

Известно, что идентичность и оригинальность собственной культуры совершенно иначе раскрываются глазами «другого», иностранца, поскольку он видит детали, феномены чужой культуры в противопоставлении своей. Для Сергея Параджанова, по национальности армянина, жившего в Грузии (Тбилиси)¹ и на Украине (Киев)², культура гуцулов раскрывается совершенно в другом ракурсе³. Благодаря феноменальному использованию гуцульского материала в фильме «Тени забытых предков» (1964), режиссёр приобрёл мировую славу и получил всесоюзные и международные призы (Киев, Мар-дель-Плата, Рим, Салоники). До 1980 г. у него было уже 16 международных премий [9: 633, 635].

Фильм «Тени забытых предков» не раз осмыслялся в научной литературе. Об этой теме писали Иван Дзюба, Лариса Брюховецкая, Вадим Скуратовский, Владимир Турбин, Лев Аннинский, Януш Газда, Роман Корогодский и др. [8: 59–95; 17: 15–73], но детального анализа параджановских рефлексий о гуцульской культуре, насколько автору известно, не проводилось.

Актуальность статьи заключается в том, что параджановские идеи и рефлексии о гуцульской культуре и нравах не устарели. Они могут быть насущными до сих пор для историков кино, сценаристов, (молодых) режиссёров, мечтающих снимать авторское кино, поскольку Параджанов имплицитно представляет, как переводить символы-знаки (художественные тексты) на язык визуальных знаков (кино, киносинтагм) на примере гуцульской культуры.

Цель статьи – представить проблему семиотического перевода и параджановскую рефлексию о гуцулах и их культуре.

Главный тезис статьи: фильм С. Параджанова «Тени забытых предков» является поэтологическим и смысловым инвариантом в смысле порождения последующих фильмов режиссёра.

Проблема семиотического перевода: от текста к образу

Знакомство Параджанова с культурой и бытом гуцулов было опосредовано. Фильм он снял по одноимённой повести Михаила Коцюбинского (1911), а посоветовал ему взяться за эту повесть друг,

художник Г. Гавриленко [3: 95]. Картина была приурочена к 100-летию юбилею со дня рождения украинского писателя. Соавтором сценария выступил писатель Павло Загребельный, имевший доступ к первому секретарю КП Украины В. Щербицкому. Именно этот факт стал решающим для продвижения намеченного дела⁴. Предыдущие фильмы Сергея Параджанова («Андриеш» (1954), «Думка» (1958), «Первый парень» (1959), «Украинская рапсодия» (1961) и т. д.) можно считать дорогой становления режиссёра к своему первому примеру авторского кино – фильму «Тени забытых предков». Параджанов был самокритичен и осознал, что до «Теней...» он был «творческой единицей» соцреализма. И это его раздражало. По свидетельству его друга, поэта Ивана Драча, как-то С. Параджанов сорвался и зарыдал: «Я ничтожество! Мне сорок лет, а я ничего не сделал! Я бездарь!» [3: 94]. Он ещё сомневался, но работа шла с полной творческой отдачей и любовью⁵.

С. Параджанов своё поэтическое кино создавал на основе переводимости литературного текста на язык живописи. По поводу повести М. Коцюбинского режиссёр отмечал, что: «в своей практике я чаще всего обращаюсь к живописному решению, но не литературному. И мне доступнее всего та литература, которая в сути своей сама – преображённая живопись» [10: 33]. Этот механизм сработал и на последующих кинотекстах и сценариях («Молдавская сказка», «Цвет граната», «Дремлющие дворцы», «Ара Прекрасный» и т. д.). Иными словами, перевод литературных кодов на визуальные и есть его основной метод моделирования кинотекстов.

Параджанов прекрасно понимал, как надо снимать фильмы, знал алгоритм их моделирования. Об этом он эксплицитно писал следующее: «Пошлите меня в Африку, и я сниму лучший африканский фильм, я вам напридумываю кучу старинных папуасских ритуалов, не хуже, чем гуцульских в "Тенях забытых предков"! [12: 4]. Цитата показывает, что для Параджанова ключевым является вопрос «как», а не «что», т. е. приёмы, модусы моделирования кинотекстов.

Для режиссёра такого уровня категория *достоверности* представляемого материала не является ключевой. Он *притворяется* (играет) при создании своего эстетического текста, «поднимает» гуцульский материал, эстетизирует его.

«Тени...»: код названия и его перевод

Интересно, что этот фильм был в прокате на Западе под названием «Огненные кони» (Франция). Заметим, что в ГДР фильм был, как и в СССР, под названием оригинала – «Schatten vergessener Ahnen». З

рубежом для нового названия или новой брендовой «упаковки» стали прекрасные кадры из фильма. Красные кони, являющиеся метафорой смерти отца Ивана, Петра Палийчука, стали метакодом для нового названия «Теней...». Иными словами, короткая экспрессивная синтагма с лошадьми стала названием киноленты. Но на самом деле следует заметить, что был подменён основной код названия кинотекста. Для этого нужно понять, к чему отсылает означаемое слова «тень», какой смысл (означаемое) у этого слова?

Исходя из контекста, тени обозначают культурное прошлое гуцулов – нравы, обычаи, ценностный мир, которые были забыты. И по сути, если учитывать все параджановские фильмы, то название первого авторского кино становится метаязыковой метафорой для «описания» всех его фильмов, поскольку во всех последующих картинах «тени» прошлого (обычаи, нравы, обряды и т. д.) всплывают на языке кино («Цвет граната» (1968), «Легенда о Сурамской крепости» (1984), «Ашик-Кериб» (1988) и т. д.). Но, как метко отмечает антрополог Левон Абрамян, он в своих фильмах «не дооформляет ритуал, а просто выдумывает его» [1: 18].

Параджанов в своей статье «Вечное движение» отмечает, что после прочтения произведения М. Коцюбинского ему сразу захотелось поставить «Тени...». Аргументирует он тем, что «влюбился в это кристально чистое ощущение красоты, гармонии, бесконечности. Ощущение грани, где природа переходит в искусство, а искусство в природу» [9: 38]. Указанный перевод становится возможным благодаря категории красоты, а она моделируется через эстетический ракурс, работу кинокамеры. Армянский критик и знаток параджановского искусства Карен Калантар заметил, что именно благодаря камере природа и в тексте М. Коцюбинского, и в фильме представляется как динамичный образ [6: 41–42].

В одной из своих поэтологических исповедей Параджанов заметил, что «если художник умеет и не боится быть самим собой – он создаёт храм» [9]. Параджанов сумел создать собственный «храм»-фильм, и его первым «храмом» стал фильм «Тени забытых предков». Если перевести сказанное на язык психологии или эстетики, то режиссёр приобретает авторскую Самость, уверенность или собственное «Я-эстетическое». Он уже в фильме «Тени забытых предков» начинает жонглировать материалом. Глубокое понимание феноменов дало возможность режиссёру играть, переводить материал с одной семиотической системы на другую. Об этом пишет и сам С. Параджанов: «Я убедился, что совершенное знание оправдывает любой вымысел. Я могу песенный материал превратить в действенный, а действенный – в песенный, чего не мог, когда снимал «Думку». Я могу этнографи-

ческий, религиозный материал перевести в самый обыденный, общедоступный. Ибо, в конце концов, источник у них один и тот же» [10: 45].

Из вышесказанного можно заключить, что режиссёр приобрёл навыки работы с материалом, с коннотативными кодами. Следует подчеркнуть, что без нового семиотического перевода нет нового коннотативного значения. Именно умение идентифицировать и разграничивать коннотативные коды от денотативных, т. е. «обыденных», «обиходных» и на основе денотативных кодов «надстраивать» коннотативные, дало Параджанову возможность абстрагироваться от гуцульского материала и представить гуцульский мир на транснациональном языке, на (параджановском) языке кино.

Сергей Параджанов глубоко понимал язык кино. Словесный и вещный мир он переводил через кинематографические образы, именно поэтому они и стали основой для синтеза литературы, поэзии, истории, этнографии и философии [10: 45], т. е. семиотический перевод он делал через визуальные (кинематографические) образы, знаки и, по сути, конструировал продукт для междисциплинарного анализа (литература, история, этнография, философия), поскольку фильм создается на тематическом стыке. Размышляя о своих кинематографических неудачах на примере фильма «Первый парень», режиссёр отмечает, что его неудача произошла «под ударами сюжета» [10: 34].

Следует понимать под понятием сюжет – фабулу. В фильме «Первый парень» Параджанов не смог свой нарратив скомпоновать на синтагмах образов-метафор, т. е. сюжет стал «врагом» поэтических визуальных рядов и разрушил «здание» фильма как пример поэтического кино. По сути, Параджанову не удалось абстрагироваться от сюжета, чтобы передать на подлинном языке кино украинское село, потрясающую фактуру красоты, его поэзию. Ему «не давался “бытовизм”» [9]. Параджанову не удалось отстраниться от быта, от реальности (Виктор Шкловский), чтобы посмотреть на мир заново, наивно. Сравним идею В. Шкловского с параджановской: «Мы слишком порой полагаемся на силу быта и забываем, что в некоторые места надо входить юными, отрешившись от своего привычного мира» [9]. Из вышесказанного можно заключить, что Параджанов приобрёл свой киноязык благодаря приёму отстранения (В. Шкловский), способности отстраняться от сюжета, от литературного материала. Неспроста он отмечает, что «действительно где-то отступал и от Коцюбинского, и от Лермонтова, и от Саят-Новы»⁶. Отрешение от сюжета явилось предпосылкой для моделирования собственного, авторского кино. Самодостаточность режиссёра и наличие отточенного киноязыка являются основой успеха.

Неудивительно, что фильм «Тени...» стал «визитной карточкой» не только для Параджанова-режиссёра, но и для операторской работы

Ю. Ильенко, поскольку С. Параджанов и его команда не были заражены «вирусом студии Довженко»: «Это страшная болезнь, ею который год страдает наш кинематограф. Знаете, как в анекдоте: есть фильмы плохие, есть очень плохие, а хуже очень плохих – студии Довженко» [16]. Очевидно, что речь идёт об эпигонстве, об отсутствии киноязыка и образного кинематографического мышления. Для этого нужно пройти долгий путь. Как метко отмечает С. Параджанов, для входа в мир интеллектуального кино требовалась высокая культура, а также свобода «от заведомых канонов, от старых привычек и впечатлений» [9]. Иными словами, требовался свой автономный мир, видение и, в конце концов, дистанцирование от киноязыка соцреализма.

Советский номенклатурный «верх» думал стереотипно. В своё время он душил истинное искусство, что не раз эксплицитно озвучивалось Параджановым: «Наш ум гибнет, мы малокультурные люди, мы не знаем музыки, литературы, в стороне от художников. Зато с нами директор студии, заместитель директора, редактор – малоквалифицированные люди, которые губят искусство <...> директор студии объявляет мне семь выговоров за картину «Тени забытых предков». Я обвинён в сектантстве за то, что ходил изучать к ним (*гуцулам*. – Т.С.) это сектантство» [9]. Сказанное показывает, что руководство не в состоянии было понять религиозную систему гуцулов, было невежественно в плане вкуса и культуры. Чиновничий мир не мог декодировать мир гуцулов. Режиссёр собрал новую творческую команду (Ю. Ильенко, М. Скорик, Г. Якутович и др.), представители которой были антиподами украинской киностудии.

Интересно, что для создания фильма С. Параджанов исходит из принципа любви: «Для художника фильм – это всегда объяснение в любви» [9]. Из сказанного видно, что искусство генерируется в любви, в любовно-интимном контакте режиссёра и материала. Именно на этой основе и был снят фильм «Тени забытых предков». О любви к гуцульской культуре и артефактам читаем в его зарисовке «Гижи марти» (досл. «Сумасшедший март»): «Март 1964 года. Я скорблю о декорациях Гуцульской церкви и за упокой души матери друга моего» [10: 376]. По всей вероятности, Параджанов, будучи на Гуцульщине, обратил внимание на неподлинные артефакты гуцульской церкви, что и стало поводом для его ассоциативных размышлений по этому поводу.

«Тени забытых предков» – прочувствованный им изнутри фильм. Как выше было отмечено, любовь С. Параджанова к гуцулам открылась через художественный текст М. Коцюбинского, ставший мотиватором ознакомления с миром гуцулов непосредственно в Карпатах. Параджанов больше года прожил там, чтобы прочувствовать и ощутить быт и

дух гуцулов («Задолго до того, как начались съёмки «Теней», я пытался приобщиться к их миру» [10: 35]). Режиссёр неспроста изучал нравы и обычаи гуцулов, поскольку он был «чужим», но ему удалось впитать в себя всё гуцульское. Этому способствовали два важных момента: «случайность» и «метод» И. Савченко, т. е. метод непосредственного познания/впитывания объекта-культуры.

Как рассказывает Параджанов, когда он приехал на Карпаты, сначала был разочарован. Он не увидел тот мир и ландшафт, где бились Гутенюки с Палийчуками. Перед его глазами раскрылся синтез «древнего и молодого»: европейская обувь, асфальт, велосипеды, высоковольтные вышки, гудение проводов и тягучая скорбь трембит, золотые часы и домотканая вышивка» [10: 39]. Из сказанного очевидно, что Параджанов выявляет синтагматические «шумы» на уровне одежды аксессуаров, и акустические диссонансы: гудение проводов (современность) vs звуки трембит (архаичность).

Проблема его когнитивного «шума» решилась совершенно случайно. Параджанову повезло, и как он сам отмечает, «судьба сжалилась над ним», так как его выселили из гостиницы в обычную хату. Именно с этого момента он начал постигать гуцульский уклад жизни, про которую хотел рассказать [10: 39]. Сказанное Параджановым показывает, что литературный материал и сценарий ничего не значат для начала работы над фильмом «Теней...». Вот здесь раскрывается и второй момент – «метод» И. Савченко, который означал, что режиссёр должен «всасывать материал – впитывать его, как губка, затем отобрать, организовывать самое главное. <...> Правда жизни глубже и нужнее, чем ваш вымысел. Но, изучив предмет, познав его во всех тонкостях, вы можете варьировать тему, как хотите» [10: 38]. Подход И. Савченко предполагает метод наблюдения через «впитывание», а далее – субъективно-творческий процесс, т. е. отбор и организацию материала как структуру, как целостность. Но субъективно-творческий процесс невозможен без когнитивного составляющего, т. е. без изучения предмета со всеми его деталями. Именно после когнитивного познания «метод» И. Савченко предполагает пускать в ход функцию вымысла со всеми возможными вариантами. Отсюда вывод, что для творческого полёта режиссёр, да и писатель в том числе, должен свободно творить на основе знания, а не-незнания – вымысла. Этот подход стал основополагающим для параджановской поэтики и порождения его дальнейших кинотекстов. А по поводу «Теней...» он сам эксплицитно обозначил, что «совершенное знание оправдывает любой вымысел» [10: 38].

Параджанов в своей же статье отмечает, что процесс познания гуцульской культуры, быта и духа произошёл именно тогда, когда он

переселился из гостиницы «в обычную хату и с этой минуты... начал по-настоящему постигать уклад той жизни, про которую хотел рассказать» [10: 39]. На современном языке американской историографии гуцульская хата стала *не разделяющим* фронтиром, а *соединяющим*⁷ для встречи «другого», «чужого», не-носителя гуцульской культуры с миром, бытом гуцулов. Гуцульская хата для Параджанова стала линией и пространством соприкосновения всего гуцульского. В этом контексте «метод» И. Савченко активно сработал, и С. Параджанов впитывал интерьер и быт гуцульской жизни, а также «экстерьер» (природу).

По этому поводу режиссёр отмечает, что «никакой литературный образ не является чувственным материалом. До тебя не доходят влажность травы, запах лесной плесени. Во рту у меня до сих пор вкус воды, бегущей из-под корней сосны» [10: 39]. По сути, эксплицитно отмечается, что для режиссёра недостаточно знания литературного текста и образов. Для подлинного понимания природного ландшафта ему нужно было познать гуцульский мир ещё и через обонятельный канал (ольфакторика).

Но самое ключевое для Параджанова было познание гуцула. Как он сам отмечает, «Гермесом» их культуры стала знаменитая старуха, жившая в хате по соседству. По слухам, ей было больше сотни лет, и она даже не возражала по поводу своего возраста. Она помнила Ивана Франко, с которым собирала грибы [10: 40]. По сути, эта старая женщина стала его «консультантом», связующим звеном между аутентичным миром гуцулов и современности, в котором Параджанов своей гениальностью реконструировал этот мир, находящийся на грани сумбура.

Старуха была «камертоном» гуцульской культуры и быта, поскольку цель Параджанова – реконструировать гуцульскую культуру, «природу и людей Гуцульщины» не эпохи Коцюбинского (начало XX в.), а на сто лет раньше. Иными словами, эпоха начала XIX в. была потеряна, и Параджанов пытался через гуцульского «консультанта» воссоздать именно эту эпоху. Параджанов надевает красивого актёра, Ивана Миколайчука, в «национальное» с тетеревиными перьями и заводит в хату. Маты Алёна смотрит внимательно на Ивана и говорит: «Но ты брехун, мой пан! Когда я пришла в это место, тут стояла одна еврейская корчма. Ко мне приходили гайдуки Довбуша. Я знаю, какой он. Довбуш хромой и горбатый, у него хорошие глаза...» [10: 40]. То есть у Довбуша была внутренняя красота, а не внешняя. Как отмечает С. Параджанов, Мата Алёна смотрела актёру в глаза, а «не на одежду (та могла бы быть вполне современной)» [10: 40]. Сам факт организованного С. Параджановым «кастинга» (где в роли «председателя» была пожилая женщина) дал возможность режиссёру правильно почувствовать

материал. Иными словами, он смог в основанной им «лаборатории» посмотреть на актёров глазами носителя гуцульской культуры.

Мир гуцулов настолько поразил С. Параджанова, что «осколки» гуцульской культуры с карпатских гор он забрал с собой в Киев. Режиссёру достались ещё и гуцульские сувениры – домашние иконы, изображения святых, «похожие на карточных дам и валетов...» [10: 44]. Режиссёр отмечает, что эти продукты «религиозного лубка» попали под чей-то «высокий гнев» и «началась маленькая кампания. Иконы разбивали молотками, сжигали, выбрасывали. Сейчас их с трудом находишь даже в сёлах» [10: 44]. По сути, Параджанов говорит о советском антирелигиозном вандализме⁸.

Интересную информацию об этом представляет и польский друг С. Параджанова Януш Газда. Описывая интерьер киевской квартиры режиссёра, автор отмечает, что стена большой комнаты была завешана «чудесными рисунками на стекле – гуцульскими иконами» [2: 68]. Параджанов, будучи человеком «границы»⁹, точнее грузинским армянином, живущим на Украине, ценил подлинное искусство. По рассказу Я. Газды, он подарил девушке из Варшавы гуцульское оригинальное платье, предложив его вместо украинской блузки с янтарным ожерельем на шею. Дарил Параджанов не только незнакомкам, но и любимым актрисам. Алла Демидова в книге «Бегущая строка памяти» (гл. «Сергей Параджанов») вспоминает, что получала от нарочных «уникальные расшитые украинские платья, иногда бутылку вина, гуцульскую меховую расшитую безрукавку» [4].

Всеизвестно, что Сергей Параджанов любил дарить своим знакомым и даже незнакомым оригинальные подарки. Девушке он подарил гуцульское белое платье «с удивительно красивой вышивкой ручной работы. К нему – вручную вытканную запаску и длинный, цветной, ручной работы пояс. Именно такой наряд был у Палагны в “Тенях...”». Кроме того, Параджанов надевает на гостью «ожерелье из старинных монет и нитку красных кораллов» [2: 68]. Подобный наряд мы видим на Палагне во время свадебного обряда, а нитки красных кораллов до свадьбы (Кадр. 1 (55 мин 40 с), 2 (50 мин 50 с)). Заметим, что познание Палагны Иваном передаётся через два символические действия-метафоры. Иван срывает с её шеи коралловые бусы, а следующий кадр – Иван откусывает яблоко (плод).

Язык «Теней» и бытийные инварианты

Почему авторское кино, в нашем случае фильм Параджанова, не стареет? Во-первых, бытийные инварианты (обряды, таинства) в купе с вещным миром, а во-вторых, киноязык, не дают материалу застояться.

В фильме «Тени...» Параджанову удалось показать неповторимый «вещный» мир гуцулов: церковная атрибутика, иконы карпатского региона, одежда (безрукавки-кептари, шапки-крисаны, юбки-запаски, поясы-чересы), бижутерия (бусы), музыкальные (трембиты, дрымбы) и обыденные инструменты (топорики-бартоки), мифические образы (черти, мавки и т. д.). Перед зрителем раскрывается пространственно-временное искусство (коломыйка), аутентичный аудиальный мир (речь, звуковой фон карпатской природы и жизни, песни) как «заэкранный» шум, а также гуцульский фольклорный и разговорный пласт во всех возможных речевых жанровых проявлениях: причитание, молитвы, заговоры, заплачки, присказки, сплетни и т. д.

Ключевое в кинонарративе заключается в том, что гуцульский музыкальный мир представляется зрителю напрямую, а не опосредованно, т. е. через нарратора, закадрового рассказчика. Именно поэтому этот фильм не был дублирован, чтобы не потерять аутентичность повествования. Хотя по докладной записке директора кинотеатра Ф. Брайченко председателю Государственного комитета при Совете министров УССР по кинематографии С. Иванову становится очевидным, что С. Параджанову стоило немалой борьбы с чиновниками от кино, чтобы фильм не был дублирован, поскольку перевод уничтожил бы его национальный колорит [10: 604].

Один из ключевых моментов параджановского кино заключается и в том, что он сопрягает в свое киноповествование инвариантные, константные действия человеческого бытия. В «Тенях...» можно увидеть гуцульские обряды, обычаи, карнавалы, ярмарки, святочные шествия, тризны, а также презентации церковных таинств (крещение, свадьба, похороны) и т. д. в контексте гуцульского убранства, «вещного» мира и интерьера. Следует заметить, что режиссёр константные таинства представляет в гуцульском преломлении, придавая своему аудиовизуальному тексту оригинальность, своеобразие и аутентичность. Один из важных моментов его творчества в том, что Параджанов домысливает материал. Очевидный пример сказанного – обряд «ярма». На свадьбе Ивана и Палагны видим молодожёнов в ярме (Кадр 3, 56:05 мин.). По сути, Параджанов визуализировал словесную метафору из одной гуцульской песни (коломыйка), и поскольку у гуцулов не возникло никаких возражений, они исполнили обряд «ярма» «столь же серьёзно и красиво, как все свои исконные обряды» [10: 39].

Заметим, что модус параджановского киноязыка – говорящая красота. С. Параджанов представляет гуцульский мир (и во всех последующих фильмах) на основе красоты. На вопрос, как ему удалось снять подобный фильм, режиссёр ответил: «А разве для красоты можно установить какие-то границы? Красота есть остаётся только красотой.

Нужно лишь уметь её замечать, принимать и превращать в новую красоту. Гуцульская культура несёт в себе нечто завораживающее, нечто потрясающее. Я был влюблён в Гуцульщину ещё перед тем, как стал жить в Украине. Я часто приезжал сюда. Меня всегда привлекал народный эпос в разных его проявлениях – среди прочего увлекали меня украинские песни и обряды, поэзия Шевченко и казацкие легенды» [2: 69]. По сути, красота становится транснациональным языком коммуникации. Ю. Лотман в своей статье «Место киноискусства в механизме культуры» коммуникативный акт рассматривал «не как простое перемещение некоторого сообщения адресата, а как *перевод* некоторого текста с языка моего “я” на язык “ты”» [7: 653].

Подобный акт коммуникации между двумя субъектами можно расширить. Параджановский перевод гуцульского мира есть перевод, который был воспринят в разных культурах. Неспроста этот фильм получил 16 международных премий. Присуждение премии является следствием принятия оригинальности его перевода на язык искусства – красоты. Красота в фильмах великого режиссёра «убивает» категорию достоверности, тем самым освобождая изображаемый материал от оков документальности. Именно подобный подход делает Параджанова, выражаясь словами Януша Газды, поэтом экрана [2: 73].

Заключение

Анализ материала показал, что фильм «Тени забытых предков» стал фильмом-«манифестом». На примере указанного фильма становится очевидным, что режиссёр нашёл свой тематический язык, творческие константы (обряды, предания, нравы, таинства и т.д.). Именно на креативных инвариантах быта разных народов (гуцулы, армяне, турки, татары и т.д.) он стал эстетически домысливать и показывать. Фильм был снят на основе глубокой любви ко всему гуцульскому, на основе метода непосредственного познания и впитывания объекта-культуры, природы и чувственного мира на разных каналах коммуникации (визуальное, слуховое, обонятельное).

На культурном материале гуцулов становится очевидным, как он начал работать с их ценностным миром, переводить текст на визуальный образ, домысливать на основе глубокого знания гуцульского мира. Глазами носителя культуры – пожилой женщины он начал смотреть на мир гуцулов, пропитывать их дух для «правильной» реконструкции материала на языке красоты как транснационального языка и перекодирования денотативных кодов на коннотативные. Рефлексия Параджанова о фильме показала, как произошёл переход от аморфного киноязыка соцреализма на язык авторского: отказ от чёткой передачи сюжета, фотографической передачи быта, нравов и

обычаев, «заведомых канонов», «старых привычек и впечатлений». Появление авторского метаязыка сделало конфликт с советским киношным номенклатурным «верхом» ещё нагляднее. Система была гнилая и навязывающая. Об этом говорит тот факт, что Параджанову пришлось отстоять свою позицию о недопустимости дублирования фильма, так как в этом случае зритель лишился бы аутентичного аудиального мира гуцулов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Параджанов о своей идентичности говорит в скандальном выступлении в Минске (1971): «Я армянин грузинского разлива, тифлисского» [10: 608], но скорее всего он был гражданином мира и искусства, говорящим на языке культуры.

2. В этом плане интересно замечание друга С. Параджанова Завена Саргсяна. В предисловии к книге «Сергей Параджанов. Коллаж. Ассамбляж. Предмет» он отмечает, что «у него три родины – Грузия, Украина и Армения» [11: 2]. По свидетельству Романа Корогодського и Светланы Щербатюк, Параджанов настолько полюбил Украину, что «захотел быть похороненным на Украине» [8: 5].

3. Об экстраординарности Сергея Параджанова см. статью автора [15: 197–215].

4. См. подробнее о становлении фильма статью Романа Корогодського [8: 59–96].

5. 40 лет Параджанов считал самым оптимальным возрастом для творчества: «Я считаю, что если в 40 лет тебе не доверяют как художнику, то и на том свете не будут доверять» [10: 617].

6. О поэтике фильма «Цвет граната» см. [1: 10–46].

7. О понимании и функции фронта см. [13: 199].

8. Следует заметить, что, по словам Параджанова, эти иконки похожи на «испанские примитивы», но они были «гораздо, гораздо хуже...» гуцульских [9: 44]. Нам кажется, что подобная тема будет интересна для дальнейших исследований гуцульского лубочного искусства в контексте европейского материала. Этот сюжет ждёт своего автора.

9. См. об этом подробно [14: 193–206].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамян Л.* Заметки о поэтике Параджанова // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 10–46. DOI: 10.25205/2307-1737-2019-2-10-46

2. *Газда Я.* О Параджанове... // Экранный мир Сергея Параджанова: сборник статей. Киев: Дух і Літера, 2013. С. 64–73.

3. Григорян Л. Параджанов. М.: Молодая гвардия, 2011. 318 с.
4. Демидова А. Два портрета из книги «Бегущая строка памяти» // Континент. 2011. № 150.
5. Дзюба И. День поиска // Экранный мир Сергея Параджанова: сборник статей. Киев: Дух і Літера, 2013. С. 15–24.
6. Калантар К. Очерки о Параджанове. Ереван: Гитутюн, 1998. 180 с.
7. Лотман Ю. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб, 2005. 704 с.
8. Параджанов С. Злет, трагедія, вічність: Твори, листи, документи архівів, спогади, ст., фот. / упоряд.: Р.М. Корогодський, С.І. Щербатюк. Київ: Спалах ЛТД, 1994. 280 с.
9. Параджанов С. Исповедь Сергея Параджанова... собранная и сколлажированная Гарегином Закояном // Киноведческие записки. 1999. Вып. 44.
10. Параджанов С. Исповедь (сост. Кора Церетели). СПб.: Азбука, 2001. 654 с.
11. Параджанов С. Колаж. Асамбляж. Предмет / Упорядник Діана Клочко. Київ: Дух і Літера, 2013. 176 с.
12. Параджанов С. Гранат любви. М.: Зебра Е, Галактика, 2020. 288 с., ил.
13. Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства: сборник статей. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 199–222.
14. Симян Т.С. Ёко Тавада – человек и писатель «границы» // Идеи и идеалы. 2018. № 4, т. 2. С. 193–206. DOI: 10.17212/2075-0862-2018-4-2-193-206
15. Симян Т.С. Сергей Параджанов как текст: человек, габитус, интерьер (на материале визуальных текстов) // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2019. № 3. С. 197–215. DOI: 10.23951/2312-7899-2019-3-197-215
16. Соколовская Я. Юрий Ильенко: На изумруды Параджанова я не заработал // Известия. 20.09.2000.
17. Экранный мир Сергея Параджанова: сборник статей. Киев: Дух і літера, 2013. 336 с.

REFERENCES

1. Abramyan, L. (2019) Zametki o poetike Paradzhanova [Notes on Parajanov's Poetics]. *Kritika i semiotika*. 2. pp. 10–46. DOI 10.25205/2307-1737-2019-2-10-46
2. Gazda, Ya. (2013) O Paradzhanove... [About Parajanov]. In: Morozov, Yu. (ed.) *Ekrannyi mir Sergeya Paradzhanova. Sbornik statey* [Sergei Parajanov's Screen World. Collected Articles]. Kiev: Dukh i Litera. pp. 64–73.
3. Grigoryan, L. (2011) *Paradzhanov* [Paradjanov]. Moscow: Molodaya gvardiya.
4. Demidova, A. (2011) Dva portreta iz knigi "Begushchaya stroka pamyati" [Two portraits from the book "Running Memory Line"]. *Kontinent*. 150.
5. Dzyuba, I. (2013) Den' poiska [The search day]. In: Morozov, Yu. (ed.) *Ekrannyi mir Sergeya Paradzhanova. Sbornik statey* [Sergei Parajanov's Screen World. Collected Articles]. Kiev: Dukh i Litera. pp. 15–24.

6. Kalantar, K. (1998) *Ocherki o Paradzhanove* [Essays on Parajanov]. Erevan: Gitutyun, NAS RA.
7. Lotman, Yu. (2005) *Ob iskusstve* [About Art]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB.
8. Parajanov, S. (1994) *Zlet, tragediya, vichnist'*: *Tvori, listi, dokumenti arkhiviv, spogadi* [Rise, Tragedy, Eternity: Works, Letters, Archives, Memoirs, Article, Photos]. Kiev: Spalakh LTD.
9. Parajanov, S. (1999) *Ispoved' Sergeya Paradzhanova... sobrannaya i skolazhirovanaya Gareginom Zakoyanom* [Sergei Parajanov's Confessions ... collected and collated by Garegin Zakoyan]. *Kinovedcheskie zapiski*. 44.
10. Parajanov, S. (2001) *Ispoved'* [Confession]. St. Petersburg: Azbuka.
11. Parajanov, S. (2013) *Kolazh. Asamblyazh. Predmet* [Collage. Assemblage. Thing]. Kiev: Dukh i Litera.
12. Parajanov, S. (2020) *Granat lyubvi* [Pomegranate of Love]. Moscow: Zebra E, Galaktika.
13. Riber, A. (2004) *Menyayushchiesya kontseptsii i konstruktsii frontira: sravnitel'no-istoricheskii podkhod* [Changing frontier concepts and designs: a comparative historical approach]. In: Glebov, S. V., Kaplunovskiy, A. P. & Gerasimova, I. V. *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva* [New Imperial History of the Post-Soviet Space]. Kazan: Center for Research on Nationalism and Empire. pp. 199–222.
14. Simyan, T.S. (2018) Yoko Tawada – a “Boundary” Person and Writer. *Idei i idealy*. 4(2). pp. 193–206 (in Russian). DOI: 10.17212/2075-0862-2018-4.2-193-206
15. Simyan, T.S. (2019) Sergei Parajanov as a text: man, habitus, and interior (on the material of visual texts). *ПРАЭНМА. Problemy vizual'noy semiotiki – ПРАЭНМА. Problems of Visual Semiotics*. 3. pp. 197–215 (in Russian). DOI 10.23951/2312-7899-2019-3-197-215
16. Sokolovskaya, Ya. (2000) Yuriy Il'enko: Na izumrudy Paradzhanova ya ne zarabotal [Yuri Ilyenko: I didn't make money on Parajanov's emeralds]. *Izvestiya*. 20th September.
17. Morozov, Yu. (ed.) (2013) *Ekrannyy mir Sergeya Paradzhanova. Sbornik statey* [Sergei Parajanov's Screen World. Collected Articles]. Kiev: Dukh i Litera.

Симян Тигран Сержикович – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы факультета европейских языков и коммуникации Ереванского государственного университета (Армения).

Tigran S. Simyan – Yerevan State University (Republic of Armenia).

E-mail: tsimyan@ysu.am

УДК 94(437)(322)“862”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/67/22

**История и культура древней Руси
в современной чешской историографии.**

**Téřa M. Kyjevská Rus: děřiny, kultura,
společnost. Červený Kostelec:
Pavel Mervart, 2019. 721 s.**

П. Лозовиук¹, К.В. Шевченко²

¹ Западно-чешский университет
Чехия, 30614, Пльзень, ул. Седлачкова, 15

E-mail: lozoviuk@ksa.zcu.cz

² Филиал Российского государственного социального университета
в г. Минске

Беларусь, 220107, Минск, ул. Народная, 21

E-mail: shevchenkok@hotmail.com

**The History and Culture of Ancient Rus
in contemporary Czech historiography.**
Téřa M. Kievan Rus: History, Culture, Society.
Červený Kostelec: Pavel Mervart, 2019. 721 p.

P. Lozoviuk¹, K.V. Shevchenko²

¹ University of West Bohemia
15 Sedlackova Street, Plzen, 30614, Czech Republic

E-mail: lozoviuk@ksa.zcu.cz

² Branch of Russian State Social University in Minsk
21 Narodnaya Street, Minsk, 220107, Belarus

E-mail: shevchenkok@hotmail.com

История и культура Древней Руси, прежде всего вопросы возникновения и последующего развития древнерусской государственности, приобрели дополнительную остроту после распада СССР в современных России, Украине и Беларуси. В восточнославянских странах постсоветского пространства богатейшее историческое и культурное наследие древнерусской эпохи стало важным элементом и одновременно инструментом политики исторической памяти, которую активно проводят элиты постсоветских государств, преследуя собственные политические интересы.

Заметно возросший интерес к древнерусской эпохе демонстрирует сейчас и чешская историография, свидетельством чему является изданная в 2019 г. фундаментальная монография обзорного характера чешского историка-медиевиста Михала Теры «Киевская Русь: история, культура, общество». Данный труд синтетического характера, насчитывающий более 700 страниц текста, подготовлен на обширной источниковой базе с учётом колоссальной по объёму историографии по данной тематике, включая как классические труды признанных авторитетов в данной области, так и самые последние работы. Для чрезмерно политизированной и в значительной степени дезориентированной постсоветской аудитории труд чешского историка представляет большую ценность своим сбалансированным, тщательно выверенным и достаточно объективным взглядом на ряд чувствительных и спорных вопросов древнерусской истории, не обременённым вездесущей политической конъюнктурой, успешно превращающей музу истории Клио в активного бойца идеологического фронта. Для чешской исторической науки монография А. Теры имеет колоссальное значение как первый в чешской историографии фундаментальный труд обзорного и обобщающего характера по древнерусской истории и культуре. Вплоть до настоящего времени чешская историография Киевской Руси безнадежно проигрывала польской, ограничиваясь лишь несколькими статьями по данной тематике либо главами в обзорных трудах по истории России или Украины. Непосредственно Древней Руси в чешской историографии были посвящены лишь две давно устаревшие работы: «История восточных славян» Й. Мацурка, изданная в далёком 1947 г. [5], и чешский перевод книги советского историка, академика Б.Д. Грекова «Киевская Русь», которая была издана в Праге в 1953 г. [4]. Сюжеты, в той или иной мере связанные с Киевской Русью, затрагивались также в монографии Л. Марека, посвящённой истории христианства на Руси, и в книге З. Кланицы о происхождении славян, опубликованных соответственно в 1996 и 2009 гг. Однако первой полноценной чешской монографией по истории Киевской Руси обобщающего характера является именно труд М. Теры.

Первые главы монографии А. Теры полностью посвящены сложным и запутанным вопросам этногенеза славян, их отношений с соседними народами и последующего расселения славянских племён в Центральной и Восточной Европе и на Балканах. В полной мере учитывая богатую историографическую традицию и уверенно ориентируясь в обильном археологическом материале, автор рассматривает данный вопрос в широком конкретно-историческом контексте и с должной осторожностью. При этом, однако, чешский историк обоснованно критикует модные сейчас постмодернистские теории славянского этногенеза, включая экзотическую теорию румынско-американского исследователя Ф. Курты, который на полном серьёзе утверждает, что «славяне, по сути, являются конструктором восточно-римских историков VI века» [6: 59]. Как считает чешский историк, с полным основанием можно задать вопрос о том, «не являются ли новые подходы, ставящие под сомнение традиционные взгляды, скорее продуктом модного сейчас релятивизма и постмодернизма, нежели результатом действительно научного мышления» [6: 60].

Рассматривая крайне запутанный и чувствительный вопрос о возникновении древнерусской государственности, М. Тера склонен согласиться с мнением тех учёных, которые полагают, что за летописным Рюриком из «Повести временных лет» может скрываться реальный исторический персонаж в лице Рорика Ютландского, который во второй половине IX в. занимался активной военной и административной деятельностью в Восточно-Франкской империи. Поскольку с 873 по 882 г. Рорик Ютландский полностью исчезает из поля зрения западноевропейских источников, чешский историк высказывает предположение, что именно в этот период времени он мог отправиться на восток и заняться делами местных славян и финно-угров [6: 165].

Большое внимание автор уделяет взглядам представителей норманнской и антинорманнской историографических традиций, стремясь делать акцент на их научных заслугах и достижениях. По словам чешского историка, «норманисты подробно исследовали, в том числе с помощью археологии, влияние норманнов на возникновение государственной организации на Руси. Антинорманисты подчёркивали и вывели на научную сцену процессы, имевшие место внутри славянских общин, а также отметили важность связей восточных славян с балтийскими славянами» [6: 132]. Что касается до сих пор дискуссионного вопроса о происхождении летописной «Руси», то чешский исследователь склонен согласиться с теми учёными, которые «связывают руссов и их «кагана» с северянами, занявшими восточное побережье

Балтики» [6: 142]. Представляется, что в этом вопросе автор монографии мог бы уделить больше внимания взглядам представителей альтернативной исследовательской традиции, которые стремились доказать южное происхождение «Руси» в контексте старых традиционных контактов праславянских племён Восточной Европы с кочевым ираноязычным населением Северного Причерноморья, оказавшим влияние на процесс этногенеза восточных славян. В этом отношении продолжают представлять интерес работы одного из видных представителей советской историографии академика Б.А. Рыбакова, а также современного белорусского историка и археолога, профессора Э.М. Загорюльского, который в своих последних работах предложил собственную оригинальную концепцию как происхождения «Руси», так и процесса восточнославянской колонизации Восточной Европы и взаимных контактов славянских племён с автохтонным балтским и финно-угорским населением [1].

Несколько глав монографии детально и в широком международном контексте анализируют основные вехи развития древнерусской государственности и христианизацию при князе Владимире, консолидацию Киевской Руси при Ярославе Мудром и последующую дезинтеграцию древнерусского государства во второй половине XII в. Принципиально важный рубеж в государственной эволюции Киевской Руси автор усматривает в смерти князя Святослава, которая, по мнению М. Теры, «завершает период военных походов и поиски добычи и земель. Поколение потомков Святослава уже полностью вросло в восточнославянское окружение, уже не ищет новые земли и добычу, но посвящает себя «строительству государства». Скандинавский характер выходцев из Северной Европы исчезает, они растворяются в славянском окружении» [6: 212].

Особо пристальное внимание автор обоснованно уделяет княжению Владимира, предваряя этот сюжет детальным анализом конфликта между сыновьями Святослава. Чешский исследователь высказывает любопытное мнение о том, что составной частью внутривосточного конфликта на Руси между потомками Святослава являлся союз Владимира с чешским князем Болеславом II; при этом русская летопись подтверждает, что первой супругой Владимира была «чешка», от которой у него родился самый старший сын Вышеслав. По осторожному мнению М. Теры, в борьбе против своего старшего брата Ярополка, имевшего связи с германскими Оттонами, Владимир мог воспользоваться союзом с чешским князем Болеславом II [6: 218].

В целом великого князя киевского Владимира, который провел масштабную административную реформу, реорганизовав Киевскую Русь, усилил централизацию государства и сумел объединить под

властью Киева почти все восточнославянские племена, автор обоснованно считает «истинным творцом древнерусского государства» [6: 222]. По словам чешского историка, система реформ князя Владимира «положила основы древнерусского государства. Сообщество русов превратилось в государственную структуру с собственной организацией и определённой территорией» [6: 224]. Автор обращает внимание и на то обстоятельство, что для строительства укреплений против кочевников-печенегов и для заселения пограничных южных регионов Древней Руси Владимир активно привлекал славянское и финно-угорское население с севера. Летопись свидетельствует о том, что «в колонизации степных областей участвовали представители кривичей, словен, вятичей и финно-угров. Этнические перемещения способствовали смешению населения, укреплению единства государства» [6: 227].

Данные успешные интеграционные инициативы князя Владимира сыграли исключительно важную роль в формировании единого древнерусского народа и единой идентичности восточнославянского населения Киевской Руси. Оправданно большое внимание уделено в монографии консолидации Древнерусского государства в эпоху правления сына Владимира князя Ярослава Мудрого, когда Киевская Русь достигла своего расцвета, а также последующей эволюции древнерусских земель вплоть до монголо-татарского нашествия в XIII в.

Отдельная обширная глава в монографии М. Теры посвящена церкви и христианству в Древней Руси. «Принятие христианства в конце X века принципиальным образом преобразовало восточнославянское пространство, предопределив дальнейшее направление развития древнерусского государства, – констатирует чешский историк. – Именно в эпоху Киевской Руси сформировался тот тип древнерусской церкви и восточнославянского христианства, которые длительное время являлись главными факторами, сохранявшими единство восточнославянского пространства. Именно восточный тип христианства сыграл решающую роль в становлении культуры восточных славян... Без всякого преувеличения можно сказать, что без христианства не было бы современных восточнославянских народов, поскольку речь идёт о главном источнике и твёрдом фундаменте их культурной идентичности» [6: 541].

Первоначально опорными пунктами распространения христианства стали церковные структуры, созданные при поддержке княжеской власти. Первыми представителями духовенства на Руси были миссионеры из Византии. Летопись упоминает, что Владимир привёз с собой из крымского Херсонеса не только первую церковную утварь, но и священников для первых храмов на Руси. Чешский исследователь

подчёркивает тесную связь, изначально сложившуюся между княжеской властью и церковью. По его словам, резиденции епископов находились в непосредственной близости с княжескими дворами, вместе с главным храмом часто образуя единый архитектурный ансамбль; «ни один из амбициозных князей не желал соседства с таким епископом, который бы не поддерживал его интересы и политику» [6: 550]. Впрочем, по замечанию М. Теры, подобное переплетение светской и духовной власти «в раннее Средневековье имело место во всех славянских землях, где епископы часто выступали в роли обычных княжеских капелланов, использовавших церковное право и христианскую мораль в соответствии с текущими потребностями своих государей» [6: 550]. Следует заметить, что на русских землях данная традиция пустила особенно глубокие корни.

Чешский историк обращает внимание на то, что, судя по всему, в первоначальной миссии на Русь участвовало и большое число духовенства с Балкан, прежде всего из Болгарии; количество болгар на Руси возросло после завоевания Болгарского царства византийцами в 1014–1018 гг. По словам М. Теры, быстрое распространение славянской образованности, славянской литургии и церковных текстов явно болгарского происхождения свидетельствует о «решающем влиянии данной среды на рождавшуюся древнерусскую церковь» [6: 543].

С точки зрения юрисдикции русская церковь подчинялась константинопольскому патриарху; именно из Византии на Русь, как подчёркивает М. Тера, посылались самые главные церковные иерархи в период всего существования Киевской Руси. Вместе с тем стремление киевских князей подчеркнуть свою независимость от Византии находило своё выражение и в церковной сфере. Наиболее ярким примером этого, полагает чешский исследователь, является сообщение летописи о том, что в 1048 г. Ярослав собрал в киевском храме Святой Софии епископов, которые избрали митрополитом славянского монаха и священника Иллариона. «Данный акт, – считает М. Тера, – свидетельствовал о стремлении князя добиться самостоятельности от константинопольского патриарха и сделать так, чтобы во главе самой важной церковной функции был человек славянского происхождения. Это могло быть результатом конфликта между Русью и Византией в 1043 году» [6: 545].

В качестве дополнительного объяснения избрания Иллариона М. Тера приводит мнение польского историка А. Поппе, связывавшего избрание Иллариона с деятельностью монахов константинопольского Студитского монастыря, которые активно участвовали в формировании церковных структур на Руси и имели тесные контакты с южными славянами, прежде всего с болгарами [6: 545].

Однако константинопольский патриарх Михаил Керулларий не утвердил не назначенного им митрополита, и в результате Илларион должен был уйти. В дальнейшем вплоть до монгольского нашествия митрополичью кафедру в Киеве занимали греки [6: 546]. Впрочем, для самих русских князей, как замечает М. Тера, было предпочтительнее иметь в качестве митрополитов именно греков в силу их знакомства с константинопольской средой и часто их высокого статуса, так как некоторые из них имели высокие придворные звания [6: 546]. При этом тесная связь греческого духовенства и иерархов с Византией нередко представляла для русской церкви ряд проблем. Посланные на Русь греки часто «были не в восторге от окружавшей их “варварской среды”, поэтому некоторые из них имели тенденцию уйти. Назначение митрополита могло длиться долго, и поэтому митрополичья кафедра длительное время оставалась вакантной» [6: 547].

Нашествие монголо-татар означало тяжёлый удар не только по политической, но и по церковной жизни на Руси. Главным архитектором церковной политики на Руси в это время был митрополит Кирилл, который стремился обновить деятельность церкви и сохранить её единство в условиях монгольского ига, сумев получить от монголов ярлыки, подтверждающие привилегии церкви. Преемник Кирилла митрополит Максим, по словам чешского историка, «сделал первый шаг к разделению ранее единой древнерусской церкви. Он покидает Киев и переезжает туда, где получает наибольшую защиту со стороны светской власти – во Владимир на Клязьме. Его преемник Пётр в конечном счёте в 1325 г. переедет в Москву. В это же время на рубеже XIII и XIV вв. на западе Руси возникнут две другие митрополии – Галицкая и Литовская... Наконец, в результате экспансии Литвы в западнорусские области возникнет Киевско-литовская митрополия... В любом случае, – обоснованно полагает чешский исследователь, – мы можем констатировать, что монгольское завоевание разделило Русь не только в политическом, но и в церковном отношении. Униатские потуги в XVI–XVIII вв. в Западной Руси это разделение окончательно подтвердили» [6: 549]. Таким образом, чешский исследователь проводит любопытную параллель между монгольским завоеванием, положившим начало разделению ранее единой русской церкви, и более поздними униатскими проектами, направленными на усиление церковной раздробленности в исторических русских землях.

Важным следствием христианизации Руси было колоссальное церковное влияние на древнерусское право. По словам М. Теры, посредством церкви на Русь проникает византийское право, в кото-

ром «христианская этика переплетается с государственным правом и административными нормами. На Русь попадает византийский Номоканон, в болгарской редакции известный как так называемая Кормчая книга» [6: 558]. При этом «жестокие византийские наказания на Руси приобретают более мягкий вид и превращаются в штрафы или покаяния. Судя по всему, греческие иерархи смирились как с этой практикой, так и с материальной зависимостью церкви от княжеской власти... Византийское светское и церковное право было принято как идеальная культурная модель в церковнославянской версии, но это был именно идеал, который в реальной жизни не соблюдался» [6: 560].

Чешский исследователь полагает, что с самого начала отличительной чертой церкви в Древней Руси стала «формальная строгость христианской жизни... Скорее всего, это связано с тем, что на Руси получила распространение скорее монашеская этика. То, что в Византии или в Западной Европе было связано с жизнью духовенства, то на Руси применялось ко всему населению, поэтому миряне иногда вели себя так, как представители монашеских общин» [6: 563]. Отмечает автор и строгость постов на Руси, особенно Великого поста, подчёркивая, что в других христианских странах подобная строгость была характерна для монастырской жизни, но не для мирян [6: 565]. Ещё одной важной чертой древнерусской церкви автор считает быстрое распространение на Руси монастырей, начавшееся сразу же после принятия христианства. «Монастыри в Киеве стали возникать уже в первой половине XI века как центры распространения христианства», – констатирует чешский историк [6: 571]. При этом древнерусские монастыри изначально являлись не только духовными центрами, но и значимыми центрами культуры и образовательной деятельности. Исключительно важным культурным наследием церкви в Древней Руси было то, что именно здесь «были положены основы восточнославянской иконописи, которая в последующих столетиях развилась до небывалой широты и духовной глубины, став одним из главных проявлений местной духовности» [6: 578].

Нахождение в цивилизационных орбитах западного и восточного христианства постепенно порождало различия у оказавшихся в них славянских народов. По мнению чешского историка, славяне, принявшие латинское христианство, сумели воспринять античное наследие, тогда как славянские народы, сохранившие церковно-славянскую традицию, отрицали либо игнорировали античное наследие, поскольку оно не являлось для них важным [6: 587]. В любом случае, однако, «взаимные контакты между центрами славянской образованности в

Чехии, Венгрии, Хорватии, Болгарии и на Руси создавали специфическое пространство под названием *Slavia Cyrilomethodiana*, значение которого для развития культур молодых славянских народов трудно переоценить... Данное пространство было свободно от конфессиональных разделений, и великий раскол в нём длительное время не был заметен... В более позднюю эпоху контакты между православными и католическими землями славянского мира замерли, однако они продолжились в рамках православной славянской общности. Таким образом, взаимные связи между славянскими народами не являются изобретением XIX века, поскольку они имели место на протяжении всей славянской истории» [6: 590].

Серьёзное внимание уделил автор и взаимоотношениям православной Руси с католическим Западом. В частности, М. Тера обращает внимание на то, что мысль о вовлечении Руси в сферу католицизма появляется среди высшего польского духовенства уже в XII в.; показательной фигурой в этом отношении был основатель цистерцианского монастыря Св. Андрея Ян Грифита, ставший в 1143 г. вратиславским епископом и в 1149 г. архиепископом в Гнезно. Именно Грифита с самого начала своей деятельности являлся убеждённым сторонником обращения Руси в католицизм и активно работал в этом направлении [6: 593].

Настоящий перелом в отношениях между католичеством и православием, по мнению чешского исследователя, наступил в XIII в., когда православный мир испытал колоссальное потрясение после захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г. и последующего дробления православной церкви, вызванного стремлением Рима навязать католичество восточной церкви [6: 593]. В течение XIII в. отношения между католической и православной частями Европы резко обостряются; при этом, как обоснованно констатирует чешский историк, инициатива конфронтации постоянно исходила со стороны Запада. По его словам, «конфессиональные различия становятся оружием в руках католических государств для удовлетворения их политических амбиций. Православие вытесняется с горизонта “цивилизованного мира”, “схизматики” выдавливаются в ту же ментальную плоскость, что и еретики, язычники, мусульмане и евреи. Неудивительно, что на подобный подход православные начинают отвечать, что ведёт к росту конфессиональных барьеров между двумя ветвями христианства» [6: 593]. Примечательно, что подобное мнение высказывает и известный польский историк церкви А. Миронович, по словам которого, «Рим использовал тяжёлое положение, в каком очутился цареградский патриархат, для подчинения Православной Церкви своей власти. Таковую же политику папа римский проводил и в следующих столети-

ях... По мнению папства, православные могли лишь присоединиться к латинскому костелу, приняв его символ веры и признав примат папы римского» [3: 196].

Особенно непримиримое и ярко выраженное высокомерно-пренебрежительное отношение к православной церкви демонстрировали представители польской католической церкви и политической элиты. Так, крупный польский политический деятель первой половины XIX в. князь А. Чарторыйский, личный друг императора Александра I, сделавший фантастически успешную карьеру в Российской империи, отзывался о православной церкви крайне уничижительно. По его словам, «богослужение греческой церкви, по внешности, торжественнее нашего и напоминает языческий культ... Напрасно будете искать там протестантской простоты и наставительности или католической набожности... Вся разгадка в том, что последние суть продукт цивилизации, между тем как греческий культ носит печать азиатского варварства... В нас гораздо более, чем в русских, веры и набожности» [2: 13–14].

Именно в контексте системного натиска на православие со стороны западной церкви рассматривает автор и последующие униатские проекты, инициированные Римом. По мнению чешского историка, «в восточнославянском пространстве данный процесс достигает своего пика заключением уний в XVI–XVIII вв. и гордой культурной изоляцией московского государства. Однако нельзя забывать, что это не был тот путь, который православный мир сам первоначально выбрал – скорее, к этому он был принуждён. Чувство исключительности русской церкви, которое укрепилось в период, когда Московская Русь осталась единственным независимым православным государством, не является по этой причине исключительно русской чертой. Это итог процессов, в начале которых православные славяне оказались скорее пассивным объектом истории, нежели её активными творцами» [6: 593].

Активные попытки включить русские княжества в орбиту католической церкви имели место ещё до монголо-татарского нашествия. В 1220-е гг. орден доминиканцев, распространив своё влияние на Чехию и Польшу, начал отсюда свою миссию на Русь. Легенда о Св. Яцеке (Гиацинте) сообщает, что данный миссионер Ордена доминиканцев прибыл в Киев в 1222 г. и находился здесь около 5 лет [6: 593–594]. В 1225 г. возникло польское подразделение доминиканцев, которое сконцентрировало свою миссионерскую деятельность на земли пруссов и на Русь. «Это свидетельствует об изменении взгляда католиков, включая славянских католиков, на православных, – констатирует М. Тера. – Миссия направляется к ним точно так же, как к язычникам;

то есть уже нет попыток найти путь к согласию внутри разделённой церкви; «схизматики» ради своего спасения должны изменить свою веру и принять католичество» [6: 594].

Все эти попытки, однако, закончились фиаско; православие сохранило доминирующие позиции и стало, по словам чешского историка, определяющим идентификационным элементом в культуре и менталитете местного населения [6: 594]. Завершая свои мысли о роли церкви в истории Древней Руси, чешский исследователь справедливо констатирует: «Восточнославянский язык и православное христианство – краеугольные камни восточнославянской культуры. Униатские проекты XVI–XVII вв. ничего в этом отношении не изменили. Мышление, культура, литература, язык и менталитет местных народов вплоть до настоящего времени определяются теми процессами, которые происходили в Киевской Руси в XI–XIII веках» [6: 594].

«Кому же принадлежит Киевская Русь?», – ставит в конце своего труда вопрос автор, сравнивая возникновение Древней Руси с чудом, сошедшим с картины Рериха. По словам чешского историка, «на широких пространствах Восточной Европы от черноморских степей до холодных финских озёр... многочисленные племена на столь обширной и разнообразной территории объединились в одно целое, с одной культурой, одной верой и одним именем – Русь» [6: 631]. Автор подчёркивает в заключении, что политическая раздробленность на фактически самостоятельные государства «не нарушила единства древнерусского пространства. Хотя в политическом отношении отдельные княжества шли своим путём, единая династия, единая традиция, единая церковь, единый литургический и литературный язык сохраняли и развивали сознание единой Руси» [6: 635]. М. Тера полагает, что возможность повторной интеграции древнерусских земель длительное время оставалась, но была нарушена двумя ключевыми факторами – монгольским нашествием и последующим образованием Золотой Орды и успешной экспансией Литвы в XIII в.

Эти очевидные для серьёзного исследователя факторы единства Киевской Руси и богатое древнерусское культурное наследие в настоящее время стали объектом ревизии и переоценки со стороны политически ангажированных историографий современных восточнославянских государств. Взгляды чешского учёного имеют особо важное значение на постсоветском пространстве, где ряд историков стремится реинтерпретировать историю Древней Руси в

уюду конъюнктуре и текущим интересам политических элит, часто вступая в явное противоречие с исторической наукой и академической традицией. С этой точки зрения знакомство с фундаментальным трудом М. Теры было бы весьма полезно как для историков, так и для широкой общественности в восточнославянских постсоветских странах. Вызывает сожаление лишь то, что изданный на чешском языке небольшим тиражом труд вряд ли станет широко известным на русскоязычном постсоветском пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Загорульский Э.М.* Белая Русь с середины I тысячелетия до середины XIII века. Минск: Четыре четверти, 2014. 529 с.
2. *Корнилов И.П.* Князь Адам Чарторыйский. М.: Университетская типография, 1896. 144 с.
3. *Миронович А.В.* Брестская церковная уния как элемент восточной политики Рима // Светост и дух времена. Приредико Зоран Милошевић. Београд: Институт за политичке студије, 2021. С. 195–204.
4. *Grekov B.* *Kyjevská Rus*. Praha: ČSAV, 1953. 580 s.
5. *Macůrek J.* *Dějiny východních Slovanů*. Praha: Melantrich, 1947. 284 s.
6. *Těra M.* *Kyjevská Rus: dějiny, kultura, společnost*. Červený Kostelec: Pavel Mervart, 2019. 721 s.

REFERENCES

1. Zagorulskiy, E.M. (2014) *Belaya Rus' s serediny I tysyacheletiya do serediny XIII veka* [White Rus from the middle of the I millenium till the middle of the 13th century]. Minsk: Chetyre chetverti.
2. Kornilov, I.P. (1896) *Knyaz' Adam Chartoryyskiy* [Prince Adam Czartoryski]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
3. Mironovich, A.V. (2021) *Brestskaya tserkovnaya uniya kak element vostochnoy politiki Rima* [Brest Church Union as an element of the Eastern policy of Rome]. In: Miloshevich, Z. (ed.) *Svetost i dukh vremena*. Belgrade: Institute for Political Studies. pp. 195–204.
4. Grekov, B. (1953) *Kyjevská Rus* [Kievan Rus]. Prague: ČSAV.
5. Macůrek, J. (1947) *Dějiny východních Slovanů* [History of the Eastern Slavs]. Prague: Melantrich.
6. Těra, M. (2019) *Kyjevská Rus: dějiny, kultura, společnost* [Kievan Rus: History, Culture, Society]. Červený Kostelec: Pavel Mervart.

Лозовиук Петр – доктор философии, заведующий кафедрой антропологии философского факультета Западно-Чешского университета в г. Пльзень (Чехия).

Petr Lozoviuk – University of West Bohemia in Plzen (Czech Republic).

E-mail: lozoviuk@ksa.zcu.cz

Шевченко Кирилл Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры правовых дисциплин, заведующий Центром евразийских исследований Филиала Российского государственного социального университета в Минске (Беларусь).

Kirill V. Shevchenko – Minsk Branch of Russian State Social University (Belarus).

E-mail: shevchenkok@hotmail.com

УДК 94(47)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/67/23

The Russian Civil War, 1918–1921. An Operational-Strategic Sketch of the Red Army's Combat Operations. General editors: A.S. Bubnov, S.S. Kamenev, M.N. Tukhachevskii and R.P. Eideman. Further edited and translated by Richard W. Harrison. Philadelphia, Oxford: Casemate academic publishers. 2020. 564 p.

А.В. Ганин

Институт славяноведения РАН

119991, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А

E-mail: andrey_ganin@mail.ru

The Russian Civil War, 1918–1921. An Operational-Strategic Sketch of the Red Army's Combat Operations. Edited by A.S. Bubnov, S.S. Kamenev, M.N. Tukhachevsky and R.P. Eideman. Further edited and translated by Richard W. Harrison. Philadelphia, Oxford: Casemate academic publishers. 2020. 564 p.

A.V. Ganin

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

32a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia

E-mail: andrey_ganin@mail.ru

В 2020 г. в издательстве «Casemate academic publishers» увидел свет английский перевод [1] давно ставшего классическим труда по истории Гражданской войны в России – оперативно-стратегического очерка этого военного конфликта, изданного в СССР в 1930 г. [3].

Издание переведено и отредактировано американским историком Ричардом Харрисоном – преподавателем российской истории и военной истории в Военной академии США в Вест-Пойнте. Харрисон специализируется в области военной истории России и СССР, много работал в российских архивах и внёс весомый вклад в приобщение англоязычной аудитории к классическим работам по советской военно-политической истории. Он перевеёл и выступил научным редактором целого ряда советских военно-научных и военно-исторических трудов, прежде всего, официальных военно-исторических исследований советского Генерального штаба по операциям Великой Отечественной войны. Кроме того, перу Харрисона принадлежит обстоятельная научная биография необоснованно репрессированного видного советского военного учёного полковника Г.С. Иссерсона, а также монография о российской и советской военной теории 1904–1940 гг.

Выход англоязычного перевода оперативно-стратегического очерка, изданного более 90 лет назад, следует признать важным событием, хотя, разумеется, несколько запоздавшим. Эта книга давно стала базовой для многих поколений исследователей событий 1917–1922 гг. в России. И хотя зарубежные слависты, специализировавшиеся на истории российской революции, несомненно, знакомы с этим изданием, отсутствие английского перевода обедняло осмысление тех событий англоязычной аудиторией.

Следует отметить и тот факт, что ничего лучше компактного и содержательного оперативно-стратегического очерка 1930 г. по военной истории Гражданской войны до сих пор не написано. Разумеется, речь идёт об очерке операций с позиций победителей Гражданской войны, т. е. операций Красной армии, а действия антибольшевистских сил в этом труде рассматриваются как вражеские. В то же время составителями очерка не замалчивались и неудачи командования РККА. Задачей будущих исследований является подготовка аналогичного очерка с объективистских позиций, непредвзято на основе архивных данных освещающего действия всех сторон.

Основным автором очерка являлся Николай Евгеньевич Какурин (1883–1936) и в меньшей степени Иоаким Иоахимович Вацетис (1873–1938). Оба были выпускниками Николаевской академии Генерального штаба, военными специалистами Красной армии и чрезвычайно осведомленными исследователями с обширным опытом

личного участия в Гражданской войне. И.И. Вацетис был советским главнокомандующим в 1918–1919 гг., Н.Е. Какурин до вступления в ряды Красной армии в 1920 г. служил в различных украинских вооруженных формированиях [2: 62–70], а позднее принял участие в завершающей фазе Гражданской войны на стороне красных.

В Красной армии Какурин, будучи преподавателем Военной академии РККА и начальником отдела по истории Гражданской войны при Штабе РККА, внёс огромный вклад в изучение истории Гражданской войны. В 1920-е – начале 1930-х гг. им был подготовлен и издан целый ряд фундаментальных трудов по этой теме, а также работ научно-популярного характера. Авторству Какурина принадлежат работы «Русско-польская кампания 1918–1920» (М., 1922), «Встречное сражение 1-й Конной и 2-й польской армий на подступах к Львову в июле и августе 1920 г.» (М., 1925), «Война с белополяками» (М., 1925, в соавторстве с В.А. Меликовым и М., 1930, без соавтора), «Как сражалась революция» (М., 1925–1926. Т. 1–2), «Стратегический очерк Гражданской войны» (М., 1926), «Борьба за Петроград в 1919 году» (М., 1928), «Восстание чехословаков и борьба с Колчаком» (М., 1928), «Гражданская война на Украине» (Харьков, 1928, в соавторстве с Р.П. Эйдеманом), «Киевская операция поляков 1920 года» (М., 1928, в соавторстве с К.Ю. Берендсом). Кроме того, Какурин опубликовал ряд военно-научных трудов, среди которых «Современная тактика» (М., 1927), «Встречный бой» (М., 1927), «Операции на отдалённых и своеобразных театрах пустыни» (М.; Л., 1930) и др.

Работа Какурина «Как сражалась революция» является до сих пор наиболее фундаментальным обобщающим трудом по военной истории Гражданской войны, а книга «Война с белополяками» – наиболее полным исследованием боевых действий Советско-польской войны. Если сравнивать книгу «Как сражалась революция» и оперативно-стратегический очерк, обращают на себя внимание текстуальные совпадения многих фрагментов этих произведений. Вместе с тем книга Какурина значительно более подробно, хотя и не охватывает всех операций Гражданской войны.

Какурин и Вацетис разделили судьбы многих представителей советской военной элиты межвоенного периода. Какурин был арестован в год выхода оперативно-стратегического очерка и умер в тюрьме в 1936 г., а Вацетис был расстрелян в 1938 г. Дополняли и редактировали работу А.С. Бубнов, С.С. Каменев, М.Н. Тухачевский, Р.П. Эйдеман. Все они, кроме умершего своей смертью Каменева, также были впоследствии репрессированы. Труд рецензировали и другие участники Гражданской войны. Исследование неоднократно перерабатывалось, уточнялось и дополнялось. Составители исполь-

зовали архивные материалы и даже свидетельства со стороны белых.

Оперативно-стратегический очерк должен был стать третьим томом труда «Гражданская война 1918–1921». Первые два тома («Боевая жизнь Красной армии» и «Военное искусство Красной армии») вышли из печати в 1928 г., тогда как выпуск третьего тома из-за доработок задержался и был осуществлён только в 1930 г. [3] Фактически он стал первой в СССР попыткой краткого системного изложения военной истории Гражданской войны. Издание носило официальный характер. Однако ценность труда ещё и в том, что он готовился до начала полномасштабной фальсификации истории Гражданской войны. Таким образом, этот очерк можно считать до некоторой степени объективным. При этом определенное искажение событий в угоду возвеличиванию личности И.В. Сталина в нём всё же присутствует. Это проявилось, в частности, в игнорировании имени создателя РККА председателя Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкого и в очернении его личности. Другим минусом очерка являлась сравнительная ограниченность привлечённой документальной базы – в тот период многие ключевые документы о Гражданской войне ещё не были опубликованы. Отметим и то, что хронологические рамки конфликта в современной историографии определяются с 1917 по 1922 г., а не с 1918 по 1921 г., как в очерке. Большим достоинством книги являлась её компактность. Фактически речь шла о сжатом изложении важнейших операций Гражданской и Советско-польской войн, сведённом в 21 главу. Кроме того, в качестве приложения давался обзор кампании РККА в Бухаре и туркестанских походов 1921–1922 гг.

Английский перевод оперативно-стратегического очерка издан к столетнему юбилею событий Гражданской войны в России. Как справедливо отметил редактор тома Ричард Харрисон, эта книга сохраняет свое научное значение по сей день, причем именно третий том трёхтомника 1928–1930 гг. наиболее значим для современного читателя.

Ричардом Харрисоном была проделана большая работа по переводу очерка с учетом специфики истории Гражданской войны, особенностей написания имён и географических названий. Более того, при переводе были устранены неточности и опечатки первого советского издания, в том числе указанные в списке опечаток в 1930 г.

К числу несомненных достоинств перевода относятся и 48 современных схем боевых действий, позволяющих наглядно представить ход ключевых операций Гражданской войны. В основе схем карты из первого издания, составленные под руководством военного специалиста РККА А.Н. де Лазари. Этот советский военный деятель был нео-

боснованно расстрелян в 1942 г. Отметим, что в английском издании очерка составителям удалось добиться большей наглядности схем, чем в издании 1930 г. При этом была сохранена и воспроизведена вся информация из первого издания.

Ещё одним достоинством перевода является то, что помимо примечаний первого издания перевод снабжен основательными комментариями редактора [1: 479–545], а также указателями (именным и предметным). Наличие современных комментариев устраняет ряд моментов, связанных с идеологической заданностью книги 1930 г. и с устареванием данных, а также делает издание полноценным инструментом для работы исследователей.

Фактически редактором проделана полномасштабная работа по научному переизданию труда 1930 г. с подробным комментированием тех мест, которые требуют пояснений, прежде всего, для англоязычной читательской аудитории. Отметим, что в России подобного комментированного переиздания этого труда не выходило.

ЛИТЕРАТУРА

1. The Russian Civil War, 1918–1921. An Operational-Strategic Sketch of the Red Army's Combat Operations / general editors: A.S. Bubnov, S.S. Kamenev, M.N. Tukhachevskii and R.P. Eideman. Further edited and translated by Richard W. Harrison. Philadelphia, Oxford: Casemate academic publishers, 2020. 564 p.

2. Ганин А.В. Украинский период биографии полковника Н.Е. Какурина // Жизнь, полная смысла. Профессор В.И. Голдин: историк, политолог, науковед, международник, путешественник. Архангельск: Лоция, 2021. С. 62–70.

3. Гражданская война 1918–1921. Т. 3: Оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной армии. М.; Л.: Госиздат, 1930. 560 с.

REFERENCES

1. Bubnov, A.S., Kamenev, S.S., Tukhachevsky, M.N. & Eideman, R.P. (eds) (2020) *The Russian Civil War, 1918–1921. An Operational-Strategic Sketch of the Red Army's Combat Operations*. Translated by R.W. Harrison. Philadelphia, Oxford: Casemate academic publishers.

2. Ganin, A.V. (2021) Ukrainskij period biografii polkovnika N.E. Kakurina [The Ukrainian period in the biography of Colonel N.E. Kakurin]. In: *Zhizn', polnaya smysla. Professor V.I. Goldin: istorik, politolog, naukoved, mezhdunarodnik, puteshestvennik* [A life full of meaning. Professor V.I. Goldin: historian, political scientist, scholar of international affairs, traveler]. Arhangelsk: Lotsiya. pp. 62-70.

3. Bubnov, A.S. et al. (eds) (1930) *Grazhdanskaya voyna 1918–1921* [The Russian Civil War, 1918–1921]. Vol. 3. Moscow; Leningrad: Gosizdat.

Ганин Андрей Владиславович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Россия).

Andrey V. Ganin – Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia).

E-mail: andrey_ganin@mail.ru

Памяти Владислава Якимовича Гросула

14 января 2022 г. ушёл из жизни Владислав Якимович Гросул, известный советский, российский и молдавский историк, доктор исторических наук, профессор, академик Международной славянской

академии, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

Владислав Якимович Гросул родился 11 февраля 1939 г. в Тирасполе в семье историка Якима Сергеевича Гросула, будущего Президента Академии наук Молдавской ССР, и преподавателя молдавского языка и литературы Ханы Соломоновны Чернец.

По окончании исторического факультета Кишинёвского государственного университета им. В.И. Ленина был принят на работу в Академию наук МССР. В 1964 г. защитил диссертацию на соискание кандидата исторических наук по теме «Реформы в Дунайских княжествах и Россия (1826–1834 гг.)» в Институте истории АН СССР, в 1976 г. – докторскую диссертацию по теме «Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859–1874 гг.)».

С 1971 г. – сотрудник Института истории СССР АН СССР (ИРИ РАН), заведующий группой общественной мысли и общественного движения. В 1988–1991 гг. – заведующий Отделом истории СССР периода капитализма. Долгие годы возглавлял профсоюзную организацию Института истории.

С 1975 по 1994 г. – член экспертного совета ВАК СССР/России. Член редакционной коллегии журнала «Отечественная история» (1990–2007).

В.Я. Гросул был профессором Государственной академии славянской культуры, членом диссертационных советов Института российской истории и Института славяноведения РАН, членом Учёного совета ИРИ РАН, научным руководителем и консультантом многочисленных кандидатских и докторских диссертаций.

В 2016 г. учёному было присвоено звание «Почётный работник науки и техники Российской Федерации».

Автор около 600 научных работ, в том числе 16 индивидуальных и 17 коллективных монографий, многочисленных статей в журналах и сборниках, один из авторов Молдавской советской энциклопедии (написал более десятка статей), Большой российской энциклопедии (восемь статей), Православной энциклопедии (почти два десятка материалов). Среди изданных монографий В.Я. Гросула: «Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20–30-е годы XIX века)» (М., 1966), «Россия и формирование румынского независимого государства» (М., 1969, в соавт. с Е.Е. Чертан), «Революционная Россия и Балканы (1874–1883 гг.)» (М., 1980); «Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации» (М., 2003); «Образование СССР (1917–1924 гг.)» (М., 2007); «Русское зарубежье в первой половине XIX в.» (М., 2008); «Общественное движение в России первой половины XIX века» (М., 2017); «Бессарабия в международных отношениях нового времени» (Кишинёв, 2018), «Молдавское движение до и после образования Румынии (1821–1866 гг.)» (Кишинёв, 2014).

В.Я. Гросул был руководителем авторского коллектива монографии «История Приднестровской Молдавской Республики» (Тирасполь, 2000–2001 гг.). Он разработал план двухтомника, привлёк авторитетных учёных к работе над ним, написал значительную часть текста и отредактировал главы, написанные другими авторами.

Он был членом редколлегии и одним из авторов трёхтомного издания «История Молдовы» (Кишинёв, 2016).

Учёный сыграл большую роль в создании приднестровской школы историков. С 2004 г. он возглавлял подготовку аспирантов-историков из числа выпускников исторического факультета ПГУ им. Т.Г. Шевченко. Были подготовлены и успешно прошли защиту в ведущих научных учреждениях России три диссертации на соискание степени кандидата исторических наук.

Владислав Якимович вёл большую общественную работу. Он был членом Президиума ЦС Общероссийской общественной организации «Российские учёные социалистической ориентации» (РУСО), где возглавлял историческую секцию.

В.Я. Гросул был награждён высшей государственной наградой Республики Молдова – орденом Республики. Он являлся лауреатом премий Ленинского комсомола, митрополита Макария, Московской городской думы, дважды был лауреатом Государственной премии ПМР.

В.Я. Гросул сотрудничал с редакцией журнала «Русин», был одним из авторов журнала.

Светлая ему память!

Редколлегия журнала «Русин»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русины

ОСНОВАН В 2005 Г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

2022. № 67

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
(г. Кишинёв, Республика Молдова)
Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)
– 412 стр.

Республика Молдова, г. Кишинёв, MD 2028, ул Миорица 1С, кв. 83
E-mail: journalrusyn@rambler.ru, info@rusin.md

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Сайты «Международный исторический журнал "Русин"»:

<http://journals.tsu.ru/rusin>

<http://journalrusin.ru>

 www.facebook.com/groups/journalrusin

 <https://vk.com/journalrusin>

 <https://t.me/journalRusin>

Подписано к печати 26.03.2022. Формат 60x90 ¹/₁₆.

Бумага офсет № 1.

Печать офсетная.

Гарнитура «PT Sans».

Тираж 250 экз.

Заказ 02/0122.

Отпечатано в типографии «Таіcom».
г. Кишинёв, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами и читателями в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор.

При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

**В 2022 году международный исторический журнал
ФОНД РУССКИЙ МИР «Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».**

ПРИХОДЯТ К ДЕДУШКЕ ДРУЗЬЯ

В. Степанов

Приходят к дедушке друзья,
Приходят в день Победы.
Люблю подолгу слушать я
Их песни и беседы.

Я не прошу их повторять
Рассказов откровенных,
Ведь повторять –
Опять терять
Товарищей военных,
Которых ищут до сих пор
Награды боевые,
Один – сержант, другой – майор,
А больше – рядовые.
Я знаю: трудно каждый год
Рассказывать сначала
О том, как армия вперед
С потерями шагала.
О том, какая там пальба,
Как в сердце метят пули...
– Судьба, – вздохнут они, –
Судьба!
А помнишь, как в июле?..

Приходят к дедушке друзья
Отпраздновать Победу.
Все меньше их...
Но верю я –
Они придут, придут...